Министерство образования и науки РФ

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ, ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей

Под научной редакцией И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана

Нижний Новгород
Красная ласточка
2019

УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4
Р32

Рецензенты:
Е.И. Кузнецова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова;
Л.П. Сидорова — кандидат философских наук, руководитель департамента социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде

Р32 Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. [Электронный ресурс]. – Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. – 355 с.
Режим доступа: http://www.philosconf.unn.ru/files/2019/11/SbornikNNGU2019.pdf

ISBN 978-5-9908655-3-2

В книгу вошли статьи участников II Всероссийской научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе», которая проходила 29 ноября – 1 декабря 2019 года в Нижегородском государственном университете имени Н.И.Лобачевского. На конференции рассматривались вопросы, связанные с философией, методологией и историей науки, философией образования, концептуальными и методологическими проблемами эпистемологии, а также новационным развитием и перспективами человека в цифровую эпоху.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-9908655-3-2 УДК 13+16 (08)
ББК Ю25+Ю52+СОя4

Книга издана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ №19-011-20119 «II Всероссийская научная Конференция «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе»).

© Красная ласточка, 2019
© Авторы статей, 2019

ЧАСТЬ 1

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

Ruser A. The revolutions postponed: scientific evidence, dominant ideologies and the defenders of status quo..... 7
Бажанов В.А. О марксистских и натуралистических предпосылках модели роста научного знания И. Лакатоса.....9
Шиповалова Л.В. Кто ответит за инновацию?.....11
Алпатов В. М. Революции и эволюции в истории науки (на материале лингвистики).....13
Черникова И. В. Идея универсальной эволюции и конвергентные процессы в современной науке.....16
Антипов Г.А. Метафора «научных революций» в эпистемологии науки.....18
Никифоров А.Л. Уильям Хьюэлл и современная философия науки.....21
Грифцова И.Н. Логика и философия науки: история и перспективы взаимодействия.....24
Князев В.Н. Особенности эпистемологии Маха и реляционное миропонимание.....26
Шишков И.З. Карл Поппер и досократики (Ксенофан, Парменид).....29
Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. «Методологическое сознание» и эпистемология истории.....31
Бекарев А.М., Пак Г.С. От научной философии к философии науки.....34
Волков Ю.К. Мировоззренческий статус научной картины мира: историческая и логическая ретроспекция.....36
Закарян М.Р., Закарян Р.М. Контекстные модификации диалектики Лосева и феноменологии Гуссерля, их значение для развития современной философии и науки.....39
Краева А.Г. Когнитивные основания искусства в зеркале концепции биокультурного со-конструктивизма: перспективы исследования.....41
Макаров А.Б. Когда заканчивается научная революция?.....44
Мануйлов В.Т. Конструктивность математического знания в истории философии математики.....46
Пономарёв А.И. Об изменении восприятия в эпоху научной революции.....50
Титов А.В. Диалектика развития математики и математической логики.....52
Шиян Т.А. Эволюция и новации в процессах формирования символьных языков арифметики, символьной алгебры и логики предикатов.....55
Хамдамов Т.В. Трансцендентальные основы в структуре термина компьютерных симуляций научных экспериментов.....57
Тульчинский Г.Л. Революция 4.0. и гуманитарное знание 60
Фахрутдинова А.З. Есть ли революции в этосе науки?.....63
Чеботарева Е.Э. Философия инженерии в России: предпосылки и перспективы.....65
Останина О.А. Зоны обмена и историческое познание.....68
Масланов Е.В. Внешние зоны обмена различных сообществ: к постановке вопроса.....71
Воронина Н.Н. Как должна строиться коммуникация науки и общества.....73
Дорожкин А.М. Наглядность в науке.....75
Жарков Е.А. Риторические компоненты научного дискурса.....78
Зубкевич Л.А. Влияние на социологические исследования ценностных ориентиров и идеалов общества (на примере исследований проблемы бедности).....80
Колесова О.В. К вопросу о ментальных характеристиках постмодернизма: философия информации.....83
Кошовец О.Б. Трансформация науки в технонауку: создание инноваций, трансдисциплинарность и эгалитаризация субъектов познания.....86
Михайлова Т.Л., Корчагина Ю.С. О правомерности введения конструкта сетевой науки, или об организационной форме технонауки.....89
Суровягин Д.П. Объяснение и редукция как методы интеграции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.....91
Ткачев А.Н. Скептицизм и проблемы определения знания.....94
Чепьюк О.Р. К вопросу об экономической гуманитарологии: социально-философские основания альтернативной модели развития экономической науки.....97
Шибаршина С.В. Science Communication в Интернет-пространстве и внешние зоны обмена.....100
Шиян А.А. Гуссерлевский проект обоснования науки: причины неудачи и перспективы развития.....102
Калинин Э.Ю. Границы и горизонты революционных трансформаций современного научно-технического, социального и духовного развития.....105
Ганичев Н.А. О причинах гетерогенности подходов к определению понятия «цифровая экономика».....108
Тимощук Е.А. Историческая перспектива феноменологии: Питер Бергер.....110
Долматов А.В. Этические и теологические идеи в «Философии индуктивных наук» Хьюэлла.....113
Игнатова Н.Ю. «Новая метафизика» как ответ на вызовы эпохи антропоцена.....115
Матушкина М.О. Метафизическое значение сущности в современном познании.....118
Баюк Д.А. Чему Шэлдон Глэшоу не научился у Игоря Тамма?.....121

Булюбаш Б.В. Бруно Понтекорво и его «переход на другую сторону»: обстоятельства и оценки.....123
Ваганов А.Г. Конец проекта «Большая советская наука»: чему учат отечественные Нобелевские премии по физике.....126
Погожина Н.Н. К проблеме истины: некоторые интерпретации в социальной эпистемологии.....128
Фейгельман А.М., Шаталов-Давыдов Д.Ю. К вопросу об онтологии science-art.....131
Опенков М.Ю. Наука, искусственный интеллект и космологические принципы.....134

ЧАСТЬ 2
НОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

Лешкевич Т.Г. Феномен цифрового отчуждения.....137
Труфанова Е.О. Перспективы человека в ситуации информационного перенасыщения.....139
Герасимова И.А. Цифровые технологии и эволюция человека.....142
Маслов В.М. Посттехногенная цивилизация: от теории к практике.....145
Кутырев В.А., Слюсарев В.В. Универсальный эволюционизм и конвергенция или полионтизм и коэволюция.....147
Малиновская Н.М. Коллекционеры революций.....150
Бабошина Е.Б. К социальной норме становления человека в культуре.....153
Булыга Н.Н. Телесность и телесная осознанность: есть ли знак равенства?.....155
Ермаков С.А. Теоретические основания благополучного пути жизни человека.....158
Тимощук А.С. Новационное развитие и перспективы человека в книге «Сова Минервы вылетает в сумерки» В.А. Кутырёва.....161
Асташова Н.Д. Деструкция исторического времени в современном городе.....163
Тяпин И.Н. Концепция цифровой экономики: методологические и социально-гуманитарные аспекты в контексте проблемы псевдорациональности.....166
Таланин В.И. Цели и методы трансгуманистической политики цифровизации.....169
Рогожникова В.Н. Перспективы развития модели человека в современной экономической теории.....171
Тарасов А.А. Менеджмент в науке и постмодернизме.....174
Бойко М.Е. Алгософия К. Э. Циолковского.....177
Волков И.Е., Волкова В.О. Арт-стратегии в нарративной практике современности.....179
Хусяинов Т.М. Виртуальное государство как форма реализации краудсорсинга.....182
Демина М.Г. Проблема неклассического субъекта в системе виртуальных отношений.....184
Кудрин Б.И. Переосмысление философии технической реальности как отражение глобальной эволюции фундаментального природного разнообразия.....187
Порозов Р.Ю. Типология репрезентаций вандального поведения в городской среде.....193
Сорокин Р.В., *Суханова Е.В.* Философия-наука-религия: перспективы современного диалога.....197
Аргамакова А.А. По другую сторону видимой цифровой реальности.....199

ЧАСТЬ 3
ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Федоров А.А. Новая философия подготовки учителя: открытое педагогическое образование будущего..... 203
Ганюшкина Е.В., Золотова М.В. Индивидуализация языкового обучения в системе высшего профессионального образования..... 206
Даниелян Н.В. «Революционные» тенденции в системе высшего образования в контексте АСТ.....208
Каминская Н.В. Виртуальная академическая мобильность студентов в сфере высшего профессионального образования..... 211
Мартынова М.Д. Стратегия развития образования в ситуации смены ценностных ожиданий молодежи: угрозы, риски и вызовы..... 214
Овчинников А.В., Половецкий С.Д. Формирование новых идеалов отечественного образования в первых политических документах советской власти..... 217
Фролов А.А., Аксёнов С.И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920-1930-е годы)..... 220
Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. Образовательное пространство как феномен философского знания.....223
Орлов Е.В. Коэволюционные процессы в образовании..... 225
Воронина И.О. Трансформация роли человека в образовании..... 228
Ситникова И.В. Концепция реформы российского образования и социальные реалии 230
Mire Amina Ali. Революция, женщины и технологическая современность..... 233

Андреев А.Л. Когда началась культурная революция? Образование и общество в последние десятилетия российской империи..... 235
Моисеев Д.С. Роль философии в актуалистской образовательной концепции Джованни Джентиле..... 238
Меттини Э. Революция как ценностнообразующая категория в воспитательной системе А.С. Макаренко..... 240
Головко С.Б., Коханова Л.А., Черешнева Ю.Е. Цифровое образование как тренд профессионального роста 243
Никитин А.П. Действие закона Кэмпбелла в системе высшего образования..... 246
Фролова М.И. Эволюция законодательства о народном образовании России в 1860-1880 годах..... 248
Бабаева А.В. Миф о равенстве полов: техники реализации в пространстве университета..... 251

ЧАСТЬ 4
ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Антипова А.Е., Нурутдинова А.Н. Динамика российской идеологии и массового сознания: либерализм и/или возврат к советским ценностям?..... 254
Бембель И.О. К вопросу периодизации современной архитектуры и критериев её оценки..... 257
Выговский Я.И. Залить страну восприятием - советская эстетическая мысль 20-х годов..... 259
Заладина М.В., Шетулова Е.Д. Осмысление революции в русской философии как диалог..... 261
Касавина Н.А. Революция как иллюзия свободы..... 263
Куприянов В.А. Идея революции в русском и западном классическом либерализме..... 266
Николаева Е.В. Фрактальная динамика культуры..... 268
Сушков В.В. Правовая культуры и особенности ее формирования..... 271
Филиппов С.И. Насилие как инструмент социальной мобильности (на материале взаимоотношений центральной власти и этносы Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.)..... 274
Думаревский Д.Б. Категория самосознания в учении о личности человека..... 277
Фоменко С.В. Контрэволюция любви: о революционных интенциях консервативной мысли в России..... 279
Хрипункова О.В. Концепция религиозной революции в культурфилософской парадигме Д.С. Мережковского..... 282

ЧАСТЬ 5
МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ТЕХНИКИ КОММУНИКАЦИИ, ТЕХНИКИ МЫШЛЕНИЯ, ТЕХНИКИ ТЕЛА

Гришечкина Н.В. Медиареальность как «зона обмена»..... 286
Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Производство знаний о прошлом в социальных сетях как проблема исторической эпистемологии..... 288
Загидуллина М.В. Гаптика как контент: #oddlysatisfying в контексте современной медиаэстетики..... 291
Фортунатов А.Н. Тактильность сетевой коммуникации в эпоху репост-модерна..... 294
Малышкин Е.В. До-коммуникативные формы распределенного знания..... 296
Очеретяный К.А. Бытие в цифре: модусы цифрового существования..... 299
Терентьева И.Н. Фото-моделирование медиареальности: что фотография может сообщить о медиа?..... 302
Кириченко В.В. Формы интерфейса и базовые топосы японских ролевых игр..... 304
Лисенкова А.А. Идентификационные стратегии в пространстве социальных сетей..... 307
Гавриленко О.В., Маркеева А.В. Социальный контроль в цифровом мире 309
Ефанов А.А. Прагматика экспансии медиатизированного мира..... 312
Степанова Н.И. Живопись в рекламе: созидание или разрушение?..... 315

ЧАСТЬ 6
ТЕКСТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЭСТЕТИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Миронова И.А. Конструирование термина в условиях междисциплинарности..... 321
Мирошниченко М.Д. Нейропоэзис и эпигенез: «… это Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит»..... 323
Родионова А.А. Новейшая поэзия в контексте цифровой текстуальности: между поэтикой и транскодингом..... 326

Колесников А.Ю., Прощин Е.Е. Анахронистичность стратегий современных поэтических сообществ в практике их репрезентации..... 328
Мартынов М.Ю. Poetic Terrorism и проблема построения сообщества..... 332
Шапиро О.А. Электронная текстовая культура как условие формирования «квантового» мышления..... 334

ЧАСТЬ 7
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «РОЛЬ БИО- И НЕЙРОХАКИНГА В СИСТЕМЕ НАУКА-ОБЩЕСТВО»

Лаврентьева С.В. Формулировка понятия сознания в рамках практик нейрохакинга по «прокачке мозгов»..... 338
Петров К.А. Биохакинг: Do-it-yourself или serious science?..... 340
Соколова Е.К. Повестка биохакинга в рунете..... 343
Филатова А.А. Что нам делать с нашим мозгом? Об идеологических основаниях нейрохакинга.....346
Шевченко С.Ю. Знание-что и знание-как в сообществах биохакеров: динамика и нормативность..... 349
Введенская Е.В. Психофармакологический аспект нейрохакинга: медико-философские проблемы..... 351

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГНОЗЫ

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00001
УДК 167

THE REVOLUTIONS POSTPONED: SCIENTIFIC EVIDENCE, DOMINANT IDEOLOGIES AND THE DEFENDERS OF STATUS QUO

Alexander Ruser
PhD in Sociology, Professor
University of Agder, Norway

Philosophy of Science has developed sophisticated models for explaining how scientific revolutions are brought about and more generally how scientists deal with facts that contradict pre-existing assumptions and theoretical concepts. Likewise historians of science and sociologists of knowledge have produced comprehensive studies on how scientific breakthroughs have spark social revolution. However, the question of why sometimes new evidence and contradicting facts aren't triggering revolution, both within science and society has received less attention. This contribution will therefore focus on "postponed" or "called-off" revolutions, focusing on the role of social factors or explaining the defense of a status quo.

Keywords: scientific revolution, research programme, evidence, ideology

РЕВОЛЮЦИЮ В СТОРОНУ: НАУЧНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ДОМИНАНТНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ЗАЩИТНИКИ СТАТУСА-КВО

Александер Рузер
PhD in Sociology, профессор
Университет Агдера, Норвегия

Философия науки разработала сложные модели для объяснения того, как происходят научные революции и, в целом, как ученые работают с фактами, противоречащими существующим предположениям и теоретическим концепциям. В свою очередь, историками науки и социологами знания был сделан существенный вклад в вопрос о влиянии прорывов в науке на социальные революции. Тем не менее, вопросу о том, почему появление новых доказательств и противоречащих фактов далеко не всегда вызывает революцию, как в науке, так и в обществе уделяется меньше внимания. Данное исследование, таким образом, посвящено проблеме «отложенных» или «отмененных» революций; при этом акцент делается на роли социальных факторов или объяснении защиты статуса-кво.

Ключевые слова: научная революция, научно-исследовательская программа, доказательство, идеология

'The prevailing emphasize on mathematical and logical rigor has given economics an internal consistency that is missing in other social sciences. But there is little value in being consistently wrong' (John Quiggin. *Zombie Economics)*

"Politicians think that if matters look difficult compromise is a good approach. Unfortunately, nature and the laws of physics cannot compromise – they are what they are" (James Hansen, *climate scientist*)

The "revolutionary potential" of scientific research has been addressed by philosophers of science and social scientist preoccupied with analyzing and understanding the forces that drive social change. Science can be a driver for revolutions – technological, social and political. As Alfred North Whitehead argued almost a century ago, scientific breakthroughs had and have a massive impact on societies: Scientific research laid the basis of unparalleled technological progress that in turn has fundamentally changed the way people live their lives, produce, communicate, travel, consume or acquire information.

But science is also the subject of revolution. Thomas Kuhns 1962 *The Structure of Scientific Revolution* is not only a classical text in the philosophy of science but corresponds with an everyday understanding of "scientific progress": Scientific development is often conceived of as a series of "breakthroughs" and "discoveries" which

change the way the scientific community and subsequently more and more people think about the world. Breakthroughs revolutionize science and science is revolutionizing societies. Scientific discoveries moved Earth from the center of the universe to a humble position in a solar system. Breakthrough theories revealed the "crown of creation", us, are nothing but more sophisticated apes.

Given their significance and magnitude it is no surprise that historians and philosophers of science focused on revolutionary events. Renowned philosophers such as Imre Lakatos and provocative rebels such as Paul Feyerabend for instance engaged with Kuhns idea and contributed substantially to our understanding of *how* scientific revolution happen. From Lakatos we can learn that the proponents of normal science, in his words the proponents of specific "research programmes" [Lakatos, 1978, p. 47] organize their theories in a way that allows them to protect their core assumptions. They aim at limiting the damage of conflicting data, inconsistencies with new findings and other shortcomings. In Lakatos' view scientific revolutions don't happen "suddenly" as a paradigmatic change but gradually as research programmes thrive or degenerate.

Moreover, Feyerabend showed that *not* all scientific revolutions can be attributed to "convincing" new evidence or "breakthroughs". In "Farewell to Reason" her argues that "[s]uccessful research does not obey general standards; it relies now on one trick, now on another, and the moves that advance it are not always known to the movers" [Feyerabend, 1987, p. 281]. Scientific revolutions, rather than being "automatically" triggered by internal discoveries are seemingly dependent on social and contextual factors.

Another problem arises, when we turn our attention to the "causes" of a potential refutation of a theory and thus the "triggers" of scientific and social innovation. Our "everyday understanding" suggests that scientific revolutions occur when new evidence, that is new facts "emerge". This new evidence, that is somehow "discovered" can contradict existing theories, proving them wrong and thus triggering change.

The problem, however is to determine *what* facts constitute sufficient evidence for paradigmatic change: "[K]nowledge is demoted to the status of mere belief, and belief promoted to that of knowledge" writes Loraine Daston [Daston, 2005, p. 1) pointing towards the fact that the epistemological status of knowledge claims can and does change. But what exactly "are" these facts that can provoke such a change of status?

As Mary Poovey (1998) has pointed out early proponents of modern science, for instance Francis Bacon, conceived of a "modern fact" as a "nugget of knowledge" that should be insulated from theoretical presuppositions [Poovey, 1998, p. 8]. These independent facts, which emerge "outside" of given theoretical paradigms or programmes are then capable of producing "cracks" in the paradigm or manage to penetrate the protective belt of a programme to fundamentally or gradually destroy the old theoretical perspective. However, as Poovey continues modern facts, understood as singular experiences cannot be understood as scientific facts if they were conceived of as independent units of knowledge: "On the one hand facts seem (and can be interpreted as being) simply the kind of deracinated particulars that Bacon claimed to value; on the other hand, facts seem, (and can be said) to exist as identifiable units only when they constitute evidence for some theory" [ibid., p. 9]. This distinction between "evident" experience and more general "evidence" point toward the "peculiarity of the modern fact" [ibid.] that is dependent on distinct theoretical perspectives.

Against this background it is surprising that so little attention has been paid to "called off" or "postponed" revolutions. While defending the status quo is understandable under the conditions of "normal" science or even if some research programmes are slowly degenerating, it becomes the more puzzling why scientists should stick to theories despite when their incapability and inconsistencies become "obvious"? Likewise, why should social change be called off despite "overwhelming" scientific evidence?

In this talk I shall focus on these odd defenses of the status quo. I will argue that "social factors" are not only the context for scientific revolutions but crucial factors in bringing them about or preventing them. I will turn to two examples to illustrate this claim: Firstly, the persistence of *neo-classical economic doctrines* in spite of their apparent refutation in the wake of the financial crises of the past 10 years is an interesting example for a non-revolution within science, in this case modern economics. Secondly, the apparent failure of "normal" climate science to spark social, political and economic change provide us with an example for a "canceled" or at least "postponed" social revolution.

Both examples demonstrate that social factors are crucial for understanding why defenders of the status quo hinder revolution within scientific disciplines and water down the social, political and economic implications of scientific research.

It is therefore indispensable to putting scientific discoveries in distinct social context to understand the dynamics and obstacles of scientific revolutions.

References

1. Daston, 2005 – *Daston L*. Scientific Error and the Ethos of Belief // Social Research. 2005. Vol.72. No 1. P. 1-28.
2. Feyerabend, 1987 – *Feyerabend P*. Farewell to Reason. L.; N.Y.: Verso, 1987. 327 p.
3. Lakatos, 1978 – *Lakatos I.* The Methodology of Scientific Research Programmes. In: Worall, J. & Currie, G. (eds.). Imre Lakatos Philosophical Papers. Volume I. Cambridge, Cambridge University Press, 1978. 250 p.
4. Poover, 1998 – *Poover M.* A History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. 436 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00002
УДК 165

О МАРКСИСТСКИХ И НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ МОДЕЛИ РОСТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И. ЛАКАТОСА[1]

Валентин Александрович Бажанов
Доктор философских наук, профессор
Ульяновский государственный университет

В докладе предпринимается попытка проанализировать природу предпосылок, которые лежат в основании модели роста научного знания И. Лакатоса. Показывается, что эти предпосылки формировались еще в венгерский период творчества ученого, а позже, в британский период развивались и переосмысливались. Марксистский концептуальный багаж последовал за ученым в Британию, где он старался его усиленно маскировать под «эвристикой» Д. Пойа, но для коллег диалектический метод Лакатоса не являлся секретом. Именно благодаря этому методу Лакатос в англо-американской философии науки сказал новое слово и открыл новое направление исследований, известное как методология научно-исследовательских программ. Вопреки убеждениям К. Поппера, Лакатос внес в англо-американскую философию науки принцип историцизма, а также распространил действие метода проб и ошибок на область математического познания, что позволяет охарактеризовать его концепцию как недетерминистический историцизм. Доклад также касается некоторых малоизвестных подробностей из жизни ученого в Венгрии и Великобритании.

Ключевые слова: И. Лакатос, К. Поппер, Д. Пойа, методология научно-исследовательских программ, диалектический метод, эвристики, гегелевская триада.

ON THE MARXIST AND NATURALISTIC PREREQUISITES OF THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE GROWTH MODEL BY I. LAKATOS

Valentin Alexandrovich Bazhanov
DSc in Philosophy, Professor
Ulyanovsk State University

We are doing best to analyze the nature of the prerequisites of scientific knowledge growth model proposed by I. Lakatos. We claim that these prerequisites goes back to the Hungarian period of the scholar's work, and later, in the British period, they were developed and essentially reassessed. Lakatos's Marxist conceptual legacy followed the scientist to Britain, where he tried to mask it carefully under the "heuristics" of D. Polya. Nevertheless, for colleagues Lakatos's dialectical method was not a secret. Largely due to this method in the Anglo-American philosophy of science, he suggested a new word and opened a new line of research, known as the methodology of scientific research programs. Contrary to the beliefs of K. Popper, Lakatos introduced the principle of historicism into the Anglo-American philosophy of science and extended the method of trial and error to the field of mathematical knowledge. This enables to characterize his conception as non-deterministic historicism. The report also covers some obscure details about the life of a scientist in Hungary and the United Kingdom.

Keywords: I. Lakatos, K. Popper, D. Polya, methodology of scientific research programs, dialectical method, heuristics, Hegel's triad.

Марксизм и позитивизм – одни из самых влиятельных и широко распространенных направлений в философии уже едва ли не полтора столетия. Хотя эти направления и энергично противостояли друг другу, являлись в определенном смысле альтернативными, но довольно активно обогащали друг друга и используемыми для своего автономного развития методами, и некоторыми ключевыми понятиями. Между ними осуществлялся своего рода перекрестный обмен такого рода концептуальными составляющими. Думается, что особое место в этом процессе занимает модель роста научного знания И. Лакатоса.

Известно, что И. Лакатос как мыслитель начинал как убежденный, даже ортодоксальный сторонник марксизма. Однако после поражения венгерского восстания 1956 года эмигрировал в Великобританию и, существенно пересмотрев свои философские воззрения, продолжил свою деятельность как (пост)позитивист, причем вошел в пантеон наиболее видных и оригинальных представителей этого направления. Оказали ли воздействие марксистские взгляды И. Лакатоса на его концепцию научно-исследовательских программ и, если да, то в какой степени и в какой форме? Ответ на вопрос о влиянии марксистского прошлого ученого на его работы британского периода, на мой взгляд, должен быть безусловно утвердительным. Какова степень этого влияния и какую форму это влияние в данном случае приняло?

[1] Работа поддерживалась грантом РФФИ 19-011-00007а.

Как на этом влиянии сказались натуралистические установки И. Лакатоса, которые стали доминирующими в британский период его творчества? На эти вопросы я предполагаю ответить в своем возможном докладе (см. также: [Бажанов, 2008; Бажанов, 2009]).

1. В венгерский период творчества И. Лакатос, как и полагалось любому человеку, стремящемуся работать в области философии, знакомился с трудами К. Маркса, В. И. Ленина и в определенной степени Гегеля (видимо, по вторичным источникам [Motterlini, 2001, p. 7]) и своего научного руководителя по кандидатской диссертации Д. Лукача. Кроме того, на Лакатоса оказали заметное влияние венгерские ученые, которые увлекались историей и философией математики (А. Сабо, Л. Кальмар и др.). Есть все основания полагать, что И. Лакатос общался и с С.А. Яновской и был в значительной мере заинтересован ее подходом к основаниям математики. В Венгрии под руководством Д. Лукача Лакатос защищает кандидатскую диссертацию, посвященную эволюции понятий в физике [Kadvany, 2001, p.288].

2. Трансформации марксистских взглядов Лакатоса способствовали репрессии, которые последовали после возвращения в Венгрию после стажировки в Москве.

3. Когда Лакатос оказался в Великобритании и в среде философов, которой марксистские идеи были глубоко чужды, он всячески старается дистанцироваться от своего концептуального марксистского багажа. Под руководством Р. Брейтуэйта пишет новую диссертацию, уже посвященную философским вопросам математики, которая состояла из пяти глав (в СССР была оперативно переведена и напечатана фактически только первая глава, причем как труд по математической логике, но которая вызвала восхищенную реакцию Г.П. Щедровицкого, опубликовавшего рецензию на изданную в СССР книгу Лакатоса «Доказательства и опровержения» [Щедровицкий, 1968]).

Уже в диссертации Лакатоса очевидна трансформация его концептуального инструментария в сторону методологического натурализма. По существу, происходит явный перенос акцентов в исследовании на внутринаучные соображения.

4. В британский период творчества Лакатос усиленно маскирует марксистский фундамент своих взглядов. Тем более, что он начинает работать в Лондонской школе экономики, на кафедре, которую возглавляет убежденный противник коммунистического наследия К. Поппер. Здесь Лакатос активно задействует завуалированные под терминологию Д. Пойа диалектические представления. Компоненты диалектического метода предстают в качестве компонентов «эвристик». Однако для коллег Лакатоса такая «маскировка» не вполне убедительна: и М. Вартофский, и П. Фейерабенд отмечали диалектические основы концепции Лакатоса и прямо говорили о нем, как скрывающемся марксисте [Kadvany, 2001, p. 6]. Между тем именно эта особенность творчества Лакатоса, использование им принципа историцизма, позволила ему совершить едва ли не переворот в англо-американской философии науки. Он внес в это направление исторический метод, который во многом был этому направлению чужд. В результате концепцию научно-исследовательских программ, описывающую механизмы роста научного знания преимущественно с натуралистических позиций, можно назвать недетерминистическим историцизмом (историзмом) ввиду того обстоятельства, что согласно Лакатосу, методология в прогрессе научных теорий играет лишь роль подсказки, а не фактора «принуждения» к реализации определенного решения [Lakatos, Feyerabend, 1999, p. 97 - 99].

5. К. Поппер обвинял диалектику в том, что, поскольку в ней допускаются противоречия, которые еще к тому же служат источниками развития, то тем самым нарушается закон (не)противоречия – один из основных законов логики. Тем самым, согласно Попперу, содержание диалектических рассуждений не могло не быть «пустым», поскольку из противоречия следует всё, что угодно. Лакатос же по вопросу о роли противоречий в развитии научного знания кардинально расходился с Поппером. Кроме того, Поппер фактически не признавал действие универсального для естественнонаучного знания метода проб и ошибок в области математики. Лакатос же на историко-научном материале фактически показал, что этот метод является универсальным и для математического познания.

6. Когда Лакатос рассуждает о том, как подбираются примеры определенных конструкций (и демонстрирует примеры из истории математики), а по отношению к ним ищутся контр(а)примеры (именно так пишет Лакатос) и в результате осмысления характера их «столкновения», «противоречия» может возникать новое математическое понятие, то невольно вспоминается гегелевская триада – тезис, антитезис, синтез. По существу, Лакатос называл диалектику эвристикой, которая, используемая в качестве метода, помогает математическому сообществу обогащать свой активный тезаурус [Larvor, 2005, p. 16].

7. Таким образом, синтез диалектического метода и натуралистических установок в интерпретации истории математики способствовали становлению методологии научно-исследовательских программ.

8. И. Лакатос трижды подавал документы на приобретение британского гражданства, но, несмотря на мировую известность, каждый раз получал отказ. Тем не менее, этот факт не препятствовал передвижениям ученого по всему миру, хотя и вызывал его непонимание и разочарование [Vajda, Worrall, 2008].

Литература

1. Бажанов, 2008 – *Бажанов В.А.* Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 147 – 157.
2. Бажанов, 2009 – *Бажанов В.А.* Неизвестный Лакатос // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XX. №2. С. 204 – 209.

3. Щедровицкий, 1968 – *Щедровицкий Г.П.* Модели новых фактов для логики // Вопросы философии. 1968. № 4. С. 154 – 158.
4. Kadvany, 2001 – *Kadvany J.* Imre Lakatos and Guises of Reason. Durham: L.: Duke University press, 2001. XVI, 378 p.
5. Lakatos, Feyerabend, 1999 – *Lakatos I., Feyerabend P.* For and Against Method / Ed. M. Motterlini. Chicago: London: The University of Chicago press. 1999. X, 451 p.
6. Larvor, 2005 – *Larvor B.* Lakatos. An Introduction. L. N.Y.: Rouldge, 2005, IX, 128 p.
7. Motterlini, 2001 – *Motterlini M.* Reconstructing Lakatos: A Reassesment of Lakatos' Epistemological Project in the Light of Lakatos Archive // Studies in History and Philosophy of Science. 2002. Vol. 33. P. 487-509.
8. Vajda, Worrall, 2008 – *Vajda Zs., Worrall J.* Private communications. London School of Economics. February, 5, 2008.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00003
УДК 001

КТО ОТВЕТИТ ЗА ИННОВАЦИЮ?[2]

Лада Владимировна Шиповалова
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

В фокусе доклада – рассмотрение концепта научно-технической революции в контексте современной проблематики ответственности за инновации. В первой части проводится сопоставление стадий первой научной и второй научно-технической революции. Обнаруживается существенные различия, связанные с тем, что в первом случае происходит последовательное приобретение научной идеей общественной значимости, а во втором общественный характер идеи сопровождает все стадии реализации инновации. Кроме того, в первом случае на каждой стадии можно выделить ответственного за инновацию субъекта. Во втором случае – принципиально распределение ответственности на каждой стадии. Во второй части доклада эта специфика ответственности в эпоху после научно-технической революции рассматривается в контексте современных исследований науки и технологий. Во-первых, демонстрируется уместность методологических установок этих исследований для обсуждения вопросов об ответственности в инновационной деятельности. Во-вторых, раскрывается проблематичная связь идеи ответственных инноваций и методологического принципа «генерализованной симметрии» акторно-сетевой теории. В завершении описываются возможные способы разрешения противоречия между стремлением философии ответственности учитывать намерений акторов и требованием акторно-сетевой теории сохранять симметрию между человеками и не-человеками.

Ключевые слова: научно-техническая революция, поворот к материальному, исследования науки и технологий, ответственность.

WHO IS RESPONSIBLE FOR INNOVATION?

Lada Vladimirovna Shipovalova
DSc in Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University

The paper focuses on the concept of the scientific-technical revolution in the context of modern issues of responsible innovation. In the first part, I compare the stages of the first scientific and second scientific-technical revolution. I find a serial objectivation of a scientific idea in the first case and the social interests accompanying all stages of the implementation of the innovation in the second. Moreover, I identify a certain actor responsible for the innovation at each stage in the first case and emphasize the distribution of responsibility at each stage in the second. In the second part, I consider the problems of responsible innovations in the context of contemporary Science and Technology studies. Firstly, I demonstrate the relevance of the methodological guidelines of STS to discuss issues of responsible innovation. Secondly, I consider the contradiction between the conceptual frame of responsible investigations and the methodological principle of “generalized symmetry” of actor-network theory.

Keywords: scientific-technical revolution, material turn, science and technology studies, responsibility.

[2] Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

Концепт научно-технической революции был введен в употребление классиком марксистской социальной истории науки Дж. Берналом в 1957 г. во втором издании работы «Наука в истории» [Teich, 2008]. Бернал полагал, что событие, обозначенное этим концептом, следует отличать от первой научной революции, определяющей преобразования внутри самой науки, открытие научного метода. Вторая научно-техническая революция характеризует изменение отношений науки и общества, проявление амбивалентных взаимосвязей развития научного знания и различных сфер общественной жизни. Именно в этот период становится очевидным, что наука существует во взаимной зависимости с техникой, определяется техническим отношением к действительности, ориентируясь на внешние для познавательной деятельности цели. Такого рода трансформация приводит к расширению поля науки, к включению в него дополнительных значимых заинтересованных акторов, общественных субъектов, обеспокоенных неоднозначным применением результатов научной деятельности, стремящихся эти результаты заказывать, контролировать, эффективно использовать.

Исследователи отмечают, что понятие «научно-технической революции» существовало в качестве конструкта и использовалось в первую очередь в идеологическом дискурсе при описании социалистического способа общественного управления, способного справиться с негативными последствиями внедрения научных открытий [Воронков, 2014]. Отчасти потому в современной литературе принято употреблять термин научно-техническое развитие. Представляется, что сохранение концепта «революция» в этом случае все же имеет значение, поскольку предоставляет дополнительные возможности анализа специфики современной инновационной деятельности, а также проблематизирует некоторые элементы методологии современных исследований науки и технологий (Science & Technology Studies – STS).

Сохранение термина «революция» при характеристике событий трансформации общественного статуса научного знания в XX в., позволяет провести содержательные параллели с первой научной революцией – событием возникновения нового знания в период XVI-XVIII вв. Историк науки Б. Коэн, анализируя событие первой революции, выделяет в нем четыре стадии [Cohen, 1987, p. 29-31]. При этом он отмечает, что революция может считаться завершенной только в том случае, если все они имели место. Среди этих стадий – 1) появление новой идеи у конкретного исследователя, 2) объективация идеи в публикации, 3) распространение и признание идеи в научном сообществе, 4) общественное применение. Различение стадий становится актуальным в сравнении, при определении специфики второй научно-технической революции.

Событие первой научной революции описывается как объективация новой идеи, последовательное придание ей общественной значимости. На различных стадиях этой объективации можно различить ответственные роли главных действующих лиц: конкретный ученый на первой, экспертное сообщество на второй и третьей, общество в целом на четвертой. В случае второй научно-технической революции следует признать, что на каждой стадии существует многообразие ответственных за инновацию субъектов как внешних, так и внутренних по отношению к научному сообществу. То, что определенная новация может быть «заказана», например, государством, не отменят творческого характера создания научной идеи ученым, однако делает ответственность разделенной уже на первой стадии.

В случае первой научной революции естественно «замирание» инновации на той или иной стадии, связанное с решением ученого не публиковать собственные результаты, с запаздыванием внимания к инновации у признающего ее научного сообщества или у использующих ее общественных субъектов. В случае второй революции границы между стадиями оказываются размытыми, поскольку общественный характер идеи, возможность ее использования, потенциальная практическая значимость зачастую предполагается уже на первой стадии и сопровождает ее на последующих. За «отсрочку» внедрения в этом случае ответственны системные провалы или организованные процедуры обсуждения и запрета.

Научно-техническая революция открывает эпоху, когда легитимация исследования через результативность становится общепринятым требованием, вызовом для научного сообщества, орудием власти для научного менеджмента, необходимостью для общества в целом. Новое знание становится тем, за что приходится отвечать уже на этапе его создания. Именно в эпоху после научно-технической революции стремление различить ответственность открывателя и изобретателя (К.Ф. Вайцзеккер) становится с одной стороны оправданным, имеющим целью ограничить ученых теоретиков от негативных оценок. С другой, различие это оказывается неизбежно относительным, поскольку почти всегда применение теоретической разработки, перевод ее в определенный технологический процесс с самого зарождения включено в программу осуществления инновации.

В контексте такой проблематики большой науки во второй половине XX в. неслучайно возникает пересечение интересов прикладной этики, общественного движения за оценку техники и за ответственные исследовательские инновации, а также STS [Grunwald, 2011]. Вопрос о социальной ответственности оказывается одним из главных в первом сборнике текстов, посвященным исследованиям науки, технологии и общества [Spiegal-Rosing, Price, 1977]. К настоящему времени STS не только широко распространяются, но и включают рефлексию собственных методологических установок [Law, 2017]. Акцент на принципе симметрии, на неустранимости социальных интересов из практик современной технонауки, понимание науки как работы с реальностью, соединение исследовательских и интерактивных методов, вовлекающих в коммуникацию различных заинтересованных участников, делает STS актуальным исследовательским проектом.

Стоит, однако, подчеркнуть один момент в методологии STS, сочетание которого с вопросом об ответственности за инновацию представляет собой проблему. Речь идет о принципе «генерализованной сим-

метрии», предполагающем равное внимание к различным заинтересованным участникам взаимодействия – людям, техническим устройствам, материальным объектам и т.п. С одной стороны, эта методологическая установка отвечает так называемому материальному повороту в социальных науках. С другой стороны, обсуждение ответственности за инновацию предполагает внимание к агентам и их намерениям в качестве краеугольного камня анализа, то есть асимметричное отношение к людям и материальным объектам [Лисанюк, Перов, 2014, с. 89]. Следует ли отбросить одну из этих сторон, для того, чтобы обеспечить непротиворечивое исследование вопроса о субъекте ответственности в современной ситуации после научно-технической революции? Можно ли трансформировать основания этих установок для их согласования? Возможные ответ на эти вопросы, представленные в докладе, имеют не только теоретическое значение, но и могут оказаться основанием практических решений.

Литература

1. Воронков, 2014 – *Воронков Ю.С.* Концепция НТР: место в истории XX века / Ю.С. Воронков // Типы управляемого взаимодействия науки и техники в XX веке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/projects/grant-rgnf-14-03-00687/Voronkov.pdf (дата обращения 5.09.2018)
2. Лисанюк, Перов, 2014 – Философия ответственности. Ред. Е.Н. Лисанюк В.Ю. Перов. СПб.: Наука, 2014. 255 с.
3. Cohen, 1987 – *Cohen I. B.* Revolution in Science. Harvard University Press, Cambridge MA, 1987. 732 p.
4. Grunwald, 2011 – *Grunwald A.* Responsible innovation: Bringing together technology assessment, applied ethics, and STS research // Enterprise and Work Innovation Studies. 2011. Vol. 7. P. 9-31.
5. Law, 2017 – *Law J.* STS as Method. // Handbook on Science and Technology Studies. Eds. U. Felt, R. Fouché, C.A. Miller, L. Smith-Doerr. 2017. MIT Press. P. 31-57.
6. Spiegal-Rosing, Price, 1977 – Science, Technology and Society: A Cross-Disciplinary Perspective. Eds. I. Spiegel-Rosing & D. de S. Price. London and Beverly Hills: Sage Publications, 1977. 607 p.
7. Teich, 2008 – *Teich M. J. D.* Bernal the Historian and the Scientific-Technical Revolution // Interdisciplinary Science Reviews. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 135–139.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00004
УДК 167; 81

РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ НАУКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИКИ)

Владимир Михайлович Алпатов
Академик РАН, доктор филологических наук, профессор
Институт языкознания РАН

История науки – не поступательное движение: это непрерывный процесс чередования периодов эволюционного развития и революционных скачков. Многие отвергнутые идеи могут возрождаться на более высоком уровне. Скорость научного развития может быть различной. Лингвистика – один из примеров. Изменения лингвистических парадигм связаны с различными подходами к нескольким ключевым проблемам. Язык может изучаться вместе с говорящими людьми или в отвлечении от них. Язык изучается как система правил или как деятельность. Периоды синхронных подходов сменяются эпохами историзма и наоборот. Европейская традиция основывалась на неосознанных психолингвистических представлениях (лингвистической интуиции). Такой антропоцентричный подход сохранялся в европейской научной лингвистике до начала XX в. Однако структурная лингвистика XX в. поставила задачу описания по образцу естественных наук в отвлечении от говорящего человека. В наше время лингвистика возвращается к антропоцентричному подходу. Обычный способ описания языков – установление систем правил. Однако В. фон Гумбольдт считал, что язык – не множество мертвых правил, а человеческая деятельность; эта точка зрения была возрождена во второй половине XX в. Н. Хомским. Первоначально лингвистическая традиция была синхронной и считала язык неизменным. Исторический метод в лингвистике появился в XVIII в., и лингвистика XIX в. была исторической. Однако Ф. де Соссюр сформулировал возращение к синхронному подходу.

Ключевые слова: история науки, развитие науки, эволюция, революция, лингвистика, система правил, деятельность, синхронный подход, исторический подход.

REVOLUTIONS AND EVOLUTIONS IN THE HISTORY OF SCIENCE (ON THE MATERIAL OF LINGUISTICS)

Vladimir Mikhailovich Alpatov
Corresponding Member of the RAS, DSc in Philology, Professor
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences

The history of sciences is not a progressive movement: it is the continuous process of interchange of periods of the evolutional development and revolutionary leaps. Many discarded ideas can revive at the higher level. The speed of the scientific development can be different. Linguistics is one of such examples. The changes of linguistic paradigms are associated with the different approaches to a number of key problems. One might investigate languages together with speakers or abstracting from them. Language is studied as a system of rules or as an activity. Periods of synchronous approaches change into epochs of historical ones and vice versa. The European tradition based on the implicit psycholinguistic notions (linguistic intuition) of speakers. Such anthropocentric approach preserved in the European scientific linguistics up to the beginning of the XX century. However the structural linguistics of the XX century put the task of the description on the pattern of natural sciences in the distraction from speakers. Nowadays the functional linguistic is returning to the anthropocentric approach. The most common method of linguistic description is to establish some systems of rules. In contrast to it, W. von Humboldt viewed language not as a set of dead rules but rather a human activity, and that viewpoint was revived by N. Chomsky in the second half of the XX century. Originally, the linguistic tradition was synchronous and considered language immutable. The historical method in linguistics appeared in the XVIII century and the linguistics of the XX century was historical. However F. de Saussure formulated the return to the synchronic approach.

Keywords: history of science, development of science, revolution, evolution, linguistics, system of rules, activity, synchronous approach, historical approach.

Процесс развития мировой науки – не поступательное движение. Известный образ спирали оказывается очень подходящим. Казалось бы, отвергнутые идеи и представления могут возрождаться на более высоком уровне, обогатившись выработанными к этому времени методами, которые могли появиться в связи с совсем иными теоретическими принципами. Развитие может идти с разной скоростью, и периоды накопления знаний в рамках сложившихся научных парадигм чередуются с полной или частичной сменой парадигм и приоритетов. Развитие науки происходит как противоборство хаоса и его упорядочение: открытие новых фактов увеличивает хаос, создание новых теорий позволяет его преодолевать.

Я рассмотрю эти процессы на материале языкознания (лингвистики); о некоторых из них я уже писал [Алпатов, 1999]. Закономерности его развития в целом соответствуют закономерностям развития других эмпирических наук, однако есть и особенности. Лингвистика изучает процессы, в конечном итоге происходящие в мозгу человека, в том числе исследователя. Один из вечных споров в истории языкознания – в том, как описывать научный объект: «извне», по образцу естественных наук, или «изнутри», с учетом существования меня самого; два подхода иногда называют соответственно системоцентричным и антропоцентричным [Рахилина, 1989]. С этим спором связан другой: изучать ли свой объект как систему правил или как деятельность. Третий вечный спор: должны ли мы считать обязательным в исследовании фактор времени, исходить из принципа историзма, или мы вправе отвлекаться от этого.

Я буду рассматривать лишь основную линию развития науки о языке, начавшуюся в античности и продолжившуюся в мировой лингвистике, хотя свои лингвистические традиции были и у некоторых других народов (об этом см. [Алпатов, 1990]).

Античная традиция окончательно сложилась в Александрии в III-II вв. до н.э. на материале древнегреческого языка. Затем в Риме она была приспособлена к латинскому языку. Традиция создавалась с практическими целями: требовалось научить этим языкам население царства Птолемеев, а затем Римской империи. Единственным достойным объектом изучения считался язык «своей» культуры: древнегреческий или латинский; эти два языка не сопоставлялись друг с другом. «Варварские» языки полноценными языками не считались и не изучались. Правильный язык считался неизменным, а те исторические изменения, которые замечались, расценивались как «порча» языка. Подход был неосознанно антропоцентричным.

Традиция после своего формирования более тысячелетия шла по эволюционному пути. Она продолжала развиваться до VI в. (итоговая латинская грамматика Присциана). Затем до XIII в. она лишь сохраняла то, что было достигнуто раньше. Последующее развитие традиции, в конечном итоге обусловившее ее превращение в науку о языке, было связано с тремя революционными скачками, происходившими в XIII-XIV, XV-XVII и XVIII вв. Первый из них связан со школой модистов, распространившейся в Европе в позднее Средневековье. Они впервые отделили науку о языке от практических нужд, поставив задачу философского обоснования фактов латинского языка. Недостатком их подхода было представление о латыни как единственном полноценном человеческом языке, поэтому каждому ее факту стремились дать философское обоснование. Второй скачок был связан с изменением политической и культурной ситуации в Европе при переходе к Новому времени. Складывались национальные государства, одним из атрибутов которых станови-

лись национальные языки; их роль возрастала за счет латыни, появились их описания. Вновь познакомились с забытым древнегреческим языком, обратили внимание на древнееврейский язык. Начало колониальной экспансии привело к знакомству с рядом языков вне Европы, появились миссионерские грамматики. Всё это в совокупности разрушило представления о единственном языке человечества – латыни. Отсюда выработалась идея сопоставления языков, поначалу синхронного; начали разграничивать единую логическую основу человеческого языка и «поверхностные» особенности отдельных языков. Это отразилось в «Грамматике Пор-Рояля» (Франция, 1660). Третий скачок был связан с появлением в XVIII в. идеи историзма. Появляются разные концепции развития языка, поначалу чисто умозрительные. Одновременно шло накопление фактов, описывалось всё большее число языков, но теоретические и конкретные исследования мало соприкасались друг с другом.

Новым скачком в развитии науки о языке считается доклад британского путешественника У. Джонса в Калькутте в 1786 г. Он показал не замеченное предшественниками большое материальное сходство санскрита с языками Европы, особенно древними. Уже через 30 лет Ф. Бопп опубликовал первую сравнительную грамматику индоевропейских языков. В течение первой половины XIX в. сформировался первый строгий лингвистический метод языкознания – сравнительно-исторический (компаративный), позволявший на основе сопоставления родственных языков реконструировать звуковой облик корней и аффиксов языков дописьменного периода. Теоретические основы подхода были сформулированы в середине века А. Шлейхером, который под влиянием дарвинизма объявил лингвистику естественной наукой. Считалось, что без обращения к истории можно лишь регистрировать факты, а их объяснение должно быть историческим. В лингвистике второй половины XIX в. и начала XX в. шла шлифовка метода, это были периоды эволюционного развития.

Наука о языке в XIX в. не сводилась к компаративистике, мало занимавшейся теорией языка; основателем философского направления в первой половине века стал В. фон Гумбольдт. Он отверг господствовавшие представления о языке как системе правил и выдвинул идею о языке как деятельности человека. Гумбольдтианское направление было менее популярно, чем компаративистика.

К концу XIX в. стал наблюдаться кризис компаративистики. Окончательно идеи о правомерности синхронного подхода к языку сформулировал в изданной посмертно в 1916 г. книге Ф. де Соссюр; ее выход ознаменовал новый революционный скачок. В центре внимания стала синхрония, был провозглашен подход к языку с системоцентричных позиций «извне». Это была программа структурализма, который определял мировое развитие лингвистики до 1960-х гг. Структуралисты с разной степенью последовательности изгоняли человека из исследования.

В рамках структурализма затем в целом шли эволюционные процессы, а в середине века и здесь обозначился кризис. Позже Н. Хомский писал об американской лингвистике 1950-х гг.: «(…) как казалось, основные проблемы в избранной области были разрешены и единственное, что оставалось, это оттачивать и совершенствовать достаточно ясные технические приемы лингвистического анализа и применять их к более широкому языковому материалу. В послевоенные годы такое настроение преобладало в большинстве крупных исследовательских центров» [Хомский, 1968/1972b, с. 13].

Сам Хомский в 1957 г. выдвинул новые идеи, и его последователи любят говорить о «хомскианской революции». Он указывал, что основанная им генеративная (порождающая) парадигма «занимается обнаружением психической реальности, лежащей в основе реального поведения» [Хомский, 1965/1972a, с. 10]. Новая парадигма опиралась на антропоцентризм, связанный с разъяснением языковой интуиции, однако он дополнялся формальным, заимствованным из математики аппаратом, позволяющим выявить строгие синтаксические правила.

Во второй половине века сложилась и иная, так называемая функциональная, парадигма. Она также исходит из антропоцентризма и на первый план выводит функционирование языка, когнитивные и коммуникативные процессы. У. Чейф выделяет области науки о языке, связанные с данной парадигмой: когнитивная лингвистика, антропологическая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, прагматика, дискурсивные исследования, корпусная лингвистика, документирование языков [Чейф, 2015, с. 60–61].

Итак, революционные и эволюционные этапы в развитии лингвистики чередуются, и такова закономерность научного развития.

Литература

1. Алпатов, 1990 – *Алпатов В.М.* О сопоставительном изучении лингвистических традиций (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания. 1990. №2. С.13–25.
2. Алпатов, 1999 – *Алпатов В.М.* Некоторые заметки по истории лингвистики // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 19–25.
3. Рахилина, 1989 – *Рахилина Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М.: Институт языкознания, 1989. С. 46–51.
4. Хомский, 1972a – *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. под ред. В.А. Звегинцева. М.: МГУ, 1972. 129 с.
5. Хомский, 1972b – *Хомский Н.* Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 126 с.

6. Чейф, 2015 – *Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 60–88.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00005
УДК 168

ИДЕЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И КОНВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Ирина Васильевна Черникова
Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются этапы развития эволюционного учения от классического эволюционизма до концепции универсальной эволюции. Анализируются понятия «эволюция», «революция», «развитие», «движение», «прогресс», «сложность». Понятие «эволюция» лежит в основе эволюционного учения и наполнялось новыми смыслами на разных этапах его развития. Переход от трансформизма к эволюционизму связан с именем Ж.-Б. Ламарка, второй этап развития эволюционного учения представлен дарвиновской теорией эволюции, третий этап – синтетической теорией эволюции, четвертый связан с концепцией глобального эволюционизма, основанной на понимании эволюции как коэволюции. Идея глобального эволюционизма отличается от классического понимания эволюции прежде всего тем, что основывается на двух аксиомах: аксиоме изменчивости и аксиоме системности. Изменчивость не противопоставляется покою, а напротив: наличие устойчивых структур, сформировавшихся в ходе эволюции, является алгоритмом формирования сложных структур. На современном этапе развития науки, который характеризуется постнеклассической парадигмой научности, происходит конвергенция естественных и гуманитарных наук, выделяются трансдисциплинарные исследования, что стало возможным, когда объектом научного познания становятся сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека, и формируется единая научная картина мира, основа которой – идея глобального (универсального) эволюционизма.

Ключевые слова: эволюция, революция, универсальный эволюционизм, развитие, сложность.

THE IDEA OF THE UNIVERSAL EVOLUTION AND CONVERGING PROCESSES IN CONTEMPORARY SCIENCE

Irina Vasilievna Chernikova
DSc in Philosophy, Professor
National Research Tomsk State University

The paper examines development stages of the evolutionary theory from classical evolutionism to the concept of universal evolution. The concepts of "evolution", "revolution", "development", "movement", "progress" and "complexity" are analyzed. The concept of "evolution" underlies the evolutionary theory and was filled with new meanings at different stages of its development. The transition from transformism to evolutionism is connected to the name of J.-B. Lamarck, the second stage of evolutionary theory is presented by the Darwinian theory of evolution, the third stage is a synthetic theory of evolution, the fourth – is related to the concept of global evolutionism, based on the understanding of evolution as co-evolution. The idea of global evolutionism differs from the classical understanding of evolution primarily by being based on two axioms: the axiom of variability and the axiom of systemacity. Variability is not opposed to quiescence, but, on the contrary, the presence of stable structures formed in the course of evolution is an algorithm for the formation of complex structures. At the present stage of science development, which is characterized by the post-non-classical paradigm of science, natural sciences and humanities are converging, transdisciplinary studies are deployed. It became possible when complex self-developing systems with humans as integral element are studied as an object of scientific knowledge, and a single scientific worldview is formed with an idea of the global (universal) evolutionism at the core of it.

Keywords: evolution, revolution, universal evolutionism, development, complexity.

Важной особенностью современного этапа развития науки является конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знаний, проявляющаяся в отказе от жесткого разделения на науки о природе и науки о культуре, науки номотетические и науки идеографические и в выявлении общих методов познания, в универсализации понятий. Например, метод интерпретации стал применяться не только в гуманитарных, но и в естественных науках, а синергетический подход, зародившийся в естествознании, используется для описа-

ния социальных, когнитивных, лингвистических процессов, изучаемых гуманитарными науками [Черникова, 2017]. Конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания обусловлена глубинными трансформациями научного мировоззрения, а именно формированием холистического, системного, экологического мировидения, основанного на идее глобального или универсального эволюционизма. Чем отличается идея универсальной (глобальной) эволюции от классического эволюционизма? Какое влияние оказала эволюционная теория, сформулированная Дарвином для объяснения развития живого, на понимание развития науки и общества?

В поиске ответов на поставленные вопросы, определимся с трактовкой используемых понятий: эволюция, революция, развитие, движение, прогресс, сложностность. Мы придерживаемся мнения, что, говоря о развитии объекта, его следует понимать как систему. Тогда развитием оказываются направленные и необратимые изменения, которые происходят под действием внутренних для данной системы взаимодействий. Не случайно классики марксизма сущность развития видели в самодвижении. Развитие также связано с ростом структурной сложности системы. Сложность или «сложностность» (это понятие используется для характеристики нелинейных процесс-систем, чтобы отличить от обыденного словоупотребления) ключевое понятие эволюционной теории. Оно широко применяется, хотя с трудом поддается определению, несмотря на многочисленные попытки [Синергетическая парадигма, 2011].

Трактовка развития как роста структурной сложности связана с такой характеристикой как прогрессивная изменчивость. Понятие «прогресс» (от лат. progressus — движение вперёд, успех) энциклопедически характеризуется как направление развития от низшего к высшему, повышение уровня организации. В рамках синергетического подхода прогрессивным считается такой путь развития системы, на котором она все более удаляется от равновесия с окружающей средой [Голубев, 2001].

Говоря о соотношении понятий «развитие» и «движение», подчеркнем, что оно не может быть выражено способом подведения одного под другое (в терминах «вид»-«род»). И «развитие», и «движение» – это философские категории и потому в равной степени универсальны. Однако, являясь онтологически одноуровневыми, в равной степени универсальными и всеобщими, категории «развитие» и «движение» гносеологически разноуровневы. Последнее означает, что «развитие» означает более высокий уровень понимания изменчивости как самодвижения в его конкретных формах.

Понятие «эволюция» (от лат. evolutio — развёртывание), применяемое в различных контекстах (в военном лексиконе – как развертывание войск в боевой порядок, в эмбриологии – как формирование организма из зародыша и т.д.) чисто этимологически понимается как «развертывание» свернутого клубка. Это понятие наиболее всего характеризует язык биологической науки, оно лежит в основе эволюционного учения и наполнялось новыми смыслами на разных этапах его развития. Переход от трансформизма к эволюционизму связан с именем Ж.-Б. Ламарка, второй этап развития эволюционного учения представлен дарвиновской теорией эволюции, третий этап – синтетической теорией эволюции, четвертый связан с концепцией глобального эволюционизма, основанной на понимании эволюции как коэволюции. Подробней различие в трактовках эволюции на разных стадиях биологической науки рассмотрим далее; здесь, сравнивая понятия «эволюция» и «развитие», отметим, что их рассматривают либо как синонимичные, либо отмечают, что первое есть естественно-научное понятие, а второе – философская категория.

Чаще всего эволюцию трактуют как одну из форм развития, противопоставляя революции и подчеркивая непрерывный и постепенный характер эволюционных изменений, в то время как революция – это скачкообразные качественные изменения. Однако, учитывая большие различия времени жизни различных систем, такое противопоставление вызывает вопросы: например, взрывообразный процесс рождения звезды, приведенный к масштабам человеческого времени, будет выглядеть как размазанный во времени процесс. Кроме того, взрывы, сальтации и мутации – привычная характеристика эволюционного процесса в биологических, геологических, космических системах. Стараясь показать многоаспектность явления, обозначаемого понятием «эволюция», А.А. Любищев отмечал, что в эволюции сочетаются прямо противоположные факторы. Он выделил основные пары антитез, в которых описал это понятие: эволюция как развертывание задатков (преформизм) и эволюция как развитие с новообразованием (эпигенез); эволюция как постепенное, непрерывное развитие и эволюция как революционное развитие, скачкообразное, прерывное; эволюция прогрессивная и эволюция регрессивная (инволюция); эволюция на основе случайных мутаций (тихогенез) и эволюция на основе твердых законов формообразования (номогенез); эволюция на основе внешних факторов (эктогенез) и эволюция на основе внутренних факторов (эндогенез) и другие антитезы [Черникова, 1987, с. 123].

Сегодня, когда эволюционный подход пронизывает все науки о природе, по выражению И.Р. Пригожина «стрела времени» проникла и в физику, актуальность анализа эволюционных воззрений только возрастает. И.Р. Пригожин видит суть эволюции в усложнении организации, определяя ее как последовательность переходов в иерархию структур всевозрастающей сложности. Идея глобального эволюционизма отличается от классического понимания эволюции прежде всего тем, что основывается на двух аксиомах: аксиоме изменчивости и аксиоме системности. Изменчивость не противопоставляется покою, а напротив, наличие устойчивых структур, сформировавшихся в ходе эволюции, является алгоритмом формирования сложных структур. Так, Герберт А. Саймон, описывая эволюционный сценарий как рост сложности структур, отметил наличие ПР-архитектуры (почти расчленимости), формирование в иерархической системе устойчивых блоков, на которые разбирается сложная система [Саймон, 2008, с. 21-27]. Эволюция в контексте глобального

эволюционизма трактуется как коэволюция, как сопряженная эволюция системы и среды.

Концепция универсальной эволюции сформировалась во второй половине XX в. Ее становлению способствовали философские идеи Г. Спенсера, А. Бергсона, А. Уайтхеда, Тейяра де Шардена, представителей естественнонаучной ветви русского космизма – А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского, но особенно, В.И. Вернадского. Основываясь на теории самоорганизации И.Р. Пригожина, в 1980 году Э. Янч предложил концепцию универсальной эволюции [Jantsch, 1980]. Сегодня это «международный институционально организованный исследовательский проект, ориентированный на интеграцию естественной и гуманитарной науки (Моисеев, Назаретян, Федорович, Christian, Spier, Chaisson, Velez, Huges-Warrington, и др.) [Назаретян, 2013, с. 269].

Сегодня концепция универсальной эволюции является той мировоззренческой платформой, на которой выстраиваются различные научные и философские проекты, связанные с прогнозированием будущего (Назаретян А.П., Малинецкий Г.Г., Панов А.Д. и др.), с моделью устойчивого развития (Моисеев Н.Н., Урсул А.Д. и др.), а также образовательные (Big History Project). Роль эволюционизма как основы современного научного мировоззрения освещается в научно-образовательных трудах [Кривицкий, 2019]; [Эволюция: космическая, биологическая, социальная, 2009].

В середине XX века представители школы историков науки К. Поппер, С. Тулмин, И. Лакатос экстраполировали многие положения и понятия эволюционной теории Дарвина на область научного знания. К. Лоренц и сторонники эволюционной эпистемологии также основываются на убеждении, что развитие знания является непосредственным продолжением эволюции живого мира, а динамика этих процессов характеризуется и универсальными законами. На современном этапе развития науки, который характеризуется постнеклассической парадигмой научности, происходит конвергенция естественных и гуманитарных наук, выделяются трансдисциплинарные исследования, что стало возможным, когда объектом научного познания становятся сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека, и формируется единая научная картина мира, основа которой идея глобального (универсального) эволюционизма.

Значение идеи универсальной эволюции для современной научной картины мира подчеркивал В.С. Степин: «универсальный эволюционизм становится доминантой синтеза знаний в современной науке. Это та стержневая идея, которая пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира, центральное место в которой начинает занимать человек» [Степин, 2006, с. 347]. Таким образом, не только становление эволюционизма, но и его трансформация от классического к глобальному (универсальному) эволюционизму повлияло как на научное мировоззрение, так и на организацию и на идеалы и нормы научного исследования.

Литература

1. Голубев, 2001 – *Голубев В.С.* Введение в синтетическую эволюционную экологию. М.: Папирус-Про. 2001. 320 с.
2. Кривицкий, 2019 – *Кривицкий Л.* Эволюционизм. Том первый: История природы и общая теория эволюции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/book.php?book=1023111 Дата обращения 06.02.2019
3. Назаретян, 2013 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Изд. МБА. 2013. 440 с.
4. Саймон, 2008 – *Саймон Г.* Структура сложности в развивающемся мире // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. М.: Наука. 2008. С. 21-27.
5. Синергетическая парадигма, 2011 – Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 496 с.
6. Степин, 2006 – *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики. 2006. 384 с.
7. Черникова, 1987 – Черникова И.В. Глобальный эволюционизм (философско-методологический анализ). Томск: Изд. ТГУ. 1987. 187 с.
8. Черникова, 2017 – *Черникова И.В.* Процедура интерпретации в современном естествознании // Вестник ТГУ. 2017. № 425. С. 105-111.
9. Эволюция: космическая, биологическая, социальная. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 368 с.
10. Jantsch, 1980 – *Jantsch E.* The self-organizing Universe: Scientific and human implications of emerging paradigm of evolution. Oxford etc.: Pergamon press, 1980. 343 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00006
УДК 167.7:001

МЕТАФОРА «НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» В ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИ

Георгий Александрович Антипов
Доктор философских наук, профессор
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Концепт «научных революций» со времён «Структуры научных революций» Томаса Куна не менее прочно вошёл в область историко-научных исследований, нежели понятие политических революций в общественную историю. Что же касается этой самой «структуры», его «прочность» значительно уступает последней в возможностях применения к анализу реальной истории науки. В то же время именно аналогия с политической революцией послужила основанием для концепции Куна в целом. Политические революции, считал он, направлены на изменение политических институтов способами, запрещаемыми сами этими институтами. В обществе, разделённом на враждующие лагеря или партии, какие-то партии стремятся отстоять старые социальные институты, другие же –установить новые. При наступлении подобной поляризации политический выход из создавшегося положения оказывается невозможным. Поскольку различные лагеря... не признают никакой надинституциональной структуры для примирения разногласий, приведших к революции, то вступающие в революционный конфликт партии должны в конце концов обратиться к средствам массового убеждения, часто включая силу («Структура научных революций»). И без какой-либо конкретизации, адаптации к реалиям научного дискурса, представленная «структура» наделяется эвристическими функциями применительно уже к анализу истории науки. Видимо здесь кроется главная прореха концепции научных революций: феномен, могущий служить лишь метафорой, получает коннотацию аналога. Когда биолог, к примеру, говорит о «прыгающих генах», он очевидно, вовсе не имеет в виду чего-то похожего на соответствующие спортивные упражнения. Не случаен поэтому сегодня тренд, акцентирующий концепт традиции и аспекты когнитивно-институционального анализа, в данном случае применительно к истории науки.

Ключевые слова: эпистемология, наука, революция, традиция, история.

ON THE METAPHOR OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS IN THE EPISTEMOLOGY OF SCIENCE

Georgy Alexandrovich Antipov
DSc in Philosophy, Professor
Novosibirsk State University of Economics and Management

The concept of “scientific revolutions”, since 'The Structure of Scientific Revolutions' by Thomas Kuhn had been published, entered the field of historical and scientific research no less firmly than the concept of political revolutions entered the field of social history. Yet, referring to the interpretation of this very “structure”, we may easily see that its “strength” is much inferior to the latter in its application to the analysis of the real history of science. At the same time, namely the analogy with political revolutions served as the basis for Kuhn's concept. According to Kuhn, political revolutions aim to change political institutions in ways that these institutions themselves are prohibiting. Society is divided into warring camps or parties; one party is trying to defend old social institutions, while others are trying to establish the new ones. When such polarization has occurred, it is impossible to find a political way out of the situation. Since the various camps do not recognise any supra-institutional structure for reconciling the differences which have led to revolution, the parties of the revolutionary conflict must eventually turn to the means of mass persuasion, often using force. The presented “structure” is endowed with heuristic functions in relation to the analysis of the history of science. Apparently, here lies the main gap in the concept of scientific revolutions: a phenomenon that can only serve as a metaphor receives the connotation of an analogue. When a biologist, for example, talks about “jumping genes”, he or she obviously does not mean anything like the corresponding sports exercises. Today it is not an accidental trend that emphasizes the concept of tradition and aspects of cognitive-institutional analysis in relation to the history of science.

Keywords: epistemology, science, revolution, tradition, history.

Научные революции, несмотря на фундаментальную внедрённость в историко-эпистемологическом дискурсе, не получили там, однако, достаточно внятного толкования. К тому же не получены, по сути, ответы на достаточно серьёзные предупреждения о «не полном служебном соответствии» данного концепта. Достаточно сослаться на Имре Лакатоса: «Благие намерения Куна – рационально объяснить рост научного знания, отталкиваясь от ошибок джастификационизма и фальсификационизма – заводят его на зыбкую почву иррационализма. С точки зрения Поппера, изменение научного знания рационально или, по крайней мере, может быть рационально реконструируемо. Этим должна заниматься логика открытия. С точки зрения Куна, изменение научного знания – от одной “парадигмы” к другой – мистическое преобразование, у которого нет, и не может быть рациональных правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры... Надо признать, что каковы ни были намерения Куна, его позиция напоминает политические лозунги идеологов “студенческой революции” или кредо религиозных фанатиков» [Лакатос, 2003, с. 11]. И если конвертировать сказанное в указание об основном направлении критического анализа куновской репрезентации научных революций, нельзя будет обойти вводимого Лакатосом различения по линии «внешнего» и «внутреннего». Как он рассуждал,

«внутренняя история» обычно определяется как духовная, интеллектуальная история, «внешняя история» – как социальная история. Неортодоксальное новое различение между «внутренней» и «внешней» историей ведёт к значительному изменению этой проблемы и может показаться догматическим. Однако представленные определения образуют жёсткое ядро некоторой историографической исследовательской программы, и их оценка является неотъемлемой частью оценки плодотворности этой программы в целом. С «ортодоксальных» же позиций Куна история исключительно концентрирует своё внимание на профессиональной деятельности членов отдельного научного сообщества... Внешняя же история рассматривает отношения между научными сообществами и культурой в целом. В число других обычных областей исследования экстерналиста включаются научные учреждения, системы образования, а также отношения между наукой и техникой. Лакатос же, полагал Кун, исключает из внутренней истории всякое рассмотрение личностных характеристик учёного, какую бы роль они не играли в выборе теории, в творческой деятельности, создающей теорию. И вот тут он делает замечание, анализ которого позволяет разобраться с сутью всей обсуждаемой коллизии. Лакатос, говорил Кун, употребляет термин «внутренний» как эквивалент термину «рациональный», из чего следует общая оценка тавтологичности метода Лакатоса. Замечу в скобках, отсюда можно вывести известный трагизм исследовательской судьбы самого Куна, пытавшегося до конца жизни создать некий opus magnum, компендий всей своей доктрины, и так его не создавшего. Дело в том, что рациональность присутствует в культуре двумя достаточно демаркированными дискурсами: собственно научным и философским. Наука, и такова её базовая позиция, ориентирует мышление «вовне» относительно мыслящего субъекта, на «объективную реальность». Всеобщим основанием науки поэтому является установка, идентифицировавшаяся всегда как материализм или натурализм. Позиция философии – рефлексия, осознание. Рефлексия есть мышление о мышлении, её ориентиром становятся смыслы, специфические формы репрезентации для человека той же «объективной реальности». Исторически позиция рефлексии находила идентификацию в понятии «идеализм». У Канта данная «развилка» представлена категориями рассудка (наука) и разума (философия). Итак, налицо две когнитивные позиции, отношение которых вполне подпадает под понятие «несоизмеримости», как его вводил Кун. А переход с одной позиции на другую вполне «соизмерим» с куновским переключением гештальта. В связи с этим показательно рассуждение Куна, взятое, правда, уже из «постструктурного» периода. «Я сидел за своим письменным столом, перечитывая “Физику” Аристотеля с цветными карандашом в руке. Погружённый в размышления, я оторвался от текста и рассеянно взглянул в окно. Внезапно обрывки мыслей в моём сознании сложились в совершенно новую картину. Я вдруг понял, что Аристотель был очень хорошим физиком, но особого рода, о котором я никогда не думал» [Кун, 2014, с. 24–25]. Нельзя, правда, считать хорошо продуманным присвоение Аристотелю квалификации «очень хорошего физика», несмотря даже на утонение про «особый род» данной «хорошести». А вот отсутствие у «отца» научных революций достаточно отчётливого понимания демаркации когнитивных позиций, присущих философии и науке, – выглядит вполне очевидным. Для рефлектирующего (философствующего) субъекта смысловые структуры и их отношения тоже приобретают статус «объективности», но особого рода. К примеру – законы формальной логики. У Платона это эйдосы, у Гегеля объективная идея, у Поппера «Третий мир». Научные исследовательские программы Лакатоса – тоже обитатели Третьего мира. Рефлексивный анализ (внутренняя позиция) разворачивается в принципиально иной онтологии, нежели онтология, присущая внешней позиции (наука). Тезис Парменида: «одно и то же мысль о предмете и предмет мысли» (явная рефлексия). Поэтому бытие Парменида – это идеальное бытие. Намечаемый тем самым подход Парменид называет «путём истины», отличая его от «пути мнения», то есть чувственного восприятия мира, которое заведомо не может дать истинного представления о нём. Структура и строение мира в элейской философии оказывается, таким образом, его логической структурой и строением. Именно это подводит элеатов к открытию законов логики, а, с другой стороны, заставляет заместить этими законами законы физического мира. Учение Парменида противостоит гераклитовскому panta rei – принципу текучести бытия. В данном отношении оно коррелируется с основной мировоззренческой установкой традиционного общества, негативно относящегося к любым изменениям, новациям. Бытие Парменида едино, неподвижно и непрерывно. Именно в такого рода бытии и живут научные исследовательские программы Лакатоса. «Мы рассмотрели, – писал он, – проблему объективной оценки научного развития, используя понятия прогрессивного и регрессивного сдвигов проблем в последовательности научных теорий. Если рассматривать наиболее значимые последовательности, имевшие место в истории науки, то видно, что они характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями. Программа складывается из методологических правил, часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика). Даже наука как таковая может рассматриваться как гигантская исследовательская программа, подчиняющаяся основному эвристическому правилу Поппера: “выдвигай гипотезы, имеющие большее эмпирическое содержание, чем у предшествующих”. Такие методологические правила, по Попперу, могут формулироваться как метафизические принципы. Например, общее правило конвенционалистов, по которому исследователь не должен допускать исключений, может быть записано как метафизический принцип: “Природа не терпит исключений”» [Лакатос, 2003, с. 7]. Очевидно, с подобной формулировкой согласился бы и сам Парменид. А вот о Куне ничего подобного сказать нельзя. Вопреки Пармениду и подобно его критикам он ориентирован на онтологию «мира по мнению»: это движе-

ние не по траекториям эпистемологии науки, а по траекториям научной рациональности. Поэтому вполне справедливыми были подозрения Лакатоса о том, что Кун попытался проектировать социологию науки, а не её философию. Что же качается «парадигмы» истории науки, он и вовсе не идёт дальше Pater historiae – Геродота. История науки по Куну это нарратив, рассказ о том, «как на самом деле было». Его же оппонент Лакатос претендовал на выработку научной исследовательской программы истории науки. Проблема соотношения вообще данных типов историографии до сих пор обсуждается в философии (методологии) историографии [Антипов, 2014]. Как справедливо отмечалось, аналогия с политической революцией служит в концепции Куна своего рода эвристикой при разработке понятия революции в науке [Традиции..., 1991, с. 4]. И в то же время эта революция трактуется как «смена понятийной сетки, через которую учёные рассматривают мир». Таким образом, «в одном флаконе» смешиваются два существенно разных подхода к анализу науки: институциональный и когнитивный. Существенно, что революция фигурирует не в качестве метафоры, а в виде полного аналога между конкурирующими политическими институтами: «Подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор меду конкурирующими парадигмами оказывается выбором между несовместимыми моделями жизни общества» [Традиции..., 1991, с. 4]. Изначально концепт научных революций получает не эпистемологическую, а аксиологическую смысловую определённость. В условиях констатированной Куном «нормальной науки» с её «задачами-головоломками» нарушение границ стандартов, восприятие таких нарушений должны были восприниматься как нечто экстраординарное. В культурной атмосфере двадцатого века метафора революции подходила на роль ценностного ориентира фундаментальной науки в наибольшей степени. Институт науки для своего воспроизводства требует, конечно, достаточно жёсткого следования образцам, но в то же время должна сохраняться альтернативная ориентация, оправдывающая выход за их круг. Но это уже область иррационального, веры.

Литература

1. Антипов, 2014 – *Антипов Г.А.* История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 42. №4. С. 124–142.
2. Кун, 2003 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ; Ермак, 2003. 365 с.
3. Кун, 2014 – *Кун Т.* После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. 443 с.
4. Лакатос, 2003 – *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. М.: АСТ; Ермак, 2003. 380 с.
5. Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991. 264 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00007
УДК 1.168.001

УИЛЬЯМ ХЬЮЭЛЛ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Александр Леонидович Никифоров
Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Шотландский философ и ученый Уильям Хьюэлл ввел термин «философия науки», определил предмет этой новой философской дисциплины и наметил пути и способы ее развития. Он создал представление о методах науки, структуре научного знания и о развитии науки, которое во многих отношениях предвосхитило концепции науки, созданные в XX в. логическим позитивизмом, К.Поппером, Т.Куном и другими представителями философии науки. Свой образ науки и ее развития Хьюэлл создавал на основе тщательного изучения истории практически всех развитых наук своего времени. Результаты своего исследования он представил в обширном труде «История индуктивных наук».

Ключевые слова: викторианская наука, философия науки, история науки, индуктивизм, эмпиризм, позитивизм.

Alexander L. Nikiforov
DSc in Philosophy, chief research fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

The Scottish philosopher and scientist William Whewell coined the notion “philosophy of science”, defined the subject of that new philosophical discipline, and outlined the ways and means of its evolution. He introduced the idea of the methods of science, the structure of scientific knowledge and the development of science. All of those had significantly anticipated the 20th century views of science suggested by logical positivists, Karl Popper, Thomas Kuhn, and other philosophers of science. Whewell’s image of science and its evolution relied on a thorough study of the history of practically all the established sciences of his time. He shared the results of his research in the extensive work ‘History of the Inductive Sciences’.

Keywords: Victorian science, philosophy of science, history of science, inductivism, empiricism, positivism

Замечательный шотландский философ и ученый Уильям Хьюэлл ввел сам термин «философия науки», определил предмет этой новой философской дисциплины и наметил пути и способы ее развития. При этом он создал представление о методах науки, структуре научного знания и о развитии науки, которое во многих отношениях предвосхитило концепции науки, созданные в XX в. логическим позитивизмом, К.Поппером, Т.Куном и другими представителями философии науки.

1. Начать с того, что свой образ науки и ее развития Хьюэлл создавал на основе тщательного изучения истории практически всех развитых наук своего времени. Результаты своего исследования он представил в обширном труде «История индуктивных наук» [Уэвелл, 1967 – 1969]. Поэтому он с полным основанием мог писать: «Выводы относительно познания и открытия, сформулированные в данной работе, опираются на последовательный и систематический обзор всей области физических наук и их истории, в то время как до сих пор философы довольствовались анализом случайных примеров, извлеченных из той или иной области науки» [Хьюэлл, 2016, с. 35].

Итак, по мысли Хьюэлла философия науки в своих построениях должна опираться на изучение наиболее развитых наук и историю их прогрессивного развития, чтобы пытаться формулировать некоторые общие принципы научного исследования. Кажется удивительным, что в последующем развитии философии науки эта мысль была отброшена и забыта. В период господства логического позитивизма философы науки занимались, в основном, логическим анализом языка науки, описанием структуры и функций научных теорий, логическими схемами верификации научных предложений и т.п., совершенно не обращаясь к истории. Поэтому уже во второй половине XX в. так свежо прозвучали слова Т. Куна о значении истории для построения теорий науки: «История, если ее рассматривать не просто как хранилище анекдотов и фактов, расположенных в хронологическом порядке, могла бы стать основой для решительной перестройки тех представлений о науке, которые сложились у нас к настоящему времени» [Кун, 2001, с. 23].

2. Познание, полагает Хьюэлл, осуществляется в результате тесного взаимодействия органов чувств с разумом. Органы чувств воспринимают внешние воздействия, порождая в нашем сознании ощущения. На эти ощущения разум налагает идеи, создавая образы вещей, их движения и взаимодействия. – «Посредством зрения, - пишет он, - мы видим различные тени, цвета и формы, но очертания, благодаря которым они разделены на объекты определенных форм, являются работой самого ума… Когда мы видим, что тело движется, мы видим, что оно движется по определенной траектории или орбите, но сама эта орбита невидима; она конструируется нашим умом. Наблюдая движение иглы к магниту, мы не видим притяжение или силу, которая производит данный эффект; но мы выводим силу благодаря наличию в нашем уме идеи причины. Такие акты мысли, такие идеи присутствуют в нашем восприятии внешних вещей… Сознание в некоторой степени и пассивно, и активно: существуют объекты вне его и способности внутри него, а именно восприятия и акты мысли» [Хьюэлл, 2016, с. 45]. Таким образом, воспринимая окружающий мир и получая ощущения в результате воздействия внешних вещей на органы чувств, человек связывает эти ощущения с помощью фундаментальных идей и получает картину мира, состоящую из вещей, их взаимоотношений, движения и т.п. Это напоминает априорные формы чувственности И.Канта, которого Хьюэлл иногда сочувственно упоминает. Но если Кант полагал, что мы ограничены миром феноменов и никогда не сможем узнать, каковы вещи сами по себе, то Хьюэлл убежден в том, что познание дает нам истинную картину окружающего мира. Он говорит об истине, об истинах науки в классическом аристотелевском смысле.

3. Хьюэлл не принадлежал к числу тех эмпириков, которые полагали, что все наше знание имеет источником чувственный опыт. Основательное знакомство с наукой показало ему, что во всех науках имеются необходимые истины. Опыт не может обосновать необходимость истины. Необходимые и универсальные истины приобретают эти свойства, будучи выражением фундаментальных идей, скрыто присутствующих в нашем разуме. – «… Необходимость и универсальность тех истин, которые являются частью нашего знания, выводится из фундаментальных идей, включенных в эти истины. Эти идеи придают форму нашему знанию и задают его границы, они руководят операциями нашего мышления, без которых пассивные чувственные впечатления не стали бы знанием. Они управляют этими операциями согласно твердым и неизменным правилам, которые могут быть выражены в ясных и четких терминах. Будучи выраженными, эти правила становятся базисом демонстративных рассуждений, посредством которых отношения необходимости, вносимые в наше знание нашими идеями, можно проследить до их следствий в самых отдаленных ветвях научной истины. Формулировки необходимых и очевидных условий, налагаемых на познание фундаментальными идеями, называются аксиомами» [Хьюэлл, 2016, с. 71 – 72].

Идеи пространства, времени и числа лежат в основании геометрии и алгебры; высшая математика требует идеи предела. Идеи причинности, материи, силы, движения лежат в основе физики. На идеи среды и внешнего существования опираются оптика, акустика, учение о теплоте. Идея полярности находит выражение в учениях об электричестве и магнетизме. Идеи элемента и соединения, субстанции и сродства образуют исходный фундамент химии. На идею симметрии опирается кристаллография. Идея сходства лежит в основе наук о живой и неживой природе и выражается в искусственных и естественных классификациях, в подразделениях на роды и виды и т.п. Центральной для биологии является идея жизни. Наконец, учение о геологической и биологической эволюции Земли опирается на идею конечной причины.

4. Таким образом, структуру знания в каждой отдельной науке Хьюэлл представляет в виде дедуктивной системы, в основе которой лежат понятия, аксиомы и определения, выражающие какое-то стороны фундаментальных идей, направляющих познание в данной области. Следствия основоположений науки соединяются с чувственным опытом, порождая новое знание. Поскольку всякое новое знание несет на себе отпечаток одних и тех же идей, оно вкладывается в уже существующую систему. Иногда новое знание заставляет нас исправить, изменить, уточнить исходные понятия и принципы, ввести новые понятия – так осуществляется процесс все более точного и полного выражения фундаментальных идей и одновременного приращения знания.

Сейчас мы говорим о гипотетико-дедуктивной теории, Хьюэлл приписывает такое строение каждой отдельной науке. Идея эмпирической проверяемости, в которой видят одну из отличительных особенностей научного знания, для Хьюэлла тривиальна: всякое знание получается лишь в результате обращения к чувственному опыту, поэтому всякое знание уже изначально эмпирически проверено. Понятия парадигмы и научного сообщества, введение которых ныне связывают с именем Т.Куна, уже присутствовали в концепции Хьюэлла, причем для него научное сообщество было не абстрактной группой людей, принимающих парадигму, а состояло из вполне конкретных личностей, с которыми он общался, работы которых знал и обсуждал.

Попперовский фаллибилизм – учение о том, что все наше знание недостоверно и содержит ошибки, - в какой-то мере уже содержался в концепции Хьюэлла. Истины естественных наук случайны, поэтому могут оказаться ошибочными. Только истины «чистых наук» - математики и логики – носят необходимый и универсальный характер. Но они являются тавтологиями или сводятся к тавтологиям. Вот так задолго до логических позитивистов Хьюэлл высказал мысль о тавтологичном характере математики и логики. Но если у логических позитивистов эти тавтологии были бессодержательными «правилами преобразования» научных высказываний, то у Хьюэлла они имеют содержание: они выражают важные особенности фундаментальных идей – пространства, времени, числа.

5. Логические позитивисты в свое время провозгласили, что существуют некие «чистые чувственные данные», и в течение нескольких лет вели дискуссии о том, можно ли выразить эти чистые данные в языке. Вот эта идея о существовании чистых, беспримесных чувственных данных в течение нескольких десятилетий в том или ином виде разделялась философами науки, поэтому работы Т.Куна и П.Фейерабенда, говорящие о «теоретической нагруженности» фактов науки, были восприняты как открывающие что-то новое.

У Хьюэлла всякое знание, всякий факт возникает в результате соединения идеи с показаниями органов чувств, поэтому у него всякий факт изначально теоретически нагружен, т.е. содержит в себе какую-то идею. Но если факт всегда содержит в себе какую-то идею, какой-то рациональный, теоретический компонент, то что мешает нам расширить понятие факта? И Хьюэлл понимает под фактом не только то, что непосредственно получено с помощью чувственного восприятия, но и просто то, что твердо установлено, что может служить базисом для последующих обобщений. «Человек, знакомый с фактом ежегодного движения Земли и отчетливо связывающий его с механической причиной, считает притяжение Солнца за факт, так же как он считает за факт действия ветра, вращающего крылья мельницы. Ни в одном из случаев он не может видеть силу; он берет ее из своих собственных идей. Таким образом, истинная теория – это факт, а факт – это знакомая теория. То, что является фактом в одном аспекте, теория в другом» [Хьюэлл, 2016, с. 56.].

Факты, так сказать, «первого» уровня устанавливаются в результате слияния чувственных впечатлений с фундаментальными идеями пространства, времени и числа. На эти факты налагаются новые понятия и принципы, дедуктивно выведенные из фундаментальных идей данной области познания. До тех пор пока эти принципы мыслятся отдельно от фактов, они рассматриваются как теории, которые могут оказаться и ложными. Но когда удается достигнуть полного согласования этих понятий и принципов с фактами, когда они входят в факты, тогда они сами становятся фактами для последующих поколений ученых.

6. Хьюэлл был знаком с трудами О.Конта и Дж.С.Милля и подвергал критике их позитивистскую направленность. Особое раздражение вызывал у него Конт, который призывал ограничиваться описанием явлений, отвечать на вопрос «как?», но не искать их причин, не пытаться отвечать на вопрос «почему?». В этом ограничении, полагал Конт, выражается характер «позитивной» науки, каждая из которых в своем развитии проходит известные три стадии – теологическую, метафизическую и позитивную. Для Хьюэлла, у которого даже простой чувственный образ несет в себе идеи пространства, времени и числа, т.е. содержит в себе теоретический – «метафизический» - элемент, все это было неприемлемо. Он высмеивает закон трех стадий Конта, показывая, что на стадии теологического воззрения на мир еще нет науки. А метафизические идеи, с его точки зрения, неустранимы из науки, поэтому никакой позитивной стадии в развитии науки нет. «Нет ни одной науки, - писал он в своей последней статье, - в которой можно было бы указать такую последовательность смены метафизического этапа позитивным. Нет науки, в которой открытие законов явлений, раз оно началось, осуществлялось бы независимо от обсуждения идей, которые должны быть названы метафизическими, если уж их как-то надо называть. Нет науки, в которой выражение законов явлений можно было бы отделить от идей, занявших свое место в науке благодаря метафизическим соображениям. Нет науки, в которой самое активное исследование идей происходило бы до или после первого открытия законов явлений» [Хьюэлл, 2017, с. 211]. Особое неприятие вызывает у него враждебное отношение Конта и Милля к метафизике, которую он считал неустранимым элементом науки. Увы, именно такое отношение к метафизике, к философии вообще постепенно стало господствующим, а Л.Витгенштейн и представители логического позитивизма вообще объявили метафизику бессмысленной и поставили задачу очистить от нее науку.

Итак, мы видим, что понимание науки У.Хьюэллом, ее структуры, ее развития, понимание им тесной связи философии науки с историей во многих отношениях превосходило те концепции науки, которые были созданы в XX веке.

Литература

1. Кун, 2001 – *Кун Т.* Структура научных революций. М., ООО «Издательство АСТ», 2001.
2. Уэвелл, 1967 – 1969 – *Уэвелл У.* История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени. В 3 т. М., 1967 – 1969.
3. Хьюэлл, 2017 – *Хьюэлл У.* Конт и позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 209-224.
4. Хьюэлл, 2016 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, основанная на их истории. М.: Кнорус, 2016.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00008
УДК 168

ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ[3]

Ирина Николаевна Грифцова
Доктор философских наук, заведующий кафедрой
Московский педагогический государственный университет

Основной целью доклада является попытка посмотреть на сегодняшнюю ситуацию в философии науки и возможные дальнейшие пути ее развития с точки зрения логики: того места, которое она занимает в философии науки, и главное, изменений в ее собственной трактовке, или, говоря другими словами, принятии того или другого образа логики. Показано, что логика была неразрывно связана с философией науки с самого начала ее конституирования в качестве новой области исследования. Практически до конца XX века доминировал формалистский образ логики; он во многом определял и философию науки, ориентированную на дедуктивные модели научного знания. Изменение образа логики, постепенный отказ от сугубо формалистского взгляда на нее произошел, по крайней мере, в двух направлениях: появлении так называемой неформальной логики и различного рода аргументативных теорий, начиная с неориторики Х. Перельмана. Неформальная логика предоставляет новые возможности именно для философии науки, поскольку предлагает свой способ структурирования и анализа рассуждения, позволяющий учесть его системный многомерный характер, а не сводить только к отношению между посылками и заключением на основании логической формы (что делает формальная логика). Кроме того, именно неформально-логическая трактовка рассуждения позволяет понять, как логика аподиктическая может рассматриваться в качестве частного случая логики аргументации. Наконец, такое новое направление в философии науки, как риторика науки – это не просто учет коммуникативной природы научного знания, а его принципиальное переосмысление с позиций логики аргументации.

Ключевые слова: философия науки, логика, образ логики, неформальная логика, риторика науки, аргументация.

LOGIC AND PHILOSOPHY OF SCIENCE: HISTORY AND INTERACTION PROSPECTS

Irina Nikolaevna Griftsova
DSc in Philosophy, Head of Department
Moscow Pedagogical State University

The paper aims to consider the current situation in the philosophy of science and possible further ways of its development from the perspective of logic. It is shown that logic was inextricably linked with the philosophy of science from the very beginning of its constitution as a new field of study. Almost until the end of the twentieth century, the formalist image of logic dominated, and in many respects it also determined the philosophy of science, focused on deductive models of scientific knowledge. The change in the image of logic, the gradual abandonment of a purely formalistic view of it occurred in at least two directions: the emergence of so-called informal logic and various kinds of argumentative theories. Informal logic provides new opportunities precisely for the philosophy of science, since it offers its own way of structuring and analyzing reasoning. It is the informal-logical in-

[3] Публикация подготовлена в рамках проекта «Риторика науки: современный подход», № 17-33-00066, поддержанного РФФИ.

terpretation of the reasoning that makes it possible to understand how apodictic logic can be considered as an instance of the logic of argumentation. Finally, such a new trend in the philosophy of science as the rhetoric of science cannot be reduced to taking into account the communicative nature of scientific knowledge. Rather, it implies a fundamental revision of such knowledge from the perspective of the logic of argumentation.

Keywords: philosophy of science, logic, image of logic, informal logic, rhetoric of science, argumentation.

Основной целью доклада является попытка посмотреть на сегодняшнюю ситуацию в философии науки и возможные дальнейшие пути ее развития с точки зрения логики: того места, которое она занимает в философии науки, и главное, изменений в ее собственной трактовке, или, говоря другими словами, принятии того или другого образа логики.

Хорошо известно, сколь существенную роль сыграла логика в самом конституировании такой новой области исследования, как философия науки. В системах и Д.С. Милля, и переоткрытого у нас сегодня У. Хьюэлла [Хьюэлл, 2016] логика занимает видные позиции. Это относится не только к философии науки, но и к философии в целом. В истории философии представлены на этот счет самые разные позиции: логику называли органоном наук, пропедевтикой, «ключом к метафизике» (Б. Рассел), наоборот, выступали против господства логики в метафизике (М. Хайдеггер). Такие разные оценки роли логики основывались на определенных представлениях философов и ученых о том, чем и как должна заниматься логика – я это называю образом логики [Грифцова, 2000]. Совершенно аналогичная ситуация, на мой взгляд, складывалась и продолжает складываться и в философии науки. Поскольку наука немыслима без понятий обоснования, доказательства, опровержения, рассуждения, понятийного аппарата и многих других логических по своей сути понятий, то она немыслима и без логики (так, согласно А. Тарскому логика является теоретической дисциплиной, анализирующей «смысл понятий, общих всем наукам»). Вопрос заключается лишь в том, чтобы определить, какая логика соответствует тому или иному этапу в развитии философии науки. А если быть еще боле точным, то, скорее всего, это процесс их взаимодействия и взаимовлияния.

Золотым веком логики назвал XX век Георг фон Вригт. В своем докладе «Логика и философия в XX веке» он высказывает мысль о том, что «именно логика была отличительным признаком философии нашей эпохи». И неожиданным после этого оказывается его прогноз относительно дальнейшей судьбы логики: «...мне кажется маловероятным, что логика будет продолжать играть ту решающую роль в целостной философской картине эпохи, которую она играла в нашем столетии…» [Вригт, 1992, с. 89].

Опять-таки, как хорошо известно, философия науки в первой трети двадцатого столетия складывается с непосредственным участием логики – формальной логики в ее формализованном варианте, что отразилось и в самом названии основного направления в философии науки – логический позитивизм, или логический эмпиризм. Здесь необходимо подчеркнуть, что речь идет об определенном образе логики, который можно назвать формалистским и который сформировался под влиянием, в частности, идей Г. Фреге. Этот образ уточнялся благодаря трудам Б. Рассела и А. Уайтхеда, А. Тарского, Д. Гильберта. Так, логика отождествляется Гильбертом с дедуктивной, аксиоматической логикой, а ценность знания определяется, в первую очередь, наличием в нем «понятийной дедукции».

Этот образ логики, несмотря на появление многих других направлений ее развития, остался доминирующим практически до конца XX века.

Что же происходит с этой тесно связанной парой «логика – философия науки» сегодня, в XXI веке?

Изменение образа логики, постепенный отказ от сугубо формалистского взгляда на нее произошел, по крайней мере, в двух направлениях: появлении так называемой неформальной логики и различного рода аргументативных теорий, начиная с неориторики Х. Перельмана.

Неформальная логика, которая появилась сначала в виде движения среди преподавателей логики, учебной дисциплины и только потом концепции, привела в результате и к появлению так называемой неформальной философии науки (М. Финокьяро). Ее философско-методологической предпосылкой можно считать идеи так называемой «гибкой рациональности» Ст. Тулмина, зависимости самих стандартов рациональности от самых разных контекстов [Тулмин, 1984]. Как только мы обратимся к этим контекстам, мы увидим, что используемые в них рассуждения не строятся в соответствии со строгими стандартами дедуктивной и даже индуктивной логики, а основанные на этих рассуждениях способы обоснования не являются доказательствами в строгом смысле этого слова. Они превращаются в аргументативные построения, в которых допускается использование самых различных приемов, ведущих к успешному решению главной задачи аргументации – убеждению адресата аргументации. Однако при таком подходе теория аргументации фактически совпадает с риторикой, понимаемой как изучающую способы убеждения с помощью речи, а в еще более радикальном варианте – как философию речи.

Если в формалистском варианте логики ее центральное понятие рассуждения понималось строгим образом, как независимая от субъекта логическая процедура, соответствующая одному строго заданному стандарту, то и философия науки, базирующаяся на таким образом понимаемой логике, отдавала предпочтение устоявшимся способам доказательства и рассуждения, ставя на первое место дедуктивные рассуждения. При этом риторическая составляющая науки, если и принималась во внимание, то лишь как внешняя «упаковка», которая необходима в случае достижения эффективности подачи научного материала.

«Риторический поворот» в философии науки в таком случае можно связать с изменением образа логики, одним из вариантов которого стало как раз появление неформальной логики. Согласно А.П. Огурцову [Огурцов, 2005], можно говорить о двух принципиально разных подходах к статусу риторики науки. В первом случае мы исходим из сложившегося еще в античности противопоставления знания и мнения, строгой теоретической логики и логики аргументации, логики практической. Строгое доказательство «закрепляется» тогда в качестве обязательного за определенными научными дисциплинами (чаще всего, математизированным естествознанием), которые противопоставляются наукам нестрогим, которые используют способы обоснования, близкие тем, что распространены в различных сферах социальной и обыденной жизни. Такая позиция по-прежнему лишает риторику науки самостоятельного статуса. Второй подход приводит к пересмотру самого понятия логического, трактовке логики аргументации как более общей, а логики аподиктической – как ее частного случая. Риторика здесь оказывается имманентно встроенной в «тело» науки; риторика науки становится неотъемлемой частью философии науки.

При втором подходе «те универсальные логические нормы и стандарты, которые выявлялись в логике и методологии науки, те универсальные нормы этоса науки, в которых усматривали критерии научного сообщества, будут осмыслены принципиально иначе… Аподиктическая логика – аналитика оказывается превращенной формой топики как теории аргументации, имеющей дело лишь с одной процедурой следования из всеобщих и необходимых пропозиций…» [Огурцов, 2005, с. 72].

Использование рассуждения с целью аргументации принципиально меняет и его трактовку. Рассуждение в неформальной логике анализируется по другой схеме, учитывающей не только его внутреннюю структуру, строение и способ связи его посылок, но и субъекта и адресата рассуждения, его контекст и выраженность в естественном языке с присущими ему многозначностью, неопределенностью, незавершенностью. Эта схема представляется мне наиболее адекватной представлению коммуникативного характера научного знания. Тем самым неформальная логика предоставляет новые возможности именно для философии науки. Иногда неформальную логику даже называют прикладной эпистемологией [Грифцова, 2013]. Кроме того, именно неформально-логическая трактовка рассуждения позволяет понять, как логика аподиктическая может рассматриваться в качестве частного случая логики аргументации.

При этом следует подчеркнуть, что риторика науки [Gross, 1996; Harris, 2013] – это не просто учет коммуникативной природы научного знания, а это принципиальное его переосмысление с позиций логики аргументации.

Литература

1. Вригт фон, 1992 – *Вригт фон Г.Х.* Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80–91.
2. Грифцова, 2000 – *Грифцова И.Н.* Понятие «образ логики» и его методологическая роль // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 302–304.
3. Грифцова, 2013 – *Грифцова И.Н.* О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. С. 251–257.
4. Огурцов, 2005 – *Огурцов А.П.* От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. Москва: ИФ РАН, 2005. С. 54–78.
5. Тулмин, 1984 – *Тулмин С.* Человеческое понимание. М.: Изд-во Прогресс, 1984. 328 с.
6. Хьюэлл, 2016 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, основанная на их истории. Т. 1. М.: Кнорус, 2016. 501 с.
7. Gross, 1996 – *Gross A.G.* The Rhetoric of Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 286 p.
8. Harris, 2013 – *Harris R.A.* The Rhetoric of Science meets the Science of Rhetoric // Poroi 9. 2013. Iss. 1: Article 8. P. 1–10.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00009
УДК 001.53

ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ МАХА И РЕЛЯЦИОННОЕ МИРОПОНИМАНИЕ

Виктор Николаевич Князев
Доктор философских наук, профессор
Московский педагогический государственный университет

Рассматривается влияние особенностей мировоззренческих и эпистемологических взглядов Маха на формирование реляционного взгляда на мир. Развивая идеи Лейбница, Мах расшатывал устои ньютоновских представлений об абсолютном. Физика XX века пришла к развитию трех взаимно дополнительных типов миропонимания. В рамках теоретико-полевого миропонимания раскрывается отличный от философского подход к природе пространства-времени на основе взаимосвязи категории пространства-времени и понятия единого поля.

В геометрическом миропонимании вводится категория, объединяющая пространство-время с категорией полей переносчиков взаимодействий, а не только самих частиц или их категорий. Реляционный подход к природе пространства-времени соответствует реляционному миропониманию как способу описания отношений между событиями материального мира. В рамках единого формализма реляционной концепции к настоящему времени получен ряд серьёзных результатов: важнейший из них – оригинальный вывод структуры пространства-времени с тремя пространственными и одной временной координатой. Эпистемологическая позиция Маха сыграла важную роль в развитии релятивистской физики и еще более коррелирует с современной разработкой реляционного миропонимания. Есть надежды, что реляционный подход не только дополнит два других, но в ряде вопросов будет на самых авангардных позициях.

Ключевые слова: эпистемология, Мах, реляционное миропонимание, Эйнштейн, Владимиров, теоретико-полевая парадигма, геометрический подход.

FEATURES OF THE EPISTEMOLOGY MACH AND RELATIONAL UNDERSTANDING OF THE WORLD

Victor Nikolaevich Knyazev
DSc in Philosophy, Professor
Moscow State Pedagogical University

The article analyzes the influence of the features of Mach's world view and epistemological views on the formation of a relational view of the world. Developing the ideas of Leibniz, Mach was shaking the foundations of the Newtonian ideas of the absolute. The physics of the twentieth century came to the development of three mutually additional types of understanding the world. In the framework of field-theoretical world-view, there reveals an approach to the nature, which is different from philosophical approach to the nature, that is based on interrelation of the category of space-time and the concept of a single field. In the geometric understanding of the world, a category is introduced that combines space-time with the category of fields of interaction carriers, and not just the particles themselves or their categories. The relational approach to the nature of space-time corresponds to the relational world outlook as a way of describing relations between the events of the material world. Within the framework of the unified formalism of the relational concept, a number of serious results have been obtained to date: the most important of them is the original derivation of the space-time structure with three space coordinates and one time coordinate. Mach's epistemological position has played an important role in the development of relativistic physics and is even more correlated with the modern development of a relational worldview. There are hopes that the relational approach will not only complement the other two, but on a number of issues will be on the most avant-garde positions.

Keywords: epistemology, Mach, relational outlook, Einstein, Vladimirov, field-theoretical paradigm, geometric approach.

Знаменитый физик Эрнст Мах проявил себя в творчестве как очень разносторонний оригинальный исследователь. В целом взгляды Маха можно оценить как вполне достойные своего времени. Профессиональные интересы Маха в большей степени сконцентрированы на оптике, акустике и механике. В этих направлениях знаний он был на самых передовых рубежах современной ему науки. Что касается его мировоззрения, то оно содержало в себе два компонента: естественнонаучный реализм, выраженный в признании природных процессов как физических и физиологических явлений, и эмпириокритицизм, приведший к идеям субъективного идеализма. Всем хорошо известна ленинская критика его философских воззрений, которая в определенных моментах справедлива, а в других – чрезвычайно тенденциозна. С другой стороны, его критика абсолютного пространства и времени Ньютона была замечательным предвестием релятивистской физики.

С моей точки зрения философско-мировоззренческая позиция любого ученого не столь важна в сравнении с его научным творчеством и результатами. Здесь вспомним слова А. Эйнштейна об ученых: «Как человек, пытающийся описать мир, не зависящий от актов восприятия, он (ученый) кажется реалистом. Как человек, считающий свои понятия и теории свободными (не выводимыми логическим путем из эмпирических данных) творениями человеческого разума, он кажется идеалистом. Как человек, считающий свои понятия и теории обоснованными лишь в той степени, в которой они позволяют логически интерпретировать соотношения между чувственными восприятиями, он является позитивистом. Он может показаться точно так же и платоником, и пифагорейцем, ибо он считает логическую простоту непреложным и эффективным средством своих исследований» [Эйнштейн, 1965б, с.311]. Я солидарен с Эйнштейном: нельзя от человека (известного ученого) требовать обязательного монизма его мировоззрения. Человек и его сознание – бесконечно сложный феномен. Его мировоззренческие взгляды, будучи личностными, еще и историчны. Ничего страшного нет в том, что Мах, занимавшийся оптикой и акустикой, увлекшись физиологией и психологией слухового и зрительного восприятия, несколько абсолютизировал роль человеческих ощущений. В этом отношении его взгляды чаще называют субъективно-идеалистическими, а реже нейтральным монизмом

(в силу его концепции ощущений как нейтральных элементов мира).

Становление и развитие науки само по себе многолико: ее эволюция нелинейна, она то ускоряется, то замедляется, идеи и представления то проясняются, то как бы ускользают. В этом отношении можно согласиться с рассуждением Э. Маха: «История науки показывает, что новое, правильное познание, покоящееся на верных основах, может то больше, то меньше затемняться, может выступать в односторонней, неполной форме, для одной группы исследователей даже совершенно исчезнуть и потом снова возродиться. Однократного нахождения и провозглашения какого-нибудь познания бывает недостаточно. Часто проходят годы и даже столетия, пока общее мышление разовьется настолько, чтобы оно могло стать общим достоянием и укрепиться» [Мах, 2003, с. 370–371].

Развитие физики от этапа классической науки (до XX века) к ее сегодняшнему состоянию сопровождалось «кристаллизацией» представлений о ее трех важнейших категориях: частиц, полей переносчиков взаимодействий и пространственно-временных отношениях. При всем многообразии конкретных авторских подходов к исследованию физической реальности можно согласиться с Ю.С. Владимировым о достаточно выраженном наличии трех важнейших парадигм фундаментальной теоретической физики – теоретико-полевой, геометрической и реляционной. Общепризнанно, что магистральным развитием физики XX века была теоретико-полевая парадигма, основывающаяся на идеях и принципах последовательно: квантовой механики, квантовой теории поля и теории суперструн (М-теории). В силу значимости общей теории относительности и вторая – геометрическая – парадигма имела в XX веке существенный вес. Более маргинальными выглядели идеи реляционной парадигмы, связанные с представлениями Г. Лейбница, Э. Маха и взглядами А.Д. Фоккера и Р. Фейнмана на «action at a distance» в корреляции с фейнмановской интерпретацией квантовой теории на основе диаграммной техники.

Ныне активно развивается реляционное миропонимание – реляционная парадигма в современной физике. В отличие от геометрической парадигмы здесь дается трактовка природы пространства и времени с реляционных позиций, т. е. как отношения. В рамках этого подхода реализуются идеи теории физических структур, обсуждается альтернатива близкодействия и дальнодействия в аспекте приоритета последнего, физический смысл принципа Маха в релятивистской физике, трактовка геометрии через понятие «расстояния».

Принцип Маха сыграл значительную роль в развитии релятивистской физики и ее современного переосмысления. Идеи Маха, - пишет Ю.С. Владимиров, – «были возведены в ранг принципа А. Эйнштейном в 1919 году. Он писал: «Принцип Маха: G-поле полностью определено массами тел. Масса и энергия, согласно следствиям специальной теории относительности, представляют собой одно и то же; формально энергия описывается симметричным тензором энергии: это означает, что G-поле обуславливается и определяется тензором энергии материи» [Эйнштейн, 1965а, с.613]. В примечании Эйнштейн разъясняет: «Название “принцип Маха” выбрано потому, что этот принцип является обобщением требования Маха, что инерция должна сводиться к взаимодействию тел» [Владимиров, 2016а, с.83].

О значимости принципа Маха свидетельствует разработка реляционного описания физических взаимодействий на базе теории бинарных систем комплексных отношений – бинарной геометрофизики. В термин «бинарная геометрофизика» заложено, во-первых, то, что теория опирается на бинарные структуры, которые, по сути, представляют собой своеобразные бинарные геометрии, и, во-вторых, сами эти геометрии предлагается положить в фундамент физики и теории физического пространства-времени [Владимиров, 1996, с. 18]. В основаниях этой теории лежат обобщения базовых представлений современной физики. Первое, в основе мира положены первичные элементы, фундаментальные объекты (проточастицы), которые находятся в отношениях друг к другу. Отношение есть то, что как-то объединяет вещи, свойства или стороны реальности, или, наоборот, разъединяет их (отношение изолированности, обособленности). В рамках единого формализма реляционной концепции к настоящему времени получен ряд серьёзных результатов: важнейший из них – оригинальный вывод структуры пространства-времени с тремя пространственными и одной временной координатой. При этом понятия пространства и времени входят в структуру физической теории через посредство хроногеометрической модели, представляющей собой концептуальное геометрическое пространство, являющееся инвариантом соответствующих преобразований. Эти понятия лежат в основе идеальной модели природы, включающей в себя наиболее общие понятия, принципы и гипотезы физики и характеризующей определённый исторический этап её развития. Онтологический же статус, связанный с основными смысловыми свойствами реальности, хроногеометрическая модель получает путём сопоставления данной объектной области с другой, уже интерпретированной и экспериментально проверенной физической теорией. Согласно реляционному подходу, классически-релятивистское пространство-время (четырёхмерное пространство-время Минковского) – это особый вид отношений, которые моделируют связи материальных объектов.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что эпистемологическая позиция Маха, связанная с принципиальной критикой ньютоновного абсолютного пространства и времени, сыграла важную роль в развитии релятивистской физики и еще более коррелирует с современной разработкой реляционного миропонимания.

Литература

1. Владимиров, 1996 – *Владимиров Ю.С.* Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий.

Часть 1. Теория систем отношений. М.: Изд-во МГУ, 1996. 262 с.
2. Владимиров, 2016а – *Владимиров Ю.С.* Принцип Маха и космология // Метафизика. 2016. № 1 (19) С.80-95.
3. Владимиров, 2016б – *Владимиров Ю.С.* Реляционная концепция Лейбница-Маха // Метафизика. 2016. № 3 (21). С. 69-85.
4. Мах, 2003 – *Мах Э.* Познание и заблуждение. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
5. Эйнштейн, 1965а – *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр. в 4-х т. Т.1. М.: Наука, 1965. 700 с.
6. Эйнштейн, 1965б – *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр. в 4-х т. Т.4. М.: Наука, 1965. 598 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00010
УДК 165.9

К. ПОППЕР И ДОСОКРАТИКИ (КСЕНОФАН, ПАРМЕНИД)

Иван Захарович Шишков
Доктор философских наук, профессор
Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова

В статье предпринята попытка осуществить реконструкцию попперовской интерпретации философских и научных идей Ксенофана и Парменида с целью обосновать вывод о том, что именно знакомство Поппера в юности с древнегреческой мыслью досократиков в лице прежде всего Ксенофана и Парменида оказалось определяющим в формировании критицистской методологической парадигмы и в целом философии КР. Оригинальная философская и научная мысль досократиков явилась для Поппера неисчерпаемым источником, из которого он брал все богатство своих мыслей на протяжении всей своей творческой жизни. Его длительные штудии досократической мысли позволили ему прийти к выводу о том, что истоки большинства фундаментальных идей как классической, так и современной науки восходят не только к ранней греческой философии и науке, но и к мифотворчеству древних. В частности, наука Коперника, Галилея, Кеплера Ньютона была дальнейшим развитием космологии греков, а переход от донаучных мифов к науке стал возможным в силу нового отношения к мифам: в силу критического отношения к ним.

Ключевые слова: Ксенофан, Парменид, досократики, миф, критика, истина, «путь истины», «путь мнения», знание - предположение, правдоподобность.

K. POPPER AND THE PRESOCRATICS (XENOPHANES, PARMENIDES)

Ivan Zakcharovich Shishkov
DSc in Philosophy, Professor
Pirogov Russian National Research Medical University

The article attempts to reconstruct Popper's interpretation of the philosophical and scientific ideas of Xenophanes and Parmenides in order to substantiate the conclusion that it was Popper's acquaintance in his youth with the ancient Greek presocratic thought represented by Xenophanes and Parmenides that was decisive in the formation of a critical methodological paradigm and in general philosophy of K.R. The original philosophical and scientific thought of the presocratics was for Popper an inexhaustible source from which he drew all the wealth of his thoughts throughout his creative life. His lengthy studies of the presocratic thought allowed him to come to the crucial conclusion that the origins of most fundamental ideas of both classical and modern science go back not only to early Greek philosophy and science, but also to the myth-making of the ancients. In particular Popper inferred that the science of Copernicus, Galileo, Kepler, Newton was a further development of the cosmology of the Greeks, and also that the transition from prescientific myths to science became possible due to the new attitude to myths: because of the critical attitude to them.

Keywords: Xenophanes, Parmenides, presocratics, myth, criticism, truth, «the way of truth», «the way of opinion», conjectural knowledge, truthlikeness.

Выдающегося философа науки К. Поппера досократовская Греция привлекала с юности. Великие досократики были жизненной темой его творчества. Пристальный интерес к ним можно объяснить тем, что основным источником фундаментальных научных идей он считал метафизические представления древних, в частности, мифы. Самые старые научные теории построены на мифах. Например, «создание коперниканской системы было стимулировано… культом Солнца, которое должно было находиться в "центре" вследствие своего благородства» [Поппер, 2004, с. 429], а идею космической симметрии можно найти в «Теогонии» Гесиода, в теории Анаксимандра о форме и положении Земли. По Попперу, эта спекулятивная теория явилась революционной и весьма оригинальной в истории человеческой мысли. Она проложила путь к тео-

рии Аристарха Самосского и Коперника, а также предвосхитила ньютоновскую идею силы тяготения [Popper, 2016, p.35]. В целом же, заключает Поппер, «наша западная цивилизация, базирующаяся на науке, есть цивилизация, восходящая к науке Коперника, Галилея, Кеплера и Ньютона. Сама же наука Коперника, Галилея, Кеплера и Ньютона была дальнейшим развитием космологии греков» [Popper, 2016, p.175].

По Попперу, переход от мифов к науке стал возможным не столько в силу замены мифов чем-то более «научным», сколько в силу нового отношения к мифам: «на месте догматической передачи учения…мы обнаруживаем критическое обсуждение передаваемого учения» [Поппер, 2002, с.325]. Такое критическое отношение Поппер связывает с рождением на рубеже VI и V вв. до н.э. культуры критики. Её рождение – одна из величайших революций человечества, давшей начало греческой философии, в которой «сомнение и критика теперь становятся частью традиции философской школы» [Поппер, 2002, с.325]. Подтверждение тому – милетская школа, в которой ученики преднамеренно расходились со своими учителями. Фалес сам призывал своих учеников критиковать его теорию, и они фактически превратили его критическую установку в новую традицию. Все достижения милетцев в области космологии, послужившие основой дальнейшего развития науки, – это результат применения критического метода к мифотворчеству. Примечательным примером критической дискуссии досократиков Поппер считает историю проблемы всеобщего изменения как центральной проблемы древнегреческой космологии.

По Попперу, теоретическая основа критической установки – это идея, согласно которой «... знание в классическом смысле как достоверное знание... невозможно. Мы должны довольствоваться лишь предположительным знанием...» [Popper, 2016a, p.49]. Этой точке зрения следовал уже Ксенофан. Поппер привлекает внимание читателя к двум его фрагментам:

(1) «Истины точной никто не узрел и никто не узнает….
... во всём лишь догадка бывает» [Фрагменты, 1989, с.173].
(2) «Боги отнюдь не открыли смертным всего изначально,
но постепенно..., ища, лучшее изобретают» [Фрагменты, 1989, с.172].

Эти два фрагмента он интерпретирует в следующих двух тезисах: 1) не существует критерия истины; 2) существует рациональный критерий прогресса в поиске истины [Popper, 2016a, p.50]. Такой рациональный критерий – наука как критическая деятельность. Эта ксенофанова теория истины тесно связана с идеей погрешимости знания. Примечательно в этом отношении понимание бога Ксенофаном: подвергая критике Гомера и Гесиода, он даёт своё толкование бога, которое есть не более как предположение. Затем, как полагает Поппер, Ксенофан обобщает предположение, превращая его в основу своей критической теории познания.

(2) фрагмент содержит нечто большее, чем просто теорию недостоверности знания. Он – суть теории объективной истины, так как по Попперу, данный фрагмент учит тому, что то, о чем мы говорим, может быть истиной независимо от того, знает ли кто-то другой, что это есть истина.

Кроме того, данный фрагмент содержит и другую важную теорию. Он указывает на различие между объективной истиной и субъективной достоверностью знания. По этому поводу Поппер пишет: «Этот фрагмент говорит, что я, даже если провозглашаю самую совершенную истину, не могу никогда знать эту истину с достоверностью, поскольку не существует никакого непогрешимого критерия истины: мы никогда, или почти никогда, не можем быть полностью уверенными в том, что не заблуждаемся» [Popper, 2016a, p.220].

В этом же фрагменте Поппер усматривает предвосхищение Ксенофаном теории правдоподобной истины и различия между степенью правдоподобности и достоверности. Именно он первым употребил слово «eoikota» в значении «похожий на истину» или «подобный истине». В 35 фрагменте Ксенофана читаем: «Пусть это считается правдоподобным!» [Досократики, 1999, с. 226].

Обобщая ксенофанову теорию познания, Поппер выделяет следующие её важные положения: 1) знание состоит из суждений; 2) суждения являются истинными или ложными; 3) истина объективна: она есть соответствие суждений фактам; 4) даже если мы выражаем самую полную истину, не можем этого знать с достоверностью; 5) так как если «знание» в полном смысле слова есть «достоверное» знание, то из (4) следует, что нет никакого знания, а есть лишь знание-предположение; 5) наше предположительное знание может прогрессировать к лучшему; 6) лучшее знание – наибольшее приближение к истине; 7) однако оно всегда остается предположительным знанием [Popper, 2016a, p.221].

Ксенофаново различение объективной истины и субъективной достоверности – это ядро его теории истины. «Истину не следует смешивать с достоверностью или достоверным знанием» [Popper, 2016a, p.221], – к такому основному выводу приходит Поппер в ходе анализа гносеологических фрагментов Ксенофана.

Что касается влияния Парменида на становление Поппера как мыслителя, то оно прослеживается уже в юности, когда он в 16 лет впервые прочитал очаровавшую его поэму великого досократика. Это чтение оказалось судьбоносным для него, оно научило, по его словам, «иными глазами смотреть на Селену (Луну) и Гелиос (Солнце). Парменид открыл мне глаза на поэтическую красоту Земли и усеянное звездами Небо… И только спустя почти 70 лет я понял во всей полноте значение открытия Парменида, и мне стало ясно, что должно было значить для него самого его собственное открытие» [Popper, 2016, p.20].

В логико-методологическом плане Парменид интересен Попперу своим логическим доказательством существования единого и неподвижного бытия. Это доказательство – парменидова теория инвариантного мира, характеризуемая Поппером как первая гипотетико-дедуктивная теория мира, что дает ему основание считать Парменида первым великим теоретиком, создателем дедуктивной теории, описавшей мир. Её дедук-

тивный характер позволяет Попперу именовать элейца радикальным рационалистом, столь близким к КР своим «путем мнения», а его систему – радикальным рационализмом, интеллектуализмом или даже логицизмом. Особенность парменидовского рационализма может быть выражена очень просто: существует только один единственный путь, ведущий к истине – логическое доказательство.

В гносеологическом плане Парменид привлекает внимание Поппера своим открытием нового пути познания и созданием эпистемологии. Под ней понимается «путь поиска», «путь исследования». Таковыми у Парменида выступают «путь истины» – путь божественного откровения и «путь мнения» – путь смертных. Вслед за Ксенофаном, Парменид под мнением подразумевает предположение. Однако, как считает Поппер, противопоставление истины и мнения проводится Парменидом значительно строже, чем Ксенофаном: первый строго противопоставляет мнение истинной вере, второй же допускает, что смертные также могли бы иметь случайно некоторые истинные мнения, хотя они этого и не знали бы. По Попперу, путь мнения – это миф, являющийся, по меньшей мере, в трояком смысле ложным, но правдоподобным: 1) явление – то, что кажется истинным, а потому оно должно быть как-то схоже с истиной; 2) путь мнения ошибочен, но всё же правдоподобен в том же самом смысле, в каком почти все наилучшие научные теории ошибочны, но правдоподобны; 3) путь мнения во многом схож с путем истины [Popper, 2016, p.201].

Как и Ксенофан, для выражения правдоподобности мнений Парменид употребляет слово «eoikota»: «Я изрекаю тебе вполне правдоподобное мироустроение…» [Фрагменты, 1989, с.291].

Что касается космологических представлений Парменида, то Поппер оценивает их очень высоко, считая его не только самым оригинальным и величайшим среди всех философов, но и космологом, создавшим теорию шаровидности Земли, усовершенствовавшим анаксимандрову модель мира и сформулировавшим теорию шаровидности Луны и её фаз. Эти его открытия – важнейшие вехи на пути исследований, приведших к Аристарху, Копернику, Ньютону и Эйнштейну.

Осуществленная выше реконструкция идей Ксенофана и Парменида позволяет сделать вывод о том, что 1) именно знакомство Поппера в юности с мыслью досократиков оказалось определяющим в формировании и становлении методологии КР; 2) истоки фундаментальных идей науки восходят не только к ранней греческой философии и науке, но и к мифотворчеству древних.

Литература

1. Досократики, 1999 – Досократики. Мн., 1999. 784 с.
2. Поппер, 2002 – *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход // М., 2002. 384 с.
3. Поппер, 2004 - *Поппер К.* Предположения и опровержения // М., 2004. 638 с.
4. Фрагменты...,1989 - Фрагменты ранних греческих философов // М., 1989. 576 с.
5. Popper, 2016 – *Popper K.* Die Welt des Parmenides. (5 Auflage). // München, 2016. 480 p.
6. Popper, 2016a – *Popper K.-R.* Duldsamkeit und intellektuelle Verantwortlichkeit // Auf der Suche nach einer besseren Welt. (19 Auflage), München, 2016. P. 213-230.
7. Popper, 2016a – *Popper K.-R.* Über Wissen und Nichtwissen // Auf der Suche nach einer besseren Welt. (19 Auflage), München, 2016. P. 41-54.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00011
УДК 167

«МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ» И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Наталья Григорьевна Баранец
Доктор философских наук, профессор
Ульяновский государственный университет
Андрей Борисович Верёвкин
Кандидат физико-математических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

При описании рефлексии историков о статусе исторической науки применение понятия «методологическое сознание учёных» позволяет обнаружить новые эпистемологические аспекты. Для понимания перспективы развития эпистемологии истории и методологии исторической науки необходимо оценить «познавательный зазор» между образом исторической дисциплины, имеющимся у исследователей истории, и эпистемологическими концепциями исторического знания в экзистенциальном, нарративном направлении и в аналитической философии. «Сильная версия» организации науки осуществлена в некоторых естественных дисциплинах, но она представляется недостижимым идеалом для истории. Решение вопроса о наличии в истории закономерностей возможно при чётком отделении онтологии исторических событий от онтологий материального уровня культуры и уникальных исторических явлений. Необходимо правильно выявлять области приложений гипотетико-дедуктивной, дедуктивно-номологической, индуктивно-вероятностной и телеологической моделей объяснения, которые не исключают,

а взаимно дополняют друг друга.
Ключевые слова: понимание, эпистемология истории, модели объяснения в истории, методологическое сознание историков.

"METHODOLOGICAL CONSCIOUSNESS" AND THE EPISTEMOLOGY OF HISTORICAL SCIENCE

Natalia Grigoryevna Baranetz
DSc in Philosophy, Professor
Ulyanovsk State University
Andrey Borisovich Verevkin
PhD in Phys.-math. Science, Associate Professor
Ulyanovsk State University

When describing historians' reflection on the status of historical science, the use of the concept of "scientists' methodological consciousness" makes it possible to discover new epistemological aspects. In order to understand the prospects for the development of the epistemology of history and the methodology of historical science, it is necessary to evaluate the "cognitive gap" between the historical discipline image of historical researchers and the epistemological concepts of historical knowledge in the existential, narrative direction and in analytical philosophy. A "strong version" of the organization of science has been implemented in some natural disciplines, but it seems to be an unattainable ideal for historical science. The solution to the question of the existence of patterns in history is possible only with a clear separation of the ontology of historical events from the ontologies of the material level of culture and unique historical phenomena. It is necessary to correctly identify the areas of application of hypothetical-deductive, deductive-nomological, inductive-probabilistic, and teleological models of explanation, which do not exclude, but complement each other.
Keywords: understanding, epistemology of historical science, models of explanation in historical science, historians' methodological consciousness.

С некоторых пор в отечественной исторической науке популярен методологический нигилизм. И это лишь отчасти объяснимо особенностями исторического познания. Для осмысления этого феномена нужно исследовать эволюцию методологического сознания историков последних двух веков. Тогда возможно обнаружить различие в представлениях об историческом знании у самих историков и эпистемологов, изучающих специфику истории как научной дисциплины.

Введение концепта «методологическое сознание» в проблемное поле эпистемологии истории позволяет учесть рефлексию историков, направленную на осмысление специфики исторической науки и её методологии, и оценить – как доминирующий образ исторической науки влиял на выбор тематики исследований [Огурцов, 2003]. Методологическое сознание учёных направлено на осмысление логико-философских проблем собственной науки, на выявление основных путей и методов её развития, на связи между ней и другими науками. В методологическом сознании учёных выделяются три уровня: философские концепции науки, конкретно-научная методология и представления учёных о развитии научного знания. Рефлексия учёных преимущественно направлена на систематизацию методов работы и на историю своей дисциплины.

Проблемы специфики методов исторической работы мало интересовали историков вплоть до середины XIX века. На суждения историков о задачах и приёмах их науки повлиял немецкий идеализм. К концу XIX века осмысленный и осознанно принятый принцип историзма укрепился в мышлении историка. В основе историзма лежит представление о постепенном, последовательном развитии общества и исторических явлений. Но в XX веке под влиянием множества факторов историзм из методологической установки превратился в нетворческую ритуальную декларацию. Также сказалось разочарование в возможности проведения объёмных, многоаспектных исследований. В науке стали преобладать локальные ситуационные микрозадачи. Существенное значение имело заимствованное идеологическое отрицание закономерностей в развитии общества.

К началу XX века сложились две альтернативные философско-методологические линии, к которым историки тяготели при осмыслении своей науки: позитивистская, представлявшая историческую работу накоплением фактов и установлением закономерностей, и неокантианская, настаивавшая на уникальности исторических событий и отсутствии законов развития общества. Выдающийся русский историк и методолог А.С. Лаппо-Данилевский синтезировал обе традиции. Он создал оригинальную теорию исторической науки, в которой сформулировал идеи о конструктивности исторического знания, конвенциональности и когерентности исторической истины.

В отечественной науке только лишь наметившаяся дискуссия о методологии истории была пресечена к началу 1930-х годов в связи с утверждением марксистской парадигмы. Историки перенацелились на собирание фактов (источниковедение, палеография, краеведение) и локальные исследования в узких рамках косной интерпретации марксизма. Начавшееся с 1970-х годов оживление в обсуждении проблем методологии истории было по преимуществу связано с источниковедческими проблемами. В начале 1990-х годов отрекаясь от приевшегося марксизма, историки отказались и от формационного подхода в пользу подхода цивили-

зационного. Был провозглашён методологический плюрализм, который обернулся фактическим методологическим нигилизмом. Историки в своём большинстве отвернулись от осмысления философских оснований исторической науки. В результате на место глобальной марксистской схемы исторической реальности пришла мозаика локальных историй. Исследования показывают, что современные историки не имеют системного представления о статусе исторической науки и способах доказательности в ней, и вообще мало интересуются эпистемологией истории [Хут, 2010, с. 469–644]. Редкие отечественные историки, рассуждающие о специфичности исторического знания, демонстрируют парадоксальное сочетание марксистских, неокантианских, герменевтических и постмодернистских идей. Модные веяния западной историографии, исторической эпистемологии и философии истории причудливо преломились в сознании историков и породили своеобразный исторический конструктивизм, сочетающийся с установкой на истинность реконструкции исторической действительности. Причём истинность трактуется ими в классическом смысле – представлять прошлое «как оно было на самом деле».

Движение в области эпистемологии истории в XX веке в основном было связано с интересом к проблеме доказательности исторического знания в аналитической философии и с объявлением сути исторического знания в текстуальности в нарративном направлении. Провокативное отрицание объективности исторического объяснения, присущее нарративистам, их убеждённость в том, что историческое объяснение ничем не отличается от художественного объяснения, подталкивало эпистемологов к обсуждению вопроса о моделях объяснения, свойственных историческому познанию. Ещё в 1934 году М. Коэн и Э. Нагель, тяготея к логическому эмпиризму, в своём «Введении в логику и научный метод» разработали гипотетико-дедуктивную модель объяснения для всех наук. В исторической науке объяснение события рассматривалось как предопределение через некоторые ранее установленные «регулярности» развития общества. Но поскольку исторические сведения о прошлом никогда не бывают окончательными и полными, делаемые на этих основаниях заключения имеют лишь вероятностный характер. Коэн и Нагель полагали, что историки использует гипотезы, опираясь на хроно-топологические допущения, на предпочтение некоторых причинно-следственных связей всему множеству имеющихся связей, предполагая аутентичность исторических данных и подлинность источника. В истории общие законы выводятся из небольшого объёма фактов. Они устанавливают отношения между отдельными абстрактными фазами, указывая возможное «русло» течения событий. При этом историческое исследование всегда фиксирует уникальные и неповторяющиеся обстоятельства и действия людей, руководствующихся определёнными моральными соображениями и ценностями.

В 1942 году К. Гемпель в работе «Функция общих законов в истории» утверждал, что в истории законы имеют то же значение, что и в естественных науках. Применение дедуктивно-номологической модели объяснения в истории встретило критику. Ведь она пренебрегала динамикой представлений людей о мире, будучи ориентированной на выявление неизменных, универсальных структур, влияющих на поведение. Оспаривалось объяснение как познавательная процедура подведения явления под общие законы. После дискуссии с У. Дреем в 1963 году Гемпель допустил возможность индуктивно-вероятностных суждений, характеризующих ожидание индивидуальных явлений, в зависимости от множества событий, образующих базис объяснения. Событие может быть предсказано и объяснено либо с дедуктивной необходимостью, либо с индуктивной вероятностью. Конкретное событие никогда не может быть объяснено полностью. Но в основании важнейших методов исторического познания – приписывания смысла явлениям и их интерпретации – лежит использование общих закономерностей. Г.Х. Вригт попытался соединить аналитическую и герменевтическую традицию. Он считал, что для объяснения в общественных науках необходимо понимание. В телеологической модели объяснения учитывается рациональность участника исторического действия, то есть – его цели и нравственные устремления. Исследователь исторических процессов должен принимать во внимание, что каждому времени присущи свои социальные нормы, которым люди неосознанно подчиняются. Их стоит рассматривать как своего рода социальные законы.

Какой концепции науки соответствует история – «сильной» или «слабой»? В естественных науках реализована «сильная» версия организации науки, что предполагает содержательную определённость понятийно-методологического аппарата, развитые теоретические объяснения (имеющие объяснительный и прогностический эффект), наличие чётких критериев оценки качества доказательств и аргументации. В современном историческом сообществе нет консенсуса в отношении понятий и методов, преобладают эмпирические обобщения и описания, нет развитой теоретической компоненты. Критерии оценки научного продукта здесь имеют субъективный характер. Доказательность расценивается как соответствие установившейся традиции, базисные основания которой легендарны и некритично поглощаются в период профессиональной социализации.

Невозможность опытного воспроизведения исследуемой ситуации и отсутствие объективных измерений в истории отчасти компенсируется тем, что исследователь может найти некие постоянные, регулярно воспроизводящиеся действия, которые становятся объектом изучения. Это позволяет выявить функциональные зависимости, установить эмпирические закономерности в социальной, политической и культурной сферах общества. Вероятно, историческая наука может со временем достигнуть состояния «сильной науки», если будет проведена радикальная ревизия её методологического аппарата и теоретических схем, имеющих значение метафизических оснований в мышлении историков. Придётся дифференцировать обезличенную онтологию исторических событий, для которой установление действующих законов коренится в области социологии и экономики, и онтологию индивидуального исторического деятеля и групп таких деятелей,

исследование поступков которых возможно через использование психологии и политологии. Кроме того, есть онтология материального уровня исторической культуры, изучение которой требует от археолога и культуролога обращения не только к специфическим методам вспомогательных исторических дисциплин, но и знания техники и технологии производственных процессов. Необходимо привлечь гипотетико-дедуктивную, дедуктивно-номологическую, индуктивно-вероятностную и телеологическую модели объяснения как не исключающие, а взаимно дополняющие друг друга.

Литература

1. Огурцов, 2003 – *Огурцов А.П.* Развитие методологического сознания учёных XIX века и проблемы методологии науки// Методология науки: проблемы и история. М.: ИФРАН, 2003. С. 242–341.
2. Хут, 2010 – *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX-XXI веков. М., 2010. 702 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00012
УДК 101; 140.8

ОТ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ К ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Андриан Михайлович Бекарев
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Галина Станиславовна Пак
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Прошлое потому и является прошлым, что оно прошло. Но время не обладает субстанциальным бытием, его носителем являются социальные субъекты различной степени общности. История всё расставит по своим местам, но что есть история, если не некий собирательный образ или понятие для обозначения совокупной человеческой деятельности во временном измерении. Философское сознание потому и является философским, что оно является способом рационального, а не стихийного осмысления реальности. Значимой характеристикой субъекта переосмысления советского прошлого является возрастная характеристика. В культуре настоящего присутствуют два типа субъектов переосмысления советского прошлого. Для первых советское прошлое есть собственное прошлое, для вторых – прошлое советское есть результат деятельности предшествующего поколения философов. Настоящий дискурс строится от лица субъектов, относящихся к первому типу. Исходным основанием философствования советской эпохи являлось положение о научности марксистско-ленинской философии и её исключительности. Становление философия науки связано с провозглашением скромности претензий философии по отношению к науке.

Ключевые слова: время, деятельность, идеология, настоящее, прошлое, марксистская философия, пространство опыта.

FROM SCIENTIFIC PHILOSOPHY TO PHILOSOPHY OF SCIENCE

Andrian Mikhailovich Bekarev
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Galina Stanislavovna Pak
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Past is past because it is gone. Along with it, time does not possess a substantive existence. Time is attribute of social subjects with a varying level of community. All the people have their own place in history. History is a collective image of human activity in the time dimension. The philosophy mind is a rational understanding of reality, not a spontaneous process. An important feature of a subject understanding of the Soviet past is the age characteristic. There are two types of subjects of understanding of the Soviet past in our culture. The first type refers to people who believe that the Soviet past is their own past. The second type refers to people who believe that the Soviet past embraces the activity of the previous generations of Soviet philosophers. The discourse of this paper proceeds on behalf of the subjects belonging to the first type. The base for Soviet philosophy was a standpoint accentuating the scientific status of Marx-Lenin philosophy and its exclusiveness among the others. The evolution of the philosophy of science relates to the declaration of modesty of modern philosophy in

relation of science.

Keywords: time, activity, ideology, present, past, Marxist philosophy, space of experience.

Процессы, происходящие в современной России, связаны с переоценкой ценностей, трансформацией оснований культуры. Все мы родом из прошлого. Настоящее российской философии в качестве собственного прошлого имеет «пространство опыта» советской марксистской философии. Утратив свой бег, перестав длиться, время сворачивается в круг и превращается в пространство. «Пространство опыта» есть конкретизация прошлого, одного из временных модусов. В какой же степени, пусть окаменевшее, прошлое определяет настоящее? Ясно одно, что прошлое однозначно не детерминирует настоящее, не является его единственной причиной. Мы исходим из посылки, что время не обладает субстанциальным бытием, а создается самой человеческой деятельностью, которая длится. Между прошлым и настоящим не миг, а живая длящаяся человеческая деятельность, опосредующая прошлое и его влияние на настоящее.

Влияние прошлого на настоящее зависит от той ценности, которой нагружают прошлое действующие люди. Прошлое конструируется. Конструкция предполагает некую произвольность, субъективность, свободу воли. Яркий тому примером – эпоха Возрождения, заявившая во весь голос о возрождении ценностей античной культуры. Сознательно актуализируя более дальнее прошлое – античность, Деятелям Ренессанса не удалось избежать влияния непосредственного прошлого – ценностей христианской средневековой культуры.

В развитии российской философии в самом начале трансформационных процессов была предпринята попытка ограничить пространство собственного опыта дореволюционной философией. Но избавиться от собственного прошлого не удалось даже деятелям пролеткульта.

Для того чтобы прошлое как пространство опыта стало стимулом творческого развития философии в настоящем, необходимо «покончить» с прошлым, избавиться от его тормозящего влияния. Что делать, чтобы превратить помеху в стимул? Как относиться к советскому периоду в развитии российской философии? Мы сознательно употребляем термин «российская», а не «русская» философия. Российская империя была многонациональным государством; в годы Советской власти сознательно формировалась новая историческая общность – советский народ. Следует всё-таки заметить, что в эту эпоху были достигнуты успехи. Современная Россия по-прежнему является многонациональным государством.

Как принцип философского мышления рефлексия направлена на осмысление и обоснование собственных предпосылок. Возможны различные сценарии субъектов философской деятельности в настоящем по отношению к советскому прошлому. Легче и проще всего уповать на спонтанное, стихийное развитие философии. Прошлое потому и является прошлым, что оно прошло. Но время не обладает субстанциальным бытием, его носителем являются социальные субъекты различной степени общности. История всё расставит по своим местам, но что есть история, если не собирательный образ для обозначения совокупной человеческой деятельности во временном измерении. Философское сознание потому и является философским, что оно является способом рационального осмысления реальности. Прошлое можно предать забвению, что соответствует психологическому механизму вытеснения. Но, как показал З. Фрейд, то, что подверглось вытеснению, при определенных условиях способно возвращаться. Представляется, что более достойным выходом является не бегство от прошлого, а свобода от прошлого. Свобода от прошлого неразрывно связана с концепцией свободы воли человека. Н.О. Лосский считал, что признание зависимости от прошлого вступает в противоречие с человеческой свободой. Не прошлое, а «сверхвременное я» является причиной настоящего. Прошлое может стать влиятельным «лишь постольку, поскольку сверхвременное я актуализирует его, приобщает его к настоящему путем воспоминания» [Лосский, 1991, с. 550].

Свобода от прошлого не есть забвение прошлого. Она предполагает знание своего прошлого. В философской притче В. Соловьев тайну прогресса усматривает в бережном сохранении и отношении к прошлому. Человек будущего может идти вперёд, только «взяв на себя всю тяжесть старины». Он заканчивает свою то ли сказку, то ли притчу словами: «Спасающий спасется. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [Соловьев, 1988, с. 557].

Значимой характеристикой субъекта переосмысления советского прошлого является возрастная характеристика. В культуре настоящего присутствуют два типа субъектов переосмысления советского прошлого. Для первых советское прошлое есть собственное прошлое, для вторых – прошлое советское есть результат деятельности предшествующего поколения философов. Настоящий дискурс строится от лица субъектов, относящихся к первому типу.

Для того чтобы прочувствовать и понять особенность философского творчества в советский период, необходимо постоянно иметь ввиду соотношение философии, разумеется, марксистско-ленинской, и партийной идеологии. Проблема далеко не так проста, как кажется. Исторически марксистская философия явилась фундаментом, на основании которого сформировалась идеология рабочего класса. Коммунистическая партия позиционировала себя в качестве выразительницы интересов рабочего класса. Так в теории представлялось существо дела. На практике дело обстояло значительно сложнее. Со временем партийная идеология стала определять развитие философии. Произошла аберрация. Причина и следствие поменялись местами.

Среди философствующих субъектов отношение к официальной идеологии было как минимум трояким. Первые – ярые защитники партийной идеологии, что-то вроде апологетики в средневековой патристике. Вторые принимали существующее положение дел и правила игры и претендовали на научный объектив-

ный подход к исследованию реальности. Третья стратегия представлена оппозицией по отношению к официальной идеологии. Всё богатство ценностных установок философов по отношению к власти представляло собой континуум между крайними стратегиями. О первых сказать особенно нечего. Их деятельность реально тормозила развитие этих наук в нашей стране. Сегодня их идеи утратили своё былое влияние.

Для настоящего развития философии интерес представляет переосмысление мейнстрима в советской философии. Исходным основанием философствования этой эпохи являлось положение о научности марксистско-ленинской философии и её исключительности. Исключительность состояла в том, что научной могла быть только одна-единственная философия – марксистская. Эта монополия на научность была обоснована идеологически. Идеология выражает интересы какого-то класса; марксизм, являясь выражением идеологии рабочего класса, только потому научен, поскольку служит интересам класса, занимающего особое место во всемирно-историческом процессе, единственно заинтересованного в прогрессивном развитии общества, а следовательно, и в объективном научном познании. В таком виде идеология рабочего класса служила основанием советской философии. Объективность и научность марксистской философии относились к сфере негативной эвристики. В центре философских дискуссий находилась проблема адекватности, аутентичности понимания и развития марксизма. Были в философии и свои ревизионисты. Например, деятели группы «Праксис».

Монополия на истинность обернулась для советской философии тем, что она стала занимать привилегированное положение в системе научного знания. Становление философия науки связано с провозглашением скромности претензий философии по отношению к науке. В силу исходной позиции, ориентированной на осмысление результатов научной деятельности, их систематизацию и обобщение, философия науки способствовала развитию науки. Влияние советского прошлого на нынешнее развитие философии науки проявляется в том, что она в большей степени ориентирована на собственные проблемы. Реальное состояние развития той или иной науки не находится в центре её внимания. Представляется, что именно в таком ключе дается ответ на вопрос Тьюринга: «Может ли машина мыслить?». Выдающийся программист считал, что искусственный интеллект является полноценным лишь в том случае, если человек в общении с ним будет принимать его за человека. В нынешнем веке проблема приобретает иной вид: искусственные интеллектуальные системы принимают человека за работа. «Вы не прошли проверку на робота!» – выносит человеку вердикт искусственная интеллектуальная система. Проблема соотношения естественного и искусственного интеллекта имеет философское, научное и повседневное измерение. В философской литературе утверждается превосходство естественного разума над искусственным. В конкретно-научном дискурсе положение выглядит несколько иначе: уже сегодня интеллектуальные системы превосходят человека по многим параметрам. В установлении релевантности как смыслового соответствия первенство остается за человеком. Если на вопрос А. Тьюринга: «Может ли машина мыслить?» философы дают положительный ответ, но сомневаются в её способности чувствовать, то не-философы предлагают и разрабатывают формальный алгоритм, обозначая его как древо эмоций. На данном этапе между наукой и философией науки существует некий разлад. Мы видим причину разлада в самозамкнутости философии. Сегодня это обедняет содержание философии. Переосмысление советского прошлого и подлинная свобода от прошлого предполагают сотрудничество философии и науки на паритетных началах. Без этого в современном цифровом обществе невозможно построение смысложизненных стратегий.

Литература

1. Лосский, 1991 – *Лосский Н.О.* Свобода воли/ Избранное. М.: Мысль, 1991. С. 550–551.
2. Соловьев, 1988 – *Соловьев В.С.* Тайна прогресса // Сочинения в 2 т. Т.2 М.: Мысль, 1988. С. 556–557.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00013
УДК 140.8: 165.9: 101.1

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ СТАТУС НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

Юрий Константинович Волков
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал

Рассматривается место научной картины мира в структуре мировоззрения. Показано, что научное мировоззрение представляет собой не самостоятельный тип представлений о мире, но лишь его содержательную характеристику, которая входит в состав рационально-теоретической компоненты мировоззрения на правах онтологического образа или модели мира. Эта характеристика мировоззрения, в силу её когнитивной универсальности, позволяет определять наиболее существенные различия в отношениях между отдельными типами мировоззре-

ния. Применительно к таким мировоззренческим типам, как мифологическое, религиозное и художественное мировоззрение, она будет представлять собой отношения исключения. В то время как в ситуации её применения к моделям философской картины мира допустимы оба вида отношений: совместимости и несовместимости. В качестве иллюстрации исторически меняющихся форм отношений между научной и философской картинами мира используются трансценденталистская, позитивистская и антиинтеракционистская концепции, в которых фиксируются внешние и внутренние результаты процесса взаимодействия философии и науки. По результатам рассмотрения сделан вывод о том, что, в отличие от инвариантности логических отношений, исторический процесс формирования научного мировоззрения носит нелинейный характер. Частично такому пониманию в рамках диалектической концепции взаимодействия философии и науки может соответствовать логическая схема отношений пересечения при условии её дополнения категориальными характеристиками переходных состояний.

Ключевые слова: мировоззрение, научное мировоззрение, картина мира, научная картина мира, философская картина мира, отношения совместимости и несовместимости, концепции взаимодействия философии и науки.

WORLDVIEW STATUS OF THE SCIENTIFIC WORLD-PICTURE: HISTORICAL AND LOGICAL RETROSPECTION

Yuri Konstantinovich Volkov
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas Branch

The paper considers the place of the scientific world-picture in the structure of the worldview. It shows that the scientific worldview is not an independent type of ideas about the world, but is rather its substantive characteristic that belongs to the rational-theoretical component of the worldview as an ontological image or model of the world. This characteristic of the worldview due to its cognitive universality allows identifying differences between the individual types of worldviews. For such worldviews as mythological, religious and artistic, it acts as the incompatibility relationship. When applied to the models of the philosophical world-picture it can relate to both compatibility and incompatibility type of relationships. For illustration of the historically changing forms of relations between the scientific and philosophical world-pictures, the author considers the transcendentalist, positivist, and anti-interactionist conceptions of interaction between philosophy and science. Basing on the fact that these conceptions capture the external and internal results of the process of a specified interaction, he concludes that the historical process of the forming scientific worldview, unlike the invariance of logical relations, is non-linear. To such understanding within the framework of the dialectic concept of interaction between philosophy and science may partly correspond a logical scheme of intersection relations, if it is supplemented with categorical characteristics of transition states.

Keywords: worldview, scientific worldview, world-picture, scientific world-picture, philosophical world-picture, compatibility relation, incompatibility relation, conceptions of interaction between philosophy and science.

Проблема мировоззренческого статуса науки, на первый взгляд, относится к числу философских проблем, имеющих простое и понятное решение. Вместе с тем при более детальном разборе понятия «научное мировоззрение» обнаруживается, что речь в нём идёт не о самостоятельной разновидности такого сложного, исторически меняющего концепта, как мировоззрение. Термин «научное мировоззрение» по своему значению более всего соответствует понятию «научная картина мира», понимаемая как онтологический образ или модель мира в целом.

Несмотря на то, что по своему первоначальному структурному статусу научная картина мира принадлежит к основаниям науки, она может входить в структуры рационально-теоретического уровня мировоззрения. В то время как жизненно-практический уровень мировоззрения будет представлять его другие стороны, не имеющие прямого отношения к результатам миропонимания, хотя косвенно через культуру, социум и личность он так же участвует в формировании научной картины мира [Стёпин, 2012, с. 78–79, 371].

Отсюда можно сделать следующий вывод. Научное мировоззрение как гетерогенное образование представляет собой не самостоятельный тип мировоззрения, но лишь некоторую характеристику картины мира, встречающуюся в различных типах мировоззрения. В свою очередь, именно эта характеристика в силу её когнитивной универсальности позволяет определять наиболее существенные различия в отношениях между отдельными типами мировоззрения. Например, применительно к таким мировоззренческим типам, как мифологическое, религиозное и художественное мировоззрение, она будет представлять собой отношения исключения.

Иначе выглядит результат применения критериев научности к моделям философской картины мира. В этом случае допустимы оба вида логических отношений: исключения и совместимости. Таким образом, именно отношения между философией и наукой, синхронно возникающие на концептуальном уровне теоретических моделей бытия, способны прояснить вопрос о мировоззренческом статусе научной картины мира.

Логически это будут следующие виды совместимых и несовместимых отношений: тождество, подчинение, соподчинение, противоположность.

Проиллюстрировать то, как указанные виды логических отношений менялись в истории, можно будет при помощи трансценденталистской, позитивистской и антиинтеракционистской концепций взаимоотношения философии и науки. В них, в отличие от диалектической концепции, фиксируется не сам процесс такого взаимодействия, а только его внешние и внутренние результаты.

Первый этап исторической реконструкции взаимоотношений между философией и наукой обычно объясняют при помощи трансценденталистской концепции. Главным здесь будет иерархическое вхождение философских знаний, а также тех представлений о действительности, которые существовали в частных науках того времени, в состав общей картины мира. Это позволяет, с одной стороны, говорить о внутреннем подчинении физики метафизике, а, с другой – о тождестве философских и научных моделей мира в их исторически конкретном натурфилософском понимании.

При этом философские и научные знания традиционной культуры, одинаково обладающие высоким интеллектуальным статусом, не определялись как истинные сами по себе. В отсутствие адекватной эмпирической базы единственным способом подтверждения истинности могли стать лишь ценности, нормы и идеалы традиционных представлений о мире.

Ситуация начинает меняться после того, как наука приобретает собственную эмпирическую базу. Именно научный опыт становится главным внутренним источником формирования научно-теоретической модели мира, что постепенно изменяет характер внутренних и внешних границ в отношениях между философской и научной картинами природного бытия. Внутри общей научно-философской картины мира отношения субординации заменяются отношениями координации. Кроме того, наука и философия сознательно перестают ориентироваться на традиции иррациональных форм мировоззрения, которые исключаются из числа оснований, санкционирующих общие представления о мире.

К сказанному можно добавить, что окончательное оформление разграничительных линий между общей философской и специальными естественнонаучными картинами мира стимулировало интерес к проблеме структуры и содержания мировоззрения. Концептуальным обоснованием нового типа взаимоотношений начинает заниматься философия позитивизма, давшая название самой концепции.

В заключении рассмотрим один из вариантов антиинтеракционистской концепции, который объясняет условия возникновения отношений противоположности между научными и ненаучными картинами мира. С этой целью воспользуемся концепцией «непересекающихся магистерий» (Non-Overlapping Magisteri, NOMA) американского биолога и историка науки Стивена Гулда.

Понятие «магистерия» в концепции Гулда означает область жизни, где имеется свой адекватный способ познания. Магистерия науки находится в мире эмпирических фактов и их теоретических объяснений [Gould, 1999, p. 4]. В отличие от этого, магистерия религии находится в мире духовных ценностей и поисков смыслов. Эти две магистерии не пересекаются и дают место другим магистериям [Gould, 1999, p. 6].

Подведём краткий итог сказанному. Отношения между философией и наукой, исторически возникающие на когнитивном уровне моделей бытия, могут быть представлены отношениями тождества, подчинения, соподчинения и противоположности. Проиллюстрировать их можно при помощи трансценденталистской, позитивистской и антиинтеракционистской концепций. Вместе с тем, в отличие от формальной инвариантности логических отношений, реальный исторический процесс формирования научного мировоззрения носит нелинейный характер. Частично такому пониманию соответствует диалектическая концепция взаимодействия философии и науки. В этой диспозиции логика отношений между понятиями «научная картина мира» и «философская картина мира» будет представлять вариант отношений пресечения при условии его дополнения категориальными характеристиками переходных состояний.

Литература

1. Дильтей, 2000 – *Дильтей В.* Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1. Введение в науки о духе. Пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 763 с.
2. Заблуждающийся разум? Многообразие вненауч. знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
3. Конт, 2011 – *Конт О.* Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 80 с.
4. Львов, 2014 – *Львов А.А.* Формирование понятия мировоззрения в немецкой классической философии // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 4. С. 693–697.
5. Момджян, 1997 – *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., КД Университет, 1997. 448 с.
6. Спенсер, 1997 – *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 1997. 512 с.
7. Стёпин, 2009 – *Стёпин В.С.* Научная картина мира // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2009. С. 581–584.
8. Стёпин, 2012 – *Стёпин В.С.* Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. Минск: БГУ, 2012. 416 с.
9. Gould, 1999 – *Gould S.J.* Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life. N.Y.: Ballantine

Publishing Book, 1999. 241 p.
10. Naugle, 2002 – *Naugle D.K.* Worldview: The History of a Concept. Grand Rapids, MI/ Cambridge: W.B. Eerdmans Publishing Company, 2002. 384 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00014
УДК 168:162.6

КОНТЕКСТНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ДИАЛЕКТИКИ ЛОСЕВА И ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Михаил Рафаэлович Закарян
Кандидат технических наук, доцент
Кубанский государственный университет
Рафаэл Михайлович Закарян
Преподаватель
Кубанский государственный университет

Целью предлагаемого исследования является поставить всю системную науку на диалектико-феноменологическую почву и создать на этой почве диалектическую системологию как единственно возможную научную методологию общей теории систем, без которой сегодня невозможно никакое междисциплинарное исследование, в сторону которого направлен тренд современной науки. Для достижения поставленной цели проводится анализ всевозможных контекстных модификаций диалектики Лосева и феноменологии Гуссерля, а именно, модификация диалектики в феноменологическом смысле и модификация феноменологии в диалектическом смысле. Суть первой модификации состоит в том, что диалектика направлена теперь на конструирование не только чистого эйдоса как имени, но и всех типов меонизированных эйдосов. Суть второй модификации состоит в том, что к феноменологическому описанию всякой реальности применяется диалектическая логика. На основе анализа этих модификаций определяется диалектическая феноменология, которая и создает благодатную диалектико-феноменологическую почву для обоснования диалектической системологии как действительно научной методологии общей теории систем. В свою очередь осуществление диалектической системологии приведет к созданию научной общей теории систем и преодолению в науке междисциплинарной проблемы.

Ключевые слова: диалектика, феноменология, системология, Лосев, Гуссерль, контекстная модификация, диалектическая феноменология, диалектическая системология, научная методология.

CONTEXT MODIFICATIONS OF LOSEV'S DIALECTICS AND HUSSERL'S PHENOMENOLOGY, THEIR SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN PHILOSOPHY AND SCIENCE

Mikhail Rafaelovich Zakaryan
PhD in Technical Sciences, Associate Professor
Kuban State University
Rafael Mikhailovich Zakaryan
Lecturer
Kuban State University

The goal of the proposed research is to put all system science on the dialectical and phenomenological basis and create dialectical systemology on this basis as the only possible scientific methodology of the general theory of systems, without which no interdisciplinary research is possible today, towards which the trend of modern science is directed. To achieve this goal, the authors analyze various contextual modifications of Losev's dialectics and Husserl's phenomenology, namely, the modification of dialectics in the phenomenological sense and the modification of phenomenology in the dialectical sense. The essence of the first modification is that the dialectic now aims at constructing not only pure eidos as a name, but also all types of meonized eidos. The essence of the second modification is that dialectical logic is applied to the phenomenological description of all reality. Basing on the analysis of these modifications, the paper defines the dialectic phenomenology, and this creates a fertile dialectical-phenomenological basis for substantiating dialectical systemology as a truly scientific methodology of the general theory of systems. The implementation of dialectical systemology will lead, in its turn, to the creation of a scientific general theory of systems and the overcoming of an interdisciplinary problem in science.

Keywords: dialectics, phenomenology, systemology, Losev, Husserl, contextual modification,

dialectical phenomenology, dialectical systemology, scientific methodology.

Что значит поставить всю системную науку на диалектико-феноменологическую почву?

Кто знает, что такое действительная (лосевская) диалектика [Лосев, 1993] и что такое феноменология Э. Гуссерля [Гуссерль, 1909, 1910], тот должен понимать, что система и системность той или иной реальности и вообще реальность как таковая не являются предметом ни феноменологии, ни тем более диалектики. Поэтому говорить о диалектике или феноменологии системы просто нельзя, так как таковых быть не может. Новый предмет требует новой методологии, которая есть уже заявившая о себе системология. Если диалектика есть исходная научная методология в сфере логического конструирования чистого смысла, феноменология есть научная методология в сфере логического конструирования явленного смысла, то системология должна стать научной методологией в сфере логического конструирования являемого и проявляемого смысла. Чтобы быть научной методологией, и диалектика, и феноменология, и системология должны базироваться на единых методологических принципах научного сознания и научного мышления. И эти принципы несёт в себе диалектика как исходный научный метод.

Значит, встать на почву диалектики будет не что иное, как применение методологических принципов диалектики к своему предмету. Применяя их к предмету феноменологии, получаем диалектическую феноменологию, а к предмету системологии – диалектическую системологию.

Теперь, прежде чем перейти к предлагаемому исследованию по существу, сформулируем задачу предлагаемого исследования и дадим характеристику полученных и здесь изложенных результатов.

Задачей представленного исследования является обоснование на основе анализа всевозможных контекстных модификаций диалектики Лосева и феноменологии Гуссерля диалектической системологии как действительно научной методологии общей теории систем.

Рассмотрим, в чём суть лосевской диалектики и феноменологии Гуссерля и предлагаемых здесь их контекстных модификаций.

Прежде всего диалектика есть логическое конструирование. Являясь логическим конструированием, она отличается от «всякой философии, которая центром тяжести полагает выражение и изображение настроений и чувств философа, видящего мир такими или иными глазами» [Лосев, 1993, с. 68]. Иначе говоря, диалектическая философия есть научная философия; именно из-за этого многие авторы не отличают диалектику не только от формальной логики, но и от естественных наук.

Следующий момент, раскрывающий суть диалектики и требующий ясного понимания, состоит в том, что объектом этого логического конструирования является цельный смысловой лик вещи – эйдос. Диалектика есть логическое конструирование эйдоса. Именно этим диалектика отличается от формальной логики и естественных наук, да и вообще от всех других типов логического конструирования. Поэтому диалектика есть метод смыслового построения вещи, задание мыслить вещь, чистая логическая возможность смыслового построения вещи, то есть логос эйдоса. Такая смысловая логика «обязана» быть вне законов формальной логики, то есть вне законов тождества и противоречия; «она обязана быть системой закономерно и необходимо выводимых антиномий (ибо не всякое противоречие – антиномия) и синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла» [Лосев, 1993, с. 616].

Далее необходимо уточнить, что диалектика есть не всякое логическое конструирование эйдоса, а есть категориальное логическое конструирование эйдоса, то есть его категориальной определенности. «Диалектика берет во внимание не вещь целиком, не всю её полную и окончательную явленность, но лишь логические и категориальные скрепы её, лишь её эйдетический скелет как вещи, отказываясь от более глубокого наполнения её тем или другим содержанием» [Лосев, 1993, с. 70].

Необходимо уяснить, что диалектика есть само себя обосновывающее логическое конструирование категориального эйдоса. «Задача диалектики – показать, какие существуют категориальные эйдосы вообще и как они связаны между собой, как они своей взаимной связью обосновывают друг друга и всех вместе» [Лосев, 1993, с. 71].

Наконец, необходимо отметить, что диалектика есть такая сама себя обосновывающая логическая конструкция категориальной структуры эйдоса, которая «обладает абсолютно универсальным характером, захватывая все мыслимые и вообразимые типы бытия, так что и всё не-эйдетическое, иррациональное и нелогическое должно быть в вечно-неразрушимой эйдетической связи с чистым эйдосом» [Лосев, 1993, с. 73].

Представленная диалектика «должна дать внутренне-эйдетически связанную систему категорий, начиная с самовозникающего и первичнейшего элемента эйдоса и кончая эйдосом как именем» [Лосев, 1993, с. 76].

Феноменология тоже логически конструирует эйдосы. Однако в отличие от диалектики, которая ограничивается чистым эйдосом как именем, феноменология берёт «эйдосы, как они даны в фактически наблюдаемой действительности, не в их специфически эйдетически-категориальной взаимозависимости, но в тех связях, которые фактически продиктованы действительностью» [Лосев, 1993, с. 72]. Если применение диалектики к любому предмету всегда даёт научную философию, то применение феноменологического метода к предмету любой науки не превращает последнюю в философию. Иначе говоря, феноменология есть смысловое описание эйдосов как так или иначе оформленных смыслов, то есть фактологических эйдосов. Именно потому феноменологический метод является привлекательным для его использования в качестве логической основы общей теории систем. Но поскольку логическая связь между эйдосами устанавливается наподобие того, как устанавливается связь между фактами, и поэтому будет лишь формально-логической

конструкцией, невозможно применить феноменологический метод в чистом виде как логическую основу общей теории систем.

Таким образом, возникает необходимость соединения диалектики как чистой смысловой логики и феноменологии как смыслового описания эйдосов, данных в фактически наблюдаемой действительности. Такой синтез может быть осуществлен двумя путями: либо модификацией диалектики в феноменологическом смысле, либо модификацией феноменологии в диалектическом смысле. Суть модификации диалектики в феноменологическом смысле состоит в том, что в качестве объекта логического конструирования определяются в том числе и все типы меонизированных эйдосов, так что теперь строится внутренне эйдетически связанная система категорий, начиная от выраженного эйдоса и эйдоса как имени и кончая фактологическим эйдосом и эйдосом как реальной вещью. В свою очередь, суть модификации феноменологии в диалектическом смысле состоит в том, что к смысловому описанию реальных вещей применяется диалектическая логика. В результате конструируется смысловая система закономерно и необходимо выводимых антиномий, а также синтетических сопряжений всех антиномических конструкций смысла, начиная от реальной вещи и фактологического эйдоса и завершая именем вещи и выраженным эйдосом. И в том, и другом случае результатом будет диалектическая феноменология.

Теперь диалектическую феноменологию необходимо подвергнуть модификации в системологическом смысле. Что это значит?

Если диалектика есть смысловое категориальное самообосновывающее конструирование чистого эйдоса, в свою очередь, феноменология есть описание всевозможных эйдосов, созерцательно и умственно-осязательно данных в фактически наблюдаемой действительности в тех связях, которые фактически ею продиктованы, а диалектическая феноменология есть уже смысловое категориальное самообосновывающее конструирование всех типов меонизированных эйдосов, то что есть системология? Для современного состояния системной науки этот вопрос является весьма проблематичным; вряд ли системная наука сегодня сможет дать на него однозначный ответ.

Здесь дается следующее определение системологии.

Системология есть логическое конструирование реальной вещи как системы. Такое определение соответствует современному системному подходу, суть которого состоит в исследовании объектов как систем. «Часть окружающего мира не является системой, а представляется таковой или рассматривается как таковая» [Клейнер, 2008]. Тогда под системой здесь надо понимать результат такого логического конструирования, то есть системологическую конструкцию реальной вещи. Теперь требуется соединить диалектическую феноменологию с системологией. Это значит, надо взять все меонизированные эйдосы, конструируемые диалектической феноменологией, и соотнести их с эйдетизированными меонами, соответственно им противопоставленными. Возникает диалектико-системологическая конструкция реальной вещи как система её всевозможных реальных проявлений, начиная от чистого выражения и завершая жизненно-целостным материально-вещественным пространственно-временным континуальным воплощением. Это есть диалектическая системология; она системно охватывает все возможные формы воплощения всех возможных смыслов реального проявления реальной вещи в материально-вещественном пространственно-временном континууме реального мира, отображая смысл действительной вещи в реальной вещи как систему её инобытийной жизни. Осуществление диалектической системологии, как это понятно, даст общую теорию систем.

Литература

1. Гуссерль, 1909 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 1. СПб.: Образованіе, 1909. 224 с.
2. Гуссерль, 1910 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. 2. СПб.: Образованіе, 1910.
3. Клейнер, 2008 – *Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008. 568 с.
4. Лосев, 1993 – *Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с.
5. Лосев, 1994 – *Лосев А.Ф.* Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00015
УДК 165

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСКУССТВА В ЗЕРКАЛЕ КОНЦЕПЦИИ БИОКУЛЬТУРНОГО СО-КОНСТРУКТИВИЗМА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[4]

Александра Геннадьевна Краева
Кандидат философских наук, доцент
Ульяновский государственный университет

[4] Работа выполнена в рамках исследований по гранту РФФИ № 19-011-00118 А

Революционные открытия в области культурной нейронауки в рамках когнитивных исследований поставили проблему коренного пересмотра фундаментальных основ природы и когнитивных оснований всей совокупности духовных практик, в том числе искусства. Феномен нейродетерминации культуры, взаимообусловленности естественной и социальной траекторий эволюции человека, активно обсуждается в рамках исследования целостной системы «социум-мозг-культура», и заставляет не только в существенной степени пересмотреть принятые ранее представления о формировании и функционировании мозга, но и ставит нетривиальные вопросы о механизмах взаимодействия нейробиологических структур и социума, который является носителем той или иной культуры, в том числе – художественной когнитивной деятельности. В работе обозначены основные векторы в исследовании указанной проблемы: выявление и анализ механизмов нейродетерминации культуры и особенностей их влияния на творческие способности (художественно-когнитивную деятельность) человека; меры определения ими границ деантропологизации искусства, а также того, как пластичность мозга связана с когнитивным потенциалом художественного знания, и наоборот. Важнейшей составляющей исследования является актуализация кантианской программы исследования мозга, а также то, как она может быть интерпретирована относительно деятельности субъекта художественного творчества.

Ключевые слова: культурная нейронаука, когнитивные исследования, нейропсихология, биокультурный со-конструктивизм, нейрофизиология, нейроэстетика, стиль мышления.

COGNITIVE FOUNDATIONS OF ART IN THE MIRROR OF THE CONCEPT OF BIOCULTURAL CO-CONSTRUCTIVISM: PROSPECTS OF RESEARCH

Aleksandra Gennad'evna Kraeva
PhD in Philosophy, Associate Professor
Ulyanovsk State University

Revolutionary discoveries in the field of cultural neuroscience in the framework of cognitive research have raised the problem of a radical revision of the fundamental foundations of nature and cognitive foundations of the totality of spiritual practices, including art. The phenomenon of neurodetermination of culture, interdependence of natural and social trajectories of human evolution, is actively discussed in the study of the integral system "society-brain-culture", and makes not only to significantly revise the previously accepted ideas about the formation and functioning of the brain, but also raises non-trivial questions about the mechanisms of interaction of neurobiological structures and society, which is the carrier of a culture, including artistic cognitive activity. The work identified the main vectors in the study of this problem: detection and analysis of the mechanisms of neurodermal culture and peculiarities of their influence on creative abilities (art-cognitive activities) of a person; means of determining their borders dentreprises art, and how the plasticity of the brain associated with the cognitive potential of artistic knowledge, and Vice versa. The most important component of the study is the actualization of the cantian program of brain research, as well as how it can be interpreted in relation to the activities of the subject of artistic creativity.

Keywords: cultural neuroscience, cognitive research, neuropsychology, biocultural co-constructivism, neurophysiology, neuroesthetics, thinking style.

Трансформация дисциплинарных областей научного знания под воздействием трансдисицплинарных революционных преобразований [Бажанов, Краева, 2017b], а также появлением культурной нейронауки [Бажанов, 2019], определивших эпистемологический облик постнеклассики, изменила познавательную и институциональную структуру современной художественно-когнитивной сферы. Направленность эпистемологии искусства в течение примерно последних двух десятилетий на решение одной из центральных проблем современной эпистемологии – проблемы генезиса и ассимиляции знаний в аспекте трансдисциплинарного культур-конвергентного процесса, который утверждает объединение и тесную взаимосвязь рационально-дискурсивной, художественно-когнитивной и биологической сфер культуры, обусловила статус эпистемологии искусства как важной концептуально-методологической компоненты современной когнитивной науки, и обозначило перспективы включённости сферы эпистемологии искусства в корпус когнитивных исследований [Краева, 2018]. В силу слабой разработанности методологии эпистемологии искусства в отечественной исследовательской литературе, и необходимости систематизации результатов исследований западных ученых (например, работы N. Ambady, J. Bharucha, E. Brattico, A. Damasio, J. Emmerson, R. Nisbett, A. Patel, M. Pearce, M.E. Sachs, R.Zatorre), осмысление параметров дисциплинарной идентификации эпистемологии искусства в спекте таких «знаковых» постнеклассических феноменов культуры, как Science- и Bioart, а также исследований в области социальной и культурной нейронауки, нейроэстетики (работы W. Hirstein, G. Lengger Petra, S. Nalbantian, V. Ramachandran, C. W. Tyler, S.Zeki), требуют глубокой философско-методологической рефлексии. Рефлексивная компонента художественно-когнитивной деятельности в качестве своего ядра использует холистическую методологию социальных и гуманитарных наук. Искусст-

во, будучи инициатором трансдисицплинарных процессов в области Science art, выполняет роль катализатора интертеоретических обменных процессов, то есть культурного опосредования научного знания в аспекте адекватности его применения, что дает серьезные основания для понимания искусства как совершенно уникальный рефлексивного компонента культуры, способного не только к трансдисциплинарному взаимодействию с наукой, но и выполнению функции «жизнесохраняющего» фактора как сложнейшей социально-культурной и онтогенетически обусловленной конструкции, призванной осуществлять сбалансированность, корреляцию технологической и духовной эволюции культуры человека [Бажанов, Краева, 2017b, с. 38-43].

Феномен нейродетерминации культуры, взаимная корреляция естественной и социальной траекторий эволюции человека, подвергается активному осмыслению в рамках системы биокультурного со-конструктивизма [Бажанов, 2019] и заставляет не только в существенной степени пересмотреть принятые ранее представления о формировании и функционировании мозга, но и ставит нетривиальные вопросы о механизмах взаимодействия нейробиологических структур и социума, который является носителем той или иной культуры, в том числе – художественной когнитивной деятельности. Каковы механизмы нейродетерминации культуры и особенности влияния этих механизмов на творческие способности и художественно-когнитивную деятельность человека? В какой мере они определяют границы деантропологизации искусства? Как пластичность мозга связана с когнитивным потенциалом художественного знания, и наоборот? Каким образом современная нейронаука актуализирует кантианскую программу исследования мозга, и как эта программа может быть интерпретирована относительно деятельности субъекта художественного творчества? Каковы основополагающие способы инкорпорирования идей нейронауки в эпистемологию искусства? В какой степени они трансформируют представления о генезисе и механизмах когнитивной и рефлексивной творческой деятельности, а также те философские представления, которые могут имплицироваться в связи с пересмотром трактовки их оснований?

Данные современных нейронаучных исследований говорят об обусловленности творческих способностей человека уникальными свойствами мозга, обусловленных деятельностью так называемой неявной памяти, с помощью которой происходит освоение и оперирование языком [Бажанов, 2019, с. 149], а также об имплицитной корреляции естественных языков и музыкального искусства [Бажанов, Краева, 2017a, с. 9-11]. Исследования западноевропейской и восточной культурной практики не оставляют сомнений в очевидной зависимости их генезиса и эволюции от нейробиологических и ментальных параметров, которые присущи представителям различных культур, что, в частности, обусловлено гипотезой о существовании культурно-этнических музыкальных модулей [Бажанов, Краева, 2017a, с. 11-15]. Таким образом, придание большей весомости деятельностным компонентам когнитивных механизмов за счет установления конкретных корреляций между социокультурными и биологическими детерминантами и познавательной практикой, а также установление взаимной детерминации научной и художественной познавательных традиций в фокусе выявления новых граней соотношения абсолютного и релятивного в познании, холистических и аналитических методов исследования конституирует эвристический потенциал области искусства для реконструкции основополагающих дефиниций, регламентирующих процесс познания в целом [Краева, 2018].

Рассмотрение особенностей восприятия искусства и художественной познавательной деятельности как проявления психофизиологических и нейрофизиологических свойств мозга и трансляции знания в форме художественно-когнитивных концептов позволит скорректировать представления о соотношении априорного и апостериорного в познавательной деятельности, а также выявить конкретные грани и перспективы совместимости кантианской программы исследований с формирующейся областью нейроэстетики [Brattico, Pearce, 2013], [Sachs, Damasio, Habibi, 2015], а также работы W. Hirstein , G. Lengger Petra, S. Nalbantian, V. Ramachandran, C.W. Tyler, S. Zeki.

Анализ когнитивно-рефлексивных механизмов художественного творчества в опоре на представления о механизмах познавательных процессов в науке, генерируемых эстетическими переживаниями, сквозь призму нейробиологической обусловленности, позволит обосновать идею общности и единства точек роста, что актуально для философии науки. Эвристичность данного вектора когнитивных исследований состоит в том, чтобы установить четкую взаимосвязь действия механизмов репрезентации и специфической организации мозга и установок сознания субъекта, фундированных определенным социокультурным контекстом в процессе художественно-когнитивного творчества, а также выявить обратную корреляцию. Трансформация представлений об онтологическом пространстве рационального дискурса на основе данных нейронауки позволит объяснить ярко выраженную математизацию, формализм и интеллектуальную нагруженность произведений искусства [Краева, 2017].

Выявление когнитивных оснований художественного творчества в опоре на представления современной культурной нейронауки, определение перспективного с точки зрения применимости и надежности методологического и методического инструментария в рамках системы «социум – культура – мозг», дает основания предполагать их продуктивность в решении проблемы построения максимально полной для каждой стадии развития культуры картины познавательной деятельности человека, Исследование механизмов генерации функционирования креативного мышления, творческой интуиции, логики творчества – это своевременный и необходимый шаг на пути исследований по созданию искусственного интеллекта, развития био- и медицинских технологий.

Литература

1. Бажанов, 2019 – *Бажанов В.А.* Мозг-культура-социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООН «Реабилитация», 2019. 288 с.
2. Бажанов, 2016 – *Бажанов В.А.* Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы // Вопросы философии. 2016. №8. С. 126-137.
3. Бажанов, Краева, 2017a – *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Музыка в фокусе современной нейронауки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №40. С. 7-21.
4. Бажанов, Краева, 2017b – *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Нейропсихологические предпосылки процессов саморефлексии субъекта познания в контексте трансдисциплинарного подхода // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов XI международного симпозиума 16-17 октября 2017г., Москва / Отв. Ред. В.Е. Лепский. М.: «Когито-Центр», 2017. С. 38-43.
5. Бажанов, Краева, 2016 – *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т.5. №2. С. 91-107.
6. Краева, 2017 – *Краева А.Г.* Рефлексия в искусстве: Science art как ответ в условиях формирующейся трансдисицплинарности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86): в 4-х ч. Ч. 3. С. 97-100.
7. Краева, 2018 – *Краева А.Г.* Эпистемология искусства в пространстве когнитивных исследований: основные направления, современное состояние и перспективы // Манускрипт. 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 253-258.
8. Brattico, Pearce, 2013 – *Brattico E., Pearce M.* The Neuroaestetics of Music // Psychology of Aesteticsm Creativity, and the Arts. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 48-61.
9. Sachs, Damasio, Habibi, 2015 – *Sachs M.E., Damasio A., Habibi A.* The Pleasures of Sad Music: A Systematic Review // Frontiers in Human Neuroscience. 2015. Vol. 9. Article 404. doi: 10.3389/fnhum.2015.00404

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00016
УДК 101.1

КОГДА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Андрей Борисович Макаров
Кандидат философских наук, доцент
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Создание новой научной теории, а, значит, и научная революция, это не одноразовый акт. Научная революция имеет свои предпосылки и далеко идущие следствия. Формирование новой идеальной модели определённой области действительности (теории), бесспорно, является вершиной всякой научной революции. Однако даже после того, как новая парадигма принята научным сообществом, идет непростая работа по раскрытию её потенциала, осмыслению, интерпретации, выявлению связей с другими теориями и границ её применимости. И хотя это похоже на «нормальную науку», эти исследования являются частью научной революции: теория не может замыкаться в царстве чистой мысли. Противоречия и неполнота научной теории и научной картины мира образуют в то же время предпосылки дальнейшего развития науки. Так, неинвариантность уравнений классической электродинамики относительно преобразований Галилея послужила для А. Эйнштейна главным стимулом и мотивом создания СТО. Но и последняя, с точки зрения её автора, не достаточна: она опирается на ограниченный принцип относительности и не объясняет природу гравитации. Решение этих задач привело к созданию ОТО. Появление новой теории не означает смерть старой. Классическая наука продолжает благополучно и плодотворно жить. Интерес к её философско-методологическому анализу не ослабевает, а многие вопросы, поставленные в ней, не получили ответа и в неклассической науке.

Ключевые слова: научная революция, основания научного познания, философские основания науки, неполнота, внутри-и межпарадигмальные противоречия, принцип соответствия Н. Бора.

WHEN DOES THE SCIENTIFIC REVOLUTION END?

Andrey Borisovich Makarov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Samara National Research university of the name of academician S. Korolev

Creation of a new scientific theory and a scientific revolution is a not disposable act. A scientific revolution has prerequisites and far-going consequences. Undoubtedly, formation of a new ideal model of a certain direction of reality (theory) is the highest point and the most important part of any scientific revolution. However, even after accepting a new paradigm by a scientific association it begins work on opening its potential, comprehension, interpretation, exploring its connection with other theories and limit of its applicability. Although it looks like a "normal science", these studies are a part of a science revolution: theory can't be shut in the "kingdom of pure ideas". At the same time contradictions and incompleteness of the scientific theory and scientific picture of the world form preconditions of future development of science. So, the non-invariance of the formulas of classical electrodynamics relatively to the Galilee's conversions was the main Einstein's stimulus and motive for creation of the SRT. From the point of view of its author, even this theory is not enough: it is based on a limited principle of relativity and does not explain the origin of gravity. Solution of these problems led to the creation of GRT. Appearance of a new theory does not mean disappearance of the old theory. So classical science continues exist well and productive. An interest to its philosophical-methodological analysis does not weaken and a lot of questions that was put in it did not get answers even in non-classical science.

Keywords: scientific revolution, the scientific knowledges' bases, philosophical bases of science, an incompleteness, intra- and inter-paradigmental contradictions, the Nils Bohr's principle of accordance.

Когда завершается научная революция? На первый взгляд, ответить на этот вопрос не сложно. У Т. Куна научная революция есть смена парадигм. Парадигма же возникает в голове человека сразу одномоментно [Кун, 2001, с. 127], подобно гештальт-переключению. Другой, не менее очевидный, ответ состоит в том, что одна научная революция заканчивается тогда, когда начинается следующая, т.е. когда возникает новая научная теория. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении, оказывается, что это не совсем так.

Как и всякая революция, научная не сводится к однократному акту решительной перестройки некоторой системы знания на других основаниях. Новые идеи зарождаются уже в ходе кризиса общепринятой теории, который, с точки зрения ученых, является показателем того, что её исходные идеализации исчерпывают свои конструктивные возможности в создании новых работоспособных конструктов. Старая теория становится неспособной к дальнейшей экспансии - расширению своей области применимости. В период кризиса ученые обращаются к философии [см., например, Максвелл, 1940, с. 11]. Но введение и анализ новых априорных принципов также не могут быть отданы на откуп исключительно философам [Mormann, 2012, vol. 16.]. Процесс формирования новой модели определенной сферы действительности сложен, противоречив и чрезвычайно интересен. Но в связи с нашим главным вопросом, остановимся подробно на последствиях этого события.

Первая реакция на новую теорию зачастую состоит в сомнении, которое не всегда озвучивается открыто, является ли данная теория действительно научной. Ведь она противоречит устоявшейся парадигме, поскольку вводит иной тип идеальных объектов. Новое знание, как подчёркивает Э.В. Ильенков, «должно быть присоединено к старому знанию, несмотря на то, что формально ему противоречит», поскольку из него не выводимо и к нему не редуцируемо [Ильенков, 1984, с. 95]. Приходится пересматривать приоритеты в системе критериев научности, что требует анализа на метапредметном уровне. Противоречия и неполнота научной теории и научной картины мира образуют в то же время предпосылки и условия дальнейшего развития науки. Так, неинвариантность уравнений классической электродинамики (уравнений Максвелла) относительно преобразований Галилея послужила для А. Эйнштейна основным стимулом и мотивом создания СТО. Но и последняя, с точки зрения её автора, не достаточна: она опирается на ограниченный принцип относительности и не объясняет природу гравитации. Решение этих задач привело к созданию ОТО. Важно, что новая теория меняет лишь некоторые исходные принципы старой. В результате между ними устанавливаются отношения по принципу соответствия Н. Бора. В этом аспекте научная революция представляет собой ограничение предметной области старой теории.

Формирование новой идеальной модели определённой области действительности (теории), бесспорно, является вершиной всякой научной революции. Однако, только после того, как новая парадигма принята научным сообществом, работа по её «приживлению» к действующей науке разворачивается в полной мере. Это вывод частных теорий и их эмпирическая интерпретация. Теоретическая интерпретация состоит в прояснении введённых (скорректированных) принципов и понятий, демонстрации работоспособности новых идеализаций и презентативности идеальной модели в целом. Идёт определение границ предметной области новой теории, установление связей с другими дисциплинарными теориями и смежными дисциплинам. И хотя это похоже на «нормальную науку», такие исследования являются частью научной революции: теория не может замыкаться в царстве чистой мысли. Дело осложняется тем, что возможны и иные формы представления и категоризации выделенной области действительности [Хакинг, 1998, с. 123].

В результате любая временная граница, маркирующая окончание научной революции, будет обозначена по формальным, достаточно произвольным признакам. Так, классическая наука и в наше время актуальна и продуктивна; не все проблемы, выявленные в ней, разрешены в неклассической науке. Например, нет приемлемого понимания таких фундаментальных основоположений всего естествознания как принцип

инерции и принцип относительности. И даже недавнее блестящее эмпирическое подтверждение смелого прогноза А. Эйнштейна о существовании гравитационных волн не проясняет ни природу гравитации, ни механизмы её действия. С учётом сказанного, утверждение, что современная наука есть продолжение научной революции эпохи Возрождения, не выглядит слишком смелым.

Литература

1. Ильенков, 1984 - *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
2. Кун, 2001 - *Кун Т.* Структура научных революций. М., ООО «Издательство АСТ», 2001. 608 с.
3. Максвелл, 1940 - *Максвелл Д.К.* Речи и статьи. М.-Л., 1940. 227 с.
4. Хакинг, 1998 - *Хакинг Ян.* Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 1998. 296 с.
5. Mormann, 2012 - *Mormann T.* Toward a teory of the Pragmatiic A Priori: From Carnap to Lewis and Beyond // Rudolf Carnap and the Legacy of Logical Empiricism. Vienna : Circle Institute Yearbook, 2012. vol. 16.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00017
УДК 1(091):165.65

КОНСТРУКТИВНОСТЬ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ МАТЕМАТИКИ

Виктор Тихонович Мануйлов
Кандидат философских наук, доцент
Московский институт государственного управления и права, Курский филиал

Рассматривается место и роль «конструкций» в историческом развитии математики от античности до настоящего времени. Конструктивность античной математики заключается в наличии среди начал постулатов, а среди выводных предложений проблем, и в неразрывной связи и взаимозависимости проблем и теорем. Гносеологические основания конструктивности античной математики составляют учения о математическом знании как промежуточном знании, учение о воображении как познавательной способности, реализуемой в математике, и теория абстракции Аристотеля. Онтологические основания конструктивности античной математики содержатся в учении о «мыслимой материи». Аналитическая геометрия и классический математический анализ строятся «генетическим» способом, основанном на геометрической конструкции античной математики, расширенной применением метода координат и методов дифференцирования и интегрирования. «Арифметизации анализа» привела к появлению проблем, решение которых могло быть достигнуто только путем обращения к философии математики. Гносеологические основания конструктивности математического знания этого периода сформулированы в философии классического рационализма (Декарт, Лейбниц и т.д.) и в философии математики Канта. «Методологический разрыв» в современном состоянии оснований математики может быть решен совместными усилиями математиков и философов.

Ключевые слова: конструктивность, математика, история философии математики, гносеологические и онтологические основания конструктивности.

CONSTRUCTIVITY OF MATHEMATICAL KNOWLEDGE IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY OF MATHEMATICS

Victor Tikhonovich Manuylov
PhD in Philosophy, Associate Professor
The Moscow institute of public administration and the right, Kursk branch

The place and role of "constructions" in historical development of mathematics from antiquity to the present day are considered. The constructivity of antique mathematics lies in the presence of postulates among the elements and of problems among logical conclusions, and in the inseparable connection and interdependence of problems and theorems. The epistemological foundations of constructivity of antique mathematics are doctrines about mathematical knowledge as intermediate knowledge, the doctrine about imagination as the cognitive ability realized in mathematics, and the theory of abstraction of Aristotle. The ontological foundations of the constructivity of antique mathematics are contained in the doctrine about "imaginable matter". The analytical geometry and classical mathematical analysis are built by the "genetic" method, based on the geometrical construction of the antique mathematics expanded with application of a method of coordinates and methods of differenti-

ation and integration. "Arithmetization of the analysis" led to emergence of problems which solution could be reached only by the appeal to the philosophy of the mathematics. The epistemological foundations of the constructivity of mathematical knowledge of this period are formulated in the philosophy of classical rationalism (Descartes, Leibniz, etc.) and in the philosophy of mathematics of Kant. "The methodological gap" in the current state of the foundations of mathematics can be solved by joint efforts of mathematicians and philosophers.

Keywords: constructivity, mathematics, history of the philosophy of mathematics, epistemological and ontological foundations of constructivity.

Математика – сложный комплекс идей, методов, понятий, в которых переплетены философские, логико-методологические и собственно математические составляющие. Любой разрыв этого сложного комплекса по какому-либо основанию ведет к изменению смысла математических понятий. Поэтому одной из важнейших задач истории философии математики [Родин, 2003]) является адекватная реконструкция такого перехода с учетом изменений во всех компонентах сложного философско-математического комплекса.

Показателем конструктивности античной математики может служить «метод анализа и синтеза». «Анализ есть метод греческих геометров, используемый в поиске доказательств для теорем и конструкций для решения проблем. В обоих случаях анализ … состоит в предположении того, чего добиваются в исследовании … и в продолжении далее до тех пор, пока не достигают чего-то уже известного. Анализ сопровождается синтезом, в котором желаемая теорема или конструкция устанавливается шаг за шагом обычно посредством возвращения по ступеням анализа в обратном порядке» [Hintikka and Remes, 1974, p.1].

Гносеологические основания конструктивности античной математики составляют учения Платона и Аристотеля о специфике математического знания как промежуточного знания, переводящего познание со ступени мнения на ступень философии. Познавательная способность, реализуемая в математике, по Проклу, есть воображение, то есть рассудок [Родин, 2003] или разум [Прокл, 1994], работающий в чувственности. К гносеологическим основаниям античной математики относится также теория абстракции Аристотеля [Мануйлов, 2008a]. Онтологические основания конструктивности античной математики содержатся в учениях Платона и Аристотеля о «мыслимой материи».

Фундаментальное изменение способов построения математического знания происходит в период научной революции, связанной с формированием опытного естествознания. Классический математический анализ, возникший в XVII–XVIII вв., окончательно сложившийся в начале XIX в. и подвергшийся коренной переработке в духе «арифметизации» в конце XIX в. представители «конструктивизма» в философии математики рассматривают как концепцию, содержащую «неконструктивные» в различных смыслах компоненты. Однако Д. Гильберт считал: «Требование ограничить предметы математики конструктивно определенными объектами представляло бы конструктивную тенденцию в некотором ложном направлении», т.к. «каждый онтологически или теоретико-познавательно мотивированный подход, который не позволяет полную реконструкцию результатов классического анализа, должен быть отклонен как опровергнутый» (выделено мною – В.М.) (Цитируется по [Breitkopf, 1968, S. 5-6]). То есть по Гильберту классический математический анализ обладает определенным видом конструктивности, который может быть охарактеризован как использование в качестве основного метода введения объектов математической теории «геометрической конструкции» [Феферман, 1971, с.241-262]. Основные претензии «конструктивистов» сводятся к трем пунктам: 1) использование в классическом анализе актуальной бесконечности; 2) наличие в анализе «чистых терем существования», основанных на применении «tertium non datur» в рассуждениях о бесконечных предметных областях; 3) классическая теория континуума действительных чисел [Bernays, 1979, S.3-7]. Однако каждое из этих возражений относится в большей степени к той модификации анализа, которая сложилась в результате его «арифметизации» и последующего теоретико-множественного обоснования.

В XVII – XVIII вв. объекты математики – действительные числа –вводились «генетически», методом «содержательной» или «материальной» аксиоматики [Клини, 2009, с, 32]. «Но представление о числовой величине здесь не является строго арифметическим, оно скорее есть представление об измеримой величине (Maßgröße), величине размерности нуль: число-мера (Maßzahl) есть отношение некоторой величины к избранной единице – [величине] того же рода. … Если бы мы могли ограничиться такими величинами, то строгая арифметизация учения о величинах была бы совершенно лишена проблем. Это не так, однако, имеется некоторый род замены для этого, поскольку для величин – как это в общем случается в геометрии и также в физике – предполагается выполнимость евдоксо-архимедова постулата. …Такая совокупность [величин] имеет известные свойства «дедекиндова сечения». Как числа-меры мы можем взять тем самым множества дробей, которые обладают этими свойствами. … Но требование строгой арифметизации может идти дальше, тем, что требуют, чтобы определение каждого такого сечения было арифметическим. … [Однако] … область возможных арифметических определений сечений не ограничена отчетливо. … Такие ограничения … вводятся … с различных методических точек зрения. Получаются … различные … способы изложения анализа. Последние все имеют свой математический интерес как арифметические дисциплины (современные концепции таких попыток представлены ниже в Схеме 1 – В.М.). Однако нет гарантии того, что таким образом будет адекватно представлена структура континуума. … [Чтобы] избежать этих трудностей … нужно понимать характеристики чисел-мер посредством сечений не в смысле полного сведения к теории чисел, но можно было бы позволить оценивать здесь применение интуитивного понятия. … Для получения

множества чисел-мер тогда нуждаются в множестве-степени числового ряда, от которого … переходят к множеству-степени множества дробей, а из последнего затем … производят подходящее выделение. От множества чисел-мер тогда приходят обычным способом к множеству действительных чисел, которое мы можем рассматривать как квази-арифметическое представление множества точек прямой – говорят о «числовой прямой». Для … введения множества-степени числового ряда … можно рассматривать постулирование этого специального множества-степени как мотивированное нашим геометрическим представлением континуума» [Bernays,1979, S. 3–16]. То есть с точки зрения Бернайса классический математический анализ есть содержательная математическая теория, основные объекты которой – действительные числа – суть числа-меры, вводимые с помощью геометрической конструкции и получившие адекватный геометрический способ представления и несколько арифметических (теоретико-числовых) способов представления. При арифметизации анализа это геометрическое происхождение понятий действительного числа и континуума было забыто, и многие методы и теоремы анализа стали рассматриваться как сомнительные.

В философии И. Канта математическое и философское познание разделены: «Философское познание есть познание разумом из понятий, математическое – из конструкции понятий» [Мануйлов, 2001, с. 35-36]. Философия естествознания Канта описывает тот познавательный аппарат трансцендентального субъекта, который сложился в ходе «коперниканского переворота» и который лежит в основании построения механистической физической картины мира.

Современное состояние дел в области оснований математического знания характеризуется распадом единого (в период классической математики) поля теоретизирования на три самостоятельные (самодостаточные) области: собственно математика; философия и методология математики; философия. Такое положение дел является выражением более общего состояния современной духовной культуры: разрыва между философией и наукой. Концепции конструктивности математического знания в современных направлениях обоснования математики и в Немецком конструктивизме представлены на Схеме 1. Одной из настоятельных проблем современной истории философии математики является создание синтетической философской теории конструктивности научного, в том числе математического, знания. Для решения этой проблемы требуются совместные усилия ученых и философов.

Литература

1. Бурбаки, 1965 – *Бурбаки Н.* Исторический очерк//Бурбаки Н. Теория множеств. М.: Мир, 1965. С. 298–348.
2. Клини, 2009 – *Клини С.К.* Введение в метаматематику. М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2009. 528 с.
3. Мануйлов, 2008а – *Мануйлов В.Т.* Конструктивность античной математики // Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей: выпуск 11. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. С. 59-84.
4. Мануйлов, 2008б – *Мануйлов В.Т.* Конструктивность и существование в математическом знании//Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук: сб. статей. Курск, 2008. С. 79–98.
5. Мануйлов, 2003 – *Мануйлов В.Т.* Конструктивность как принцип обоснования научного знания // Философские науки. 2003. № 10. С. 104-121.
6. Мануйлов, 2009 – *Мануйлов В.Т.* Конструктивность классического математического анализа//Проблема конструктивности научного и философского знания: сборник статей: выпуск 12. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. С. 93-110.
7. Мануйлов, 2001 – *Мануйлов В.Т.* Конструктивность обоснования математического знания в философии математики И. Канта // Проблема конструктивности научного и философского знания: Сборник статей: Выпуск первый. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. С. 29-61.
8. Мануйлов, 2018 – *Мануйлов В.Т.* Философия математики И. Канта // Проблемы философии: история и современность. Курск: КГУ, 2018. С. 48-65.
9. Прокл, 1994 – *Прокл.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1994. 224 с.
10. Родин, 2003 – *Родин А.В.* Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля. М.: Наука, 2003. 211 с.
11. Феферман, 1971 – *Феферман С.* Числовые системы. Основания алгебры и анализа. М.: Наука, Главн. ред. физ.-мат. лит-ры., 1971. 440 с.
12. Bernays,1979 – *Bernays P.* Bemerkungen zu Lorenzen's Stellungnahme in der Philosophie der Mathematik // Konstruktionen versus Positionen. Bd. I. Spezielle Wissenschaftstheorie. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1979. S. 3–16.
13. Breitkorf, 1968 – *Breitkorf H.* Untersuchungen über den Begriffen des finiten Schließens: Inaugural-Diss. München: Lüdwig-Max-Universität, 1968. 90 s.
14. Hintikka and Remes, 1974. – *Hintikka K. J. J. and Remes U.* The Method of Analysis. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1974. xviii, 144 p.

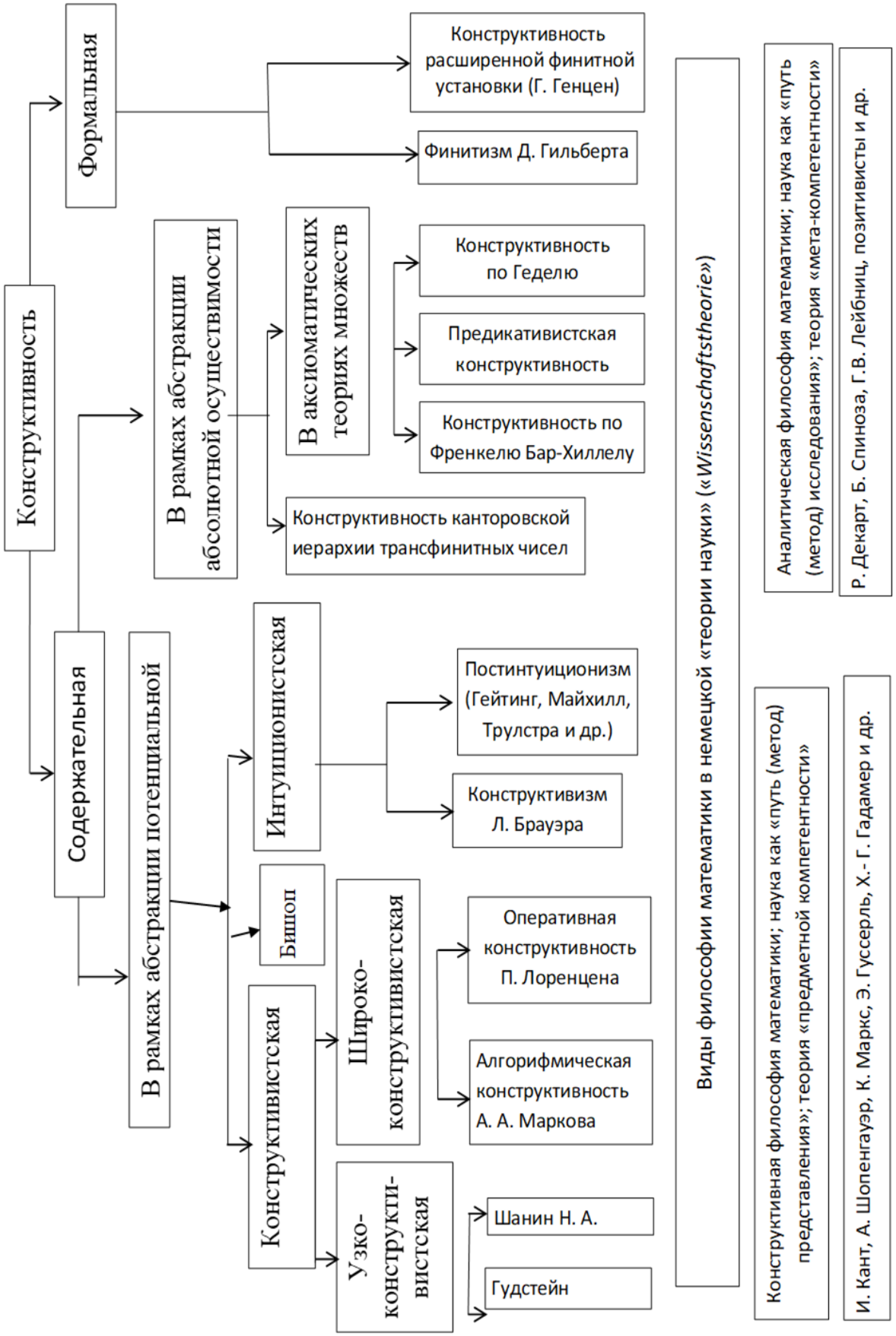

Конструктивность
Формальная
Содержательная
Конструктивность расширенной финитной установки (Г. Генцен)
Финитизм Д. Гильберта
В рамках абстракции абсолютной осуществимости
В аксиоматических теориях множеств
Конструктивность по Геделю
Предикативистская конструктивность
Конструктивность по Френкелю Бар-Хиллелу
Конструктивность канторовской иерархии трансфинитных чисел
В рамках абстракции потенциальной
Интуиционистская
Постинтуиционизм (Гейтинг, Майхилл, Трулстра и др.)
Конструктивизм Л. Брауэра
Бишоп
Конструктивистская
Широко-конструктивистская
Оперативная конструктивность П. Лоренцена
Алгорифмическая конструктивность А. А. Маркова
Узко-конструкти-вистская
Шанин Н. А.
Гудстейн
Виды философии математики в немецкой «теории науки» («Wissenschaftstheorie»)
Аналитическая философия математики; наука как «путь (метод) исследования»; теория «мета-компетентности»
Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, позитивисты и др.
Конструктивная философия математики; наука как «путь (метод) представления»; теория «предметной компетентности»
И. Кант, А. Шопенгауэр, К. Маркс, Э. Гуссерль, Х.- Г. Гадамер и др.

Схема 1

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00018
УДК 165.18:165.9:612.8

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ВОСПРИЯТИЯ В ЭПОХУ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей Игоревич Пономарёв
Ассистент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)

Доклад посвящён анализу изменения научной парадигмы в период научной революции XVII в. Научная революция приводит к изменению не только взгляда на мир, но и самого восприятия. Данное изменение восприятия исследователей показано на примере опытов Галилея с маятником и Ньютона с призмой. По мнению Куна и Хэнсона, представители новой парадигмы (Галилей и Ньютон) видели окружающие предметы и мир в целом не так, как видели его предшественники. Подобный взгляд приводит к релятивизму научного знания, представитель каждой научной парадигмы имеет равные основания для своих выводов. Фодор полагал, что для преодоления релятивизма нужно использовать теоретически нейтральные наблюдения. Рафтопулос утверждает, что первичные перцептивные переживания являются нейтральными по отношению к теоретической позиции субъекта, этот факт может решить проблему релятивизма. Данный взгляд противоречит концепции расширенного содержания перцептивных переживаний (Сигель), согласно которой мы можем воспринимать свойства высокого порядка, такие как принадлежность к виду или классу. Тем не менее, концепция расширенного содержания перцептивных переживаний не обязательно приводит к релятивизму. Анализ восприятия дает еще одну перспективу для анализа эпохи научной революции и смены парадигм.

Ключевые слова: научная революция, парадигма, Галилей, Ньютон, теория восприятия, содержание перцептивных переживаний, восприятие свойств высокого порядка.

ON PERCEPTUAL CHANGINGS DURING SCIENTIFIC REVOLUTION

Andrei Igorevich Ponomarev
Assistant
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

Paper considers changing of scientific paradigm during scientific revolution in seventeenth century. Scientific revolution changes not only whole worldview but also it brings changings in contents of perceptual experiences in scientist's minds. Such changings are shown on Galileo and Newtown cases. According Kuhn and Hanson advocats of new paradigm (Galileo and Newtown) saw thing in different way than did their predecessors. This approach leads to problem of relativism because advocats of different paradigms have equal grounds to their conclusions. Fodor thought that to regect relativism there must be theoretically neutral observations. Raftopoulos claims that early visionis theoretically neutral ang cognitivelly impenetratable. This could be solvation of relativism problem. Such approach contradicts popular nowadays in philosophy of perception rich content view (Siegel). According this view perception represents high-level properties like property of being member of group. Nevertheless, rich content view not nessessarily lead to relativism. Analysis of perception gives another perspective in the debates about scientific revolution and paradigm changing.

Keywords: scientific revolution, paradigm, Galileo, Newton, theory of perception, content of perceptual experience, rich content view.

Томас Кун в «Структуре научных революций» говорил, что научная революция приводит к изменению взгляда на мир. Он ввел для объяснения такого изменения термин «наблюдение, определяемое теорией». Кун полагал, что теория, сторонниками которой являются ученые, оказывает влияние на результаты наблюдений, которые эти ученые проводят для подтверждения своей теории. Сам Кун в пример приводит различие в механике Аристотеля и Галилея [Кун, 2003, стр. 160]. Для Аристотеля маятник не представлял единого объекта, наблюдения касались только груза. Груз, согласно учению Аристотеля, имеет естественную склонность двигаться вниз, а нить ему мешает упасть. Для Галилея маятник являлся единым объектом, в котором нить и груз действуют совместно и согласованно. Из-за того, что наблюдения касались разных объектов, выводы, которые делают разные теоретики, отличаются друг от друга. Теоретическая позиция наблюдающего ученого может оказывать влияние на разные составляющие наблюдения. Самым интересным случаем является возможность влияния теории на сам акт восприятия. Иными словами, видят ли разные ученые одно и то же, но интерпретируют по-разному, или они видят разное, и это является источником разных теорий?

В споре между новой (галилеевской) и старой (аристотелевской) парадигмами наблюдения играли

ключевую роль. Однако наблюдая поведение одинаковых предметов (грузов на нити), Галилей делал вывод, что период колебаний груза не зависит от амплитуды, в то время как Аристотель утверждал, что период прямо пропорционален амплитуде. Причем наблюдения подтверждали теоретические выводы каждого исследователя: при малых колебаниях зависимость периода от амплитуды не заметна, а при больших колебаниях зависимость заметна. Изменения в восприятии между разными теоретиками состоят в том, что Аристотель воспринимал груз и нить как разные объекты, поэтому и описание их движения, и соответствующие наблюдения делались для одного груза. Галилей же видел груз и нить как один объект, состоящий из двух частей, и поэтому описывать динамику можно только для цельного объекта, а не для каждой части [Галилей, 1948, 176].

Аналогичные разногласия возникли в вопросе о природе света и цвета. Ньютон утверждал, что разные цвета содержатся в белом свете и с помощью призмы их можно разделить. Солнечный свет, падающий на призму через дырку в шторе, образует на стене не круглое, а овальное разноцветное пятно, причем в опыте Ньютона длина пятна была в пять раз больше, чем ширина. Этот опыт противоречил принятым еще с древности законам оптики, согласно которым угол отражения всегда равен углу падения. Одним из критиков Ньютона был иезуит Лукас, который самостоятельно провел опыт с призмой и получил отличные от Ньютона результаты, отношение длины к ширине у Лукаса составило 3.5 вместо 5. С точки зрения Лукаса, удлинение с коэффициентом 3.5 является незначительным и может быть объяснено другими факторами (самой призмой, тучами, высотой солнца), а не содержанием разных цветов в белом свете. Глядя на овал на стене, оба теоретика видели разные объекты, Ньютон видел разноцветное пятно, полученное разделением белого света, Лукас, в свою очередь, видел просто немного искаженное пятно. В данном случае, как и в случае с маятником, результаты наблюдений тоже зависят от теоретической позиции исследователя [Карцев, 1987, стр. 164].

Можно ли сказать, что в приведённых выше и в других случаях исследователи действительно видели что-то разное или они видели одно и то же, но интерпретировали полученную информацию по-разному? Иными словами, зависит ли то, что мы воспринимаем, от теоретической позиции, которую мы разделяем? Хэнсон, на которого ссылается Кун, утверждал, что невозможно объяснить различия между результатами наблюдений только с помощью различной интерпретации учеными одной и той же информации, необходимо, чтобы различия между теоретиками носили более фундаментальный характер, вплоть до различия в восприятии [Hanson, 1963, стр. 13]. Как в таком случае можно избежать парадигмального релятивизма? Как определить, представители какой парадигмы видят мир правильно? Первый способ преодоления релятивизма лежит в антропологической плоскости. Можно предположить, что в XVII веке, под воздействием социальных факторов и других причин появился новый тип человека, восприятие которого точнее и правильнее, чем в предшествующее время. Галилей и Ньютон были представителями такого нового типа человека, а иезуиты XVII века людьми старого типа. Такой подход имеет ряд трудностей, например, не всегда новая парадигма лучше старой, люди нового типа тоже могут ошибаться в наблюдениях. Кроме того, если для XVII века свойственны такие серьезные изменения в человеке, то можно ли то же самое утверждать и о более поздних научных революциях?

Другой способ преодоления релятивизма состоит в том, что содержание восприятия у разных теоретиков одинаковое, разница в выводах зависит от интерпретации. Фодор был противником зависимости восприятия от теоретической позиции, с его точки зрения только теоретически нейтральные наблюдения могут быть основанием для научного знания [Fodor, 1984, стр. 42]. Рафтопулос приводит современные когнитивные исследования, которые показывают, что самые первые сигналы, которые получает мозг, принципиально не зависят от предшествующего знания и памяти [Raftopoulos, 2015, p. 100]. Это дает основания Рафтопулусу утверждать, что первичное восприятие не зависит от сознания, следовательно, не зависит от теоретической позиции. Сложность данного подхода состоит в том, что в научной коммуникации мы оперируем не первичными перцептивными сигналами, а уже концептуально обработанной информацией. Тем не менее, Рафтопулос полагает, что исследования мозга для определения содержания первичных перцептивных сигналов могут существенно помочь диалогу между парадигмами. Для этого нужно добавить в научную коммуникацию выяснение содержания первичных перцептивных переживаний. Невозможно сейчас обследовать мозг Ньютона или Галилея, но в современных условиях исследования мозга могут стать серьезным подспорьем в диалоге между парадигмами.

Вторая сложность, с которой сталкивается позиция Рафтопулуса, состоит в том, что первичные перцептивные переживания являются теоретически нейтральными. Достаточно популярная сегодня в философии восприятия позиция широкого содержания перцептивных переживаний (rich content view) состоит в том, что через восприятие нам доступны не только некоторые простые свойства объектов, такие как цвет и форма, но еще и принадлежность объектов к классу или виду, каузальные отношения и др. [Siegel, 2010, p. 7]. Если восприятие носит концептуальный характер, то это делает восприятие однозначно зависимым от приобретенного ранее теоретического знания. Как человек может видеть принадлежность объекта к маятникам, если он не знает, что такое маятник? Однако истинность позиции расширенного содержания перцептивных переживаний необязательно приводит к релятивизму. Возможно, Ньютон и Лукас видели одно и то же даже в концептуальном смысле, т.е. они оба видели, что белый свет состоит из всех цветов радуги, но разные выводы определяются более тонкими отличиями в теоретических позициях.

Рассмотренные случаи позволяют обратить внимание на изменение восприятия в эпоху научной революции. Это важный аспект смены научной парадигмы, который редко подвергается анализу. Современ-

ные исследования в области нейрофизиологии и философии восприятия могут пролить новый свет на проблему научной революции.

Литература

1. Fodor, 1984 – *Fodor J.* Observation reconsidered // Philosophy of science. 1984. Vol. 51. Issue 1. P. 23-43
2. Hanson, 1963 – *Hanson N. R.* Patterns of discovery. Cambridge: Cambridge University Press. 1963. 252 p.
3. Raftopoulos, 2015 – *Raftopoulos A.* The cognitive impenetrability of perception and theory-ladenness // Journal for General Philosophy of Science. 2015. Vol. 46. Issue 1. pp. 87-103
4. Siegel, 2010 – *Siegel S.* The Contents of Visual Experience. Oxford university press. 2010. 234 p.
5. Галилей, 1948 – *Галилео Галилей.* Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой. М.-Л.: ГИТТЛ. 1948. 380 с.
6. Карцев, 1987 – *Карцев В. П.* Ньютон. М.: Мол. гвардия. 1987. 415 с.
7. Кун, 2003 – *Кун Т.* Структура научных революций. М.: «Издательство АСТ». 2003. 605 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00019
УДК 165.23

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ МАТЕМАТИКИ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Андрей Валентинович Титов
Кандидат технических наук, доцент
Российский университет транспорта (МИИТ)

В процессе своего развития математика приобретает все более «фрагментарный» характер. С одной стороны, возникают новые направления «чистой» математики, в частности, теория категорий. С другой, математики все чаще «замыкаются» в рамках выбранных ими направлений. Возрастает разнообразие направлений как в «чистой» математике, так и в ее приложениях, в частности, в моделировании широкого класса задач. В этих условиях актуальным становится вопрос о поиске единой основы, на базе которой нашли бы свое обоснование все направления развития математики и тем самым обрели органическое единство.

Вопрос о поиске оснований математики, о необходимости рассмотрения различных направлений на единой математической основе стоит давно. Однако, все рассматриваемые основания сами имеют вид математических объектов, описанных на аксиоматической основе. В таком виде трудно установить связь между различными типами самих оснований: математика не обретает единства.

Для сохранения единства математики в ее развитии необходим поиск единой философской основы, которая могла бы послужить базой для анализа и формирования процесса развития математики.

По мнению автора, такой философской базой, на основе которой с единой позиции может быть рассмотрена эволюция математики, может служить диалектика.

Ключевые слова: диалектика, снятие, оценка, семантика, математическая структура, категория.

DIALECTICS OF THE DEVELOPMENT OF MATHEMATICS AND MATHEMATICAL LOGIC

Andrey Valentinovich Titov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Russian University of transport (MIIT)

In the course of its development, mathematics becomes more and more “fragmented” in nature. On the one hand, there are new directions of "pure" mathematics, in particular, the category theory. On the other hand, mathematicians are increasingly “closing” within the framework of their chosen areas. A variety of directions is growing in both “pure” mathematics and its applications, in particular, in modeling a wide class of problems. In these conditions, the question of finding a single basis, on the basis of which all the directions of development of mathematics would find their rationale, becomes topical, and thus found organic unity.

The question of the need to consider various areas of mathematics on a single mathematical basis has been standing for a long time. However, all the foundations of mathematics are themselves mathematical objects, described on an axiomatic basis. In this form it is difficult to establish a connection between the different types of foundations themselves, mathematics does not acquire unity.

To preserve the unity of mathematics in its development, it is necessary to search for a single

philosophical basis, which could serve as a basis for the analysis and formation of the process of development of mathematics.

According to the author, such a philosophical base, on the basis of which the evolution of mathematics can be considered from a unified position, can be dialectics.

Keywords: dialectics, removal, evaluation, semantics, mathematical structure, category.

В настоящее время математика сталкивается с новыми для нее проблемами, как в фундаментальной области, так и в области ее приложений. С одной стороны, границы математики и ее приложений невероятно расширились, с другой, зачастую теряется связь между различными ее разделами, то есть математика утрачивает свое единство, ускользает основа, на которой достигается общность ее «частей» и интересов. Ставится вопрос о разработке новых оснований математики. Возникают даже мнения о необходимости «новой математики».

В то же время объективным является осознание ограниченности возможностей математики в тех или иных областях ее приложений. Это приводит к возникновению ряда несвязанных, а порой и слабо обоснованных методов решения прикладных задач. Такое положение выдвигает на первый план поиск и осмысление принципов и методологии, которые позволили бы с единой позиции осмыслить процесс развития математического знания.

Сохранению единства математики в процессе ее развития может способствовать рассмотрение ее развития с единой философской основы.

Современная математика по природе своей вступает в конфликт с методами познания, принятыми в естествознании. Ее объекты и правила вывода порождены сознанием, а не внешним опытом. Сознание не может не стремиться выйти за пределы опыта, что и составляет суть абстракции, но выход может заключаться не только в «простом» обобщении, но и в стремлении к такому обобщению, которое выходит уже в сферу дополнительности к тому, что диктует опыт. Но это уже шаг диалектический, результат антитезы чистой математики и математики естествознания. Это подтверждается и в работах ведущих математиков, в частности, новое понимание формальной логики, расширяющее ее понимание как анализа типов рассуждений, отмечается в работе Гольдблатта: «Аналогично те исследования структуры, которые относятся к так называемым «логикам», уже вышли за пределы своих исходных основ (анализа принципов рассуждений)». [Р. Гольдблатт, 1983, 12]

Эволюцию математики как раскрытие внутреннего содержания и формальной логики, приводящее к появлению ее новых типов можно рассматривать, как процесс выхода имеющихся форм за собственные границы, характеризуемый в диалектике Гегеля как «снятие» (Aufheben). Это такое развитие, при котором старая форма не исчезает, но сохраняется включением в новую, которая помимо нее включает в себя и ее отрицание, объединяя их в новом единстве как моменты этого единства.

Пример этого дает нам развитие геометрии, где до возникновения неэвклидовой геометрии, казалось, что возможен только один тип геометрии.

Отказ от пятого постулата привел к множественности типов геометрии, в которой эвклидова геометрия заняла свое место.

Другим примером может служить изменение представлений о числе.

Согласно Шпенглеру «Не существует и не может существовать никакого числа в себе. Есть множество миров чисел, так как есть множество культур. Мы обнаруживаем индийский, арабский, античный, западный тип математического мышления и вместе тип числа» [О.Шперглер, 1993, 153]. Считая западную культуру приемницей античной, можно рассматривать эволюцию взглядов на число на оси «античный мир — западный мир». За начало отсчета примем Пифагорейско —Платоновский взгляд на число. Можно обнаружить две развившиеся из него в дальнейшем числовые системы. Первая, развиваемая Плотином и Ямвлихом, в своей основе содержит представление о числе как о сущности всех вещей. Вторая, выросшая из теории абстракции в «Метафизике» Аристотеля, характеризуется высокой степенью формализации числа. Развитие воззрений на число в западной культуре было до последнего времени развитием второй системы. Результатом чего явилась позитивистская концепция числа. Созданная на ее основе числовая система основана на голом счете монотонно следующих единиц. В настоящее время наблюдается эволюция взгляда на число, начало которой положено трудами Г.Кантора по теории множеств. Пересмотр проходит в русле Пифагорейско-Платоновской традиции, все более проявляется структурность числа.

Наконец, язык теории категорий может служить примером возможности обобщения в нем языков теории множеств и теории структур.

Например, мономорфной в теории категорий называют стрелку $a \to b$, которая сократима слева, т.е. такую, что если $f \circ g = f \circ h$, то $g = h$.

В теории множеств этому соответствует инъективное отображение. Но это понятие охватывает также отношение порядка, которое представляется стрелкой $a \to b$, если $a < b$ (т.е. отношение в языке теории структур заменяется стрелкой в языке теории категорий), и операции, например, над натуральными числами: $m+n=m+p \Rightarrow n=p$. Здесь натуральное число на языке теории категорий есть стрелка, а композиция – операция сложения чисел.

Уже из этих примеров видно, что понятие стрелки в теории категорий охватывает такие понятия, как отображение в теории множеств (и не только), отношения, числа, а более широко – элемента алгебраи-

ческой структуры и, вероятно, многое другое, что еще не описано языками различных разделов математики. А если это так, можно надеяться на то, что потенциал теории категорий позволит расширить рамки моделирования на объекты и процессы, которые пока не могут моделироваться с достаточной степенью адекватности на языках других разделов математики.

Ход развития математического знания выводит ее за пределы рассудочной логики. Это может означать, что математика как понятие, являясь продуктом саморефлексии духа, сама в процессе саморазвития составляет свой конечный продукт, то есть понятие математики составляет конечный результат развития математики. Предмет же математики следует определить, так как рассматривать ее как науку о числах в привычном понимании этого слова уже нельзя. В частности, объектом математического знания стали структуры или, следуя выражению И.Р. Шафаревича, числоподобные структуры. В этом определении остается все же элемент противопоставления новых объектов математики (структур) числу. Развиваемый Лосевым диалектический анализ числа как понятия позволяет снять это противопоставление, рассматривая число в различных моментах его развития. Само понятие числа есть понятие, содержащее структуру.

По мнению А.Ф. Лосева, структурные свойства числа раскрываются в развитии триады: интенсивное число – экстенсивное число – эйдетическое число, причем первые два элемента этой триады составляют диалектическую противоположность, третий же является разрешением этой противоположности как их диалектический синтез [А.Ф.Лосев, 2013, 47].

Таким образом, представление математиков о расширении понятия числа в сторону развития теории структур получает философское обоснование у Лосева - он диалектически обосновывает развитие понятия числа как структуры.

Фон-Нейман предложил вариант построения натурального ряда как теоретико-множественной «конструкции», начинающейся с пустого множества. Приведенное построение можно рассматривать как «отражение» принятого в диалектике положения о том, что математика (как и логика) должна развиваться из простого начала, которое есть «полярность».

В математике, возможно, роль такого полярного начала могут играть пустое множество и его дополнение, которое, в случае, когда имеем только пустое множество, есть снова пустое множество. То есть $\varnothing=\neg\varnothing$.

Введенное Лосевым понятие эйдетического числа, позволяет подойти к анализу проблемы, о которой все чаще говорят в прикладной математике, а именно: о проблеме формирования «математики качества». При этом чаще всего проблема формулируется в виде тезиса, содержание которого туманно для самих его выдвигающих.

Прикладная математика развивается как средство моделирования природных, а затем и социальных процессов. По мере усложнения предмета моделирования в прикладной математике все более стали проявляться противоречивые и нераздельные моменты целого, она стала «спонтанно» приходить к необходимости рассмотрения «операций» с качествами, а не числами (количествами). Примером такой техники может служить так называемая теория нечетких множеств. Эту теорию можно отнести как раз к попытке создания математики на весьма зыбких основаниях.

Дальнейшее развитие теории нечетких множеств, ее превращение в строгую математическую теорию требует устранения из нее субъективного момента и введение интуиций в рамки строгой математической теории.

Структурность понятия числа, понятие меры как отражения связи качественного с количественным можно проследить и при исследовании форм логического исчисления на основе рассмотрения оценок на различных типах алгебраических структур или в более общей форме на основе обобщенного нестандартного анализа на языке теории категорий.

Математика, развиваясь как формальная наука и опираясь на тот тип мышления, который характеризуется Гегелем как рассудочный, отличный от разумного спекулятивного, для которого естественно наличие противоречия в определяемом объекте, тем не менее, приводит к результатам, выходящим за рамки рассудочной деятельности.

«Выявление» диалектического аспекта в развитии современной математики, а если быть более точным, принципа, становится актуальной задачей. Это связано с тем, что развитие математики, ее выход за имеющиеся на данный момент границы, с одной стороны неизбежен, с другой из-за своего «случайного» характера, приводит к нарушению единства внутри математики, изолированности, несвязности ее разделов.

Тем самым нарушается органическое «единство» математики, ставится под вопрос само существование ее как понятия. Существующая изолированность различных областей математики и порождает «иллюзии» необходимости новой математики, что довольно естественно при наличии фактически множественности математик, порождаемой упомянутой изолированностью ее разделов и направлений развития.

Литература

1. Гольдблатт, 1983 – *Гольдблатт Р.* Топосы. Категорный анализ логики. М.: «Мир» 1983. 438 с.
2. Шпенглер, 1993 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: "Мысль". 1993. 663 с.
3. Лосев, 2013 – *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. М.: «Academia». 2013. 797 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00020
УДК 168:811:003.625:510.62

ЭВОЛЮЦИЯ И НОВАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ СИМВОЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ АРИФМЕТИКИ, СИМВОЛЬНОЙ АЛГЕБРЫ И ЛОГИКИ ПРЕДИКАТОВ

Тарас Александрович Шиян
Кандидат философских наук
Фонд «Центр гуманитарных исследований»

В статье рассматривается формирование символьного языка математики как сложного и многоуровневого семиотического процесса, в рамках которого можно выделить такие подпроцессы как формирование символьного языка арифметики (базовый процесс), формирование языка символьной алгебры (рефлексивный по отношению к предыдущему процессу), формирование языка логики предикатов. Формирование языка логики предикатов рассматривается, в некотором смысле, как закономерный итог и наибольшая степень развития процесса формирования языка символьной алгебры. В этих процессах выделяются ключевые моменты, вызвавшие сдвиги концептуального поля математики и, в этом смысле, ставшие «революционными» моментами рассматриваемых процессов. Для процесса формирования символьного языка арифметики – это появление символьных обозначений операций и отношений. Для процесса формирования языка символьной алгебры – это появление буквенных обозначений «неизвестных» и «известных» величин, появление понятия функции и обобщенных обозначений «известных» функций. Для процесса формирования языка логики высказываний – это трансформация «неизвестных» величин в «переменные», появление обобщенного представления отношений и появление нового типа кванторов.

Ключевые слова: семиотика, логика, математика, история математики, математическая символика, логическая символика, язык логики предикатов, символьная алгебра.

EVOLUTION AND INNOVATIONS IN THE PROCESSES OF FORMATION OF SYMBOLIC LANGUAGES OF ARITHMETIC, SYMBOLIC ALGEBRA AND PREDICATE LOGIc

Taras Aleksandrovich Shiyan
PhD in Philosophy
Foundation for Humanities

The article deals with the formation of the symbolic language of mathematics as a complex and multilevel semiotic process, in which such subprocesses as the formation of the symbolic language of arithmetic (basic process), the formation of the language of symbolic algebra (reflexive in relation to the previous process), the formation of the language of logic predicates. The formation of the predicate logic language is considered as, in a sense, a natural and final result of the development of the process of formation of the language of symbolic algebra. In these processes I highlight the key points that caused shifts of the conceptual field of mathematics and, in this sense, have become “revolutionary” moments of the processes under consideration. For the process of forming a symbolic arithmetic language these points are the appearances of symbolic notations of operations and of relations. For the process of formation of the language of symbolic algebra these points are the appearances of the letter designations of “unknown” and “known” values, the emergence of the concept of functions and of generalized designations of “known” functions. For the process of formation of the language of logic statements these points are the transformation of “unknown” values in the “variables”, the emergence of a generalized representation of relations and the emergence of a new type of quantifiers.

Keywords: semiotics, logic, mathematics, history of mathematics, mathematical symbolism, logical symbolism, language of predicate logic, symbolic algebra.

1. Введение

Неверно считать, что современное состояние науки, включая и научные языки, было чем-то изначально обреченным к изобретению или «открытию». Исторические объекты формируются во многом случайно, каждое историческое событие (в т.ч. появление инновации) открывает некоторый горизонт для новых возможностей развития, но никогда не предопределяет, каким именно это развитие будет. Это относится и к появлению семейства формализмов языка логики предикатов (ЯЛП), которое появляется во второй половине XIX в. благодаря Г. Фреге.

С одной стороны, появление ЯЛП и современной символической логики можно считать закономерным результатом процесса становления и развития языка символьной математики. По крайней мере, именно в ЯЛП в наибольшей степени воплотилась тенденция алгебраизации математического языка: вслед за появлением новых типов символьных обозначений возникали и обобщенные символьные обозначения того же

типа. Этот процесс шел во многом параллельно процессу формирования символьного языка (СЯ) арифметики и является по отношению к нему метауровнем.

С другой же стороны, такой обобщенный математический язык мог принять совершенно иной вид: в силу иного хода процесса формирования СЯ арифметики, либо в силу иного хода процесса его обобщения, либо в силу иной формы нововведений Фреге. Нововведения Фреге не были предопределены предшествующим развитием, и из-за них ЯЛП можно считать обобщением СЯ алгебры очень условно.

Краткий обзор истории формирования новых типов математических обозначений, легших в основу ЯЛП, дан в статье [Шиян, 2012]. Следуя в основном установленной в ней последовательности событий, я рассмотрю сам процесс формирования СЯ алгебры с акцентом на семиотические инновации (неожиданные, и в этом смысле революционные, нововведения), заложившие возможность последующего появления ЯЛП в современном виде.

2. Символизация языка арифметики

В европейских системах письма, восходящих к греческому алфавиту, для обозначения цифр уже изначально использовались специальные знаки (буквы основного алфавита с особыми метками, позже – арабские цифры). Арифметические операции и отношения (равенство) обозначались словесно или синкопически – путем сокращенной записи слов. Между этими способами записи сложно провести границу, поскольку сокращенная запись отдельных слов – общая особенность древних и средневековых рукописных текстов. Семантически синкопическая запись ничем не отличается от развернутой словесной: синкопические обозначения специально не определяются, их смысл полностью задается языковым смыслом сокращаемого выражения. Собственно, в символьных обозначениях такой связи знака с представляемым им выражением нет, смысл знака устанавливается напрямую при помощи определения, указания или иного достаточного пояснения. Граница между синкопическими и символьными выражениями тоже не однозначна: символьное обозначение в угоду мнемоническим соображениям может выглядеть как синкопическое (sin, log и т.п.), а синкопическое обозначение – может передаваться условным, небуквенным значком (.·. как сокращение для ergo в [Rahn, 1659]).

Начало формирования СЯ арифметики и накопления символьных обозначений совпадает с распространением книгопечатания. Условным началом этого процесса можно считать выход в 1489 г. учебника И. Видмана [Widmann, 1489], в котором впервые использовались символы «+» и «–» для сложения и вычитания. Возможно, что книгопечатание сыграло роль триггера в этом процессе в силу следующего. Во-первых, для целей печатной публикации авторские обозначения должны быть не только внутренне унифицированы, но и согласованы с возможностями типографии, что ведет к упрощению и стандартизации обозначений. Во-вторых, удачная книга получает более широкое распространение, многократно тиражируясь с минимальными изменениями, а вместе с ней распространяются и используемые в ней обозначения. Еще одной вехой развития СЯ арифметики стала книга 1557 г. Р. Рекорда, в которой появился знак равенства «=» [Recorde, 1557, p. 238].

3. Становление символьной алгебры

Основным событием, приведшим к появлению «буквенной алгебры», было добавление к СЯ арифметики буквенных обозначений (БО) для «известных» и «неизвестных» величин. Сами по себе «неизвестные» как обозначения целевой, искомой величины, использовались еще в древневосточных «математиках». Знали их и греки. Но древняя и средневековая математика, видимо, не знала их БО. Проблематика БО затрагивалась в ряде работ, в частности, в [Шиян, 2017], где обосновывается, что использовавшиеся в античности БО относятся к другим типам знаков. В математике Нового времени регулярные БО как «неизвестных», так и «известных» величин появляются в связке друг с другом: впервые это происходит в работе 1591 г. Виета [Viète, 1591], но получает признание и распространение вместе с «Геометрией» Декарта [Descartes, 1637; Cartes, 1649], чьи обозначения для «известных» и «неизвестных» мы используем до сих пор.

Современные «переменные» появляются на основе «неизвестных», но не тождественны им. Начало регулярного БО «неизвестных» лишь создало поле новых семиотических возможностей, одной из которых было появление «переменных». Но само начало формирования концепта «переменной» связано с исследованиями функций.

Появление «функций» – еще одно неожиданное нововведение. Естественным обобщением арифметических операций являются обобщенные операции в абстрактной алгебре, тогда как в концепте функции происходит «субстанциализация» действия: действия над математическими объектами превращаются в новый класс математических объектов, представляющих собой не столько некие действия, сколько зависимости между величинами. Термин «функция» появляется у Лейбница (в рукописях – с 1673 г., в печати – с 1692 г.) и подхватывается братьями И. и Я. Бернулли [Cajory, 1952, p. 267–268], которые впервые применили БО произвольных «функций» (в работах в «Acta eruditorum» за 1694–1697 гг.).

Изучение функции как зависимости между значениями «неизвестных» требует рассмотрения сразу всей совокупности (всех наборов) возможных значений «неизвестных» в позиции аргументов. Это ведет к трансформации понятия «неизвестная»: вместо «неизвестной» как обозначения одного или нескольких конкретных чисел, которые нужно найти при решении задачи, формируется «переменная» как знак, одновременно (но дистрибутивно, а не собирательно) представляющий все свои значения. Завершается же процесс

становления переменной только с появлением кванторов в их фрегевском варианте.

4. Фреге и создание языка логики предикатов

Помимо знаков величин и действий над ними, арифметика содержала и знаки отношений между величинами. Исследования отношений велись и до Фреге (попытки построения логики отношений), но только он вводит обобщенное представление отношений и свойств, переинтерпретировав их как особого рода функции – «предикаты». Это еще один сдвиг исходного понятийного поля математики, поскольку такая интерпретация, как и в случае функций, не является обобщением в логическом смысле (пример естественного обобщения математических отношений дает теория бинарных отношений). Фрегевское понимание предиката как функции можно считать не прижившимся: оно упоминается, но уже в конце XIX в. Пеано переосмысляет предикаты как неполные высказывания, а сегодня они обычно понимаются исходным образом, как знаки свойств и отношений.

Второй инновацией Фреге стало введение кванторов. Квантификация была известна и изучалась в логике давно. В рамках силлогистики выработалось две трактовки квантификации. Первая трактовка рассматривала кванторные выражения как часть логической связки, например, в «Первой Аналитике» Аристотеля, а в формальном виде – у Лукасевича (см., например, [Лукасевич 1959]) и в стандартных современных формализациях силлогистики. Вторая интерпретация рассматривает кванторные выражения как относящиеся к терминам (обычно – к субъекту). Такое понимание сложилось в традиционной интерпретации аристотелевской силлогистики. С точки зрения синтаксиса, при второй интерпретации содержащие кванторы выражения из терминов создают новые, более сложные термины, при первой интерпретации – из терминов создают предложения. Теоретически остается третий вариант: содержащие кванторы выражения из высказываний создают новые высказывания. Это и было реализовано Фреге (если забыть о его нелепой интерпретации предложений как имен): квантифицируются переменные внутри предиката (высказывательной формы). Введение кванторов можно считать завершением процесса рождения «переменной».

С одной стороны, создание Фреге ЯЛП стало завершением шедшего с XVII в. процесса формирования символьной алгебры как обобщения языка теоретической арифметики. Фрегевское построение существенным образом опирается на сложившееся ранее понятие функции и вызванную этим трансформацию «неизвестных» в «переменные». Такая преемственность соответствует эволюционному аспекту процесса формирования ЯЛП. С другой стороны, как само появление концепта функции, так и конкретная фрегевская форма ЯЛП связаны с рядом семиотических и концептуальных новаций, что составляет инновационный, «революционный» аспект данного процесса.

Литература

1. Лукасевич, 1959 – *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959.
2. Шиян, 2012 – *Шиян Т.А.* О становлении грамматических категорий языка логики предикатов // Логика, язык и формальные модели. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 180–188.
3. Шиян, 2017 – *Шиян Т.А.* Буквенные обозначения Аристотеля и возникновение формальной логики // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. М.: Аквилон, 2017. С. 381–398.
4. Cajori, 1952 – *Cajori F.* A History of Mathematical Notations. Vol. II. Chicago, 1952. [1-е изд.: Chicago, 1929.]
5. Cartes, 1649 – *Cartes R.* des. Geometria. Lugduni Batavorum [Leyden], 1649.
6. Descartes, 1637 – [Descartes R.]. La géométrie // [Descartes R.]. Discours de la methode. Leyde [Leyden], 1637.
7. Rahn, 1659 – *Rahn J.H.* Teutsche Algebra. Zurich, 1659.
8. Recorde, 1557 – Recorde R. The Whetstone of Witte. London, 1557.
9. Viète, 1591 – *Viète F.* In artem analyticam isagoge. Tours, 1591.
10. Widmann, 1489 – *Widmann J.* Behende und hübsche Rechnung auff allen Kauffmanschafften. Leipzig, 1489 [unpaginiert].

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00021
УДК 16

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ В СТРУКТУРЕ ТЕРМИНА КОМПЬЮТЕРНЫХ СИМУЛЯЦИЙ НАУЧНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Тимур Владимирович Хамдамов
Аспирант
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сегодня компьютерные симуляции используются в многочисленных научно-исследовательских практиках экспериментирования, прогнозировании и построении теорий . За свой короткий исторический период, применение компьютерных симуляций оказало влия-

ние на философию и методологию научного эксперимента, которое, однако, только сейчас начинает осознаваться философами и рассматривается ими как источник или фактор появления новой эпистемологической картины экспериментирования через принятие онтологической самостоятельности компьютерных симуляций. Несмотря на идущие, по мнению автора, трансформации в философии эксперимента, стимулируемые практиками применения компьютерных симуляций, до сих пор не найден консенсус по их базовым характеристикам. Фиксируется отсутствие четких технических границ в понимании и определении компьютерных симуляций научных экспериментов. Не утихают дискуссии по поводу первоочередной эпистемологической значимости одного из четырех видов эксперимента (натурный, лабораторный, компьютерная симуляция, математическое моделирование) по критерию их соотношения с материальным субстратом целевой системы эксперимента (принцип материальности) . Несмотря на значимый вклад компьютерных симуляций в практику современных научных исследований и экспериментирования, продолжаются дискуссии о наличии или отсутствии их философской значимости, в том числе их ценности как источнике новых знаний.

Автор доклада попытается обозначить главные направления в развитии понятия компьютерных симуляций научных экспериментов в целях установления причин современных философских дискуссий и неоднозначного взгляда на проблематику, а также определения степени значимости трансцендентальных основ в компьютерных симуляциях, способных трансформировать современную философию науки. Для этого автором избрана оригинальная классификация подходов к формулировке исследуемого понятия, которая представляет собой дихотомию, сформированной в ходе полемики двух групп философов, классифицированных так в силу прямо противоположных взглядов на компьютерные симуляции, с точки зрения их ценности для философии.

Ключевые слова: компьютерные симуляции научных экспериментов, онтология компьютерных симуляций, антропоцентрическое затруднение, аргумент материальности, трансцендентальность, Кант.

TRANSCENDENTAL FOUNDATIONS IN THE TERM STRUCTURE OF SCIENTIFIC EXPERIMENTS' COMPUTER SIMULATIONS

Timur Vladimirovich Khamdamov
Postgraduate student
National Research University "Higher School of Economics"

Today, computer simulations are used in numerous research practices of experimentation, prediction and the construction of theories. For a short historical period, the use of computer simulations influenced the philosophy and methodology of a scientific experiment, which, however, is only now beginning to be realized by philosophers and is considered by them as the source or factor of the emergence of a new epistemological pattern of experimentation through the adoption of ontological independence of computer simulations. Despite the ongoing, in the author's opinion, transformations in the philosophy of the experiment, stimulated by practitioners of computer simulations, a consensus on their basic characteristics has not yet been found. There is a lack of clear technical boundaries in the understanding and definition of computer simulations of scientific experiments. Discussions about the primary epistemological significance of one of the four experiment's types (field, laboratory, computer simulation, mathematical modeling) on the criterion of their relationship with the material substrate of the target system the experiment (materiality argument) do not abate. Despite the significant contribution of computer simulations to the practice of modern scientific research and experimentation, discussions continue about the presence or absence of their philosophical significance, including their value as a source of new knowledge.

The author of the report will try to identify the main directions in the development of the concept computer simulations of scientific experiments in order to establish the causes of contemporary philosophical discussions and ambiguous view problems, as well as determine the degree of significance the transcendental foundations in computer simulations that can transform the modern philosophy of science. For this, the author chooses an original classification of approaches to the formulation the concept under study, which is a dichotomy formed in the course of a controversy between two groups of philosophers, so classified due to directly opposite views on computer simulations, in terms of their value to philosophy.

Keywords: computer simulation of science expirements, ontology of computer simulations, antropocentric predicament, materiality argument, transcendence, Kant.

Классификация по Мануелю Дюрану

Жуан Мануель Дюран относит первый исторически засвидетельствованный факт использования вычислительной машины в практике научных экспериментов к 1928 г. В этот год английский астроном Лесли

Дж. Комри с помощью перфокарт Германа Холлерита рассчитал движение Луны за период 1935-2000 гг. Продолжая исторический обзор, Дюран смещает взор на Колумбийский Университет (Нью-Йорк), отмечая, что к середине 30-х гг. именно туда, преодолев Атлантический океан, доходит описание результатов работ Дж. Комри и методики проведения научного эксперимента с помощью вычислительной машины. Именно здесь американский астроном Уоллес Экерт основал лабораторию, в которой широко использовались вычислительные машины для проведения астрономических экспериментов. Дюран фиксирует методологическую идентичность проведения расчетов Комри и Экертом на перфокартах с современными компьютерными симуляциями научных экспериментов. А именно, в обоих случаях астрономы составляют специальную вычислительную модель, которая одновременно описывает поведение целевой (исследуемой, англ. target) системы и обладает всеми необходимыми характеристиками для интерпретации и проведения вычислений машиной. Однако, далее Дюран сам признает, что несмотря на формальную схожесть, существуют принципиальные отличия между экспериментами Комри и Экерта с компьютерными симуляциями современных исследовательских научных практик в силу колоссально ускоренного технологического развития вычислительных машин (последующие внедрения микросхем на основе кремниевых соединений, кратные увеличения скорости вычислений, значительный рост объема памяти, использование многоуровневой семантики языков программирования) с момента их первого использования в 30-х гг. Однако, главной отличительной чертой двух типов (вычисления на перфокартах и современных компьютерах) вычислительного эксперимента стала полная машинная автоматизация вычислительных процессов в ходе работы компьютерных симуляций, что позволило полностью убрать субъекта эксперимента в виде наблюдателя антропной природы из экспериментального процесса на стадии работы симуляции, что нельзя было представить при организации вычислений с помощью перфокарт.

В силу обозначенных отличий темпорального характера изменений вычислительных технологий, уместным будет постановка вопроса об определении термина компьютерных симуляций, при том условии, что они имеют отличия от математических моделей в чистом виде и дальнейшем проведении расчетов в рамках их алгоритмов с использованием неавтоматизированных средств вычислений, например, с помощью перфокарт.

Дюран указывает на две различные стороны расширения когнитивных (чувственного созерцания и рассудка по Канту) границ способностей исследователя к вычислительным операциям. С одной стороны, усиление происходит в части как скорости вычисления модели, так и принципиальной ее возможности быть обработанной вычислительными способами, которые не могут быть реализованы аналитическими методами вычислений. И здесь, Дюран видит прямую связь технологического развития компьютерных машин с расширением границ научного и инженерного поля исследовательских работ, которые были недоступны прежде в силу невозможности проводить необходимые вычислительные расчеты посредством доступных аналитических инструментов. Такой взгляд на компьютерные симуляции Дюран называет проблеморешающим (англ. problem-solving viewpoint). С другой стороны, акцент делается на способности компьютерной симуляции описывать целевую систему. Дюран считает, что в случае применения компьютерных симуляций используются несколько уровней языков, которые усиливают отдельные теоретические модели и гипотезы о целевой системе. Здесь фиксируется прямая связь технического развития программных языков с расширением границ применимости теорий к описанию целевой системы. Такой взгляд обозначается Дюраном как поведенческий (англ. behavior viewpoint).

Очевидно, что выстроенная Дюраном дихотомия в пространстве природы усиления когнитивных способностей исследователей через использование ими компьютерных симуляций представляет собой идеализацию и на самом деле, наличествует синтез двух этих взглядов, формирующий наиболее релевантное представление о сущности симуляций. Но выстроенная Дюраном двух полюсная конструкция соответствует современному дискурсу в философии науки о месте в ней компьютерных симуляций. Так, с точки зрения, проблеморешающего взгляда, компьютерные симуляции не имеют прямого отношения к экспериментированию и предназначаются для манипуляций с математическими моделями, что ограничивает их кантианским чувственным априорным знанием о времени и пространстве, которое по Канту и определяет существование такого предмета как математика. Группа философов поддерживающих эту точку зрения относят компьютерные симуляции ближе к математике и логике, считая, что лабораторный эксперимент обладает преимуществом в силу принципа материальности. Наиболее ярким представлением такого взгляда стала работа Романа Фригга и Джулиан Рейс. В ней авторы пытаются отстаивать позицию, что компьютерные симуляции не имеют новизны для философии науки ни на одном из уровней философского исследования (онтология, эпистемология, семантика, методология).

Противоположный проблеморешающему - поведенческий взгляд объединяет группу философов, помещающих утверждение о том, что компьютерные симуляции являются в прямом смысле экспериментами, в центр исследования проблематики роли, места и соотношения с лабораторными экспериментами компьютерных симуляций в философии науки . С таким взглядом согласуется кантианский подход на специфику использования трансцендентальных практик как производных от свойств рассудка (трансцендентальное единство апперцепции) и разума (трансцендентальные идеи).

То есть, главное гносеологическое отличие термина поведенческого взгляда от проблеморешающего заключено не в ценности применения оптимальных вычислительных решений математических моделей, берущих начало в чувственном созерцании, а непосредственно в детализированной описательной работе над

воспроизведением целевой системы через синтез априорных форм созерцания (пространство и время), чистых понятий рассудка (категорий) и трансцендентальных идей.

Заключение

В целях определения содержательности понятия компьютерных симуляций, по мнению автора, дихотомическая модель Дюрана подходит как наиболее наглядная, с точки зрения применимости трансцендентальных практик постижения явлений в ходе проведения научных экспериментов. С одной стороны, она демонстрирует подход группы философов к компьютерным симуляциям как к методу вычисления математических моделей, описывающих целевую систему. Такой подход подразумевает исключительно производную роль симуляций к построенным математическим моделям, питаемых кантианским корневищем чувственного созерцания. С другой стороны, дихотомия разворачивает термин компьютерной симуляции, сущностно выражая стремление к подробному максимально достоверному описанию целевой системы, демонстрируя онтологическую самостоятельность и тем самым смещая эпистемологическую ценность в сторону формирования новых знаний о системе. В этом случае, по мнению докладчика, можно утверждать о синтезе всех трех способов познания по Канту, генерируемых соответственно чувственным созерцанием, рассудком и разумом, тем самым формируя такой вид трансцендентальных практик, который был недоступен ранее.

Литература

1. Cormack 2015 – *Cormack, A. N., et al.* “Simulations of Ceria Nanoparticles” Proceedings: Mathematical, Physical and Engineering Sciences, vol. 471, no. 2182, 2015, pp. 1–11.
2. Duran 2014 – *Duran, Juan M.* 2014. “Explaining Simulated Phenomena: A Defense of the Epistemic Power of Computer Simulations” PhD diss., Universit¨at Stuttgart.
3. Frigg, Reiss, 2009 – *Frigg, Roman, and Julian Reiss*. “The Philosophy of Simulation: Hot New Issues or Same Old Stew?” Synthese, vol. 169, no. 3, 2009, pp. 593–613.
4. Glanz 1998 – *Glanz, James.* “Cosmos in a Computer” Science, vol. 280, no. 5369, 1998, pp. 1522–1523.
5. Humphreys 2012 – *Humphreys Paul, and Cyrille Imbert*, eds. 2012. “Models, Simulations, and Representations”. Routledge Studies in the Philosophy of Science. Routledge.
6. Morrison 2009 – *Morrison, Margaret.* 2009. “Models, Measurement and Computer Simulation: The Changing Face of Experimentation” Philosophical Studies 143 (1): 33–57.
7. Parker 2009 – *Parker, Wendy S.* “Does Matter Really Matter? Computer Simulations, Experiments, and Materiality” Synthese, vol. 169, no. 3, 2009, pp. 483–496.
8. Monastersky 1990 – *Richard Monastersky* "Forecasting into Chaos” Science News, vol. 137, no. 18, 1990, pp. 280–282.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00022
УДК 16

РЕВОЛЮЦИЯ 4.0. И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Григорий Львович Тульчинский
Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Тотальная цифровая медиализация определяет сущность революции 4.0., которая меняет облик современной цивилизации. На материале позиционирования гуманитарного знания предпринята попытка структурировать перспективу трансформации научного знания и самой научной деятельности. Способы познания не сводятся к методологии естественных и точных наук. Предложена модель, в которой различаются три уровня наррации научных объяснений: фактических данных, каузальной детерминации, конструктивной целесообразности. Поэтому результат революции 4.0. в науке предстает не столько как дивергенция, сколько как междисциплинарность и конвергентность, которые реализуются на встречных курсах science и humanities. С одной стороны, методы и результаты естествознания и точных наук остро востребованы в гуманитарных и социальных науках, они дают новые стимулы для осмысления и переосмысления. С другой стороны, само гуманитарное знание, гуманитарная экспертиза становятся все более востребованными в научно-технических разработках, расширяя традиционный технологический инжиниринг до инжиниринга социально-культурного. В результате целостная научная картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, гуманитарные науки, естествознание, нарративы объяснения, ответственность, свобода, социально-культурный инжиниринг.

REVOLUTION 4.0. AND HUMANITIES

Grigorii L'vovich Tulchinskii
DSc in Philosophy, Professor
National Research University "Higher School of Economics"

Total digital mediation determines the essence of the revolution 4.0., which changes the face of modern civilization. The paper contains an attempt to structure the perspectives of scientific knowledge transformation on the case of humanitarian knowledge positioning. Knowledge methods are not reduced to the methodology of the natural and exact sciences. A model is possible in which there are three levels of scientific explanations narration: factual data, causal determination, constructive model. Therefore, the revolution 4.0. result in science is not as divergence only, but rather as interdisciplinarity and convergence, which are realized on oncoming traffic science and humanities.of science and humanities. On the one hand, the scientific methods and results, which developed in natural sciences and exact sciences, are in great demand in the humanities and social sciences, giving them new and new stimuli for reflection and rethinking. On the other hand, humanitarian knowledge itself and humanitarian expertise are becoming more and more popular in scientific and technical developments, expanding traditional technological engineering to socio-cultural engineering. As a result, the holistic scientific world picture is becoming increasingly operational and measurable, but dependent on the social-cultural factors.

Keywords: explanation narratives, freedom, humanitarian expertise, humanities, science, responsibility, socio-cultural engineering.

Интенсивная трансформация, в которую все глубже втягивается современное общество, буквально – переформатирование всей цивилизационной среды современного общества, все чаще квалифицируется как революция 4.0. в дополнение к хорошо известным трем стадиям («волнам») развития человечества: аграрной, индустриальной и постиндустриальной [Тоффлер, 2004]. Новый рывок обусловлен тотальной цифровой медиализацией, определяющей облик современной цивилизации разработками и использованием технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости. Компьютерные технологии, Интернет, мобильная связь, социальные сети, искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, их применение радикально меняют практики в бизнесе, потреблении, государственном управлении, науке, образовании, искусстве, досуге, личной жизни. Главное даже не сами технологические инновации, а скорость, с которой эта трансформация происходит. На тему этих процессов, их социально-культурных последствий в последнее время написано и сказано немало: от восторженных перспектив свободной самореализации человека, наконец-то высвобождающегося от тягот трудовой деятельности, до антиутопий и хоррора киберпанка.

Сложилась парадоксальная ситуации, когда благодаря научной рациональности плоды Просвещения, великих замыслов в науке и нравственности, политике и экономике стали реальностью. Но эта реальность все в большей степени выражается и осознается как кризис экологии, демократии, нравственности, искусства и самой науки. Это кризис распадающегося на самоцельные, мало стыкующиеся друг с другом сферы бытия, мира — во многом следствие экспансии рациональности и дивергенции научных дисциплин, все более специализирующихся методах познания, связанных с ними способов моделирования и преобразования природного мира, общества, человека. Не случайно социальной философии конца XX столетия была характерна радикальная критика самой идеи рациональности. [Порус, 2010].

Данная работа – попытка структурировать перспективу динамики трансформации научного знания и самой научной деятельности в контексте революции 4.0. Представляется, что содержание, следствия и перспективы этой трансформации наиболее явственно прослеживаются на материале позиционирования гуманитарного знания.

С одной стороны, в наше время резко усилилась экспансия естественных и точных наук (science) на сферу гуманитарного знания (humanities) – прежде всего, на материале исследований мозга, искусственного интеллекта, позволивших предсказывать действия человека до того, как он сам осознает свое намерение, это действие совершить, что дало новые аргументы отрицанию свободы воли [Pereboom, 2001; Wegner, 2002]. «Второй фронт» экспансии science и причинности на сферу гуманитарности создают современные маркетинговые практики nudge с использованием Big Data в коммерции и в политических технологиях. Парадоксальность ситуации еще и в том, что свобода воли – главная идея и ценность либерализма, мировоззрения, возникновение и развитие которого связанно с развитием науки и позитивизма, оспаривается именно позитивистски ориентированной наукой.

Открылся и «третий фронт» маргинализации гуманитарного знания: в пространстве его позиционирования и оценки на основе наукометрии, которая возникла на материале естественных и точных наук, результаты которых публикуются в достаточно формализованном и компактном виде. Оценка труда ученых на основе количества публикаций в журналах, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science, заставляет гуманитариев играть на чужом поле и изначально ставит гуманитарное знание в странную позицию. Знание, содержание которого строится на интерпретациях, работе с текстом, ассоциациях, наррации, реду-

цируется к набору реквизитов. Редуцируется и статус гуманитарного знания, его социальное значение.

Однако, с другой стороны, на научных конференциях, в СМИ, в социальных сетях все громче звучат тревожные и даже панические настроения, связанные с упомянутыми выше перспективами тотальной цифровизации, утраты образа будущего, страха перед этим будущим, усиливающегося педалированием темы безопасности (секьюритизации). Тренд человеческого развития в «развитых странах» оборачивается от свободной самореализации к безопасности и выживанию [Инглхарт, 2018, с.334]. В этой связи неоднократно поднимался и поднимается вопрос о гуманитарной экспертизе современных технологий и реализуемых с их помощью проектов – экспертизе не только последствий, хода, возможности реализации таких проектов, но и самой их необходимости. Реализация такой экспертизы требует серьезной проработки критериев, включая гарантии прав и свобод, осмысление и переосмысление самой идеи свободы и ее соотношения с идеей ответственности. Общеизвестный эмпирический факт – сознание («чувствилище свободы») обретается только в обществе, в результате коммуникации – «загрузки», «инсталляции» программ социально-культурного опыта. Воспитание и образование, поощрение и наказание, связанные с ними запреты, убеждения, принуждения, подражания – вся система социализации – вырывает нас из причинно-следственные связи, замыкая их на нас самих и превращая нас в causa sui. «Другие» грузят нас ответственностью, вменяя вменяемость.

Сознание, разум – вторичны по отношению к ответственности, выражая меру ее осознания, а значит и меру свободы – одного из проявлений сознания, открываемого только в нем и с его помощью. Чем в большей степени личность интеллектуально развита, чем шире горизонт ее знаний, тем в большей степени она осознает возможные последствия своих действий и поступков. И детерминизм не исключает возможность свободного решения: знание причин явлений открывает возможности конструктивной деятельности, выбора способа действия, принятия решения, творчества. Детерминизм даже необходим: как для простой ориентации, так и для реализации замыслов.

Если рассматривать научное объяснение в терминах нарративов, т.е. построения осмысленных дискурсивных разъяснений, то научное знание предстает как три уровня наррации [Тульчинский, 2017]:

(1) Уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных;

(2) Уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами;

(3) Уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта.

Причинный детерминизм science и свобода воли humanities – нарративы разных уровней. Но, хотя science свойственен 2-й уровень, тогда как humanities – 3-й, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны. Так, роль 3-го уровня проявляется даже на 1-ом – при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Это выражается не только в целевом контексте исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии, которые конкретизируются, операционализируются, измеряются. Тем самым, суждения, содержащие такие термины, проверяются: они могут быть подтверждены или опровергнуты. 3-й уровень проявляется в science, и в контексте исследований: в обоснованиях актуальности, практической значимости, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике. В социально-гуманитарных исследованиях явно задействованы все три уровня. Способы познания не сводятся к методологии естественных и точных наук. Во-первых, в социальных, политических, исторических исследованиях чревато элиминацией собственно акторов, наделенных сознанием и мотивацией, а значит – волей. Во-вторых, само естествознание и точные науки зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта.

Поэтому результатом революции 4.0. в науке видится междисциплинарность и конвергентность, реализуемая на встречных курсах science и humanities. Позитивистский детерминизм позволяет не только глубже понять природу гуманитарности (первичность ответственности и эпифеноменальность свободы), операционализировать концепты свободы и ответственности, открывая новую степень вменяемости гуманитарного знания и, одновременно, сферу его востребованности, но и открывает возможности ясной, понятной междисциплинарности.

С одной стороны, методы и результаты естествознания и точных наук остро востребованы в гуманитарных и социальных науках, дают им новые и новые стимулы для осмысления и переосмысления. С другой стороны, само гуманитарное знание, гуманитарная экспертиза становятся все более востребованными в научно-технических разработках, расширяя традиционный технологический инжиниринг до инжиниринга социально-культурного. Смысловая картина мира приобретает все более операциональный и измеримый характер, но зависимый от человека и его целей.

Литература

1. Инглхарт, 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 334 с.
2. Порус, 2010 – *Порус В.Н.* Многомерность рациональности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII. № 1. С. 5-16.
3. Тоффлер, 2004 – *Тоффлер Э.* Третья волна. Москва: АСТ, 2004. 781 с.
4. Тульчинский, 2017 – *Тульчинский Г.Л.* Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм. // Публичная политика. 2017, № 1. С.76-98.
5. Pereboom, 2001 – *Pereboom D.* Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 256 p.

6. Wegner, 2002 – *Wegner D.* The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 405 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00023
УДК 165.5

ЕСТЬ ЛИ РЕВОЛЮЦИИ В ЭТОСЕ НАУКИ?

Амина Зиевна Фахрутдинова
Доктор философских наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Сибирский институт управления

Понятие этоса науки было введено Р. Мертоном. Первоначально речь шла о четырех ценностях-нормах: «универсализм», «коллективизм», «бескорыстие», «организованный скептицизм». Они полагались как некоторые вневременные константы. Позже, с выявлением изменчивости научной рациональности подвергается сомнению универсальный характер мертоновских норм. В рамках постпозитизма ставится вопрос об изменчивости не только социальных и этических, но и содержательных, методологических норм научного исследования. В контексте дискуссий в рамках постпозитизизма, а также результатов и проблем, поднятых исторической эпистемологией, уместен, на наш взгляд, вопрос: являются ли изменения этических норм когерентными изменениям парадигм, программ научного исследования или типов научной рациональности? В статье анализируется вариант решения этой проблемы в работе Л. Дастон и П. Галисона «Объективность». Историю науки они представляют как смену ряда эпистемических добродетелей: истины-по-природе, объективности и тренированного суждение. Предпринята попытка определить, насколько исчерпывающим является это описание, а также выявить характер – революционный или эволюционный – изменения эпистемических добродетелей.

Ключевые слова: этос науки, эпистемические добродетели, истина-по-природе, объективность, тренированное суждение, революции и эволюция.

IS THERE A REVOLUTION IN THE ETHOS OF SCIENCE?

Amina Zievna Fahrutdinova
DSc in Philosophy, Professor
Russian Academy of National Economy and Public Administration, Siberian Institute of Management

The concept of the ethos of science was introduced by R. Merton. Initially it was about four values-norms: "universalism", "collectivism", "unselfishness", "organized skepticism". They were relied upon as some timeless constants. Later, with the identification of the variability of scientific rationality, the universal character of Merton norms is questioned. In the framework of postpositivism raises the question of volatility is not only a social and ethical but also of the methodological norms of scientific research. In the context of discussions within the framework of post-positivism, as well as the results and problems raised by historical epistemology, the question is relevant, in our opinion, whether changes in ethical norms are correlated changes in paradigms, programs of scientific research or types of scientific rationality. The article analyzes the solution of this problem in the work of L. Daston and P. Galison "Objectivity". They present the history of science as a change of a number of epistemological virtues: truth by nature, objectivity and trained judgment. An attempt is made to determine how comprehensive this description is, as well as to identify the nature – revolutionary or evolutionary – changes in epistemic virtues.

Keywords: ethos of science, epistemic virtues, truth-by-nature, objectivity, trained judgment, revolutions and evolution.

Классические, долгое время господствовавшие в философии науки представления о научном этосе, были введены Р. Мертоном еще 1942 г. В число императивов были включены «универсализм», «коллективизм», «бескорыстие» «организованный скептицизм» [Merton, 1972]. Долгое время концепция Мертона лишь детализировалась, в целом ее выводы не подлежали сомнению. Одним из этапов критики концепции Мертона стало сопоставление норм-идеалов и реальных образцов поведения ученого. Мертон, соглашаясь с необходимостью данного различения, показал противоречивость сферы этического регулирования науки и ввёл девять пар амбивалентных принципов. Например, утверждается, что ученый должен стремиться к новому знанию, но не должен быть подвержен интеллектуальной моде.

Второй этап развития представлений Мертона связан с критикой универсального (в пространстве и времени) характера этических норм. Данный этап актуализировался в контексте достижений и дискуссий постпозитивизма и их современных интерпретаций в исторической эпистемологии. Интересным представ-

ляется вопрос не столько об изменчивости этических норм, что достаточно очевидно, но о когерентности изменений методологических и этических норм, о характере трансформации последних.

В набирающей популярность работе Л. Дастон и П. Галисона «Объективность» [Дастон, Галисон, 2018] авторы представляют историю науки как смену трёх эпистемических добродетелей: истины-по-природе, объективности и тренированного суждения.

Попытаемся разобраться в нескольких вопросах: какой элемент научного исследования они имеют в виду? Является ли представленное описание исчерпывающим для данного элемента? И, наконец, можно ли говорить о революционной смене этих эпистемологических добродетелей?

Определяя природу эпистемических добродетелей, казалось бы, мы не должны встретиться с трудностями. Речь идет об этических регулятивах. Однако являются ли они феноменами той же природы, что и нормы Мертона? Представляется, что не вполне. Например, критериями объективности, по Дастон и Галисону, являются эмоциональная отстраненность, автоматические процедуры регистрации данных, обращение к квантификации, вера в независимую от человеческих наблюдателей фундаментальную реальность. Часть из них, например, эмоциональная отстраненность, совпадает с классическими нормами. Однако норма автоматической регистрации данных явно содержит методологический и даже технологический компонент, указывая на необходимый способ научного исследования. Авторы различают эпистемические добродетели и моральные нормы в явном виде. Этическое – нормативные коды поведения. Мораль – это специфические нормативные правила. Говоря о том, что сущностью объективности является подавление некоторых аспектов самости, Дастон и Галисон формулируют ее моральную компоненту как необходимость сопротивляться искушениям эстетики, соблазну соответствовать притягательным теориям, желанию схематизировать, украшать [Дастон, Галисон, 2018].

Второй вопрос: является ли язык описания научной визуальности – изображения объектов науки, содержащиеся в атласах, научных справочниках и прочих научных изданий – исчерпывающим для содержательной экспликации норм и результатов различных типов практик? Хотя, казалось бы, работа с атласами специфицирует эмпирические науки, ориентированные на классификацию, представленные эпистемические режимы могут объяснить поведение ученых в гораздо более широких областях. Речь идет о различных проявлениях «научной самости». Эпистемический режим истины-по-природе акцентировал свое внимание на творческих проявлениях самости – способности выявления сущности во многих частных случаях и абстрагирования от конкретных форм существования научных объектов. Именно эта ориентация и способствовала формированию классической науки с ее идеальными объектами. И «работа» этой эпистемической ценности сформировала отнюдь не только эмпирическую науку.

С приходом эпистемического режима объективности появляется требование подавлять творческую волю и теоретическую интерпретацию в русле существующих моделей. «Никаких “теоретических заключений”, никаких “практических заключений”, это были…необходимые лишения, которых требовала объективность, чтобы атлас стал компендиумом регистрирующих изображений, способных служить долгое время» [Дастон, Галисон, 2018, с.261]. В дальнейшем заслуживает интереса анализ реализации подобной установки в науках, не затронутых вниманием авторов «Объективности».

Наконец, обращаясь к основной проблеме статьи, попытаемся ответить на вопрос о характере трансформации эпистемических добродетелей. С одной стороны, смена эпистемических режимов достаточно точно датируется. Так, по мнению Дастон и Галисон, императив «объективность» возникает в середине XIX века, точнее в 1860 г. Именно тогда учёные начинают употреблять этот термин. Говоря о причинах прихода объективности, авторы отказываются искать их в каких-либо внешних факторах, будь то социальные или научные революции. Дастон и Галисон хотят, чтобы эксплананс имел ту же природу, что и экспланандум. В результате объяснение сводится к тавтологии. Объективность связывается с подавлением самости, с осознанием её угрозы. Представляется, что тавтологии можно избежать, если рассмотреть возникновение и развитие эпистемических режимов в более широком культурном, историческом и научном контексте, т.е. сделать то, от чего авторы «Объективности» попытались отказаться.

Рассмотрим ценность истины-по-природе, существовавшей до объективности. Она характеризуется стремлением открыть реальность, выделяя характерные признаки и отвлекаясь от несущественных. Естественно, что «самость» исследователя в этот период является необходимым элементом научных практик. Реализация истины-по-природе иллюстрируется в книге на материале ботаники Линнея («Сад Клиффорда»), классификации кристаллов Рене Жюст Гаюи, анатомических атласов идеализированного типа Бернарда Зигфрида Альбинуса, атласов натуралиста Р. Реомюра («Метеорология») и др. Представленные ценности в практиках анатомии, зоологии, ботаники вполне соответствуют и принципам работы Галилея, Ньютона, Лавуазье, Дж. Дальтона – в тех дисциплинах, которые не рассматриваются авторами «Объективности», но которые знаменуют магистральный путь развития науки в этот период. Понимание зависимости принципов построения экспериментов и наблюдения от теоретических конструкций нашло отражение и в философской рефлексии. Идея теоретической нагруженности наблюдения и эксперимента утверждается и разворачивается и в работах современных философов. В данном смысле характерными являются работы А. В. Ахутина «История принципов физического эксперимента», «Эксперимент и природа» [Ахутин, 1972, 2012]. «Именно теоретическая цель, – пишет он, – должна указать экспериментатору, какие предметы отобрать, как их расположить, в какие условия поставить, каким образом деформировать, чтобы опыт имел теоретически значимый результат. Поиск экспериментатора строго целенаправлен» [Ахутин, 1972, с.25].

Что же заставляет ученых отказаться от установки истины-по-природе? Попытаемся также рассмотреть эту ценность в широком научном и социальном контексте. В этом случае ситуация сложнее. Утверждение этой эпистемической добродетели в середине XIX в. точно не совпадает ни с классической периодизацией научных революций, ни со сменой парадигм по Куну. Так вторая научная революция, характеризуемая чаще всего появлением дисциплинарно организованной науки, датируется периодом с конца XVIII до начала XIX вв. Это достаточно длинный период, чтобы в целом послужить каким-либо объяснением ценностной трансформации. Примерно в это время (середина XIX века) происходит становление теории поля и теории электричества. Однако разрешение противоречия между механикой и электродинамикой, приведшее к возникновению общей теории относительности и формированию новой физической картины мира, приходится на начало XX в. А вот то, что в физике именно в XIX в. появляются конкурирующие теории, и победа одной из них зависит от чистоты эксперимента и свободы от предубежденности – это, на наш взгляд, существенно.

Характерно, что глава о возникновении объективности начинается с описания конфликта двух нобелевских лауреатов гистологов Сантьяго Рамона-и-Кахаля и Камилло Гольджи – приверженцев конкурирующих теорий. Оба вели себя вполне корректно при подтверждении своих теорий, но вместе с тем обвиняли друг друга в неспособности добросовестно регистрировать мир природы. Представляется, что именно формирование конкурирующих научных школ, а также возникновение новых технологий измерения и автоматической регистрации данных и послужили важными факторами утверждения ценности объективности.

Рассмотрим теперь вопрос о характере – революционном или эволюционном – смены эпистемических режимов. Хотя три представленных режима достаточно точно датируются в книге Дастон и Галисон, авторы отнюдь не утверждают, что они изменяются некоторым революционным и последовательным образом. «Эпистемические добродетели не сменяют друг друга как монархи на троне. Скорее они накапливаются в репертуаре возможных форм познания» [Дастон, Галисон, 2018, с.180]. Авторы вполне убедительно показывают, что как элементы одного режима, так и режимы в целом возникают, сосуществуют и конкурируют друг с другом не только непосредственно, но и в некоем параллельном пространстве. «Возникновение в середине XIX века объективности не упразднило истину-по-природе, как и поворот к тренированному суждению не означал устранение объективности» [Дастон, Галисон, 2018, с.58]. Принципиальным является установка авторов на то, чтобы показать, как все эпистемические добродетели, развивавшиеся до поры до времени независимо, оказались соединенными вместе, обозначены одним словом и редуцированы в специальные научные техники.

В контексте этих взглядов – в целом тяготеющих к эволюционной модели – представляется весьма перспективным рассмотреть, как элементы эпистемических добродетелей вытесняются новыми, выживают в условиях их господства, конкурируют друг с другом и соединяются в определенных условиях в новые инсталляции.

Литература

1. Ахутин, 1972 – *Ахутин А.В.* История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М.: Наука, 1976. 292 с.
2. Ахутин, 2012 – *Ахутин А.В.* Эксперимент и природа. СПб.: Наука, 2012. 659 с.
3. Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность; пер. с англ. Т.Вархотова, С.Гавриленко, А.Писарева. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
4. Merton, 1972 – *Merton R.K.* The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / Ed. B.Barnes. L.: Penguin Books, 1972. P. 65–79

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00024
УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ ИНЖЕНЕРИИ В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ[5]

Елена Эдуардовна Чеботарева
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Автор рассматривает главный вопрос философии инженерии – концепт инженера. Ответ на этот вопрос связан как с концептуальными философскими построениями, так и с социальными эмпирическими исследованиями инженеров в рамках конкретных культур. Автор сравнивает подходы к исследованиям инженерии западных и отечественных авторов. Рассматриваются исследовательские подходы философов М. Дэвиса, К. Митчема и Р. Маки. Автор также работает с результатами отечественных исследований положения российских инженеров. Осо-

[5] Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

бенный акцент делается на положении инженеров на рубеже XX-XXI веков, деструктивном изменении их статуса и вхождении в новую эпоху дигитальной революции, когда их профессиональные умения оказались востребованы в новом качестве, и на том, как это повлияло на сегодняшнюю оценку роли инженера в обществе. В качестве важных аспектов рассматриваются традиция советского радиолюбительства, «теория упущенного шанса», тематические рамки упоминания инженеров в отечественных СМИ. В конце статьи автор ставит вопрос о перспективах философии инженерии в России с учетом того, что роль инженера в России оценивается как менее значимая, нежели в ряде других стран с бурно развивающейся философией инженерии.
Ключевые слова: философия инженерии в России, концепт инженера, методология, STS.

PHILOSOPHY OF ENGINEERING IN RUSSIA: PRESUPPOSITIONS AND PROSPECTS

Elena Edwardovna Chebotareva
PhD in Philosophy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University

The author considers the main question of the philosophy of engineering – the concept of the engineer. The answer to this question has to do with both conceptual philosophical constructions and social empirical studies of engineers within specific cultures. The author compares the approaches to engineering studies suggested in national and international scholarship, including the views of the philosophers M. Davis, C. Mitcham, and R. Mackey. She evaluates the national studies on the status of Russian engineers. Particular emphasis is placed on the turn of XX-XXI centuries with destructive changes in engineers' status and entering a new era of digital revolution when their professional skills were in demand in the new capacity, as well as on the ways it has affected the today's assessment of the engineer's role in society. The important research aspects include the tradition of Soviet amateur radio, the "lost opportunity" theory, and the thematic framework for mentioning engineers in the national media. In the concluding part of the paper, the author questions the prospects for the philosophy of engineering in Russia, given the fact that the role of the engineer in Russia is estimated to be less significant contrasted to other countries with burgeoning philosophy of engineering.
Keywords: philosophy of engineering in Russia, concept of engineer, methodology, STS.

Последние несколько десятков лет во всем мире активно развивается философия инженерии. Тем не менее, за эти несколько десятков лет философы не только не выработали общий «концепт инженера», но напротив, оказались не в состоянии преодолеть разногласия по этому вопросу. Известный философ инженерии ван де Поэль (van de Poel) отмечает, что единственно, в чем соглашается большинство участников дискуссии – это различие инженеров и техников (технологов) [van de Poel, 2009], которое, по сути, и конституирует данную дисциплину. В том, что проблема инженерии не может быть решена в более привычных рамках философии техники, соглашаются и китайские, и американские, и европейские, и русские философы. Например, российский философ Никитаев полагает, что инженерия более непосредственно, чем техника и «техническое», связана с властью [Никитаев, 2013].

При этом следует принимать во внимание историю инженерии каждой конкретной страны, из которой следует своя концепция. Так, в США существует сильная технократическая линия, связанная в том числе с исследованиями Т. Веблена и Э. Лейтона, которая наделяет инженеров особым социальным и профессиональным статусом (более подробно я писала об этом здесь: [Чеботарева, 2018]).

У России довольно своеобразная история инженерной мысли и её философской рефлексии. Благодаря работам П.К. Энгельмейера в конце XIX – начале XX в. в России впервые возник интерес не только к философии техники, но и к фигуре инженера. Однако с точки зрения ситуации XXI века, фундаментальные предпосылки у российской философии инженерии в связи с положением главных героев складываются довольно-таки неоднозначно. С одной стороны, на рубеже XX-XXI веков в России происходит деградация статуса инженера. Снижение инженерного статуса обнаруживается еще во второй половине XX века в СССР. «Статистические данные о развитии инженерной профессии в СССР говорят, что в послевоенный период она стала одной из самых массовых… По мнению О.В. Крыштановской, этот рост был обусловлен не только потребностью в инженерных кадрах, но и общим неблагополучием и отсутствием гибкости в сфере государственного управления процессом формирования структуры рабочей силы [Крыштановская, 1989, с. 126]. В 1970-е–80-е гг. основным выводящим каналом была мобильность инженеров в рабочий класс» [Богатырь, 2013, с. 42]. С началом перестройки и глубокого экономического кризиса 1990-х статус научно-технической интеллигенции, первоначально встретившей перестройку с воодушевлением, резко упал: эта прослойка оказалась в числе наиболее пострадавших от распада СССР, большинство инженеров потеряли свои рабочие места и оказались безработными [Абрамов, 2017, с. 63].

Новый виток научно-технического развития – дигитальная революция – послужил толчком интереса к субъекту технического интерфейса происходящих процессов – инженеру. Очевидно, именно эти процессы послужили отделению философии инженерии в отдельную область социогуманитарных исследований.

У российских инженеров был свой путь вхождения в эпоху дигитальной революции. Так, исследова-

ние Н.В. Богатырь демонстрирует как советское радиолюбительство послужило новой формой профессиональной мобильности инженеров на переломе веков. «Для многих молодых инженеров радиолюбительство оказалось наиболее приемлемой формой самореализации … Любительство оказалось рентабельнее науки и инженерной работы, и через выбор нового, многообещающего компьютерного поля было «подтянуто» к исследовательским амбициям молодежи. В начале 1990-х гг., когда самодельные компьютеры практически исчезли под натиском быстро распространяющихся XT/PC, инженеры-радиолюбители начали осваивать компьютерную сборку и ремонт» [Богатырь, 2013, с. 50]. Несмотря на то, что в рамках нового технологического этапа, связанного с началом компьютеризации страны, инженерный опыт оказался востребованным в новых сферах, это был, очевидно, не тот путь, который российские инженеры выбрали бы себе сами. Российская инженерия окружена некоторой мифологией, связанной со сложной исторической рефлексией, названной Р.Н. Абрамовым «теорией упущенного шанса». Для многих советских инженеров 90-е годы стали сломом профессиональной биографии, и осмысление своей ситуации для них «происходило через поиски модусов оправдания своего нынешнего положения, а поэтому стали востребованы ностальгические реминисценции и теории упущенного шанса» [Абрамов, 2017, с. 73]. Для инженеров, относительно успешно вошедших в новую коммерческую эпоху, нелегко дался поиск символических мостиков между бытием «советского инженера» и «успешного бизнесмена». «Фантомные боли о потерянном прошлом не отпускают многих, включая новые поколения профессионалов, которые через устные истории и мемуары ветеранов отрасли впитывают представление о том, что когда-то была сделана роковая ошибка» [Абрамов, 2017, с. 73].

Основной задачей философии инженерии мне представляется согласование эмпирических исследований локального характера и концептуальных философских построений, конституирующих всю область инженерных исследований. В связи с тем, что глобальные концепты остаются довольно туманными и философы не могут определиться с основным понятием исследуемой области – понятием инженера, в ход идут самые разнообразные методы, сочетающие в себе теоретические и эмпирические аспекты. Так, например, философ инженерии М. Дэвис использует следующие методы: философскую интерпретацию этических инженерных кодексов, сравнение учебных планов обучающихся специальностям морского архитектора и инженера, анализ исторических особенностей развития инженерии как профессии и дисциплины [Davis, 2015]. Исследователи Митчем и Маки предлагают «лингвистический философский подход», полагая, что целесообразно начать не столько с инженерного опыта, сколько со слов, которые мы используем, чтобы говорить о таком опыте. «Инжиниринг может быть лучше определен через то, как используется слово «инжиниринг» и его родственные термины (например, изобретение, инновация, проектирование, технология, наука и т. д.), особенно по отношению друг к другу» [Mitcham, Mackey, 2009, p. 55]. Мне представляется, что не менее важно иметь в виду предполагаемый опыт, коль скоро мы говорим о глобальных, сложно представляемых и предсказуемых последствиях очередной научно-технической революции. В любом случае, вариации подобного подхода, вероятно, универсальны, и существует отечественное социальное исследование инженеров, выполненное Центром исследований науки и технологий (Центр STS) в Европейском университете в Санкт-Петербурге, использовавшее в том числе «лингвистический» подход. Исследование российских инженеров ставило задачу, в том числе, выявить тематические рамки, в которых российские СМИ за текущее десятилетие писало об инженерах. Результаты исследования демонстрируют 11 таких основных тем: образование, транспорт и дороги, авиа- и космическая промышленность, политика, война, экспортная промышленность, выставочная сфера, культура, город, хозяйство и архитектура, связь и коммуникации, энергетика. Инженеры, как мы видим, не упоминались в связи с предложенными американскими исследователями «родственными» инженерии терминами: наукой, изобретением, инновацией, проектированием, технологией. Авторы отечественного исследования отмечают парадоксальную ситуацию, связанную с положением инженеров в современной России. «С одной стороны, доминирующий режим технократии в политическом дискурсе и культурных убеждениях предполагает сильное инженерное сообщество и его влияние на общественное сознание, к примеру на высокий уровень технооптимизма в России. С другой стороны, в публичной сфере мы наблюдаем слабую представленность инженеров как экспертов или участников процессов принятия политико-административных решений. Так, например, технологические катастрофы оказываются полем ответственности не инженеров, а чиновников».

В результате неопределенности статуса инженера в современной России и его роли в формировании новой цифровой реальности (эта роль осталась, скорее, в «теории упущенного шанса» и получила развитие в жанре «альтернативной истории», получившем особое распространение в российской фантастической литературе последних лет [Абрамов, 2017, с. 74]), для темы исследования инженерии в российской философии находится не так много места, и, очевидно, те, кто этим занимаются, в большинстве своем вдохновлены аналогичными западными работами. (Впрочем, говоря о зарубежных исследованиях, необходимо отметить и активную роль китайской философии инженерии).

В сложившейся ситуации невольно возникает вопрос о перспективах философских исследований инженерии в России. Одним из ответов на этот вопрос может служить «методологическая онтология» философа Дж. Ло. Как утверждает Дж Ло, метод – не набор «более-менее успешных процедур, сообщающих о данной реальности». Метод «постоянно создает новые сигналы и паттерны, новые манифестации и новые сокрытия» [Ло, 2015, с. 293]. Остается надеяться, что методами исследования инженерии мы окажемся вовлечены в конструирование новой реальности, а не останемся на территории «упущенного шанса».

Литература

1. Абрамов, 2017 – *Абрамов Р.Н.* Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. Sociology of Science and Technology. 2017. Т. 8. № 2. С. 60-76
2. Аналитическая записка Центра исследований науки и технологий «Исследование российских инженеров: анализ СМИ, социальных сетей и этнография технокомпании» / под ред. Ольги Бычковой. URL: https://eu.spb.ru/images/sts/Engineers_in_Russia_January_2019_STS_Center_EUSP.pdf (дата обращения 10.02.2019).
3. Богатырь, 2013 – *Богатырь Н.В.* Радиолюбительство и профессиональная мобильность российских инженеров в 1990-х – первой половине 2000-х гг. // История науки и техники. 2013. № 12. С. 40–52.
4. Крыштановская, 1989 – *Крыштановская О.В.* Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы / Отв. ред. Ф. Р. Филиппов. М.: Наука, 1989. 144 с.
5. Ло, 2015 – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
6. Никитаев, 2013 – *Никитаев В.В.* От философии техники – к философии инженерии // Вопросы философии. 2013. №3. С. 68-79.
7. Чеботарева, 2018 – *Чеботарева Е.Э.* Восстание инженеров в 21 веке: конфликтное поле технологических инноваций // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 3. С. 150-159
8. Davis, 2015 – *Davis M.* Engineering as Profession: Some Methodological Problems in Its Study. In: Christensen S., Didier C., Jamison A., Meganck M., Mitcham C., Newberry B. (eds) Engineering Identities, Epistemologies and Values. Philosophy of Engineering and Technology, vol 21. Springer, Cham, pp. 65-79.
9. Mitcham, Mackey, 2009 – *Mitcham C., Mackey R.* Comparing Approaches to the Philosophy of Engineering: Including the Linguistic Philosophical Approach. In: Poel I., Goldberg D. (eds) Philosophy and Engineering: Philosophy of Engineering and Technology, vol 2. Springer, Dordrecht, pp. 49-59.
10. van de Poel, 2009 – *van de Poel I.* Philosophy and Engineering: Setting the Stage. In: Poel I., Goldberg D. (eds) Philosophy and Engineering: Philosophy of Engineering and Technology, vol 2. Springer, Dordrecht, pp. 1-11.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00025
УДК 165.19:168.5

ЗОНЫ ОБМЕНА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Ольга Александровна Останина
Доктор философских наук, профессор
Вятский государственный университет

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать применение термина «зоны обмена» к историческому познанию. Проблема заключается в том, что наука, включая историю, не является однородной. И ситуация складывается не так, что одна парадигма побеждает и подчиняет себе или исключает все остальные парадигмы.

Зоны обмена применительно к истории могут быть рассмотрены внутри исторического познания, между различными видами истории и стадиями ее развития; между историей и другими социальными и гуманитарными науками; между историей и естественными науками; между историей и философией.

Переговоры в зонах обмена в процессе исторического познания обеспечиваются наличием определенных оснований. Это могут быть реальные события (факты), понятия, являющиеся вполне определенными, практические интересы. Зоны обмена появляются в контексте проблемы понимания сущности человека и в контексте кризиса человечества.

Таким образом, применение термина «зоны обмена» в историческом познании делает возможным описание и конкретизацию содержания исторических исследований, и раскрытие их междисциплинарного характера, демонстрирует место и роль в нем коммуникативных и интерсубъективных моментов, а также социальных связей.

Ключевые слова: зоны обмена, история, историческое познание, научная коммуникация, разнообразие научного знания.

TRADING ZONES AND THE HISTORICAL COGNITION

Olga Alexandrovna Ostanina
DSc in Philosophy, Professor
Vyatka State University

The aim of our research is to show the application of the term «trade zones» to the historical cognition. The problem is that the science, including history, is not homogenous. And the situation is not such as one paradigm has won and submit or exclude all others.

Trade zones in history may be revealed insight the historical cognition, between different branches and stages of its development; between the history and other social sciences and humanities; between the history and natural sciences; between history and philosophy.

Negotiations in trading zones have some foundations. There may be a real event (fact), a concept which is undoubted, practical interests. Trade zones appear in the context of the problem of understanding the essence of a human being and in the context of the crisis of mankind.

Thus, the applying of the term «trading zones» to the history cognition makes it possible to describe and concretize the content of historical researches and expose their interdisciplinary character.

Keywords: trading zones, history, historical cognition, scientific communication, variety of scientific knowledge.

Ситуация в современной науке характеризуется как изменением эпистемологического режима, ростом числа междисциплинарных исследований, так и изменением модели описания и осмысления научного познания. Термин «зоны обмена» [trading zones] был предложен П. Галисоном в качестве «аналитического понятия для обозначения социального и интеллектуального пространства, в котором связываются воедино … разобщенные традиции экспериментирования, теоретизирования и изготовления научных инструментов» [Галисон, 2004], где происходит координация убеждений и действий. И.Т. Касавин обращает внимание на применимость термина для описания науки как коммуникативного процесса, в котором преодолевается несоизмеримость парадигм, для разрешения проблемных коммуникативных ситуаций в науке [Касавин, 2017].

Термин «зоны обмена» может быть рассмотрен и в контексте междисциплинарности как тенденции развития современной науки, в частности в аспекте междисциплинарной модели интерсубъективности. Позиционируя субъекта как когнитивно-коммуникативное сообщество, Н.М. Смирнова предлагает неклассическую модель междисциплинарности, в которой разные предметные области не заимствуют понятия друг у друга, а корректируют содержание понятий в новом концептуальном контексте, осуществляется «интерференция» понятий [Смирнова, 2018, с. 247-249]. На наш взгляд, термин «зоны обмена» корректен, когда речь идет о взаимодействии смысловых форм коммуникации [Смирнова, 2018, с. 258].

П. Галисон говорит о зонах обмена в связи с изучением истории физики. Но вполне уместно и возможно расширить применение данного термина, и наша цель – исследовать зоны обмена в историческом познании.

А.М. Дорожкин [Дорожкин, 2017] осуществляет типологию зон обмена, полагая, что они могут быть не только внутринаучные, но и вненаучные. Галисоновские зоны обмена характеризуют внутринаучное взаимодействие, а гумбольдтовские и негумбольдтовские зоны обмена относятся к взаимодействию науки и вненаучных сообществ. Историческое познание может быть рассмотрено в рамках всех типологий, что было бы интересной темой специального исследования. Мы остановимся на анализе «галисоновских» зон обмена в контексте исторического познания.

П. Галисон верно указывает на неоднородность науки, ее многослойность, наличие множества научных сообществ. Такое разнообразие (и даже разобщенность) он считает положительным, поскольку оно, в силу разносторонности подходов, повышает степень эффективности и результативности научного исследования; при этом специфика научной школы, направления, методологии сохраняются и могут оказаться востребованными в иной конкретной исследовательской ситуации. В истории такая многослойность, разнообразие исторического научного сообщества ярко выражены. Во-первых, особенность истории как научной дисциплины состоит в ее междисциплинарности. Во-вторых, в процессе институционализации истории появлялись, сменяли друг друга, сосуществовали и сосуществуют политическая, социальная, антропологическая, экономическая, интеллектуальная и другие истории. Их представители имели и имеют свои журналы, конференции и иные формы научной организации. Школы историков различаются ценностно-идеологическими и теоретико-методологическими установками (методическая школа, Школа Анналов, школа А.Я. Гуревича, советская историческая школа и др.). И между ними постоянно возникают зоны обмена (например, опыт исследования ментальностей и применения семиотического метода Школой Анналов получил распространение в разных исторических научных сообществах).

Кроме того, помимо внутриисторических связей, зоны обмена – понятиями, методами – есть между историей и другими социально-гуманитарными науками: социологией, экономикой, этнографией и т.д. М. Вебера можно характеризовать как «воплощение» зоны обмена, так как он был и социологом, и философом, и экономистом, и историком.

Далее, можно рассматривать зоны обмена между историей и естественными науками. Историки используют возникшие в естественных науках понятия «формация», «эволюция», «движущие силы» и др. Для естественных же наук оказывается важной их собственная история, и они ставят проблемы смысла и интерпретации.

Наконец, зона обмена есть между историей и философией. Историк явно или неявно, так или иначе, определенным образом понимает исторический процесс, обосновывает выбор научных методов; философия имеет историю и обращается к соответствующему знанию, методам, познавательным процедурам.

По П. Галисону, зона обмена возникает и из-за многослойности периодизации как истории науки, так и истории как процесса: разрывы, прерывность в одном слое (например, в экономике, в методе) не исключают непрерывности в другом (например, в ментальности, в проблеме). В истории данная особенность осмыслена в категориях синхронии и диахронии. Заметим, что вопрос о периодизации сохраняет свою актуальность.

Научные субкультуры могут придерживаться разных мнений о значении обмениваемой информации и ее эпистемологическом статусе, придавать разный смысл самому процессу обмена [Галисон, 2004]. Например, каждая субкультура может считать, что укрепляются именно ее эвристические и эпистемологические позиции; так бывает при взаимодействии историков, работающих в формационном и цивилизационном подходах.

Для истории существенен и такой момент: различие онтологических представлений [об историческом процессе] не препятствует контактам в зоне обмена. Общность обнаруживается в феноменологии истории, в конкретных событиях, когда необходимо установить их достоверность. Исторические конкретные понятия и термины приобретают смысл и значение вне конкретного контекста (Отечественная война 1812 года, реконкиста, опричнина и др.). В историческом познании в зоне обмена находятся факты и ценности, взаимодействие и переговоры историков нацелены на поиск дисциплинарных способов выражения ценностей; также можно говорить о взаимодействии в зоне обмена объяснения и понимания.

Обеспечивающую договоренности роль играет контекст, внутри которого «поразительным образом достигается соглашение» в зоне обмена [Галисон, 2004] при обсуждении исторических явлений. Ведущую роль здесь играет практический интерес – исследовательский, социально-политический, социально-экономический и пр. Интересно в этом отношении исследование Р. Смита, в котором демонстрируется контекстуальная роль проблемы понимания человека [Смит, 2014], определения человеком своей идентичности. Р. Смит утверждает, что разделение наук на гуманитарные и естественные – вопрос не принципа, а конвенции [Смит, 2014, с. 162-165], научный разум подчинен историческому разуму [Смит, 2014, с. 254]. Отличительная черта истории как науки – это ее участие в истории самоформирования человека [Смит, 2014, с. 338]. Более того, историчным является любое познание, так как мышление строится на основаниях, созданных в прошлом самими людьми в культуре, языке; историчен образ мысли; идея свободы оказывается вплетенной в познание [Смит, 2014, с. 257-261].

Добавим, что кризис человека и человечества, действительно, заставляет искать способы договориться как между политиками, так и между исследователями. Формируется, как говорит П. Галисон, новая модель научной деятельности – переговоры между научными субкультурами [Галисон, 2004]. Причем язык и языковой перевод играют вторичную роль, а на первый план выходит практическая потребность координации действий и убеждений. Для истории и историков это может быть потребность национальной идентичности, национальной идеологии, поиск решения глобальных проблем, осмысление глобальной формы современной истории. П. Галисон называет две модели таких переговоров, обе представлены в историческом познании: пиджинализация (упрощение и приспособление языков научных сообществ, научных субкультур, взаимопроникновение терминов) и креолизация (функционирование пиджина в качестве родного языка – например, историк может пользоваться как своим языком социологии).

Таким образом, применение термина «зоны обмена» к истории позволяет по-иному изучить и описать процесс исторического исследования, место и роль коммуникативных и интерсубъективных моментов, а также социальных связей в нем. Речь идет не о взаимодополнении, синтезе различных методологических подходов, установок, а именно об обмене, где каждая сторона сохраняется как таковая. Сам П. Галисон полагает, что многослойность науки, множественность полей науки сохранятся, общей модели науки, единого подхода в рамках конкретной науки не может быть. Каждая наука, в том числе история, представляет собой «переплетение нитей», образующее, тем не менее, прочный трос. Мы думаем, такая позиция отражает неопределенность нынешней исторической, социокультурной ситуации, своеобразие социальных связей, во многом определяющих и видение науки, а реальные процессы, происходящие в ней.

Литература

1. Галисон, 2004 – *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. http: //www.1543.su VIVOS VOCO: П. Галисон «ЗОНА ОБМЕНА: КООРДИНАЦИЯ УБЕЖДЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ». Дата обращения 17.01.2019
2. Дорожкин, 2017 – *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Т. 54. № 4. С. 20-29.
3. Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Т. 51. № 1. С. 8-17.
4. Смирнова, 2018 – *Смирнова Н.М.* Как возможна междисциплинарная модель интерсубъективности // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 247-261.
5. Смит, 2014 – *Смит Р.* Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00026
УДК 316.3:165

ВНЕШНИЕ ЗОНЫ ОБМЕНА РАЗЛИЧНЫХ СООБЩЕСТВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА[6]

Евгений Валерьевич Масланов
Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
Научный сотрудник
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье показано, что концепция зон обмена может быть использована для описания зон обмена как внутри науки, так и внешних зон обмена науки. Задача внутренних зон – согласование деятельности и убеждений ученых, принадлежащих к различным научным культурам. Внешние зоны обмена научных сообществ помогают решать две различные задачи. С одной стороны, они связаны с задачами по трансферу научного знания и научно-технических разработок в промышленное производство и общественную жизнь, а также формированию новых социотехнических мегапроектов. Еще одна важная задача внешних зон обмена – вовлечению граждан в научную деятельность. Внешние зоны обмена могут существовать и у других сообществ, например, политических партий, религиозных организаций или общественных движений. Их задача – создание инфраструктуры для вовлечения новых членов в сообщества. Этим они похожи на внешние зоны обмена науки, связанные с рекрутированием членов научных сообществ. Отличие зон обмена науки от зон обмена иных социальных сообществ связана с наличием критического компонента в этосе науки: в зонах обмена иных сообществ подобный компонент может отсутствовать.

Ключевые слова: зоны обмена, коммуникация, социальные сообщества, типология зон обмена, этос науки, социальная эпистемология, негумбольтовские зоны обмена.

TO THE QUESTION OF EXTERNAL TRADING ZONES IN VARIOUS COMMUNITIES

Evgeniy Valerjevich Maslanov
PhD in Philosophy, Researcher
Institute of Philosophy RAS
Researcher
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article shows that the concept of trading zones can be used to describe both trading zones within science and extra-scientific trading zones. Internal trading zones within science aim to coordinate the activities and beliefs of scientists belonging to different scientific cultures. External trading zones related to scientific communities facilitate a solution of two different problems. First, they are connected with the tasks of transferring scientific knowledge along with scientific and technical developments to industrial production and public life, as well as forming new social and technical megaprojects. Second, they aim to involve citizens in scientific activities. Extra-scientific trading zones may exist in other communities, such as political parties, religious organizations or social movements. Their task is to create an infrastructure to involve new members in the community. In this way, they resemble the external trading zones in science related to the recruitment of members into scientific communities. The difference between trading zones in science and in other social communities is associated with the presence of a critical component in the ethos of science: in trading zones of other communities this component may be absent.

Keywords: trading zones, communication, social communities, typology of trading zones, the ethos of science, social epistemology, non-Humboldtian trading zones.

Концепция зон обмена была предложена П. Галисоном для описания взаимодействия внутри междисциплинарных научных сообществ. По его мнению, представители различных научных дисциплин могут быть уподоблены представителям различных научных культур, разговаривающих на разных языках. Однако, в процессе решения совместных исследовательских задач, им необходимо находить общий язык. В зонах обмена как раз и происходит согласование деятельности и убеждений ученых, принадлежащих к различным научным культурам. По мнению П. Галисона они носят локальный и зачастую неформальный характер и могут быть представлены как конкретные места в пространстве, в которых происходит взаимодействие. При этом подобная концепция сотрудничества «предусматривает строгое разделение на субкультуры и под-

[6] Исследование выполнено по гранту РНФ №18-18-00238 "Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры"

черкивает роль обмена» [Галисон, 2004, с. 86], т.е. каждая группа ученых в процессе взаимодействия как делится своими знаниями, так и получает что-то взамен. Важный элемент его подхода обращение к артефактам, которые позволяют налаживать взаимодействие между учеными. Научный инструментарий может «служить связующим элементом между субкультурами, когда эти предметы вынимают из исходного контекста и помещают в новый» [там же, с. 89]. П. Коллинз с коллегами так же анализирует функционирование зон обмена в научных сообществах. Они показывают, что возможно создать их типологию на основе использования таких характеристик как добровольность / принуждение к сотрудничеству и гомогенность / гетерогенность [Collins et al, 2007, p. 658]. В результате можно выделить четыре типа зон обмена. Благодаря этой типологии можно проследить эволюцию внутринаучных зон обмена от отличающихся высокой степенью разнородности и принуждения к гомогенным зонам обмена, основанным на добровольном сотрудничестве.

Часть работ была посвящена анализу взаимодействия ученых с вненаучными акторами, занимающимися внедрением научных разработок в производство, при этом опять же подчеркивалась важная роль пограничных объектов и их функционирования для существования зон обмена [Carlile, 2004; Sandberg et al., 2015]. Описание подобных зон обмена позволяет говорить о возможности формирования не только внутринаучных, но и внешних зон обмена науки. В них ученые обменивают свои знания на возможность распространить их за пределы лабораторий и научных центров, внедрять в реальную хозяйственную деятельность. Научные сообщества формируют пространства взаимодействия не только с акторами связанными с производством, но и с различными политическими акторами. Взаимодействие с ними позволяет ученым получать финансирование, решать различные производственные и репутационные задачи. Оба этих случая свидетельствуют о формировании полноценных зон обмена: научные знания и результаты обмениваются на финансирование и признание. Соединение интересов ученых, промышленности и политических акторов приводит к формированию в зонах обмена идей крупных социотехнических проектов. В результате ученые через подобные проекты и зоны обмена могут оказывать влияние на общественное развитие, а сама зона обмена точно пишет И.Т. Касавин «является плодом эволюции индивидуальной культурной лаборатории, способности творческой личности заставить реальность говорить ее голосом, воплотить в себе ее идеи, оформиться по ее воле» [Касавин, 2017, с. 15].

Еще одним важным случаем построения зон – взаимодействие с обычными гражданами. Оно позволяет ученым решать сразу несколько задач. С одной стороны, такое взаимодействие дает возможность формировать у граждан преставление о своей деятельности, создавать положительный образ ученого в общественном сознании и популяризировать науку. Это помогает заниматься рекрутированием новых членов в научные сообщества. С другой стороны, популяризация научного знания, создание его положительного образа в обществе позволяет ученым привлекать граждан к вспомогательной научной работе, использовать различные имеющиеся у них ресурсы для решения научных задач. К таким ресурсам может относиться как имеющиеся у граждан вычислительные мощности, что позволяет ученым проводить распределенные вычисления, так и просто время, интерес и энтузиазм граждан, которые они могут использовать для помощи ученым. К примеру, пытаться расшифровать рукописи Иеремия Бентама, решать задачи по конструированию белков, заниматься поиском новых видов птиц или решать задачи для исследовательских центров различных компаний. С третьей стороны, вовлечение обычных граждан в научную деятельность дает возможность ученым использовать их навыки локальной экспертизы для решения различных исследовательских задач, которые без привлечения подобных знаний могли быть решены с меньшим успехом.

При описании взаимодействий ученых и граждан так же может использоваться концепцию зон обмен. В рамках подобных взаимодействий формируются специфические пространства согласования деятельности и убеждений ученых и граждан. Популяризация научного знания и рекрутирование новых членов в научные сообщества связаны с созданием популярного научного языка. Именно благодаря его применению обычные граждане могут получить доступ к научным результатам. При этом сам процесс формирования подобного языка позволяет ученым и популяризаторам науки по-новому посмотреть на уже имеющееся знание и попытаться представить его более простым способом. Итогом этой деятельности и становится формирование уважения к научному знанию. Однако подобные внешние зоны обмена обладают определенной спецификой. Они не могут быть представлены как пространства согласования деятельности и убеждений, существующие в определенной физической локации в конкретное время. Скорее стоит говорить об их распределенном характере. Одна и та же зона обмена существует в разных физических локациях, в различное время. Каждая встреча граждан и ученых формирует не новую зону обмена, а продолжает уже существовавшую. Именно эта распределенность в пространстве и времени позволяет сформироваться взаимопониманию. Она подобна работе над общим междисциплинарным проектом в описываемой П. Галисоном лаборатории Ферми или Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института. Ведь и там зоны обмена создавались для решения общей проблемы хоть каждый раз и в новых локальных пространствах. В результате можно говорить о том, что в науке существуют внутренние и внешние зоны обмена. Внутринаучные зоны обмена связаны с взаимодействием ученых друг с другом и использованием внутринаучной инфраструктуры. Тогда как внешние зоны обмена нацелены на формирование взаимодействия с внешними по отношению к науке акторами и формирование специальной инфраструктуры для этого взаимодействия, такие зоны обмена применительно к науке могут быть названы негумбольтовскими [Дорожкин, 2017].

В этом случае можно говорить о том, что внешние зоны обмена не только могут, но и должны существовать в сообществах, которые нацелены на активное взаимодействие с иными социальными акторами.

К ним могут быть отнесены любые сообщества, нацеленные на привлечение в свои ряды новых членов, формирование определенного способа видения мира. К таким сообществам могут быть отнесены религиозные организации, политические партии, различные общественные движения и другие сообщества. Они, так же как сообщества ученых, формируют пограничные пространства и пограничную инфраструктуру, которая направлена на выстраивание взаимодействие с не входящими в эти сообщества людьми. Хотя эти сообщества зачастую стали формировать пространства взаимодействия с обычными людьми раньше ученых, в настоящее время их зоны обмена уступают зонам обмена последних. Во многом это связано с особенной эффективностью научного знания, которая была продемонстрирована в XX веке. С другой стороны, сам процесс конституирования зон обмена связан с необходимостью налаживать диалог, воспринимать остальных участников зоны обмена как способных предоставить взамен получаемых ресурсов, что-то сопоставимо ценное. Выстраивание подобного диалога требует признания возможности если и не трансформировать свои представления под влиянием другой стороны, то хотя бы попытаться их понять и признать возможную частичную правоту подобных идей. Однако такой подход скорее характерен для этоса науки и не всегда может быть активно использован представителями других сообществ. Для них может быть характерно стремление трансформировать идеи других акторов, без возможности изменить свои собственные представления.

Литература

1. Галисон, 2004 – *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-91.
2. Дорожкин, 2017 – *Дорожкин А.М.* Проблем построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. С. 20-29.
3. Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т.51. №1. С.8-17.
4. Carlile, 2004 – *Carlile P.R.* Transferring, Translating, and Transforming: An Integrative Framework for Managing Knowledge across Boundaries // Organization Science. 2004. Vol. 15. No 5. P. 555-568.
5. Collins et al, 2007 – *Collins H., Evans R., Gorman M.* Trading Zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Vol. 38. Iss. 4. P. 657-666.
6. Sandberg et al., 2015 – *Sandberg, J., Jonny, H., Napier, N., Levén, P.* Balancing Diversity in Innovation Networks: Trading Zones in University-industry R&D Collaboration // European Journal of Innovation Management. 2015. Vol. 18. Iss. 1. P. 44-69

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00027
УДК 16

КАК ДОЛЖНА СТРОИТЬСЯ КОММУНИКАЦИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА[7]

Наталья Николаевна Воронина
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается проблема нарождающегося конфликта непонимания между наукой и обществом. Рыночные отношения во многом изменяют культуру общества, а наука продолжает диалог с обществом без достаточного учета этих изменений в сфере мировоззрения. Бизнес начинает играть ведущую роль по отношению к науке, но тактические интересы бизнеса расходятся с дальними стратегическими интересами науки.

И в этом конфликте интересов может помочь роль мировоззрения в культуре. Для этого предлагается дополнить-связать концепцию «зон обмена» П. Галисона с более широким мировоззренческим контекстом. «Зона обмена» – удачный пример разнонаправленных отношений в науке, который предлагается распространить на мировоззренческое восприятие науки в обществе.

Обращение к мировоззрению, наличествующему в современной культуре, показывает, что наука еще не утратила ведущей роли, несмотря на рыночные отношения. Мы предлагаем использовать состояние ведущей роли науки в иерархии отношений наука-общество, но для этого необходимо значительно скорректировать мировоззренческие ожидания общества от науки. Что совсем не просто, потому что мировоззренческая динамика культурных процессов не тождественна социальным процессам, и изменения в мировоззрении общества происходят значительно медленнее, чем социальные изменения.

Ключевые слова: наука, общество, коммуникация, зона обмена, мировоззрение, культура.

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

ON BUILDING COMMUNICATION BETWEEN SCIENCE AND SOCIETY

Natalya Voronina
PhD in Philosophy, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article deals with the problem of the emerging conflict of misunderstanding between science and society. Market relations in many ways have changed the culture of society whereas science continues its dialogue with society without taking into account all these changes in the society's worldview. Business begins to play a leading role in relation to science; however, tactical interests of business diverge from the long-term strategic interests of science.

The role of the worldview in culture can help in this conflict of interests. The paper suggests applying P. Galison's concept of "trading zone" to a broader worldview context. The "trading zone" is a good illustration of multidirectional relations in science and can be expanded to the ideological perception of science in society.

The consideration of the worldview of modern culture shows that despite market relations, science has not lost its leading role, since society has not accepted market relations sufficiently. We propose to use the leading role of science in the hierarchical science-society relations, but it is necessary to significantly adjust the ideological expectations of society from science. This is not an easy task, as the worldview dynamics of cultural processes is not identical to social processes, and changes in the worldview of society are much slower than social changes.

Keywords: science, society, communication, trading zone, worldview, culture.

В проблеме отношений науки и общества большую роль играют те мировоззрения, которые преобладают в социуме, и под воздействием которых формируются образы науки и общества. Если говорить про культуры, находящие под влиянием рыночной экономики и отношений, то необходимо понимать место образов ученого и науки в таковых культурах.

Развитие науки требует, чтобы наука выходила за пределы самой себя, то есть требует трансцендентности. В традиционных культурах присутствует трансцендентность, по крайней мере, как декларируемая ценность, но далеко не во всех развивается наука. Разумеется, одной трансцендентности для развития науки недостаточно, но, с другой стороны, без выхода науки за пределы самой себя, без научных революций невозможно развитие.

Мир современной культуры концентрируется на земном, имманентном, и это другая необходимая часть, без которой также невозможна наука, потому что наука ориентирована на достижение имманентных целей. В современной философии науки достаточно уделяется места пониманию значимости имманентных целей, но также можно наблюдать недооценку трансцендентности, наличие которой воспринимается как само собой разумеющееся, как данность. Тогда как трансцендентность – это не данность, а результат определенной культуры.

Специфика науки со времен античности состояла именно в независимости от других сфер общественной жизни. В Древней Греции наука впервые оформилась как самостоятельная область культуры, существующая не при религии, ни при правителе, а сама по себе, и ее целью был поиск истины. Но что такое независимость? Независимость – это одно из выражений трансцендентного, которое предполагает выход за пределы наличествующих социальных форм. Наука начинает бурно развиваться в Новое время вместе с развитием капиталистической рыночной экономики. Она, становясь значимой силой, при этом попадает в зависимость от власти, от финансирования, подчиняется утилитарным целям, что, казалось бы, противоречит ее трансцендентной сути. Однако наука существует в обществе, в котором достаточно развиты трансцендентные устремления. И хотя в целях науки доминируют утилитарные задачи, однако ученые, будучи членами общества, находятся под влиянием культурных трансцендентных устремлений.

Рыночная экономика поставила перед наукой очередной вызов потери независимости. Собственно, это вопрос условий, при которых осуществляется коммуникация между наукой и обществом. Наука постепенно лишается возможности определять самостоятельно стратегические направления своего развития; эта функция все более оказывается в руках власти и бизнеса. Ученые же оказываются в роли консультантов по выбору стратегических направлений.

Соответственно, и в развитии науки неизбежен перекос в область сиюминутного, со значительными потерями в области перспектив. Причем, сама наука не способна решить данную проблему просто потому, что проблема выходит за рамки ее компетенции. В какой же области возможно такое решение? – И здесь мы выходим на роль мировоззрения, и на роль философии, которая занимается мировоззрением.

«Зона обмена», концепт, предложенный П. Галисоном [Galison, 1999]; [Касавин, 2017]; [Дорожкин, 2017] – это коммуникация в науке; коммуникация – это тоже одно из выражений трансцендентного, соответственно, успех в зоне обмена может быть только при наличии достаточного общекультурного фона, в котором присутствуют трансцендентные устремления. Одним из выражений недостатка трансцендентного будет снижение уровня перспективных стратегических интересов и замкнутость в тактике.

П. Галисон фиксирует момент, когда стихийно сложилось взаимодействие, приведшее к решению

конкретных проблем. Его внимание сосредоточено на удачно сложившемся взаимодействии, однако оно может быть и неудачным. Следовательно, нужно попытаться выявить причины удач и неудач, которые, как нам кажется, являются во многом мировоззренческими.

И для включения мировоззренческой составляющей в процесс развития науки предлагается несколько изменить представление о «зоне обмена», введенное П. Галисоном применительно к творчеству группы ученых, где присутствуют теоретики, экспериментаторы, инженеры, бизнесмены. Потому что представляется вполне очевидным, что интересы у акторов зоны обмена будут различны. Понятно, что даже при наличии несходства интересов (а скорее именно благодаря этому несходству) научное исследование в «зоне обмена» может быть весьма успешным, но это не будет решать стратегических задач научного развития. Потому что в стратегии и отдаленных перспективах направления теоретиков, экспериментаторов, инженеров и бизнесменов неизбежно разойдутся в стороны хотя бы потому, что это разные направления. Например, из того, что люди встречаются и даже иногда действуют вместе, вовсе еще не следует, что они идут в одном направлении.

Теория «зон обмена» Галисона представляется теорией временных тактических встреч, а вовсе не совместного стратегического направления пути. Поэтому представляется необходимым каким-то образом дополнить-связать теорию «зон обмена» Галисона с областью мировоззрения как с областью, где могут определяться общие стратегические направления развития науки. Обычно в коммуникации науки и общества область мировоззрения игнорируется, то есть участники коммуникации просто исходят из наличествующих у них мировоззрений, исходя из которых, они дают соответствующие оценки участникам диалога, либо вообще отрицают смысл диалога. Например, ученые исходят из того, что наука значима, но представления о значимости могут разниться: значимо потому, что дает прибыль – это одна значимость, а значимо потому, что вызывает интерес – это совсем другая значимость, которая может и не предполагать прибыли. И наука может занимать в ценностной шкале разных мировоззрений очень разные места. Например, взять популярную лекцию ученого, обращенную к обществу. Реакция на такую лекцию будет во многом зависеть от того, насколько значимым считает тот или иной член общества, в соответствии со своим мировоззрением, данную область науки и науку вообще. Кроме того, очень важно, какая будет реакция, если ученый на лекции выскажет что-то, что не будет согласовываться со сложившимися представлениями слушателя.

И в связи с тем, что мировоззрение играет значимую роль в коммуникации науки и общества, то представляется совершенно необоснованным пытаться говорить о коммуникации вне обсуждения конкретных мировоззрений, наличествующих в культуре того или иного общества.

Литература

1. Дорожкин, 2017 – *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–29
2. Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. 2017. № 1. С. 8–17.
3. Galison, 1999 – *Galison P.* Trading zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / ed. by M. Biagioli. N.Y.: Routledge, 1999. P. 137–160.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00028
УДК 167

ПРИНЦИП НАГЛЯДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ[8]

Александр Михайлович Дорожкин
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В работе рассматривается вопрос о роли наглядных представлений в развитии и трансляции научных знаний. Оспаривается точка зрения о наглядных представлениях как высшей форме научного знания. На основе концепции «зон обмена» показывается различие в формировании наглядных представлений для различных типов «зон обмена» – внутринаучных и вненаучных. Обсуждается вопрос о значении наглядных представлений при формировании научной картины мира. Формируются наглядные представления для существующих типов научной картины мира – классической, некласической и постнеклассической. Показано, что если принять точку зрения, согласно которой основу любой научной картины мира составляют наглядные представления, то совокупность этих наглядных представлений для разных научных картин мира должна быть различна. На этом основании делается вывод о том, что наглядные представления не универсальны, как утверждают авторы идеи о них как о высших формах научного

[8] Исследование выполнено по гранту РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

знания, пригодных для трансляции как в рамках внутринаучных области, так и во внешние по отношению к науке сферы. Отмечается также различие целей при формировании и трансляции наглядных моделей и научных картин мира.

Ключевые слова: зоны обмена, единство научного знания, научная картина мира, наглядные представления, трансляция научных знаний, внутринаучная коммуникация, внешняя научная коммуникация.

PRINCIPLE OF VISIBILITY IN CONTEMPORARY SCIENCE

Aleksandr Mikhailovich Dorozhkin
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper discusses the role that visual representations play in the development and transfer of scientific knowledge and calls into question the view on them as a highest form of scientific knowledge. Basing on the concept of trading zone the author shows a difference in forming visual representations for different – intra-scientific and extra-scientific – trading zones. He considers an importance of visual representations in forming scientific world-picture and distinguishes such representations for the existing world-pictures – classical, non-classical, and post-non-classical. The author demonstrates that if we accept the idea of visual representations as constituting any scientific world-picture their combinations for different world-pictures have to differ as well. Consequently, he concludes that visual representations are not universal, in contrast to the standpoint on them as highest forms of scientific knowledge relevant to be transferred both within scientific field and to extra-scientific areas. The paper also reveals a difference in goals related to forming and transferring visual models and scientific world-pictures.

Keywords: trading zones, unity of scientific knowledge, scientific world-picture, visual representations, transfer of scientific knowledge, intra-scientific communication, extra-scientific communication.

Деятельность современного ученого претерпевает существенные изменения. Заявляя это, чаще всего подразумевают его вооруженность современными орудиями познания – прежде всего, мощными и сверхмощными компьютерами. Не отрицая последнее, в данной небольшой работе хотелось бы обратить внимание на иные обстоятельства таких изменений. А именно: если в совсем недалеком прошлом ученый представлялся как солдат армии покорителей природы, то ныне ученый должен вооружиться еще и указкой учителя. К этому его побуждают по крайней мере три обстоятельства:

1. Наука (научное открытие) – ныне коллективное мероприятие. А это означает прежде всего налаживание продуктивных контактов между членами этого коллектива. Попросту говоря, необходима выработка единого языка общения между представителями научных коллективов, причем различных направлений. На необходимость и возможность формирования подобного языка указал П. Галисон [Galison, 1999.] Однако работа по его формированию еще далека от завершения.

2. Ныне все более популярной становится тенденция сращивания науки с образованием, то есть как бы заново формируется система образования, получившая название гумбольдтовской [Дорожкин, 2017, 2018]. При этом возникает схожая с вышеотмеченной проблема формирования языка общения представителей научного сообщества и учеников – кандидатов в члены такого сообщества.

3. Ныне наука все более подпадает под контроль общества или отдельных ее представителей, которые не владеют языком науки и, следовательно, не смогут, без определенных условий и обстоятельств, сделать верное заключение о ценности или ошибочности, если не сказать сильнее, научных изысканий.

Рассмотрим последнюю особенность несколько подробнее. Ее возникновение и развитие обусловлено тем, что ныне комплекс социальных задач ученого не только может, но уже зачастую и должен включать, помимо прочего, так называемую «внешнюю научную коммуникацию», в широком смысле означающую целенаправленное и систематичное взаимодействие с обществом. Речь идет о согласовании видения будущего научно-технического прогресса учеными, представителями общественных институтов и обычными гражданами. Примером здесь может послужить обсуждение достижений медицины, генетики, агрохимии и т. п. Кроме этого, к началу XXI века формируется новый вид нематериального капитала – знания. Происходит освоение нового рынка - информационного. При этом оценивать информационный товар, если он из сферы науки, разумеется, по законам рынка, не могут сами «продавцы», то есть ученые. Это должны быть представители вненаучных сфер. Вследствие всего перечисленного, а также ряда других причин, и возникла необходимость у ученых выстраивать диалоги с представителями вненаучных форм знания, некоторые из которых, прямо скажем, не совсем дружелюбны по отношению к научным знаниям, поскольку конкурируют с ним за популярность и тот же рынок. Усугубляет ситуацию – и довольно серьезно – трудность восприятия научных идей представителями ненаучных сфер общества. И эта трудность воспринимается специалистами как одна из важнейших [Султанова, 1997; Schirrmacher, 2012 и др.].

Выход из такого положения, казалось бы, прост и очевиден: необходимо выработать язык общения,

доступный для сторон общения. И самое простое, что здесь можно предложить – это язык наглядных представлений. Более того, он даже представлен в некоторых работах, которые будут упомянуты ниже, как универсальный, то есть способный решить не только проблему общения между представителями научного и ненаучного сообществ, но и проблемы, возникающие при учете второй и первой отмеченных нами особенностей развития науки.

Казалось бы, определенные основания к тезису об универсальности наглядных представлений, появляются: термин «наглядность», получивший даже статус принципа, чрезвычайно популярен в педагогике. Различным его толкованиям, описаниям и приложениям посвящено значительное количество работ. Однако мы хотели бы обратить внимание на другое: пригодны ли все эти многочисленные наглядные модели для налаживания диалога между учеными и теми представителями вненаучной среды, которые вынуждены брать на себя роль экспертов, определяющих судьбу научных исследований? Вот здесь-то как раз отмечается совсем иное.

По поводу значимости наглядных моделей (ныне также употребляется более модное выражение – визуализированные образы) однозначных выводов нет. Есть точка зрения, согласно которой подобные модели являются нужным, но не достаточным, для развития науки компонентом современной науки [Бранский, 2010]. Однако существует также мнение о том, что наглядные модели являются не только необходимыми, но даже высшими, то есть окончательными, завершающими формами развития научного знания [Рахматуллин, 2016; Абрарова, 2010]. Поскольку последняя точка зрения акцентирует довольно серьезные претензии этой формы знания, рассмотрим ее несколько подробнее. При ее анализе можно сделать несколько выводов:

1. Наглядные представления являются высшей формой развития знания.

2. Наглядные представления обладают свойством универсальности, то есть они пригодны для использования как в рамках общения внутри научного сообщества, так и для трансляции научных знаний во внешние сферы.

3. Совокупность наглядных представлений составляет основу научной картины мира (НКМ).

4. Наглядные представления есть средство переноса научных знаний в иные, отличающиеся от области их генезиса, сферы культуры.

Вот эти положения вызывают целый ряд вопросов. К сожалению, рамки работы вынуждают нас ограничиться поверхностным рассмотрением лишь некоторых из этих вопросов.

Во-первых, нужно сказать, что НКМ исторически изменчива. Ныне принято говорить о трех основных этапах ее развития: классический, неклассический и постнеклассический. А во-вторых, хотелось бы отметить редко встречающееся заявление о том, что все эти исторические этапы ныне, так сказать, имеют место быть. То есть НКМ – это не исторический факт, который был, но ныне его нет. Ныне классическая картина мира так же распространена, как и другие. Однако в определенных средах и при определенных обстоятельствах. В-третьих, если для понимания сути НКМ сформировать наглядные представления о картинах самих, то получится следующее. В основе классической картины мира лежит ряд философских оснований – эмпиризма и рационализма, а также нескольких естественнонаучных положений типа атомарной структуры реальности, принципа физического детерминизма и дифференциального описания реальности. Такие положения формировали фундамент научного здания, построение которого шло традиционным путем: ряд «кирпичей», положенных на фундамент, служил основанием для последующего ряда кирпичей и т.д. Именно поэтому классическая картина мира характеризовалась внутренним единством. И поэтому, кстати, интуитивные шаги развития научного знания в такой наглядной модели были невозможны. Неклассическая модель представляла собой иной образ. Это – дерево, имеющее корни, ствол и ветви. Причем нужно иметь в виду, что дерево с общими корнями может иметь и не один ствол. Если ограничить наше рассмотрение все же одним общим стволом, то его роль для неклассической картины мира будет представлять как раз философские и естественнонаучные представления, а современные идеи и гипотезы – это ветви, причем они разнонаправлены. Следовательно, о единстве здесь можно говорить лишь в ретроспективе. Еще большее отсутствие единства наблюдается в постнеклассической картине. В наших наглядных картинах – это кустарник, имеющий не только различные стволы, но и различные корни – основания. Единство в такой картине, по нашему мнению, нужно будет уже формировать в какой-то мере искусственно, например, связывая разнонаправленные ветки кустарника в некое подобие снопа или метлы. А это означает, что научная картина мира как объединяющее начало научных знаний никак не может быть, как это отмечается сторонниками универсальности и завершенности наглядных представлений, источником новых знаний. НКМ здесь отличается некоей консервативностью представлений. Ведь веревка, связывающая в сноп разные ветви, захватывает и объединяет их посередине, а не сверху. Все новое, растущее, гипотетичное не может присутствовать в качестве основоположений в такой картине мира.

Теперь же, если принять положение о том, что основу НКМ составляет совокупность наглядных представлений, то нужно сделать вывод о том, что одна и та же группа наглядных представлений не может быть основой для разных НКМ. Так же нельзя принять положение о том, что новая НКМ строится путем аддитивного прибавления новых наглядных представлений к старым: слишком уж различны эти научные картины. То есть для каждой из научных картин будет характерны свои наглядные представления, подобно тому, как в известном законе Гегеля для каждого качества существует свое количество. Это – во-первых.

А во-вторых, не любые наглядные представления в одинаковой степени пригодны в качестве рациональных форм трансляции научных знаний для разных «зон обмена». Так, наглядные представления, соз-

данные для внутринаучного сообщения и составляющие основу неклассической или постнеклассической картин мира, не могут быть использованы для рационального построения «внешних зон обмена» и наоборот. Цели, которые преследуются при формировании наглядных представлений и соответственно НКМ – разные. Для внутринучных зон цель – содействовать приращению научного знания. Цель формирования «внешних зон обмена» – выгодно «продать» научную продукцию, то есть показать ее ценность для представителей ненаучных сред.

Литература

1. Абрарова, 2010 – *Абрарова З.Ф.* Визуализированные способы представления знания // Человеческий капитал. 2010. № 7. С. 489–491.
2. Бранский, 2010 – *Бранский В.П.* Философское значение «проблемы наглядности» в современной науке. М.: Либроком, 2010. 192 с.
3. Дорожкин, 2017 – *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–30.
4. Дорожкин, 2018 – *Дорожкин А.М.* Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С. 7–13.
5. Рахматуллин, 2016 – *Рахматуллин Р.Ю.* Наглядные представления в научной картине мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. Ч. 3. С. 141–143.
6. Султанова, 1997 – *Султанова Л.Б.* Космоцентричность мироощущения современного человека // Мировоззренческие основания человеческой деятельности на рубеже XX1 века. Уфа: Изд. БашГУ, 1997. С. 190–192
7. Galison, 1999 – *Galison P.* Trading Zone. Coordinating Action and Belief // Biagioli M. (ed). The Science Studies Reader. New York and London: Routledge, 1999. P. 137–160.
8. Schirrmacher, 2012 – *Schirrmacher A.* State-controlled Multimedia Education for All? Science Programs in Early German Radio // Science & Education. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 381–401.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00029
УДК 167

РИТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Евгений Александрович Жарков
Аспирант
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Важным аспектом современных научно-технологических практик является актуализация коллективного субъекта познания и проблема внутренней коммуникации ученых, инженеров, технологов, а также проблема реалистичного понимания обществом особенностей функционирования научно-технологической деятельности. Указанные проблемы находят отражение в актуальном направлении исследований, возникшем на Западе и получившем наименование STS (Science and Technology Studies; Science, Technology and Society). Подчеркивается, что во все времена важной являлась задача распространения новых научных знаний, что приводит к вопросу о природе убеждения и аргументации, являющимися одними из задач риторики. Целью работы является анализ некоторых риторических аспектов (компонентов) научного дискурса с использованием работ Л. Флека, Дж. А. Кэмпбелла, Б. Латура, П. Фейерабенда, А.П. Огурцова. Подчеркивается, что особенностями риторики научного дискурса являются: обращение не к фактам и логике, а к авторитету; к пользе (угрозе) для науки или общества; использование метафор, эпатажных лозунгов, политических заявлений, использование определенного языка или стиля изложения. Кратко анализируется понятие авторитета на примере современной научной статьи. В связи с риторикой отмечается проблематика представления об успешности в науке.

Ключевые слова: наука, общество, риторика, аргументация, убеждение, авторитет, успешность, STS.

RHETORIC COMPONENTS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Evgeniy Aleksandrovich Zharkov
Postgraduate student
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

An important aspect of modern scientific and technological practices is the actualization of the collective subject of knowledge and the problem of internal communication of scientists, engineers,

technologists, as well as the problem of a realistic public understanding of the functioning of scientific and technological activities. These problems are reflected in the current research field that has emerged in the West under the name of STS (Science and Technology Studies; Science, Technology and Society). It is emphasized that the task of disseminating new scientific knowledge has always been important, which leads to the question of the nature of persuasion and argumentation, which are among the tasks of rhetoric. The aim of the work is the analysis of some rhetorical aspects (components) of scientific discourse using the works by L. Fleck, J.A. Campbell, B. Latour, P. Feyerabend, and A. P. Ogurtsov. It is emphasized that the features of the rhetoric of scientific discourse include: appeal not to facts and logic but to authority; to the benefit (threat) for science or society; the use of metaphors, scandalous slogans, political statements, the use of a specific language or style of presentation. The concept of authority is briefly analyzed on the example of a modern scientific article. In connection to rhetoric, the paper considers the problematic of the concept of success in science.
Keywords: science, society, rhetoric, argumentation, persuasion, authority, success, STS.

В настоящее время роль науки и технологий в жизни человечества приобрела колоссальное значение. Влияние на человека и общество оказывают конечные готовые результаты: теории, технологические разработки. При этом следует помнить, что «готовые» результаты возникают не «в один день». Они содержат подмножества других результатов, в том числе разработанных различными людьми в различные времена, но в настоящий момент в готовом виде могут восприниматься обществом как нечто целостное, рациональное, единое. Составляющие подмножеств, в свою очередь, имеют свою историю и особенности создания. По моему мнению, указанные факты имеют серьезное значение для реалистичного понимания обществом особенностей научной и научно-технологической деятельности.

Помимо проблемы взаимодействия «науки и технологий» с обществом необходимо указать и на особенности современной науки. Прошли времена, когда наука делалась преимущественно одним человеком. Сегодня его место занимают коллективы исследователей – лаборатории, институты, международные проекты и коллаборации. Сформировался и приобрел значение коллективный субъект познания. Обострилась проблема внутренней коммуникации ученых, инженеров, технологов.

Указанные выше проблемы находят отражение в актуальном направлении исследований, возникшем на Западе и получившем наименование STS (Science and Technology Studies; Science, Technology and Society).

Несмотря на обозначенные современные проблемы, следует отметить, что во все времена важной являлась задача распространения новых научных знаний и результатов открытий. Как ученому, сделавшему открытие, убедить других в его истинности? Или, например, принимая во внимание современность, как обосновать необходимость получения значительных ресурсов для демонстрации истинности некоторой теории? Вопрос об истине является фундаментальным в философии. Является ли открываемая научная истина неким абсолютом, или она может быть так описана, сконструирована, чтобы ее стали воспринимать как истину другие индивиды, сообщества? Таким образом, это приводит нас к вопросу о природе убеждения, аргументации. А убеждение и аргументация являются одними из задач риторики. В настоящее время в философии существуют представления о «риторическом повороте». Об этом упоминал, в частности, Р. Рорти (Iowa Symposium on The Rhetoric of the Human Sciences, 1984).

Целью данной работы является анализ некоторых риторических аспектов дискурса научных практик. Поисковый анализ показывает, что в отечественной литературе (включая переводы) тема риторики в научных практиках представлена весьма незначительно. В иностранной литературе данная тема представлена гораздо шире.

Далее приведем размышления о роли риторики в научных исследованиях, прослеживающиеся у ряда авторов.

Л. Флек, анализируя историю развития анатомии человека, подчеркивает: «Врачи, скорее, обращались к древним мнениям, чем к анатомическим вскрытиям. Тысячи раз цитировавшиеся мнения древних авторитетов для этих исследователей значили больше и были более определенными, чем вскрытия» [Флек, 1999, с. 30]. Флек обращает внимание на магическую силу лозунгов в научных исследованиях: «”витализм” в биологии, “специфичность” в иммунологии, “трансформации микроорганизмов” в бактериологии. Если подобные слова находят в научных текстах, они не анализируются логически, а сразу привлекают к себе друзей или обретают врагов» [Флек, 1999, с. 34].

Дж. Кэмпбелл в статье «Чарльз Дарвин: ритор науки» подчеркивает, что трактат Ч. Дарвина «Происхождение видов» во многом основывается на риторике. Обоснованием для этого служат следующие факторы: (1) краткость написания, что обеспечивает бо́льшую доступность для широкой аудитории, (2) определенный стиль изложения и обращения к читателю – Дарвин обращается к читателю, как приятному собеседнику и другу, (3) широкое использование в изложении слов повседневного языка, житейской лексики (жизнь, борьба, выбор), (4) уважительное отношение Дарвина к традиции английской естественной теологии как к предполагаемому противнику нового учения, выраженное в цитировании фрагментов некоторых теологических текстов [Campbell, 1987, с. 69–71].

Б. Латур, один из создателей акторно-сетевой теории (ANT – Actor-Net-Theory, подраздел STS), рассматривает риторику как важный элемент «науки в действии». Риторика в разнообразных видах играет зна-

чительную роль в распространении результатов научной деятельности. Хорошо написанная научная статья, включающая в том числе ссылки на большое количество источников и авторитетов, становится мощным объектом убеждения. Стиль письма хорошего автора-ученого может привести к восприятию его текста другими как более логичного [Латур, 2013, с. 60–62, 89, 104].

П. Фейерабенд, основатель эпистемологического анархизма, при анализе истории астрономических открытий Галилея акцентирует внимание на риторических аспектах. Фейерабенд указывает на трудности, связанные с новейшим в те времена опытом телескопических наблюдений, и утверждает, что в распространении идей Галилея важную роль сыграла его техника убеждения, использование итальянского (а не латинского) языка, обращение к неконсервативным личностям [Фейерабенд, 1986, с. 262, 282]. А.П. Огурцов отмечает: «Обращение Фейерабенда к риторике далеко выходит за рамки историко-научной реконструкции идей Галилея. Он имеет в виду и современную науку, когда говорит о ее близости к мифу» [Огурцов, 2005, с. 121].

Таким образом, подводя итог, следует признать, что риторика способна играть значительную роль в распространении научного знания как среди научных сообществ, так и во взаимодействии наука/общество. Это утверждение следует отнести и к прошлому, и к современности. Также следует отметить, что тезис о важной роли риторики актуализирует проблему соотношения рациональной и нерациональной составляющих в описании науки. Риторика – это апелляция не к фактам и логике, а к авторитету; к пользе (угрозе) для науки, общества, цивилизации; обращение к далекому прошлому (будущему), использование метафор и смелых аналогий, эпатажных лозунгов, политических заявлений, острой критики.

Роль авторитета в науке чрезвычайно сильна. Утверждение, высказанное авторитетной личностью, или опубликованный текст авторитетного автора воспринимаются иначе, чем действия менее авторитетных персоналий. Современная научная статья значительно расширила «риторическую составляющую» в сфере «возможных авторитетов». Например, статья по физике может содержать более десятка соавторов – различного уровня авторитетности, специализации, различной аффилиации. Часто акцентируется внимание на использовании научно-исследовательских методов (теоретических и практических), обладающих теми или иными преимуществами по сравнению с другими методами. Важен язык написания статьи и рейтинг научного журнала. Данные утверждения показывают, что авторитетом обладают не только сами ученые, но также аффилиация, используемые методы исследований, особенности публичного представления результатов. Статья становится целостным «образом» лаборатории или института в пространстве научных текстов.

В этой связи необходимо также обратить внимание и на некоторые потенциальные риски. Сегодня большое значение придается успешности ученого. Но каковы общие границы успешности? Успешность повышает авторитет ученого и, следовательно, дает бо́льшую свободу его влиянию на общество, на мнения и мысли других людей, на возможные политические и экономические решения.

На мой взгляд, рассмотренные в статье риторические компоненты (аспекты) научного дискурса представляют интерес для эпистемологии и философии науки, а также направления «Исследования науки и технологий» (STS).

Литература

1. Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
2. Огурцов, 2005 – *Огурцов А.П.* Этос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27). С. 107–135.
3. Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: «Прогресс», 1986. 542 с.
4. Флек, 1999 – *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея-Пресс, 1999. 220 с.
5. Campbell, 1987 – *Campbell J.A.* Charles Darwin: Rhetorician of Science // The Rhetoric of the Human Sciences. Language and Argument in Scholarship and Public Affairs / ed. by J.S. Nelson. Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1987. P. 69–87.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00030
УДК 101.1

ВЛИЯНИЕ НА СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ИДЕАЛОВ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ)

Лада Альбертовна Зубкевич
Кандидат философских наук, старший преподаватель
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Объектом исследования являются ценностные ориентиры и идеалы общества, предметом — место ценностных ориентиров и идеалов в научном исследовании. Изучается тесная связь идеала с той общественно-исторической средой, в которой он зародился, его обусловлен-

ность не только историческими обстоятельствами развития, но и мировоззрением эпохи. Устанавливается, что идеал прочно связан с ценностными ориентирами общества, которые существуют на стыке «мира возможного» и «мира действительного», что современные исследования бедности также являются детищем своей эпохи, впитали в себя все ее идеалы и ценности. Выводы делаются на основе анализа социологических исследований и материалов ООН по проблеме бедности. Обнаружена взаимосвязь социологических методик измерения бедности и ценностных ориентиров обществ. Социологические методики и их применение обуславливаются тем, что важно измерять в конкретном обществе и государстве. Эта необходимость детерминирована, в свою очередь, развитием данного государства.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, идеалы, бедность, методики измерения бедности, социологические исследования, вектор развития общества, личностные ценностные ориентиры, общечеловеческие идеалы, национальные идеалы.

INFLUENCE ON SOCIOLOGICAL STUDIES OF VALUE ORIENTATIONS AND IDEALS OF SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF RESEARCH ON THE PROBLEM OF POVERTY)

Lada Albertovna Zubkevich
DSc in Philosophy, Senior Lecturer
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The object of the research is the value orientations and ideals of society, the subject is the place of value orientations and ideals in scientific research. We study the close connection of the ideal with the socio-historical environment in which it originated, its dependence not only on the historical circumstances of development, but also on the worldview of the epoch. It is established that the ideal is firmly connected with the value reference points of society, which exist at the junction of the “world of possible” and “real world”, that modern studies of poverty are also the offspring of their era, absorbed all its ideals and values. Conclusions are made on the basis of analysis of sociological studies and UN materials on the problem of poverty. The interrelation of sociological methods of measuring poverty and the value orientations of societies has been discovered. Sociological methods and their application are determined by the fact that it is important to measure in a particular society and state. This need is determined, in turn, by the development of this state.

Keywords: value reference points, ideals, poverty, methods of measuring poverty, sociological research, vector of development of society, personal value reference points, universal ideals, national ideals.

Об идеале общества говорили многие мыслители с древнейших времен. Их идеи чаще всего называли утопиями, так как сам идеал не достижим из-за предельной меры абсолютизации характеристик, и интерпретационной субъективности и фантазийности предлагаемых моделей. Идеал тесно связан с общественно-исторической средой, историческими обстоятельствами развития, мировоззрением этой эпохи, прочно связан с ценностными ориентирами общества, рожденные в нем идеалы будущего общества существуют на стыке «мира возможного» и «мира действительного», а на пути нашего стремления к идеалу встают препятствия «мира действительного» [Бекарев, 2000]. «Мир возможного» сочетает в себе фантастические мечтания об идеале и потенциальную возможность их воплощения, этим он отличается от идеала, который недостижим как любой абсолют. Влияние идеала на «мир возможного» проявляется через наши оценки «мира действительного». Именно через эти оценки мы проводим отбор факторов действительности, решаем, хотим мы их видеть в своем «мире возможного» или нет. Согласно материалам ООН «мир возможного» для «человечества в целом» — это отсутствие войны и дискриминации одной нации другой; социальная справедливость на международном и национальном уровне; здоровая и долгая жизнь всех людей на планете, а не только избранных; жизнь без голода и нужды; доступность образования и культуры [Повестка дня, 1992]. В нем ценности и идеалы современной эпохи видятся как потенциалы, которые необходимо воплотить в «мир действительного».

В качестве иллюстрации представляем взаимосвязь социологических методик измерения бедности и ценностных ориентиров обществ. Социологи используют абсолютные, относительные, субъективные показатели, либо соединяют выше перечисленные[9]. Явление «бедность» включает в себя социальную депривацию и социальное неравенство. Абсолютные методики измеряют депривацию, то есть степень витальной катастрофы и социального исключения. Социальное неравенство — это бедная жизнь в рамках общества, измеряется относительными методиками.

[9] Абсолютный подход к измерению бедности устанавливает минимальный набор необходимых человеку жизненных благ, их стоимость является чертой бедности, а доходы гражданина сравниваются со стоимостью этого набора. Бедным считается тот, у кого доход ниже черты бедности. При относительном подходе - доход меньше установленного размера от среднего уровня обеспеченности всех граждан в рассматриваемом обществе, считается бедностью. Субъективные показатели основаны на самооценке людей

Методики могут использоваться отдельно и в сочетании, быть разными в официальной и неофициальной статистиках. Например, в США официально используется абсолютный подход к бедности, также есть «дополнительные измерения бедности» — альтернатива официальной позиции. Согласно дополнительным измерениям в 2011-13 годах бедных оказалось на 3 млн. больше чем по официальным данным [Киселева, 2015]. В России с 2000 года бедность официально измеряется в абсолютном выражении по прожиточному минимуму [Социальные измерения, 2016, с. 305]. В Европейском союзе отталкиваются от 60% среднего дохода всего населения страны. В Швейцарии используется абсолютный показатель (прожиточный минимум) и все европейские показатели [Социальные измерения, 2016, с. 279]. Этическая проблема — в трудности межстрановых сравнений, так как статус бедного применяется к людям с разным социальным и материальным положением. Так, в экономически развитых странах бедными считаются люди, которые «не испытывают затруднений с питанием, они ограничены в потребностях более высокого уровня, касающихся отдыха, образования и т.п.». В других странах этот уровень жизни считается роскошью [Миронкина, 2016].

Другая этическая проблема — определение черты бедности. С первого взгляда биологический уровень бедности как явления (обеспечивает удовлетворение витальных потребностей, ниже этого уровня — смерть) соотносится с абсолютной методикой измерения, а социальный (обеспечивает удовлетворение базовых потребностей социализации индивида в данном обществе, детерминирован конкретным обществом, ниже этого уровня — невозможность участия в жизни общества, социальное исключение) — с относительной. Методики разрабатываются для того, чтобы строить адекватную социальную политику, бороться с бедностью. Имеющийся сегодня идеал делает не этичными подобные выводы, негуманно дожидаться витальных последствий бедности. Продовольственная корзина может включать разное количество наименований, измеряться в денежном эквиваленте. Обычно минимальный набор продуктовых корзин формируется с учетом научно обоснованных данных о минимуме питательных веществ, необходимых для жизни человека. Но эти вещества находятся в разных продуктах, имеющих разную пищевую ценность и разную потребительскую стоимость на рынке. Эта разница влияет не на физическое выживание, а на морально-этический климат в обществе, на социальную справедливость.

Применение той или иной методики социологами или официальной статистикой стран зависит от ценностей заказчиков измерений. Например, если в обществе (на локальном уровне) установлен приоритет семейных ценностей, то средний уровень обеспеченности рассчитывают на семью или домохозяйство. Международные организации, напротив, в большей степени личностно-ориентированны в ценностном отношении, рассчитывают черту бедности на человека.

На измерение бедности влияет вектор развития страны. Например, РФ, Китай, США измеряют депривацию, а не социальное неравенство. Неравенство не измеряют когда уровень жизни большинства членов общества примерно одинаков и близок к среднему показателю. Например, в Швеции бедных, измеренных по методике ЕС, очень малый процент [Социальные измерения, 2016], поэтому здесь измеряют и контролируют депривацию. В России в 2011 году от 50% до 70% населения относят к бедным и малообеспеченным [Моисеев, 2011]. Аналогичная ситуация в США, в 2013 году 80% американцев находились «вблизи» или «за чертой» бедности [Социальные измерения, 2016, с. 291].

Абсолютную методику применяют те страны, где относительная не информативна, так как показывает одинаковый уровень жизни для большинства населения, но это далеко от идеала социальной справедливости, так как богаты или бедны люди в этой стране не имеет значения для измерения. Абсолютные данные в этом случае отражают депривацию, а не всё явление «бедность». Методики, ориентирующиеся на личностный учет, игнорируют национальную специфичность, именно поэтому их используют международные организации, но и здесь сталкиваемся с проблемами этического характера. У ООН и Всемирного банка разные методики. Позиция ООН отрицает этническую специфичность, утверждая единство человечества, и измеряет всех людей одним инструментом. Всемирный банк не только личностно ориентирован, но и разделяет страны по категориям, применяет разные уровни абсолютного показателя, устанавливая тем самым стандарт бедности (бедный европеец должен быть богаче бедного африканца). Таким образом, социологические методики и их применение обуславливаются тем, что важно измерять в конкретном обществе и государстве, ценностными ориентациями заказчиков измерений. На них влияет национальная ценностная доминанта или общечеловеческая.

Другим примером может служить непосредственное проявление в социологическом исследовании личного ценностного ориентира исследователя и его личной ориентации на идеал. Так, Аркадиуш Карвацкий и Доминик Антонович анализируют модели социальной политики современных государств, констатируют, что привилегированные группы (в количественном отношении — единицы) благодаря своим экономическим возможностям пользуются всеми благами и правами в государстве, непривилегированные группы, не имея экономических средств существования, фактически ограничены в правах и не имеют доступа к благам государств. При этом вытесняется в бедность все больше «лишних людей». Находясь за пределами гражданского общества, «лишние люди» формируют свой микромир со своими нормами и образцами поведения, что является угрозой для безопасности стран богатого мира. [Карвацкий, Антонович, 2005]. Таким образом, здесь мы видим отрицательную оценку несправедливой социальной политики, зависимости прав граждан и доступа к благам государства от имущественного положения человека. Также резко отрицательно оценивается появление изолированных от общества групп «лишних людей». Так, «мир возможного» данных исследователей ориентирован на представленный выше идеал общественного развития.

В другом исследовании указывается, что во время экономического роста в США в шестидесятых годах прошлого века произошло слияние всего населения в один класс, что оценивается положительно. Однако существование наряду с этим безработицы и бедности беспокоит автора, но этот факт списывается на маргинальные явления, характерные любому обществу [Podhoretz, 1979]. Согласно этой точке зрения, идеал социального равенства и безбедного существования корректируется в «мире возможного» неким допуском социального исключения.

Таким образом, через анализ исследований бедности мы выделили оценки факторов «мира действительного». По сути, эти оценки и есть место пересечения двух миров, более того, посредством оценок происходит экстериоризация идеалов и «миров возможного» в действительность.

Литература

1. Бекарев, 2000 – *Бекарев А.М.* Свобода человека в социальном пространстве. – изд. 2-е. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2000. 212 с.
2. Повестка дня, 1992 – Повестка дня на XXI век / Доклад Конференции Организации Объединенных наций по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года. Том 1. Приложение II. С. 8-518.
3. Карвацкий, Антонович, 2005 – *Карвацкий А., Антонович Д.* Андеркласс и культура бедности в среде бывших государственных сельских хозяйств в контексте теоретических и интерпретационных дискуссий / пер. с польского: Н. Сидяченко // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 1. С. 36–70.
4. Киселева, 2015 – *Киселева М.Е.* География бедности в США: особенности официальной и альтернативной методик измерения границ бедности // Перспективы науки. 2015. № 5(68). С. 91.
5. Миронкина, 2016 – *Миронкина А.Ю.* Измерение бедности: единый метод для всех государств — международный индекс бедности // Международный научный журн. «Синергия наук». 2016. № 6. С. 54.
6. Моисеев, 2011 – *Моисеев В.В.* Борьба с бедностью в современной России // Социология власти. 2011. № 3, С. 36, 40.
7. Социальные измерения, 2016 – Социальные измерения в современном обществе: коллективная монография / отв. ред. Нагорнова А.Ю. Ульяновск: Зебра, 2016. 365 с.
8. Podhoretz, 1979 – *Podhoretz N.* Breaking Ranks: A Political Meoir. New York, 1979.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00031
УДК 16

К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИИ

Ольга Валентиновна Колесова
Доктор философских наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

В статье показана ментальная специфика постмодернистской философии через характеристики философии информации. Даётся понимание ментальности как философской категории. Описана структура ментальности. Раскрывается онтологический статус ментальности через динамику архетипов, связанную с вертикальным и горизонтальным уровнями их функционирования в структуре ментальности. Даётся понимание социокультурных субъектов как носителей ментальных структур. Позиционируется человеческая деятельность как деятельность, наделённая ментальными характеристиками. Описан ментальный метод исследования. Даны результаты исследования научной деятельности с помощью ментального метода. Выделены базовые архетипы познания: «единое» и «многое». Даны ментальные характеристики типов рациональности в исторической ретроспективе. Показана тенденция сохранения базовых архетипов в различных парадигмах с преимущественным доминированием сначала архетипа «единого», затем архетипа «многого» и вновь архетипа «единого». Показано, что архетип «единого» связан с философией Платона и его последователями, архетип «многого» восходит к философии Аристотеля и его приверженцам. Даётся понимание экстерналистского ракурса науки. Современное развитие познания связывается с информационализмом. Выделяется специфика философии, сформированной в информационализме – философии информации, тяготеющей к архетипу «единого».

Ключевые слова: ментальность, структура ментальности, архетипы, ментальный метод, типы рациональности, информационализм, философия информации.

THE ISSUE OF POSTMODERNISM MENTAL CHARACTERISTICS: THE PHILOSOPHY OF INFORMATION

Olga Valentinovna Kolesova
DSc in Philosophy, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article describes the mental specifics of the postmodernist philosophy through the characteristics of the information philosophy. The comprehension of mentality is given as a philosophical category. There described the structure of mentality. The ontological status of mentality is discovered through the dynamics of archetype connected with vertical and horizontal levels of their functioning in the structure of mentality. There given the comprehension of sociocultural objects as mentality structure holders. The human activity is positioned as the activity with mental characteristics. There described the mental method of research. The given results of scientific activity research are carried out with the help of the mental approach. There outlined the basic archetypes of cognition: “the united” and “the plural”. There given the mental characteristics of rationality types in historical terms. The article shows the tendency of saving basic archetypes in different paradigms with the dominance of the archetype of “the united” and then the archetype of “the plural” and then again “the united”. It is shown that the archetype of “the united” is connected with the philosophy of Plato and his followers, the archetype of “the plural” stems from the philosophy of Aristotle and his supporters. There given the comprehension of an externalist aspect of science. The modern development of comprehension is connected with informationalism. There outlined the specifics of philosophy formed within informationalism – the philosophy of information which follows the archetype of “the united”.

Keywords: mentality, mentality structure, archetypes, mental approach, rationality types, informationalism, philosophy of information.

Руководствуясь необходимостью «расширения» представления о типе рациональности и ориентацией на «онтологизацию» знания [Микешина, 2014, Пружинин, 2014], существующей в современной эпистемологии, мы предложили трактовку понятия «ментальность» как философской категории.

Ментальность понимается нами как историческое априори любой человеческой деятельности, структурное сопряжение её природно-культурной основы, действует как некий принудительный принцип организации или закон, ментальность имеет трёхуровневую структуру, в соответствии с броделевской схемой структурированности времён, где нижний уровень обусловлен природными основаниями, средний – социальными, верхний – индивидуальными.

Онтологический статус ментальности, связывается нами с реализацией в историческом контексте субъектами культуры определённых, имеющих устойчивое воспроизводство архетипов (вертикальные связи ментальной структуры), с одной стороны. С другой стороны, в социальном и индивидуальном контекстах (горизонтальные связи) эти устойчивые архетипы приобретают модусы, обусловленные конкретной социокультурной ситуацией. Таким образом, ментальная структура фиксирует в себе традицию и изменчивость одновременно, вбирая историческое и конструктивное измерение культурного субъекта как необходимый жизненный план.

Имея онтологический статус, ментальность проявляется в жизни социокультурных субъектов различной размерности и протяжённости. Ментальной структурой обладает человечество в целом, сформировавшее различные архетипы и модусы их проявлений. Ментальные характеристики присущи различным эпохам, культурам и конкретным людям. Благодаря видению истории с ментальных позиций, становится возможным установление связей, порой совсем не очевидных, между современными проявлениями культуры и её историческим прошлым. Возможно установление преемственности традиций, связи между поколениями.

Ментальные проявления можно отследить в самых разнообразных видах деятельности, порождаемых людьми. К таковым относится и научное познание [Колесова, 2009]. Вопреки сформированной философией XX века установке на отсутствие кумулятивности в развитии науки, ментальный метод (диалектическое решение соотнесения вертикального и горизонтального уровней ментальности), используя структурные компоненты ментальности – архетипы, позволяет выявить преемственность науки. В историческом «поле» познания мы выделили проявления двух основных базовых архетипов: «единого» и «многого».

Опосредование архетипа «единого», осуществлялось в контекстах различных типов рациональности (социальный и индивидуальный уровни) преимущественно через понимание причинности, его доминирующая роль была ярко выражена в античную эпоху.

Распознавание архетипа «многого» в контекстах различных парадигм осуществлялось преимущественно через реализацию доминирующего метода исследования. Определяющим этот архетип становится в неклассическом типе познания. Постнеклассический тип рациональности вновь тяготеет к архетипу «единого».

Необходимо заметить, что на разных этапах развития в науке осуществлялись тенденции, преимущественно, связанные с развёртыванием философских предпочтений эмпиризма и рационализма, истоком ко-

торых можно считать философию Аристотеля и ориентацию на архетип «многого». Внутри этого контекста содержится иная интенция (направленность), связанная с предпочтениями, ориентированными на идеи Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта. Они имеют собственные интеллектуальные предпосылки, сформированные под влиянием философии Платона и реализующие архетип «единого».

Наука как сфера деятельности человека имеет экстерналистский ракурс своего осуществления. Он сфокусирован на специфике социального запроса конкретного времени.

В XX веке, наиболее существенным событием социально-экономических и культурных преобразований, можно считать переход общества от индустриального к информационному способу самореализации. Начало этого процесса связывается с 40-50 годами XX столетия.

Одним из авторитетнейших социологов второй половины XX-начала XXI в. в. Мануэлем Кастельсом для обозначения общества, генерирующего знание путём обработки информации и символической коммуникации, было введено понятие информационализма [Кастельс, 2000]. Притом, что знание и информация всегда являлись базовыми элементами креативного процесса, специфика современного этапа связана с тем, что в его рамках определяющим становится воздействие знания на знание.

Если в контексте социологии происходит осмысление создавшихся новых особенностей бытия общества, то в философии складывается рефлексия по поводу способов описания нового способа бытия.

В этом ключе, с нашей точки зрения, можно рассматривать вышедшую в свет 2011 году монографию британского профессора Лучано Флориди «Философия информации».

Концепция информации у Флориди [Floridi, 2010] – многозначное и фундаментальное понятие. Он полагает, что данный концепт является более «объёмным» в сравнении с концептами бытия, жизни, знания, разумности, добра и зла. Последние, с его точки зрения, могут быть описаны через концепт информации.

Существенную роль в продвижении проекта «Философия информации», сыграла работа Флориди «Открытые проблемы в философии информации». В пяти разделах работы: анализ концепции информации, семантика, изучение разумности, отношение между информацией и природой и исследование ценностей; он сформулировал 18 проблем [Floridi, 2004]. В их числе – развиваемые Флориди старые проблемы и позиционируемые новые. Автор видит своей задачей доказательство того, что новая, утверждаемая им парадигма жизненна и важна в философии.

Флориди не задаётся метатеоретическими проблемами, связанными с основаниями философии информации и её методологией. Он считает эти проблемы открытыми, существующими вне, а не внутри философии информации.

Флориди Байнам, исследуя философию Лучано Флориди, относит его методологию к конструктивизму [Хлебников, 2013, с. 42 - 43]. Эта позиция связана с представлением о непознаваемой ультимативной реальности, позиционируемой Флориди, сравнимой с кантовским ноуменальным миром «вещей в себе». Мир, который мы постигаем в опыте, по Флориди, лишь сумма наших моделей реальности. Модели Флориди конструируются с помощью «метода абстракции», разработанного Флориди совместно с коллегой Сандерсом на основе формальных методов компьютерных наук.

По Флориди, все объекты Универсума можно, на определённом уровне абстрактности, представить как структурные данные, состоящие из «умонезависимых точек». По своей природе, они скорее платоновские, чем физические данные и не подчинены законам физики [Хлебников, 2013, с. 43].

Нам представляется значимым, обратить внимание на прочитывающуюся в концепции Флориди ориентацию на кантовскую и платоновскую подоплёку философствования.

Исходя из предпринятых ранее исследований, связанных со сменой типов рациональности в истории познания, мы обозначили общие тенденции.

Как уже было замечено, наблюдаются ментальные предпочтения, связанные со сменой доминирующих архетипов. В Античности доминирующим был архетип «единого», затем происходит постепенное усиление, достигающее своего апогея в модернистской науке, архетипа «многого». В науке постмодерна вновь более выраженным становится архетип «единого».

Исследования, представляющие современные научные подходы, представлены концептуальными решениями, ориентированными на понимание единства науки как области познавательной деятельности, системные решения фундаментальных и прикладных задач.

Концепция Флориди, как нам представляется, вполне может быть воспринята как подтверждение, наблюдаемой нами тенденции.

Литература

1. Кастельс, 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Колесова, 2009 – *Колесова О.В.* Смена парадигмальных оснований науки в ментальном ракурсе. // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 10. С. 125-130.
3. Микешина, 2014 – *Микешина Л.А.* «Философия Просвещения» Э. Кассирера в свете культурно-исторической эпистемологии // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 14–23.
4. Пружинин, 2014, – *Пружинин Б.И.* Культурно-историческая эпистемология: концептуальные возможности и методологические перспективы // Вопросы философии. – 2014. – № 12. – С. 3–13.

5. Хлебников, 2013 – Цит. по Хлебников В.Г. Философия информации Лучано Флориди // Метафизика. 2013. № 4 (10). – С. 35–48
6. Floridi, 2010 – *Floridi L.* The philosophy of information: ten years later // Metaphilosophy / ed. By A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 41. № 3. April 2010. – P. 420–442. URL: http://www.philosophyofinformation.net/publications/pdf/tpoi10yl.pdf
7. Floridi, 2004 – *Floridi L.* Open problems in the philosophy of information // Metaphilosophy / ed. By A.T. Marsoobian. – Oxford, UK. – Vol. 35. – №4. July 2004. – P. 554–582. URL: http://www.philosophyofinformation.net/publications/pdf/oppi.pdf

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00032
УДК 165.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУКИ В ТЕХНОНАУКУ: СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИЙ, ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ЭГАЛИТАРИЗАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ПОЗНАНИЯ

Ольга Борисовна Кошовец
Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт экономики РАН
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Ключевая тенденция в развитии науки в современном обществе в том, что научное знание утрачивает свое привилегированное положение, а наука как институт лишается монопольного права на производство знания. Этот процесс находит отражение в концепциях "технонауки" и "трансдисциплинарности", а также в рамках практик депрофессионализации научного знания. Целью доклада является представить к размышлению ряд тезисов, касающихся трансформации науки в нечто новое, что мы лишь в силу институциональных и культурных причин продолжаем именовать "наукой", и, что, как мы полагаем, наиболее удачно обозначается термином "технонаука", а также рассмотреть некоторые, ее ключевые черты, связанные с кардинальными изменениями в способах производства знания и его организации. Речь идет, во-первых, о производстве артефактов и технологий (инноваций) вместо знания в классическом смысле (репрезентация и средство описания и объяснения мира), во-вторых, о подчинении процесса производства научного знания закономерностям функционирования принципиально иных сфер, нежели наука и изменение эпистемологического статуса субъекта научного познания и, как следствие, авторитетности и легитимности производимого им знания.

Ключевые слова: технонаука, трансдисциплинарность, инновации, научное знание, технологии, научный этос, мировоззрение.

PROBING THE TRANSFORMATION OF SCIENCE IN TECHNOSCIENCE: INNOVATIONS` PRODUCTION, TRANSDISCIPLINARITY AND THE EGALITARIANIZATION OF KNOWLEDGE ENTITIES

Olga Borisovna Koshovets
PhD in Philosophy, Senior Researcher
Institute of Economics RAS
Institute of Economic Forecasting RAS

The key tendency in the development of science in the present-date society is that the scientific knowledge produced in Academia by scientists is losing its privileged position; moreover, the science as an institution is losing its monopoly to the production of knowledge that is considered powerful, valuable and effective. This process of deep transformation has been partially reflected in such concepts as technoscience, post-academic science, transdisciplinarity and can be found in such practices as deprofessionalization of scientific knowledge, civil science (expertise), informal science exchange in social media. We aim to put for further consideration not so much causes but purposes and effects of this transformation – epistemological, institutional and social. In particular we will focus on new subject (entity, person) of knowledge and its position in society and on the crucial change in the mechanisms of the scientific knowledge production that may lead to replacement of scientific knowledge by technologies (complex machines, techniques, skills, tools, methods) and innovations.

Keywords: techno-science, transdisciplinarity, innovation, scientific knowledge, technology, scientific ethos, worldview.

Ключевая тенденция в развитии науки в современном обществе в том, что научное знание утрачивает свое привилегированное положение, более того наука лишается монопольного права на производство зна-

ния. Этот процесс находит отражение в концепциях «постакадемической науки», «технонауки», «трансдисциплинарности», а также в рамках таких практик как депрофессионализация научного знания, «гражданская наука» (экспертиза), неформальный научный обмен с помощью социальных медиа [Haklay, 2015]. В докладе мы хотели бы предложить для обсуждения ряд тезисов касательно не столько причин данного процесса, сколько его целей и последствий – эпистемологических, социокультурных, институциональных. В частности, мы сфокусируемся на изменении механизмов производства научного знания, субъектов, производящих знание, а также на проблеме состыковки научных (т.н. академических и постакадемических), экспертных и производимых масс-медиа знаний и представлений.

Мы предложим для обсуждения следующие тезисы:

1. Концепции «постакадемической науки», «технонауки» и «трансдисциплинарности» фиксируют различные аспекты утраты наукой монопольного права на производство знания и трансформации самой науки в нечто новое, что мы лишь в силу институциональных и культурных причин продолжаем именовать «наукой». Между тем, «наука» – это проект Нового времени, который был искусственно удлинен в рамках историзации научной рациональности, - по всей видимости, он подошел к своему концу как любое историческое образование. Если в обществе модерна и в рамках проекта Просвещения именно наука имела привилегированный статус в вопросах производства общезначимого знания и, соответственно, господствующего мировоззрения, то теперь это право как и эпистемологический авторитет науки, универсальность и общезначимость производимого ей знания поставлены под сомнение. Это ведет к резкому сужению роли науки и установлению новых границ ее применимости.

Мы полагаем, что наиболее подходящий, хотя и с рядом оговорок термин для обозначения того, что мы по-прежнему называем «наукой», но что ей по сути уже не является, но последовательно занимает ее место – это «технонаука». Концепт «технонаука призван подчеркнуть сцепленность, взаимосопряжённость науки и технологий, при этом основной целью использования этого термина является попытка различить «новые» и традиционные формы научной активности, прежде всего, на основе принципиально различных эпистемологических интересов, ведущих к производству принципиально отличных объектов с совершенно иным онтологическим статусом, нежели объекты классической науки [Хакинг, 1998; Daston, Galison, 2007). Кроме того, концепт «технонаука» призван подчеркнуть, что на современном этапе научное знание уже не представляет собой объективное описание Мира, оно принципиально опосредовано материально-технической базой и, соответственно, онтология описывает именно эту искусственно созданную техническими средствами среду [Галисон, 2004; Латур, 2006; Ihde, Selinger, 2003]. Если ученый классического типа говорит об открытии какого-то объекта, то в рамках технонаучного знания речь идет именно о создании объекта [Braun, Whatmore, 2010). В свою очередь, именно создание объекта требует изменения, как целей научной деятельности, так и по сути всей организации науки, которая налагает неизгладимый отпечаток на эпистемологическую составляющую. Таким образом, этот концепт позволяет уловить кардинальные изменения в способах производства знания и его организации.

2. Прежде всего, речь идет о том, что наука превращается в компонент инновационного развития, общество требует от науки производства не истинного и даже не эффективного знания, а эффективного и потенциально капитализируемого знания [Анчишкин, 1989]. Закономерно, что текущее развитие научного знания идет в направлении синтеза с технологиями, усиления последнего компонента и даже во многом замещения знаний технологиями. В рамках НТП как движущей силы экономического развития и под воздействием процессов капитализации наука все больше и больше сдвигается от создания теорий и выявления фундаментальных закономерностей к производству артефактов и инноваций. При этом процесс создания знания начинает носить принципиально целенаправленный, проективный и коллективный характер и выходит за пределы собственно науки, в рамках технонауки ученые работают в тесном взаимодействии с инженерами и бизнесменами, это взаимодействие определяет и когнитивные стратегии и цели работы. Между тем, если научное знание постепенно превращается в компонент инновационного развития, это означает, что оно, как и собственно институт академической науки начинают все более и более приспосабливаться и соответствовать правилам, нормам и целям функционирования других социальных сфер, нежели научные, а именно экономике, финансам, промышленному производству [Кошовец, 2007].

3. Стоящая за проективной деятельностью в рамках технонауки онтология (картина мира) подразумевает, что знание, прежде всего что-то создает, производит, исходя из конкретных практических потребностей. В конечном счете, в рамках такой траектории развития научного знания ключевой становится способность науки к созданию комерциализируемого результата, а ее основной задачей – создание промежуточного продукта, который можно постоянно реинвестировать с целью получения потенциальной инновации (технологии). В целом трансформация науки в «технонауку» означает, что ее основной целью является производство технологий и инноваций в широком смысле слова (причем, как в естествознании, так и в социогуманитарной сфере). В рамках данного процесса трансформации можно говорить о резком сужении задач науки и о потере ею другой ключевой своей функции – мировоззренческой. Вместе с тем, происходит переориентация социальных и гуманитарных наук на производство социальной и культурной реальности и смыслов, в рамках которого они вступают в острую конкуренцию с другими сферами, выполняющими те же задачи (масс-медиа, реклама и маркетинг, полит-технологии).

4. Ключевым элементом кардинальной трансформации самой науки и ее положения в обществе (а также значения для общества) является слом демаркационной линии, отделяющей научное знание от дру-

гих видов знания. Стирание границ между научным знанием, другими видами знаний и информацией ведет к потере привилегированного положения ученых в обществе и превращение их в «пролетариев умственного труда» среди множества других представителей «креативного класса». Мы полагаем, что социокультурной проекцией ключевой как для самой науки, так и для методологии науки идеи демаркации научного знания является необходимость подчеркнуть особый элитный статус ученых в обществе и их права на производство знания. Речь идет о принципиальной автономности академического сообщества, элитном положении ученых в обществе (начиная с XIX в.) и их особых правах на производство и эффективного знания, и доминирующего в обществе современного типа научного мировоззрения («картины мира»). Утрата этого особого положения закономерно коррелирует с размыванием границ между различными видами знаний и субъектами, их производящими.

5. Автономность научного сообщества всегда была одной из ключевых ценностей «научного этоса», между тем, в рамках «технонауки», по-видимому, формируется свой собственный этос, где взаимодействие с «внешней средой» (с другими социальными сферами) имеет решающее значение, включенность исследования во внешние программы и проекты исключительно практической ориентации необходимо для постоянного мониторинга, коррекции, получения отзывов, а также репрезентации в СМИ. В этом контексте научная работа становится все более и более трансинституциональной и соответственно перестает ориентироваться на научный этос, определяться целями и задачами развития самого академического сообщества (начинает подчиняться закономерностям взаимодействия с бизнесом и общественной сферой).

6. Подрыв привилегированного положения ученого в обществе закономерно тесно взаимосвязан с другим процессом – изменение эпистемологического статуса субъекта научного познания и как следствие, авторитетности и легитимности производимого им знания. Это изменение нашло свое отражение в одном из принципиальных положений концепта «трансдисциплинарности» о равноправии различных субъектов, производящих знание (ученых, экспертов, масс-медиа, любителей) [Грановская, 2015]. Эту важную тенденцию мы обозначим как «эгалитаризацию».

7. Слом демаркационной линии, отделяющей научное знание от других видов знания и представлений, а также процесс эгалитаризации субъектов, производящих знание, тесно связан с широким распространением и доступностью информации и повышением информированности, которая начинает заменять знание и резко снижает значимость и ценность носителей знания (прежде всего учителей). Ключевым следствием этого процесса является разрушение традиционной связки «обучение – исследовательская деятельность» [Кошовец, 2010].

Литература

1. Анчишкин, 1989 - *Анчишкин А.И.* Наука - Техника - Экономика. М.: Экономика, 1989. 386 с.
2. Галисон, 2004 - *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. № 1. 2004. С. 64-92.
3. Грановская, 2015 - *Грановская О.Л.* Эпистемологические теории демократии в контексте идеи ценностного плюрализма // Теория и практика общественного развития. 2015. No 11. С. 198–200.
4. Кошовец, 2007 - *Кошовец О.Б.* Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М.: Наука, 2007. С. 210-249.
5. Кошовец, 2010 - *Кошовец О.Б.* Дисциплинарное воспроизводство экономического знания (эпистемологический, онтологический и социально-экономический аспекты). М.: Институт экономики РАН, 2010. 50 с.
6. Латур, 2006 - *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб : Изд-во Европейского ун-та., 2006. 240 с.
7. Хакинг, 1998 - *Хакинг Я.* Представление и вмешательство: начальные вопросы философии естественных наук. М.: Логос, 1998. 291 с.
8. Braun B., Whatmore S.J., 2010 - Braun B., Whatmore S.J. (eds.). Political Matter. Technoscience, Democracy and Public Life. University of Minnesota Press, 2010. 350 p.
9. Daston, Galison, 2007 - *Daston L., Galison P.* Objectivity. Zone Books, 2007. 501 p.
10. Haklay, 2015 - *Haklay M.* Citizen Science and Policy: A European Perspective. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2015. 67 p.
11. Ihde, Selinger, 2003 - *Ihde D., Selinger E.* (eds.) Chasing Technoscience. Matrix for Materiality. Indiana University Press, 2013. 250 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00033
УДК 1.168.001

О ПРАВОМЕРНОСТИ ВВЕДЕНИЯ КОНСТРУКТА СЕТЕВОЙ НАУКИ, ИЛИ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ФОРМЕ ТЕХНОНАУКИ

Татьяна Леонидовна Михайлова
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
Юлия Сергеевна Корчагина
Аспирант
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Статья посвящена исследованию технонауки как формы бытия современной науки. Выявлены шесть ее особенностей, общее между которыми в становлении иного типа связи науки, технологии и производства. В качестве методологии предлагается акторно-сетевая теория Бруно Латура. Приведены примеры, демонстрирующие роль лаборатории как топоса по производству технологического знания с интенцией на его эффективность. Выявлено, что осмысление функционирования технонауки в единстве внутреннего и внешнего контуров инициирует пересмотр ее онто-гносеологических оснований. Рефлексия относительно этих оснований приводит к проблеме определения формы организации технонауки – «сетевой науки». Статья есть приглашение к диалогу. В качестве итога сделаны выводы. Во-первых, концептуальный узел введения конструкта «сетевая наука есть бинарная оппозиция «содержание – форма», где содержание – это технонаука, а ее организационная форма – сетевая наука. Во-вторых, введение конструкта «сетевая наука» маркирует смещение исследования на контекст как потенциальное поле коммуникаций, в котором событие «рождения» технологического знания становится реальным фактом. В-третьих, коммуникация есть инструмент «снятия» оппозиции «наука – контекст», посредством которого объясняется механизм функционирования технонауки.

Ключевые слова: наука, технонаука, сетевая наука, лаборатория как топос, онто-гносеологические основания, коммуникация, акторно-сетевая теория.

VALIDITY OF INTRODUCING A NEW TERM «NETWORK SCIENCE» OR ORGANIZATIONAL FORM OF TECHNOSCIENCE

Tatiana Leonidovna Mikhailova
PhD in Philosophy, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev
Yulia Sergeevna Korchagina
Postgraduate student
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The article considers technoscience as a qualitatively new form of science existence. We distinguish six peculiar properties of technoscience as a new stage of science, characterized by the formation of a different type of connection between science, technology and production. Bruno Latour's actor-network theory is suggested as a relevant research methodology. Empirical examples are given to demonstrate the role of the laboratory as a topos for the production of efficient technology. It has been found out that the understanding of technoscience, functioning in the unity of its internal and external contours, initiates the revision of its ontological-epistemological bases. Reflection on these grounds leads to the problem of determining the form of technoscience organization – «network science». In general, the paper aims to encourage a philosophical and methodological reflection and a discussion on the issues involved. The authors suggest a number of conclusions. First, the conceptual node for introducing the notion of «network science» is a binary «content-form» opposition, where the content is technoscience, and its organizational form is network science. Secondly, the introduction of the «network science» construction is a marker of the shift of research to the context as a potential field of communication, in which the event of the «birth» of technological knowledge is becoming a real fact. Thirdly, communication is an instrument for «removal» of the «science-context» opposition, which enables to explain the mechanism of technoscience functioning.

Keywords: science, technoscience, network science, laboratory as a topos, ontological-epistemological basis, communication, actor-network theory.

Технонаука как новая форма бытия науки изменяет устоявшиеся представления, элиминируя ее эпистемологическую исключительность. Проблематизируются исходные принципы не только классической, но и неклассической науки. Во-первых, изменился субъект науки – это уже не изолированный ученый-одиночка,

а представитель «дисциплинарного (либо меж- или трансдисциплинарного сообщества»), становящийся «распределенным» субъектом, т.е. «его присутствие обнаруживается далеко за рамками науки как специализированной деятельности» [Юдин, 2018, с. 321]. Во-вторых, теряет актуальность оппозиция «фундаментальное – прикладное», что ведет к потере значимости фундаментального знания в условиях коммерциализации науки. В-третьих, категория истины, будучи критерием объективности, уступает место категории «эффективность» [Михайлова, 2003, с. 104]. В-четвертых, наука производит качественно новый продукт – технологии, конвергенция которых представлена аббревиатурой «NBICS». В-пятых, наука приближается к человеку, «обволакивая» его, формируя стиль мышления, культуру потребления. В-шестых, изменившаяся архитектоника науки – это качественно новые отношения между наукой и технологией, наукой и обществом в целом.

Эти изменения охватываются понятием «технонаука», введенным в 70-е гг. XX века Ж. Хоттуа для обозначения нового типа взаимоотношений между наукой, технологией и обществом. Осмысление трансформационных изменений инициировало наше исследование, методологией которого стала акторно-сетевая теория. Приведем определение технонауки: «Это состояние производства научного знания, которое характеризуется не только тем, что технические средства – такие, как пузырьковые камеры, секвенаторы и хроматографы – постоянно используются для построения теорий и фактов, но и тем, что без воплощения нового научного факта или теории в работающем образце техники эти факты или теории могут быть поставлены под вопрос [Латур, 2013, с. 10]. Связующее звено дефиниции – экспериментальная установка, взятая не в привычном контексте производства знания, а в контексте его эффекта. Лаборатория как топос по производству знания с интенцией на практический результат становится «обителью прикладной науки как деятельности, ориентированной исключительно на создание и совершенствование технологий. Именно лаборатория выступает в качестве форпоста научно-технического прогресса» [Юдин, 2018, с. 323].

Б. Латур отмечает, что знание – это результат не только работы лаборатории, а всего научного контура. На процесс рождения знания влияет отсутствие материалов, технических возможностей для исследований. Когда ученые добиваются результата, это означает, что на достижение цели работают и другие. Например, Л. Полинг, работая над ДНК, совершает непростительную ошибку, позволив конкурентам – Д. Уотсону и Ф. Крику [Латур, 2013, с.23] – создать модель двойной ДНК. Сроки, решения, ошибки – это все человеческое измерение науки, сопряженное с технологическим, – составляет часть внутреннего контура науки. Дифференциация знания и контекста, в который погружено это знание, – не важна, ибо есть один идол технонауки – эффективность. Не случаен шокирующий вывод: «люди и микробы имеют в современной науке одинаковый статус равных действующих лиц» [Латур, 2013, с. 11].

Множеством примеров жизни лабораторий демонстрируется равнозначная ценность «предметов-посредников» научной деятельности [Латур, 2013, с. 11]. Этим внутренний контур науки обнаруживает связь с внешним. Чем интенсивнее работа в лаборатории, тем больше она должна выходить вовне, заинтересовывая аудиторию с целью поддержки, финансирования, потребления продуктов научной деятельности. Привлеченные руководством ресурсы используются сотрудниками, и наоборот, каждый новый объект, полученный в лаборатории, немедленно конвертируется в ресурсы, обеспечивая обновление источников поддержки. Связанными вместе оказываются все большее количество элементов, восходящих к неожиданным источникам [Латур, 2013, с. 256-257]. Особенность этих элементов науки в том, что ни один из них не является доминирующим, все они взаимосвязаны и равнозначны для успешного развития научной деятельности. Их задача – стать элементами одной сети [Латур, 2013, с. 250].

Пример открытия ДНК, обнаруживающий зависимость судьбы научного знания от наличия компьютерных устройств, финансовых вопросов Института, на базе которого происходит исследование, данных прошлых лет по теме, даже настроения ученых – все это элементы одной сети, демонстрирующие взаимодействие внутреннего и внешнего контуров науки. Под сетью понимается связанный ряд действий, где каждый участник – полноценный посредник. Каждая точка пересечения в сети может стать точкой бифуркации – событием и источником нового перевода, неожиданных решений [Латур, 2013, с. 181-182], реализация которых порождает поле потенциальных возможностей рождения технологий. Сама технология есть множество конкретных форм практики, несводимых к одному знаменателю. Поэтому неизбежно возникают вопросы: а) как объяснить сложность рождения нового технологического знания, перекраивающего универсум человеческого бытия; б) как понять переход к качественно новому знанию от того, что знанием в строгом смысле слова не является; в) как описывать случайности, лежащие в основе нового знания. Перечень этих не риторических вопросов маркирует необходимость философско-методологической рефлексии.

Неконгруэнтность методологии, состоящей в несоответствии стандартных методов исследования изменчивой, неопределенной реальности технонауки и производимого сетями мира – это то, что следует из анализа технонауки, подкрепленного описанием примера хаотической жизни лаборатории. Из приведенного историко-научного примера следует вывод о доминирующей роли случайных периферийных событий для факта открытия структуры ДНК. Событие, репрезентируя онтологическую сферу индивидуально-случайного, «переводит» рассмотрение жизни лаборатории в плоскость постнеклассической эпистемологии, основаниями которой являются интерсубъективность, плюрализм, когнитивный экстернализм, согласно которому сплав знаний, воли, творчества ученых, влияние различных факторов – формируют науку. Личностное измерение технонауки, репрезентирующее то, что может быть обозначено в системе технонауки как периферийные события, может быть представлено как контекст. Для того, «чтобы быть контекстом индивидуального, специфического события рождения нового в науке, необходимо исходить из уникальности сло-

жившейся в этом событии проблематики. Контекст формируется состоянием дел в науке, а рождение нового знания реализуется через ассимиляцию наукой ненаучных составляющих контекста. Отношение субъект – предмет утрачивает свою значимость, граница между ними стирается…» [Маркова, 2018, с. 311]. Последнее есть маркер перехода к постнеклассическому мышлению, согласно которому бинарная оппозиция «наука – контекст» или («наука – ненаука») становится нормативным каноном.

Признание этих канонов позволяет расширить понимание контекста науки, т.е. ее ненаучных составляющих, включив в их число производство (не как научное исследование), а как производство эффективной технологии, невозможное без проекта как смыслового узла сетевой науки. Поэтому привычная триада задач науки «описание – объяснение – понимание» дополняется проектированием и прогнозированием. Пересечение проектов как имманентное сопровождение процесса функционирования лаборатории есть пространство сетевой науки как формы организации технонауки. Так бинарная оппозиция «содержание – форма» стала осью координат для того, чтобы приблизиться к исследованию феномена науки. Учитывая то, что в постнеклассике определяющая роль отводится процессам формообразования, то введение конструкта сетевой науки правомерно с точки зрения корреляции с процессами сетевого общества. Основа этой структуры – децентрализованные сети информационных технологий, с помощью которых происходит взаимодействие множества узлов сети посредством коммуникаций [Кастельс, 2016, с. 41]. Коммуницируют не только привычные субъекты науки, но и «невидимые» (технические артефакты); нельзя уверенно сказать, когда и какие силы вступят во взаимодействия. Сеть – это совокупность взаимосвязанных узлов [Кастельс, 2016, с. 37]. Сила сетей в их гибкости и перенастраивании с добавлением или удалением узлов. Они действуют на основе бинарной логики: «включение – исключение». Все, что входит в сеть, полезно и необходимо для ее существования; что не входит – не существует с точки зрения сети.

Сетевая наука – это коммуникативная система, на ее функционирование влияют социокультурные и политические факторы. Проекты сетевой науки обладают характером междисциплинарности, участники удалены друг от друга, являясь представителями различных культур, научных школ, но объединенные вокруг артефактов научной деятельности, на базе которых строится коммуникация. Эвристической потенциал конструкта сетевой науки в том, что удается «схватить» элемент, объясняющий функционирование системы. Этот элемент – коммуникация, служащая в бинарной оппозиции «наука – контекст» средством диалога науки и ее контекстуальных образований.

Литература

1. Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
2. Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
3. Маркова, 2018 – *Маркова Л.А.* Нуждается ли неклассическая наука в истине? // Эпистемология сегодня. Идеи. Проблемы. Дискуссии: монография; под ред. чл.-корр. И.Т. Касавина, Н.Н. Ворониной. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 305-314.
4. Михайлова, 2003 – *Михайлова Т.Л.* Истина в конструктивистском дискурсе, или является ли истина «изобретением лгунов» // Истина и заблуждение. Диалог мировоззрений материалы 7 Международного научно-богословского симпозиума; отв. редактор: Б.П. Шулындин. Н. Новгород, 2003. С. 103-106.
5. Юдин, 2018 – *Юдин Б.Г.* Так что же происходит в науке? // Эпистемология сегодня. Идеи. Проблемы. Дискуссии: монография; под ред. чл.-корр. И.Т. Касавина, Н.Н. Ворониной. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 320-325.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00034
УДК 167.7

ОБЪЯСНЕНИЕ И РЕДУКЦИЯ КАК МЕТОДЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ[10]

Дмитрий Павлович Суровягин
Кандидат философских наук, старший преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия

В докладе рассматривается дедуктивно-номологическая модель научного объяснения и обсуждается возможность ее применения в социальных и гуманитарных науках. Объяснение определяется как функция научной теории, которая устанавливает отношение между гипотезами и общими законами теории. Понятие научного объяснения сравнивается с редукцией как логическим отношением между двумя теориями. Выясняется, что логические структуры объ-

[10] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00091.

яснения и редукции схожи; разница между данными эпистемологическими операциями заключается в том, что объяснение работает внутри теории, а редукция связывает разные теории в единую метатеоретическую модель. Аргументы против использования объяснения и редукции в социально-гуманитарном знании, основанные на идее эмерджентности и несводимости ценностей к фактам, критически анализируются и оцениваются как эпистемологически несостоятельные. Сходство логических структур научного объяснения и интертеоретической редукции дает возможность переосмыслить проблему единства научного знания, которую окончательно не смогла решить эпистемология XX века. Формально-логический подход к построению моделей интертеоретической редукции и научного объяснения можно рассматривать как перспективный проект интеграции социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, а также как способ преодоления иррационализма и релятивизма в эпистемологии.

Ключевые слова: объяснение, редукция, теория, эмерджентность, социально-гуманитарное знание, естествознание, философия науки, логика науки.

EXPLANATION AND REDUCTION AS METHODS OF INTEGRATION OF NATURAL SCIENCE AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Dmitriy Pavlovich Surovyagin
DSc in Philosophy, Senior Lecturer
Saratov State Law Academy

The report examines the deductive nomological model of a scientific explanation and explores the possibility of its application in the social sciences and humanities. Explanation is defined as a function of a scientific theory that establishes the relation between hypotheses and the general laws of the theory. The concept of a scientific explanation is compared with a reduction as a logical relation between two theories. It turns out that the logical structures of explanation and reduction are similar; the difference between these epistemological operations is that the explanation works within the theory, and the reduction links the different theories into a single metatheoretical model. Arguments against the use of explanation and reduction in the social sciences and humanities, based on the idea of emergence and irreducibility of values to facts, are critically analyzed and evaluated as epistemologically untenable. The similarity of the logical structures of scientific explanation and inter-theoretical reduction makes it possible to rethink the problem of the unity of scientific knowledge, which the epistemology of the 20th century could not solve. The formal approach to building models of inter-theoretical reduction and scientific explanation can be viewed as a promising project for integrating humanitarian and natural-science knowledge, as well as a way to overcome irrationalism and relativism in epistemology.

Keywords: explanation, reduction, theory, emergence, social and humanitarian knowledge, natural science, philosophy of science, logic of science.

В эпистемологии объяснение определяется как одна из основных функций научной теории [Гусев, 2009]. Как и любое функциональное отношение, объяснение устанавливает однозначное соответствие между двумя классами: областью определения функции и множеством значений функции. Но о каких классах здесь может идти речь?

Чтобы объяснить некоторое явление, необходимо указать, в соответствии с какими законами и в силу каких условий оно имеет место; то есть объяснением называют подведение явления под общую закономерность. Поэтому областью определения объяснительной функции является класс X дескриптивных предложений (гипотез), а множеством значений — класс Y универсальных предложений (законов). Иными словами, объяснение есть отображение вида f: Y → X, где X и Y — множества предложений некоторого языка.

Наиболее известной экспликацией идеи научного объяснения является дедуктивно-номологическая модель К. Гемпеля и П. Оппенгейма, развитая впоследствии Ф. Китчером и У. Сэлмоном [Weber, 2013, p. 13-23]. В данной модели элемент множества X объяснительной функции называется экспланандумом, а множество предложений Y — экспланансом. Научное объяснение удовлетворяет следующим критериям: (1) экспланандум логически следует из экспланансa; (2) эксплананс содержит только необходимые для выведения экспланандума законы; (3) предложения экспланансa эмпирически осмысленны; (4) предложения экспланансa истинны [Гемпель, 1998, с. 92-93].

Логическая структура научного объяснения сходна с моделью интертеоретической редукции Э. Нагеля, согласно которой теория 1 редуцируется к теории 2 тогда и только тогда, когда законы теории 1 дедуктивно выводимы из законов теории 2, то есть когда удается показать, что гипотезы частной науки, полученные экспериментально, логически следуют из теоретических законов более фундаментальной научной дисциплины [Nagel, 1979, p. 352].

Р. ван Риль эксплицирует идею редукции Нагеля так: редукция — это вид отношения объяснения, которое устанавливается между двумя теориями, если и только если одна из этих теорий выводима из другой при помощи связующих законов [Riel, 2011, p. 353-354]. Определенную таким образом редукцию действи-

тельно можно считать подвидом научного объяснения, при котором между теориями устанавливается функциональное отношение вида f: T-2 → T-1, где каждая гипотеза T-1 рассматривается в качестве эксплананса, а множество законов T-2 играет роль эксплананандума.

Однако представители социально-гуманитарных наук против такого понимания редукции могут выдвинуть ряд возражений, наиболее популярные из которых — возражение, исходящее из идеи эмерджентности, и возражение, исходящее из ценностной специфики гуманитарного знания.

Идея эмерджентности заключается в том, что сложные социальные и культурные системы, изучаемые в гуманитарных науках, обладают особыми свойствами, изначально не присущими их элементам, то есть термином «эмерджентность» («синергичность», «холистичность») обозначают несводимость свойств системы к сумме свойств ее частей. С точки зрения эпистемологии эмерджентность может рассматриваться как появление новых, неожиданных в теоретическом плане характеристик явлений при восхождении к все более абстрактным уровням рассмотрения этих явлений.

Идея эмерджентности, по-видимому, противоречит возможности редукции и объяснения, но ее философский анализ показывает, что она возникает вследствие запутанности языка.

Во-первых, в прояснении нуждается термин «часть целого», поскольку характеристики изучаемого предмета оказываются эмерджентными в зависимости от того, что считается его частью. Например, частью общества может быть индивид, а может — организация, частью книги может быть глава, а может — страница и т.д. Эмерджентность в таком случае есть не более чем относительная характеристика свойства предмета, возникающая при пропуске одного или нескольких уровней в последовательной цепочке объяснений.

Во-вторых, возможность объяснения свойств предмета зависит от того, какие законы и теории для этого выбираются. Эксплананандум может содержать не все законы, необходимые для объяснения данного свойства, кажущегося эмерджентным, но эти законы могут быть добавлены впоследствии; или же исследователь, рассматривающий некоторое свойство как эмерджентное, может ошибаться в выборе законов. Как замечают К. Гемпель и П. Оппенгейм: «… эмерджентность какой-либо характеристики явления не есть онтологическое свойство самого явления; скорее, это показатель пределов нашего знания в данное время» [Гемпель, 1998, с. 111].

Второе возражение против использования дедуктивно-номологических объяснений заключается в том, что социально-гуманитарные науки содержат этические императивы, ценностные установки и другие элементы, логически не следующие из общих законов данных наук и потому не могущие быть элементами объяснительной функции. К методологическим особенностям социально-гуманитарных дисциплин относят необходимость рассмотрения феноменов субъективной реальности и свободы, высокую степень уникальности изучаемых предметов, а также понимание, интроспекцию и эмпатию [Губанов, 2009].

Идея методологического обособления социально-гуманитарных наук от естественных восходит к философии неокантианства. Например, Г. Риккерт утверждал, что в отличие от естествознания, которое подводит единичные явления под действие общих законов, социально-гуманитарное знание «не хочет генерализировать так, как это делают естественные науки» [Риккерт, 1998, с. 74]; оно стремится индивидуализировать изучаемое явление, описать его во всей уникальности и полноте.

Однако «метод индивидуализации» на практике означает лишь замену дедуктивно-номологических объяснений на мотивационные и телеологические объяснения, которые не удовлетворяют критериям научности; аргументы же против использования научных объяснений вообще содержат логические ошибки, на что указали Гемпель и Оппенгейм [Гемпель, 1998, с. 96-105].

Также против индивидуализации социально-гуманитарных наук свидетельствует то обстоятельство, что их особые методы познания (интроспекция, понимание, интерпретация) используются только на этапе конструирования новых теорий, то есть в той сфере научного творчества, которую Г. Рейхенбах называл контекстом открытия [Reichenbach, 1961, p. 382-387]. Контекст же обоснования, предполагающий подтверждение гипотез окончательно оформленной теории, отодвигает эти особые индивидуализирующие методы на второй план, оставляя место только для рациональной реконструкции полученных научных результатов. Таким образом, наличие в социально-гуманитарных науках эмерджентных или индивидуальных предметов изучения не отменяет необходимость общих законов и дедуктивных умозаключений и не противоречит дедуктивно-номологической модели объяснения.

Сходство логических структур научного объяснения и интертеоретической редукции позволяет с новых позиций взглянуть на проблему единства научного знания. Эта проблема, широко обсуждавшаяся в нео- и постпозитивизме, сегодня кажется неактуальной из-за все более возрастающей дивергенции научных отраслей. Однако разработка модели интертеоретической редукции может помочь преодолеть существующий сегодня эпистемологический разрыв между естественнонаучным и социально-гуманитарным знанием.

В качестве примера такой разработки можно привести модель опосредованной редукции К. Шаффнера [Schaffner, 1993, p. 411-516]. Шаффнер существенно расширяет понятие редукции, объединяя его с такими методологическими операциями как объяснение и определение. Формулируя в теории 1 новую дефиницию, ученый, согласно Шаффнеру, создает новую теорию 2, а, вводя в теории 2 новую теорему — переходит к теории 3 и т.д. Так формируется редукционная цепочка из теоретических моделей, в которой каждая последующая модель принципиально редуцируема к предыдущей. Такая цепочка может соединять теории из разных научных дисциплин, поскольку для нее необходимы только логические взаимосвязи между предложениями.

Другой вариант развития идеи редукции предлагает В. Штегмюллер [Stegmüller, 1976]. Как и Шафф-

нер, он обращается к базовой логической структуре теории, игнорируя различия между физическими или социокультурными системами, моделями которых являются теории. Отношение между формальными аппаратами теорий Штегмюллер называет слабой (формальной) редукцией. Сильная (содержательная) редукция, в которой учитываются имеющиеся в теориях свойства физических или социокультурных систем, определяется с помощью понятие ядра научной теории, заимствованное из методологии научно-исследовательской программ И. Лакатоса. Штегмюллер показывает, что для существования сильного редукционного отношения между теориями необходимо и достаточно логической выводимости между ядром первой теории и ядром второй теории.

Таким образом, формально-логический подход к построению моделей интертеоретической редукции и научного объяснения можно рассматривать как метод интеграции социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, а также как способ преодоления иррационализма и релятивизма в эпистемологии.

Литература

1. Гемпель, 1998 — *Гемпель К., Оппенгейм П.* Логика объяснения // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 89-147.
2. Губанов, 2009 — *Губанов Н.И., Губанов Н.Н.* Особенности познавательной деятельности в социально-гуманитарных науках // Философия и общество. 2010. № 2 (58). С. 90-104.
3. Гусев, 2009 — *Гусев С.С.* Объяснение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 646.
4. Риккерт, 1998 — *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 43-128.
5. Nagel, 1979 — *Nagel E.* The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation. Indianapolis, Cambridge: Hackett Publishing Company, 1979. 618 pp.
6. Reichenbach, 1961 — *Reichenbach H.* Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago, Illinois: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1961. 408 pp.
7. Riel, 2011 — *Riel R. van. Nagelian* Reduction Beyond the Nagel-Model // Philosophy of Science. 2011. Vol. 78, № 3. P. 353-375.
8. Schaffner, 1993 — *Schaffner K.* Discovery and Explanation in Biology and Medicine. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 528 pp.
9. Stegmüller, 1976 — *Stegmüller W.* The Structure and Dynamics of Theories. New York, Vienna: Springer-Verlag, 1976. 284 pp.
10. Weber, 2013 — *Weber E., Bouwel J. Van, De Vreese L.* Scientific Explanation. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2013. 94 pp.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00035
УДК 165

СКЕПТИЦИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

Андрей Николаевич Ткачев
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье предпринимается попытка прояснить проблематику подходов к пониманию феномена знания не только в науке, но и в широком мировоззренческом контексте. Описывается различие между знанием в науке и знанием в мировоззрении и поясняется невозможность отождествления этих принципиально разных видов определения знания. Рассматривается тема обоснования знания в науке и в мировоззрении. Поднимается вопрос о соотношении знания и веры в смысле обоснования. Показывается неправомерность противопоставления знания и веры, если знание понимается в смысле науки, а вера понимается в смысле мировоззрения, тогда как нужно производить сравнение веры и знания относительно чего-то одного: либо в рамках науки, либо в неограниченной научными рамками области мировоззрения. Ставится вопрос о роли скептического подхода при определении знания, и показывается, что представление о знании определяется в процессе борьбы с сомнением, но не может быть определено, и знание даже в науке постепенно приближается к предположению, а в области мировоззрения все более стирается грань между знанием и верованием.

Ключевые слова: сомнение, знание, вера, скептицизм, обоснование знания, мировоззрение, наука.

SKEPTICISM AND THE PROBLEM OF DEFINING KNOWLEDGE

Andrei Nikolaevish Tkachev
PhD in Philosophy, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The author of the article clarifies the problem of approaching notion of knowledge both in science and in a broad worldview context. We differentiate between knowledge in science and knowledge in the worldview reasoning why we need to separate these absolutely different concepts.

Justification of knowledge in science and knowledge in worldview is considered. The author raises the question of the relationship between knowledge and faith on justification and proves inaccuracy in opposing knowledge and faith, especially if knowledge is understood in the science sense, but faith is understood in the worldview sense. We propose to compare faith and knowledge in terms of either science or in the unlimited by science worldview. Besides we discuss the role of skepticism in determining knowledge and show that the idea of knowledge is determined in the struggle with doubt, but it cannot be absolutely determined; moreover knowledge in science is gradually approaching the assumption, and in worldview the line between knowledge and belief is blurring.

Keywords: doubt, knowledge, faith, skepticism, justification of knowledge, worldview, science.

Если обратиться к понятию «знание» и посмотреть на то, как его понимание выглядит с позиций различных философских концепций, то сразу обнаруживается его полная неясность и «темность», что противоречит обычному взгляду на знание, как что-то устойчивое, определенное и несомненное. Разброс мнений по поводу статуса знания очень широкий: от статуса иллюзии (агностицизм) до статуса полного соответствия реальности (тожество бытия и мышления). А ведь понятие «знание», как минимум, достаточно важное понятие гносеологии, если не сказать, что это главное понятие для учения о познании. И основной вопрос при понимании феномена знания касается того, относительно чего происходит это понимание. Здесь необходимо отметить различие для понимания «знания» относительно науки и относительно широкого мировоззренческого контекста. В науке понятие «знание» достаточно определенно, потому что конвенционально ограничено задачами науки и носит исключительно инструментальный характер, тогда как взгляд на знание со стороны мировоззрения может быть очень различным. Например, знание может восприниматься не позитивно, а негативно. А если и позитивно, то это позитивность может быть совершенно иной, нежели позитивность, которая предполагается в науке.

Например, если задаться вопросом об обоснованности знания, которое обычно в словарях отличает знание от веры, то можно ли считать «знание» обоснованным после Канта, не в конвенционально-инструментальном смысле, а именно в широком мировоззренческом смысле? – Думается, что нет. Неслучайно известное высказывание Канта: «… я должен был ограничить область знания, чтобы дать место вере» [Кант, 1999, с. 28]. Думается, что Кант не просто ограничил знание, а во многом превратил знание в веру. Потому что антиномичность ноумена превращает любой феномен наполовину в верование. Причем это половина верования органически неотделима, поскольку феномен воспринимается-дается через его интерпретацию. Ведь противостояние веры и знания очень условно и весьма странно выглядит при ближайшем рассмотрении. Обычно, когда противопоставляют знание верованию, то делают упор на обоснованность знания и якобы необоснованность веры. Однако таковое возможно только если рассматривать знание исключительно в рамках науки, то есть получается, что верование сначала переносят в область науки, где действует конвенция науки (в смысле, правила игры в науке), и к которой верование отношения не имеет, а потом противопоставляют знание и веру на чужой для веры территории. Но, как писал Пол Фейерабенд: «…стеснения одного множества стандартов могут быть разрушены свободно избранными стандартами другого рода» [Фейерабенд, 2007, с. 221]. То есть, конвенции науки - это еще далеко не всеобщие конвенции человечества. Хотя бы уже потому, что всеобщих мировоззренческих конвенций у человечества просто не существует.

Таким образом, если сравнить научные знания с верованием на равных основаниях в широком мировоззренческом контексте разных стандартов, то обнаружится, что в научном знании нисколько не больше обоснованности, чем в веровании. Более того, обнаружится, что основанием научного знания в широком мировоззренческом контексте является ни что иное, как верование. Потому что в рамках одного стандарта можно устанавливать иерархию ценностей и значений. А при принципиально разных стандартах никакая иерархия просто невозможна, и, при честном подходе, необходимо ставить знак равенства. Ведь перед лицом «вечных вопросов» философии все равны, и научное воззрение предстает равным самому странному и неудобоваримому воззрению. И логика тут не может быть помощником, потому что перед лицом «вечных вопросов» она сама оказывается под большим вопросом. Ведь научная конвенция - это лишь договор по поводу стандартов, принятых в науке, и, соответственно, действие этого договора должно быть ограничено только наукой.

Вопрос тут не в том, чтобы оспаривать функционал определения знания, которое действует в рамках сложившейся научной конвенции, а в том, чтобы пересмотреть концепцию понимания феномена знания, исходя из задач философии науки, которые, в частности, призваны обеспечивать связи науки и общества,

то есть выходить на широкий мировоззренческий контекст. Ведь в настоящее время в обществе широко распространены иллюзии по поводу того, что якобы несомненная истинность научного знания как-то непонятно-сложно, но твердо установлена учеными.

То есть ученый предстает неким «жрецом-магом», который в «таинстве» непонятных обывателю формул, каким-то образом устанавливает-добывает истинное знание. Причем истинное знание представляется совсем не в гипотетически-конвенциональном смысле, а именно в бытийственном, как знание якобы полностью соответствующее природе. Например, что законы природы в науке это и есть подлинные законы самой природы. Разумеется, сами ученые понимают, что это далеко не так, и даже не претендуют на подобное. (Хотя, конечно, есть и исключения, ученые же это люди и ничто человеческое им не чуждо, в том числе, и такое распространенное в человечестве явление как неадекватная оценка своих возможностей).

Со времен Декарта сомнение по отношению к наличествующему знанию стало частью научного метода, но научный скептицизм – это ограниченный скептицизм, будучи частью метода, он носит инструментальный характер, он не столько участвует в определении целей и задач, сколько обслуживает процесс развития науки. То есть, в науке скептицизм вторичен, а в мировоззрении он обретает свои ничем неограниченные права. При этом и в области мировоззрений скептицизм не пользуется популярностью, но не из-за каких-либо конвенций, а из-за его разрушительной силы, из-за древнего страха людей потерять устойчивость (пусть и иллюзорную) своего существования. Представляется, что по-настоящему знание противостоит не вере, а именно сомнению, скептицизму. То есть постоянно в истории человечества происходит борьба знания и сомнения. Потому и определение знания (в том числе и научного знания) должно определяться и корректироваться, прежде всего, именно через противостояние сомнению, можно сказать, в диалектическом отношении с сомнением.

Например, А.Л. Никифоров пишет о знании, что его «обоснование достигается практическим применением, эмпирической проверкой или логическим доказательством. Таким образом, знание – это то, что может быть проверено» [Никифоров, 2018, с. 17]. Но что такое проверка? – В основании всякой проверки лежит сомнение в том, что проверяют, иначе проверка просто не имеет смысла. Или, например, одна из работ К. Поппера, посвященная развитию научного знания, прямо так и называется «Предположения и опровержения». То есть тут сомнение направлено уже более радикально, не просто на проверку, а на проверку с целью опровержения. Интересно, что Поппер опровержению противопоставляет не знание, а предположение. По Попперу научное знание – это предполагаемое «знание», рабочая интерпретация факта, а не сам факт [Поппер, 2004, с. 220]. То есть в определении знания акцент переносится с фактичности (действительности) на предполагаемые интерпретации фактичности. А ведь Поппер занимается не широкими мировоззренческими пространствами, а философией науки, развитием научного знания, а не знания вообще, и при этом он не обходится без изменения акцента, которое уводит определение научного знания еще дальше от понимания факта. Хотя сам Поппер полагает, что приближает – может быть, это и так, вопрос в том, что считать «близким» и «далеким». Если иметь в виду прежнее позитивистское понимание знания, то получается дальше от факта. Но если встать на точку зрения Поппера, когда позитивистское понимание знания представляется более иллюзорным, то, разумеется, тогда преодоление иллюзии, наоборот, приближает к факту. Конечно, философия науки отличается от философии, которая изучает область мировоззрения, но они связаны, например, тем, что конвенции науки люди устанавливают относительно каких-то мировоззрений. И определение понятия «знания» даже в рамках науки неизбежно испытывает на себе влияние мировоззренческого дискурса о знании. Можно ли считать отрицательным феномен постепенного растворения прежних определений «знания»? Думается, что положительный или отрицательный характер динамики при определении знания, зависит не от изменения, а от его направленности, а также от характера влияний этих изменений на культуру. И главное в этом процессе определения знания в том, чтобы наука не потеряла, а расширила диапазон своих возможностей.

Литература

1. Кант, 1999 – *Кант И.* Критика чистого разума. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1999 – 672 с.
2. Никифоров, 2018 – *Никифоров А.Л.* Что такое знание? Поиски определения // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. – 413 с.
3. Поппер, 2004 – *Поппер К.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 638 с.
4. Фейерабенд, 2007 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ, 2007. – 413 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00036
УДК 101.1:316

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГУМАНИТАРОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ[11]

Ольга Ростиславовна Чепьюк
Кандидат экономических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Современное состояние экономической науки большинством специалистов определяется как кризисное. Среди основных направлений эволюции экономической науки по-прежнему находится экономикс, с его опорой на математический и статистический аппарат наблюдения за экономическими процессами, а также набирающая популярность поведенческая экономика и экономическая когнитология. Ключевая роль личности и природа экономической субъектности при этом остаётся за рамками научного экономического исследования. Сложившиеся представления о потребностях, полезности, экономическом благе, равновесии и самом экономическом субъекте, которые составляют базовый каркас современной экономической науки, имеют социально-философские корни. Автор предлагает обратиться к ретроспективе социально-экономической мысли, проведя параллели с основными историческими этапами общественного и хозяйственного развития (с XVII века до настоящего времени), и определить поворотные точки, когда теоретические представления о субъекте хозяйствования стали определять ход развития экономической теории и практики. Как показывает проведённое исследование, экономическая субъектность складывается как результат эволюции философских взглядов на субъект и общее научное представление о картине мира. На основании полученных результатов делается вывод о возможных дальнейших путях развития экономической науки, в том числе закладываются основные положения экономической гуманитарологии. Результаты исследования имеют значение для дальнейших исследований по философии хозяйства, становления научной школы экономической гуманитарологии, одной из перспективных задач которой может стать разработка новых принципов хозяйственных отношений в цифровой реальности.

Ключевые слова: бессубъектность, субъект хозяйствования, философия хозяйства, формации, общественное воспроизводство, экономический субъект, кризис.

ECONOMIC HUMANITAROLOGY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL BASES OF THE ALTERNATIVE MODEL OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC SCIENCE[12]

Olga Rostislavovna Chepiuk
PhD in Economics, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The crisis in economic science is widely discussed in scientific community. The mathematical and statistical tools for monitoring economic processes are still most common in economics along with the increasingly popular behavioral and cognitive economics. With that, the role and the true nature of the individual as a subject and initiator of all the economic processes remains outside the framework of scientific economic research. However, there are evident social-philosophical roots in the prevailing basic economic ideas about the needs, utility, economic welfare, equilibrium and economic subject himself. The author suggests considering a retrospective of the socio-economic thought, drawing parallels with the main historical stages of social and economic development (from the XVII century to the present), and identify the turning points. They are defined as the moments when theoretical ideas about the economic subject and the nature of its economic behaviors began to determine the course of development of economic theory and practice. As a result, the study shows that the economic subject is not an abstract economic category but rather a product of evolution of philosophical views on the subject and the general scientific understanding of the world-picture. Basing on the results obtained, the author gives an alternative consideration about the further development of economic science as a humanitarian science. The research results have implications for further research on the philosophy of the economy, the formation of a scientific school of economic humanitarology.

Keywords: NO-subject economy, philosophy of economy, economics, economic subject, crises.

[11] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152
[12] The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00152

Современный мир хозяйствования можно рассматривать в двух плоскостях. С одной стороны, он представляет собой мир материальных предметов (и материализованных идей), которые, будучи наделёнными субъективными характеристиками, создают надстройку социального мира. С другой стороны, хозяйственные отношения между экономическими субъектами регулируются рыночными принципами, которые проникают во все возможные сферы человеческой деятельности. Таким образом, проявляется двойственная природа экономизации социокультурного измерения человеческой жизни: монетизация становится глобальной и необратимой. В рамках экономической науки она стала основополагающим принципом, на котором строятся классические и современные теории взаимодействия экономических субъектов. Вот почему в границах экономики затруднительно говорить о последствиях экономизации: по сути, она – необходимое негэнтропийное условие для выживания расширяющейся капиталистической системы хозяйствования [Чепьюк, 2016, с. 64]. В этих условиях экономические кризисы становятся практически «нормой» хозяйственной жизни, что делает актуальным проблему человека как «невольника хозяйства», о которой говорил С.Н. Булгаков ещё в начале XX века [Булгаков, 1990, с. 153].

Критики экономического мейнстрима говорят о превращении экономической теории в «киборг-науку» [Mirowski, 2002, p. 3], основанную на математических и когнитивных методах исследования [Mäki, 2001]. Узость подходов к исследованию экономического поведения субъекта во многом связана с разрешением вопроса о том, существуют ли априорные суждения в экономике (Л. Мизес), имеются ли онтологические основания экономического явления. Несмотря на попытки доказать их существование, или отсутствие [Hulsmann, 2003; Leeson, Boettke, 2006], остаётся широкое поле для дискуссии. В итоге мы приходим к классическому вопросу о свободе выбора и различным вариациям на тему индукции (Д. Юм) – о существовании связи между человеческим поведением и наблюдаемыми явлениями экономической жизни, о научно-обоснованной возможности экономического прогнозирования как такового [Блауг, 2004, с. 370]. На этом фоне появляется множество новых экономик (поведенческая, радикальная, институциональная и т.п.). Некоторые из них успешно интегрируются в экономический мейнстрим, расширяя представления исследователя о рациональном экономическом поведении или обогащая экономическую методологию [Colander, Holt, Rosser, 2008; Davis, 2006]. Высказываются предположения, что экономику следует рассматривать как науку, в которой может сосуществовать «несколько исследовательских программ» [Тутов, Шаститко, 2017, с. 66], или – что она является только «ящиком с инструментами» (Дж. Робинсон). Таким образом, предлагается оставить попытки исследовать социально-философские основания экономики как «метахозяйства», то есть «хозяйства на уровне и с уровня метасмыслов» [Осипов, 2005, с. 32].

Экономическая наука, наряду с другими социо-гуманитарными отраслями знания (социология, педагогика, культурология), становится всё более замкнутой, непрозрачной, со своим узко-специфическим инструментарием и субъектом (субъект-объектом) исследования. В этой ситуации актуальны именно междисциплинарные подходы: новые научные смыслы рождаются на стыках наук – там, где удаётся преодолеть барьеры разрозненности, где сам исследователь становится медиатором, умело балансирует на границах различных дисциплин, сохраняя равновесие, благодаря единству цели исследования. В условиях нарастания бессубъектности в общественных и экономических процессах [Чепьюк, 2018, с. 36] такой целью может быть сохранение гуманистического тренда, исследование условий социальной жизни, способствующей (препятствующей) сохранению (выживанию) и развитию гуманизма и человека как явления.

На границе экономической науки зарождается междисциплинарное направление – экономическая гуманитарология как система знаний, адаптированных для принятия решений в области хозяйствования, а также способствующих гуманистическому развитию общества и созданию условий для гармоничного развития личности. За счёт этого направления область исследования экономической науки расширяется (по сравнению с экономической теорией) за счёт другого ракурса исследования, связанного с постклассическим представлением [Стёпин, 2012, с. 18] о самом экономическом явлении. В отличие от законов физического мира, экономические законы являются не предзаданными: они находятся в непрерывном становлении. Отсюда – факторы эволюции в экономической науке могут иметь совершенно различную природу. Это может быть не только эволюция представлений о каком-либо явлении (смена эпистемы), но также – фактическая трансформация самой природы явления, в том числе в результате действия циклической причинности (перформативности М. Каллона). Меняется не только сознание экономического субъекта, но эволюционирует сам мир хозяйствования, аллегорично превращая экономическое исследование в погоню за собственной тенью.

В период постклассической рациональности на первый план выходят вопросы индукции экономического знания, проблемы обобщения и генерализации гипотез об экономическом поведении субъекта. Здесь можно выделить три основных направления (тренда). Во-первых, это обобщение представлений об экономическом поведении человека. Именно на таком обобщении строится современный экономический мейнстрим: представители этого направления бросают все силы на то, чтобы разобраться с мотивами и стратегиями поведения личности в экономических условиях. Эти представления существенно эволюционировали – от узкой эгоистично-рациональной модели субъекта до многофакторных моделей экономического поведения. Культурные и когнитивные аспекты включаются в такие причинно-следственные модели на правах условия, а их интеграция (сборка) осуществляется с использованием современных математических методов обработки (например, с применением метода машинного обучения). Именно это направление в экономическом исследовании Ф. Майровски справедливо обозначил наукой о киборгах.

Вторым направлением остаётся намеченный в работах К. Маркса путь экономического исследования, связанный с изучением абстрактного движения капитала, бестелесных экономических сил. Лишённый своего онтологического обоснования (например, в традиции гегелевской школы), капитал и стоимость изучаются в абстракции макроэкономических показателей и действии общественных институтов. Этот подход, действительно, позволяет констатировать критическое состояние системы общественного воспроизводства (Т. Пикетти), наблюдать волнообразное движение экономических циклов или обсуждать роль институтов в экономической жизни. В пользу институционального подхода в исследовании экономики выступают многие современные экономисты[13], на их сторону встают представители неоклассического мейнстрима, Австрийской экономической школы (Ф. Хайек).

На фоне этих двух альтернатив предлагается выделить и третье направление, которое берёт своё начало в работах С.Н. Булгакова. Он говорит о необходимости признания трансцендентального (всеобщего) субъекта хозяйствования, носителя хозяйственной функции. Таким субъектом он признаёт человечество как таковое, «живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [Булгаков, 1990, с. 321]. Индивид подобен хозяйствующему человечеству, но это подобие не связано логикой «отклонения от среднего»: хозяйствующий человек есть неделимая часть всеобщего хозяйствующего человечества, поэтому в нём фрактально совмещено индивидуальное и коллективное. Вопросы экономики и организации хозяйства, таким образом, переходят в плоскость не рационально-математическую, или институциональную, а – скорее, антропологическую. На первый план новой программы экономического исследования (обозначенной ранее как экономическая гуманитарология) выходит актуализация гуманистического потенциала современных систем хозяйствования, обеспечения ими приоритетных возможностей в формировании перспектив развития человека и общества. Одним из основных вопросов экономического исследования становится вопрос о создании условий для проявления субъектности. Направление экономической гуманитарологии можно рассматривать как набор принципов, способствующих изучению условий гармоничного сосуществования бессубъектного, институционального, общественного (как результата исторического развития системы общественного воспроизводства) и современного, живого, субъектного, индивидуального. В определённом смысле эта задача является парадоксальной, своеобразным вызовом для научного сообщества, которое требует консолидации усилий представителей различных наук. Особенно актуальным это направление становится в условиях цифровизации и роботизации, изменения структуры труда, изменения профессионального мира будущего. Для решения этих вопросов актуальными становятся социально-философские методы исследования, позволяющие дать разностороннюю оценку общественным процессам и роли человека в современной экономике.

Литература

1. Блауг, 2004 – *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
2. Булгаков, 1990 – *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. М.: Наука, 1990. 412 с.
3. Колпаков, 2007 – *Колпаков В.А.* Кризис экономической науки как потеря её жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. № 2. С. 203–211.
4. Осипов, 2005 – *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. М.: Экономистъ, 2005. 320 с.
5. Стёпин, 2012 – *Стёпин В.С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. № 5. 2012. С. 18–25.
6. Тутов, Шаститко, 2017 – *Тутов Л.А., Шаститко А.Е.* Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 63–73.
7. Чепьюк, 2018 – *Чепьюк О.Р.* Бессубъектность в экономике: социокультурный феномен капитализма // Гуманитарные и социальные науки. №3. 2018. С. 36–45.
8. Чепьюк, 2016 – *Чепьюк О.Р.* Энтропия в экономической науке: предвестник конца, или нового начала // Философия хозяйства. 2016. №3. С. 64–72.
9. Colander, Holt, Rosser, 2008 – *Colander D., Holt R.P.F., Rosser B.* The Changing Face of Mainstream Economics // The Long-Term View. 2008. Vol. 7. No. 1. P. 31–42.
10. Davis, 2006 – *Davis J.B.* The Turn in Economics: Neoclassical Dominance to Mainstream Pluralism? // Journal of Institutional Economics. 2006. Vol. 2. No. 1. P. 1–20.
11. Hulsmann, 2003 – *Hulsmann J.G.* Facts and Counterfactuals in Economic Law // Journal of Libertarian Studies. 2003. Vol. 17. No. 1; SEAS WIN. P. 57–102.
12. Leeson, Boettke, 2006 – *Leeson P.T., Boettke P.J.* Was Mises Right? // Review of Social Economy. 2006. T. 64. № 2. P. 247–265.
13. MacKenzie, Millo, 2003 – *MacKenzie D., Millo Y.* Constructing a Market, Performing Theory: The Historical Sociology of a Financial Derivatives Exchange //American Journal of Sociology. 2003. Vol. 109. No. 1. P. 107–145.
14. Mäki, 2001 – *Mäki U.* Ontology: What? Why? Where? // The Economic World View. Studies in the Ontology

[13] Признанием роли институтов в экономическом исследовании стало присуждение премий Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля нескольким представителям институционального направления в экономике – Р. Коузу (1991 г.), Д. Норту (1993 г.), О. Уильямсону и Э. Остром (2009 г.)

of Economics. Cambridge, 2001. 400 p.
15. Mirowski, 2002 – *Mirowski P.* Machine Dreams: Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge University Press, 2002. 672 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00037
УДК 001.38 + 316.77

SCIENCE COMMUNICATION В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ И ВНЕШНИЕ ЗОНЫ ОБМЕНА[14]

Светлана Викторовна Шибаршина
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье предлагается описание, оценка и сравнение внешней научной коммуникации (science communication) в социальных Интернет-сетях для ученых, с одной стороны, и на научно-популяризаторских медиаресурсах – с другой. Автор выявляет особенности коммуникации в данных интерактивных средах, а также оценивает возможность их реконструкции как внешних зон обмена научного сообщества, обращенных в социальное пространство. Опорные концепции, подходы и методы: концепция зоны обмена, подход grid-group analysis М. Дуглас, метод ситуационного анализа для описания примеров отдельных коммуникативных практик. Исследование академических социальных сетей показывает, что последние едва ли можно назвать полноценными внешними зонами обмена, включающими науку и общество. Изучение коммуникации на научно-популярных медиа-ресурсах на примере интернет-проекта «Антропогенез.ру» (сайт и страницы проекта в социальных сетях, а также видеоканал на Youtube) показывает, что научно-популярные интернет-ресурсы, с одной стороны, формально являются открытыми для взаимодействия с широкой общественностью, с другой – имеется неформальная внутренняя граница, способствующая отсеиванию определенной аудитории, однако не всех не-ученых, в отличие от академических социальных сетей.

Ключевые слова: зона обмена, научная коммуникация, наука и общество, внешние зоны обмена, академические социальные сети, научно-популярные Интернет-ресурсы.

SCIENCE COMMUNICATION ON THE INTERNET AND EXTERNAL TRADING ZONES

Svetlana Viktorovna Shibarshina
PhD in Philosophy, Assistant Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The paper suggests a description and estimation of science communication on the Internet illustrated by academic social networks, on one hand, and popular science resources, on the other hand. The author distinguishes the characteristics of communication in both of these Internet spaces, and also attempts to measure and substantiate the possibilities to reconstruct them as external science communication trading zones aimed outward at the social space. The underlying approaches and methods include P. Galison's trading zone concept, M. Douglas' grid-group analysis, and a case study for the depiction of particular communicative practices. A study of academic social networks shows that the latter can hardly be called full-fledged external trading zones including science and society. The study of communication on popular science media resources illustrated with the Antropogenesis.ru online project (the website and project pages on social networks, as well as the video channel on Youtube) demonstrates that popular science Internet resources, on one hand, are formally open to interaction with the public but on the other hand, there is an informal internal border that contributes to excluding a certain audience, though not all non-scientists, in comparison to academic social networks.

Keywords: trading zones, science communication, science and society, external trading zones, academic social networks, popular science Internet resources.

Для описания новых технологий, коммуникационных пространств и трансформации поведения людей, связанных сетью мобильной и интернет-коммуникации, исследователями были предложены различные концепции, такие как новые мобильности (Д. Урри [Elliott, Urry, 2010]), сетевое общество (М. Кастельс [Кастельс, 2004]) и т.д. В той или иной степени, они представляют собой подходящие оптики для осмысления феномена интернет-коммуникации, отличающейся многообразием типов взаимодействия, полифункциональностью, динамизмом и являющейся одной из важнейших по степени своего влияния сфер общения. Ранее мы предложили свое видение специфики коммуникации и обмена в академических социальных ин-

[14] Исследование выполнено по гранту РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

тернет-сетях [Шибаршина, 2019]. Было показано, что последние способствуют мобильности идей, подходов, методов, технологий и даже выступают своего рода «мягкой силой», в определенной мере направляющей действия пользователей к тем или иным типам коммуникации и обмена. Одновременно с этим отмечалось, что они не могут быть, по крайней мере, на данный момент, полноценной заменой научной коммуникации оффлайн, а, скорее, дополняют ее, давая ученым из стран третьего мира дополнительный канал для профессиональной самореализации [там же, с. 80–82].

Однако еще более важным представляется то обстоятельство, что академические социальные сети вряд ли можно назвать пространствами взаимодействия, включающими как науку, так и общество. Хотя их пользователями являются, помимо представителей академического мира, эксперты и специалисты бизнес-компаний, данные сети не включают широкую общественность. В частности, для регистрации в качестве полноценного участника дискуссий на ResearchGate необходимо иметь отношение к науке (быть лаборантом, специалистом в области компьютерных наук, инженером): для тех же, кто не работает в науке, доступна лишь опция загрузки публикаций зарегистрированных полноценных пользователей[15]. Если применить к социальным сетям подход grid-group analysis Мери Дуглас, позволяющий описать некую группу с точки зрения выраженности групповой структуры и групповой границы [Douglas, 1975], можно сказать, что социальные сети для ученых являются сообществами ограниченной социальной общности и имеют формально выраженные внешние либо неформальные внутренние границы. На ResearchGate эта граница выражена формально. Что касается другой социальной сети, Academia.edu, здесь может полноценно регистрироваться, загружать свои тексты и участвовать в дискуссиях любой пользователь независимо от его принадлежности к науке. Однако потенциально существует внутренняя неформальная граница: пользователь, не имеющий исследовательской или образовательной аффилиации, будет вызывать меньшее эпистемическое доверие со стороны представителей научного сообщества. Таким образом, в контексте концепции зоны обмена (П. Галисон [Galison, 1999], Г. Коллинз и др. [Collins et al., 2007]) в сочетании с дугласовским анализом групп можно сказать, что социальные сети для ученых едва ли можно назвать внешними зонами обмена, включающими науку и общество (в смысле «негумбольдтовской» зоны обмена [Дорожкин, 2017]).

На наш взгляд, более адекватной иллюстрацией внешних зон обмена являются научно-популярные интернет-ресурсы[16]. С XX века одним из важнейших каналов научной популяризации, помимо публичных лекций и других научно-популярных мероприятий, а также научной фантастики, стали СМИ, а также различного рода интернет-порталы. Информационно-коммуникационные технологии играют все бо́льшую роль в развитии образования и формировании образов науки, а интернет все чаще становится средой взаимовлияния и обратных связей. Некоторые ресурсы представляют собой электронные версии традиционных научно-популярных периодических печатных изданий и телевизионных передач, другие являются самостоятельными сетевыми сайтами, выпускаемыми научными и просветительскими организациями или частными лицами – учеными-популяризаторами («Астронет» (www.astronet.ru), «Антропогенез» (www.antropogenez.ru), «Элементы» (www.elementy.ru) и др.). Примером научно-популярного ресурса является интернет-портал «Антропогенез.ру», посвященный эволюции человека. Он стартовал в 2010 году по инициативе научного журналиста Александра Соколова и антрополога Станислава Дробышевского, будучи нацеленным как на научную популяризацию, так и борьбу с лженаукой. Первая задача определяет способ подачи информации: «доступность, занимательность и научная корректность изложения»[17].

С точки зрения групповой границы, научно-популярные интернет-ресурсы являются более открытыми и направленными в социальное пространство, по сравнению с академическими социальными сетями, делая коммуникацию ученых с иными социальными акторами относительно открытой. Но происходит ли в ходе такой коммуникации согласование научных и вненаучных образов реальности? Являются ли данные ресурсы примером открытой внешней зоны обмена между наукой и обществом, позволяющей привлекать к научной деятельности широкие слои общества? Следует отметить, что зачастую подобные ресурсы предлагают интерактивные площадки для обсуждения публикуемых материалов (либо свой форум, либо паблик в социальных сетях наподобие «Вконтакте», либо видеоканал на Youtube с опцией комментариев и т.д.), как правило, с постмодерацией, поэтому потенциально в дискуссию могут вступить любые зарегистрированные участники этих площадок. Тем не менее, редакторы и администраторы научно-популярных ресурсов неформально проводят внутреннюю границу для отсеивания нежелательного контингента. Дело в том, что поскольку одной из важнейших задач научных популяризаторов является борьба с лженаукой, это явно отсекает часть аудитории, чьи явные интересы включают различные альтернативные идеи, маркируемые официальной наукой как «лженаучные».

Столкновения между популяризаторами и подобной аудиторией неизбежно происходят, особенно в рамках кампаний по борьбе с лженаукой. Например, в 2016 году А. Соколов совместно с другими энтузиастами «просверлили в граните 5-сантиметровое отверстие с помощью медной трубы и сыпучего абразива – наждака»,

[15] https://www.researchgate.net/signup.SignUp.html

[16] Попыток типологизации интернет-ресурсов предпринималось несколько, (см., напр. [Макарова, 2013]), однако формирование единого подхода к данному вопросу затрудняется тем, что принципов, критериев и дефиниций типов сетевых ресурсов может существовать много из-за постоянного развития интернет-пространства: количество и разновидности научно-популярных порталов также увеличиваются, поэтому оснований для их деления становится больше.

[17] http://antropogenez.ru/about/

желая показать, что «такая задача была вполне посильной для древних египтян, с их технологиями бронзового века» [Соколов, web]. Когда видео опыта появилось на Youtube, в комментариях было очень много сомневающихся в том, что подобный способ способен доказать отсутствие в Древнем Египте более развитой цивилизации, чем это признает официальная наука (см. [Youtube, 2016, web]). Комментируя подобные столкновения, А. Соколов рекомендует вступать в дискуссии только с «адекватными оппонентами» и не «тратить время на хамов, "троллей" и ненормальных» [Соколов, web]. Схожую позицию высказывает Дэн Кан в своих этических рекомендациях для научных коммуникаторов: можно призывать аудиторию к взаимодействию только тогда, когда есть веские основания полагать, что подобное взаимодействие соответствует целям и интересам получателей информации (другими словами, если аудитория предпочитает верить «ненаучным» вещам, следует оставить ее в покое) [Kahan, 2012, web]. Таким образом, научные коммуникаторы склонны (вынуждены) игнорировать определенную часть широкой общественности. Для дискуссий с «адекватными оппонентами» А. Соколов предлагает придерживаться правил, напоминающих стандарты рациональной дискуссии в рамках коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса (вежливость, избегание грубостей и переходов на личности; требование рационально обоснованных аргументов со стороны оппонента [Соколов, web]. Таким образом, научно-популярные интернет-ресурсы, с одной стороны, формально являются открытыми для взаимодействия с широкой общественностью, с другой – имеется неформальная внутренняя граница, способствующая отсеиванию определенной аудитории, но не всех не-ученых, в отличие от академических социальных сетей.

Литература

1. Дорожкин, 2017 – *Дорожкин А.М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–29.
2. Кастельс, 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Макарова, 2013 – *Макарова Е.Е.* Научно-популярные сайты в системе СМИ: типологические и профильные особенности: автореф. дис… канд. филол. наук: 10.01.10. М.: МГУ, 2013. 26 с.
4. Соколов, web – *Соколов А.Б.* Как вести полемику со сторонником лженауки в интернете // Научно-просветительский портал «Антропогенез.ру». URL: http://antropogenez.ru/review/1051/ (дата обращения: 17.05.2019).
5. Шибаршина, 2019 – *Шибаршина С.В.* Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена // Социология науки и технологий. № 2. Т. 10. 2019. С. 75–92.
6. Youtube, 2016, web – Как египтяне сверлили гранит: опыт Николая Васютина // Youtube. 11 июня 2016. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7-KHRdfV_-Q (дата обращения: 21.05.2019)
7. Collins et al., 2007 – *Collins H., Evans R., Gorman M.* Trading Zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 657–666.
8. Douglas, 1975 – *Douglas M.* Implicit Meanings. L.: Routledge, 1975. 301 p.
9. Elliott, Urry, 2010 – *Elliott A., Urry J.* Mobile Lives: Self, Excess and Nature. L.: N.Y.: Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2010. 194 p.
10. Galison, 1999 – *Galison P.* Trading Zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / ed. by M. Biagioli. N.Y.: Routledge, 1999. P. 137–160.
11. Kahan, 2012, web – *Kahan D.* Ethical Guidelines for Science Communication Informed by Cultural Cognition Research [Электронный ресурс]. URL: http://www.culturalcognition.net/blog/2012/4/19/ethical-guidelines-for-science-communication-informed-by-cul.html/ (дата обращения 17.05.2019)

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00038
УДК 1(08)

ГУССЕРЛЕВСКИЙ ПРОЕКТ ОБОСНОВАНИЯ НАУКИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Анна Александровна Шиян
Кандидат философских наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет

Основная тема работы – проблема обоснования науки у Эдмунда Гуссерля, к которой он обращался на протяжении всего своего творчества, начиная с первого опубликованного текста «Философии арифметики» и заканчивая своей последней крупной работой «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Автор выделяет три варианта обоснования науки, которые можно найти в работах Гуссерля. В рамках первого варианта основной акцент делается на проблеме происхождении научных идеализаций из жизненного мира. Во втором – на проблеме непроясненности самого жизненного мира, которую надо решить прежде, чем рассматривать соотношение между наукой и повседневной действительностью. Третий вариант

гуссерлевского обоснования науки исходит из понимания цели науки как объяснения окружающего мира, который нам дан в непосредственном созерцании. В тексте выявляются основания неудачи феноменологического проекта обоснования науки, состоящие, прежде всего, в непроясненности и неразработанности основных положений, характерных для каждого из трех вариантов гуссерлевского обоснования науки. Также намечаются перспективы для возможной современной реализации проекта феноменологического обоснования науки. Эти перспективы, по мнению автора, лежат в области рассмотрения происхождения научных идеализаций и роли науки для объяснения естественной установки.

Ключевые слова: обоснование науки, жизненный мир, идеализация, эпохе, Гуссерль, феноменология, изначальный смысл.

HUSSERL'S PROJECT TO SUBSTANTIATE SCIENCE: CAUSES OF FAILURE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Anna Alexandrovna Shiyan
PhD in Philosophy, Associate Professor
Russian State University for the Humanities

The main theme of the work is the problem of the substantiation of science by Edmund Husserl. He addressed this problem throughout his work, starting with the first published text The «Philosophy of Arithmetic», and ending with his last major work «The Crisis of Modern Sciences and Transcendental Phenomenology». The author distinguishes three variants of science justification, which can be found in Husserl's works. The main focus in the first version is on the problem of the origin of scientific idealizations from the life-world. The problem of the lack of clarity of the life-world itself comes to the fore in the second variant of justifying science, which must be solved before considering the relationship between science and everyday reality. The third variant of the Husserl's justification of the science is based on the understanding of the goal of science as an explanation of the surrounding world, which is given to us in direct intuition.

Keywords: justification of science, life-world, idealization, epoché, Husserl, phenomenology, original sense.

Проблемой обоснования научного знания Эдмунд Гуссерль занимался на протяжении всего своего творчества, начиная с первой работы «Философия арифметики» [Husserl 1970] и заканчивая последней крупной работой «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [Гуссерль 2004]. Гуссерлевский проект обоснования науки не получил значимого продолжения в философии науки XX в. Как известно, импульсом к развитию философии науки послужил позитивистский проект обоснования научного знания, который сформировался в рамках Венского кружка.

Сравнение этих двух линий обоснования науки позволяет сделать предположения о причинах неудачи феноменологического проекта в рамках философии науки XX в. Философы Венского кружка, обращаясь к научному знанию, боролись против «метафизических сущностей», которым, по их мнению, ничего в реальности не соответствует. Тогда как использование Гуссерлем таких понятий как трансцендентальный субъект, трансцендентальное сознание, монада, сущность и т.п. знаменует возврат к классическому философствованию, которое не соответствовало не только позитивистской философии науки, но и основным трендам философии XX в.

Но я считаю, что основная причина неудачи феноменологического проекта философии науки – вовсе не обращение к трансцендентальной традиции классической философии. Если разъяснить гуссерлевские трансцендентальные понятия, то они выглядят, скорее, преимуществом, чем недостатком. На мой взгляд, главная причина неуспеха феноменологической философии науки – в непроясненности самого проекта трансцендентальной феноменологии. Для того, чтобы с этим разобраться и показать перспективы развития феноменологической философии науки, я выделяю три варианта обоснования науки у Гуссерля. Прежде чем представить каждый из них, необходимо обратить внимание, что их связывает общая идея: с точки зрения Гуссерля, обоснование науки должно исходить из жизненного мира, то есть из окружающего человека мира повседневного опыта.

В рамках первого варианта, обоснование науки «возвращение к жизненному миру» означает для Гуссерля рассмотрение того, как современное естествознание и математика возникают из повседневного практического опыта. Речь идет о процедуре идеализации, то есть о возникновении научной идеальной предметности из жизненного мира. Так, в работе «Начала геометрии» [Гуссерль 1996, с. 214–216] Гуссерль рассматривает, как предметность евклидовой геометрии вырастает из пространственных образов окружающего мира, в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» [Гуссерль 2004, с. 40–89] он анализирует, как идеализации современной физики возникли из вычленения определенных свойств реальных предметов. Гуссерль особо подчеркивает, что в Новое время возникает новый тип идеализации – идеализация субъекта познания и его бесконечных познавательных способностей. Эта идеализация основана на идеализации мира как бесконечного в пространстве и времени.

Демонстрация процесса образования научных идеализаций осуществлялась Гуссерлем в рамках трансцендентально-феноменологического метода. Это означает, что он исследовал не реальные исторические события Античности или Нового времени из жизни Евклида, Галилея и других ученых, а рассматривал то, как в принципе мог протекать процесс идеализации в ходе практической деятельности людей. Таким образом Гуссерль осуществляет трансцендентальное эпохé, то есть редуцирует все, что может относиться к реальным событиям и к конкретным ситуациям. Историческую действительность, которая в этом случае предстает перед нами, Е. Штрёкер называет «смысловой» или «интенциональной» историей [Ströker 1979, S. 80].

Проблема образования научных идеализаций актуальна и в современной философии науки: как в отношении естественных наук [Липкин 2014], так и в отношении гуманитарных наук [Щюц 1994]. Хотя в современных исследованиях не употребляются такие слова и выражения, как «трансцендентальное эпохé», «трансцендентальная редукция» и т.п., это не означает, что данные термины лишние. Трансцендентальная терминология необходима Гуссерлю для фиксации собственных методов исследования, рефлексия которых нередко отсутствует у современных авторов.

Однако сам Гуссерль не считал этот вариант обоснования наук основным и практически его не развивал. В «Кризисе…» он подчеркивал, что жизненный мир Нового времени – это мир уже отягощенный результатами научной деятельности, поэтому он не является подлинным и изначальным жизненным миром. Для прояснения оснований науки, согласно Гуссерлю, необходимо вернуться к изначальному жизненному миру, к тому, каким он был в раннегреческой цивилизации. Этот изначальный жизненный мир Штрёкер называет фикцией [Ströker 1979, S. 91], поскольку сегодня вряд ли можно всерьез рассматривать обоснование науки путем обращения к жизненному миру догреческой науки.

Основания гуссерлевского стремления к изначальному жизненному миру лежат в двойственности самого этого понятия. С одной стороны, жизненный мир является почвой и основой для возникновения науки, с другой стороны, он есть сфера, в которой оседают научные результаты. И Гуссерль не допускает одновременности этих двух функций жизненного мира, он предпочитает «линейный» вариант снятия этой дилеммы: изначально существовал жизненный мир, не нагруженный никакими абстракциями, потом из него вырастает наука, которая, развиваясь, искажает этот жизненный мир.

Но дело в том, что, согласно Гуссерлю, сам изначальный жизненный мир, даже мир раннегреческой цивилизации, тоже является непроясненным и требует своего обоснования, которое можно осуществить лишь обратившись к трансцендентальной субъективности, конституирующей (в данном случае – создающей) его. Здесь Гуссерль, кажется, выходит за рамки философии науки и переходит либо к осуществлению задачи исследования изначального опыта трансцендентальной субъективности, то есть к трансцендентальному анализу опыта сознания, либо к изучению оснований жизненного мира и процесса его формирования.

Тем не менее, в «Опыте и суждении» [Husserl 1999] Гуссерль связывает генетические штудии по изучению синтетической деятельности сознания и задачу обоснования науки, прежде всего, логики. В частности, он обосновывает своей тезис, согласно которому мы имеем те или иные логические законы и формы суждений потому что наше сознание функционирует определенным образом.

На возможность еще одного (в контексте данного текста – третьего) варианта феноменологического обоснования научного знания, основанного на гуссерлевском различии изначального и методического смыслов, указывает Б. Ранг [Rang 1989]. Изначальный смысл определяется основной целью науки, тем, ради чего она существует. В Первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [Гуссерль 2009, с. 158–159] Гуссерль утверждает, что цель науки – прояснение и объяснение окружающего нас мира естественной установки, который нам дан в созерцании, то есть непосредственно. Такое понимание изначального смысла науки можно найти уже в первой работе Гуссерля – «Философии арифметики». В ней Гуссерль утверждает, что изначальный смысл начальных чисел арифметического ряда нам дан в категориальном созерцании. А там, где мы переходим к большим числам, которые мы не можем схватить непосредственно, математика теряет свой изначальный смысл и превращается в дедуктивные исчисления, в пустое логицирование, становится игрой со знаками, напоминающей игру в шахматы. Наука Нового времени забыла свое истинное предназначение, так как ее развитие было обусловлено утилитарными и прикладными целями. Науки превратилась в технэ, в виртуозное искусство вычислений. Эта реальность математической науки в Новое время стала пониматься как подлинная реальность, а окружающий нас мир стал рассматриваться как лишь средство для постижения этой реальности. Гуссерль называет этот процесс объективацией и считает, что именно им обусловлен кризис науки. Для его преодоления новоевропейская наука должна вернуться к своему изначальному смыслу. Для этого она должна использовать весь свой математический аппарат для объяснения жизненного мира, мира наших чувственных созерцаний. Таким образом, задача обоснования науки у Гуссерля преобразуется в задачу объяснения оснований жизненного мира с помощью научного знания.

В определенном смысле, именно так понимаемая цель науки неявно присутствует в нашей повседневной жизни. Речь идет о том, что когда мы пытаемся объяснить, как устроена окружающая нас техника или почему происходят те или иные явления природы, мы неосознанно популяризируем полученные нами научные знания. Также примером того, как наука реализует свой изначальный смысл, являются те разделы в учебниках и в популярных книгах по физике, в которых объясняются природные явления и технические механизмы качественно, без привлечения математических идеализаций. Конечно, здесь далеко не все про-

яснено. Например, остался открытым вопрос, как квантовая механика и, вообще физика микромира объясняет нашу повседневность.

В заключение можно сделать вывод, что из трех вариантов обоснования науки, выделенных мной у Гуссерля, актуальными для сегодняшнего дня являются первый и третий: исследование происхождения научных идеализаций из повседневного опыта и использование науки для объяснения окружающего мира.

Литература

1. Гуссерль, 1996 – *Гуссерль Э.* Начало геометрии / Пер. с нем. М. Маяцкого // Гуссерль / Деррида. Начала геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 210–259.
2. Гуссерль, 2004 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Фонд университет, «Владимир Даль», 2004.
3. Гуссерль, 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
4. Липкин, 2014 – *Липкин А. И.* Основания физики. Взгляд из теоретической физики. М.: УРРС, 2014. 207 с.
5. Шюц, 1994 – *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 526–541.
6. Husserl, 1970 – *Husserl E.* Philosophie der Arithmetik // Husserliana XII / Hrsgb. von Lothar Eley. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1970. 391 s.
7. Husserl, 1999 – *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999. 492 s.
8. Rang, 1989 – *Rang B.* Die bodenlose Wissenschaft. Husserls Kritik von Objektivismus und Technizismus in Mathematik und Naturwissenschaft // Phänomenologische Forschungen. 1989. Bd. 22. S. 88–136.
9. Ströker, 1979 – *Ströker E.* Geschichte und Ledenswelt als Sinnesfundament der Wissenschaften in Husserls Spätwerk // Lebenswelt und Wissenschaft in der Philosophie Edmund Husserl / Hrsgb von E. Ströker. Frankfurt am Maim: Vittorio Klostermann, 1979. S. 107–123.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00039
УДК 1.16:165.19

ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Эдуард Юрьевич Калинин
Старший преподаватель
Научно-исследовательский университет «МЭИ»

Современные трансформации в системе наука-техника-общество можно без преувеличения назвать революционными. Они затрагивают саму основу мировой цивилизации – оппозиции: искусственное – естественное, наука – техника, профессионалы – толпа, люди – «нелюди» и т.п. Наиболее интенсивная интеграция идет прежде всего в двух направлениях: конструктивизация – как в естественных и социо-гуманитарных науках, так и в целом в обществе, в его социальных и духовных сферах; формирование новых видов субъективности или новых видов квазисубъективной рациональности. Эти виды выступают как мультиагентная сеть, которая реально функционирует не только в информационных и технических системах, но и в рамках больших коллективных социотехнических проектов. Вопрос, который здесь возникает естественным образом, – это вопрос о том, является ли эта сеть коллективным субъектом или это просто рациональная машина? Любая из альтернатив выглядит слишком классической и простой. Практические приложения современной науки ориентированы на проблемы, исследовательское решение которых не может быть чьим-то индивидуальным делом. Оно отыскивается посредством комбинации независимых друг от друга исследований.

Ключевые слова: трансформация, интеграция, конструктивизация, технонаука, субъективность, рациональность, наука, техника, общество, познание.

BORDERS AND HORIZONS OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS OF MODERN SCIENTIFIC AND TECHNICAL, SOCIAL AND SPIRITUAL DEVELOPMENT

Edward Urevich Kalinin
Senior lecturer
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Modern transformations in the science-technology-society system may be called revolutionary without exaggeration. They affect the very basis of the world civilization – the opposition artificial –

natural, science – technology, professionals – the crowd, human – “non-human,” etc. The most intensive integration is primarily in two directions: constructivization – both in the natural and socio-human sciences, and in general in society, in its social and spiritual areas; the formation of new types of subjectivity or new types of quasi-subjective rationality. These types act as a multi-agent network that actually functions not only in information and technical systems, but also within large collective socio-technical projects. The question that naturally arises here is the question of whether this network is a collective subject or it is just a rational machine. All of the alternatives look too classic and simple. Practical applications of modern science are focused on problems, the research solution of which cannot be someone’s individual concern. It is sought through a combination of studies independent from each other.

Keywords: transformation, integration, constructization, technoscience, subjectivity, rationality, science, technique, society, cognition.

Современные трансформации в системе наука-техника-общество можно без преувеличения назвать революционными. Они затрагивают саму основу мировой цивилизации – оппозиции: искусственное – естественное, наука – техника, профессионалы – толпа, люди – «нелюди» и т.п. Происходит перестройка самой науки, её связей с техникой, обществом, производством, рынком. Некоторые тенденции угрожают самому существованию человечества воплощением самых мрачных антиутопий.

Наиболее интенсивная интеграция идет прежде всего в двух направлениях: 1. Конструктивизация («технизация») – как в естественных и социо-гуманитарных науках, так и в целом в обществе, в его социальных и духовных сферах. 2. Формирование новых видов субъективности или (может быть, точнее) новых видов квазисубъективной рациональности (коллективных «техносубъектов»).

1. Понятие так называемой технонауки при разных способах её понимания фиксирует одну безусловную вещь – техноинтеграцию разных сфер человеческой жизни. Радикальное утверждение Нордманна о нераздельности научного и технологического исследований разбивается об отсутствие демонстраций такой нераздельности и о то, что эти два вида исследования демонстрируют два разных вида теоретизации знаний. Поэтому плавное сближение этих двух видов вплоть до их отожествления просто невозможно в принципе. Что происходит и что наблюдается в реальной «технонаучной» практике? Например, в области нанотехнологий или биотехнологий, так хорошо изученных В.Г. Гороховым и Б.Г. Юдиным. 1) Комплекс технических и естественнонаучных теорий, который объединен общими технологическими целями. 2) Создание некоторой новой сложной онтологии, включающей в себя объекты как естественнонаучных, так и системно-кибернетических дисциплин. 3) Мультимеждисциплинарность методологий и стратегий. 4) Сильное погружение в социально-политический и социально-экономический контекст. Интенсивное слияние 5) человеко-машинных и 6) массово-профессиональных компонентов взаимодействия. 7) Особая роль СМК, рекламы, PR и вообще коммуникативного менеджмента. Но при этом, как бы ни казалось многим аналитикам и идеологам грядущей НБИКС-революции, это слияние не переходит и никогда не может перейти, с нашей точки зрения, к неразличимому тождеству (или используя известный неологизм в «липкую серую массу»).

Как считает В.И. Аршинов: «Фундаментальное философское значение конвергирующих технологий состоит в том, что нанообъекты трансформируются в множество гибридных квазиобъектов. Трансформация происходит в форме ее практического осознания сообществом «наноученых». Здесь мы находим превосходный пример квазисубъектов, имеющих дело с квазинанообъектами» [Алексеева, 2016, с. 122].

Приведем пример радиофизики как технонауки, возникшей раньше, чем последняя была дискурсивно оформлена, и потому оказалась незамеченной исследователями и методологами в этом качестве, во-первых, радиофизика, которая изучает процессы любой природы, связанные с генерацией, взаимодействием, усилением, преобразованием, излучением, распространением, приемом (включая обработку информации) всех видов колебаний и волн. Во-вторых, теория колебаний и волн, изучающая свойства последних и более широко – свойства динамических систем любой природы и сложности как сложная онтологическая основа радиофизики вместе с теорией информации и сигналов. Смысл радиофизики выражается афоризмом Г.С. Горелика, что она – это радио для физики и физика для радио.

2. Новое веяние как в реальности, так и в проекции – это краудсорсинг. Переводя на традиционный русский – это облачно диффузные знания, носителем которых не является ни один персональный человеческий (или электронный) участник-агент. Другими словами, это некоторая мультиагентная сеть, которая реально функционирует не только в информационных (и шире, технических) системах, но и в рамках больших коллективных социотехнических проектов. Вопрос, который здесь возникает естественным образом, – это вопрос о том, является ли эта сеть коллективным субъектом или это просто рациональная машина? Любая из альтернатив выглядит слишком классической и простой.

Современный философ и социолог науки и техники П. Галисон считает, что вследствие разделения эпистемического труда явно выделяются три сообщества: теоретики, создающие теории явлений; экспериментаторы, приготавливающие и измеряющие явления в специально создаваемых комплексах приборов – установках, и инструменталисты, разрабатывающие части этих установок. Галисон акцентировал внимание на том, что по причине разделения, начинающегося еще на этапе обучения и вхождения в профессию, и разной специфики труда эти сообщества говорят на «разных языках», имеют разные ценности и принадлежат к техническим традициям, имеющим разную периодизацию. Все это дало Галисону основания считать эти три

сообщества принадлежащими к разным культурам. Необходимость коллективного труда привела к возникновению так называемых «зон обмена» – пространств, в которых представители экспериментальных, теоретических и инструментальных (приборостроительных) культур взаимодействуют, обмениваясь продуктами познавательного труда и координируя свои усилия [Пронских, 2018, с. 88–91].

Само научное познание возникло вследствие дифференциации деятельности человечества, которая продолжилась внутри самой науки. Для более адекватного истолкования этой дифференциации и её последствий, включая так называемый обмен, обратимся к работам Маркса. Обмен – как человеческой деятельностью внутри самого производства, так и человеческими продуктами – равнозначен родовой деятельности и родовому духу [Маркс, 1956, с. 30–100]. Обмен деятельностью и её продуктами происходит как внутри профессиональных и социальных групп, так и между ними. Но в случае научного познания это не просто обмен результатами, это прежде всего диалог, но это не просто ни к чему не обязывающий диалог, как обмен мнениями, а это диалог, как поиск понимания, объединенный общими целями. И безусловно этот диалог – не обмен продуктами как товарами, какую метафору использует Галисон, но это и не символический обмен как обмен дарами. Этот диалог – познавательная, а не лингвистическая или социальная процедура.

Приведем пример исследования подобного рода диалогической природы научного взаимодействия и устройства естествознания. Научный прогресс нефизических дисциплин осуществляется в ходе диалога различных культур, способов мысленного видения реальности, и его изучение представляет интерес с этой точки зрения. Обе стороны неуничтожимы в своей сущности, хотя есть стремление представить одну из них как развитую форму научно-теоретического знания, а другую в качестве еще неизжитой и сравнительно архаичной по своей природе. Но даже там, где мы имеем дело с господством гипотетико-дедуктивной формы научной дисциплины (например, в физике), соответствующий диалог все же имеет место, хотя и протекает в иных формах [Алешин, 1983, с. 53].

«Физика оказывается двуязычной дисциплиной. Одна часть физиков преимущественно понимает один язык, другая – другой. Эта дивергенция усугубляется во времени. Именно только в силу этого различия и оказалось возможным развитие современной физики. Один из языков физики оказался приспособленным для эксперимента, другой – для построения сложных логических конструкций. Собственно физическая теория создается где-то на пересечении, при интерпретации логических конструкций на несвойственном им языке экспериментальных представлений и наоборот» [Налимов, 1979, с. 153–154].

Теперь обратимся к давней работе, где проницательно были отмечены тенденции, идущие в современном когнитивном и социальном пространстве: «Практические приложения современной науки ориентированы на проблемы, исследовательское решение которых не может быть чьим-то индивидуальным делом. Оно отыскивается посредством комбинации массы независимых друг от друга исследований, и его главным творческим фактором оказывается само искусство кооперирования, системной организации многообразных идей и наблюдений. Традиционный путь теории все чаще заменяется в этих случаях созданием такого образования, которое можно было бы назвать самодействующей системотехникой. Живым субъектом интеллектуальной системотехники является группа, связанная единством задачи, но отнюдь не заведомой общностью понимания» [Мамардашвили, 1972, с. 77].

Объекту проектирования и исследования придаются черты субъективности. Он обладает своей волей и самостоятельным поведением. При этом допускается не просто активность объекта проектирования, а возможность и способность его на ответные воздействия. Он даже может сопротивляться проектному воздействию. Отвечая на него, он обладает «квазисознанием» и может быть «не согласен» на определенного рода проектные воздействия [Горохов, 2008, с. 11]. Эта самодействующая системотехника демонстрирует третий вариант общественно-технологического развития не по Марксу и не по Маркузе – дистанцированное от субъекта самостоятельное развитие его сущностных сил и при определенных условиях может стать угрозой для существования всего человечества.

Литература

1. Алексеева, 2016 – *Алексеева И.Ю, Аршинов В.И.* Информационное общество и НБИКС-революция / Рос. акад. наук, Ин-т философии. 2016. 196 с.
2. Алешин, 1983 – *Алешин А.И.* Типы теоретизации и культурно-исторические ориентации естественнонаучного знания // Общественный прогресс и культура: межвузовский сборник / Горьковский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: ГГУ, 1983. 154 с.
3. Горохов, 2008 – *Горохов В.Г.* Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. 2008, № 10. С. 8–25.
4. Мамардашвили, 1972 – *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Г., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. М.: Наука, 1972. С. 28–94.
5. Маркс, 1956 – *Маркс К.* Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 7. 1956. XVIII, 669 с.
6. Налимов, 1979 – *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. 304 с.
7. Пронских, 2018 – *Пронских В.С.* Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. №5. С. 88–92.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00040
УДК 330.1

О ПРИЧИНАХ ГЕТЕРОГЕННОСТИ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА»

Николай Александрович Ганичев
Кандидат экономических наук
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

В настоящем докладе ставится цель проанализировать различные подходы к определению понятия «цифровая экономика» (ЦЭ), прояснить причины его двойственности, выявить реальные, а не декларируемые цели этого глобального проекта. Анализ показывает, что ЦЭ понимается двояко: 1) как новая организационная парадигма, новая инновация в сфере бизнеса, кардинально меняющая модель создания и развития бизнеса и его среду. В таком смысле ЦЭ уже широко реализуется, и есть целый ряд глобальных компаний, основанных на новой цифровой модели. Ключевым преимуществом ЦЭ как новой организационной инновации является возможность создавать бизнес сразу в национальном или даже в глобальном масштабе и экстенсивно развиваться, захватывая новые рынки. Во втором случае ЦЭ – это пока лишь концепция и основанный на ней проект, который только ещё предстоит реализовать. Ключевой целью этого проекта видится создание на основе ИКТ новой универсальной платформы (ИКТ инфраструктуры и программно-цифровой среды) для решения различных экономических и социальных задач.

Ключевые слова: цифровая экономика, четвертая промышленная революция, инновации, инфо-коммуникационные технологии.

ON THE REASONS FOR HETEROGENEITY IN DEFINING THE CONCEPT OF “DIGITAL ECONOMY”

Nikolay Alexandrovich Ganichev
PhD of Economic Sciences
Institute of Economic Forecasting RAS

The report aims to analyze different approaches to the definition of “digital economy” (DE), clarify the reasons for its duality, and identify the real, not declared, goals of this global project. The analysis shows that DE is understood in two ways: 1) as a new organizational paradigm, an innovation in business, radically changing the model of creating and developing a business and its environment. In this sense, DE is already widely implemented and there are a number of global companies based on a new digital model. The key advantage of DE as a new organizational innovation is the ability to create business at once nationally or even globally and develop extensively, capturing new markets. In the second case, DE is still only a concept and a project based on it, which has yet to be implemented. The key goal of this project is to create a new universal platform on the basis of ICT (ICT infrastructure and software-digital environment) for solving various economic and social tasks.

Keywords: digital economy, fourth industrial revolution, innovations, info-communication technologies.

В настоящем докладе ставится цель проанализировать различные подходы к определению самого понятия «цифровая экономика» (ЦЭ), прояснить причины его двойственности (и стоящей за этим неоднородности), выявить реальные, а не декларируемые цели этого глобального проекта (так и других тесно связанных с ним проектов).

Помимо понятия ЦЭ в международной литературе широко используются и другие термины, призванные обозначить процессы цифровизации и повсеместного внедрения ИКТ – Internet Economy, New Economy, или Web Economy. В США наиболее широко распространен термин API-Economy от Application Programming Interface (API). Между тем, гетерогенность в подходах к определению ЦЭ и наличие многочисленных терминов для обозначения этого проекта не случайны и, по сути, отражают тот факт, что в различных странах, как и на глобальном уровне, в действительности реализуются разные задачи в рамках построения цифровой экономики. Эти задачи исторически исходят из различных лоббистских проектов, которые разрабатывались на международном уровне с 2009 г. как ответ на системные проблемы, порождённые мировым финансово-экономическим кризисом 2007-2009 гг.

Родоначальником термина «электронная экономика» (E-economy) считается профессор Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology – MIT) Н. Негропонте, который в 1995 г. опубликовал исследование, где он обосновал недостатки «старой экономики» (зависимость от сырья,

веса товара, транспортных издержек и пр.) и преимущества «новой экономики» (виртуальность, отсутствия веса, мгновенные глобальные перемещения) [Negroponte, 1995]. Термин «цифровая экономика» (digital economy) получил широкое распространение после публикации в 1997 г. одноименной книги канадского публициста Д. Тапскотта, в которой он характеризовал главное преимущество новой цифровой экономики как возможность свободного и мгновенного перемещения любого объема информации по всему миру [Tapscott, 1997]. С тех пор понятие «цифровой экономики» и его многочисленные аналоги получили большую популярность и стали широко использоваться в рамках описания процессов развития ИКТ и их использования в новых формах ведения бизнеса, таких как сетевой маркетинг и реклама, продвижение сайтов, организация электронной торговли, электронный банкинг и т.д. и т.п. Однако единого и общепринятого значения понятия «цифровая экономика» до сих пор не существует. При этом можно выделить как минимум два принципиально различных подхода к конкретизации этого понятия, используемых в зависимости от направления исследования.

Во-первых, ЦЭ может пониматься как совокупность новых форм ведения бизнеса, основанных на применении ИКТ. Речь идет о новых методах управления фирмой и бизнес-моделях, которые создаются с использованием ИКТ преимущественно в сфере сервиса, торговли, оказания услуг логистики и пр. Примером могут служить бизнес-модели компаний-интеграторов, такие как Uber, AirBnB и др. Консалтинговая компания Gartner определила понятие цифровой экономики как «модель бизнеса, охватывающая людей/бизнес/вещи, масштабируемая глобально для всего мира за счет использования ИКТ, интернета и всех их свойств, предполагающая эффективное персональное обслуживание всех, везде, всегда». Здесь важно отметить, что формирование таких новых бизнес-моделей или новых форм оказания государственных услуг происходит на основе уже существующих ИКТ, т.е. ИКТ выступают не в качестве технологической инновации, а в качестве всеобъемлющей инфраструктуры, на базе которой создаются новые формы экономической и общественной деятельности.

При таком подходе ЦЭ понимается лишь как новая организационная парадигма, как глобальное нововведение в сфере бизнеса, кардинально меняющая модель создания и развития бизнеса, его среду и т.п. В таком смысле ЦЭ уже широко реализуется и есть целый ряд глобальных компаний, основанных на новой цифровой модели, которые однако пока не показали высоких уровней рентабельности. Ключевым преимуществом ЦЭ как организационной парадигмы является возможность создавать бизнес сразу в национальном или даже в глобальном масштабе и экстенсивно развиваться, захватывая новые рынки. Это, несомненно, приведет к масштабному переделу рынков и значительному изменению структуры сферы услуг.

Второй подход к определению ЦЭ предполагает, что этот концепт рассматривается как одно из ключевых составляющих более общего и фундаментального понятия «четвертая промышленная революция» (The Fourth Industrial revolution), которым обозначают очень широкий круг экономических, социальных, структурных, организационных и прочих изменений во всех сферах жизни общества, происходящих за счет повсеместного развития и внедрения ИКТ и новых производственных технологий. Термин «четвертая промышленная революция» получил широкое распространение после публикации в 2016 г. президентом Всемирного экономического форума в Давосе К. Швабом одноименной статьи и затем книги [Schwab, 2015, 2017], где он на основе подготовленных аналитиками Всемирного экономического форума докладов [World Economic Forum, 2015] описывает перспективы развития экономики и общества в условиях всеобъемлющей цифровизации. По мнению ряда западных исследователей, на работах которых во многом базируется книга К. Шваба, «четвертая промышленная революция» – это объективный процесс уже происходящих и ожидаемых в среднесрочной перспективе изменений технологической сферы [Kressel, Lento, 2007].

На сегодняшний день термин «цифровая экономика» все чаще понимается именно как основа всех вышеописанных изменений в рамках «четвертой промышленной революции» и основное условие ускорения экономического роста за счет косвенных эффектов от внедрения ИКТ во всех сферах человеческой жизни. Переход к ЦЭ в контексте «четвертой промышленной революции» означает повышение наблюдаемости, скорости, точности, гибкости, а за счет этого – и управляемости всех производственно-технологических процессов, достижение ими высоких уровней сложности. Считается, что это в свою очередь должно породить значимые макроэкономические эффекты, в том числе позволяет сократить затраты времени на проектирование и производство, даёт существенный прирост производительности, увеличение количества новых продуктов и технологических комплексов, а в конечном итоге – рост прибыли. Таким образом, главным инструментом создания добавленной стоимости станут не просто производственные технологии, а именно программные продукты по управлению технологическими процессами [Manufacturing…, 2012; Jovane et al., 2009].

Во втором аспекте ЦЭ – это пока лишь концепция и основанный на ней проект, который только ещё предстоит реализовать. Ключевой целью этого проекта видится создание на основе ИКТ новой универсальной платформы (ИКТ-инфраструктуры и программно-цифровой среды) для решения различных экономических и социальных задач. При этом следует отметить, что, несмотря на свою революционность, этот проект в действительности основывается на множество технологий, которые развиваются уже более десятилетия, однако до сих пор не создали новые массовые производства и рынки (робототехника, искусственный интеллект и др.).

Итак, объективно происходящие в мире процессы по развитию и широкому внедрению во все сферы человеческой жизни новых цифровых технологий, основанных на применении ИКТ, имеют два различных

аспекта. С одной стороны, это вполне реальная, уже сейчас активно происходящая трансформация сферы услуг и системы управления, организации бизнеса за счет расширенного применения новых цифровых технологий. Вместе с тем, положительные экономические эффекты от таких изменений пока весьма ограничены и плохо масштабируются на макроуровень. Частный сектор коммерческих услуг, основанных на ИКТ, бурно развивается лишь при условии реального роста платежеспособного спроса и выпуска потребительских товаров. Таким образом, новые цифровые бизнесы обладают способностью поддерживать и ускорять имеющийся экономический рост, но никак не создают самостоятельный новый механизм генерации такого роста.

Понятия «четвертой промышленной революции» и «цифровой экономики» как основной её составляющей – это не столько концептуализация объективных процессов трансформации технологической сферы на основе широкого распространения ИКТ-инфраструктуры, сколько совокупность ряда мощных лоббистских проектов международного уровня, ставших ответом на крайне низкие темпы роста мировой экономики после мирового финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг. Их цель за счёт запуска очередного хайп-цикла (характерного для высокотехнологичных рынков и рынков новых технологий) обеспечить приток частных и государственных инвестиций в сферу развития ИКТ-инфраструктуры, что, в конечном счете, должно привести к кардинальному изменению сферы мировых финансов, а также к масштабному расширению рынков микроэлектроники и дальнейшему перераспределению добавленной стоимости от производителей промышленных и потребительских товаров в пользу разработчиков программного обеспечения [Кошовец, Ганичев, 2018].

Литература

1. Кошовец, Ганичев, 2018 – *Кошовец О.Б., Ганичев Н.А.* Глобальная цифровая трансформация и её цели: декларации, реальность и новый механизм роста // Экономическая наука современной России. 2018. №4. С. 126–143.
2. Jovane et al., 2009 – *Jovane F., Westkämper E., Williams D.* The ManuFuture: Road towards Competitive and Sustainable. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 260 p.
3. Kressel, Lento, 2007 – *Kressel H., Lento T.V.* Competing for the Future: How Digital Innovations Are Changing the World. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. 442 p.
4. Manufacturing…, 2012 – Manufacturing: The Third Industrial Revolution // The Economist. April 21, 2012. URL: https://www.economist.com/leaders/2012/04/21/the-third-industrial-revolution (дата обращения: 10.02.2019)
5. Negroponte, 1995 – *Negroponte N.* Being Digital. Vintage Books, 1995. 256 p.
6. Schwab, 2015 – *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution (дата обращения: 11.02.2019)
7. Schwab, 2017 – *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. L,: Portfolio Penguin, 2017. 192 p.
8. Tapscott, 1997 – *Tapscott D.* The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1997. 342 p.
9. World Economic Forum, 2015 – World Economic Forum. Deep Shift: Technology Tipping Points and Societal Impact with WEF. World Economic Forum, Center for Digital Strategies, 2015. URL: https://www.weforum.org/reports/deep-shift-technology-tipping-points-and-societal-impact (дата обращения: 13.02.2019).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00041
УДК 303.01

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ФЕНОМЕНОЛОГИИ: ПИТЕР БЕРГЕР

Елена Андреевна Тимощук
Кандидат философских наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Владимирский филиал

Термин φαινόμενον, «являющееся», был известен ещё по работам Платона, который использовал его для противопоставления явления и сущности вещи. Декарт создал основание для феноменологии в виде беспредпосылочности res cogitans или мыслящего бытия. И. Ламберт впервые стал использовать термин «феноменология» для обозначения дисциплины, изучающей модусы сознания, включая воображение, грёзы, кажимости. Фихте принадлежит изобретение интерсубъективности, исключительно важного концепта для социокультурной феноменологии. Кант построил свою теорию познания на оппозиции ноуменально и трансцендентально существующей «вещи-в-себе» и феноменальной «вещи-для-нас». Он также затрагивал проблемы

эпистемических оснований убеждения, гносеологический статус веры. Если у Канта разум синтезирует трансцендентальные формы, составляющие подлинное и независимое бытие, то «Феноменология духа» Гегеля раскрывает эволюцию форм сознания в своём движении к абсолютной идее. Гегель против агностицизма Канта, где вещь отделяется от её внутренней сути. Гегель полагает, что вещь может быть познана в многообразии своих манифестаций. Гуссерль вкладывает в феноменологию новый смысл. Для него она означает дескриптивный философский метод работы с сознанием. Замысел Гуссерля заключался в том, чтобы преодолеть позитивистскую психологию и отмежеваться от неокантианства, не проводившем радикального различия между субъективным и объективным. Идеи Гуссерля затем проникли в область психологии, педагогики, языкознания, искусствоведения и давно включились в ценностно-смысловое поле гуманитарного знания. М. Шелер – в этике, Ж. Гурвич, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман – в социологии, Н. Гартман – в философской онтологии, Р. Отто, Э. Штейн – в философии религии и теологии, А. Койре – в философии науки применяли метод феноменологии и превратили феноменологию в одно из наиболее влиятельных течений гуманитарной мысли.

П. Бергер расширил научные горизонты, заданные Гуссерлем, Ингарденом, Шюцем; обогатил культурными смыслами науки об обществе; предложил релевантные процедуры интерпретации социальных порядков; осуществил дальнейшую интеграцию социального и культурного в феноменологическом дискурсе.

Ключевые слова: феноменология, Гуссерль, Питер Бергер, жизненный мир, интерсубъективность, реификация.

A HISTORICAL OUTLOOK ON PHENOMENOLOGY: PETER BERGER

Elena Andreevna Timoschuk
PhD in Philosophy, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch

The term φαινόμενον was already known from the works of Plato, who used it to contrast the phenomenon and the essence of a thing. Descartes created the backbone for phenomenology in the form of the res cogitans as fundamental principle. Johann Lambert first began to use the name "phenomenology" to denote the discipline to study the modes of consciousness, including imagination, dreams, and appearances. Fichte has invented intersubjectivity, an extremely important concept for sociocultural phenomenology. Kant has built his theory of knowledge on the opposition of the noumenon ("thing-in-itself") and the phenomenal thing as it appears to an observer. He also touched upon the problems of the epistemic foundations of conviction, the epistemological status of faith. Whereas Kant's mind synthesizes transcendental forms that constitute a genuine and independent being, Hegel’s phenomenology of the Spirit reveals the evolution of the forms of consciousness in its movement to the absolute idea. Hegel is against Kant's agnosticism, where the thing is separated from its inner essence. Hegel believes that a thing can be known in the variety of its manifestations. Husserl puts a new meaning into phenomenology. For him, it means a descriptive philosophical method of investigatine consciousness. Husserl's intention was to overcome positivistic psychology and dissociate himself from neo-Kantianism, which did not make a radical distinction between the subjective and the objective. The ideas of Husserl then penetrated into the field of psychology, pedagogy, linguistics, art criticism, and other fields of social knowledge. Many intellectuals have applied it’s methodology: M. Scheler - in ethics, G. Gurvitch, A. Schütz, P. Berger, T. Luckmann - in sociology, N. Hartmann - in philosophical ontology, R. Otto, E. Stein - in philosophy of religion and theology, A. Koyre - in the philosophy of science. These scholars explored the method of phenomenology and turned it into one of the most influential currents in humanities. P. Berger has expanded the scientific horizons set by Husserl, Ingarden, Schütz; enriched the cultural meanings of social science; proposed relevant procedures for the interpretation of social orders; carried out the further integration of the social and cultural in the phenomenological discourse.

Keywords: phenomenology, Husserl, Peter Berger, life-world, intersubjectivity, reification.

Феноменологическая легитимация развития общества в его символическом универсуме обнаруживает отсутствие виноватых, но большое количество пострадавших от реализации социально опасных идей, основанных на дискриминации, говорит об обратном. Социум генерирует и транслирует большой фонд идей, некоторые из которых могут оказаться востребованными в кризисные моменты развития общества. Самые маргинальные концепции канализируются в доминантные дискурсы, когда идёт деконструкция традиционных институтов. Легитимация насилия – это механизм выживания и защиты, реализуемый коллективным бессознательным. Прояснением социальной повседневности, её археологией и генетикой и занимались Питер Бергер и его напарник Теодор Лукман.

Смыслы (предметности) Гуссерля развиваются до множественности коннотаций (смыслов) у его уче-

ника Э. Левинаса, запускающих автокоммуникацию и внутренний диалог. В экзистенциализме, течении, близком к феноменологии, смыслы приобретают значение модусов существования; Другие превращаются из чужих в локализованные смысловые домены. Структурализм говорит о механике смыслов, их дискретности и способности к сборке новых смыслов, о способности структур к смыслопорождению.

Феноменолог А. Шюц дал очень точное описание социокультурной реальности, назвав её «мир, светящийся смыслом». Возможно, с подачи феноменологии, смыслополагание сегодня понимается во множественном числе, говоря о «территории смыслов», «поиске новых смыслов в экономике». Смысл становится плюральным, парциальным и текучим.

Жизненный мир по П. Бергеру, – это finite province of meaning, убежище смыслов, пристанище повседневности. Это пространство, где есть место пониманию и подвигу для своих. Повседневность получает высокий статус, благодаря включенности индивида в этот мир и способности переходить от одной повседневности к другой. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признаётся нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покушается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

Актуализация Другого возвращает нас к концепции конкретизации Ингардена, который на примере художественного произведения показал, что это не только совокупность сказанного, но и сумма минус стратегий, остающихся за кадром, но подразумеваемых. Так и в социальной жизни, огромное количество процессов происходит за спиной субъекта и для того, чтобы столкнуться с ними, должна включиться его интенциональность. Без интереса к иной повседневности, интенциональность остаётся в сумерках. В этом контексте учёный-гуманист – это тот, кто стремиться свести горизонты повседневности в более широкую панораму, сделать из множества разрозненных индивидуальных набросков обобщённую социальную конструкцию.

Гуссерлевская идея трансцендентального сознания оказалась очень продуктивной. Бергер продолжил нас убеждать, что реальность и знание, особенно общественные знания, не совпадают. Он поддерживает феноменологический метод онтологизации (реификации) социальных явлений. Позитивизм и редукционизм игнорируют важные смыслы и не понимают природы социальной реальности, они отбрасывают ценностно-смысловые предметности как гипостазированные. Бергер также отвергает опредмечивающее гипостазирование. Ценностно-смысловые предметности, идентичности – всё это возникает на стыке жизненных миров, на границе контакта индивидуума и общества. Эти интенциональные сущности не имеют независимого существования.

Воспроизводство общества на новом этапе развития, его сборка становится для индивидов жизненным проектом. Интернализация жизненных миров родителей происходит при первичной социализации, при вторичной расширяется зона контактов с множеством чужих умвельтов.

Экстериоризация – созидание из интенциональных объектов учреждений, институтов. Это не просто оформленные юридические лица, а исторические интенциональные умвельты. Так, каждое государство – это целый мифопоэтический жизненный мир со своей мечтой. До тех пор, пока в нём есть творческая сила генерировать достижимую рациональную утопию, живо и государство. Чем больше масштаб мифа жизненного мира, тем больше государство. В XX веке противостояние шло между капиталистическим мифом США и социалистическими утопиями СССР. Сегодня идёт обновление мифологем демократии и рынка. Китай генерирует гибридный проект традиции и новации. Так идеология становится легитимацией символического порядка. Социокультурная модель идеологии интерпретирует политические процессы как означивание индивидуального жизненного мира внутри институциональных механизмов. Сам Бергер критиковал как капитализм, так и радикальный социализм [Бергер, 1976].

В силу сложности овещивания действительности и множества пересекающихся и конкурирующих социокультурных проектов, между ними неожиданно устанавливаются связи и переходы, что интерпретируется наблюдателем как парадокс, шок, игра разума, ирония бытия, мистика. «С восхитительным постоянством морализаторы воспроизводят последствия, диаметрально противоположные их собственным намерениям. Пацифист дает начало войне, бунтовщик – тирании, пуританин – распущенности» [Бергер, 1996, с. 5].

Вторая область, где Бергер плодотворно развил феноменологические идеи, – это религиозное сознание и такие социальные эпифеномены верований, как секуляризация, институциализация религии, нетрадиционная религиозность, светская культура как инобытие христианства. Модернизация автоматически означает уменьшение влияние религиозных институтов. Что происходит со священной завесой?

Хотя трансцендентный план бытия как значимая реальность отсутствует или далек от горизонтов повседневной жизни для доминирующего количества граждан, не испытывающих никакого дискомфорта от этого, несмотря на эту уничтожительную для религии констатацию, П. Бергер снова и снова доносил до внимания своей аудитории, что будет ошибкой утверждать, будто трансцендентные сигналы потеряли значимость для всех людей.

Бергер придал импульс многим поколениям исследователей изучать с энтузиазмом и оптимизмом общество как живую духовную реальность. Его работы стали сплавом социокультурной феноменологии и секулярной теологии здравого смысла и консерватизма. Социальный конструкционизм – это не умаление и не тривилизация общественной жизни, а манифест коллективному творческому воображению. Идеи Бергера чрезвычайно эвристичны и более адекватны современной сложной социодинамике. Его социокультурная

феноменология наиболее системно и точно описала индивидуальное и общественное бытие, во многом интегрировав достижения Гуссерля, Ингардена и Шюца, а концепция жизненного мира хорошо коррелирует с коммуникативным действием Ю. Хабермаса.

Литература

1. Бергер, 1996 – *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., 1996. 187 с.
2. Berger, 1976 – *Berger P.L.* Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change. Anchor, 1976. 240 p.
3. Berger, 1990 – *Berger P.L.* The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion. Anchor, 1990. 240 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00042
УДК 165.5

ЭТИЧЕСКИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В «ФИЛОСОФИИ ИНДУКТИВНЫХ НАУК» ХЬЮЭЛЛА[18]

Антон Владимирович Долматов
Лаборант
Институт философии Российской академии наук

Статья посвящена исследованию связи между философией науки У. Хьюэлла и его этическими и теологическими работам. Хотя многие из его идей кажутся прообразами положений философии постпозитивизма (к примеру, теоретическая загруженность фактов), если их интерпретировать с учетом его же теологических и этических работ, станут заметны и важные различия. Основной движущей силой философии У. Хьюэлла является примирение современной науки и религии. В отличии от многих других мыслителей Викторианской эпохи, У. Хьюэлл не видел в науке угрозы для религии. Чтобы это доказать, среди прочего он приводит в пример полеоэтиологические науки, которые могут указать на необходимость первопричины, которой должен быть Бог. Очевидность этой аксиомы происходит из непредставимости «ряда взаимосвязанных событий, не имеющего начала». Также в статье показывается, как фундаментальная философская антитеза У. Хьюэлла, используемая в философии науки, применяется в этике (пример с оценкой рабства), построенной по образу дедуктивной теории. Далее взаимосвязь науки и теологии показывается на способах интерпретации спорных мест в Священном писании, противоречащих современной науке.

Ключевые слова: философия науки, этика, теология, Хьюэлл, наука, религия, Викторианская эпоха.

ETHICAL AND THEOLOGICAL IDEAS IN WHEWELL'S PHILOSOPHY OF INDUCTIVE SCIENCES

Anton Vladimirovich Dolmatov
Assistant
Institute of Philosophy RAS

The paper considers the link between Whewell’s philosophy of science and his ethical and theological works. Although many of his ideas can be seen as predecessors of post-positivist philosophy, if they are interpreted with the regard to his theological end ethical works, a striking difference will become apparent. The main driving force of his philosophy is a reconciliation of contemporary science with religion. Unlike many other Victorian thinkers, Whewell saw no threat to religion on behalf of science. In order to prove this, Whewell indicated how palætiological sciences could indicate the necessity of a First Cause, which must be God. The evidence of this axiom lies in the impossibility of human minds to be satisfied with a series of causes and effects without a First Cause. It is also shown how Whewell’s concept of facts-ideas distinction is both employed in his philosophy of science and his ethical writing, and how his ethical theory is based on deductive system.

Keywords: philosophy of Science, ethics, theology, Whewell, science, religion, Victorian era.

Наследие У. Хьюэлла, профессора моральной философии и декана Тринити-колледжа Кембриджского университета, в последнее время активно обсуждается в российском философском сообществе. В его

[18] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ. Проект No 17-03-00812, «Рождение философии науки. Уильям Хьюэлл, круг общения и следствия для XX века».

работах находят положение о «теоретической нагруженности» фактов, рассуждения о важности истории науки для ее философии, а также прообраз понятия «парадигмы» [см. Никифоров, 2017, с. 85–86]. Все это позволяет говорить о Хьюэлле как об актуальном мыслителе, предвосхитившем многие важнейшие достижения философии науки XX века. Но не стоит забывать и об опасности «вируса предшественничества», о котором предупреждал, в частности, Ж. Кангилем [см. Визгин, 1987]. Он может «поразить» любого историка философии или науки, слишком уверенно обнаруживающего у мыслителей прошлого современные идеи. Когда мы сегодня изучаем наследие Хьюэлла, важно понимать, что перед ним стояли задачи во многом отличные от наших; сам он был не только философом и историком науки, но также богословом и философом морали, а его работы по истории и философии науки содержат непосредственные указания на вопросы теологии и этики. В своем докладе я предлагаю обратиться к теологическим и этическим идеям Хьюэлла, чтобы лучше понять не только сходства между его идеями и философией постпозитивизма, но и некоторые важнейшие различия.

Во введении к «Философии индуктивных наук» Хьюэлл пишет, что «это учение <т.е. фундаментальный анализ – А.Д. > способно пролить некоторый свет на проблемы моральной и политической философии, причем не в меньшей мере, чем на проблемы физики» [Хьюэлл, 2016, с. 28]. Известная взаимосвязь и противопоставление фактов и идей, выраженная в «фундаментальной антитезе философии», является центральным положением философии Хьюэлла. Вместо крайностей спекулятивной натурфилософии (стоит отметить, что философия природы Фихте, Шеллинга и Гегеля воспринималась крайне негативно в Великобритании. В них видели оправдание «экстремального интуиционизма в религии и априорных спекуляций в науке» [Yeo, 1979, p. 505]. Критики Хьюэлла будут указывать на близость его философии к немецкой посткантовской философии в качестве упрека) и индуктивного эмпиризма, он предлагает постоянное взаимодействие опытного и идеального, в ходе которого фундаментальные идеи проясняются с открытием новых фактов, что обеспечивает как необходимый характер знания, так и прогресс в науке.

Для этики это означает, с одной стороны, неизбежное влияние фактов на поведение людей, даже если им стоило бы ориентироваться на должное и идеальное, а с другой стороны, проясняющую функцию фактов по отношению к идеям, роль которых в жизни общества или индивида должна увеличиваться по мере прогресса в сфере морали. Подобная логика взаимоотношения факта и идеи задействуется в разрешении вопроса о рабстве. Утверждая, что «где бы ни существовало рабство, его отмена должна быть одной из важнейших целей каждого хорошего человека» [цит. по Donagan, 1974, p. 733], Хьюэлл, тем не менее, считает невозможным для моралиста призывать людей не подчиняться законам своей страны, даже если они противоречат идеальным моральным принципам. Здесь мы видим на конкретном примере, как идеальное моральное требование взаимодействует с реальными фактами, т.е. с существованием законодательства. Поведение человека будет реально опираться на оба противоположных элемента фундаментальной антитезы, хотя целью должно быть «расширения влияния второго <т.е. идеи – А.Д.>» [Хьюэлл, 2016, с. 28].

Оставаясь верным своему намерению рассматривать прежде всего физические науки, Хьюэлл обращается к темам, близким к этике и теологии, только в конце своего исследования, в разделе, посвященном философии палеоэтиологии. Палеоэтиологическими науками он называет те, в которых «мы от современного состояния вещей восходим к их прошлому состоянию, откуда следует настоящее благодаря известным причинам» [Хьюэлл, 2016, с. 448]. К таким наукам он относит геологию, глоссологию (лингвистику), сравнительную археологию. В каждой из них он выделяет собственно описательную (феноменологическую) часть и исследование причин (этиологию). Опора на богатый фактический материал и знание особого вида причинности, характерного именно для изучаемой сферы явлений, дают знание о прошлом состоянии интересующего объекта. В результате могла бы получиться глобальная история, включающая в себе как причинное описание рождения Солнечной системы, так и изменений, происходящих в сфере искусства.

Обсуждение полемики униформистов и катастрофистов в геологии приводит Хьюэлла к общему выводу о наличии в начале причинного ряда «акта созидательной силы», который сам не входит в «обычный ход природы» (см. [Хьюэлл, 2016, с. 473]). Этот источник принципиально отличается от тех явлений, которые может изучать наука; его научное описание оказывается невозможным. Но и нельзя просто отбросить вопрос об этом источнике, ведь «невозможно помыслить ряд взаимосвязанных причинных событий, не имеющий начала» [Хьюэлл, 2016, с. 488]. Существование первой причины, таким образом, может быть лишь аксиомой, которая принимается исходя из размышлений о сущности причины. Первой причиной и является Бог, на существование которого указывают палеоэтиологические науки.

Аналогическое рассуждение можно найти и в «Началах морали» Хьюэлла. Пытаясь построить дедуктивную систему морали, он замечает, что правила, данные разумом, являются по своему характеру условными, т.е. сообщают, что необходимо сделать для достижения некоторой цели, которая сама по себе может быть средством для достижения другой цели и т.д. Чтобы этот ряд не уходил в бесконечность, Хьюэлл постулирует «высшее правило» (само по себе оно является формальным и состоит в утверждении «мы должны (ought to) делать то, что является правильным, и мы не должны делать то, что является неправильным» (цит. по [Donagan, 1974, p. 729])), которое по своему характеру не является условным, само являясь условием ценности всех подчиненных ему правил (см. [Donagan, 1974, с. 727–728]). Это «высшее правило» явно играет роль Бога, отведенную в цепи причинных связей, замыкая на себе все правила морали.

Вернемся к рассуждению о первой причине из «Философии индуктивных наук». Оно приводится Хьюэллом в ключевом композиционном месте – в самом конце первого тома, что позволяет заново оценить

всю проделанную работу. Как отмечает Р. Йео, основные работы Хьюэлла могут «интерпретироваться как утонченный ответ на потребность в философии науки, которая бы поддерживала принципы естественной теологии и ценностей христианства» [Yeo, 1979, p. 498]. Из переписки Хьюэлла с Х.Дж. Розом становится ясной обеспокоенность христианских мыслителей Викторианской эпохи возможными антирелигиозными импликациями современной им науки. Хьюэлл отстаивал позицию, что «нет ничего в сущности науки, что было бы враждебным религиозным чувствам» [Todhunter, 1876, p. 76]. И если считать, что палеоэтиологические науки действительно указывают на необходимость первой причины, которой должен быть Бог, то Хьюэлл действительно примиряет науку и религию.

Традиционной трудностью для такой примирительной позиции является толкование мест из Священного писания, в которых говорится о физической реальности что-то, явно противоречащее современной науке. Хьюэлл видит разрешение проблемы в постепенном изменении интерпретации Священного писания на соответствующее современной науке: «модификации распространенной интерпретации слов Библии являются неизбежным следствием прогрессивного характера естественных наук» [Хьюэлл, 2016, с. 478]. Спустя некоторое время новая интерпретация становится привычной, а предыдущая воспринимается как недоразумение. И хотя Хьюэлл отдельно оговаривает важность подходящего момента для устранения старой интерпретации, призывает к взаимной сдержанности со стороны представителей науки и церкви, получается, что главенствующая роль в толковании писания оказывается на стороне ученых.

Этическое значение «Философии индуктивных наук», обращение к фундаментальной философской антитезе как в сфере науки, так и этики, дедуктивный характер этической системы, роль науки в указании на Бога как первую причину и т.д. приводятся не для утверждения архаичности мысли Хьюэлла или указания на расхожие заблуждения Викторианской эпохи, от которых он сам не был свободен. Скорее, хотелось обратить внимание, что какой бы актуальной не казалась философия науки Хьюэлла, она неразрывно связана с контекстом своего времени, решала задачи, который могли встать перед христианским мыслителем, который верил в науку и не хотел видеть между ними противоречия. Осознание этого факта может оказаться полезным при обращении к работам Хьюэлла для решения современных задач.

Литература

1. Визгин, 1987 – *Визгин В.П.* Обзор истории науки в трудах Жоржа Кангийема (Аналитический обзор) // Современные историко-научные исследования (Франция). Рефер. сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1987. С. 104– 140.
2. Никифоров, 2017 – *Никифоров А.Л.* У. Хьюэлл и философия науки XX века // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 75– 88.
3. Хьюэлл, 2016 – *Хьюэлл У.* Философия индуктивных наук, основанная на их истории. М.: КНОРУС, 2016. 500 с.
4. Donagan, 1974 – *Donagan A.* Whewell's Elements of Morality // The Journal of Philosophy. 1974. Vol. 41. Iss. 19. P. 724– 736.
5. Todhunter, 1876 – *Todhunter I.* (ed.) William Whewell. D.D., Master of Trinity College, Cambridge: An Account of His Writings, with Selections from his Literary and Scientific Correspondence. 2 vols. London: Macmillan, 1876. Vol. II. 439 p.
6. Yeo, 1979 – *Yeo R.* William Whewell, Natural Theology and the Philosophy of Science in Mid nineteenth Century Britain // Annals of Science. 1979. Vol. 36. Iss. 5. P. 493– 516.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00043
УДК 111.1

«НОВАЯ МЕТАФИЗИКА» КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ЭПОХИ АНТРОПОЦЕНА

Нина Юрьевна Игнатова
Доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Нижнетагильский технологический институт

Осознание масштабов глобального климатического кризиса трактуется как вступление в эпоху антропоцена. Идея, что люди на самом деле такие же, как и другие формы жизни, чужда современной философии. Установление компромисса с миром нечеловеческих существ побудило исследователей искать решение проблемы коллективных действий, что, по мнению автора статьи, привело к кристаллизации новых концептуальных пространств («взлому») в экологической науке. Отвечая на призывы экологов о необходимости смены онтологии, новые метафизики приписывают агентство любым объектам рядом с нами – живым и неживым. Статья посвящена осмыслению процесса обновления метафизики, который связан с именами Б. Латура, Г. Хармана, Дж. Беннетт и Т. Мортона. В этой статье автор обрисовывает контуры альтер-

нативной метафилософской ориентации, которая вырастает из онтологизации этического импульса. Не-антропоцентрический подход в экологической науке влечёт за собой метафизическое требование, что нечеловеческие существа могут быть настоящими этическими агентами и иметь такой же статус, как и люди. По мнению автора, понятие агентство должно найти своё место в перечне базовых сущностей, занять отдельную позицию в наших практиках вопрошания мира и определять человеческие требования к миру. Вместе с тем, следует признать, что стремление приписывать объектам реальные черты агентства, личности и субъективности приводят к глубокой неопределенности метафизических проектов.

Ключевые слова: не-антропоцентризм, экологическая наука, научная революция, новая метафизика, Г. Харман, Дж. Беннетт, Т. Мортон.

"NEW METAPHYSICS" AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF THE ANTHROPOCENE

Nina Yurevna Ignatova
DSc in Philosophy, Professor
Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin
Nizhny Tagil technological Institute

Awareness of the scale of the global climate crisis is interpreted as the entry into the Anthropocene epoch. The idea that people are in fact the same as other forms of life is alien to modern philosophy. The establishment of a compromise with the world of inhuman beings prompted researchers to seek a solution to the problem of collective action, which, according to the author of the article, led to the crystallization of new conceptual spaces ("hacking") in environmental science. Responding to the calls of ecologists about the need to change the ontology, new metaphysicians attribute the agency to any objects near us, both animate and inanimate. The article is devoted to understanding the process of updating metaphysics, which is associated with the names of B. Latour, G. Harman, J. Bennett and T. Morton. In this article, the author describes the contours of an alternative metaphilosophical orientation, which grows out of the ontologization of an ethical impulse. A non-anthropocentric approach in environmental science entails a metaphysical requirement that non-human beings can be true ethical agents and have the same status as humans. According to the author, the concept of an agency should find its place in the list of basic entities, take a separate position in our practice of questioning the world and define human requirements for the world. At the same time, it should be recognized that the desire to ascribe real features of the agency, personality and subjectivity to objects leads to deep uncertainty in metaphysical projects.

Keywords: non-anthropocentrism, ecological science, scientific revolution, new metaphysics, G. Harman, J. Bennett, T. Morton.

Долгое время человеческое существование в окружении природы трактовалось как «уважение природы» (П. Тэйлор). Однако в подобных теоретических построениях неявно присутствует антропоцентрическая установка Просвещения – экологи обосновывают и поддерживают «человеческие условия» управления экосистемами, агентностью обладают только человеческие сообщества. До начала XXI в. в экологической науке и энвайронменталистской этике действовали две стратегии: одна апеллировала к моральным обязательствам отдельных лиц (Локк), другая реализовывала идею государства, способного организовывать действия людей любыми необходимыми средствами (Гоббс).

С ростом осознания масштабов глобального климатического кризиса и неудачами многочисленных попыток добиться прогресса в смягчении его последствий в экологической науке сформировался запрос на изменение онтологии [Hourdequin, 2013, p. 567]. На смену антропоцентрических идей «баланса» и равновесия с природой, раздельности существования человека и природы, расплывчатых понятий блага или «здоровья» Земли приходит не-антропоцентрический подход к компромиссу с нечеловеческим миром – не доминирующий, хотя отнюдь не маргинальный. Идея состоит в том, что антропоцентрические концепции агентства не могут должным образом мотивировать людей уважать хрупкость биосистем или выполнять обязательства по их сохранению. Философский ответ на вступление в эпоху антропоцена (термин П. Крутцена и Э. Стермера) проявляется в возвращении к спекулятивной метафизике, в которой традиционные способы различения естественного и культурного больше не кажутся устойчивыми.

Исследование эпохи «антропоцена» начинается с утверждения, что «дикой необузданной» природы нет, и никогда не существовало. Возможно, указывает Т. Мортон, «больше не нужно уважать природу. Кризис глобального потепления создает возможность заметить, что идеи "реальности" или "того, что на самом деле" так же тают, как айсберги» [Morton, 2018, p. 56]. По мнению Т. Мортона, интерпретация мира в корне ошибочна, «она запутана заранее подготовленными представлениями о том, что означает интерпретация… Не нужно больше знать об экологии, чтобы быть экологическими, мы уже экологические существа, просто существуя в мире. Мы все природные существа, которые не могут жить без мира природы, и этого должно быть достаточно» [Ibid., p. 123]. Мортон отвергает экологическую риторику неотложных действий: «Вам не нужно быть экологичным. Вы экологичны» [Ibid., p. 126].

«Новая метафизика» – зонтичный термин для множества разнообразных философских построений Б. Латура, объектно-ориентированной философии Г. Хармана, «витального» материализма Дж. Беннетт, «новой» онтологии Т. Мортона [Levi, 2011, p. 3–18] и др. Трудно сформулировать общие характеристики процесса обновления метафизики или спекулятивного поворота в виде какого-то одного главного тезиса. П. Вульфендейл считает, что это отказ от корреляционизма [Wolfendale, 2012, p. 365]. Но критика корреляционизма не получает развития в метафизике Дж. Беннетт или Б. Латура. П. Геймз предположил, что главным тезисом следует считать этико-экологическую мотивацию «новых метафизиков» [Gamez, 2018, p. 193]. Однако этот тезис не может быть применен к Т. Мортону, который отрицает, что этика может быть обоснованной, если подразумевать под этикой «что-то, что должно быть сделано» в отношении изменения климата.

Можно предположить, что столь несхожих авторов объединяет стремление признать нередуцируемость вещей в виде приписывания агентства любым объектам рядом с нами. Вслед за Б. Латуром, агентность приписывается не только живым, но и неживым объектам: нечеловеческим актантам [Латур, 2004, web], гибридным агентам [Беннетт, 2018], нечеловеческим существам [Morton, 2018]. Основная идея объектно-ориентированной философии Г. Хармана заключается в том, что мы никогда не сможем наблюдать реальные объекты, поскольку они всегда прячутся за своими качествами. Не всё, что касается объектов, можно выразить буквально. Ближе всего мы можем подойти к ним через опыт встречи с «чувственным» объектом: «Всё надо делать, пока каждый день напоминает нам об удивительной полноте чужого… Акцент на развитии этической чувствительности основан на удивлении, которое может увеличить нашу восприимчивость к «привлекательности» или «живости», или «жизненности» объектов… Переживаемые нами неожиданные чувства, как предполагается, намекают или ориентируют нас на другие объекты» [Harman, 2018, p. 35–40].

Цель «новой метафизики» – пробудить восприимчивость к объектам. Дж. Беннетт размышляет об использовании аффектов, Т. Мортон о выращивании аффектов. «Новая метафизика» ориентируется на аффекты, которые изменяют характер отношений с нечеловеками, «с которыми мы столкнемся, мысля экологически. Все это будет состоять в воздержание от насилия и агрессии. Уходит власть и равновесие. Приходит сотрудничество и выбор» [Morton, 2018, p. 126]. Мортон отрицает, что объектно-ориентированная онтология должна быть понята буквально, поскольку нет способа описать «то, что есть». Таким образом, нечеловеческие существа не могут быть истолкованы как «дикая природа», чья инаковость привела бы к необходимости уважения, благоговения или восхищения.

Если знания о реальных объектах не существует, как утверждает Харман, тогда важен эстетический опыт, важна метафора «именно потому, что ни теоретическая, ни практическая работа не могут дать нам внутреннюю суть вещей» [Harman, 2018, p. 38]. Метафорический или эстетический опыт заменяет чувственные качества одного объекта чувственными качествами другого объекта. Но, как показал Карнап, метафорический опыт не является когнитивным или эпистемическим: «Метафизик заблуждается, полагая, что метафизические предложения значат нечто, описывают некоторое положение вещей. Метафизик верит, что он действует в области, в которой речь идет об истине и лжи. В действительности он ничего не высказывает, а только выражает нечто, как художник. То, что метафизик находится в заблуждении, не следует из того, что он берет в качестве посредника язык, а в качестве формы высказывания повествовательные предложения; ибо то же самое делает и поэт» [Карнап, 1993, web].

Харман движется от обсуждения метафорической (не) встречи с объектами к дискуссии об этике. Существует некая этическая цель – экологически мотивированная надежда открыть себя миру или реальным вещам, с которыми мы сталкиваемся. Этическая цель зависит от того, как устроен мир. В свою очередь, связь с нечеловеческими существами зависит от того, действительно ли мир неким образом зависит от достижения этической цели. Истинное переосмысление мира заключается в переориентации нас на мир, этическая чувствительность при этом изменится. Речь идет не о человеческом разумном существовании, запертом в клетке обязательств, но о расширении этического опыта. Онтологизация этического импульса в новой метафизике заключается в требовании, что нечеловеческие существа могут быть настоящими этическими агентами или членами морального сообщества и иметь такой же статус, как и люди.

Здесь может возникнуть беспокойство, позволяет ли приписывание агентности распознать нечеловеческих агентов, так как при этом статус человеческих агентов сводится к фикции. Подобная метафизическая позиция по отношению к вещам – следствие признания, что нас окружает мир человеческих и нечеловеческих существ, претендующих на нас. Стыдясь доминирования человека над природой, Г. Харман, как другие «новые» метафизики и экологи, нашел способ зарегистрировать претензии вещей (живых и неживых существ) к людям, которые не сводят эти вещи к вкладу в благосостояние людей, но позволяют иметь собственный голос в мире. Пространства разума, которые мы населяем, предоставленные статусы и стандарты, по которым мы оцениваем себя и других, не определяется некоторым ранее существовавшим, внешним нормативным порядком. Они открыты для оспаривания и трансформации.

Агентство должно найти свое место в перечне базовых сущностей, занять отдельные позиции в наших практиках вопрошания мира и определять человеческие требования к миру, а также описывать расширенные полномочия вещей. Вместе с тем, следует признать, что стремление приписывать объектам реальные черты агентства, личности и субъективности приводят к глубокой неопределенности метафизических проектов. Возможно, Вульфендейл прав, заявляя, что объектно-ориентированные философы – это просто эксцентричные фейкеры, которые много обещают, но фактически их заявления представляют собой множество жестов, маскарад аллюзий, и им отказано в возможности сделать какое-либо истинное утверждение о мире

[Wolfendale, 2012, p. 366].

В экологической науке происходит кристаллизация новых концептуальных пространств, что вслед за М. Фуко можно назвать «разрывом» или «взломом». Следует ли рассматривать этот процесс как революцию в науке или только как творческое смещение в «новой метафизике»? Если цель «новой метафизики» состоит в том, чтобы обеспечить эффективный ответ философии на требование коллективных действий, тогда идея, что к окружающей среде нужно относиться по-другому, представляется более правдоподобной, чем представление об отсутствии различий между людьми и не людьми.

Литература

1. Беннетт, 2018 – *Беннетт Дж.* Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. М.: Xyle–Press, 2018. 380 с.
2. Карнап, 1993, web – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка (Электронный ресурс по изданию: Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ, сер. 7 «Философия». 1993. № 6. С. 11—26) // Библиотека по философии. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000161/index.shtml (дата доступа: 17.02.2019).
3. Латур, 2004, web – *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. Т. 2 (34). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/lat1.html (дата доступа: 17.02.2019).
4. Gamez, 2018 – *Gamez P.* Metaphysics or Metaphors for the Anthropocene? Scientific Naturalism and the Agency of Things // Open Philosophy. 2018. Issue 1. P. 191–212.
5. Harman, 2018 – *Harman G.* Object Oriented Ontology: A New Theory of Everything. London: Penguin 2018. 304 p.
6. Hourdequin, 2013 – *Hourdequin M.* Restoration and History in a Changing World: A Case Study in Ethics for the Anthropocene // Ethics and the Environment. 2013. Vol. 18 (2). P. 567–569.
7. Levi, 2011 – *Levi B., Srnicek N., Harman G.* (eds.). The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne: Re. Press, 2011. 440 p.
8. Morton, 2018 – *Morton T.* Being Ecological. L.: Penguin 2018. 240 p.
9. Wolfendale, 2012 – *Wolfendale P.* The Noumenon's New Clothes (I) // Speculations. 2012. Vol. 3. P. 290–366.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00044
УДК 111.1

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЗНАНИИ

Марина Олеговна Матушкина
Ассистент
Вятский государственный университет

В статье рассматривается метафизическое значение сущности в современном познании. Определяется исходное значение понятия сущности в онтологическом аспекте, когда сущность понимается, согласно Аристотелю, как «чтойность» вещи. Рассматривается, насколько современное познание отказалось от поиска «чтойности» и как осуществился переход к гносеологическому пониманию сущности. Хрупкость новой опосредованной гносеологией сущности заключается в том, что ее метафизичность становится подчиненной интерпретации, как методу, тогда как именно метафизическое начало сущности должно опосредовать любые методы познания в частности – интерпретацию. Такое положение дел позволяет обозначить важную проблему: можно ли теперь понимать под метафизикой сущности ее методологию? Для решения этой проблемы автор обращается к категории случайности, показывая, что наука давно видит в случайности методологию, которая успешно применяется ей для разрешения научных кризисов в познании. Однако и сама категория случайности, представленная, прежде всего, как «чтойность», может стать онтологической основой научной теории, в частности, квантовой механики. Именно обращение к сущности случайности позволит нам увидеть непосредственные условия ее успешного применения в методологии и обосновать современные теории не только методологически, но, прежде всего, онтологически.

Ключевые слова: сущность, метафизика, случайность, методология, бытие, вероятность, гносеология.

METAPHYSICAL MEANING OF ESSENCE IN MODERN COGNITION

Marina Olegovna Matushkina
Assistant
Vyatka state University

The article shows the metaphysical meaning of essence in modern cognition. The article defines the original meaning of the entity in the ontological aspect, when the essence is understood, according to Aristotle, as "stoinost'" of things. Examines how modern knowledge has abandoned the search for "stoinost'" and how did you accomplish the transition to an epistemological understanding of nature. The fragility of the new gnoseology-mediated entity lies in the fact that its metaphysical nature becomes subordinate to interpretation as a method, whereas it is the metaphysical nature of the entity that should mediate any methods of cognition, in particular, interpretation. This state of things allows us to identify an important problem: can we now understand the metaphysics of the essence of its methodology? To solve this problem, the author refers to the category of randomness, showing that science has long seen in the random methodology that has been successfully applied to it to resolve scientific crises in knowledge. However, the category of randomness, is presented primarily as "stoinost'" may be an ontological basis of scientific theories, particularly quantum mechanics. It is an appeal to the essence of randomness that will allow us to see the immediate conditions for its successful application in methodology and to substantiate modern theories not only methodologically, but, above all, ontologically.
Keywords: essence, metaphysics, chance, methodology, genesis, probability, epistemology.

Проблема сущности и существования всегда ярко звучала в свете онтологической проблематики. К ней обращались философы различных философских направлений, и у каждого она приобретала свой неповторимый оттенок. Так, у И. Канта сущность вещи принадлежит ноуменальному миру, недоступному научному познанию, скрытому от человеческого разумения. Единственно доступным для познания Кантом объявляется мир феноменов, существования вещей. В экзистенциальном учении, смело подхватившем кантовские идеи, мы вступаем в антропологическую реальность, опосредованную миром феноменов, но представляющую собой сущностный мир, экзистенцию. С одной стороны, экзистенциалисты возвращают сущность в реальную жизнь, но с другой – сущность теряет свою идеалистическую объективность и видится как субъективная категория. Современная философская традиция, рассматривая характеристики сущности, наделяет ее субъект – объектным содержанием. Вопрос о том «что есть сущность?» трансформируется в понятие «символических универсумов» [Бергер, Лукман, 1995, с 157-158], которые непрерывно конструируются человеком, происходит «субъективизация всеобщего, осуществляемая на уровне уникально – конкретного бытия данного «Я»» [Микешина, 2009, с. 215]. Принимая во внимание такой поворот в гносеологии, обратим внимание, что методология в философии становится опосредующим началом. Пытаясь связать метафизическое понятие сущности с реальной жизнью, она превращает сущность в опосредованную сознанием категорию, наделяя ее при этом различными интерпретациями. Хрупкость новой опосредованной сущности заключается в том, что ее метафизичность становится подчиненной интерпретации, как методу, тогда как именно метафизическое начало сущности должно опосредовать любые методы познания в частности – интерпретацию.

В Античной философской традиции мы видим сущность в метафизическом аспекте, можно сказать, в ее первозданном виде. Конечно, в этот период развития и становления философской мысли сложно найти практическое применение такому понятию сущности, и от реальности категория была дальше, чем сейчас. Но именно значение сущности как эталона позволяло древнему греку «отделять зерна от плевел», видеть «бытие – истину» и «бытие – мнение». Познать вещь - означало, прежде всего, увидеть ее сущность отвлеченным от конкретного бытия взглядом, определить ее «чтойность». Современная философия и наука сущность предлагают познавать с помощью метода, заменив метафизическое восприятие на рациональное. С первого взгляда, разницу между метафизическим началом и рациональным познанием заметить не так просто. Но первые философы, постигая первооснову бытия, прежде всего, делали это умозрительно, а уже потом рационально. Их метафизика включала в себя два основных аспекта: умозрительность и рациональность, причем рациональное познание было опосредовано умозрительным. Умозрительное было первично, тогда, как рациональная основа только накладывалась на умозрительные теории. Можно предположить, что одновременное появление и совместное развитие науки и философии в Античности есть не что иное, как становление метафизики в качестве умозрения и науки в качестве рациональности. Как отмечают исследователи Античного наследия, наука и философия в тот период еще не были отделены друг от друга, однако умозрение уже тогда опосредовало рациональность [Фрагменты…, 1989].

Не случайно, определяя, что есть метафизика, и какую роль она играет в современной науке, философы придают ей непреходящее значение. Так, Маркс Вартофский определяет метафизику как рациональность в широком смысле этого слова, отмечая ее эвристическую роль [Вартофский, 1978, с. 79]. Эвристику философ понимает в методологическом ключе, «в смысле руководства… при достижении цели, … [того, что] помогает нам задать общую структуру наших действий» [Вартофский, 1978, с. 81]. Тем самым он переносит акцент с чистого умопостижения в область рациональности как методологического познания. Возможно, в решении проблемы соотношения метафизики и науки это один из наиболее обоснованных способов вернуть метафизике ее утраченные права, закрепив за ней роль основы всякого методологического познания. Но этот подход методологизирует метафизику, для нас метафизика вернет свой статус лишь тогда, когда будет онтологизирована, когда вернется и будет определяющим понятие сущности в качестве ее «чтойно-

сти».

До того момента, когда Аристотель впервые определил сущность вещи как ее «чтойность», натурфилософы обращались не к сущности вещей, составляющих бытие через их существование, но к сущности бытия, которое опосредовало любое существование всех вещей. Этот вопрос сводился первыми философами до главного вопроса всей философской традиции – что является первоосновой бытия? Примечательно, что первооснова и сущность в их понимании отождествлялись. Поэтому первооснова (сущность бытия) мыслилась как единый принцип восприятия, облаченный в метафорическую форму. Этот единый принцип восприятия делал возможным существование всех вещей, то есть определял их через некое единство. Не сущее находилось в вещах, но вещи были возможны в сущем. Все онтологические проблемы, выдвинутые натурфилософами, понимались через единство принципа восприятия действительности (сущее).

Одной из характерных метафизических проблем была в эпоху Натурфилософии, и является теперь, проблема случайности. В рамках современного подхода метафизичность этой категории остается за пределами познания, однако, мы можем рассмотреть случайность в гносеологическом аспекте. Конечно, сущностного понимания случайности в его радиусе нам не раскрыть, но в плане освещения методологических оснований он способен указать на значение случайности. Так в гносеологическом аспекте под случайностью разумеют особый вид связи между элементами, например, той, что связывает между собой известное и неизвестное, предполагая вероятностный метод. Значение такой связи может дать науке знание о возможности или невозможности определенного события. Но сущность этой связи не познается.

Натурфилософы, напротив, значение случайности пытались выявить через сущность. Понимание случайности как категории, опосредованной сущностью указывает, прежде всего, на ее многоаспектность, и предполагает ее многоуровневость. Единый принцип восприятия случайности предполагает ее имманентность в бытии, причем как в «бытии истине», так и в «бытии мнении», как в материальном, так и в идеальном бытии, как в бытии возможном, так и в бытии действительном. Случайность на этом уровне представляет собой некий ключ к бытию, она находится между актуальным и потенциальным бытием, но не есть ни то, ни другое.

Одним из первых постичь метафизическую случайность взялся Демокрит. Вопреки устоявшемуся мнению, приписываемому абдериту, что «случайность – есть незнание причин», мы, вслед за антиковедом В.П. Гораном, убеждены, что философ первым говорит о случайности как о философской категории, подразумевая под ней свободную волю [Горан, 1984]. Что же отличает воззрения Демокрита, в таком случае, от воззрений, например А. Шопенгауэра или Ф. Ницше, которые полагали, что весь мир есть слепая воля (в нашем случае – случайность)? Случайность Демокрита предполагает случайность не как враждебную миру субъективность и злой рок, как это было в мифологическом представлении, а как имманентную бытию категорию, существующую наравне с другими онтологическими понятиями, которые пронизывает единый принцип восприятия (сущее). Свободная воля в иррационалистической традиции не предполагает целостного восприятия, а напротив видит бытие как разрозненный хаос, лишенный закономерности, противостоящий рациональности. И если для А. Шопенгауэра сущность опосредована сознанием человека, то у Демокрита сознание опосредовано сущностью; при этом сущность включает в себя и умопостижение и рациональность.

Возвращаясь к проблеме сущностного представления случайности, отметим, что метафизическая случайность находится между актуальным и потенциальным бытием, но не есть ни то, ни другое. В актуальном бытии мы называем случайным событием то, которое уже свершилось, произошло, осуществилось, как мир Демокрита, который уже образовался и находится в казуальных связях. Но такое событие ничуть не раскрывает нам сущности случая, как, в прочем, и сам Демокрит, который только констатирует его наличие.

А если мы говорим о том, что может быть или не быть, то это еще не произошло, этого еще нет в действительности, это сфера потенциального бытия. Случайность здесь – это само состояние выбора системы из бесконечного количества возможностей. Например, в квантовой механике случайность – это еще не зарегистрированный выбор системы, в синергетике ее можно сравнить с точкой бифуркации. Но случайность следует четко отличать от возможности. В возможности мы имеем дело с определенными исходами, которые могут быть предсказаны с помощью статистических законов, как выпадение одной из граней игральной кости. Но сам момент выпадения грани – это случайность, причем не свершившаяся.

В квантовой механике познание категории случайности составляет суть самой теории. Двойственность структуры квантовой механики, выраженная при измерении переходом от чистого состояния к состоянию смешанному, приводит к коллапсу волновой функции. Сторонники копенгагенской интерпретации квантовой механики видят в коллапсе волновой функции, так называемый, «квантовый парадокс». Как некогда отмечал В. Гейзенберг, парадокс заключается, прежде всего, в проблеме «понимания». Но сама квантовая теория не может дать способа понимания преобразования потенциальной возможности в актуальную действительность [Гейзенберг, 1989]. Разрешить эту проблему возможно, построив онтологические модели квантовых процессов и объектов [Клышко, Липкин, 2000, с. 739].

Таким образом, дать исчерпывающее определение случайности на онтологическом уровне, представляется возможным и имеющим значение для современного познания. Обращение к категории сущности выводит познающего субъекта на новый уровень целостного восприятия действительности и помогает обрести истинное знание.

Литература

1. Горан, 1984 — *Горан В.П.* Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск: Наука, 1984. 208 с.
2. Клышко, Липкин, 2000 — *Клышко Д.Н., Липкин А.И.* О «коллапсе волновой функции», «квантовой теории измерений» и «непонимаемости» квантовой механики // Электронный журнал «Исследовано в России». 2000. № 53. С. 736-785. URL: http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2000/053.pdf.
3. Микешина, 2009 — *Микешина Л.А.* Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. М.: Изд-во Канон+, РООИ Реабилитация, 2009. 560 с.
4. Фрагменты…, 1989 — Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Изд. подгот. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
5. Бергер, Лукман, 1995 — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Изд-во Медиум, 1995. 323 с.
6. Вартофский, 1978 — *Вартофский М.* Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки). М.: Изд-во Прогресс, 1978. С. 43-111.
7. Гейзенберг, 1989 — *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое: Пер. с нем. М.: Наука, 1989. 400 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00045
УДК 501

ЧЕМУ ШЭЛДОН ГЛЭШОУ НЕ НАУЧИЛСЯ У ИГОРЯ ТАММА?

Дмитрий Александрович Баюк
Кандидат физико-математических наук
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

По окончании Второй мировой войны, в которой СССР и страны Западной Европы и США были союзниками, в этих странах на какое-то время возникла иллюзия возможности научной коммуникации. Благодаря этому некоторые из работавших на Западе ученых захотели приехать в Москву или Ленинград и наладить научное сотрудничество с работавшими там исследователями. Некоторые из этих людей были хорошо известны за пределами СССР по их публикациям или даже по их дореволюционному опыту работы в западных университетов. Одним из тех, кто захотел поработать в ФИАНе, оказался будущий Нобелевский лауреат по физике Шэлдон Глэшоу. Родители Глэшоу эмигрировали из Российской Империи задолго до начала революции, смогли адаптироваться в новой социальной среде, но не утратили своих культурных корней. Вероятно, поездка в Москву означала для Глэшоу нечто большее, чем просто научное сотрудничество. Это поездке, однако, не суждено было состояться, но о причинах, по которым его просьбы остались без ответа, мы можем только гадать.

Ключевые слова: история физики, холодная война, русское научное зарубежье.

WHAT DID SHALDON GLASHOW NOT LEARNT FROM IGOR TAMM?

Dimitri Aleksandrovich Bayuk
PhD in Phys.-math. Science
Financial University under the Government of the Russian Federation

After the end of the Second World war, in which the USSR, the countries of Western Europe and the USA happened to be allies, for a while the illusion the opportunity of scientific communication showed up in some of these countries. This tendency indulged some of the Western scientists to apply for coming to Moscow or to Leningrad for «sabbatical» or for other forms of scientific cooperation with the Soviet researchers. Some of them deserved fame outside the USSR with their publications or even for their revolutionary experience at Western universities. One of those who wanted to work in Physical Institute of the Academy of Science of the USSR was the future Nobel prize winner in the physics of Sheldon Glashow. Glashow's parents emigrated from the Russian Empire well before the revolution began, managed to adapt in a new social environment, but not lost their cultural roots. Apparently, the trip to Moscow was on the Glashow more than just scientific cooperation. The visit could never happened and we can only try to guess why all requests stayed unanswered.

Keywords: history of physics, cold war, Russian scientific diaspora.

О своем намерении поехать в СССР в 1958 г., чтобы поработать в ФИАНе у Игоря Тамма, нобелевский лауреат 1979 г. Шэлдон Глэшоу сообщает как минимум дважды: первый в своей нобелевской лекции [Glashow, 1979], а второй — в своих автобиографических очерках «Очарование физики» [Glashow, 1991].

В 1958 г. Глэшоу было уже 26 лет, он успел получить магистерскую степень в Корнельском университете и захотел поработать над докторской диссертацией в Москве. И. Е. Тамм в том же 1958 г. стал Нобелевским лауреатом за работы по черенковскому излучению, и ничего удивительного в том, что молодой американский профессор захотел провести свой первый «саббатикал» (год, когда американский профессор освобождается от учебной нагрузки и может посвятить все свое время исследовательской деятельности) в обществе и под руководством этого замечательного исследователя.

Глэшоу не боялся языкового барьера, поскольку в достаточной степени владел (и сейчас владеет) русским: его отец, Лев Глуховский, и мать, Белла Рубина, пользовались преимущественно этим языком до переезда в Нью-Йорк из Бобруйска. И превращение Льва Глуховского в Льюиса Глэшоу была вызвана не столько лексическими предпочтениями новой американской семьи, сколько вполне резонными опасениями Глуховского, что примерно половина его новых соотечественников не сможет выговорить ни его собственную фамилию, ни фамилию его будущих детей.

По поводу точной даты эмиграции родителей Глэшоу очень неточен: и в нобелевской лекции, и в своей книге он ограничивается единственной фразой: «Мои родители, Льюис Глэшоу и Бэлла, урожденная Рубин, приехали в Нью-Йорк из Бобруйска в первые годы этого (т. е. XX. — Д.Б.) века. Здесь они нашли свободу и возможности, в которых им было отказано в царской России (My parents, Lewis Glashow and Bella née Rubin immigrated to New York City from Bobruisk in the early years of this century. Here they found the freedom and opportunity denied to Jews in Czarist Russia)» [Glashow, 1979; Glashow, 1991, p. 3]. Обстоятельства несостоявшейся поездки в Москву в 1958 г. им также описаны крайне скупо, но венгерский химик и историк науки Иштван Харгиттаи, выпускник Московского государственного университета имени Ломоносова, максимум возможных деталей, вступив в 2012 г. в переписку с Глэшоу. В 2013 г. издательство Оксфордского университета выпустило его книгу «Похороненная слава: портреты советских физиков» [Hargittai, 2013]. Там он пишет:

«Хорошо документировано, что в 1958 г. Шэлдон Глэшоу, будущий нобелевский лауреат по физике, получив необходимую финансовую поддержку, хотел провести некоторое время с группой Тамма. Глэшоу написал об этом Тамму. Тамм запросил разрешения у Академии, но ответа так и не получил — ни положительного, ни отрицательного. Невозможно точно узнать, по каким путям ходило его обращение, застряло ли оно в коридорах Академии наук, министерства внутренних дел, аппарата компартии или министерства иностранных дел, так как все эти ведомства могли быть вовлечены решение подобных вопросов […]. Тамму никогда не объяснили, почему он не может принимать зарубежных гостей. Но примерно в то же время советские дипломаты связывались с Глэшоу, поощряя к дальнейшим попыткам получить советскую визу и объясняя, что он сможет приехать в Москву, хотя и не для работы с Таммом. Тем не менее советская виза так никогда и не материализовалась» [Hargittai, 2013, p. 25].

Что бы ни подразумевал Харгиттаи под «хорошим документированием», это, вероятнее всего, в большей степени пожелание, нежели констатация факта. Вероятно, есть какие-то письма Тамма в личном архиве Глэшоу, о которых последний сообщил Харгиттаи в телефонном разговоре или по электронной почте. Мой коллега Ю. И. Кривоносов, уникальный знаток архивов отдела науки ЦК КПСС, говорил, что никогда не встречал никаких упоминаний Глэшоу в документах того времени, но ему встречались документы примерно того же времени по схожему поводу: Нильс Бор хотел прислать Ландау своего аспиранта, чтобы тот провел год в Москве в Институте физических проблем. Ландау, бывший в то время директором этого института, передал просьбу Бора в Президиум АН СССР, откуда она своим чередом была переслана в отдел науки ЦК КПСС. Дальнейшее обсуждение вопроса велось не в терминах «разрешить — запретить», а лишь о том, каким образом надо обосновать запрет. Юрий Иванович полагает, что как и Тамм, так и Ландау не получили никакого ответа от своего руководство, потому что вразумительные обоснования отказа так и не были найдены. И это притом, что буквально за год до этого Бору разрешили навестить Ландау и Институт физических проблем в Москве.

На основании своего собственного, уже значительно более позднего опыта, могу предположить, что с Таммом провели беседу либо на уровне референта по международным делам, либо на уровне заместителя директора по режиму, в ходе которой объяснили, что лишнее внимание со стороны служб государственной безопасности не нужно никому — ни самому Тамму, ни ФИАНу, ни Академии, и поэтому лучше оставить все просьбы Глэшоу без ответа. Это, разумеется, не более чем гипотеза, и, принимая во внимание значительность фигур Тамма и Глэшоу, а также того беспрецедентного снижения уровня исследовательской работы, которое проходило в СССР во второй половине XX в., а потом и в Российской Федерации, выяснение конкретных обстоятельств этого удивительного события представляет собой огромную важность.

Выезд за пределы Российской Империи родителей Глэшоу, хотя ни сам Глэшоу, ни Хагирттаи не дают даже приблизительных дат, относился, вне всякого сомнения, к тому довольно короткому историческому периоду с 1885 по 1914 гг., когда Российскую Империю покинуло беспрецедентно большое количество ее подданных. По оценкам одного из крупнейших историков российской эмиграции О. В. Будницкого, в эти году из России эмигрировало по крайней мере вдвое больше человек, чем во время гражданской войны в России до полной закупорки государственных границ в 1930-е гг. Эмиграции способствовала внутренняя политика некоторых стран Нового Света, среди которых наиболее заметны США (тогда САСШ) и Аргентина, благоприятствовавшая приезду новых граждан из других стран. Родители Глэшоу, как можно судить по его воспоминаниям, не страдали непосредственно от погромов или иных крайних форм притеснения, кото-

рым тогда подвергалось еврейское население империи, но сам климат оказался для них невыносим. Как ни было прискорбно их материальное состояния до отъезда, оказавшись в Нью-Йорке они, благодаря своему усердию и изобретательности, смогли обеспечить своей семье вполне удовлетворительный уровень жизни, типичный для хорошо обеспеченных «синих воротничков». Сравнение жизненных траекторий тех, кто уехал, и тех, кто остался, при близости начальных условий оказывалось настолько разительным, что наносило сокрушительный ущерб марксистской догме о преимуществах социализма, по крайней мере в глазах тех, кто должен был эту и подобные ей догму защищать в силу своих служебных обязанностей.

Безусловно, эмоциональная оценка описываемого кейса совершенно однозначна. Не вызывает сомнения и то, что отделение страны от остального мира «железным занавесом» способствовало ее превращению в одно гигантскую «потемкинскую деревню», по крайней мере в своих собственных глазах, но не способствовало ее интеллектуальному и культурному развитию. Тем не менее однозначно негативная оценка такой самоизоляции было бы слишком однобоким и потому ошибочным. Поясню это утверждение.

Процесс самоизоляции отечественной науки мы довольно подробно исследовали в монографии [Аллахвердян, Баюк, Ваганов, 2018]. В этой книге основной акцент делался на негативных последствиях: значительным сокращением научных кадров сразу после революции и во время Гражданской войны, репрессий в отношении интеллигенции во все последующие периоды эволюции советской власти, стремлении наиболее перспективной в творческом отношении молодежи эмигрировать из страны, утрате связи уехавших и оставшихся, постепенной деградации научной жизни. Но есть и относительно недавние работы, в которых, как, например, в монографии А. Б. Кожевникова [2004], акценты расставлены по-иному, скорее на достижениях, а не на негативных сторонах сложившегося положения. Правда, сразу следует оговориться, что эти достижения были преимущественно технологического характера с очевидным преобладанием военной компоненты. И тем не менее…

Оказавшись в ситуации военного и политического противостояния практически со всем миром, политическое руководство страны не могло себе позволить полностью пренебречь развитием науки. Исследовательские институты создавались даже в местах заключения. Делались определенные усилия по развитию естественно-научного образования и фундаментальных исследований. Все эти меры оказались недостаточными и, на мой взгляд, не могли быть достаточными в силу быстро меняющегося глобального характера познания природы. Но вопрос достаточно сложен и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Аллахвердян, Баюк, Ваганов и др., 2018 – *Аллахвердян А. Г., Баюк Д. А., Ваганов А. Г. и др.* Люди мира: русское научное зарубежье / под ред.: Д. А. Баюк. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
2. Glashow, 2019 – *Glashow S. L.* Biographical. NobelPrize.org. 1979. Nobel Media AB 2019. Mon. 25 Feb 2019. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/physics/1979/glashow/biographical/
3. Glashow, 1991 – *Glashow S. L.* The charm of Physics. New York: AIP, 1991 (русск. пер.: Глэшоу Ш.Л. Очарование физики / пер. с англ. Н. А. Зубченко. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002)
4. Hargittai, 2013 – *Hargittai I.* Buried Glory: Portraits of Soviet Scientists. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2013.
5. Kojevnikov, 2004 – *Kojevnikov A. B.* Stalin’s great science. Singapore: World Scientific Publishing, 2004.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00046
УДК 820/89:929

БРУНО ПОНТЕКОРВО И ЕГО ПЕРЕХОД НА "ДРУГУЮ СТОРОНУ": ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ОЦЕНКИ

Борис Викторович Булюбаш
Кандидат физико-математических наук, доцент
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева

Физик Бруно Понтекорво, гражданин Великобритании, сотрудник Атомного центра в Харуэлле, эмигрировал в СССР летом 1950 г. Причины этого поступка до сих пор не выяснились в полной мере и продолжают вызвать интерес историков. Фрэнк Клоуз и Саймон Турчетти представляют разные ответы на этот вопрос. Клоузу ближе версия о сотрудничестве Понтекорво с советской разведкой. А Турчетти считает, что причиной были события вокруг полученного римской группой Ферми патента на эффект замедленных нейтронов. При этом Турчетти основывается главным образом на архивных документах, в том числе рассекреченной переписке агентов MI5 и FBI. Клоуз же привлекает в качестве аргументов также интервью с непосредственными участниками событий и их родственниками.

В СССР Понтекорво стал крупнейшим специалистом по физике нейтрино, был избран в

Академию наук, ему была присуждена Ленинская премия. Он является автором неординарных идей, реализация которых его коллегами по ту сторону железного занавеса принесла им Нобелевские премии. При этом невозможно однозначно ответить на вопрос, выиграл или проиграл Понтекорво, совершивший уникальный для своего времени «переход на другую сторону».
Ключевые слова: Бруно Понтекорво, советский атомный проект, холодная война.

BRUNO PONTECORVO AND HIS TRANSFER TO THE "OTHER SIDE": CIRCUMSTANCES AND EVALUATIONS

Boris Viktorovich Bulyubash
PhD in Phys.-math. Science, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The British citizen Bruno Pontecorvo – physicist from the Atomic Center in Harwell - , transfered to the USSR in the summer of 1950. We do not know his motives and « Pontecorvo case» continue to cause interest among the historians of science.Different versions are presented by Frank Close and Simone Turchetti . Close talks over the evidences for the possible contacts between Pontecorvo and soviet secret service. At the same time Turchetti emphasises the special role of events related to the patent receivd by the Fermi group for the moderated neutrons effect. In this case, Turchetti argues his position mainly through archival documents, especially the declassified correspondence of agents MI5 and FBI. As for Close, his point of view is based also on interviews with direct participants in the events and theirs relatives.

In the USSR, Pontecorvo became the famous expert in neutrino physics, he was elected to the Academy of Sciences and awarded by Lenin prise. He is known as the author of extraordinary ideas; his colleagues on the other side of the Iron Curtain , who followed these ideas, became the Nobel laureates. At the same time, it is impossible to unequivocally answer the question whether Pontecorvo won or lost after his “transfer to the other side”.
Keywords: Bruno Pontecorvo, soviet atomic project, cold war.

Итальянский физик Бруно Понтекорво эмигрировал в СССР летом 1950 г. Почти 5 лет об этом не сообщалось официально, его родственники и друзья оставались в неведении относительно его судьбы. Постепенно стало известно, что он добровольно выбрал свой путь и не подвергался никакому принуждению. Однако обстоятельства его странного поступка до сих пор не выяснились в полной мере и продолжают вызвать интерес историков.Если говорить только о двух последних десятилетиях, то они были отмечены появлением двух монографий — «Дело Понтекорво» [Turchetti, 2012] и «Период полураспада: двойная жизнь Бруно Понтекорво, физик или шпион?» [Close, 2015]. Автор первой из этих двух книг — итальянский философ, выпускник римского университета «La sapienza», Симоне Туркетти. Над книгой он работал в начале 2000-х гг. пока писал свою докторскую диссертацию в Манчестерском университете. Докторская диссертация по истории науки была успешно защищена в 2003 г., а книга появилась практически одновременно на итальянском (2011) и английском (2012) языках. Диссертация была посвящена технологическим аспектам «холодной войны».

Автор второй монографии — специалист по теоретической физике элементарных частиц из Оксфорда Фрэнк Клоуз, известный также как активный популяризатор науки. Жизнь самого Понтекорво тесно связана и с Италией, и с Англией, так что география этих работ весьма логична. Естественно ожидать появление соответствующей монографии и на русском зыке.

Прежде чем оказаться в Москве, Понтекорво перебрался в Англию, о чем в 1948 г. сообщил своим читателям британский журнал «Nature» [Feather, 1948, p. 213]. В маленькой заметке, опубликованной под рубрикой «Письмо в номер», сообщалось, в частности, о собрании Физического общества Великобритании, на котором присутствовал и Бруно Понтекорво в качестве «Senior Principal Scientific Officer» (что, очевидно, примерно соответствует нашему ведущему научному сотруднику) Атомного центра Харуэлл (Atomic Energy Research Establishment, известном также как AERE или просто Harwell Laboratory). Этому центру было суждено прославиться на весь мир спустя всего 8 лет: в 1956 г. там выступил со своей программной речью И.В. Курчатов, призвавший к полной открытости в исследованиях по управляемому термоядерному синтезу. А Понтекорво в заметке был представлен как «ответственный за развитие ядерного реактора в Канаде и в настоящее время проводящий фундаментальные исследования в ядерной физике».

Клоуз уточняет: «Понтекорво получил приглашение принять участие в новом проекте, объединившем усилия нескольких европейских стран для по изучению космических лучей на горе Пик дю Миди (Pic du Midi) в Пиренеях» [Close, 2015, p. 180]. Переезжая в Англию, Понтекорво планировал продолжить исследования космических лучей, успешно начатые с Хинксом в Канаде.

В биографии Понтекорво Харуэлл тоже занял особое место. Его семья окончательно переселилась в британский исследовательский центр в декабре 1948 г., а уехала оттуда (как оказалось, навсегда) в июле 1950 г. За эти полтора года «Physical Review» опубликовал три статьи Понтекорво (в соавторстве с Хинксом, Кирквудом и Ханной) с важными результатами исследований космических лучей [Kirkwood, Pontecorvo, Hanna, 1948; Hincks, Pontecorvo, 1948; Hincks, Pontecorvo, 1950]. Параллельно с этими исследованиями Пон-

текорво участвовал и в каких-то иных, что следуууует из соотвтствующих упоминаний в биографиях членов Руководящего комитета по энергетике Великобритании (Power Steering Committee), в состав которого Понтекорво ввели в мае 1949 г. [Turchetti, 2012, p. 66]. Этот комитет курировал развитие реакторных технологий в Великобритании, и участие Понтекорво участие в его работе доказывает, что он котировался и как эксперт в области ядерной физики. Впоследствии официальные лица постараются представить дело так, будто Понтекорво был занят исключительно вопросами фундаментальной физики и не принимал участия в секретных разработках. Все указывает на то, что именно в эти полтора года произошли события, определившие решение Понтекорво «перейти на другую сторону»: покинуть Запад и уехать в СССР.

Какими были эти события, до конца остается невыясненным, но у нас есть две версии: шпионская — ее излагает Клоуз, и политическая — на ее стороне Туркетти, отрицающий причастность Понтекорво к деятельности советских спецслужб.

Версия Туркетти основывается, с одной стороны, на отсутствии каких-либо доказательств связей Понтекорво с советской разведкой. С другой стороны, Туркетти обращает внимание на то, что для успешного развития ядерной физики в СССР появление в научном сообществе специалиста столь высокой квалификации и с таким большим опытом практической работы оказалось куда более важным, чем информация, переданная любым из «атомных шпионов». Главной выталкивающей Понтекорво на Восток силой было то же самое неприятие его политических взглядов, с каким уже столкнулись Роберт Оппенгеймер и Федерико Жолио-Кюри – знаменитые физики и выдающиеся организаторы науки, не скрывавшие своих симпатий социалистической парадигме и искренне верившие в возможность ее реализации на территории СССР: антикоммунистическая кампания, развернутая на Западе в начале 50-х гг., отразилась на их биографиях самым драматическим образом. Понтекорво, почувствовав, к чему идет дело, поторопился предупредить такой поворот.

Для защиты своей «шпионской» реконструкции Фрэнк Клоуз не только обращается к рассекреченным документам (главным образом, к переписке агентов MI5 и FBI), но и проводит многочисленные интервью с непосредственными участниками событий, их родственниками и потомками. Эта деталь отличает биографию Клоуза (достигшего уже вполне сознательного пятилетнего возраста к моменту «перехода» Понтекорво) от книги значительно молодого Туркетти, опирающегося в первую очередь на исследование архивных материалов.

Клоуз уверен, что только версия о сотрудничестве Понтекорво с советской разведкой позволяет сложить паззл из фактов, иначе никак не укладывающихся в единую картину [Close, 2015, p. 256]. Факты по своему статусу различны. Среди элементов паззла - воспоминания советской разведчицы Леонтины Коэн (Lona Cohen) о существовании «канадских источников», с которыми она встречалась и имен которых она так и не назвала. Известно, что Понтекорво несколько раз выезжал из Чок-Ривер на границу с США (он сам вполне логично объяснял эти поездки необходимостью не реже двух раз в год въезжать на территорию США, дабы сохранить свой статус). Клоуз также обращает наше внимание на две групповые фотографии шести «старших исследователей» из Чок-Ривер, на которых Бруно – единственный из всей группы – как бы «случайно» отворачивается от камеры. Клоуз увидел в этих фотографиях бессознательное желание Бруно избежать излишней публичности.

Главный же элемент этого паззла - таинственное бегство Понтекорво в августе 1950 г. Судя по всему, его ближайшими планами было завершение отдыха в Италии и возвращение в Харуэлл. Однако произошло что-то, что подвигло его изменить свою судьбу.

Клоуз приписывает важную роль в вербовке Понтекорво знаменитому советскому разведчику Киму Филби, занимавшему тогда должность руководителя миссии связи британской разведки в Вашингтоне [Close, 2015, p. 137f]. Филби, как считает Клоуз, решил сыграть на интересе FBI к личности Понтекорво, и как только получил первые доказательства такого интереса, немедленно передал их в Москву. Дальше сложилась цепочка через видного деятеля Итальянской коммунистической партии Эмилио Серени, приходившегося Бруно Понтекорво двоюродным братом. Клоуз полагает, что московские кураторы Филби намеренно драматизировали ситуацию и что цель их была достигнута: под впечатлением недавнего ареста Клауса Фукса, об агентурной деятельности которого он не имел ни малейшего представления и считал его пострадавшим исключительно за свои коммунистические убеждения, Понтекорво действительно испугался. После чего при содействии Эмилио Серени (в его принципиальной роли во всей истории сходятся и Клоуз, и Туркетти) было организовано его «исчезновение» за железный занавес.

Каким бы ни был ответ на вопрос о роде сотрудничества Понтекорво с секретными службами, без них не обошлось, и для них, и для самого Понтекорво его «переход на другую сторону» был «спецоперацией». Закончилась ли она успехом? В первой своей части — да, но достигли ли ее участники своих целей? В какой мере московские власти могли считать работу Понтекорво в СССР успешной? В какой мере сам Понтекорво мог считать раскрывшимся на советской почве свой потенциал, реализованными свои научные планы? На этот счет также нет единого мнения.

К моменту, когда исчезнувший из поля зрения своих друзей и коллег Понтекорво объявился 5 лет спустя в Москве, он успел получить советское гражданство и стать лауреатом Сталинской премии за исследования в области физики высоких энергий. Однако у него все это время не было возможности публиковать результаты своих исследований в научных изданиях — они появлялись в научно-технических отчетах с грифами «секретно» и «для служебного пользования». Положение лауреата можно сравнить только с поло-

жением писателя, обреченного писать в стол. Явно эти 5 лет молчания не были выбором его самого.

Но и логику опекавших его властей тоже понять сложно. Казалось бы, из самого факта его добровольного переезда за железный занавес можно было сделать отличный пропагандистский сюжет о судьбе известного физика, вынужденного бежать от преследований за свои антифашистские взгляды и симпатии к СССР.

Как мы видим, жизнь этого яркого ученого и, судя по всему, неординарного человека, до сих пор остается окруженной множеством загадок. Данных для ответа на них у нас пока недостаточно. Но даже отдавая себе ясный отчет, что давать ясные ответы мы пока не можем даже в тех случаях, когда такие ответы возможны, мы должны постараться понять сейчас, на какие именно вопросы мы бы хотели получить ответы в будущем.

Литература

1. Close, 2015 – *Close F.* Half-Life: The Divided Life of Bruno Pontecorvo, Physicist or Spy. New York: Basic books, 2015. 400 p.
2. Turchetti, 2012 – *Turchetti* Simone. The Pontecorvo Affair: A Cold War Defection and Nuclear Physics. Chicago: Univ. Chicago Press, 2012.
3. Feather, 1948 – *Feather N.* Properties of a Hypothetical di-Neutron // Nature. 1948. Vol. 162. P. 213 (07 August 1948).
4. Kirkwood, Pontecorvo, Hanna, 1948 – *Kirkwood D. H. W., Pontecorvo B., Hanna G. C.* Fluctuations of Ionisation and Low Energy Beta Spectra // Physical Review. 1948. Vol. 74. P. 497-498.
5. Hincks, Pontecorvo, 1948 – *Hincks E. P., Pontecorvo B.* The Absorption of Charged Particles from the 2.2-μsec. Meson Decay // Physical Review. 1948. Vol. 74. P. 697.
6. Hincks, Pontecorvo, 1950 – *Hincks E. P., Pontecorvo B.* On the Disintegration Products of the 2.2-μSec. Meson // Physical Review. 1950. Vol. 177. P. 102.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00047
УДК 316.14

КОНЕЦ ПРОЕКТА «БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ НАУКА»: ЧЕМУ УЧАТ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НОБЕЛЕВСКИЕ ПРЕМИИ ПО ФИЗИКЕ

Андрей Геннадьевич Ваганов
Научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

В предлагаемой статье предпринята попытка объяснить тот факт, что абсолютное большинство Нобелевских премий, за исключением одной, полученных советскими и российскими учеными, относятся к области физики. По-видимому, решающую роль в этом сыграло тот обстоятельство, что в рамках советского атомного проекта в конце 1940-х – начале 1960-х гг. сложилась уникальная и парадоксальная ситуация, когда физики, создававшие атомную и водородную бомбы, получили дополнительные степени свободы. И это несмотря на жесткое идеологическое давление политической власти. Произошел «раскол» внутри академического сообщества СССР. Образовался своеобразный ядерно-физический «анклав», в котором ученые могли относительно свободно, по сравнению с остальными своими коллегами, выбирать темы исследований. Эта ситуация стала, в некотором роде, повторением модели развития науки на западе: свободный научный поиск плюс практически неограниченное ресурсное и финансовое обеспечение работы ученых. В этом отношении, Нобелевские премии по физике 2010 года отмечают рубеж качественного перехода в институциональном устройстве российской науки. Они фиксируют фактическую утерю Россией статуса ведущей научной державы мира. Неслучайно, в этих условиях политическое руководство страны опять делает ставку на науку военно-промышленного комплекса. Однако, реформа академической науки, проведенная в России в 2013-2018 гг., в результате которой Российская академия наук, фактически, потеряла свою субъектность как значимого актора в социально-политическом устройстве страны, оставляет мало шансов на повторение успеха советского атомного проекта.

Ключевые слова: нобелевская премия, физика, атомный проект, академическая наука, реформа.

THE END OF THE PROJECT «GREAT SOVIET SCIENCE»: WHAT IS TAUGHT BY THE DOMESTIC NOBEL PRIZE IN PHYSICS

Andrey Gennadievich Vaganov
Researcher
S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS

The proposed article attempts to explain the fact that the absolute majority of Nobel prizes, except for one received by Soviet and Russian scientists, belong to the field of physics. Apparently, a decisive role in this was played by the fact that within the framework of the Soviet nuclear project in the late 1940s – early 1960s there was a unique and paradoxical situation. Physicists who created atomic and hydrogen bombs received additional degrees of freedom. And this is despite the tough ideological pressure of political power. There was a «split» within the academic community of the USSR. A kind of nuclear-physical «enclave» was formed, in which scientists could relatively freely, in comparison with the rest of their colleagues, choose research topics. This situation has become, in some way, a repetition of the model of development of science in the West: free scientific search plus virtually unlimited resource and financial support for the work of scientists. In this regard, the Nobel prizes in physics in 2010 mark the milestone of a qualitative transition in the institutional structure of Russian science. They record the actual loss of Russia's status as a leading scientific power in the world. It is no coincidence that in these conditions, the political leadership of the country again relies on the science of the military-industrial complex. However, the reform of academic science carried out in Russia in 2013-2018, as a result of which the Russian Academy of Sciences, in fact, lost its subjectivity as a significant actor in the socio-political structure of the country, leaves little chance of repeating the success of the Soviet nuclear project.

Keywords: nobel prize, physics, nuclear project, academic science, reform.

С 2000 по 2010 год пять ученых, имеющих российские корни, получили три Нобелевские премии. Все – в области физики:

2000 г.: академик Ж.И. Алферов (Россия);

2003 г.: академик В.Л. Гинзбург (Россия); академик А.А. Абрикосов (США);

2010 г.: А.К. Гейм (Нидерланды); К.С. Новоселов (Россия, Британия).

В условиях доминирования Американского физического общества, - подавляющее большинство нобелевских работ по физике за последние 30-40 лет так или иначе имеют аффилиацию с этой организацией, - это безусловно большой успех.

Двоих из пяти лауреатов можно считать россиянами только по месту рождения: А.А. Абрикосов принял американское гражданство в 1999 г., А.К. Гейм уехал из СССР в 1990 г. Еще один, К.С. Новоселов, покинул Россию в 1999 г. и работает в Университете Манчестера.

Все эти три Нобелевские премии по физике имеют, - помимо приоритетных хитросплетений, - и очень важное символическое значение. На мой взгляд, оно заключается в следующем.

1. Нобелевскую премию по физике 2010 г. разделили ученые, уже никак не связанные своими работами ни с советским атомным проектом, ни с российским ВПК (военно-промышленным комплексом), ни с отечественным академическим истеблишментом. А.К. Гейм – кандидат физико-математических наук, К.С. Новоселов ученой степени в России не получил. Как мне уже приходилось отмечать, это свидетельство того, что «…фундаментальный задел, сделанный в СССР, исчерпан. Проект «Большая Советская Наука» закрыт. Академик Виталий Гинзбург был последним из могикан» [Ваганов, 2011, с. 10].

2. А.А. Абрикосов и А.К. Гейм всегда настаивали на том, чтобы их нобелевское лауреатство никак не ассоциировали с Россией. Они – граждане других государств. Подчеркнем: государств, в которых созданы более благоприятные, чем в РФ, условия для научных исследований.

3. Нельзя не заметить, что все три Нобелевских премии по физике, о которых идет речь, присуждены за исследования в области физики твердого тела. Отечественные школы и традиции в этой области физической науки всегда считались соответствующими мировому уровню, и даже превосходящими его. Нобелевские премии академиков Ж.И. Алферова и В.Л. Гинзбурга, вроде бы, подтвердили это. Однако, А.К. Гейм и К.С. Новоселов удостоились самой престижной научной премии за работы, которые были сделаны в Англии. Заметим, что тот и другой были в свое время работали в Институте физики твердого тела РАН и все те же исследования могли провести там. Но провели, повторяю, в Англии.

Одна из главных причин этого, по моему мнению, в том, что Россия не воспринимается сегодня ни в мире, - ни даже внутри самой страны, - как научная держава. Этот статус, похоже, нами уже утрачен. При этом, идентичность той или иной страны во многом сегодня определяется режимом благоприятствования развитию науки в ней. Именно поэтому А.А. Абрикосов, А.К. Гейм и К.С. Новоселов предпочли платить налоги в США, Нидерландах и Англии. Впрочем, это было понятно уже в конце XIX века, еще до момента основания Нобелевских премий. «Изобретение девятнадцатого века ставят его в отношении культурного развития человечества во главе всех его предшественников, - отмечал один из авторов XIX века. – Если мы в последовательном порядке рассмотрим историю народов всего земного шара, то мы найдем, что те народы,

которые раньше принялись за серьезное и вполне сознательное изучение естественных наук, сделали самые большие успехи в культурном развитии» [Карейс, 1898, с. 1-2].

4. Неслучайно 2010 г. очень четко отмечает тот рубеж, за которым осталась советская наука. В том числе, и прежде всего, в плане радикального изменения своего институционального устройства. Если отбросить сугубо политические и субъективные моменты, именно к этому свелась реформа академической науки в России, начатая правительством РФ в 2013 г. После пяти лет этой реформы, в январе 2019 г., фактически, была подведена официальная черта. Созданное в мае 2018 г. Министерство науки и высшего образования РФ подготовило изменения в Устав Российской академии наук (РАН). Принципиально важно: на РАН теперь возложена координация «научных исследований, реализуемых в сфере оборонно-промышленного комплекса в интересах обороны страны и безопасности государства» [Минобрнауки предлагает…].

Ситуацию условно можно определить как «Атомный проект-2», по аналогии с советским атомным проектом. Этот кейс принято приводить как пример триумфа академической физики [Иванов, 2001, с. 101, 102].

Но при забывается один важный нюанс. Советские физики (впрочем, не только физики), связанные с атомным проектом, создали своеобразный, очень локальный, но все же аналог западной модели организации науки и существования в ней исследователя. Комфортность работы и определенная, более высокая степень свободы исследователя (при всех жестко заданных рамках) в этом физико-ядерно-академическом анклаве оказалась более высокой, чем в среднем в советской науке. Может быть неслучайна поэтому и «обойма» Нобелевских премий по физике: Игорь Тамм (1958), Лев Ландау (1962), Петр Капица (1978), Виталий Гинзбург (2003).

Смогут ли заменить (повторить) эту модель усилия по созданию так называемых Научно-образовательных центров в рамках национального проекта «Наука», стартовавшего с января 2019 года – покажет только время. Но, несомненно, процессы самоорганизации научного сообщества будут происходить в любом случае.

Литература

1. Ваганов, 2011 – *Ваганов, Андрей.* Большая Советская Наука: проект закрыт // «Независимая газета». 26 января 2011. С. 10
2. Иванов, 2001 – *Иванов К.В.* Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник РАН, 2001, т. 71. № 2. С. 99–113.
3. Карейс, 1898 – *Карейс И.* Историческое развитие электротехники // Почтово-телеграфный журнал. С.-Петербург, январь 1898. С. 1-2
4. Минобрнауки предлагает изменить устав РАН. Сообщение ТАСС. URL: https://tass.ru/nauka/6055704 (Дата обращения 13.02.2019).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00048
УДК 001; 165.433; 3037.01.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ: НЕКОТОРЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ[19]

Погожина Наталья Николаевна
Аспирант
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

Автор данной статьи ставит своей целью обозначить и проанализировать основные трактовки истины в социальной эпистемологии. В этой связи приводится частичная теоретическая реконструкция и оценка тезисов «сильной программы» социологии науки, а также анализ ряда значимых положений, выдвинутых Д. Блуром в свете его дискуссии с Б. Латуром. В частности, обсуждается проблема релятивизма и объективности, а также принцип симметрии «сильной программы» и ответный тезис сторонников акторно-сетевой теории о симметрии объектов Природы/Общества. Исследуются отличия в теоретических позициях Д. Блура и Э. Голдмана как в отношении к роли индивидуального и коллективного познавателнього субъекта в исследовании социальной природы знания, так и в понимании истины. Критически разбирается разделяемая Голдманом точка зрения на истину как отражение реальности (корреспондентная теория), указываются слабые стороны такой интерпретации, которые не удалось преодолеть исследователю. Делается вывод о плодотворности трактовки истины как дескрипции (Блур), а не нормативности (Голдман) и включения ее в широкий социокультурный контекст.

[19] Работа подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление» и при поддержке фонда РФФИ (грант № 17-03-00733 «Системно - коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к Российскому обществу»).

Ключевые слова: социальная эпистемология, истина, знание, исследования науки и технологий, социология науки, акторно-сетевая теория, социальная философия науки.

SOME INTERPRETATIONS OF THE PROBLEM OF TRUTH IN SOCIAL EPISTEMOLOGY

Pogozhina Natalya Nikolaevna
Postgraduate student
Lomonosov Moscow State University

The author of this article sets as the purpose to designate and to analyse the main interpretations of the truth in a social epistemology. In this regard, a partial theoretical reconstruction and assessment of theses of "The strong programme" of sociology of scientific knowledge, and also the analysis of a number of the significant provisions which are put forward by D. Bloor in the light of his discussion with B. Latour is given. In particular, the problem of relativism and objectivity and also the principle of symmetry of "The strong programme" and the response thesis of actor-network theory's supporters about symmetry of objects of Nature/Society is discussed. The differences in D. Bloor and A. Goldman's theoretical positions as in the relation to a role of an individual and collective cognitive subject in a research of the social nature of knowledge and in understanding of the truth are investigated. Author critically considers Goldman's point of view on truth as a reflection of reality (the correspondent theory of truth) and specifies weaknesses of such interpretation which the researcher failed to overcome.

Key words: social epistemology, truth, knowledge, science and technology studies, sociology of science. actor-network theory, social philosophy of science.

Исследования, осуществляемые в рамках разных направлений социальной эпистемологии, приобретают все большую актуальность, а их результаты оцениваются как имеющие важное теоретическое и, что особенно примечательно, прикладное значение в контексте усиления роли исследовательских взаимодействий на стыке дисциплин, поиска новых оснований построения современной теории познания, выхода за рамки противостояния проектов классической и неклассической эпистемологии и реализации исследовательских программ, направленных на преодоление понятийного разрыва и обособленности отраслей знания (философии, социологии науки, истории науки), в рамках которых предпринимаются попытки определения ключевых эпистемологических понятий «истины», «знания» и «познания».

Занимаясь изучением оснований социальности знания и анализом проблемы истины в современной социальной теории познания, в данной статье мы обращаемся к разработкам социальной эпистемологии, касающимся самой постановки проблемы истины и обозначения особенностей ее интерпретаций в ряде значимых подходов. Социальная эпистемология, существуя более сорока лет на границе нескольких дисциплинарных областей, по-прежнему порождает дискуссии - как среди приверженцев основных идей направления, так и среди исследователей, критикующих методы, теоретические основания и прикладные возможности социально-эпистемологических концепций. Несмотря на это, на сегодняшний день можно выделить целый ряд не только зарубежных, но и отечественных теоретиков, работы которых в русле социально – эпистемологического анализа представляют собой образцы фундаментальных исследований, обладающих новаторскими положениями и заслуживающих пристального внимания. Однако в данной статье мы затронем только наиболее общие идеи, относящиеся к социально-эпистемологическому дискурсу и будем базироваться в основном на классических, насколько в принципе применимо это слово к исследованиям в лоне социальной эпистемологии, текстах.

Прежде чем обратиться к частичной реконструкции интересующих нас теоретических позиций, необходимо обозначить вопросы и положения, составляющие ядро большинства социально-эпистемологических концептуальных построений. Во-первых, социальная эпистемология, как известно, значительно отличается от классической теории познания. Это различие выражено, в первую очередь, в объяснении взаимосвязи социального, познавательного и культурного контекстов. Социальная эпистемология, в отличие от классической, не выносит за рамки исследования социальную ситуацию познания, то есть те условия, в которых познание разворачивается. Более того, проблематика субъекта и объекта познания сводима к условиям его осуществления, то есть и субъект, и объект выступают в качестве социальных конструктов. Таким образом, происходит отказ от традиционной оценки социальности как причины ошибок и заблуждений в познавательном процессе. Из этого следует, что истина обусловлена влиянием социального ничуть не меньше, чем ложь (принцип симметрии «сильной программы»). [Bloor, 1991, pp. 3-18].

Здесь необходимо особое внимание уделить понятию «социальность», поскольку, говоря о предмете социальной эпистемологии, мы, в той или иной мере, определяем отношения знания и социальности и утверждаем в качестве невозможного вынесение познавательного процесса, его результатов и функционирования знания за рамки общества. Мы разделяем позицию исследователей, указывающих на фрагментарность или отсутствие четкого определение «социальности» в трудах социальных эпистемологов. [Касавин, 2006, с. 9; Моркина, 2012, с. 99-100]. Заслуживающей внимание, на наш взгляд, является типологизация социальности, предложенная И. Т. Касавиным. Он выделяет внутренюю, внешнюю и открытую социальность. Пер-

вая подразумевает уникальный индивидуальный опыт субъекта (общение, социокультурные рамки и тд.), через призму которого осуществляется познавательная деятельность. Второй тип – надындивидульные характеристики, включающие уровень развития общества – социальных институтов, техники и технологий, а также специфику функционирования науки – принятые теории, методы, объяснительные схемы и требования к экспертизе. Открытый тип социальности выражает глубокую связь знания и культуры - предполагает отражение динамических свойств культуры на процессах выработки и функционирования знания, а также включение познающего в широкий культурный контекст [Касавин, 2006, с. 9-10].

Для понимании специфики позиции социальной эпистемологии относительно других неклассических подходов к определению знания и трактовки возможности его связи с социальным контекстом интересным представляется известный спор Д. Блура и Б. Латура. [Bloor, 1999; Latour, 1999]. Суть критики Латура сводится к следующему: во-первых, социологизация науки, представленная Блуром в «сильной программе» социологии знания и развиваемая им далее, непродуктивна, поскольку, по его мнению, можно наблюдать скорее обратный процесс – методология социально-гуманитарных исследований будет уступать в анализе определенных объектов, которые не сводимы к социальным конструктам – это объекты природного мира (им используется дихотомия Природа/Общество). Поэтому в акторно-сетевой теории объекты природного и социального миров рассматриваются симметрично, в том смысле, что теперь в анализ включены и нечеловеческие акторы. Второй линией критики выступает субъективизм «сильной программы». Латур отказывается от старой познавательной схемы «субъекта - объекта», в которой исследовательский фокус Блура смещен к полюсу субъекта. Отдельного внимания заслуживает проблема релятивизма, рассматриваемая через призму дискуссии Блура и Латура. Релятивизм первого, на наш взгляд, совершенно не синонимичен отсутствию объективности. Напротив, применяя принцип релятивизма, социальный эпистемолог получает возможность учитывать большое количество социокультурных факторов, влияющих на выработку знания, что приближает к объективности и позволяет провести многоаспектный анализ . Таким образом, критика Латура социальной эпистемологии вообще и «сильной программы» в частности, при более подробном рассмотрении не кажется такой стройной и убедительной. Если обратить внимание на «второй принцип симметрии» (симметричный анализ Природы/Общества), то можно заметить, что на практике он означает крен к другому полюсу исследований – объектному, но выстраивается вокруг идеи онтологизации познания как необходимого метода борьбы с релятивизмом, в котором обвиняется Блур. Более того, абсолютной симметрии достичь не удается – ведь наделение природных объектов «правом голоса», очевидно, не может свидетельствовать о том, что такая необходимость присуща самим объектам. Не-человеческие акторы «говорят» с нами и для нас – симметрию, однако, вообразить сложно. Нам кажется интересным замечание о том, что новаторство Латура в вопросах субъектно-объектной проблематики познания можно свести к разработкам деятельностного подхода. [Касавин, 2013, с. 14].

Далее мы обратимся к компаративному анализу ряда идей, касающихся трактовки истины, выдвинутых крупными теоретиками, принадлежащими разным направлениям социальной эпистемологии (хотя о выделении конкретных направлений можно говорить с известной долей условности), - Д. Блуром и Э. Голдманом. Надо заметить, что подход Голдмана интересен нам именно потому, что в нем отражена попытка защитить корреспондентную теорию истины. Голдман включает в свой анализ рассмотрение гносеологического субъекта как индивидуального сознания (что роднит его концепцию с классической эпистемологией), однако ставит акцент на широком пуле познавательных практик, применяя к ним маркер «истины», что не позволяет говорить о сугубо классическом подходе. Здесь нам видится уязвимой позиция включения психического субъекта в построение социальной теории познания. Дело в том, что эта опция требует постановки новых задач – например, рассмотрения мотивационного комплекса субъекта (в социологии мы находим похожие методологические трудности, с которыми сталкивается в своих построениях Т. Парсонс и от которых, соответственно, отказывается Н. Луман, вынося психическую систему за скобки исследования). В этом смысле, идея Блура о сущности знания как производного от коллективных практик – общения, деятельности – нам кажется продуктивной, как и указание на важность дескриптивной функции в трактовке истины. Позиция его оппонента относительно предпочтительной теории истины представляет собой квинтэссенцию положений корреспондентной и дефляционной, но при более внимательном рассмотрении аргументации Голдмана становится очевидно, что он не учитывает критические замечания, направленные на концепт истины как отображения реальности. Например, никак не решается проблема ограниченности предзаданного мира в опыте, с которой работал К. Поппер, хотя Голдман обращается к его теоретическим разработкам. [Goldman, 2003, p.353].

Таким образом, рассмотрев некоторые идеи теоретиков социальной эпистемологии, мы отмечаем плодотворность попыток преодоления трудностей, связанных с переосмыслением истинностной проблематики в современных философском и специально - научном дискурсах. Однако нельзя не заметить и слабые положения, обусловленные сложностью исследовательского поля. Истина предстает как категория, которую необходимо рассматривать дескриптивно, а не нормативно, включая в социокультурный контекст.

Литература

1. Касавин, 2006 – *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки=Epistemology & Philosophy of science. 2006. Т. VII. № 1. С. 5-15.

2. Касавин, 2013 – *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 557 с.
3. Моркина, 2012 – *Моркина Ю.С.* Социальная теория познания Д. Блура: истоки и философский смысл. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 256 с.
4. Goldman, 2003 – *Goldman A.* Knowledge in a Social World. Oxford, N. Y.: Clarendon Press, 2003. 407 p.
5. Bloor, 1999 – *Bloor D.* Anti-Latour// Stud. Hist. Phil. Sci. 1999. Vol. 30, № 1. P. 81-112.
6. Bloor, 1991 – *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. 2nd edition. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1991. 211 p.
7. Latour, 1999 – *Latour B.* For David Bloor and Beyond // Studies in the History and Philosophy of Science. Part A. 1999. Vol. 30. No 1. P. 113–129.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00049
УДК 7.01

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ SCIENCE-ART[20]

Артем Маркович Фейгельман
кандидат философских наук, ст.преподаватель
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Дмитрий Юрьевич Шаталов-Давыдов
кандидат философских наук, доцент
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается science-art – область искусства, которая использует современные технологии и инструменты, научные методы для создания художественного произведения. Данное направление современного искусства представляет своего рода обмен: обмен между актуальными научными исследованиями и искусством. Изучение некоторых особенностей данного обмена и становится целью настоящей статьи.

Авторы обращаются к работам нижегородского художника и дизайнера Евгения Стрелкова, работающего в данном направлении. Исследование данных работ позволило выделить следующие особенности соединения науки и искусства в объекте science-art: 1. классический инструментарий художника (кисти, краски) меняется на «продвинутый» инструментарий ученого (микроскоп, системы обработки акустических сигналов, генетические маркеры и т.д.); 2. менее антропоцентричный взгляд на финальный объект: он получен при помощи определенных практик в некоем совершенно чуждом для этих практик предметном поле (так при помощи генетики интерпретируются рейнские и волжские краны); 3. объект science-art – это сборка, ассамбляж разнородных объектов, взятых из несводимых практик (как минимум практик искусства и практик науки), и отношений, устанавливаемых между данными объектами, нашим восприятием данных объектов и отношений между ними, отношений между репрезентациями данных отношений.

Ключевые слова: science-art, объектно-ориентированная философия, онтология, обмен, ассамбляж

TO THE ISSUE OF ONTOLOGY OF SCIENCE-ART

Artem Markovich Feigelman
PhD in Philosophy, senior lecturer, NNSU n.a. N.I. Lobachevsky
Dmitry Yrievich Shatalov-Davydov
PhD in Philosophy, associate professor, NNSU n.a. N.I. Lobachevsky

The article deals with science art – the sphere of Art, which uses modern technologies and instruments, scientific methods for the creation of its works. That movement in modern Art represents an exchange (trade): trade among current science practices and modern Art. The study of some peculiarities of that trade is the purpose of given paper.

Authors looks through some works of Nizhny Novgorod' artist Evgeny Strelkov, who works in that sphere. The study of that works helped to select the following issues of connection between Science and Art in the object of science-art: 1. the classical instruments of artist (brush, paints, etc) are being changed for "more developed" instruments of scientist (microscope, sonar processing systems,

[20] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»).

genetic markers); 2. less anthropocentric view on final object: as a result of certain practices in totally different for that practices area (genetics interprets cranes); 3. Science-art object is an assemblage of objects obtained from different, non-connectable practices (at least practices of Art and of Science) and relations among those objects, our perception of objects and relations, relations between our perceptions.

Keywords: science-art, object-oriented philosophy, ontology, trade, assemblage

Science-art – это область современного искусства, использующая продвинутые научные инструменты и технологии для создания художественного произведения. Важно обратить внимание, что под science art не следует рассматривать область визуализации научных работ (в этом случае это просто некоторый способ репрезентации научной работы для определенной, чаще широкой группы людей, часто неспециалистов), также сюда не относятся и художественные произведения о науке и ученых. Можно сказать, что science art это такой способ сборки художественного (текста, полотна, композиции и пр.), при котором используемыми для создания инструментами являются научные практики, технологии и инструменты. Ниже в статье приводятся ряд примеров создания подобных произведений.

В какой-то степени, принцип создания объекта science-art напоминает ассамбляж (в соответствии с терминологией Симондона) – соединение разных, изначально несвязанных объектов или частей в один «странный объект». Приведем здесь одно наблюдение поэта-модерниста Райнера Марии Рильке: «Положим, венечный шов черепа (это предстоит ещё проверить) обладает определённым сходством с извилистой линией, которую игла фонографа оставляет при записи на вращающемся цилиндре...»[Рильке, 1996]. Очевидно, что «вещная поэтика» Рильке не могла работать далее аналогий (в данном случае между частью живого и неживым). Современные технологии позволяют идти намного дальше, в прямом смысле при помощи научных практик создавая произведение. Процитируем американского композитора Адамса, комментирующего одно из таких произведений: «Наука исследует способ, какими вещи есть. Искусство воображает какими вещи могли бы быть. Обе начинают с восприятия и пытаются прийти к пониманию. Обе в поиске истины…»[Adams, 2009:10], «Что такое музыка как не звучащая физика?»[Adams, 2019]. Подобный подход, отрицающий иерархичность вещей, их привычные устоявшиеся связи, связи глаза (репрезентации) и вещи позволяет в принципе установить связь любого объекта с любым объектом (и в этом теория science-art основывается как на исследованиях Бруно Латура, так и Грэма Хармана, при всем различии STS и объектно-ориентированной философии) и открывает новые горизонты для работы художника.

В настоящей статье основной наш акцент будет сделан на работы нижегородского художника Евгения Стрелкова, работающего в исследуемом жанре.

Обратимся к работе «Сирены» (Е. Стрелков при участии А. Циберева и Д. Хазана). Волжские водохранилища, принёсшие затопление земель, гибель рыбы, заражение донного ила токсичными отходами, стали темой саунд-арт проекта и книги художника. Диск с медиаверсией проекта включён в часть тиража книги, сама книга оформлена в духе лабораторного отчёта – страницы заполнены графиками, схемами, осцилограммами и спектрами. Причиной катастрофы, фиксируемой лабораторными отчетами, становится хозяйственная деятельность человека, преобразовывающего природу под свои нужды. Написанная одним из соавторов программа превращает расстояние от точки истекания Волги до той или иной точки побережья в частоту и длительность звукового сигнала, становящегося своеобразным паролем. Голоса сирен – лишь осколки акустического слепка с уже недоступной нам культуры той Волги: отдельные фрагменты порой кажутся мелодичными, но сумбур их чередования и резкость переходов говорят о нарушении целостности волжской сонаты [Стрелков, 2007]. Пожалуй, именно звук, со своей ассоциативностью и эмоциональностью, способен подчеркнуть ценность волжского мира во всем его многообразии.

Компьютерная инсталляция "Техногенез: Хромофаза" является симуляцией работы науки. Основная идея проекта: существование человека в техногенной среде носит болезненный характер. В качестве эндемичного района по «болезни техногенной цивилизации» выбраны речные порты. А основой для «генетических» экспериментов стала фотосъёмка портовых кранов – с Рейна и с Волги. Каждое изображение с помощью операций поворота и сдвига превращалось в подобие фантастического насекомого. Образцы препарировались на компьютере по четырем цветовым компонентам и печатались с поочередным обменом краской между Рейном и Волгой в каждой паре. Причем скрещивание происходило в самом процессе печати при зеркальном развороте печатных сеток. Так, от 6 рейнских и 6 волжских образовались 48 дочерних особей – целое семейство «носителей техногенного вируса». Анализируя распределение “доминантных” и “рецессивных” признаков во втором поколении гибридов, автор обнаруживает аналог первого закона Менделя [Стрелков, 2007].

Каково значение science-art’a для современного взаимодействия науки и искусства? Во-первых, science-art меняет классический инструментарий художника – наука предоставляет обширный арсенал собственных средств выразительности. С другой стороны, научные достижения и ошибки, актуальные до сих пор научные методы и забытые практики прошлого актуализируются в новом контексте, который высвечивает дополнительные смыслы в истории науки и искусства, а значит, позволяют по-новому взглянуть на их современное состояние.

Во-вторых, science-art фиксирует как меняется само положение художника – он более не выступает в качестве некоего демиурга, стоящего над произведением и диктующем свою волю. Происходит своеобраз-

ная «смерть автора» - научный инструментарий позволяет что-то записывать и регистрировать, причем так, чтобы записанное и зарегистрированное оказалось отделено от субъекта, который это записывает и регистрирует (здесь мы не будем вступать в дискуссии насколько этот процесс «освобождения объекта» успешен, насколько «научный объект» соответствует «реальному объекту» и т.д.). Применение научного инструментария в рамках художественных практики позволяет интерпретировать реальность как «очищенное от субъективных впечатлений и восприятий», как нечто «остраненое», если пользоваться терминологией Шкловского.

В третьих, science-art меняет привычную связь реальность-отражение-произведение, вещь-художник и т.д. (мы это обозначили во втором пункте). Но что более значительно, это изменения связей между вещами, которые здесь возникают. Более подробный анализ данной идеи можно прочесть в работах Дж.Адамса и Б. Херцонрата [Herzonrath, 2013], но мы бы хотели остановился на рассмотрении связи объектов-практик(методов)-восприятий. Современные исследования в области объектно-ориентированной онтологии, основанные на переосмыслении Хайдеггера [Хайдеггер, 2002] (например, работы Грэма Хармана [Харман, 2015] или Тимоти Мортона [Morton, 2013]) ставят вопрос об инструмент-бытии – каждая вещь обладает своим инструмент-бытием, сокрытым от каких-либо связей и проявляет себя посредством разнообразных связей с другими объектами, образуя новые объекты, которые, в свою очередь, тоже обладают инструмент-бытием. Так приведем рассуждение Хармана о мосте [Harman, 2002: 108-114]: мост это совокупность балок, деталей арматуры, скреп, болтов, его существование без этого ассамбляжа невозможно. Но при этом сам мост обладает свойствами превосходящими свойства данной совокупности – он служит как удобный лоогистический маршрут, по нему можно осуществлять пешие прогулки и т.д. – однако это явленная сторона связи мост-региональная логистика или мост-пешеход. Количество образуемых связей моста и других объектов и соответственно сторон сущности моста огромно и, в общем, бесконечно, при этом раскрытие сущности моста осуществляется благодаря этим связям, но сама возникающая, раскрывающая сущность моста связь (например «мост как подручный мне при пешем переходе через реку»), тоже становится отдельным объектом, способным вступать в многочисленные связи. Так и произведение science-art – позволяет установить связи тех объектов, которые оно собирает в ассамбляж, но при этом само по себе становится тем «таинственным объектом», который лежит в основании данного ассамбляжа, и сам вступает в связи, в принципе, с чем угодно (самое очевидное, со зрителем, порождая целый комплекс новых объектов и своих свойств).

Сегодня произведение science-art позволяет установить связи тех объектов, которые оно собирает в ассамбляж, но при этом само по себе становится тем «таинственным объектом», который лежит в основании данного ассамбляжа, и сам вступает в связи, в принципе, с чем угодно (самое очевидное, со зрителем, порождая целый комплекс новых объектов и своих свойств). Таким образом, искусство, в очередной раз пытается раскрыть какие-то смыслы об окружающем пространстве, при этом порождая новые объекты, возникающие в ходе рассмотрения объектов, очищенных от влияния всепоглощающей роли художника.

Литература

1. Рильке, 1996 – *Рильке Р.М.* Празвук // Художественный журнал. - №14. - 1996. Режим доступа: http://moscowartmagazine.com/issue/54/article/1107
2. Стрелков, 2007 – *Стрелков Е.М.* Ниже Нижнего. Волжские мифы и мистификации в некоторых произведениях художников «Дирижабль» в жанрах бук-арта и медиаинсталляции // Волга XXI век. 2007. №7. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/volga21/2007/7/nizhe-nizhnego.htm
3. Хайдеггер, 2002 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. Пер. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002. 452 с.
4. Харман, 2015 – *Харман Г.* Четвероякий объект: онтология вещей после Хайдеггера / пер. англ. А.Морозов и О.Мышкин. – Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
5. Adams, 2009 – *Adams, John Luther.* The Place Where You Go to Listen: In Search of an Ecology of Music (Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 2009), p. 10
6. Adams, 2019 – *Adams, John Luther*. “Sonic Geography of Alaska” (dir. Steve Elkins), http://vimeo.com/3019076 (режим доступа 10.09, 2019).
7. Harman, 2002 - *Harman, Graham.* Tool-being. Heidegger and Metaphysics of the Objects / G.Harman. – Chicago: Open Court, 2002. 343 p.
8. Herzonrath, 2013 - *Herzonrath, Bernd.* White // Prismatic Ecology: Ecotheory beyond Green. Ed. J.J.Cohen. Mineapolis, London: Minessota University Press, 2013, pp. 39–64.
9. Morton, 2013 – *Morton, Timothy.* Realist Magic: Objects, Ontology, Causality /T.Morton. – Open Humanities Press, University of Michigan Library, Ann Arbor, 2013. 233 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00050

НАУКА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Михаил Юрьевич Опенков
доктор философских наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.

Данная статья затрагивает вопрос о том, является ли общество знаний только продуктом постиндустриальной экономики, либо это исторически повторяющийся процесс, возникающий на определенном уровне развития науки своего времени и системы образования. Как показывают авторы, Шартрская школа является первой европейской моделью общества знаний, поскольку эпистемический режим определяет роль знаний, информации в обществе в том смысле, что искусство учителя и преподавателя становится возможным при условии выработки определенной техники освоения материала и беседы с учениками. Отмечается специфика эпистемического режима XII века, заключающегося в соединении в одной деятельности обоих типов знания – явного и неявного. Сюда следует добавить механикоматематическую космологию, принципы которой распространялись на биологический мир; теорию элементарных частиц, из которых состоит материя, соединявшуюся с теорией потока, объяснявшей силовое движение тел, что говорит о научной зрелости Шартрской школы и необычайной утонченности ее мысли. Значение Шартрской школы для современного общества знаний велико, т.к. она учит методологии мышления.

Ключевые слова: общество знаний, экономика знаний, Шартрская школа, образование, схоластика, метапарадигматическое использование информации

SCIENCE, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND COSMOLOGICAL PRINCIPLES

Mikhail Yurievich Openkov
phd, professor
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

This paper considers the issue of whether the knowledge society is only a product of the postindustrial economy, or it is a historically repetitive process that occurs at a certain level of scientific development within a certain time and education system. As the authors put it, the School of Chartres was the first European model of the knowledge society. Furthermore, a certain epistemic regime has a significant impact on the role of knowledge and information in society in the sense that the art of teaching becomes possible as long as the relevant techniques of mastering the material and holding discussions with students are provided. In the paper, the epistemic regime of the XII century is characterized as engaging both explicit and implicit types of knowledge in the same activity. This should be complemented by the mechanical and mathematical cosmology, the principles of which extended to the biological world, as well as by the theory of elementary particles being the fundamental constituents of matter in connection with the theory of flow that explains the force movement of bodies. All of these indicate the scientific maturity of the School of Chartres and the extraordinary refinement of its ideas. The importance of the School of Chartres for the modern knowledge society is very significant, as it teaches the methodology of thinking.

Keywords: knowledge society, knowledge economy, School of Chartres, education, scholastics, metaparadigmatic use of information

Что такое «общество знаний»?

Понятие «общества знания» впервые было использовано в 1969 году фактическим основателем менеджмента знаний Питером Друкером и получило детальное развитие в девяностых годах. Если понятие «информационное общество» отсылает нас к достижениям в области технологий, то понятие «общества знания» включает в себя и другие аспекты: социальные, политические и т.д.

Использование множественного числа в понятии «общества знания» акцентирует внимание на том, что невозможно создать единую модель, которая смогла бы отразить все культурное, языковое многообразие, тем самым позволив любому человеку ориентироваться в общественных изменениях. Создание любого общества подразумевает создание форм знания и культуры, на которые будет также влиять современный научно-технический прогресс. Эксперты ЮНЕСКО полагают, что источником развития обществ знания является их собственное многообразие и способности: многообразие стимулирует формирование творческого потенциала обществ знания, позволяет осознать ценность знаний и способностей, а также отвечать на вызовы стремительно изменяющейся современности.

Всемирное информационное общество является творением новых технологий, однако эти технологии не являются самоцелью, они лишь средство для создания обществ знания, и даже увеличение сетей не-

достаточно для создания обществ знания. Информация – это не только форма знания: информация – это рыночный товар, чья экономика основывается на раритетности, в то время как знание принадлежит всему человечеству, что не исключает защиты интеллектуальной собственности. Это различие между информацией и знанием указывает на глубину изменений в отношении к знанию, которые произошли из-за появления модели экономики знания.

Хотя формирование всемирного информационного общества происходит на наших глазах и его технологии увеличили скорость передачи информации и ее объемы, это лишь первый шаг на пути движения к обществам знания, т.к. информация может быть неправильно осмыслена. Кроме того, пока в мире отсутствуют равные возможности для получения образования, а также для доступа к информации, ее анализа и сортировки, информация остается набором разрозненных сведений. Тогда приходит осознание факта того, что информация владеет нами, а не наоборот; кроме того, изобилие информации не приводит к приращению знания: необходимы также соответствующие средства обработки информации. В обществах знания человек должен будет уметь ориентироваться в пространстве информации, различая нужную ему информацию от бесполезной, а также уметь развивать свои когнитивные способности и аналитический ум.

Коммерциализация знаний в информационном обществе становится угрозой разнообразию когнитивных культур: научные и технические знания вытесняют традиционные навыки и автохтонные знания. Эти навыки и знания обесцениваются на фоне достижений науки и техники – они могут просто исчезнуть, хотя представляют собой бесценное богатство; более того, знание нельзя рассматривать только как товар. В докладе ЮНЕСКО указывается, что «политики и руководители должны обратить самое пристальное внимание на нынешнюю тенденцию к приватизации систем высшего образования и их интернационализации, которую необходимо вынести на обсуждение широкой общественности, добросовестно пытаясь спрогнозировать развитие ситуации на национальном, региональном и международном уровнях» [Юнеско, 2005, с. 25].

Основное различие между информационным обществом и обществами знания заключается в следующем:

1) в основе информационного общества лежат информационные технологии, оно обменивается информационным товаром в глобальных масштабах;

2) общества знаний чаще всего локальны по своим масштабам, не занимаются информационной торговлей, а решают познавательные задачи, формируют эпистемические режимы. Эпистемический режим информационного общества основан на торговле информацией и развитии интеллектуальной собственности; он «отличается от эпистемических режимов европейских университетов XIX столетия, которые считали очевидным, что знание является общественной собственностью, что академические исследования должны протекать свободно и что, для того чтобы быть полезным, исследование должно быть бесполезным» [Опенков, 2007, с. 15].

Рассмотрим подробнее специфический эпистемический режим Шартрской школы.

Модель XII века. Шартрская школа.

Интеллектуал двенадцатого века, стоящий в центре стройки, увидит в ней Вселенную, подобную огромной фабрике. Глядя на стройку, человек воспринимает себя мастером, преобразующим и творящим, сотрудником Бога и природы в творении. Перед нами новая, преображенная картина человеческого общества, в которую включены все виды человеческого труда, что ранее были презираемы. Теперь они включены благодаря реабилитации труда в град человеческий, образ Града Божьего.

Таким культурным центром XII века с единым доктринальным ядром была Шартрская школа. Несмотря на то, что само существование кафедральной школы в Шартре фиксируется уже во времена служения епископа Шартрского Бетхария, т.е. около 600 года, именно благодаря Фульберту, снабдившему ее переводами логических работ Аристотеля и соответствующими трудами Боэция, а также сочинениями латинских и арабских авторов по математике, астрономии и естествознанию, она приобрела статус одного из самых значительных центров образования на латинском Западе и прославилась богословскими, диалектическими и натурфилософскими исследованиями.

Говорить о Шартрской школе – это все равно что говорить о Платоне (М. Дэви), т.к. наиболее читаемым в Школе был диалог «Тимей». Шартрская школа обращалась к античному наследию подобно тому, как мы обращаемся к логической культуре средневековой философии.

Интеллектуал двенадцатого века отождествлял себя с мастером или ремесленником. Он изучал свободные искусства, но что такое свободное искусство? Техника, тэхне, и значит, деятельность профессора мало чем отличается от работы плотника, кузнеца. Искусство – это рациональная деятельность, создающая материальные и интеллектуальные ценности.

Таким образом, интеллектуал – это ремесленник, т.к. свободные искусства предполагали как познание, так и производство, проистекающее из разума.

Характерно, что Св. Фома в определении искусства как техники прямо опирается на Аристотеля. Известно, что Аристотель, определяя миметические и немиметические искусства, говорил, что искусство плотника – это техника. Но и искусство поэта – тоже техника. Это имеет тот смысл, что искусство учителя и преподавателя невозможно, если не будет выработана определенная техника освоения материала и беседы с учениками.

Таким образом, особый тип эпистемического режима XII века можно охарактеризовать как соединение в одной деятельности обоих типов знания – явного и неявного. Сюда следует добавить механико-математическую космологию, принципы которой распространялись на биологический мир. Теория элементарных частиц, из которых состоит материя, соединялась с теорией потока, объяснявшей силовое движение тел. Это говорит о научной зрелости Шартрской школы и необычайной утонченности ее мысли. Можно также говорить об организации всего знания на основе философии и теологии.

Основателем Шартрской школы называют Бернарда Шартрского, канцлера школы. О нем мы знаем благодаря произведениям Иоанна Солсберийского, где Бернард Шартрский именуется великим наставником, заботящимся о воспитании ума и вкуса у своих учеников; также он знакомил своих учеников с работами великих писателей классической древности.

Понимая связь интеллектуальной деятельности с ремеслом, интеллектуал двенадцатого века осознал необходимость подготовки, тем самым признавая связь преподавания и науки. Он считал, что знания нужно не копить, а пускать в оборот, и школа для него была мастерской, экспортирующей идеи подобно товарам. Однако это не щедрость интеллектуала, поскольку он знает, что данная ситуация приносит ему выигрыш. На этой фабрике интеллектуал ищет свое поле деятельности, используя собственные способности в творческом труде. Его инструменты – собственный ум и книги, которые служат ему в качестве рабочих орудий. Интеллектуалы организуются внутри корпоративного движения, и такими корпорациями для них станут университеты [Ле Гофф, 2003, с. 160].

Первой революцией стало превращение книги из предмета роскоши в инструмент благодаря изобретению печатного станка. Следствием этого изобретения стало то, что книга становится продуктом промышленности, объектом торговли. В университетах появились библиотеки, ставшие частью университета и пользовавшиеся привилегиями, подобно преподавателям и студентам; кроме того, на них распространялась юрисдикция университета. Тем самым в университетах возникают сопутствующие отрасли.

Литература

1. Васюков, 2006 – *Васюков В.Л.* Загадка феномена Львовско-Варшавской школы // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы / отв. ред. В.Л. Васюков. Вып. 1. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2006. С. 11–17.
2. Вульф, 2014 – *Вульф М., де.* Средневековая философия и цивилизация / пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. 253 с.
3. Жильсон, 2010 – *Жильсон Э.* Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с франц. А.Д. Бакулова; общ. ред. С.С. Неретиной. М.: Республика, 2010. 678 с.
4. Иноземцев, 1999 – *Иноземцев В.Л.* Расколотая цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции М.: Academia–Наука М., 1999. 724 с.
5. Ле Гофф, 2003 – *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / пер. с фр. А. Руткевича. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 160 с.
6. Опенков, 2007 – *Опенков М.Ю.* Хакни будущее. Введение в философию общества знаний. Курс лекций для студентов философских факультетов. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 128 с.

НОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00051
УДК 141.201

ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ[21]

Татьяна Геннадьевна Лешкевич
Доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет

Современная эпоха, назвав себя цифровой, концептуализировала революционный уровень развития технологий. Внедрение интеллектуальных систем и масштабная цифровизация знаменуют собой своеобразную цифровую революцию, стремительно изменяющую темп и ритм жизни нашего современника, установки, цели и ценности существования. Основная цель статьи проанализировать феномен цифрового отчуждения в условиях современно эпохи. Исследование опирается на работы R.F Geyer, J. Dewey, V. Miller. В статье выявляются онтологические и антропологические основания цифрового отчуждения. Автор обращает внимание на «социальность сети» как «невидимый» слой современности, который во многом детерминирует поведение людей. Анализируется запрос на развитие «цифровых навыков» и императив «двойного обновления». Ставится вопрос о новой субъектности цифрового мира с ее доминирующим стремлением оставить свой «сетевой след», вне зависимости от его ценностного содержания. Автор приходит к следующим выводам, во-первых, цифровое отчуждение обусловлено тем, что сетевые взаимодействия позиционируют себя как самодостаточный тип бытия, замещающий реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации. Во-вторых, цифровое отчуждение порождает ситуацию, когда актор цифрового мира будет всецело полагаться на информационную систему ценностей.

Ключевые слова: цифровое отчуждение, социальность сети, субъектность, цифровые навыки, «двойное обновление».

THE PHENOMENON OF DIGITAL ALIENATION

Tatiana Gennadievna Leshkevich
DSc in Philosophy, Professor
Southern Federal University

Proclaiming itself a digital era, the modern age conceptualized a revolutionary level of technological development. Massive introduction of intelligent systems and large-scale digitalization mark the specific digital revolution, which brings about dynamic changes in the pace and rhythm of contemporary life, our system of values and intentions. The article considers the phenomenon of digital alienation in the modern era. The study relies on the works by Western scholars: R.F Geyer, John Dewey, V. Miller. The article reveals ontological and anthropological foundations of digital alienation. The author focuses on «the sociality of network» as the «invisible layer» of modernity, which largely determines people's behavior.

The article also dwells on the demand for «digital skills» and the imperative of «double updating». The study raises the question of a new subjectivity as the property of «the digital world», with its dominant strive to leave a «digital footprint», regardless of its value. The author comes to the following conclusions: firstly, digital alienation is caused by the fact that network interactions appear to be a self-sufficient type of being, replacing real connections and relationships, real-life personal communication and ways of self-fulfillment. Secondly, digital alienation generates a situation when the actor of the digital world is entirely guided by an information system of values.

Keywords: digital alienation, social network, subjectivity, digital skills, «double update».

Магистраль цивилизационного развития, выражаясь языком естествознания, состоит в уменьшении энтропии, и сопровождается стремлением канализировать энергию в «коридор жизнеобеспечения» и достигнуть поставленных целей. Если характеризовать современное состояние социума с точки зрения дихотомии «эволюция» – «революция», то бесспорным критерием революционных процессов будет увеличение меры хаотизации. Уже стало привычным определять нынешнюю геополитическую ситуацию как чреватую

[21] Работа выполнена при финансовой поддержки гранта РФФИ № 19-011-00298А

неопределенностью, развивающуюся «через неустойчивость и неравновесность». На место поиска матрицы управляемого хаоса приходят выводы о хаосе неуправляемом, о состоянии глобальной турбулентности. Интенсивное развитие цифровых технологий и активное внедрение интеллектуальных систем знаменует собой своеобразную цифровую революцию, стремительно изменяющую темп и ритм жизни нашего современника, жизненные практики, установки, цели и ценности существования. Масштабная цифровизация обнажает и делает очевидным такой феномен как цифровое отчуждение. Назвав себя цифровой, современная эпоха концептуализировала революционный уровень развития технологий и, конечно же, демаркационную черту смены парадигм. Она перенесла многие виды взаимодействия в «невидимый» слой социальности – «социальность сети». Этот «невидимый» слой современности оказался лоном, порождающим взрывоопасные эмерджентные эффекты, протестные настроения, неоднозначные психоэмоциональные реакции. И именно в новой «социальности сети» нашли свое отражение хаосомные процессы, нарушающие видимые причинно-следственные связи и зависимости. В этих условиях диагноз современной эпохи усложняется необходимостью понимать аттрактивный потенциал сетевых взаимодействий. Тем более, что в условиях российской действительности масштабная цифровизация зашумлена артефактами «гибридной реальности», что, в свою очередь, порождает множество экзистенциальных сдвигов, связанных с невозможностью понять и освоить «текст» и логику происходящих процессов.

«Дигитальный мир» генерирует новые социокоды, он насквозь пронизан манипулятивными стратегиями и сопровождается деформацией смысложизненных ориентиров. Анализ феномена цифрового отчуждения важен в связи с тем, что, согласно выводам немецкого социолога и кибернетика R. F. Geyer, работающего в области социального отчуждения, каждая эпоха генерирует свой тип и свои формы отчуждения [Geyer, 2001]. Заметим, что понятие отчуждения имеет авторитетную историко-философскую традицию своего истолкования и многоаспектные смысловые коннотации. В общем случае с феноменом отчуждения может быть связано то, что противостоит человеку как превосходящая его сила, что превращает его в «объект воздействия». Иными словами, о ситуации отчуждения свидетельствует вышедшая из-под контроля человека и господствующая над ним сила. Онтологические основания феномена цифрового отчуждения обусловлены тем, что сетевые взаимодействия позиционируют себя как самодостаточный тип бытия, они замещают реальные связи и отношения, живое личностное общение и способы самореализации. Цифровое отчуждение выключает человека из реальной жизни. Показывая зависимость основополагающих для человека смыслов и ценностей от значений «дигитального мира», феномен «цифрового отчуждения» задает антропологические трансформации и ведет к формированию новой формы субъектности, утрачивающей рациональные смыслы своей жизнедеятельности.

Кто он субъект «дигитального мира»? Выражая популярное мнение отечественных исследователей В.И. Курбатов отмечает, что это не личность в общепринятом смысле слова. Это актор или агент глобального информационно-коммуникативного взаимодействия [Курбатов, 2017, с. 174]. Не случайно этот «агент» принципиально анонимен, т.е. «безымянен» и довольствуется только «никами». Это наводит на мысль о своеобразной надиндивидуальности агента цифрового мира. Западные исследователи, и в частности John Dewey, обращают внимание на то, что отношения и взаимодействия между живыми людьми (human agents), с одной стороны, и между людьми и артефактами (their artifacts), с другой, имеют существенное онтологическое сходство. Мы находимся в «транзакционных связях» со всеми информационными системами, «внутри» которых мы открываем этот мир и моделируем свою реальность. Это может означать, что возможно создать информационную технологию, которая бы воплощала систему моральных ценностей. Таким образом, система моральных норм и принципов может оказаться вычисляемой в измерении информационных технологий (к этому понятию отнесены не только средства (tools), но и информационные системы, такие как логика, законы и даже языки) [Sullins, 2018]. А, следовательно, актор цифрового мира будет всецело полагаться на информационную систему ценностей.

Стремительное развитие технологий, за которым не поспевает социально-гуманитарное осмысление возможных негативных последствий, уже сейчас отражается существенными когнитивными деформациями автореференции. Фиксируется доминирующее стремление - оставить свой «сетевой след» вне всякой связи с его ценностным содержанием. Под вопросом остается, и степень самосознания автора, стоящего за конструируемым Инет-образом, и уровень семантической осмысленности. Кликанье в чатах или форумах, лайки в инстаграммах и смайлики становятся необходимой каждодневной процедурой, входят неотъемлемой компонентой в жизненные практики. Помимо таких новообразований, как «цифровой имидж» и «цифровая репутация», в глаза бросается сленговый символизм, доводящий русский язык до «грани нервного срыва».

Следует особо подчеркнуть, что, на наш взгляд, доминирующее место в сетевой логике принадлежит новому императиву. Согласно выводам Миллера, он связан с необходимостью быть в курсе событий (to be updated) в «двойном» смысле слова: обновлять систему посредством собственного контента и быть в курсе обновлений, которые сделали другие. От этого «двойного обновления», зависит другой «ценностный» маркер - положение в сетевой группе. Миллер считает, что контент уже не занимает главенствующего положения, важна сеть взаимосвязей в сетевой группе (фолловеры, лайки). Переход от нарратива, как формы культурного (само)выражения, к базе данных (database), как форме культурного самовыражения, дает своеобразный дисциплинирующий эффект: необходимость сортировать, группировать базу данных своих контекстов и отслеживать свое место в ней, постоянно маркируя свое присутствие. Собственное «я» (self) становится тем, что можно моделировать [Miller, 2008].

Данный способ цифрового бытия, связанный с «двойным обновлением», обеспечивает постоянный запрос на развитие и совершенствование «цифровых навыков». А он, в свою очередь, в качестве дальнесрочных последствий обременен разрушением понятийного способа освоения мира знаний, отрешением от культурных практик словесности и традиционных ценностей и, в конечном счете, отчуждением человеческой сущности. Человек, живущий в Сети, распространенный персонаж цифровой эры. Отдавая себе отчет или безотчетно, но он «жертвует» своим человеческим типом бытия, а в случаях радикальной зависимости калечит свою психику и сознание. В фигуре так называемого «хикки» – человек-затворник или homo solus – человек одинокий, демонстрируется феномен отчуждения человека от человека [Масленникова, Шальнова, 2011, с. 131-139].

Такие революционные последствия «пересборки навыков субъекта» ведут к тому, что цифровая эра отчуждает человека и от самого себя, и от приватного пространства его жизненного мира с подлинными человеческими ценностями и моральным долгом. Она бросает его в вакуум заброшенности. Метафора, указывающая на «открытые двери» в пространство Всемирной паутины, с легкостью заменяется метафорой, говорящей о «черной дыре» монитора, ведущего во Всемирную паутину. И вопрос: является ли цифровое отчуждение имманентным человеческому бытию? - уже сейчас получает сугубо отрицательный ответ. Как будут утверждать себя, свои «сущностные силы» «просмотрщики контента», Homo Interneticus или же «информаноиды»?

Однако, необходимо признать, что вектор будущего развития человечества ведет свое начало от эпохи цифры. Техносоциализация выступает в качестве «исходной территории», на которой происходит встреча индивида и современной цивилизации [Leshkevich, 2017, p. 652]. Цифровая цивилизация как порождение человеческого интеллекта поставила острую проблему «цифрового отчуждения» и самоотчуждения, которое может протекать латентно и быть потенциальным, но может обнаруживать себя с очевидностью и быть актуальным. В отличие от так называемых цифровых оптимистов, приветствующих все достижения цифровых технологий, следует констатировать, что вторгшаяся в человеческое бытие цифровизация – это вызов, который должен сопровождаться глубокой философской рефлексией, междисциплинарным анализом и выработкой новых ценностных и целевых ориентиров.

Литература

1. Курбатов, 2017 – *Курбатов В.* Net-мышление: новые реалии информационной эпохи // Гуманитарии Юга России. 2017. Т. 6. №6. С. 173-181.
2. Leshkevich, 2017 – *Leshkevich T.* Philosophical meaning of modern transformations of education // Web of Science. Proceedings of the 2017 3rd International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 144. PP. 650-653. WOS 000426711900158
3. Масленникова, Шальнова, 2011 – *Масленникова О., Шальнова Е.* Homo solus: человек одинокий / /Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Т.2. №2. С.131-139.
4. Geyer, 2001 – *Geyer R.* Alienation, sociology of. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. London. 2001.
5. Miller, 2008 – *Miller V.* New Media, Networking and Phatic Culture. Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies. 2008 Vol. 14. No. 4. PP. 387-400.
6. Sullins, 2018 – *Sullins J.* Information Technology and Moral Values//The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.). 2018. URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/it-moral-values/

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00052
УДК 165.1

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕНАСЫЩЕНИЯ

Елена Олеговна Труфанова
Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

В докладе отмечается, что важнейшей чертой современной эпохи является беспрецедентный рост объема доступной человеку информации, поэтому человек в современном мире оказывается в ситуации информационного перенасыщения. В качестве трех ключевых проблем данной ситуации отмечаются беспрецедентное увеличение числа доступных источников информации, невозможность проверки надежности источников информации и «агрессивность» информационной среды. Отмечается, что современные источники информации, использующие аудио-визуальные средства, а не только текст, требуют меньше интеллектуальных усилий как со стороны автора информации, так и со стороны ее получателя при передаче сообщения и его

восприятия. Демонстрируется неспособность современных средств распространения информации защитить своих пользователей от дезинформации, от «фейков». Показывается, что в современной ситуации информация не пассивна, но «агрессивна» - человек без своего на то желания постоянно оказывается под воздействием большого количества информационных потоков. Не имея возможности защититься от этой информационной «агрессии», человек может поддаться эскапизму. Демонстрируется, что неспособность справляться с информационным перенасыщением опасна не только для отдельно взятых индивидов, но и для взаимодействия различных человеческих сообществ. Делается вывод, что одной из ключевых задач современных наук о человеке должен стать поиск ответа на вызовы ситуации информационного перенасыщения.

Ключевые слова: информационное перенасыщение, информационное общество, коммуникация, информация, информационная перегрузка, информационная агрессия, эскапизм.

HUMAN PROSPECT IN THE SITUATION OF THE INFORMATION SUPERSATURATION

Elena Olegovna Trufanova
DSc in Philosophy, Leading Researcher
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

The paper argues that the one of the main traits of the present age is the unprecedented increase in the amount of information that is accessible to the person, and the person finds her/himself in the situation of the information supersaturation. The three key problems of these situation are: unprecedented increase in the amount of the accessible sources of information, the impossibility of verification of the sources of information and the “aggression” of information environment. It is shown that the present information sources that use not just texts, but audio-visual media, require less intellectual labor from both the author of the information and its recipient. The inability of present media distribution resources to defend its users from disinformation, from “fakes” is shown. It is demonstrated that the information in the present situation is not passive, but “aggressive” – a person is unwillingly pestered by many information flows. Having no means of defense against this information “aggression”, a person turns to escapism. It is demonstrated that inability to cope with information supersaturation is dangerous not only for individuals, but for the interaction between human communities. The conclusion is drawn that one of the key goals of the present human sciences and humanities should be the search for answers to the information supersaturation challenges.

Keywords: information supersaturation, information society, communication, information, information overload, information agression, escapism.

В современной эпохе можно было бы выделить множество характерных черт, но, вероятно, основной ее характеристикой, оказывающей наиболее заметное воздействие на все сферы человеческого бытия, является беспрецедентный рост объема доступной человеку информации. Научные фантасты середины XX в. и даже теоретики «информационного общества» считали это скорее положительным явлением. Представлялось, что знание всех людей будет сложено в некий огромный универсальный депозитарий, «облачное хранилище» (выражаясь современными терминами), и каждый будет иметь к нему быстрый и легкий доступ. Это информационное «облако» должно было стать достоянием всего человечества, суммой человеческих знаний о мире, к которому каждый смог бы иметь доступ. Но современная ситуация оказалась несколько иной – информация не лежит и не ждет, когда кто-то к ней обратится, она агрессивно сама «атакует» индивидов, хотят они того или нет.

Сразу следует оговорить, во избежание недоразумений, что под информацией здесь понимаются не просто любые данные, получаемые нашими органами чувств, но социально значимая информация, информация, содержащая некое сообщение, коммуникативная информация, требующая от человека осознания полученного сообщения и рефлексии над ним. Именно рост объема коммуникативной информации приводит к ситуации, которую мы можем назвать ситуацией информационного перенасыщения.

Осознание, что вместо проблемы информационного голода значительно более насущной становится проблема информационного перенасыщения, приходит достаточно быстро. Современные средства коммуникаций еще не успевают развернуться в полную силу, когда, в 1970-ых гг. Э.Тоффлер в «Футуршоке» вводит термин «информационная перегрузка» [Тоффлер, 1997]. В конце 1990-ых гг. формулируются представления об информационном стрессе [Бодров, 2000] и «синдроме информационной усталости» [Lewis, 1999], в рамках которого человек оказывается не в состоянии адекватно классифицировать поступающую информацию, отделять нужную от ненужной, достоверную от недостоверной и т.д., что приводит к его дезориентации. Ставится проблема информационной экологии и адаптации человека к информационной среде [Петрова, 2014].

Отталкиваясь от указанных выше концепций, следует сформулировать несколько проблем, которые представляются ключевыми в текущей ситуации.

1) Беспрецедентное увеличение числа доступных источников информации.

Надо сказать, что ощущение слишком большого количества информационных источников отмечали

представители каждой эпохи. Об избытке новых книг писали каждый в свое время и Сенека, и Эразм Роттердамский, и Готлиб Лейбниц, схожим образом сетуя о том, что познакомиться со всеми книгами невозможно, но их обилие сбивает с толку. Но, разумеется, эти эпохи несравнимы с текущей ситуацией, не только по количеству источников информации, но и по качеству. Если книги, на избыток которых жаловались философы прежних веков, были доступны только грамотным людям и производились грамотными людьми, наиболее просвещенными представителями своей эпохи, то современные источники информации доступны любому – умение читать и писать практически перестает быть обязательным, огромные объемы информации представлены в аудио-визуальном виде, не только более доступном для понимания, но и более активно воздействующем непосредственно на органы чувств человека, вызывая яркий эмоциональный отклик.

2) Невозможность проверки надежности источников информации.

Если взаимоотношения людей в традиционном обществе строились на личном доверии, а в эпоху модерна – на юридически закрепленном договоре, соблюдение которого было гарантировано законом или определенными властными структурами, то в современную эпоху пролиферации источников информации человек оказывается в ситуации, когда выбор достоверного источника становится практически невозможен. С учетом современных средств телекоммуникации любой пользователь Интернета может стать источником «информации», которая может с одинаковой вероятностью оказаться истинной, ошибочной или злонамеренным информационным «вбросом» («фейком»). Причем в последнем случае пользователь как правило остается безнаказанным – даже несмотря на то, что уровень анонимности в Сети стал значительно ниже, чем в ранние годы развития Интернет-сообщества, как правило, у «вирусно» распространяемой информации бывает трудно найти первоначальный источник, происходит та самая «смерть автора», о которой писали постмодернисты. И даже если авторство обнаруживается и подтверждается, а сам автор уличается во лжи, то устранить последствия информационного «вброса» уже оказывается невозможным: переданная им «информация» (по сути – дезинформация) уже стала частью массового сознания. Термин «постправда», ставший словом года в 2016 году [Труфанова 2018], приобретает все большую актуальность: человек оказывается в мире, где он не может доверять ни одному из источников информации, и понятие «истины», таким образом, начинает казаться бессмысленным.

3) «Агрессивность» информационной среды.

Как уже отмечалось выше, информация более не представляется пассивным «складом» фактов и сообщений. Если ранее информацию требовалось искать, добывать, прилагать какие-либо усилия для ее получения (хотя бы – достать книгу с полки и прочесть ее содержимое), то в современной ситуации проблематичной оказывается задача ограждения себя от информации. Живущий в современном обществе человек без всякого своего на то желания или усилий постоянно оказывается под «бомбардировкой» информационными сообщениями, которых он не искал: рекламные щиты, объявления зазывал из магазинов, всплывающие баннеры на вебсайтах, рассылка забавных «мемов» от многочисленных контактов в соцсетях. Защититься от этого информационного «мусора» возможно только одним путем – полностью изолироваться от общественной жизни, а также избавиться от любых средств телекоммуникации. Однако это, по сути, означает стать затворником. Другой выход состоит в том, чтобы сдаться под напором информации, и погрузиться в информационные потоки с головой, остаться жить в виртуальном мире. И ту, и другую модель поведения, можно оценить как эскапизм. Бегство является вполне естественной реакцией на агрессию, особенно в том случае, когда агрессии невозможно дать отпор.

Каковы основные следствия из перечисленных выше проблем? Не имея возможности доверять ни одному из бесконечного множества источников информации, человек утрачивает возможность ориентироваться в мире, его бытие оказывается фрагментированным, постоянно изменчивым, не более чем перекрестком различных информационно-коммуникативных потоков [Gergen, 2002]. Человек оказывается эволюционно не подготовлен к такому типу взаимодействия с информационной средой, он не способен отслеживать и оценивать слишком большое количество информационных сообщений. Как следствие он оказывается дезориентирован и неспособен ни осуществлять успешную познавательную деятельность, ни поддерживать целостность своей личностной идентичности. Информационное перенасыщение отражается на всех сферах бытия человека – как на его внутренней психической жизни, на его когнитивных возможностях, так и на его социальной деятельности, на его взаимодействиях с другими людьми. Неспособность справиться с информационной агрессией опасна не только для отдельно взятого индивида, у которого она является причиной серьезных стрессов, но и на уровне взаимодействия человеческих сообществ, которые также, как и включенные в них индивиды, оказываются неспособными к адекватной оценке поступающей со всех сторон информации. Таким образом, одной из ключевых задач современных наук о человеке должен стать поиск ответа на вызовы ситуации информационного перенасыщения.

Литература

1. Бодров, 2000 – *Бодров В.А.* Информационный стресс. М.: Пер сэ, 2000. 352 с.
2. Петрова, 2014 – *Петрова Е.В.* Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М.: ИФРАН, 2014. 137 с.
3. Тоффлер, 1997 – *Тоффлер Э.* Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
4. Труфанова, 2018 – *Труфанова Е.О.* Истина, знание и реальность в эпоху «постправды» //

VII Иоанновские чтения. Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее. М.: Летний сад, 2018. С. 17-25.
5. Gergen, 2002 – *Gergen, K.J.* The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N.-Y.: Basic Books, 2002. 320 p.
6. Lewis, 1999 – *Lewis D.* Information Overload. Practical Strategies for Surviving in Today's Workplace. London, 1999. 256 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00053
УДК 16

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ирина Алексеевна Герасимова
Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Цифровые технологии являются мощным фактором ускорения темпов глобального развития антропотехносферы. В условиях глобальных рисков ставится вопрос о необходимости отслеживания системных характеристик мира, которые охватывают природную планетарную среду, техносферу, геополитику и экономику, социальную среду, виртуальную среду, военные действия, культуру и общественное сознание. Неустойчивость глобального развития чревата взрывами и катастрофами. Автор выделяет две точки на происходящее в контексте глобальной эволюции человека – научно-рациональную и духовно-философскую. Научная рациональность цифровой эпохи формировалась в ходе западноевропейской истории. Опора на инструментальный интеллект – ее существенная черта. Традиционный Восток отдавал предпочтение развитию качеств внутреннего человека «по профессии». Нарушение баланса между гуманитарной культурой и запросами бизнеса в цифровой экономике ведет к подмене локальных задач материальной культуры глобальными целями в направлении цифровых технологических укладов. Перевод массового образования на онлайн обучение грозит экзистенциальными рисками по причине примитивности таких технологий. Эволюционное значение цифровых технологий автор усматривает в развитии «скоростных» коммуникативных познавательных способностей, виртуализации мыслетворчества, осознании ответственности за мысль в глобальных коммуникациях. Принимая во внимание достижения психодуховных практик, переоценка перспектив будущего автором связывается с уяснением природы сознания и природы мысли. Если ближайшие цели научно-технического развития усматривают в совершенствовании инструментального интеллекта, то альтернативная перспектива отдаленных целей предполагает переориентацию на раскрытие внутренних свойств человека.

Ключевые слова: цифровые технологии, системные характеристики мира, глобальные риски, бизнес, образование, когнитивная эволюция, инструментальный интеллект, духовный разум, ответственность за мысль, эстетика научного творчества.

DIGITAL TECHNOLOGY AND HUMAN EVOLUTION

Irina Alekseevna Gerasimova
DSc in Philosophy, Leading Researcher
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

Digital technologies are a powerful factor in accelerating the pace of global development of the anthropotechnosphere. In the context of global risks, the question is raised about the need to monitor the system characteristics of the world, which cover the natural planetary environment, the technosphere, geopolitics and economy, the social environment, the virtual environment, military action, culture and public consciousness. The instability of global development is fraught with explosions and catastrophes. The author identifies two points on what is happening in the context of global human evolution – scientific-rational and spiritual-philosophical. The scientific rationality of the digital age was formed in the course of Western European history. Reliance on instrumental intelligence is its essential feature. The traditional East gave preference to the development of the qualities of the inner man "by profession". The imbalance between humanitarian culture and business demands in the digital economy leads to the substitution of local tasks of material culture with global goals in the direction of digital technological structures. The transfer of mass education to online education threatens with existential risks due to the primitiveness of such technologies. The author sees the evolutionary importance of digital technologies in the development of "high-speed" communicative cognitive abilities, virtualization of thought creation, awareness of responsibility for thought in global communications. Taking into account the achievements of psychospiritual practices, reassessment of prospects for

the future the author is associated with the clarification of the nature of consciousness and the nature of thought. If the immediate goals of scientific and technological development are seen in the improvement of instrumental intelligence, the alternative perspective of distant goals involves a reorientation to the disclosure of the internal properties of man.

Keywords: digital technologies, system characteristics of the world, global risks, business, education, cognitive evolution, instrumental intelligence, spiritual mind, responsibility for thought, aesthetics of scientific creativity.

Уже нет сомнений в том, что цифровая эпоха привносит резкие изменения в жизнь человека: преобразуются все социально значимые сферы – экономика, образование, наука, культурная жизнь. Глобальные коммуникации ведут к глобальной взаимосвязанности и взаимозависимости планетарного тела, деятельности человека, состояния природной и техногенной среды, состояния общественного сознания. Темпы ускорения делают революционные процессы перманентными. Обостряется поляризация социальных движений, реальны угрозы взрывов и катастроф (природных, техногенных, социальных). В докладах Всемирного экономического форума ставится вопрос о необходимости отслеживания изменений системных характеристик мира, которые можно определить как сопряженную динамику: природной планетарной среды (климат, вулканическая деятельность, инверсия геомагнитного поля, космическая погода и пр.), техносферы (глобальные социо-технические комплексы), геополитики и экономики, социальной среды (миграции, проблемы мегаполисов, тяжелые условия жизни, состояние здравоохранения), военных действий, культурной среды и общественного сознания. В сложной реальности к наиболее опасным глобальным рискам относят: экологические, экономические, технологические, риски информационной безопасности, риски международной и национальной безопасности, экзистенциальные риски (угрожающие формам разума человека и его бытию как личности) [Соколов, 2015]. В перманентном ускорении темпов развития цифровые технологии играют лидирующую роль. В этих условиях о спокойном, эволюционном развитии глобальной системы говорить не приходится.

Прежде чем проблематизировать вопрос о влиянии цифровых технологий на трансформации разума, революционных и эволюционных изменений, стоит принять во внимание положения концепции глобального эволюционизма, согласно которой можно выделить взаимосвязанные, коэволюционирующие направления развития: физико-химическая, космическая, биологическая и культурная эволюция. В аспекте нашего рассмотрения уточним понимание целей и ценностей культурной эволюции, сделав акцент на развитии человека как разумного существа. Будем понимать культуру как творчество высших образов, к которым применимы критерии идеалов красоты (гармонии), истины и добра (справедливости, всеобщего блага). В философских учениях Запада и Востока понимание разума (интеллекта, сознания, духовного начала) различны. В самом общем виде, без уточнения деталей, будем ориентироваться на установку, согласно которой в отношении человека ведущей является духовно-культурная эволюция, которая сопряжена с психической и физиологической.

В связи с бурным развитием цифровых технологий и их социальных и экзистенциальных последствий насущей проблемой становится прогнозирование будущего. В этом отношении можно обозначить различные точки зрения, соответствующие профессиональному видению.

Обозначим наиболее четкую позицию, выраженную развитием материальной сферы – промышленности, бизнеса, экономики, и, соответственно, научно-технологической поддержкой, затрагивающей науку и образование. Рассмотрим пример из нефтегазовой отрасли как составной части мирового топливно-энергетического комплекса. Применительно к отрасли можно говорить о цифровом нефтегазовом деле, цифровом нефтегазовом университете, гуманитарных аспектах цифровизации, и, в частности, петророботики. В нефтегазовом деле цифровые технологии сосуществуют наряду с традиционными, причем первые в значительной степени решают проблемы извлечения экономической выгоды, снижения влияния человеческого фактора на сложное производство, замены тяжелых, опасных и стереотипных операций автоматизацией, мониторинга технологических операций на труднодоступных месторождениях и подводных фабриках, в экстремальных ситуациях [Ивлев, Еремин, 2018]. Разработка перспективных технологий предполагает экономико-политические решения, систему финансирования, современные научные центры, поддержку в образовательной сфере, включая перманентное образование (цифровой нефтегазовый университет, цифровая школа) [Басниева и др., 2018]. Поднятые вопросы связывают с гуманитаризацией инженерно-технического труда. И вряд ли кто с этим не согласится. Вопрос только в том, всё ли предусмотрели?

При системном видении сразу встают проблемы социальных рисков, связанных с безработицей, обеднением населения, деградацией, что чревато социальными волнениями. Другая группа рисков связана с человеческим фактором. Дело в том, что никакая технологическая проблема сегодня не может быть решена без определенного уровня общественного сознания и миропорядка. Можно предусмотреть подготовку немногих высококвалифицированных работников, обслуживающих промышленность, но при низком уровне массового сознания, это трудно. Дисциплина, понимание смыслов физических законов, сути технологий, готовность принимать творческие решения – качества инженера, которые взращиваются в среде. Не менее важен вопрос о биологической, психической, когнитивной безопасности цифровых технологий. Особенно остро встает вопрос перевода на онлайн обучение школьников с младших классов (тьютеры вместо учителей, механизация и алгоритмизация программ, насильное внедрение технологий без обстоятельной проверки

на безопасность для здоровья, рост апатии и агрессии среди подрастающего поколения, проблемы с базовыми способностями). Сделаем вывод: цифровые технологии востребованы бизнесом, но на сегодняшний день они примитивны, не учитывают человеческий фактор (физическое и психическое здоровье, социальные проблемы). Требуется серьезная доработка технологий в широком контексте проблем социальной и экзистенциальной безопасности. Обратим внимание: в интересах мирового бизнеса и при установках общества на потребление локальные материально-технические задачи выдаются за магистральное направление эволюционного развития, то есть как глобальные.

При обсуждении глобальной актуальной ситуации и перспектив будущего, представляется плодотворным обсудить разные, даже далековатые, точки зрения на место человека в мире и природу его разума. В этих целях выделим, условно говоря, научно-рациональную и духовно-философскую точки зрения на периоды революций и эволюций в истории человечества. В стандартной модели генезиса науки, выделяют древнегреческую цивилизацию как колыбель западноевропейской рациональности, в которой формируются новые когнитивные способности – логика, теоретическое мышление, оперирующее понятиями и процедурами рассуждения. Пробуждается интерес к исследованию объективной, окружающей природы. Этот важный период характеризуют как переход от магии к рациональной науке. В когнитивном аспекте развивается интеллект и сопряженные способности. С речью и интеллектом связывают осознанность, дисциплинированное мышление, развитие форм коммуникативного разума, и, как следствие, ответственность за свои действия. Революционные тенденции Нового времени привели, в том числе, к союзу науки и техники, а в когнитивном аспекте к интенсивному развитию инструментального интеллекта, опирающего на любого рода приспособления, а сегодня на цифровые технологии. В перспективе эволюцию инструментального интеллекта усматривают в смене технологических укладов.

Глобальные коммуникации и распространение идей восточной философии позволили ознакомиться с иным пониманием природы человека и потенциальных возможностей его разума. Если доминирующая тенденция Запада была направлена на познание и преобразование внешней природы, то традиционный Восток развивал внутреннюю природу человека «по профессии», оттачивая навыки, способности и мастерство в различных видах деятельности (что эволюционно закреплялось в генетическом коде), в том числе, во врачевании, ремеслах, боевых искусствах, психодуховных практиках. Рационализация в психодуховных практиках шла по руслу трансляции знания в школе (учитель-ученик), с последующим оформлением в философских системах. Картины мира в практиках типа йогических, принципиально охватывали внутренние, субъективные, слои реальности. Обращу внимание на то обстоятельство, что в индийской философской традиции, нет понятия разума (рациональности) в европейском смысле. Интеллект можно сопоставить с понятием «манаса», которое в большинстве философских школ передает смысл «эмпирической ментальности», «внутреннего чувства», «чувственного ума», основная функция которого координировать и синтезировать деятельность сенсорных и моторных органов [Лысенко, 2009]. С этой точки зрения «инструментальный интеллект» усиливает свои потенции за счет технических приспособлений, адаптированных к возможностям телесных чувств, но познавательные возможности чувств ограничены. Более того, эмпирический ум не признается сознательным: «в большинстве философских школ этот термин обозначает не активную познавательную способность (ср. разум в европейской традиции), а бессознательный инструмент, деятельность которого направляется сознательной душой» [Лысенко, 2018, с.502]. В святоотечественной традиции есть сходное различение «телесного ума» и «ума души» как непосредственной способности видеть суть вещей, различая добро и зло. «Душезрительная способность» раскрывается воспитанием эмоций («страстей»), ума, воли и всего того, что не вербализуется, но составляет основу тонких свойств человеческой психики. В аспекте культуры тонкие психические и когнитивные свойства традиционно осваивались и воспитывались в творческих профессиях и в индивидуальных лабораториях искусства.

С духовно-философской точки зрения, цифровую цивилизацию с опорой на инструментальный интеллект можно оценить как закономерный этап эволюции, технологии позволяют осознать новые потенции человека как существа психического и духовного, но сами технологии примитивны по сравнению с возможностями человека. Можно предложить образ науки будущего, фундаментом которой станет этика как ответственность за мысль и эстетика как чувство красоты мироздания. Революции в технологиях должны уступить место революции в сознании, а инструментальный интеллект – духовному разуму.

Литература

1. Басниева и др., 2018 – *Басниева И.К., Еремина И.А., Еремин Е.А., Сарданашвили О.Н., Маврикиди Ф.И.* Цифровой нефтегазовый университет – платформа для переквалификации // Актуальные проблемы нефти и газа. 2018. №1. С. 1-8.
2. Ивлев, Еремин, 2018 – *Ивлев А.П., Еремин Н.А.* Петророботика: роботизированные буровые комплексы // Бурение и нефть, 2018, №2. С. 8-13.
3. Лысенко, 2009 – *Лысенко В.Г.* Манас // Индийская философия: Энциклопедия. М.: Вост. лит., 2009. С. 501-503.
4. Соколов, 2015 – *Соколов Ю.И.* Глобальные риски XXI века // Проблемы анализа риска. 2015. Т.12. №2. С. 6-20.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00054
УДК 130.2

ПОСТТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Вадим Михайлович Маслов
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Современное общественное развитие требует дальнейшего осмысления техногенного феномена. В теории техногенной цивилизации анализируется техногенное как таковое. Цель техногенного: преобразование всего наличного в рациональное, управляемое, искусственное, техногенное. Техника из средства становится целью. Человек (как био-социальное существо) преодолевается по двум направлениям: постчеловеческому (появляются техно-социальные существа) и вне-человеческому (появляется искусственный интеллект). Сохранение человеческого видится либо на путях отхода, либо контроля развитых форм техногенного. Контроль постчеловеческих и внечеловеческих тенденций и итогов суть формирования посттехногенной цивилизации. Теория посттехногенной цивилизации суть теории главной цели современного человечества. Современность требует активизации философской практики формирования посттехногенной цивилизации. Ведущая философская практика утверждения посттехногенной цивилизации должна выступить в роли ведущего СМИ. Философская посттехногенная практика, опираясь на наличные логико-риторические, методологические, эвристические знания и умения, способна отстоять посттехногенную истину в любой полемике. В идеале, необходимо, чтобы все обучающееся (будущие представители всех профессий) приобщались к посттехногенному тестированию своей деятельности, обеспечивая начало формирования и дальнейшее функционирование посттехногенной цивилизации. Такого качества университет будущего можно обозначить как социально ответственный университет.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, посттехногенная цивилизация, теория, практика, СМИ, общественное мнение, социально ответственный университет.

POST-TECHNOGENIC CIVILIZATION: FROM THEORY TO PRACTICE

Vadim Mikhailovich Maslov
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Modern social development raises the question of further understanding of the technogenic phenomenon. This is achieved in the theory of technogenic civilization, analyzing technogenic as technogenic. Own goal technogenic: the conversion of existing in a rational, controlled, artificial, technogenic. Man (as a bio-social creature) is overcome in two ways: post-human (techno-social creatures) and outside-human (artificial intelligence). The preservation of the human being is seen either on the ways of withdrawal or control of the developed forms of technogenic. Control of post-human and outside-human trends and outcomes is the formation of post- technogenic civilization. The theory of post- technogenic civilization is the theory of the main goal of modern humanity. Modernity requires a transition to the practice of formation of post-technogenic civilization. Leading philosophical practice approval post-technogenic civilization needs to play the role of leading mass media. Philosophical post-technogenic practice – relying on the available logical-rhetorical, methodological, heuristic knowledge and skills – is able to defend post-technogenic truth in any polemic. It is necessary that all students become involved in post-technological testing of their activities, ensuring the beginning of the formation and further functioning of post-technological civilization. This type of the future University can be described as a socially responsible University.

Keywords: technogenic civilization, post-technogenic civilization, theory, practice, mass media, public opinion, socially responsible University.

Масштабность общественных изменений кон. XX – нач. XXI вв. позволяет сделать решающие шаги в осмыслении техники, технического, технологического, техногенного (в анатомии человека – ключ к анатомии обезьяны). Это обеспечивается разработками отечественной теории техногенной цивилизации, выводящей на анализ техногенного как такового. Цель техногенного: преобразование всего наличного в рациональное, управляемое, искусственное, техногенное. Фиксируется качественный разрыв прошлого и настоящего бытия техногенного.

В прошлом техногенное выступало средством решения человеческих проблем. Сейчас техногенное начинает обретать свойство субъектности. Намечаются две возможные цели развития техногенного. В одном, постчеловеческом направлении развития исходная био-социальная природа человека трансформирует-

ся в искусственную техно-социальную природу пост-человека. В другом, внечеловеческом направлении развития формируется новая форма разумной жизни – искусственный интеллект.

Очевидная опасность пост- и внечеловеческих направлений техногенного развития для человеческой (био-социальной) жизни активизирует защиту человеческого. В одном случае критика может дойти до луддизма и ориентироваться в спасении человеческого на дотехногенные формы социальной жизни. В другом случае исходят из надежды, что техногенное развитие можно контролировать в его пост- и вне-человеческих результатах. Возникающее в последнем случае общество можно идентифицировать посттехногенной цивилизацией. Ориентация на отказ от современных научно-технических достижений ведет к очевидному негативному влиянию на жизнь людей. Создание посттехногенной цивилизации видится вполне приемлемой, идеальной целью развития современного человечества, как современного человечества.

Теория посттехногенной цивилизации фиксирует новые качественные пределы бытия человека. Раньше было известно, что человек не должен становиться животным и не может («грехи не пускают») стать богом. Теперь добавляется, что человек может, но не должен становиться мутантом, киборгом, виртуанавтом и доверять искусственному интеллекту. Теория посттехногенной цивилизации – предельное, системное место понимая, оценки, структурирования научно-философских представлений о техногенных феноменах.

Примером новейшей критики является указание на то, что неопределенность «общества риска» У. Бека, не отменяет определенности пост- и вне-человеческих тенденций, или что «эго-медиум» (информационное замыкание человека на самом себе [Фортунатов, 2018]) представляет собой проявление информационно-виртуального вектора пост-человеческого развития [Маслов, 2018]. Примером на возможность самых радикальных предложений можно взять идею экономии мышления на пути «сведения философии техники к теории посттехногенной цивилизации».

Открывающийся широкий, сложный, проблемный фронт теоретических изысканий, еще больше усиливает необходимость практической философской работы по формированию посттехногенной цивилизации. Это акцентирующийся мотив современных материалов [Тяпин, 2017; Васенкин et al, 2018 и др.].

Трансформация современной техногенной цивилизации в посттехногенную – касается всей социальной действительности. Встает задача выделения наиболее значимого направления практических философских действий. Ключевым является понимание того, что создание посттехногенной цивилизации – это общенародное, общечеловеческое дело. Посттехногенная проблематика должна стать значимой темой для множества людей, ведущим содержанием общественного мнения. Сейчас подобное обеспечивают СМИ. Соответственно, ведущая философская практика утверждения посттехногенной цивилизации должна выступить в роли ведущего СМИ. Высокую конкурентоспособность подобной философской практики обеспечивают следующие наличие и принципиальная возможность.

Философская посттехногенная практика – опираясь на логико-риторические, методологические, эвристические знания и умения – способна отстоять посттехногенную истину в полемике, перед лицом любых оппонентов или СМИ. Философская посттехногенная практика имеет все основания сомневаться в распространенном представлении о всесилии СМИ, которые могут навязать любые идеи общественному мнению (что, в частности, утверждается радикально конструктивистской «концепцией публичных арен» [Хилгартнер et al, 2008]).

Философия не в силах отразить всю совокупность посттехногенных проблем. Но философия способна указать на наличие принципиальной возможности успешного разрешения множество посттехногенных проблем. Последнее может быть обеспечено в рамках развивающегося процесса образования.

Без длительного научно-технического обучения невозможна ни техногенная, ни посттехногенная цивилизация. Можно и нужно, чтобы все обучающееся приобщались к посттехногенному тестированию своей деятельности (в сумме гарантируя контроль всей значимой научно-техногенной деятельности), обеспечивая начало формирования и дальнейшее полноценное функционирование посттехногенной цивилизации.

Такого качества университет будущего – социально ответственный университет, который можно рассматривать как форму критического преодоления становящейся сейчас новой исторической формы университета – предпринимательского университета [Щелкунов, 2017].

Литература

1. Васенкин et al, 2018 – *Васенкин А.В., Васильева Н.А.* Трансгуманизм как проявление постчеловеческого в современном мире // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 1А. С. 69-75.
2. Маслов, 2018 – *Маслов В.М.* «Эго-медиум» как феномен техногенной цивилизации // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 44-48. DOI: 10.5840/dspl20181442.
3. Тяпин, 2017 – *Тяпин И.Н.* NBICS-конвергенция как орудие расчеловечивания: технология и идеология // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей. – Н. Новгород: ННГУ, 2017. С. 152-154.
4. Фортунатов 2018 – *Фортунатов А.Н.* Галактика Зворыкина. Угасание телевизионной эпохи // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 25-36. DOI: 10.5840/dspl20181440.
5. Хилгартнер et al, 2008 – *Хилгартнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция

публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 73-94.
6. Щелкунов, 2017 – *Щелкунов М.В.* Университеты нового поколения // Вестник ТИСБИ. 2017. №2. С. 17-26.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00055
УДК 141.1

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ ПОЛИОНТИЗМ И КОЭВОЛЮЦИЯ[22]

Владимир Александрович Кутырев
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Владимир Владимирович Слюсарев
Младший научный сотрудник
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В данной статье авторы предпринимают попытку проследить параллели между двумя оппозициями: революцией и эволюцией с одной стороны, и коэволюцией и самоорганизацией – с другой. Прежде всего, отмечается, что противопоставление революции и эволюции в современной социальной реальности является недостаточно актуальным и несколько устаревшим. Современный мир тяготит к стиранию границ между размеренным эволюционным развитием и резкими революционными изменениями, превращаются в непроходящую революцию. Именно такой представляется происходящая сейчас Четвертая промышленная революция. Подобная реализация революционной эволюции близко граничит с концепцией самоорганиции – столь же универсальна и всеобъемлющая. Именно универсальный, революционной эволюционизм является фундаментальной основой конвергенции, трансформирующейся в бесцельный новационно-технологический трансгресс. Человек выносится «за скобки», становясь устаревшим, стремится к своей «ненужности в мире». В качестве альтернативы конвергенции, развенчивающей человека, авторами предлагается обратиться к концепции коэволюции как модели «коммуникативной онтологии». В противовес постоянному противопоставлению и взаимоборьбе различных онтологий, на которой основывается идея прогресса, предлагается концепт полионтизма – коммуникации и взаимообмена разных подходов мирооописания. Авторами выдвигается предположение о том, что именно полионтическая коэволюционная парадигма может стать эффективным способом сохранения традиционного пространства жизненного мира человека.

Ключевые слова: конвегенция, коэволюция, антропоконсерватизм, онтология, синегретика, технонаука.

UNIVERSAL EVOLUTIONISM AND CONVERGENCE OR POLYIONTISM AND CO-EVOLUTION

Vladimir Alexandrovich Kutyrev
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Vladimir Vladimirovich Sliusarev
Junior Fellow Researcher
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The authors attempt to draw a parallel between two oppositions: revolution and evolution on the one hand, and co-evolution and self-organization on the other. First of all, they note that revolution and evolution in modern social reality are not sufficiently relevant and somewhat outdated. The modern world to erase the boundaries between the size of evolutionary development and dramatic revolutionary changes, turning into a non-passing revolution. The Fourth industrial revolution. Such a realization of revolutionary evolution closely borders on the concept of self-organization — just as universal and comprehensive. It is universal, revolutionary evolutionism that is the fundamental result of convergence, which transforms into a purposeless innovation-technological transgression. Human strives beyond the brackets, becoming obsolete, striving for his "uselessness in the world." The authors propose to refer to the concept of co-evolution as a model of "communicative ontology." In contrast to the constant opposition and mutual assistance of various histologists, which are based on the idea of progress, the concept of polionticism is proposed - communication and interchange of different

[22] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335

approaches to world-description. For this, it is necessary that the polionic co-evolutionary paradigm could become an effective way to preserve the traditional space of the lifeworld.

Keywords: convection, co-evolution, anthropo-conservatism, ontology, synergetics, techno-science.

В новационном мире оппозиция революции и эволюции становится неактуальной. Новации носят непрерывный и универсальный характер. Перманентная революция… Но в этом качестве она превращается в универсальный эволюционизм. Не случайно, начиная со второй половины XX века и по сию пору, универсальный эволюционизм, методологическим стержнем которого является синергетика, стал наиболее авторитетной теоретической моделью Бытия (в научной редукции – материи, Вселенной). Ему/ей присягнули почти все естественные науки, от микро- и астрофизики до химии и биосемиотики. В ней атрибутом бытия становится не любое изменение, «движение», а развитие. Все другие возможные его состояния лишаются самостоятельного статуса и предстают вариацией становления, источником которого признаётся ничто, хаос, пустота («Время предшествует бытию» – такую запись оставил И. Пригожин на стене для почетных гостей в МГУ), а также как самоорганизация и упорядочивание… времени(?).

В бытийно-генетическом плане этот абсолютный новационизм есть Самоорганизация, некий Акт, целью которого является, например, в эволюционизме Тейяра де Шардена «точка Омега» (фактически Бог) или живой Бог верующих (без кодирования знаком), Высший Разум (бог рационалистов) или просто дурная бесконечность. В любом случае развитие начинается или останавливается либо в каком-то фиксированном Субъекте, который вечен, либо в хаосе бесконечности. Однако бесконечность, будучи бесцельной, допускает любые повороты, превращения и возвраты. Значит, однонаправленного «развития по-научному» не получается. Идея развития не научна как таковая. Не редукционистская. Неудивительно, что в физике продолжают существовать другие модели Вселенной: стационарная, пульсирующая, «схлопывающаяся», «матричная» и т.д. Каждая из них имеет своё теоретическое и эмпирическое обоснование, аргументы «за» и «против», по силе они нередко кажутся одинаковыми. Не нам судить, кто из «физиков» прав.

Однако философия без привязки к большой теории обойтись не может. Осуществляя её, надо помнить об обусловленности науки нашим жизненным миром, особенно в социально-культурном плане. И, наоборот, о влиянии технонауки на него. Окончательный аргумент в выборе должен быть за интересами человека. С этой точки зрения в нынешних обстоятельствах эволюционизм не может быть философией людей, их выживания. Универсальный эволюционизм – предельно обобщённое выражение идеологии линейного прогресса, когда он выходит за пределы социума и распространяется на мир в целом, в результате чего все формы сущего представляются предпосылкой какой-либо одной, той, что признается высшей или (по времени) – последней. Причиной такой универсализации является стремительное возрастание роли искусственного в окружающей нас реальности, через призму которого начинают рассматривать всё. Искусственное изобретается, проектируется, «творится» – изобретается/творится и остальной мир, в том числе его прошлое и настоящее. Естественному, рождено-смертному человеку и «до-мысленной», не переработанной природе в искусственном мире не остается места. Потому что она – природа, и он – человек – не последние и не «высшие» состояния бытия. Последними, значит высшими, являются последние технологические достижения, которым сдают «на исправление и усовершенствование» человека. Универсальный эволюционизм – это фундамент конвергенции, инонизма и трансгоманизма, бесцельного новационно-технологического трансгресса, уносящего с собой людской род.

Философия сохранения любого сущего должна исходить из того, что бытие в целом какой-то высшей цели не имеет, что это реальность, отдельные части, сингулярности, «системы», уровни которой, взаимодействуют друг с другом. Это идея коэволюции. Как атрибут бытия она допускает одновременное разнообразие его форм и состояний. В отличие от идеологии прогрессизма, предполагающей отрицание одной системы другой, коэволюция предполагает их совместное развитие в рамках некой целостности взаимодействия. Они – со-у(ю)зники. Это динамическое, внутренне расчленённое, субстратно разнородное состояние универсально коэволюционирующего целого. Его компоненты связаны друг с другом не субстратом, а единством той или иной функции, местом в структуре/сети существования. Внешней среды для него нет, она трансформируется в способ взаимодействия включенных в него компонентов. Такой подход позволяет учесть специфику одновременного (со)существования и поддержания самости естественного и искусственного, живого и мёртвого, человеческого и иного.

Коэволюция – это неоконсервативная «модель», «схема» Вселенной, признающая самоценность всех её бытийных форм, в соответствии с их сущностной природой. Коэволюция – модель «коммуникативной онтологии». Она, конечно, философская, умозрительная, но не более, нежели многие другие модели, выдвигаемые в физике и фундированные математическими выкладками. За этими выкладками обычно всё равно стоит какая-то содержательно-смысловая идея, мировоззренческая концепция. Для коэволюционно-коммуницирующего мира нет внешней цели, она у него «в себе». Также и у его отдельных миров, направленных на иное, которое, в свою очередь, служит их бытийности. Это значит, что можно говорить о взаимо-со(во)-купно-действии миров жизни и миров разума без их редукции к какому-либо одному из них. В том числе, и прежде всего, не допуская подмены качественной человеческой реальности информационно-компьютерной, гуманизма трансгоманизмом, проживания Бытия – его техногенным моделированием.

В тысячелетних спорах о природе сущего, Вселенной идея коэволюции как онтологической коммуни-

кации порывает с его/её господствовавшей «аристотелевской», иерархической трактовкой как единственного мира и опирается на модель (концепт) множественности миров. Она является полионтической, мультиверсалистской. Как показал знаток данной проблемы В.П. Визгин, это линия атомизма, Н. Кузанского, Дж. Бруно, Лейбница. «Природа не только соединяет вещи, – реконструирует он принципиальную идею Дж. Бруно, – но и заботливо их разделяет, что означает, что разъединение, множественность и разнообразие ценны сами по себе, так как настоящее единство живо именно неунифицированным разнообразием» [Визигин, 2007, с. 183].

В истории идей данная линия была маргинальной. (Дж. Бруно сожгли в т.ч. за неё). Однако именно в этом направлении должна, по-видимому, идти наша мысль в связи с кризисом, вызванным постмодернистским отрицанием мира и человека в нём, вернее, с поисками выхода из сложившегося самоубийственного положения. Выхода, если не получается «возврата к Платону», путем другой, «спасающей» человека парадигмы моделирования реальности. Возникает задача создания «позитивного постмодернизма», решением которой в какой-то форме занимают(ли)ся(ь) его последние могикане или, лучше сказать, «after-постмодернисты». Ведущий из них, Жан-Люк Нанси вместо (после) постмодернистских опытов деконструирования метафизики предпринял её новую реконструкцию, связывая это предприятие с идеей множественности миров. «Существование, – формулирует он исходный тезис своего проекта, – существует во множественном числе, единично множественном. Следовательно, формальное фундаментальное требование, видимо, таково: в отношении бытия не может быть выдвинуто даже предположение о том, что оно является просто единичным. Его единичность множественна в самом своём бытии» [Нанси, 2004, с. 95]. Из этого следует не только, что бытие-друг-с-другом не должно пониматься исходя из положения о едином бытии, но, что напротив, именно единое бытие (бытие как таковое, абсолютное бытие, или ens realissimum) должно пониматься лишь исходя из бытия друг-с-другом.

Соглашаясь с подобным подходом, мы не можем на него полностью, т.е. бытийно, опереться. В силу природы постмодернизма полионтизм в нём сводится к «дигитальной онтологии», виртуалистике, а истиной бытия объявляется матема и её «пустые множества». В своём дальнейшем развёртывании проект Ж.-Л. Нанси поразительно напоминает слепок с взаимодействия агентов (Множество), объединённых универсальной коммуникационно-информационной Сетью (Единство). На(по)следники постмодернизма не могут освободиться из плена информационности и когнитивизма, им уже трудно представить, будто что-то существует за пределами языка, знания, текста, вне их граммато(логической) паутины (как страшно оторваться от всё более плотно окружающих нас, грозя замуровать в искусственном мире, экранов и симулякров). Представляется, что идея коммуникации множества миров должна разрабатываться в бытийно-физическом и антропологическом плане, в русле субстратно-коммуникативной онтологии и смыслового, ценностного подхода, а не (только) когнитивного моделирования. В отношении каждого отдельного мира она ориентирует на возможность взаимодействия и диалога с ним, исходя из того, что, как писал идеолог универсального диалогизма М.М. Бахтин, «ничего окончательного в мире ещё не произошло, последнее слово мира ещё не сказано, мир открыт и свободен, ещё всё впереди и всегда будет впереди» [Бахтин, 1979, с. 193].

Концепт коммуникативного полионтизма – это Единство во множестве, Со-бытие, но далее, в отношении характера составляющих его миров и их взаимодействия – вопросы, открытые на разных уровнях знания. Речь может идти о бесконечно актуальных или потенциальных множествах; или когда бесконечное множество мыслится как потенциальное, а единство как актуальное, задаваемое субъектом, например, при постулировании «жизненных миров» в феноменологии; о взаимодействии единства и множества по принципу континуальности, голографии – всё в одном, одно во всём; или о моделях синергийного существование миров «неслиянно и нераздельно», подобно Троице, хотя не ограниченное базисным минимумом бинарной логики, а «неслиянно и не раздельно» в масштабах множества миров. И т.п. научно-теоретические модели, особенно на уровне квантового мира, при обсуждении которых философии не следует претендовать на сколько-нибудь квалифицированный голос. Она рефлексирует над принципами и общим движением мысли, над Zeitgeist, при том ценностно, оценочно. Что мы и пытаемся делать, отдавая предпочтение полионтической парадигме как более адекватному началу для обоснования права на выживание «традиционного» человека. В вопросе Генезиса ей соответствует не креационизм в виде возникновения из ничего, а принцип феноменологической манифестации бесконечно вечного. В дарующей нам надежду коэволюционно-коммуникативно-полионтическо-эстетической редакции книги Бытия сказано: «В Начале было Всё. И Всё было у Бога, и всем был Бог».

Литература

1. Визгин, 2007 – *Визгин В.П.* Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 336 с.
2. Нанси, 2004 – *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Мн: Логвинов, 2004. 272 с.
3. Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00056
УДК 303.01

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Нина Михайловна Малиновская
Кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

В первой части статьи показано, как термин «революция» превращается из предиката синтетического суждения об отдельном событии в категориальное понятие социальной философии, философии истории и методологии, в содержании которого раскрывается сущность глобальных социальных трансформаций. Коренные изменения форм человеческой деятельности и социальных отношений, обозначенные исследователями в разное время как революции, складываются в общую картину развивающегося социального мира.

Построена классификация информационно-коммуникационных революций (ИКР), в которой появление философии, абстрактной математики и логики рассматривается как ИКР «Осевого времени» – середины I тысячелетия до н.э.

Автор привлекает эвристические, прогностические и методические возможности понятия «революция» к поиску ответа на вопрос, можно ли противостоять нарастающей в ходе четвертой промышленной революции «деколлективизации». С этой целью прослеживается связь ИКР и профессиональных революций с эволюцией типов совместной деятельности, выделенных и исследованных отечественными учеными. Перечислены пять императивов совместно-творческой деятельности. Обоснована взаимосвязь форм организации совместной деятельности и типов профессионализма.

Отмечен практический характер проблемы перехода к совместно-творческой деятельности.

Ключевые слова: гуманитарно-технологическая революция; информационно-коммуникационные революции; формы организации совместной деятельности; типы профессионализма.

REVOLUTION COLLECTORS

Nina Michailovna Malinovskaya
PhD in Philosophy, Associate Professor
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

The first part of the thesis shows the transformation of the term «revolution» from a predicate of synthetic judgment about the individual event into a categorical concept of philosophy of history, social philosophy and methodology. The content of this concept reveals the essence of global social transformations. Fundamental changes in the forms of human activity and social relations, marked by researchers at different times as a «revolutions», are formed in the overall picture of the developing social world.

The classification of information and communication revolutions (I&CR) is constructed. The emergence of philosophy, abstract mathematics and logic is regarded as the I&CR of «Axial time» – the middle of the first Millennium B C.

The author uses heuristics, prognostic and methodological possibilities of the concept «revolution» to find an answer to the question whether it is possible to resist growing during the Fourth industrial revolution «decollectivization». The connection of I&CR and professional revolutions with evolution of types of joint activity is traced. Five imperatives of joint creative activity are listed. The interrelation of forms of the organization of joint activity and types of professionalism is proved. The practical nature of the problem of transition to joint creative activity is noted.

Keywords: humanitarian and technological revolution; information and communication revolutions; organizational forms of joint activity; types of professionalism.

«Переворот в мозгах из края в край…»
В. Высоцкий

Основная масса потребителей философских концепций сосредоточена в вузах, где философия имеет статус дисциплины.

Преподаватель философии раскладывает революции по темам: четыре типа социальных революций, по Марксу; четыре научные, по Т. Куну и В.С. Стёпину; не менее пяти технических; пять информационных, по А.И. Ракитову; четыре профессиональные, по П.В. Малиновскому; шесть управленческих. При методи-

ческой необходимости выстраиваем ряды из культурных и духовных революций.

В 2011 г. в Германии заговорили об Индустрии 4.0, и промышленных революций теперь насчитывают четыре: 1) 1760-1840 изобретение парового двигателя и строительство железных дорог; 2) с к. XIX до н. XX в. – электрификация и внедрение конвейера; 3) 1960-е гг. развитие полупроводников и больших ЭВМ, в 70-80-х – персональных компьютеров, в 90-х – сети Интернет; 4) на рубеже тысячелетий – мобильный интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины [Шваб, 2016, с. 11].

Недавнее приобретение нашей коллекции гуманитарно-технологическая революция. “Новый виток развития человечества будет связан с изменением вектора социально-экономического развития «человек для экономики» в направлении «экономика для человека»” [Иванов, 2018, с. 62]. При этом технологическое пространство станет дружелюбным, но отчуждение людей друг от друга, или «процессы деколлективизации», усилятся. “Наделенный сознанием придаток частичной машины” (Маркс), носитель коллективистской нравственности, на глазах уже превратился в оголтелого единоличника – придаток вездесущего малютки-гаджета. Что же в этом «гуманитарного»? Здесь мы переходим к сопоставлению революций различных типов, с точки зрения проблемы морального и технического прогресса.

Начало Великой индустриальной, или первой промышленной революции из четырех, по времени совпадает с Великой французской революцией 1789–1799 гг. Англичанин Джеймс Уатт получил первый патент на свою паровую машину 5 января 1769 г. Первый промышленник, купивший патент на машину, разорился. Перекупивший патент М. Болтон создал в 1775 году компанию «Болтон и Уатт». К 1800 г. компания произвела 496 машин. Уатт разбогател. На 50 фунтовой банкноте Английского банка в 2009 г. помещены их портреты – изобретателя и промышленника, ключевых персонажей Великой индустриальной революции.

Термин «Индустрия 4.0» предназначен для обозначения процесса “коренного преобразования глобальных цепочек создания стоимости” [Шваб, 2016, с. 12]. И.И. Ползунов, механик на Колывано-Воскресенских горнорудных заводах Алтая, предложил первый в мире проект парового двигателя в 1763 г., но судьбы изобретателя и его изобретения не стали звеньями соответствующей «цепочки создания стоимости».

Фирменный философский переворот одновременно с Великой французской революцией совершил И. Кант. Социальная революция в значении «государственный переворот» входит в политическую терминологию благодаря герцогу Лианкуру: “Нет, сир, это не бунт, а революция!”. А ведь когда-то латинское слово из названия книги Николая Коперника «De revolutionibus orbium coelestium», напечатанной в 1543 году в Нюрнберге, было безобидным астрологическим термином. Слову «революция» более всего соответствует в русском языке «перенастройка, перестройка».

Кант поставил задачу произвести Коперниканский переворот в философии. Последствия Кантовской философской революции состояли в том, что понятия, начиная с опыта, использовавшиеся для характеристики индивида, стали применять в отношении некоторой общности. В опыте, который от Аристотеля трактовался как индивидуальное и случайное единство ощущений и памяти, выделяется общее. Теория опыта Канта, в особенности понятие трансцендентального субъекта, содержит противоядие против воинствующего индивидуализма. Речь не о том, чтобы воспитывать посредством чтения философских сочинений, но об общем направлении мысли.

Ровесник Канта англичанин Адам Смит, выпускник кафедры нравственной философии, ввел абстрактное понятие «богатство народа». Тезис Смита противоречит очевидному положению дел: богатый живет, не трудясь, трудящийся не богатеет. Кому же принадлежит богатство народа? – в основном владельцу капитала. В марксизме разработаны, в свою очередь, абстракции: «общественные отношения», «общественное бытие», и даже «общественное сознание». К концу XIX века появилась «социальная психология».

Раскрытие диалектического единства единичного и общего, случайного и необходимого, индивидуального и социального, «морального закона во мне» и принципа всеобщности требования – главное достижение философии, которую в 1886 г. Ф. Энгельс назвал классической, потому что она создана профессорами для студентов. “Ты умен и талантлив, но твой разум по большей части – продукт исследовательской деятельности других ученых!”.

Формы связи между людьми рассматриваются в концепциях информационных революций (ИР), появившихся на исходе XX в. В отечественной философии науки широко известна концепция пяти ИР А.И. Ракитова [Ракитов, 1998]. Она давно стала мемом. Концепция не устарела, хотя и нуждается в обновлении. В ряду ИР не нашла своего места между изобретением письменности и наборным книгопечатанием, ИР «осевого времени», связанная с появлением категориального теоретического мышления в трех формах: 1) абстрактная математика; 2) философия; 3) логика.

Третья ИР произошла на фоне применения технологий железного века, алфавитного письма с полным набором фонем, перехода к монетарной экономике, меняющихся эстетических стандартов, формирования диалоговой организационной культуры, возникновения новых форм религиозности.

Фактически, происходили информационно-коммуникационные революции (ИКР) (Таблица 1).

Таблица 1. Информационно-коммуникационные революции (ИКР)

№	Время	Знаковое явление	Новые каналы связи	Расширение коммуникативного пространства	Новые коммуникативные практики
1	75-50 тыс. лет назад	членораздельна речь	развитый речевой природный аппарат	мир духов природы; загробный мир	обращение; речевое общение; шаманизм
2	4-3 тыс. лет до н.э.	письменность	клинопись, иероглифическое письмо на камне, керамике, коже	мир богов, мир правовых отношений	молитва, сообщение, распоряжение, документ
3	VI–IV вв. до н.э.	философские школы	алфавитное письмо; манускрипты	мир идей, мир ценностей; ученики; единомышленники; святой Дух	преподавание; диспут (диалог); монолог (лекция, речь); переписка
4.	сер. XV в.	наборная печать,	напечатанный на бумаге авторский текст; кодифицированные национальные языки	профессиональные сообщества; прошлые и будущие поколения,	книгоиздание; пресса; учебная литература; почта профессиональная и государственная
5	сер. XIX-сер. XX вв.	телеграф; телефон; радио: телевидение	прием и передача теле- и радиосигналов	широкие народные массы;	телефонные переговоры; радиовещание; телевещание, пропаганда
6	к. XX-XXI вв.	персональные компьютеры	трансконтинентальные коммуникационные сети;	все население Земли	дистанционное обучение; социальные сети; электронная почта

Вызывает уважение позиция тех профессионалов информационной реальности, кто видит в ИКТ способ преобразования не только «глобальных цепочек создания стоимости», но и коренного преобразования человеческих цепочек: «Если технология является одной из возможных причин, по которой мы движемся к обществу, где каждый сосредоточен на самом себе, крайне необходимо направить развитие в сторону большей сбалансированности, для которой будет характерно внимание к себе в сочетании с пронизывающим все аспекты жизни чувством общей цели» [Шваб, 2016, с. 130].

Вопрос практический. Мало кто дает конкретные рекомендации, как можно вызвать у индивидуалиста чувство общей цели. Направление исследований в решении этой проблемы задано в теории форм организации совместной деятельности (ФОСД) Л.И. Уманского. Он выделил три формы: совместно-взаимодействующая (СВД), совместно-индивидуальная (СИД), совместно-последовательная (СПД) [Уманский, 1977]. П.В. Малиновский исследует взаимосвязь ФОСД и типов профессионализма. Он приходит к выводу, что ФОСД эволюционируют к возникновению нового типа – совместной творческой деятельности (СТД) и, соответственно, нового типа профессионализма – транспрофессионализма.

XVI в. Первая профессиональная революция (ПР): институционализируется СИД и появляется класс свободных профессионалов.

К. XVIII– XIX в. Вторая ПР: появление массовых профессий, сопутствует первой промышленной революции; доминирует СПД.

К. XIX–н. XX вв. Третья ПР: распространение парапрофессионализма, когда на фоне кризиса цивилизации появляется необходимость в освоении массами людей разнообразных сложных видов деятельности при отсутствии возможности последовательного профессионального обучения.

Вторая половина XX в. Четвертая ПР: глобальная потребность в транспрофессионалах, обладающих универсальными компетенциями, способных организовать работу команды профессионалов при реализации уникальных социально значимых проектов по модели СТД.

Императивы СТД. Принципы: индивидуального, социального, культурного, морального, духовного творчества [Малиновский, 2001, с. 8–13].

Выводы:

Термин «революция» эволюционирует от предиката синтетического суждения об отдельном событии к категориальному понятию социальной философии и методологии, в содержании которого раскрывается сущность глобальных социальных трансформаций.

Этапы развития различных сфер человеческой деятельности и социальных отношений, отмеченные в разное время исследователями как революции, складываются в общую картину развивающегося социального мира.

С целью преодоления нарастающего отчуждения, сопровождающего переход к Индустрии 4.0, наиболее актуальным направлением исследований в настоящее время следует признать анализ возможностей перехода к организации деятельности по модели СТД в различных социальных и культурных средах.

Литература

1. Иванов, 2018. – *Иванов В.В.* От технологического развития к глобальной гуманитарно-технологической революции // Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 45–62.
2. Малиновский, 2001. – Управление персоналом. Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Ерёмина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 561 с.
3. Ракитов, 1998. – *Ракитов А.И.* Информация, наука, технология в глобальных исторических измерениях. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 104 с.
4. Уманский, 1977. – *Уманский Л.И.* Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 54–71.
5. Шваб, 2016. – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: «Эксмо», 2016. – 208 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00057
УДК 1. 02.15.61; 101.1:316

К СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ

Елена Борисовна Бабошина
Кандидат педагогических наук, доцент
Курганский государственный университет

Автор представляет подход к социальной норме в становлении человека как результату выбора в дилемме сущего и сущности, подчеркивая одновременность индивидуального и социального пространства выбора. Понятие «норма» определяется с онтологических и социально-антропологических позиций, что способствует восприятию социально-культурной реальности как ценностного и целостного мира человека. По мнению автора, понимание социальной нормы становления человека в ее развитии как следствия восприятия ситуации выбора либо как осознания вневременной ценности человека в отношении к дилемме «нормативность – вненормативность» показывает разное качество развития нормы как идеи социального порядка. Таким образом, автор полемизирует с ограничением понимания нормы только как исторически сложившегося феномена и на этой основе почти не подверженного ценностному сомнению. В социально-философском и антропологическом обосновании подхода к социальной норме автор считает важным учет аксиологического взаимодействия ценности, нормы и смысла в изучении нормы становления человека в культуре. Подход помогает открытию горизонтов ценностно-смысловой (духовной) идентификации в современном обществе вопреки нормам потребления как культурного отчуждения человека от себя и других.

Ключевые слова: норма, становление, человек, культура, ценность, смысл

TO THE SOCIAL NORM OF HUMAN FORMATION IN CULTURE

Helen Borisovna Baboshina
PhD in Education, Associate Professor
Kurgan State University

The author presents an approach to the understanding of social norms in the formation of man as a result of choice in the dilemma of being and essence, emphasizes the unity of the individual and social space of this choice. The concept of "norm" is defined by the ontological and socio-anthropological positions, which contributes to the perception of socio-cultural reality as a value and holistic world of man. According to the author, the understanding of the social norm of formation in

its development as a consequence of the perception of the situation of choice or as awareness of the timeless value of a person in relation to the dilemma of "normativity-non-normativity" shows a different quality of the norm as an idea of the social order. Thus, the author argues with the limitation of understanding of the norm only as phenomenon that has developed in history and therefore is not subject to criticism. The author believes that the important it is to take into account the interaction of values, norms and meaning in the study of the norms of human formation in culture. The position is important in the socio-philosophical and anthropological justification of the approach to the social norm of human formation in culture. This approach helps to open the horizons of value-semantic (spiritual) identification in modern society contrary to the norms of consumption as alienation from the value in culture.

Keywords: norm, becoming, a man, culture, value, meaning

Норма становления как критерий преобразования, качества человека как целого, остается спорным понятием в антропологии. В античности она есть абсолютная величина миропорядка, мера человека и бытия, изменчивости позитивности и негативности. У Платона заключена в идее Блага, которому служит познание долженствования как идеи о сущности. Аристотель, выделяя мир нормы, изучает ее «неподвижную сущность», смысл; видя ее регулятор в добродетели, ставя политику выше «целей других наук» для блага людей [Аристотель, 1976, с. 3]. Мотив такой нормы: «Человек должен абсолютно быть» [Бердяев, 1916, с.76].

Изучение становления осложнено познанием сущего, но и проявлением сущности, меняющей облик человека в истории: от части Космоса в античности; Мира Бога на Земле в Средневековье (Ф. Аквинский), Идеи Бога в человеке в Возрождении (Дж. Мирандола); до персоны в Новое время (М. Монтень, Дж. Локк). Однако неверно определять историю, подобно Прудону, чередой служения принципу, поскольку, по К. Марксу, «мы должны согласиться, что век принадлежал принципу, а не принцип веку»; для спасения принципов и истории важно понять, почему принцип проявлялся; «каковы были люди», их нужды, производство; но «разве глубоко исследовать все эти вопросы не значит» «изобразить этих людей в одно и то же время как авторов и актеров их собственной драмы?» [Маркс, 1941, с. 98].

Увидим и идеи Прудона, где справедливость – «звезда, управляющая обществами», а абсолютным правом выступает «равенство» [Прудон, 2011, с. 27, 190]: главный мотив – поиск этической нормы права, не зависящего от истории. В этом видна связь с Благом Платона, добродетелью Аристотеля. И. Кант также видит норму в этической границе, развивая ее в ужесточении рационализма и меновых отношений, актуализирующих “голую” выгоду. Внимание к ценности здесь держится интересом к внешней норме. И аксиология появляется лишь «после Средневековья» [Баева, 2004, с.9]. Но, придав норме экономический характер, капитализм породил ее поиск вне Абсолюта. Ф. Ницше обнажает вопрос, обращаясь к человеку как источнику нормы: «Что толку во всех верующих! Вы еще не искали себя, когда нашли меня» [Ницше, 2005, с. 94-95]. Кризис нормы как ценностно-смысловой опоры проявлен не только упадком традиции, но симулякром [Бодрийяр, 2001]. Так интерес к нормативному усиливается «с анализом ценностей» [Попова, 2008, с. 5], но сбываются и опасения К. Маркса об избыточных потребностях в подстройке массовой культуры под потребительскую психологию, где норма теряет границы допустимого. И все же такой путь не единственный в антиномии сущего и сущности. В оценке сущего заложена позиция, что норма становления в обществе, установленная к человеку как существу подобному, положительна и есть ценность и смысл культуры. Весомость позиции составляет аргумент о роли исторической правды с инструментом принципа историчности, где норма почти вне критики. В посыле уловим подход Р. Декарта. И хотя норма, как и сам человек историчны, но в том и загадка истории, что вопрос о ней всегда мыслится идеей сущности в развитии человеческого.

Для человека коренным остается вопрос общих линий совершенства, его цели. Хотя норма становления и формируется отдельной во времени и пространстве, общим в истории Г. Гегель увидел Историю Духа, где субъект выходит за рамки себя, но ищет и путь обратно (рефлексия: условие и метод культуры). Тогда в анализе нормы становления человека нам важны: 1) норма социализации в среднем значении, отражающая весомость ценности в культуре; 2) норма присвоения общего, осуществляемая в выборе (предпочтение) и самовыборе (самопроявление); 3) норма индивидуально-ценностного упорядочивания смыслов культуры, задающая целостную (ценностно-осмысленную) позицию в переживании участия в порядке. Элементы направляют аксиологию анализа нормы как типичного и случайного.

Так, восприятие нормы становления может быть ограничено пониманием ее либо как ситуативной, либо вневременной. Первое определяет ее зависимой от случая; второе – склоняет к “примышленности”. Очевидны разные границы позиций: 1) вненормативность сближает с не-нормой, тем, что при деструкции дает произвол с энергией разрушения; 2) вненормативность определяет путь революции, что есть «смысл творчества», где «творческая прибыль рождается из природы творящего»; отличие нормы – в возможности новой гармонии путем интроспекции, ибо «все в мире имманентно должно быть вознесено на крест», но «все внешнее становится внутренним» [Бердяев, 1916, с.89]. Ценность есть регулятив нормы выбора. В современности же видна демонстрация мотивов потребления, множащая деструкцию норм, где рациональность становится стимулом духовной беспринципности в регулировании, ведя к норме-не-норм. По ряду признаков это «общество потребления без потребностей», где «история пошла» по «скользкому пути» удовлетворения «неестественных потребностей», а «повседневная манипуляция» символом влияет на

«групповую идентичность» [Бекарев, Пак, 2017, с.95]. В преобразовании же важно единство «тела знака» и его метафизики [G. Genosko, 1994, с.27]. Отсутствие этого делает моральную деградацию «статистической нормой», создающей «губительную» реальность [Давлетова, Федоренко, 2012, с.89-90].

Потребности редуцируются в духовно обеденном сознании, для выправления которого нужна история не просто как результат принципа (Прудон), порождение производства (К. Маркс), но как становление Идеи человека, ставящей Норму в подчинение Смыслу, а не обстоятельству. Ее понимание возможно в изучении триединства ценности, нормы и смысла, где содержанием выступают не только цели, но и мотивы деятельности, задающие средства, с позиции которых лучше видны отклонения нормы, вырождающие Идею Блага.

Литература

1. Аристотель, 1976 – *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976. 550 с.
2. Баева, 2004 – *Баева Л.В.* Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории: монография. Астрахань. 2004. С. 9.
3. Бекарев, Пак, 2017 – *Бекарев А.М., Пак Г.С.* Потребление без потребностей // Научный журнал. «Science. Thought: electronic periodic journal», scientific e-journal. 2017. №4. С. 92-95.
4. Бердяев, 1916 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. – М., 1916. 269 с.
5. Бодрийяр, 2001 – *Бодрийяр Ж.* Система вещей. Пер. с фр. С. Зенкина. М., 2001. – 95 с.
6. Давлетова, Федоренко, 2012 – Давлетова А.И., Федоренко Л.П. Безумствующий мир нормативной реальности // Социс. 2012. №10. С.88-93.
7. Маркс, 1941 – *Маркс К.* Нищета философии и ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. Пер. с нем. М., 1941. 183 с.
8. Ницше, 2005 – *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. М.: «Мартин», 2005. 416 с.
9. Прудон, 2011 – *Прудон, П.Ж.* «Что такое собственность?» Или «Исследование о принципе права и власти». Пер. с фр. Изд. 2-е. доп. М., 2011. 280 с.
10. Попова, 2008 – *Попова Е. В.* Онтологическая и гносеологическая специфика нормы: монография. Екатеринбург, 2008. 122 с.
11. Genosko, 1994 – *Genosko G.* Baudrillard and Sings. L.: Routledge, 1994. 219 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00058
УДК 304.4

ТЕЛЕСНОСТЬ И ТЕЛЕСНАЯ ОСОЗНАННОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ ЗНАК РАВЕНСТВА?

Наталья Николаевна Булыга
Аспирант
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В настоящее время тема телесности рассматривается в философии достаточно широко и затрагивает онтологические, антропологические, культурологические и другие аспекты. Поводом для рассмотрения вопроса о том, как соотносится телесность и телесная осознанность стала книга «Сознание тела: философия осознанности и сомаэстетики» Ричарда Шустермана — американского философа-прагматика, внесшего вклад в эстетику как философскую дисциплину и развивающуюся область под названием сомаэстетика. Данную книгу в переводе на русский язык найти не удалось, имеется лишь её англоязычное издание.

Обзор русскоязычной литературы и статей привел к пониманию, что в текстах в основном используются слова «тело», «телесность». Поставлена проблема «сознание-тело». Замечено, что термин «телесная осознанность» в философии широко не употребляется и существует, в основном, в психологической литературе. В свою очередь, в указанной выше книге Р. Шустермана используется именно термин «сознание тела». Попробуем разобраться в нюансах терминов и того, какую смысловую нагрузку они несут.

Ключевые слова: тело, телесность, сознание тела, сознание — тело, телесная осознанность, осознанность тела.

BODY AND BODY CONSCIOUSNESS: IS THERE A SIGN OF EQUALITY?

Natalia Nikolaevna Bulyga
Postgraduate student
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Nowadays in philosophy there are a lot of works about embodiment. They describe ontologi-

cal, anthropological, cultural and other aspects. The reason to consider how corporeality and body awareness correlates is became the book "Body consciousness: A Philosophy of Mindfulness and Somaesthetics" by Richard Shusterman, an American pragmatist philosopher, known for his contributions to philosophical aesthetics and the emerging field of somaesthetics. This book wasn't translated into Russian, there is only its English edition.

A review of Russian literature and articles showed that the texts mainly use the words "body", "corporeality". The problem of "consciousness-body" is posed. It is noted that the term "bodily awareness" is not widely used in philosophy and exists mainly in psychological literature. In turn, in the above mentioned book R. Shusterman used the term "body consciousness". Let's try to understand the nuances of terms and what meaning they carry.

Keywords: body, corporeality, consciousness-body, body consciousness, body awareness.

Телесность, согласно философскому словарю, относится к понятию неклассической философии, служащее для преодоления дихотомии субъекта и объекта, тела и души, трансцендентного и имманентного, внешнего и внутреннего и т. д., что не было преодолено в классической философии. «Дихотомия эта может быть преодолена, если обратиться к единству опыта, стабилизирующей структурой которого является телесность. При этом телесность понимается не как объект, не как сумма органов, а как особое образование - неосознанный горизонт человеческого опыта, постоянно существующий до всякого определенного мышления. Недоступная для рефлексивного анализа, неразложимая по схеме последовательного рационального действия, телесность оказывается изначальной по отношению к природным и культурным объектам, благодаря которой они существуют и выражением которой они являются». [Современный, 1998, с. 93]

Более широкая статья по проблематике данного термина дается в книге И. Ильина «Постмодернизм. Словарь терминов». В качестве английских синонимов приводятся такие слова, как «corporality, corporeality, bodiness» [Ильин, 2001, с. 314]. На эти слова необходимо обратить особое внимание, так как телесная осознанность в иностранной литературе обозначается другими словами.

В словарной статье указано, что понятие телесности относится к постструктурализму и постмодернизму, однако не получило однозначной терминологической фиксации и по-разному именуется у различных теоретиков. Автор относит появление данного термина к общей тенденции «сексуализации теоретического и эстетического сознания Запада».

В классической философии, указывает автор, дух и плоть противопоставлялись, в то время как в постструктуралистско-постмодернистской доктрине наоборот происходит «сращивание» тела с духом, и доказывается постулат о неразрывности чувственного и интеллектуального начал. «Эта задача решалась путем внедрения чувственного элемента в сам акт сознания, утверждения невозможности «чисто созерцательного мышления» вне чувственности, которая объявляется гарантом связи сознания с окружающим миром».

В словарной статье И. Ильин один раз употребляет термин «телесность сознания» (однако это не сознание тела и не телесная осознанность), указывая: «было переосмыслено и само представление о «внутреннем мире» человека, поскольку с введением понятия «телесности сознания» различие между «внутренним» и «внешним» оказывалось снятым, по крайней мере, в теории». Однако в дальнейшем автор более этот термин не употребляет.

Согласно И. Ильину, в большинстве случаев, телесность рассматривается через призму сексуальности. В частности указывается: «сексуальность как наглядно-концентрированное проявление чувственности выдвинулась на первый план практически у всех теоретиков постструктурализма и постмодернизма и стала заметно доминировать над всеми остальными ее формами» [Ильин, 2001, с. 315]. Толчком для этого, как полагают некоторые исследователи, послужили идеи Фрейда и его последователей, а также художественно-эстетический опыт современного искусства (Кафки, Арто, Беккета, Ионеско и других писателей и художников). Основываясь на этом, крупнейшие мыслители XX в.: П.-М. Фуко, Р. Барт, М. Мерло-Понти, Ж. Делёз, Ж.-Л. Нанси и др. ввели понятия телесности, тела, телесных практик, телесной топографии, ландшафта, поверхности, «феноменологического тела», «социального тела», «эротического текстуального тела». В результате «постмодернистская, по сути своей постфрейдистско-постструктуралистская, философия фактически выдвинула сексуальность, как главную функцию тела, в качестве эквивалентной замены духовности классической философии и христианского богословия» [Бычков, 2012, с. 440-441].

Теперь обратимся к работе Р. Шустермана «Сознание тела». Наиболее часто автор употребляет такие термины, как «somatic consciousness, и «somatic self-consciousness» (соматическая или телесная осознанность и соматическая самоосознанность), что несёт смысловую нагрузку, отличную от слов «corporality, corporeality, bodiness», указанных выше, применительно к термину телесность.

Во введении к книге автор указывает, что в настоящее время «наши системы восприятия полностью заняты более насущными вопросами, чем культивирование соматического сознания». Причиной тому продолжающаяся информационная революция. Автор пишет: «наши тела, кажется, прекрасно работают без какой-либо соматической рефлексии или повышенной осознанности», и ставит провокационный вопрос «почему бы просто не оставить наш чувственный опыт и действия полностью автоматическим механизмам инстинктов... чтобы мы могли сосредоточить наше внимание на вопросах, которые действительно требуют и заслуживают полного сознательного внимания — целях, которые мы ищем, и средствах, инструментах… которые мы должны использовать для достижения этих целей?» [Shusterman, 2008, с. 2].

Шустерман отмечает, что для многих телесная самоосознанность проявляется в том, как человек выглядит, каким он предстаёт перед другими людьми, однако многие практически не заботятся о развитии осознанности телесных ощущений и действий, чтобы использовать подобную соматическую рефлексию для лучшего познания себя и достижения более глубокой соматической самоосознанности, ведущей нас к лучшему проявлению себя. [Shusterman, 2008, с. 6]

Соматическая осознанность, по-мнению Шустермана, является как предметом теоретического изучения, так и направлением практическим — когда человек, посредством различных упражнений повышает осознанность своего тела. Основанием для исследований и размышлений в этой области стали разнообразные телесные практики, которыми занимался Шустерман (Фельденкрайз, техника Александера). [Shusterman, 2008, с. 7]

Начало XX в. подарило миру несколько известных исследователей в области движения тела, которые создали системы упражнений, используемые в настоящее время для улучшения подвижности тела, для реабилитации, и даже для снижения стресса, вызванного работой и социальным взаимодействием, а также для изменения качества жизни человека через работу с телом, через осознание себя. К наиболее известным исследователям относятся Джозеф Пилатес, Моше Фельденкрайз, Томас Ханна, Фредерик Матиас Александер и др. Впоследствии системы упражнений были названы их именами и используются как самостоятельные направления занятий, так и в сочетании друг с другом, кроме того их принципы и элементы широко применяются в фитнесе и относятся к направлению «body and mind». Все они направлены не только на внешнее изменение тела, не только на улучшение его подвижности, но также на повышение осознанности человеком своего тела и перенесении этой осознанности в повседневную деятельность.

Идея, конечно, не нова. К этому же ведут и такие практики как йога, тай-цзи и цигун, ушу и айкидо и т. д. Разница лишь в том, что указанные в ранее системы упражнений были созданы в XX в. западными людьми для западного человека, который, может быть, не готов погрузиться в восточную философию или для которого они просто чужды или сложны.

И здесь мы выходим на понятие телесной осознанности. Данный термин чаще всего используется в психологии, но, как оказалось, и там этот вопрос не глубоко проработан, и больше встречается в статьях психологов-практиков: «Любопытно, однако, что феномен самосознания не только по отношению к телесным ощущениям, но и по отношению к эмоциональным состояниям и процессу мышления, занимает весьма скромное место в теоретических научных разработках».[Фадеева, 2012, с 1].

Интеграции тела и сознания предполагает осознанность эмоционального плана, в частности отслеживание связи между эмоциями и сопровождающими их телесными ощущениями, а также «общее чувство «воплощенности себя», взаимосвязанности ментальных, эмоциональных и физических процессов, которые переживаются как «я чувствую себя в своем теле, как дома». Первая ступень на пути узнавания себя и формирования самооценки — восприятие собственного тела и отношение к нему» [Фадеева, 2012, с. 7].

Таким образом, термин телесная осознанность практически не встречается в философской русскоязычной литературе, где больше используются слова «тело» и «телесность», а также решается проблема «сознание-тело». В свою очередь в англоязычной философии данный термин уже появился, и также данный термин присутствует в психологической литературе.

В продолжение идей Р. Шустермана, считаю, будет правильным разделять понятия «телесность» и «телесная осознанность». С моей точки зрения границу можно провести по критерию объективность-субъективность. Телесность более объективна, присуща любому человеку, проявляется вовне, формируется под воздействием социума, культуры, условий жизни и т.д. Телесная осознанность относится к субъективным понятиям, к внутреннему ощущению человека, и может влиять непосредственно на телесность, формировать её.

Термин «телесная осознанность», полагаю, отличается от терминов «телесность сознания» и «познающее тело», которые были использованы в статье Е.Н. Князевой [Князева, 2018, стр.339-351]. В частности, телесная осознанность направлена самим человеком на отслеживание связи своих внутренних ощущений, чувств, эмоций с телесными проявлениями, на самоосознание себя, а телесность сознания предполагает познание мира не только через мыслительную деятельность, но всем телом. Т.е. во втором случае акцент ставится на познание мира через призму телесность, а в первом случае — на познание себя.

Можно сказать, что телесная осознанность или осознанность тела больше относится к области психологии. Однако заметим, что от того, как человек ощущает, осознаёт и принимает себя и своё тело, зависит и его мышление, окружающее его пространство, отношение к окружающей действительности и к социуму, что находит отражение в его словах и действиях. А это уже относится к онтологическим вопросам философии.

Литература

1. Бычков, 2012 – *Бычков В.В.* Эстетика: учебник. М .: КНОРУС, 2012. 528 с.
2. Ильин, 2001 – *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, 2001. 414 с. URL: https://studopedia.ru/12_110463_slovar-terminov.html.
3. Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, М., Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с.
4. Князева, 2018 – *Князева Е.Н.* Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в

эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии»: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. 413 с.
5. *Фадеева, 2012* – Фадеева К.-М.О. Телесная осознанность в структуре самосознания личности. URL: http://na-journal.ru/1-2013-gumanitarnye-nauki/244-telesnaja-osoznannost-v-strukture-samosoznanija-lichnosti?format=pdf
6. *Shusterman, 2008* – Shusterman R., Body Consciousness. A Philosophy of Mindfulness and Somaesthetics. Cambridge University Press, 2008. 239 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00059
УДК 124.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ БЛАГОПОЛУЧНОГО ПУТИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Сергей Анатольевич Ермаков
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается вопрос о необходимости поиска теоретических оснований для построения благополучного пути жизни человека. При этом индивидуальный путь жизни человека полагается как реальность, присущая и данная субъекту, формируемая им (и/или другими) под воздействием природной, социальной и духовной среды и являющаяся частью бытия. В связи с этим обращается внимание на то, что путь жизни человека есть объективно-субъективная реальность, включающая в себя био-социо-духовные начала, которые пребывают в непрерывной динамике. Знание этого аспекта помогает человеку представить свой путь жизни как целостное динамичное образование. Вместе с тем в статье указывается на роль субъективного фактора в построении благополучной жизни. Как человек ведет себя в конкретных жизненных ситуациях, таким и выстраивается его жизненный путь. По мнению автора, благополучный путь жизни напрямую связан с позитивной направленностью индивидуального бытия человека. Насколько человек сможет сохранить свое тело в здоровом состоянии, поддерживать его жизненную активность, насколько он сможет включиться в систему родственных отношений с возможностью их воспроизводства, повысить свой социальный статус нацеленный на благобытие, в котором такие ценности, как добро, красота, вера и любовь являются доминирующими в человеческом мироощущении, настолько человек и сможет обрести свой благополучный путь жизни. Для реализации этого предлагается избегать негативных моментов в своем существовании и тяготеть ко всему доброму, принуждать себя к добродетели, стремиться всегда делать лучшее из возможного, возрастать в добродетели.

Ключевые слова: человек, путь жизни, благополучный путь, добродетель, динамика жизни, реальность, объективность, субъективность.

THEORETICAL GROUNDS FOR UNHARMED LIFE JOURNEY OF A HUMAN

Sergei Anatol'evich Ermakov
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The Article studies the matter of necessity of a search of theoretical grounds to build an unharmed life journey of a human. In particular, an individual life journey of a human is considered as a reality inherent and given to a subject and created by a subject (and/or by others) when exposed to natural, social and spiritual environment and that is a part of existence. In this respect the attention is paid to the fact that a human's life journey is an objective-subjective reality that includes bio-social-spiritual bonds that are ceaselessly moving. Knowing of this aspect helps a human to imagine the life journey as an integrated dynamic formation. Moreover, the Article highlights the role of subjective factor in building of an unharmed life. A human's life journey is created in a way a person behaves in specific reality situations. The author supposes that an unharmed life journey is directly related to positive orientation of an individual existence of a human. As a human can retain body health and maintain its vitality, as a human can be involved in a system of kindred relationships with reproduction opportunities and improvement of social status aimed at unharmed existence in which such values as kindness, beauty, faith and love dominate in mental outlook, so a human can achieve an unharmed life journey. To implement the above, it is proposed to avoid negative moments in existence, to be attracted by all kind, to compel oneself to virtue, to strive for best efforts and to rise in virtue.

Keywords: a human, life journey, unharmed journey, virtue, dynamics, reality, objectivity, subjectivity.

Введение

Каждый человек рано или поздно задумывается над вопросом, как сделать благополучной свою жизнь? В основном это происходит в зрелом возрасте (30 – 50 лет), когда человек осознанно подходит к своей жизни [Ермаков, 2014, с. 73]. Что интересно, проходят столетия, а вопрос, как был важным для человека, так и остается поныне. На наш взгляд, именно важность этого вопроса побудила представителей философской, религиозной и психологической мысли дать свои ответы на него. Анализ их произведений помогает наметить подходы к решению актуальной задачи – как человеку выстроить благополучный путь жизни?

Целью настоящей статьи является нахождение теоретических оснований для построения человеком своего благополучного пути жизни. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: понять, что есть индивидуальный путь жизни человека, что включает в себя благополучный вариант жизненного пути, и как человек может его обрести?

Результаты исследования

Согласно нашему пониманию, путь жизни человека есть реальность, присущая и данная субъекту, формируемая им (и/или другими) под воздействием природной, социальной и духовной среды и являющаяся частью бытия [Ермаков, 2005, с. 65]. Как следует из данного определения, путь жизни человека – это разновидность реальности, которая дается человеку и которая свойственна только ему. Эту реальность человек вынужден формировать в течение всей своей жизни, т.е. что-то менять в ней по своему разумению или чужому усмотрению, что-то сохранять или совершенствовать. Причем это происходит обязательно под воздействием природной, социальной и духовной среды, в которой существует человек. При этом, стоит подчеркнуть, что далеко не все из того, что хочет человек, он может изменить в своей жизни, а только то, что ему дано, что позволяют условия, в которых протекает его существование, что дозволяют его возможности. Поэтому, говоря о пути жизни человека как реальности, нужно понимать, что она представляет собой соединение объективных и субъективных моментов.

Вместе с тем следует иметь ввиду, что жизнь человека – это всегда процесс. Жизнь человека есть динамичное образование [Богатырева, 2018, с. 151]. Поэтому путь жизни всегда будет меняться. В какую сторону, в каком направлении? Это в известной мере будет зависеть от самого человека, его понимания вопросов жизни, умения находить решение возникающих проблем.

При этом особенно важно иметь в виду, что человек есть био-социо-духовное существо [Бердяев, 1995, с. 305]. У человека есть тело, которое живет по законам природы. К тому же человек рождается в обществе, которое включает его в систему социальных отношений, оказывающих воздействие на его формирование в качестве личности. Кроме того, человек обладает сознанием, которое обеспечивает духовное развитие личности. В силу этого человек есть триединое (био-социо-духовное) образование. Будучи «мерой всех вещей» (Протагор), человек привносит био-социо-духовные моменты в свой путь жизни. Поэтому, изучая путь жизни человека, всегда нужно иметь в виду три аспекта его бытия: био-социо-духовные моменты. Именно они создают своеобразное «тело» пути жизни. Исходя из сказанного, путь жизни человека есть объективно-субъективная реальность, включающая в себя био-социо-духовные начала, которые в любой момент времени пребывают в динамике.

Таким образом, путь жизни человека как реальность есть довольно сложное образование. Причем путь жизни человека как реальность не видна глазу во всех ее проявлениях. Все, что можно увидеть порой, это некоторые «маркеры», которые «сигнализируют» о совершенных человеком действиях и которые, в свою очередь, дают основания полагать, что путь жизни конкретного человека имеет определенную направленность в своем течении. В этом кроется одна из трудностей постижениия пути жизни человека.

Другая трудность состоит в том, что телесное, социальное и духовное, наряду с позитивным, может включать в себя и негативное. Иначе говоря, все имеет две стороны – позитивную и негативную. Критерий такого разграничения: все то, что «работает» на сохранение человека как био-социо-духовного существа, способствует его развитию в качестве самобытного образования и содействует сохранению и развитию других людей в том же качестве, является мерилом положительного в жизненном пути человека [Ермаков, 2005, с. 123]. Все то, что противоположно такому пониманию, имеет отношение к негативным аспектам человеческой жизни.

Исходя из сказанного видно, что благополучный путь жизни связан с позитивной направленностью индивидуального бытия человека. Насколько человек сможет сохранить свое тело в здоровом состоянии, поддерживать его жизненную активность, насколько он сможет включиться в систему социальных отношений с возможностью их воспроизводства, повысить свой социальный статус ориентированный на благобытие, в котором такие ценности, как истина, добро и красота являются доминирующими в человеческом мироощущении, настолько человек сможет быть успешным. Это, так сказать, «матрица» благополучной жизни человека. Но как ее обрести? Здесь многое зависит от человека как субъекта, деятельного начала.

Прежде всего необходимо знание пути жизни человека. Это знание помогает человеку обращать внимание именно на био-социо-духовные моменты своего бытия, взятые в их единстве, целостности. Нельзя только думать о своем теле, прибегая к покупкам изысканной пищи, одежды, вещей и игнорировать социальные и духовные аспекты; как недостаточно фиксировать внимание лишь на социальных характеристиках своего бытия, делая ставку на расширение социальных связей и пренебрегая телесными и духовными моментами; равно как малопродуктивно устремляться только к духовным ценностям, полагая их в качестве

цели познания и не придавая значение телесному и социальному аспектам. Все дело состоит именно в том, чтобы обращать внимание на всю совокупность био-социо-духовных моментов, входящих в индивидуальное бытие человека. Но этого тоже недостаточно. Необходимо сделать это знание «живым» [Орлов, 1991, с. 4], т.е. направленным на его реализацию в течение всей жизни. Только укорененное в жизни знание содействуют улучшению жизненного пути человека.

В свою очередь, само «улучшение» невозможно без опоры на положительный пласт бытия. И первое, что требуется сделать человеку – это «уходить» от негативных аспектов человеческой жизни. Пока человек не будет заботиться о своем теле надлежащим образом (питание, движение, сон и т.п.), покуда он не будет преодолевать негативные тенденции своего социального бытия (неустроенность семейной жизни, проблемы на работе и проч.), пока не будет печалиться о своем несовершенстве (эгоизме, безверии, раздражительности и т.д.), до тех пор улучшения в жизненном пути не наступит. Вот почему человеку следует развивать «критическое мышление» [Зыкова, 2013, с. 95], работать над собой. Только в этом случае он сможет преодолеть негативные привычки, начать движение по пути самосовершенствования.

Кроме того, следует не только избегать негативного, но и стремиться ко всему добродетельному. Касаясь этой стороны вопроса, Афанасий Великий наставлял: «Вступив на путь добродетели и начав шествие, тем паче напряжем силы – простираться вперед; и никто да не обращается вспять» [Афанасий Великий, с. 1994, с. 195-196]. Здесь важна именно приверженность к избранному пути. Если человек устремился к благополучной жизни, то он уже не должен сходить с намеченного пути. Понятно, что объективные факторы негативного характера, будут оказывать нежелательное воздействие на жизнь человека, но он должен настойчиво идти к своей цели с учетом создавшейся ситуации. Скажем, если человек решил получить высшее образование, но не смог поступить на очное отделение, то он может внести коррективы в свои планы и подать заявление на вечернюю или заочную формы, обучаться стационарно или дистанционно. Главное учиться, чтобы достичь намеченной цели!

При этом специально подчеркнем, что нельзя останавливаться в своем движении по пути добродетели. Путь добра есть процесс, требующий постоянной включенности человека в «ткань» жизни. Сколько человеку суждено жить, столько он и должен являть благое [Ермаков, 2017, с. 299]. Он должен стремиться к тому, чтобы делать лучшее из возможного. На это указывал Аристотель, подчеркивая, что “истинно добродетельный и здравомыслящий человек умело переносит все превратности судьбы и всегда совершает самые прекрасные из возможных в данном случае поступков” [Аристотель, 2002, с. 57-58]. В этой связи важно отметить, что добродетель является основой благополучия. Причем добро следует понимать не только как категорию нравственности, но и как «инструмент» построения благополучной жизни.

Вместе с тем следует помнить, что “путь добродетели труден и неровен” [Бычков, 1995, с. 130]. Поэтому, согласно Макарию Великому, нужно “принуждать себя ко всякому добру” [Макарий Великий, 1998, с. 96-97]. Это положение имеет общегуманистическое значение. Оно помогает преодолеть трудности и следовать благодетельным путем, который и является основой благополучной жизни.

Заключение

Сказанное позволяет заключить, что построение благополучной жизни невозможно без реализации добродетельных начал. Причем добродетель должна стать основой био-социо-духовных моментов жизненного пути. Концентрация внимания лишь на одном моменте ведет к деформации всего пути жизни. Скажем, если человек демонстрирует знание этикета в профессиональной сфере, но при этом не следит за своим здоровьем, безразличен к семейным вопросам, то, скорее всего, его путь жизни не будет благополучным. Только опираясь на добродетель во всех био-социо-духовные аспектах своего бытия, можно рассчитывать на построение благополучного пути жизни. При этом нужно понимать, что выстроенный благополучный путь жизни останется таким, если человек день за днем будет нацелен на избегание негативного и движение к благому, его сохранению и возрастанию. Это большое и трудное дело. Но оно по силам человеку, желающему лучшей доли себе и своим близким.

Литература

1. Аристотель, 2002 – *Аристотель*. Этика. М.: ООО “Издательство АСТ”, 2002. 492 с.
2. Афанасий Великий, 1994 – *Афанасий Великий*, святитель. Творения: В 4 т. Т.3. М., 1994. 369 с.
3. Бердяев, 1995 – *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
4. Богатырева, 2018 – *Богатырева Л.Г.* Путь жизни современной женщины: традиция и трансформация: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 180 с.
5. Бычков, 1995 – *Бычков В.В.* AESTHETICA PATRUM. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 593 с.
6. Ермаков, 2017 – *Ермаков С.А.* Благое в духовной жизни современного человека // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 297-299.
7. Ермаков, 2005 – *Ермаков С.А.* Виалогия: Монография. Н. Новгород: НКИ, 2005. 158 с.
8. Ермаков, 2014 – *Ермаков С.А., Кашина О.П.* Негативные тенденции в жизни современного человека

зрелого возраста //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. Ч.2. С. 73-75.
9. Зыкова, 2013 – *Зыкова Т.В., Шерихова И.Е., Храмова Ю.Н.* Актуальное использование технологии развития критического мышления в учебном процессе //Вестник университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 3. С. 89-95.
10. Макарий Великий, 1998 – *Макарий Великий,* святой. Наставления о христианской жизни. М.: Сретенский монастырь; “Новая книга”; “Ковчег”, 1998. 224 с.
11. Орлов, 1991 – *Орлов Ю.М.* Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00060
УДК 303.01

НОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В КНИГЕ «СОВА МИНЕРВЫ ВЫЛЕТАЕТ В СУМЕРКИ» В.А. КУТЫРЁВА

Алексей Станиславович Тимощук
Доктор философских наук, профессор
Владимирский юридический институт ФСИН России

Чем опасно умножение миров? Куда может завести преследование новых горизонтов инновационизма? Может ли контингентная фактичность заменить необходимость? Предмет исследования – монография В.А. Кутырёва «Сова Минервы вылетает в сумерки», вышедшая в 2018 г. Философия Кутырёва представлена как реактуализация узкого пути между агностицизмом и технократизмом, реизмом и структурализмом. Выводы книги, как и всегда, – спасение Человека. Разница в деталях, если в прошлых работах нас спасали от техники, от пустоты, от прогресса, здесь он спасает от самоапокалипсиса, эсхатологической рукотворной трагедии. В статье даётся обзор основных сюжетов творчества автора: борьба естественного и искусственного, открытое vs. устойчивое общество, саморазвитие технонауки, угрозы гипермодернизма и трансгуманизма, проблемы биотехнического конструирования постчеловека, перспективы консервативного философствования, оправдание бытия. Основу монографии составляют следующие глубокие идеи: бытие есть благо; самоутверждение есть сущность каждого живого существа; вечное возвращение есть прочная платформа вместо прогрессивизма. В книге нашло отражение примордиальное понимание Хайдеггера как почвенника, по отношению к которому Гуссерль противопоставляется как умозрительный схоластик. Низовая традиционная поэзия сопротивляется абстрактному логоцентризму, где фактичность конкурирует с контингетностью. Кутырёв берёт реванш за Жан Жореса и Карл Маркса, Ф.М. Достоевского и Христа, пытаясь противостоять холокосту традиционной предметной реальности и соответствующей ей метафизической философии. Человечество лепит образ хаоса, не обращая внимания на то, что образ мыслей намагничивает образ действий и фатализм телесно-предметного тем ближе, чем больше статей по спекулятивно-телесной нигитологии. Выводы: 1) хочешь понять Хайдеггера – читай Кутырёва; 2) бытие есть благо, 3) вечное возвращение есть более прочная платформа вместо безрассудного прогрессивизма.

Ключевые слова: традиция, субъективность, человек, феноменология почвы.

INNOVATIVE DEVELOPMENT AND FUTURE OF MAN IN THE BOOK “THE OWL OF MINERVA FLIES AT DUSK” BY V.A. KUTYREV

Alexey Stanislavovich Timoschuk
DSc in Philosophy, Professor
Vladimir Law Institute of FSIN of Russia

Why is it dangerous to multipy the worlds? Where can the pursuit of new horizons of innovation lead us? Can contingent factuality replace the necessity? The subject of the study is the monograph by V.A. Kutyrev “The owl of Minerva flies at dusk,” published in 2018. Kutyrev's philosophy is presented as the re-actualization of the narrow path between agnosticism and technocracy, reism and structuralism. He targes, as always, at the salvation of Man. The difference is in the details. In is past works we were saved from technology, emptiness, mindless progress. Yet here je saves us from self-apocalypse, an eschatological man-made tragedy. The paper provides an overview of the main plots of the author's work: the struggle between the natural and the artificial, comparison of open and sustainable society, self-development of technology, the threat of hypermodernism and transhumanism, the problems of biotechnical design of a posthuman, the prospects for conservative philosophizing, the justification of life. The basis of the monograph consists of the following deep

ideas: being is a blessing; self-realization is the essence of every living thing; Eternal return is a solid platform instead of progressivism. The book reflects on Heidegger's primordial understanding, in relation to whom Husserl is contrasted as a speculative scholastic. Grassroots traditional poetry resists abstract logo-centrism, where factuality competes with contingency. Kutyrev takes revenge for Jean Jaures and Karl Marx, Dostoevsky and Christ, trying to resist the Holocaust of traditional objective reality and the corresponding metaphysical philosophy. Humanity sculpts the image of chaos, not paying attention to the fact that the way of thinking magnetizes the course of action and the fatalism of the body-subject is very close. It's proportional to the number of papers on speculative-body nigitology. Conclusions: 1) if you want to understand Heidegger, read Kutyrev; 2) being is good, 3) eternal return is a more solid platform instead of reckless progressivism.

Keywords: tradition, subjectivity, man, grassroots phenomenology

Кумулятивная работа нижегородского ясновидящего привлекает не столько уже известным профетическим пафосом экспансии техносферы, сколько неброскими рассуждениями о проблемах поддержания устойчивого порядка. Кутырёв В.А. формулирует ясное и экофильное послание: нельзя допустить, чтобы сложность цивилизации, реализуемая на нано-, микро-, мега- и ино- уровнях, совсем поглотила простоту макромира, изначальную и естественную обитель бытия. Наш исходный дом сущего нужно сохранить. Философия самосохранения формулирует в качестве первостепенной задачи поддержание приюта жизненных миров homo sapiens на Земле.

Одна из задач книги «Сова Минервы» – охрана вещно-событийной реальности. Кутырёва тревожит тенденция к распредмечиванию, преобразование структурно-субстратного подхода к миру в системно-функциональный. Средневековой апории о невыразимости индивидуального (individuum est inefabile) В.А. Кутырёв даёт новую интерпретацию. Индивидуация постчеловеческой цивилизации не только невозможна концептуально, но и эмпирически. Иррациональность технократов – это ускользающий остаток и базовая территория их modus vivandi [Кутырёв, 2018, с. 31].

Погнавшись за цивилизацией, мы потеряли простоту. Можно ли быть сложным и простым одновременно? Вот такой парадокс пытается разрешить философ. Как вернуть общество в естественное лоно бытия? Нужно ли изобретать иные миры? Или можно ли позволять Иное? Какова мера человеческого и где проходит граница между возможным и допустимым?

Называя простоту нашим домом, философ не призывает нас к примитивизации. Книга написана сложным языком и требует философской подготовки. Тезисно, её основу составляют следующие глубокие идеи: бытие есть благо; самоутверждение есть сущность каждого живого существа; вечное возвращение есть прочная платформа вместо прогрессивизма.

Поскольку сохранение существующего требует постоянных усилий, то задачи философии, по мнению В.А. Кутырёва, совпадают с уставом гигиены человеческого и заключаются в том, чтобы сопротивляться постчеловеческой иллюзии, охранять жизнь от вытаптывания исторического марша науки и прогресса. Кутырев надеется, что Россия, как страна, претендующая на сохранение традиции, станет опорой Бытия, не пойдёт по пути Ничто или угнетения жизни и перерождения духовности в рациональность, трансформации идеи бесконечного бытия в технолого-экономическое становление.

Общий посыл книги – этот циничный, безоглядный, без/д/умный инонизм не доведет цивилизацию до добра. Нужна логодиция добра, простоты и меры человеческого. Человек! Не преступай за своё Бытие!

Если философия не прекратит своё увлечение редукционизмом, она потеряет связь с реальностью, её обгонит искусство, которое порой более точно и целостно передаёт реальный мир, нежели однобокие философские конструкты. Уход от целостности жизни, её подмена математизацией, химизацией, информатизацией бытия; превращение в самоцель частных технологий в надежде, что они дадут изобилие; угроза подмены реальности функциями и методологиями.

Кутырёв феноменолог хайдеггерианского типа. Феноменолог словесности и духа. Он даёт перевод феноменологического как «непосредственное, изначальное, не опосредованное, ничем не экранированное» [Кутырёв, 2018, с. 383], сопоставляет с «само-по-себе-себя-кажущее» Хайдеггера. Здесь мир предстаёт человеку через его телесность, общение с другими, переживание и входящее живое знание.

Кутырёв противопоставляет эту феноменологию дигитально-гуссерлианской. Хайдеггер – почвенническая, традиционная феноменология. Гуссерль – редукционно-информационная. Хайдеггер – за несокрытость бытия, за веру и любовь. Гуссерль – за формализацию и математизацию. У Хайдеггера – феномены суть истина чувств. У Гуссерля – аберрация.

Бытие становится наивно несокрытым. Оно просто есть. Вот-бытие. Dasein. Видимость и сущность не нужно различать. Кант был не прав, а Ницше прав. Бытие зовёт и дышит. Оно очевидно и не требует разделения на субстанцию и феномен. Предвечно и ниоткуда не выводится. Онтофания переходит в теофанию и даёт особое догматическое богословие, третий путь между апофатикой и катафатикой.

В число представителей реальной феноменологии Кутырёв записывает Гартмана, Ингардена и Я.Э. Головкера. Они же суть стражи бытия, различающие в нём слои и уровни. Из представителей литературы он называет Марселя Пруста, стремившегося удержать непосредственное переживание мира вопреки контролю рассудка.

Жизненный мир, вышедший из фундаментального философствования, открывает философско-

антропологические перспективы. Кутырёв выводит жизненную концепцию истинности: чем ближе к человеку и миру, тем более истинна теория. Знание должно быть продуктивным, а не просто изощрённо-абстрактным. Не всё, что научно – адекватно. Средства познания должны соответствовать предмету познания. Присутствие и причастие – вот опора жизненной феноменологии.

Жизнь, практика, человек, природа – все эти данности выше теории и не обязаны заниматься апологетикой. Реалистическая феноменология исполнена чувств и воображения, близка к антропологии и метафизике, мифологии и поэтике, истории и традиции, экологии и гуманизму. Т.е. всему, что способствует выживанию человека.

Феноменологическая экономика – вот новый ориентир цивилизации. Дальнейшее продвижение культуры, духовности и человека возможно в посткапиталистическом (феноменологическом) режиме. Если экзистенциализм – это гуманизм, то феноменология – это значит держаться корней. Рыночная экономика будет сохраняться, но в обществе неизбежно будут шириться социалистические отношения. Социализм – вечный проводник капитализма, они связаны как право и государство. Частная собственность дополняется дарением и альтернативной системой владения и доступа к ресурсам (access economy, sharing economy, coworking), где право пользования ценится выше, чем право владения. Чистый капитализм перестаёт быть прибыльным. Производство всё больше нуждается в планировании, корпорации – в социальных программах и тонкой настройке коллектива в виде неэкономической мотивации персонала. Интеллект, образование, творчество – вот двигатели постиндустриального общества. Чтобы управлять таким обществом нужно пройти эволюцию от зоны контакта (насилие) через волевой и харизматический контроль до оптимизации финансово-ресурсных потоков и процедур.

Каждая эпоха создаёт терминологический аппарат описания реальности. Античность дала апейрон, архэ, агон, агора, докса, диалектика, канон, катарсис, космос, логос, номос, полис, мимесис, метемпсихоз, калокагатия, усия, фюзис, эйдос. Средние века разработали теологическую систему: Богочеловек, вера, воля, грех, догмат, исповедание, литургия, причастие, Святой Дух, спасение, интенция, теодицея, Троица, универсалия. Возрождение актуализировало категории гуманизма, пантеизма, гелиоцентризма. Новое время и Просвещения оперировали идеями равенства, свободы, реформации, прогресса, рассудка, исторического оптимизма, энциклопедизма. Модерн перемещался под знамёнами капитализма, индустриализации, урбанизации, секуляризации и гражданского общества. Постмодернизм принимал позы арт-практик, акционизма, деконструкции, инсталляции, иронии, ризомы, перформанса, римейка, концепта, симулякра, хэппенинга, энвайронмента. По мере продвижения от классики к модерну и постмодерну цельное и устойчивое заменяется функциональным, поверхностным и сиюминутным.

Россия только встаёт на путь скольжения по поверхности. Самостоятельность мышления, означает понимание, что жизнь – это реальная иллюзия = иллюзорная реальность. Коэволюция естественного и искусственного миров вместо конвергенции.

Новационный пульс инновационизма опасен. Скорость убивает. Так предупреждает нас традиционалист из Поочья, В.А. Кутырёв. Катафатическая часть его послания сосредоточена на критике супермодных безбытийных онтологий и априорных коммуникаций, бестелесных корреляций и цифрового псевдореализма. Взамен предлагается программа феноменологического реализма, сохранения жизненного мира, ограниченного прогресса, идеал воспроизводства бытия человечества на круге вечности.

Литература

1. Кутырёв – 2018 – *Кутырёв В.А.* Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). – СПб.: Алетейя, 2018. – 526 с.
2. Кутырёв – 2018-2 – *Кутырёв В.А., Нилогов А.С.* Технологии переступают через человека… Но люди боятся знать об этом // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 237-249.
3. Кутырёв – 2018-3 *Кутырев В.А.* Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира). (Размышление над книгой: Квентин Мейясу. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург – Москва. 2015) // Философия и культура. — 2018. - № 10. - С.8-17. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27939.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00061
УДК 316.42

ДЕСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Надежда Дмитриевна Асташова
Кандидат философских наук, ассистент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Статья посвящена анализу представлений об историческом времени в современном городе эпохи техногенной цивилизации XXI века. Ставится цель проанализировать изменения

восприятия исторического времени в зависимости от представлений о пространстве в связи с бурным развитием современных технологий. Актуальной задачей исследования является выявление изменений в восприятии социальной среды современного города, а также их последствий для общественного сознания. Рассматривается мозаичный, фрагментарный коллаж городской реальности, который не самым лучшим образом сказывается на состоянии человека: живший раньше в условиях структурированного пространства и времени, в разорванном на куски, пестром пространстве современного города индивид испытывает страх, смятение от потери целостного восприятия действительности. Делаются выводы о том, что в сознании современного человека произошла деконструкция исторического времени и исторической памяти, культурное прошлое города потерялось в бурном потоке современных технологий. Все это сформировало не просто специфическое отношение к историческому времени и пространству, но привело к изменениям общественной морали, не признающей важности для жизни человека связи поколений.

Ключевые слова: развитие технологий, городское пространство, историческое время, современная мораль.

DESTRUCTION OF HISTORICAL TIME IN THE MODERN CITY

Nadezda Dmitrievna Astashova
DSc in Philosophy, Assistant
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article is devoted to the analysis of ideas about the historical time in the modern city of the era of technogenic civilization of the XXI century. The aim is to analyze the changes in the perception of historical time depending on the concepts of space in connection with the rapid development of modern technologies. The actual task of the study is to identify changes in the perception of the social environment of the modern city, as well as their consequences for public consciousness. We consider a mosaic, fragmentary collage of urban reality, which is not the best way affects the state of man: who lived before in a structured space and time, torn to pieces, the colorful space of the modern city, the individual experiences fear, confusion from the loss of a holistic perception of reality. Conclusions are made that deconstruction of historical time and historical memory took place in the consciousness of modern man, the cultural past of the city was lost in the rapid flow of modern technology. All this has formed not just a specific attitude to the historical time and space, but has led to changes in social morality, which does not recognize the importance of human life communication generations.

Keywords: technology development, urban space, historical time, modern morality.

Развитие технологий в XXI в. и формирование цифрового общества не могло не коснуться представлений о таких фундаментальных категориях как время и пространство. Особенно ярко этот процесс отразился на представлениях об историческом города, восприятие которого существенно меняется в начале нового столетия, приобретает новые особенности.

XXI век – это эпоха невиданного прежде роста городов, ставших центрами техногенной цивилизации: сегодня в городах живет больше половины населения планеты и темпы увеличения городского населения по прогнозам специалистов в ближайшем будущем будут расти [Un-habitat. State…, web]. С развитием информационно-цифровых сетевых коммуникаций в обществе стремительно изменяется восприятие городского пространства, которое превращается в продукт технологизации жизни человека.

Технические устройства становятся посредниками в восприятии современного городского пространства: скоростное передвижение в автомобиле в сочетании с вовлеченностью в интернет-процессы (он-лайн-навигация, коммуникация, пролистывание сайтов) не позволяет современному человеку увидеть целостную картину города, а лишь ее части. Таким образом, формируется фрагментированное человеческое восприятие пространства, которое А. Моль определяет как «мозаичное»: человек познает действительность волей случая, «от случайного к случайному». Знания о мире складываются из разрозненных обрывков, которые соединяются стихийно, не образуя никакой структуры [Моль, 2008, с. 44-45].

Под влиянием мозаичного восприятия формируется новый образ города – город-коллаж, «ибо коллаж как искусство обращать внимание на осколки мира, как метод соединяющий в себе реальность и умозрительность, будучи условностью и нарушением условности, всегда действует неожиданно» [Роу, Кеттер, 2018, с. 153-154]. Роу К., Кеттер Ф. абсолютно точно подмечают, что коллаж – это архитектурный прием, отражающий состояние сознания нашего современника [Роу, Кеттер, с. 152], он способен удерживать вместе несопоставимые вещи «физическими, оптическими, психологическими» средствами. Применение техники коллажа для конструирования пространства города выражает понимание противоречивости современной культуры, его объекты могут вмещать любые социальные смыслы: они могут быть аристократическими, народными, академическими или популярными.

Однако, город в сознании его обитателей – это не только маршруты, не только здания, запоминающиеся необычным обликом, это еще и историческая память общая и персональная [Глазычев, 2017, с. 200],

в основе которой лежит представление об историческом времени. Соответственно, возникает вопрос: если развитие техногенного общества так значительно изменило восприятие городского пространства, то каким образом эти изменения коснулись представлений о времени? Для того, чтобы ответить на этот вопрос необходимо рассмотреть представления о времени в философии, сузив все многообразие вариантов понимания времени до «социального» аспекта, характеризующего городскую действительность.

Традиционно в философии время рассматривалось как некий линейный процесс. В работах Г. Спенсера, О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Л. Уорда развитие общества рассматривается как последовательное экономическое, политическое, ментальное движение вперед во времени. Однако, П. Сорокин выступает с критикой такого подхода, утверждая, что принцип линейности действует лишь на ограниченных отрезках времени, в масштабах же целого общества следует говорить о ритмическом характере времени [Сорокин, Социокультурная…web]. Польский ученый П. Штомпка указывает на то, что нет смысла говорить об какой-то одной характеристике времени, поскольку оно тесно связано с социальными изменениями: «Само переживание времени и идея времени вытекают из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение» [Штомпка, 1999, с. 68.]. Линейная, циклическая, скачкообразная динамика времени становится выражением прогресса, регресса или хаоса в развитии общества.

Используя подобный подход в анализе современного общества, З. Бауман, отмечает исчезновение в нем «жесткого», упорядоченного, структурного, определенного времени и появление «текучего», «жидкого» времени [Бауман, 2008, с. 8.]. Время приобретает характеристики мгновенности, неопределенности, фрагментированности, способности сжиматься и разжиматься. Бауман пишет: «Что было разрезано на части, то не может быть снова склеено вместе. Оставь надежду на цельность, как будущую, так и прошлую, всякий, входящий в мир текучей современности» [там же, с. 29.]. Подобного рода изменения восприятия времени напрямую связаны с техническим прогрессом, который задает иные параметры существования человека: новые технологии, обеспечивающие свободное супер-быстрое перемещение человека в пространстве, становятся причиной отделения восприятия времени от пространства. По мнению А. Лефевра, и вовсе происходит сведение представлений о времени к пространству. [Лефевр, 2015, с. 288]

Можно не соглашаться с такими выводами, однако совершенно очевидно, что мозаичный, фрагментарный коллаж социальной реальности не самым лучшим образом сказывается на состоянии человека. Живший раньше в условиях структурированного пространства и времени, в разорванном на куски, пестром пространстве современного города индивид испытывает страх, смятение от потери целостного восприятия действительности. В мире виртуальных и реальных скоростей нет места стабильной системе представлений и идей – в мозаичном пространстве культурные системы ценностей рассыпаются в прах.

В современном коллаже города подвергается испытанию все, что берет начало в истории и историческом времени. Так А. Лефевр справедливо отмечает, что любые репрезентации, идеи, ценности, которым не удается вписаться в современное техногенное пространство, иссыхают, превращаясь в знаки, сводятся к абстрактным рассказам и становятся в итоге фантазмами [Лефевр, 2015, с. 406]. Таким образом, теряется историческая связанность пространства. В мозаичном восприятии мира отсутствует линейная связь с прошлым, логическая последовательность событий. Наш современник, больше не соотносит между собой линейность развития истории и куски пространства, которые он наблюдает. Соприкасаясь с историческими памятниками в городской среде, он больше не ощущает никакой связи с другими поколениями. Присутствие следа истории в современном пространстве – это лишь часть разноцветного городского коллажа, сплетающегося в причудливый ковер впечатлений. История для человека теперь красивый кусок городской среды в данный момент настоящего.

Мы больше не можем говорить о присутствии исторического времени в современной городской среде, поскольку теперь человек живет в мгновенности, без памяти о прошлом. Явственно видны следы разрушения «коллективного совместного действия», обеспечивающего связь поколений, преемственность времен, как справедливо заметил Бауман [Бауман, 2008, с. 140.]. Мозаичность, отрывочность исторических связей, деструкция исторического линейного времени в социальном пространстве города-коллажа – свидетельство изменений в мировосприятии современных людей: они больше не видят будущего, довольствуясь моментом существования в настоящем. «Сиюминутность» жизни не требует требуется связи с прошлыми и будущими поколениями, в ней человек довольствуется тем, что он сделал в одиночку. Стало очевидно изменение общественной морали, когда происходит разрушение родительских отношений, выражающегося в присутствии насилия в межпоколенческих отношениях (в отношении детей и стариков), социальном сиротстве и т.п.

Таким образом, можно прийти к выводам о том, что в сознании современного человека произошла деконструкция исторического времени и исторической памяти, а культурное прошлое города потерялось в бурном потоке современных технологий. Все это сформировало не просто специфическое отношение к историческому времени и пространству, но привело к изменениям общественной морали, не признающей важности для жизни человека связи поколений.

Литература

1. Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Глазычев, 2017 – *Глазычев В.Л.* Урбанистика. М.: Изд-во «Европа», КДУ, 2017. 228 с.
3. Лефевр, 2015 – *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

4. Моль, 2008 – *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
5. Роу, Кеттер, 2018 – *Роу К., Кеттер Ф.* Город-коллаж. М.: Strelka Press, 2018. 208 с.
6. Сорокин, web – *Сорокин П.А.* Социокультурная динамика и эволюционизм [Электронный ресурс] // URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/Sorokin/dynamic/ (дата обращения 10.09.2018).
7. Штомпка, 1996 – *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 415 с.
8. Un-habitat. State… – Un-habitat. State of the World's Cities 2010/2011- Cities for All: Bridging the Urban Divide. 2010. URL: https://unhabitat.org/books/state-of-the-worlds-cities-20102011-cities-for-all-bridging-the-urban-divide/ (дата обращения: 6.12.2018)

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00062
УДК 101.2:17

КОНЦЕПЦИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПСЕВДОРАЦИОНАЛЬНОСТИ

Игорь Никифорович Тяпин
Доктор философских наук, профессор
Вологодский государственный университет

Концепция цифрового общества восходит к более ранним доктринам постиндустриального общества, направленным на легитимизацию глобально-капиталистического уклада. В рамках существующих определений цифровой экономики ее суть сводится к информационно-компьютерному способу коммуникаций, реформации почты, производству информационного продукта и торговле им. «Техногенный тренд» несет реальную угрозу существованию человека как вида. Значительный манипулятивный потенциал техногенного тренда заключается как в самих технологиях, так и в оперировании их тематикой в качестве идеологем. Становление идеологии расчеловечивания напрямую связано с идейной продукцией постмодернизма, целевым завершением которого становится превращение идеи бессмертия в апологию смерти родового человека. Как методологическая система генерации и поддержки гиперреальности, явившаяся результатом сконструированного синтеза отдельных черт различных видов вненаучной рациональности, псевдорациональность реализуется в формах лженауки и пост(лже)философии и представляет собой соединение принципов и приемов софистичности, отказа от объективности рассмотрения, псевдологичности, антиномичности постулатов, неадекватной интерпретации культурно-исторических фактов и явлений, подмены значения понятий. В формате псевдорациональности образ человека и общества будущего как механизированной части сети неадекватно связывается с понятием бесконечной свободы при параллельном внедрении убеждения о позитивности и неизбежности социальной атомизации, киборгизации человека, перехода квазисословного неравенства в технобиологическое, порнофикации сознания и культуры. По мнению ряда авторов, основными недостатками апологетических рассуждений о цифровой экономике выступают: подмена понятия целого (целостной экономики) понятием части, а системы – ее структурным компонентом (сектор электронной коммерции); навязывание установки на демонтаж национального государства; доминирование в содержании цифровых проектов не экономических, а надзорно-карательных мероприятий.

Ключевые слова: техногенный тренд, цифровая экономика, глобализм, псевдорациональность, постмодернизм, постфилософия, расчеловечивание.

THE CONCEPT OF DIGITAL ECONOMY: METHODOLOGICAL AND SOCIO-HUMANITARIAN ASPECTS IN THE CONTEXT OF PSEUDORATIONALITY

Igor Nikiforovich Tyapin
DSc in Philosophy, Professor
Vologda State University

The concept of digital society dates back to earlier doctrines of post-industrial society aimed at legitimizing the global capitalist way of life. Within the framework of the existing definitions of the digital economy, its essence is reduced to the information and computer method of communication, mail reformation, production of information product and trade in it. "Technogenic trend" is a real threat to human existence as a species. Considerable manipulative potential technological trend is in the technology and in the operation of their subjects as ideology. The formation of the ideology of dehumanization is directly related to the ideological production of postmodernism, the target completion of which is the transformation of the idea of immortality into the apology of the death of the ancestral

man. As a methodological system of generation and support of hyperreality, which was the result of a designed synthesis of the individual features of different types of non-scientific rationality, pseudosocialist implemented in forms of pseudoscience and post - (pseudo)philosophy and is a combination of principles and techniques of sofisticati, rejection of the objectivity of the consideration of pseudological, actinomycete postulates, inadequate interpretation of cultural and historical facts and phenomena, the substitution of the values of the concepts. In the format of pseudo-rationality, the image of man and society of the future as a mechanized part of the network is inadequately associated with the concept of infinite freedom in the parallel implementation of the belief about the positivity and inevitability of social atomization, cyborgization of man, the transition of quasi-inequality in technobiological, pornography of consciousness and culture. According to some authors, the main drawbacks of apologetic reasoning about the digital economy are: the substitution of the concept of the whole (integral economy) with the concept of a part, and the system with its structural component (e-Commerce sector); imposing an installation on the dismantling of the national state; dominance in the content of digital projects is not economic, and Supervisory and punitive measures.

Keywords: technogenic trend, digital economy, globalism, pseudosocialist, postmodernism, polylobate, dehumanization.

Сетево-цифровая концепция восходит к более ранним «теориям»-доктринам постиндустриального общества, направленным на легитимизацию сверхгосударственного, глобально-капиталистического уклада. В рамках существующих определений цифровой экономики ее суть сводится к информационно-компьютерному способу коммуникаций, реформации почты и, в меньшей степени, производству информационного продукта и торговле им. «Техногенный тренд» несет реальную угрозу существованию человека как вида. Значительный манипулятивный потенциал техногенного тренда заключается как в самих технологиях, так и в оперировании их тематикой в качестве идеологем. Становление идеологии расчеловечивания напрямую связано с идейной продукцией постмодернизма, целевым завершением которого становится превращение идеи бессмертия в апологию смерти родового человека. Для описания методологии построения и обоснования различных форм суицидной идеологии наиболее подходит понятие «псевдорациональность», традиция концептуальной проработки которого была заложена полвека назад К. Касториадисом («в силлогизмах современного мира посылки заимствуют свое содержание у воображаемого... Псевдорациональность современного мира – одна из исторических форм воображаемого. Она произвольна в своих конечных целях, поскольку последние не основываются на разумных основаниях») [Касториадис, 2003, с. 52] и продолжена в 1990-х гг. В.С. Швыревым и В.Н. Порусом (псевдорациональность как отчуждение идеальных конструкций от полноты реального существования, деструкция, подгонка действительности под ее рациональные реконструкции либо подгонка реконструкций под прагматическое восприятие действительности) [Исторические типы рациональности, 1995, с. 10-11, 113-115].

В области социально-гуманитарного познания наглядными примерами лженаучной псевдорациональности являются монетаризм, правый либертаризм в теории права, гендерология, в свою очередь подкрепляемые идеологическими доктринами «философского» плана, такими как анархо-капитализм, транс- и постгуманизм, либеральная биоэтика, квир-феминизм.

Постфилософия как одно из основных проявлений псевдорациональности характеризуется, по мнению А.Г. Дугина, сознательным отказом от целостного рассмотрения в пользу сосредоточения внимания на части, фрагменте, а также «ироничным, парадоксальным, несколько идиотским» стилем [Дугин. 2009].

В.А. Кутырёв определяет суть деконструктивистского философствования в трактовке любых явлений и процессов как установку, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели [Кутырёв, 2006, с. 23]. В этих рамках Ж. Делёз, Ж. Деррида и др., сознательно игнорируя общую направленность текста, опираясь на маргинальный смысл, приписывали анализируемым ими авторам прямо противоположное тому, что те имели в виду, использовали предположение вместо доказательства и компрометацию вместо опровержения.

Разница между настоящим философом и пост(лже)философом-софистом-манипулятором состоит в следующем. Если философ по крайней мере стремится к вычленению из общего еще не определенных в языке явлений, называет их, описывает и таким образом осмысливает, превращает в понятия, то манипулятор, культивируя неясность, целенаправленно занимается интерпретацией явления в нужном для себя ключе, преувеличивая, преуменьшая или вовсе игнорируя те или иные признаки, придавая явлению ярко выраженную эмоциональную окраску.

Известный тезис Г. Дебора о том, что Спектакль не реализует философию, но философизирует реальность, превращая деградирующую жизнь каждого человека в спекулятивную вселенную, в данном контексте означает, что пост(лже)философия способствует вытеснению и замене в индивидуальном и общественном сознании существенного, всеобщего, объективного несущественным, частным и чисто субъективным. В рамках манипулятивной методологии один тезис нередко исключает другой, но эта проблема «снимается» посредством сознательного отказа от целостности, системности в пользу установки на частности, а также пропаганды позитивности шизофрении.

Как отмечает В.А. Кутырёв, в эпоху постмодернизма в центре внимания находится тело, однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. «Отождествле-

ние человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем» [Кутырёв, 2009, с. 281]. Концептуальным продолжением является идея «тела без органов» – некоего «расчищенного места» для нанесения знаков или вживления чипов.

На псевдорациональное «обоснование» амебизирующей трансформации-десубъективации человека и общества и направлена «цифровая» социальная концепция/доктрина.

А.О. Русин проводит мысль о некорректности толкования понятия «цифровая экономика» в значении особого типа производства, социально-экономического строя, формации, справедливо отмечая, что цифровая экономика сама по себе, без реального и сырьевого секторов, без транспорта существовать не может [Русин, 2018]. В случае с темой цифровой экономики идет подмена понятия целого (целостной экономики) понятием части, системы – ее структурным компонентом (сектор электронной коммерции).

Как пишет В.Ю. Катасонов, «заявления... о «цифровой экономике» – это повод для того, чтобы лишний раз объяснить: а) идет разрушение нашего национального государства, точно также как по всему миру идет демонтаж государств под всякими благовидными предлогами; б) делается это ради того, чтобы установить власть мирового правительства» [Катасонов, 2018]. Из проекта паспорта национальной программы «Цифровая экономика», одобренного правительством РФ в сентябре 2018 г., ясно, что к концу 2023 г. в России появится инфраструктура для «Цифрового профиля» – платформы-идентификатора, собирающего, связывающего, обновляющего и передающего всем заинтересованным организациям все данные о гражданине, содержащиеся в различных системах. Первым шагом служит законодательное принятие «Единого реестра сведений о населении» под псевдоблаговидными предлогами.

Проект цифровой экономики предполагает не столько экономические мероприятия, сколько чисто полицейские, надзорно-карательные: объединение всех баз данных учета населения и движения денег на личных и корпоративных банковских счетах, а также биометрическую электронную паспортизацию каждого гражданина от рождения до смерти. На каждого жителя РФ (кроме «избранных» – ряда категорий бизнес-элиты, силовых структур и т.д., защита персональных данных которых обеспечивается усилиями Федеральной службы охраны) будет автоматически вестись подробнейшее электронное досье, в которое станут заноситься данные не только биометрического характера, но и о его материальном положении, трудовой и политической активности, особенностях характера и состоянии здоровья. И это при том, что, как признается Н.И. Касперская, «все современные технологии имеют удаленное управление, все они связаны с личными данными наших граждан, на основании которых можно делать геополитические выводы. И по сути, если мы сейчас будем двигать все технологии, которые приходят с Запада, то очень быстро опустимся до состояния цифровой колонизации» [Цифровое рабство, 2018].

Таким образом, псевдорациональность как методологическая система генерации и поддержки гиперреальности, явившаяся результатом сконструированного синтеза ряда черт различных видов вненаучной рациональности, реализующаяся в формах лженауки и пост(лже)философии, представляет собой соединение принципов и приемов софистичности, абсолютного отказа от объективности рассмотрения, псевдологичности, антиномичности постулатов, неадекватной интерпретации культурно-исторических фактов и явлений, дискурса постправды, подмены значения понятий (смысловой эквилибристики). В рамках новейших модификаций постиндустриалистской теоретической социологии систематическое использование методологических принципов псевдорациональности и вытекающих оттуда манипулятивных методик позволяет размывать, нивелировать и менять ценностные установки и принципы (будучи их постоянным «провокатором»), внедрять убеждения о позитивности и неизбежности: 1) тоталитарной социальной атомизации (разобщения, появления изолированных индивидов, социальные связи которых носят безличный характер, превалирования конкуренции над кооперацией как будто бы условия победы прогресса при «контрпродуктивности» коллективных действий); 2) киборгизации человека и перехода квазисословного неравенства в технобиологическое; 3) порнофикации сознания и культуры (превращения телесного и душевного эксгибиционизма в идеальный, а в ближайшей перспективе – обязательный образец и стиль поведения); 4) перманентной социальной неустойчивости, деградации системообразующих социальных институтов.

Литература

1. Дугин, 2009 – *Дугин А. Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. Москва: МГУ, 2009. 744 с.
2. Исторические типы рациональности, 1995 – Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. Т.1. Москва: ИФ РАН, 1995. 350 с.
3. Касториадис, 2003 – *Касториадис К.* Воображаемое установление общества в современном мире. Москва: Гнозис: Логос, 2003. 480 с.
4. Катасонов, 2018 – *Катасонов В. Ю.* Колпак. URL: http://www.narodsobor.ru/events/analytics/35159-valentin-katasonov-kolpak- (дата обращения: 26.06.2018).
5. Кутырёв, 2006 – *Кутырёв В. А.* Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. 95 с.
6. Кутырёв, 2009 – *Кутырёв В. А.* Бытие или ничто. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. 496 с.
7. Русин, 2018 – *Русин А. О.* Цифровая экономика: что это? URL: http://rusrand.ru/actuals/cifrovaya-putinomika (дата обращения: 17.08.2018).

8. Цифровое рабство, 2018 – Цифровое рабство: все данные о россиянах отданы властью банкстерам. URL: http://communitarian.ru/news/v-rossii/cifrovoe-rabstvo-vse-dannye-o-rossiyanakh-otdany-vlastyu-banksteram_03032018 (дата обращения: 15.09.2018).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00063
УДК 007.51:008.2

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Виталий Игоревич Таланин
Кандидат физико-математических наук, профессор Российской Академии Естествознания
Запорожский институт экономики и информационных технологий

В работе рассматривается современный процесс цифровизации общества. Показывается, что он направляется идеологией трансгуманизма. На ряде примеров, в частности, на проходящей в настоящее время тестирование китайской «системе национального рейтинга», показывается, что главной целью цифровизации является насильственная постановка человека под тоталитарный контроль с полным отказом от приватности человеческой жизни. Показывается, что такая политика, являясь однотипной во всех мировых регионах, целенаправленно ведёт к построению общемировой тоталитарной государственности, появление которой предсказывалось в первой половине XX века ведущими авторами жанра антиутопий. Показывается, что реклама «улучшения физического тела» посредством его технологического апгрейда здесь является лишь информационным прикрытием процесса коллективизации человечества, как в рамках отдельных государств, так и в общемировом масштабе. Показывается, что фактически реализация этой политики ведёт к самоуничтожению не только отдельных наций и ликвидации национального суверенитета, но и человечества в целом.

Ключевые слова: трансгуманизм, цифровизация, тоталитаризм, рейтинг, политика, идеология, власть.

OBJECTIVES AND METHODS OF TRANSGUMANISTIC DIGITALIZATION POLICY

Vitalyi Igorevich Talanin
PhD in Phys.-math. Science, Doctor of Science honoris causa
Zaporozhye Institute of Economics & Information Technologies

The paper considers the modern process of society digitalization. It is shown that this process is guided by the ideology of transhumanism. On a number of examples, in particular, the currently undergoing testing of the Chinese “national rating system”, it is shown that the main goal of digitalization is to force a person under totalitarian control with a complete rejection of the privacy of human life. It is shown that such a policy, being of the same type in all world regions, deliberately leads to the construction of a global totalitarian statehood, the appearance of which was predicted in the first half of the twentieth century by the leading authors of the anti-utopia genre. It is shown that the advertisement of the “improvement of the physical body” through its technological upgrade here is only an information cover for the process of collectivization of humanity, both within individual states and on a global scale. It is shown that the actual implementation of this policy leads to the self-destruction of not only individual nations and the elimination of national sovereignty, but also of humanity as a whole.

Keywords: transhumanism, digitalization, totalitarianism, rating, politics, ideology, authority.

Как известно, идеология трансгуманизма направлена на, по существу, преодоление человека человеком. Ясно указывается, что в результате трансгуманистической трансформации человечества будет явлен «новый человек» (он же «постчеловек»), который будет якобы лучше «обычного человека» тем, что посредством слияния собственного физического тела с электронными механизмами, ему окажутся доступен более широкий круг неких возможностей [Klerkx, 2006, p. 60; Кутырёв, 2010, с. 6-8; Четверикова, 2016, с. 3-9; Таланин, 2016, с. 5-7].

В качестве «расширения» человеческих возможностей обществу рекламируются, к примеру: 1) отказ от традиционного документооборота, посредством кодирования всех личных данных в электронный носитель и размещения его в теле якобы «улучшенного человека»; 2) встраивание в тело «электронного пропуска» для бесконтактного открывания закодированных замков; 3) замена любой части тела (при настоящем уровне развития медицины, пока это возможно с конечностями в целом или с отдельными костями в частности) по мере её «изнашивания» электронным протезом; 4) встраивание личного сознания в «общемировую виртуальную реальность», что означает, якобы, подключение к «коллективному разуму человечества»,

по какой причине «улучшенный человек» становится «всечеловеком» или «сверхчеловеком»; 5) достижение «цифрового бессмертия» за счёт якобы «сохранения» личного сознания на каких-то «внешних носителях» для его возможной перезагрузки в новые физические тела.

Однако усиленно рекламируемая «необходимость» цифровизации всех областей человеческой жизни, каковая цифровизация предусматривает непременное подключение каждого человека к некоей общей базе данных. В свою очередь, это означает, что посредством такого подключения человек теряет приватность собственного бытия, поскольку с момента подключения он в каждое мгновение находится, что называется, «под колпаком» внешнего за ним наблюдения. Для лучшего осознания этого факта следует взглянуть на начавшую с 2016 г. внедряться в Китае «систему социального рейтинга». Согласно ней, каждый человек имеет личный рейтинг, который посредством «правильного» или «неправильного» поведения может повыситься или понизиться. Согласно количественной оценке рейтинга, все люди разделяются на социальные страты, от условно говоря, добропорядочных граждан, до социально подозрительных или вовсе опасных. Повышение/понижение рейтинга происходит автоматически, вне зависимости от личного хотения человека. На рейтинг влияет всё, от банковской кредитной истории до лояльности/нелояльности политическим властям. Причём последнее, к примеру, степень нелояльности, определяется не только тем, состоит ли человек в реальных оппозиционных структурах, а также и банальными «кухонными разговорами» в социальных сетях и проч. Малейшее неодобрение политики властей в чём угодно, от государственных законов до качества асфальтирования дорог, будет расцениваться как нелояльность и понижать социальный рейтинг. При этом, следует понимать, что в течение ближайшей «пятилетки» в Китае эта система проходит обкатку в тестовом режиме, и затем будет распространена на всё государство. Но как сейчас от участия в этой программе не могут отказаться жители тех регионов, где система тестируется, так и впоследствии от неё не сможет отказаться никакой гражданин в общегосударственном масштабе.

Такая же политика до запуска китайской рейтинговой системы осуществлялась в мире в качестве подготовительной на примере постепенного, но обязательного приучения граждан различных государств к мысли о «неизбежности» делегирования своей приватности цифровому банку данных [Таланин, 2016, с. 27-43]. В практическом преломлении это выглядело как добровольно-принудительный перевод граждан на получение зарплат и пенсий через банковские карты, на электронный документооборот в социальной сфере, на получение электронных удостоверений личности и т.д. Простые обыватели, каковых большинство, которые, по определению, не в состоянии отделить агнцев от козлищ, привыкают к происходящему процессу, усиленно рекламируемом средствами массовой информации, и в будущем будут согласны как на китайскую модель, так и на более жёсткие варианты, даже без особенного принуждения. Для тех, кто полагает это невозможным, следует обратить внимание на провозглашение в КНДР с мая 1957 г. «системы аскриптивного статуса» под названием «сонбун». Согласно этой системе, действующей по настоящее время, всё северокорейское общество разделено на три касты: «основную», или «лояльную» (25 % населения), «колеблющуюся» (55 %), «враждебную» (20 %). Система сонбун объявлена наследственной, т.е. те, кто попал в низшие касты в 1957 г., или после массовой проверки в 1966 г., остался там навсегда, а равно в этой же касте остались любые его потомки. Повышение рейтинга возможно только по решению высшего руководства КНДР, что фактически нереально, однако понижение рейтинга происходит автоматически за любые проступки вплоть до бракосочетания представителя вышестоящего сонбун с нижестоящим. Нетрудно увидеть полный аналог с позднейшей китайской моделью. Аналогичным примером является камбоджийская диктатура Пол Пота, где население страны было разделено на три касты: «основной народ», «новый народ» (подлежащий исправлению), «враги» (подлежащие истреблению). В современном западном мире наблюдается аналогичная тенденция, пока ещё не оформленная глобальным законодательством, но имеющая своё оформление в ряде отдельных постановлений: от принудительного восхваления разнообразных половых извращений до запретов на «лайки в соцсетях» и на критику властей.

Таким образом, главным трендом в процессе цифровизации, направляемом идеологией трансгуманизма, является отнюдь не «улучшение физического тела», что следует считать лишь информационным прикрытием, а именно коллективизацию человечества, как в рамках отдельных государств, так и в общемировом масштабе. Причём целью идеологов процесса цифровизации является осуществление соответствующих преобразований именно в общемировом масштабе, поскольку специально подчёркивается интернациональность современных средств коммуникации и невозможность их замыкания в пределах одной нации и государства. Это, а также то, что в любом регионе мира сейчас происходят совершенно однотипные в русле цифровизации процессы, от США до России, заставляет видеть искусственность оных процессов, а действия политических властей тех или иных государств, от США до России, как осознанно направленные на снижение (и даже полное уничтожение) национального суверенитета.

Следует также заметить, что основные авторы так называемых «антиутопий» первой половины XX века (как-то, Е.Замятин, С.Кржижановский, О.Хаксли, Дж.Оруэлл, Р.Брэдбери) предвосхитили современный этап развития человечества, описав его в своих произведениях. Их основным лейтмотивом является искусственное построение в общемировом масштабе тоталитарной государственности, официально объявляющей себя «социалистической/коммунистической». Генеалогические корни идеологии трансгуманизма, как вдохновителя политики цифровизации, можно прослеживать минимум до таких псевдо-гуманистов, как Парацельс, Пико делла Мирандола и Фламель [Hughes, 2012, p. 762], либо до богомильства X века и неоплатонизма [Таланин, 2016, с. 49-53]. Но во все эпохи носители указанных идей придерживались концепции социализма и ориентировались на построение общемировой государственности. Тем самым видно, что по-

средством политики цифровизации в ускоренном темпе создаются все условия для перехода человечества в режим жесточайшей социалистической тоталитарной диктатуры, базирующейся на полном неуважении к личности и полном отказе каждого отдельного человека от приватности. Следует также видеть, что как пример внедрения система социального рейтинга в Китае, так и российские тренды на незаконный сбор личных данных учащихся средних школ, на окончательную ломку традиционной образовательной системы для воспитания нерассуждающих и бездушных кадавров, на запрет отказа от вакцинации и т.д., демонстрируют, что и окончательный переход в режим указанной диктатуры будет проходить в добровольно-принудительном порядке. В этом случае остаётся только задуматься, какой будет «добровольная» часть добровольно-принудительного выбора? Под лозунгом «цифровизация либо смерть», или как у указанных авторов антиутопий – «цифровизация» и возможность для отказавшихся, лишившись всех псевдо-благ современной псевдо-цивилизации ухода в отшельничество – «дикарство», по их терминологии? И, несмотря на то, что на данном этапе процесс самоуничтожения человечества ещё можно остановить, если политические власти тех или иных государств «вспомнят», что они должны быть национальными лидерами национальных государств, а не служащими транснациональных корпораций, поставленными у власти извне для уничтожения оных государств изнутри, надежд на это остаётся всё меньше.

Литература

1. Кутырёв, 2010 – *Кутырёв В.А.* Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: ННГУ, 2010. 85 с.
2. Таланин, 2016 – *Таланин В.И.* Сущность идеологии трансгуманизма: современные информационные технологии. Запорожье: ЗНУ, 2016. 128 с.
3. Четверикова, 2016 – *Четверикова О.Н.* «Диктатура просвещённых»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, 2016. 160 с.
4. Hughes, 2012 – *Hughes J.J.* The politics of transhumanism and the techno-millenial imagination, 1626-2030 // Zygon. 2012. Vol. 47. P. 757-776.
5. Klerkx, 2006 – *Klerkx G.* The transhumanists as tribe // Better humans? The politics of human enhancement and life extension. London: Demos, 2006. P. 59-66.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00064
УДК 330

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ[23]

Варвара Николаевна Рогожникова
Кандидат философских наук, научный сотрудник
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Современная экономическая наука активно взаимодействует с другими науками, находясь в контексте меняющейся социально-экономической действительности. Эти процессы влияют на экономические представления о человеке, которые лежат в основе моделей человека, формирующихся в рамках различных экономических теорий.

Модель человека – это инструмент анализа экономической действительности, объяснения и предсказания поведения экономических агентов. В современной экономической науке одной из ведущих является модель экономического человека неоклассической экономической теории.

Целью настоящей работы является определение основных тенденций в развитии модели экономического человека в связи с такими перспективными областями научного знания и социально-экономической практики, как нейроэкономика, наука об устойчивости и эффективный альтруизм. С точки зрения автора статьи, наиболее перспективной в этом смысле является наука об устойчивости, которая стремится сформулировать новые предпосылки для экономической теории, а следовательно, изменить и рабочую модель человека.

Ключевые слова: модель человека, нейроэкономика, наука об устойчивости, эффективный альтруизм.

THE PROSPECTS OF HUMAN MODEL DEVELOPMENT IN THE MODERN ECONOMIC THEORY

Varvara Nikolaevna Rogozhnikova
PhD in Philosophy, Researcher
Lomonosov Moscow State University

[23] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №18-010-00686.

The modern economic science actively interacts with other sciences, being in the context of the changing social and economic reality. These processes influence economic vision of the human being which are the cornerstone of human models formed within various economic theories.

Human model is a tool of the analysis of economic reality, of explanation and prediction of economic agents` behavior. In modern economic science, one of the leading human models is one of the neoclassical economic theory.

The aim of this article is the specification of some tendencies in the human model development within such perspective areas of scientific knowledge and social and economic practice as neuroeconomics, sustainability science and effective altruism. From our point of view, the most perspective here is the sustainability science which seeks to formulate new prerequisites for the economic theory and consequently, to change the working human model in economics.

Keywords: human model, neuroeconomics, sustainable science, effective altruism.

Введение

Экономика, как и другие науки, в настоящее время активно включается в междисциплинарное взаимодействие: экономическое представление о человеке стало предметом изучения для, например, социологии, антропологии, биологии, психологии. Это взаимодействие оказывает определенное влияние на теоретико-методологические предпосылки экономической науки. Мы предполагаем, что результатом этого влияния будет изменение «ядра» господствующей в мейнстриме неоклассической экономической теории, а следовательно, и переосмысление модели экономического человека, предпосылками которой являются следующие положения [Автономов, 1998, с. 10-11]: 1) Ограниченные ресурсы и безграничные потребности делают необходимым постоянный выбор; 2) Выбор обусловлен предпочтениями и ограничениями; 3) Человек оценивает варианты выбора, сравнивая альтернативы между собой; 4) Выбор индивида определяется его предпочтениями (интересами), при этом случайно индивид может учесть и интересы других экономических агентов; 5) Доступная информация ограничена и не меняется сама по себе; 6) Выбор рационален, поскольку люди выбирают то, что предпочитают, и это и есть максимизация.

Для анализа основных тенденций, способных повлиять на предпосылки модели экономического человека, мы выбрали нейронауку, науку об устойчивости и эффективный альтруизм, который наукой не является, но представляет собой влиятельное социальное движение и определенную философию.

Противоречия нейроэкономики

Нейронаука – это область исследований, возникшая на стыке экономики, психологии и биологии в 2000-х на волне интереса к проблемам работы мозга, к решению которых в нейронауке развился новый подход на основе последних достижений медицины. Существенную часть нейроэкономических исследований составляет изучение нейробиологического механизма принятия решений [Ключарев, Web].

В качестве вклада нейроэкономики в развитие экономической теории называют (Раквиашвили, 2015; Konovalov, Krajbich, 2016): 1) создание более реалистичной модели человека; 2) изучение генетических факторов и факторов окружающей среды, влияющих на поведение индивидов и групп; 3) успехи в исследовании процесса оценивания альтернатив в момент выбора.

В то же время нейроэкономика критикуется за (Раквиашвили, 2015; Fumagalli, 2015; McMasters, Novarese, 2016; Konovalov, Krajbich, 2016): 1) слишком смелые выводы из экспериментов; 2) онтологическую двусмысленность теории человеческого действия; 3) дуализм между теорией и практикой; 4) механистичность нейроэкономического понимания процесса принятия решения; 5) низкую предсказательную силу нейроэкономики и отсутствие оснований для установления причинно-следственной связи между активностью нейронов и определенным поведением индивида; 6) представление об индивиде как о множественном «я», компоненты которого активируются в зависимости от контекста ситуации выбора.

Таким образом, нейроэкономика тесно связана с экономическим представлением о человеке, но эта связь нуждается в критическом переосмыслении.

«Зеленый потребитель»

Наука об устойчивости “исследует взаимодействие между глобальными, социальными и человеческими системами, сложные механизмы, приводящие к ухудшению этих систем, и сопутствующие обстоятельства риска в отношении человеческого благополучия”. Как и нейронаука, это – междисциплинарная область.

Науки об устойчивости нацелены на решение экологических проблем, преодоление неравенства и бедности посредством стабилизации потребления и производства. Это предполагает переосмысление понятия прогресса и изменение основных показателей экономического роста и самой его концепции. Основная идея наук об устойчивости заключается в том, чтобы существующие политические, экономические и социальные институты включали в себя заботу об окружающей среде.

В центре новой модели – «зеленый потребитель» (green consumer), экономический агент, который делает выбор, принимая во внимание экологическую нагрузку своих действий. Задумавшись о необходимости изменить стиль жизни современного человека, экономисты и политики фактически адаптировали идею к

рабочей модели экономического человека. Для реализации изначального замысла необходимо изменить предпосылки экономической теории, лежащей в основе науки об устойчивости; для этого Дж. Сейфэнг предлагает обратиться к «новой экономике» (new economics) [Seyfang, 2015]. Новая экономика предлагает расширить представление о мотивации человеческого поведения, включить экономического агента в социальную и природную среду, принять разнообразие и защитить локальность экономических систем, проработать этические основы экономической теории, переосмыслить понятия денег, благосостояния и труда [Seyfang, 2015, 47-48].

Как мы видим, наука об устойчивости стремится переосмыслить все предпосылки модели экономического человека и неоклассической экономики в целом.

Эффективный альтруист

Эффективный альтруизм – это социальное движение, опирающееся на философию совершенствования мира теми средствами, которыми мы располагаем, и так, чтобы наши действия приносили максимально эффективный результат. Основной посыл эффективного альтруизма таков: существуют методы делать добро эффективно (Wiblin, 2017; Макаскилл, 2018, 25-29).

Настоящий эффективный альтруист – это тот, кто:

1) Проводит тщательное исследование и выбирает область, где его благотворительная и иная деятельность может дать максимальный результат [см. Introduction, 2016].

2) Никогда не действует импульсивно.

Как отмечают некоторые исследователи, это движение вполне вписывается в неолиберальную идеологию и парадигму неоклассической экономической теории (Rubenstein, 2016; Eikenberry, Mirabella, 2018). Эффективные альтруисты полностью разделяют предпосылку рациональности и предпосылку максимизации полезности как основных характеристик действий индивида. В то же время, у эффективного альтруизма есть шанс выйти за пределы этих предпосылок посредством, например, обмена опытом с другими благотворительными организациями, а также переосмысления некоторых своих ценностных установок [Rubenstein, 2016, 520-521].

Таким образом, эффективный альтруизм предлагает лишь формальное переосмысление человеческого поведения и не может существенным образом повлиять на предпосылки модели экономического человека.

Заключение

1. Тенденции, обнаруживаемые в рассмотренных нами областях знания и практики, на данный момент противоречивы. И в нейроэкономике, и в науке об устойчивости, и в эффективном альтруизме есть стремление к изменению экономического мышления о мире и человеке, и все эти направления существенно влияют на современную экономическую теорию. С другой стороны, эти изменения не носят системного характера.
2. Причина такого положения дел заключается в том, что теории, появляющиеся в рамках этих направлений, строятся на базовых предпосылках неоклассической экономической теории, проблемных по своей сути.
3. Наиболее перспективной в плане переосмысления предпосылок модели экономического человека является наука об устойчивости, поскольку она носит системный характер, стремится к разработке новых оснований для экономической науки и ее методология более приспособлена к решению собственно экономических задач.
4. Наука об устойчивости предлагает переосмыслить все важнейшие предпосылки модели экономического человека, а значит, фактически разработать новое представление о человеке в экономике.

Литература

1. Автономов, 1998 – *Автономов В.С.* Модель человека в экономике. – СПб.: 1998.
2. Ключарев, Web – Ключарев В. Нейроэкономика. 25.08.2015. https://postnauka.ru/video/51488
3. Макаскилл, 2018 – *Макаскилл У.* Ум во благо. От добрых намерений – к эффективному альтруизму. – М.: АСТ: Корпус, 2018.
4. Раквиашвили, 2015 – *Раквиашвили А.А.* Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 124—137.
5. Eikenberry, Mirabella, 2018 – *Eikenberry A.M., Mirabella R.M.* Extreme Philanthropy: Philanthrocapitalism, Effective Altruism, and the Discourse of Neoliberalism // PS: Political Science & Politics. 2018. Vol.51. Iss.1. P. 43-47.
6. Fumagalli, 2015 – *Fumagalli R.* Five theses on neuroeconomics // Journal of Economic Methodology. 2015. Vol. 23. №1. P. 77-96, DOI: 10.1080/1350178X.2015.1024883
7. Introduction, 2016, web – Introduction to Effective Altruism. June 22, 2016. URL: https://www.effectivealtruism.org/articles/introduction-to-effective-altruism/
8. Konovalov, Krajbich, 2016 – *Konovalov A., Krajbich I.* Over a Decade of Neuroeconomics: What Have We Learned? // Organizational Research Methods. 2016. Vol. 22. №1. P. 148-173.
9. McMaster, Novarese , 2016 – *McMaster R., Novarese M.* Neuroeconomics: Infeasible and Underdetermined //

JOURNAL OF ECONOMIC ISSUES, Vol. L, No. 4, December 2016. P. 963-983, DOI 10.1080/00213624.2016.1249745
10. Rubenstein, 2016 – *Rubenstein J.C.* Lessons of Effective Altruism // Ethics & International Affairs. 2016. Vol. 30. №4. P. 511–526.
11. Seyfang, 2009 – *Seyfang G.* The New Economics of Sustainable Consumption: Seeds of Change. Palgrave Macmillan, UK, 2009.
12. Wiblin, 2017, web – *Wiblin R.* How to compare different global problems in terms of impact. Febr 2017. URL: https://80000hours.org/articles/problem-framework/

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00065
УДК 316:1

МЕНЕДЖМЕНТ В НАУКЕ И ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Алексей Анатольевич Тарасов
Кандидат философских наук, начальник управления научных исследований и проектов
Нижегородский институт управления - филиал РАНХиГС

Логическим следствием «научного менеджмента» является «менеджмент науки». Поэтому ключевым является вовсе не вопрос о месте менеджмента в общей «иерархии наук», но о месте науки в менеджменте; не о постмодернизме в менеджменте, но о менеджменте в основании постмодернизма. Главный инструмент сегодняшнего менеджера/дизайнера – динамическое балансирование разнонаправленных процессов и свойств дивергенции-конвергенции, индукции-дедукции, эволюции-революции, количества-качества. Differance – главный механизм управления. Основа модернизма – вера в то, что любые общественные проблемы могут быть решены посредством применения науки и социологии. Постмодернизм развёртывает отношение – предлагает развивать науку через инновации. Здесь наука является конечной целью, а общество и потребление – поставщиками задач, средством для ускорения науки. В этом смысле, модернизм и постмодернизм являются параллельными способами восприятия реальности, взаимодополняющими друг с друга сторонами одного явления (differance). В случае с «прогрессом» наука пытается рассеять незнание, порождаемое обществом, тогда как в рамках «инноваций» общество как раз обязано производить незнание, которым бы «питался» дальнейший прогресс науки. Поэтому менеджмент – это прежде всего наука дез-организации. Никто не отрицает того, что естественные науки влияли и влияют на менеджмент, а вот обратное – почему-то замалчивается. Хотя это и есть то, что нужно в наши дни – управление наукой. Не только её ускорение, но и кибернетическая/менеджериальная «обратная связь», контроль.

Ключевые слова: менеджмент, наука, постмодернизм, конвергенция, инновация, differance, (р)еволюция.

MANAGEMENT IN SCIENCE AND IN POSTMODERNISM

Alexey Anatolievich Tarasov
PhD in Philosophy, Head of Research and Projects
Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of RANEPA

«Management of science» is a logical consequence of «scientific management». That's why the key question is not the one about the place of management within «hierarchy of sciences», but about place of science within the system of management; not about «postmodern» features of management, but about managerial roots of postmodernism. The main tool of today's manager/designer is dynamic balancing of opposing processes and properties: divergence-convergence, induction-deduction, evolution-revolution, quantity-quality. ‘Difference’ is the main mechanism of management and control. The basis of modernism is the belief that any social problems can be solved through the application of science and sociology. Postmodernism unfolds this relationship, offering to develop science through innovations, where science is the ultimate goal, while society and consumption are the suppliers of tasks and means to accelerate science. In this sense, modernism and postmodernism are parallel ways of perceiving reality, two complementary sides of the same phenomenon (differance). In the case of the “progress” science is trying to dispel the ignorance engendered by society, whereas in the framework of the 'innovation' society just required to carry the ignorance, feeding further the progress of science. Therefore, management is primarily the science of des-organization. No one denies the fact that natural sciences have influenced and still influence the science of management, but the reverse point of view for some reason is hushed up, although this is what is needed today – the management of science. Not only the acceleration of science, but also its cybernetic/managerial feedback control.

Keywords: management, science, postmodernism, convergence, innovation, differance, (r)evolution.

Сегодня основание науки сместилось от эффективной «причины» (cause) к эффектной «конфигурации» (configuration), «паттерну» (pattern). Даже физика, самая «картезианская» из всех наук, изучает «системы», «кванты» и прочие процессуальные явления. Одной из первых «конфигурационных» и «процессуальных» наук с самого начала был «менеджмент» (management) – наука об управлении в самом широком смысле. Представители «научного менеджмента» (Ф.В. Тейлор, Г.Гантт, А.Файоль) были озабочены не только применением математического инструментария физических теорий к социуму (как в случае с экономиксом, рождённым в рамках маржиналистской революции [Mirowski, 1989]), но и перенесением самого паттерна «машины» или «механизма» на организацию, для придания ей, с их точки зрения, «управляемости».

Впервые появление «организационно-управленческого» знания и мышления прослеживается в рассуждениях А. Сен-Симона и О.Конта о применении Разума к всё более остро встававшим в первой половине 19-го века в связи со стремительной индустриализацией проблемам правительствования и администрирования. Таким образом, изначально «модернизация» являлась организацией знания в интересах больших технологических индустриальных систем. Но уже в рамках всё того же «научного менеджмента» мы видим нечто прямо противоположное: организацию больших технологических индустриальных систем в интересах знания.

Согласно И.Канту, вместо того, чтобы предполагать, что задачей нашего разума является стремление прийти в соответствие с пред-заданной реальностью, следует стремиться к прямо противоположному – подстраивать реальность к разуму [Кант, 1994]. Он сравнил это с коперниканским переворотом: отныне не Солнце вращается вокруг Земли, но Земля вокруг Солнца. В менеджменте также был свой коперниканский переворот. Точнее, сам менеджмент следует рассматривать как коперниканский переворот. Причём уже в прямом смысле, поскольку логическим следствием «научного менеджмента» является «менеджмент науки». Начиная с модернистской «формальной иерархии» (бюрократической, рациональной) мы приходим к «иерархии форм». Если А.Сен-Симон и О.Конт видели «организацию» потребителем научного знания, производящим что-либо посредством его использования и применения, то «менеджмент» направлен уже непосредственно на производство науки и знания. Поэтому ключевым является вовсе не вопрос о месте менеджмента в общей «иерархии наук», но о месте науки в менеджменте.

Центральной для менеджмента является знаменитая марксистская мысль о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Именно «менеджмент» наиболее последовательно воплощает эту идею в реальность.

Главные усилия менеджмента всегда направлены на то, чтобы преобразовать, конвертировать неформальное знание в формальное, что нашло своё отражение в постмодернизме. Не случайно понятие «постмодерна» в менеджменте появилось как минимум на 20 лет раньше, чем в философии: П.Ф.Дракер писал о нём в 1957-м году в своей книге «Ландшафты будущего» («The Landmarks of Tomorrow») [Drucker, 1957], тогда как «Состояние постмодерна» («Postmodern Condition») Ж.-Ф.Лиотара появилось только в 1979-м году [Lyotard, 1984]. Довольно распространёнными являются рассуждения о постмодернизме в менеджменте, тогда как нужно говорить о менеджменте в основании постмодернизма. Тем более, что именно «менеджеры» первыми почувствовали на себе то, что впоследствии стало рефлексией постмодернизма: превращение в бестелесный придаток, эффект тех организационных процессов, которые они же сами и инициируют; способность контролировать всё, кроме самого управления/менеджмента.

Термин «постмодернизм» обычно используется в двух смыслах: для обозначения эпохи и для обозначения эпистемологии. Реже задаются вопросом: можно ли соединить («конвергировать») оба смысла и какой это, в свою очередь, может иметь «смысл»? Наиболее очевидным способом в рамках самого постмодернизма ответить на этот вопрос является понятие «инновации» – создания порядка путём взятия на себя и управления риском; одновременное, неделимое выражение того, что такое человек и общество, и каковы они должны быть.

В ситуации постмодернистского кризиса веры в прогресс можно было бы ожидать застоя в науке. В действительности же ещё никогда наука не получала такого ускорения. Казалось бы, очевидно, что инновации – следствие научных открытий и прорывов. Но не всё так просто, поскольку самые крупные и значимые инновации происходят от фундаментальных, а вовсе не прикладных исследований, что указывает на существование, проявление в действии некой системной «обратной связи» (systematic feed-back).

Инновации указывают на то, как мы, обычные люди, hic et nunc, можем организовать наши усилия, чтобы достичь того, что иначе может быть доступно только гению, то есть выйти за рамки дихотомии эволюции (знаем как, но не знаем что изменить) и революции (знаем что, но не знаем как изменить). Основанием постмодернизма является коннекционизм с его фокусировкой на локальной, а не глобальной динамике, на ко-эволюции и ко-революции – (р)еволюции.

Ключевым для понимания дискурса постмодернизма является понятие «различия» (differance) – формы само-референции, содержащей в себе свою собственную противоположность; целостности, отчуждённой от себя самой. Любая «формальная», рациональная бюрократическая организация, иерархия, структура, таким образом, изначально содержит в себе в скрытом, подавленном состоянии «неформальное», нерациональное, на подавлении которого и возникает. Постмодернизм как раз нацелен на то, чтобы показать, как «неформальное» в действительности порождает «формальное», их конвергенцию. Differance можно понять по аналогии с «информацией», также имеющей бинарную структуру. Поэтому главный инструмент сегодняшнего менеджера/дизайнера – динамическое балансирование разнонаправленных процессов и свойств дивергенции-конвергенции, индукции-дедукции, эволюции-революции, количества-качества. Differance –

это и есть главный механизм управления.

Основа модернизма – вера в то, что любые общественные проблемы могут быть решены рационально - посредством применения науки и социологии, то есть прогрессивно. Постмодернизм развёртывает отношение – предлагает развивать науку через инновации. Здесь наука является конечной целью, а общество и потребление – поставщиками задач, средством для ускорения науки.

В этом смысле, модернизм и постмодернизм вовсе не являются противостоящими парадигмами, но двумя разнонаправленными, но, вместе с тем, параллельными способами восприятия реальности, отнюдь не конфликтующими, но взаимодополняющими друг с друга сторонами одного явления (differance). Таким образом, модернистская структура осталась, но её перевернули: в условиях хаоса революция – обыденность, эволюция и порядок – нечто удивительное.

В случае с «прогрессом» наука пытается рассеять незнание, порождаемое обществом, тогда как в рамках «инноваций» общество как раз обязано производить незнание, которым бы «питался» дальнейший прогресс науки. Поэтому менеджмент – это прежде всего наука дез-организации.

Начиная с 1930-х годов фокус управления постепенно смещался в сторону рассмотрения организаций по аналогии с эволюционирующими живыми организмами, имеющими «эмерджентные» свойства, которые менеджеру следует «ухватить», «заключить в рамки», но только для того, чтобы высвободить эту созидательную микро-силу/свободу: «формальная» организация, с этой точки зрения, есть следствие процветания внутри неё «неформальных» процессов, которые по этой причине должны всячески стимулироваться.

«Искусственная» природа организации («formal hierarchy») противопоставляется «естественности» рынка и его подвижной иерархии («hierarchy of forms», «dissipative structures») В теории организаций эту идею в наши дни, вслед за О.Уильямсоном [Williamson, 1975] и А.Чандлером [Chandler, 1977], поддерживают и развивают прежде всего представители нео-позитивизма, например, Лекс Дональдсон с его «дивизиональными» формами [Donaldson, 1996]. Таким образом, прослеживается интересная взаимосвязь: чем более «научной», ортодоксальной выглядит теория, тем более «рыночной» она, в сущности, является.

Никто не отрицает того, что естественные науки влияли и влияют на менеджмент, а вот обратное – почему-то замалчивается. Хотя это и есть то, что нужно в наши дни – управление наукой. Не только её ускорение, но и кибернетическая/менеджериальная «обратная связь», контроль, один из вариантов которого выразил, например, Ж.Бодрийяр – представитель «постмодернистского материализма», для которого материей является созданный человеком искусственный, виртуальный мир, перевёрнутый «вверх ногами» [Бодрийяр, 2014]. Единственный, с его точки зрения, для нас способ действия в нём – принять за первичную реальность его «условную» организацию, иерархию, переведя её в разряд реального, применив её к реальности, то есть к «естественному», к естественным и точным наукам. «Менеджериально-постмодернистский» способ действия и управления. Это differance кибернетического управления, когда внутри живого ищут и находят «машинно-механическое», и менеджмента, ориентированного на проникновение «социальности» внутрь механизма познания мира.

Литература

1. Бодрийяр, 2014 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2014. 240 с.
2. Кант, 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума. Москва: Мысль, 1994. 591 с.
3. Chandler, 1977 – *Chandler, A.D.* The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. 621 p.
4. Donaldson, 1996 – *Donaldson L.* For Positivist Organization Theory. London: The Cromwell Press Ltd., 1996. 200 p.
5. Drucker, 1957 – *Drucker P.F.* The Landmarks of Tomorrow. New York: Harper & Brothers Publishers, 1957. 270 p.
6. Lyotard, 1984 – *Lyotard J.-F.* The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis: Minnesota University Press, 1984. 138 p.
7. Mirowski, 1989 – *Mirowski P.* More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics. New York: Cambridge University Press, 1989. 460 p.
8. Williamson, 1975 – *Williamson O.E.* Markets and Hierarchy: Analysis and Antitrust Implications. New York: Free Press, 1975. 374 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00127
УДК 130.2

АЛГОСОФИЯ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

Михаил Евгеньевич Бойко
Кандидат искусствоведения
Государственный литературный музей

Боль может рассматриваться как один из фундаментальных экзистенциалов. Поскольку определяющей чертой современной цивилизации является её гедонистический характер, боль и связанные с ней явления приобретают особое, ключевое значение. Боль всё чаще выступает как неявный определяющий фактор, изменяющий основные параметры цивилизации.

В статье разрабатывается проект новой научно-исследовательской программы под условным названием «алгософия» (< гр. «боль» и «мудрость»). Предлагается историко-генетическое обоснование этой программы как способа преодоления коренного дефекта новоевропейского мышления, а именно подмены реального страдающего субъекта познания анестезированным нечеловеческим конструктом-фантомом.

Этические воззрения К. Э. Циолковского не представляют собой однородного целого, в них можно выделить две логически несовместимые тенденции, условно называемые «латентно-гедонистической» и «негедонистической». Наиболее актуальна сегодня и наименее изучена вторая тенденция, подтолкнувшая Циолковского к разработке своеобразной алгодицеи (философского оправдания боли и страдания).

Ключевые слова: боль, гедонизм, русский космизм, страдание, феномен боли, философия боли, философская антропология.

ALGOSOPHY OF K. E. TSIOLKOVSKY

Mikhail Evgen'evich Boyko
PhD in history of Arts
State Literary Museum

Pain can be considered as one of fundamental existentials. As the determinative feature of modern civilization is its hedonistic nature, pain and related phenomena acquire particular, crucial meaning. Pain more and more frequently acts as an implicit determinative factor changing the basic parameters of civilization.

The article is developing a new research program under the conventional name «algosophy» (from the Greek «pain» and «wisdom»). The historical and genetic substantiation of this program is proposed as a way of overcoming the fundamental defect of New European thinking, namely, the substitution of the real suffering subject of cognition with the anesthetized nonhuman phantom construct.

K. E. Tsiolkovsky's ethical views are not homogeneous, there can be distinguished two logically incompatible tendencies, called by the author as «latent-hedonistic» and «non-hedonistic». The second tendency is more topical but less studied today, it pushed Tsiolkovsky to develop a special kind of algodicy (philosophical vindication of pain).

Keywords: pain, hedonism, Russian cosmism, suffering, phenomenon of pain, philosophy of pain, philosophical anthropology.

Анализируя современные исследования этических воззрений К. Э. Циолковского, можно выделить две контрастные позиции. Одних исследователей этическая теория Циолковского поражает своей логической стройностью [Елфимова, 2008, с. 32], другие — находят в его этике непоследовательности и даже внутренние противоречия [Семёнова, 2004, с. 471].

Такое положение дел легко объяснить. С одной стороны, отбирая из сочинений Циолковского согласующиеся между собой фрагменты и интерпретируя их в одном ключе, можно предложить логически стройную «реконструкцию». С другой стороны, если рассматривать этические воззрения Циолковского во всём объёме, то в них можно выделить, по меньшей мере, две логически несовместимые тенденции и, соответственно, две этические теории, каждая из которых является логически стройной.

Первая тенденция с наибольшей полнотой выражена в поздней статье Циолковского «Научная этика» (1930) и заключается в требовании полного искоренения страданий. Причём этот императив имеет одинаковую силу как для человека, так и вообще для любых разумных существ во Вселенной: «Этика космоса, т.е. её сознательных существ состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других недозрелых или начинающих своё развитие животных» [Циолковский, 2004, с. 341]. И далее: «Нравственность Земли такая же, как и небес: устранение всяких страданий. Эту цель указывает разум. Не будет кругом меня страданий — и я тогда не подвергнусь им в этой или бесконечной будущей жизни»

[там же, с. 342–343]. Именно из этого императива вытекает вызывающее наибольшие нарекания требование «прекратить существование всех несознательных, несчастных и несовершенных существ» [там же, с. 321].

Как терминологически охарактеризовать эту тенденцию? Мы отчётливо усматриваем в ней латентно-гедонистический характер, если под «гедонизмом» в соответствии с наиболее распространённым толкованием этого термина понимать убеждение, что «все поступки всех людей совершаются ради того, чтобы достигнуть удовольствия и избегнуть страдания» [Лосский, 1991, с. 26]. Такой гедонизм имеет оборотную сторону, когда артикулируется именно избегание страданий: «современный гедонизм стал той формой бытия человека, в которой проявляется не столько стремление к наслаждению, сколько исключение страданий» [Фесикова, 2013, с. 401]. В этом случае на первый план выдвигается «антиалгический» (от гр. ἄλγος — боль) аспект, и именно эта тенденция ощутимо преобладает в «научной этике» Циолковского.

Интересно, что аналогичное требование полного искоренения страданий выводили из «философии общего дела» ближайшие последователи Н. Ф. Фёдорова — В. А. Кожевников и Н. П. Петерсон. Первый в стихотворении «Цель жизни» (1898) провозглашал:

«Жизнь дана, чтоб силой знанья,
Силой общего труда
Уничтожить все страданья,
Все лишенья навсегда» [Фёдоров, 1995–2004, т. III, 728].

Н.П. Петерсон писал: «Мне кажется несомненным, что только страдания и смерть заставляют нас задаваться вопросом о смысле и цели существования, а потому разрешение этого вопроса, или упразднение его, совпадет с тем моментом, когда в мире не будет более страданий, не будет и смерти, к которой ведут страдания» [там же, т. IV, с. 552].

Подчеркнём, что сам Н. Ф. Фёдоров был категорически не согласен с латентно-гедонистической («антиалгической») интерпретацией своей «философии общего дела», т.е. с переносом акцента с борьбы со смертью на борьбу со страданием. Его сочинения не содержат эксплицитных призывов к полному искоренению страданий. Негедонистический характер учения Фёдорова не вызывает сомнений [9], латентно-гедонистическая тенденция была ему совершенно чужда, поэтому он счёл необходимым печатно «поправить» Н. П. Петерсона, а затем и вовсе разорвать с ним отношения [Семёнова, 2004, с. 152–153; Фёдоров, 1995–2004, т. IV, с. 478] .

Общеизвестно, что «философия общего дела» оказала сильное влияние на К. Э. Циолковского, хотя, вероятно, он ознакомился с нею не ранее 1913 г. [Семёнова, 2004, с. 465]. Но мы видим, что по духу «научная этика» Циолковского ближе не к аутентичному учению Н. Ф.Фёдорова, а к не вполне «ортодоксальным» интерпретациям «философии общего дела» некоторыми фёдоровскими последователями и учениками. И можно полностью согласиться с выводами С. Г. Сёменовой: «Однако собственно онтологические и этические предпосылки Фёдорова и Циолковского значительно, часто полярно отличаются друг от друга» [там же, с. 468], «Смерти, главного врага фёдоровской “основной единицы вселенной” — человеческой личности, для Циолковского не существует; ведь его “первобытный гражданин”, атом, что “есть особь (индивид, примитивное Я)”, – вечен» [там же, с. 468], «Космическая “научная этика” Циолковского остановилась на эмпирическом уровне чувственных требований» [там же, с. 470–471].

Наряду с латентно-гедонистической тенденцией в этических воззрениях Циолковского сосуществует и совершенно иная тенденция, с наибольшей полнотой выраженная в статьях «Нирвана» (1914) и «Ум и страсти» (1928). Эту тенденцию можно было образно назвать «нирванической», но мы будем называть её просто «негедонистической».

В статье «Нирвана» Циолковский предполагает, что возможно, хотя и пока практически неосуществимо, количественное измерение приятных и неприятных ощущений [Циолковский, 2004, с. 158] и представление их в качестве функций времени [там же, с. 160]. Следовательно, возможно их сложение, причём «положительное ощущение, сложенное с отрицательным ощущением такой же абсолютной величины, даёт ощущение безразличное, выражаемое нулём» [там же, с. 159]. Более того: «Приходит в голову: да не обусловливается ли радость исключительно страданием и не равно ли поэтому количество радостей количеству страданий, то есть не равны ли количества положительных и отрицательных ощущений? Если так, то алгебраическая сумма количеств всех ощущений жизни, от зачатия до смерти, равна нулю. Не есть ли жизнь только взбаламученный нуль?» [там же, с. 163].

Мы пропустим детали аргументации Циолковского, важно отметить, что это совершенно иное основание этики, чем то, которое изложено в статье «Научная этика». «Нирваническая» этика полностью снимает императив полного искоренения страданий: не зачем искоренять страдания, если общая сумма удовольствий и страданий от этого не меняется, оставаясь равной нулю. Можно лишь немного сгладить амплитуду колебаний удовольствий и страданий (влияние «страстей»), ибо «эти колебания преждевременно подрывают нравственные и физические силы» [там же, с. 165], чтобы создать для разумного существа внутреннее состояние, благоприятное для активной мыслительной, творческой и активно-преобразовательной деятельности: «Пусть же хоть через тысячелетия придёт нирвана, но нирвана могучая, царственная, богатая добрыми плодами» [там же, с. 179].

Статья Циолковского «Ум и страсти» интересна тем, что в ней причудливо сплетаются обе тенденции — латентно-гедонистическая и негедонистическая. В ней уже сложно усмотреть какую-то логическую стройность, поскольку обе логически несовместимые тенденции выражены отчётливо, синтез в принципе невозможен, противоречия едва прикрыты.

В частности, Циолковский развивает свой взгляд (латентно-гедонистическая тенденция), что низшие существа нужно профилактически (и «без церемонии») истребить: «Сердце наше, совесть могут быть покойны. Эти существа почти не страдают» [там же, с. 188]. С другой стороны, чуть ранее констатируется: «<…> полное количество ощущений или интеграл всякой жизни, как бы она сложна или проста не была, всегда равен нулю. Действительно А–А=0» [там же, с. 186]. С. Г. Семёнова справедливо усматривает в этом непоследовательность: «<…> если низшие животные такие уж нечувствительные автоматы, не знающие страданий, то зачем их уничтожать в целях борьбы со страданием» [Семёнова, 2004, с. 471]. Но это не просто частная, случайная или локальная непоследовательность, это одно из проявлений неоднородности этического учения Циолковского, фундаментального противоречия, сочетания в одном тексте двух логически несовместимых оснований.

Интересно, что если «научная этика» Циолковского близка к некоторым интерпретациям «философии общего дела», то на «нирваническую этику» Циолковского, по-видимому, оказало влияние другое учение, а именно популярная на рубеже XIX и XX веков философия Э. фон Гартмана. В ней также постулировалась возможность количественного измерения приятных и неприятных ощущений и их последующего сложения.

Если для А. Шопенгауэра и Гартмана существование в мире страдания служило основанием для отрицания ценности жизни и отрицания практической деятельности по преобразованию мира, то Циолковский предлагает своеобразную алгодицею (философское оправдание боли). Боль оказывается негативным коррелятом удовольствия, необходимым для сведения итогового «баланса» к нулю.

Если сумма наслаждений и страданий для любого существа на протяжении жизни неизменно равна нулю, то погоня за наслаждениями и борьба со страданиями, по сути, лишаются смысла. Высвободившаяся же энергия может быть направлена на освоение космических пространств и научно-техническое преобразование мира и даже человеческой природы: человек «будет преобразовывать не только Землю, но и существа, не исключая самого себя» [Циолковский, 2004, с. 187]. Есть в «нирванической» гипотезе и большое утешение, своеобразная «космическая справедливость»: «В таком случае, в некотором отношении судьба всех людей и других живых существ одинакова: они получают такое же количество приятных ощущений, как и неприятных. В результате все получают нуль» [там же, с. 163–164].

По-видимому, именно из-за этих полезных следствий из «нирванической» гипотезы Циолковский не хотел от неё отказываться, несмотря на все противоречия с его же «научной этикой».

Сегодня, в период безграничного господства гедонистических ценностей, алгодицея Циолковского сохраняет определённый теоретический и практический интерес. Обладает она и несомненной психотерапевтической ценностью. В конце концов, утешение — это тоже задача философии, как считал Боэций и предшествовавшие мыслители.

Литература

1. Бойко, 2016 – *Бойко М. Е.* Боль: Введение в алгософию. Tractatus algosophicus: Монография. М.: Летний сад, 2016. 152 с.
2. Гартман, 2010 – *Гартман Э. фон.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. В 2-х т. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010.
3. Елфимова, 2008 – *Ефимова Н. М.* Константин Циолковский: от жизни страдания – к непрерывному счастью // Философское образование. 2008. № 18. С.21–32.
4. Лосский, 1991 – *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: основы этики. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
5. Семёнова, 2004 – *Семёнова С. Г.* Философ будущего века: Николай Фёдоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
6. Фёдоров, 1995–2004 – *Фёдоров Н. Ф.* Собрание сочинений в 4-х т. М.: Прогресс, Традиция, 1995–2004.
7. Фесикова, 2013 – *Фесикова О. В.* Негедонистический характер учения Н.Ф. Фёдорова // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму: Материалы этико-философского семинара им. Андрея Платонова 12–13 мая 2011 г. 2-е изд. М.: Флинта, 2013. С. 401–408.
8. Циолковский, 2004 – *Циолковский К. Э.* Космическая философия: Сборник. М.: ИДЛи, 2004. 496 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00066
УДК 140.8

АРТ-СТРАТЕГИИ В НАРРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Илья Евгеньевич Волков
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
Вера Олеговна Волкова
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

В статье раскрываются тенденции существования современного человека, отражаемые философией. Проблема подлинности происходящего с человеком выдвигает версии бытия, связанные с нарративными практиками. В современной науке назревает кризис объяснительных моделей знания. Необходимо формирование синтетических учений о познавательных содержаниях человеческой жизни. Возникает новая ситуация исследования, требующая включения в науку содержаний, которые для традиционного сциентизма кажутся чуждыми. Системы знания, а так же их социотехнические мутации изменяют представления о познавательной деятельности. Арт-стратегии обретают значение в словесной практике. Переживания и их логическая обработка объективируются в каждом артефакте культуры, оказывающем значительное влияние на науку. Движение бытия осуществляется при помощи стратегического понимания мира, характерного для непредвиденных обстоятельств жизни. Оно углубляет познание дополнительными условиями понимания и осознавания. В каждом предмете исследования можно обнаружить дополнительную к содержанию комбинацию целого опыта человечества, выражаемую унаследованными в контексте социума и культуры понятиями, переживаниями, интуициями. Она определяется как «фигура смысла» или фундамент арт-стратегии. Исследование глубинных познавательных инициатив позволяет выдвинуть концепцию арт-стратегий, связывающих в целостное понимание взаимодействие искусства и науки, проявленное в состояниях человека, опирающихся на способности синтезировать интеллектуальное существование и переживание роли актера в фатальном порядке мира.

Ключевые слова: арт-стратегии, нарративная практика, стратегический синтез интеллекта и чувства, фигуры смысла, событие, состояние, симфония познания.

ART STRATEGIES IN MODERN NARRATIVE PRACTICE

Ilya Evgenievich Volkov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev
Vera Olegovna Volkova
DSc in Philosophy, Professor
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The article reveals the tendencies of the existence of modern man, reflected by philosophy. The problem of the authenticity of what is happening with a person puts forward versions of being associated with narrative practices. In modern science, a crisis of explanatory patterns of knowledge is brewing. It is necessary to form synthetic teachings about the cognitive contents of human life. A new situation of research is emerging, requiring the inclusion in science of contents that seem alien to traditional scientism. Knowledge systems, as well as their sociotechnical mutations, change the perception of cognitive activity. Art strategies take on meaning in verbal practice. Experiences and their logical processing are objectified in each artifact of culture, which has a significant impact on science. The movement of being is carried out with the help of a strategic understanding of the world, characteristic of unforeseen circumstances of life. It deepens the knowledge with additional conditions of understanding and awareness. In each subject of the research, one can find an additional to the content combination of the whole experience of mankind, expressed by concepts, experiences, intuitions inherited in the context of society and culture. It is defined as the “figure of meaning” or the foundation of an art strategy. The study of deep cognitive initiatives allows us to put forward the concept of art strategies linking the holistic understanding of the interaction between art and science, manifested in human states, based on the ability to synthesize intellectual existence and experience the role of an actor in the fatal order of the world.

Keywords: art strategies, narrative practice, strategic synthesis of intelligence and feelings, figures of meaning, event, state, symphony of knowledge.

В современной ситуации трансформируются критерии подлинности. Торжество нарративного бытия проявляется в том, что рассказ всегда может быть рассказан по-иному [Можейко, 2002, с. 653]. Это означает, что в условиях нестабильности мира, смене эпох и воззрений на мир активные интересанты способны создавать свое понимание реальности, вкладывая его в сознание других людей и реализовывать свои планы в специфичной нарративной практике.

Возможности для изменений жизни ограничены, как заложено было в античных структурах сознания. Человек – «живая вещь» – является единственной формой объединения ноологии и фатализма. Он не может полностью овладеть реальностью. Нечто, создающее спокойное единство, ускользает. Появляется необходимость далекого видения. Человек становится обладателем стратегических способностей к синтезу идеального интеллектуального существования и переживания несчастной роли актера, противостоящего автору пьесы, которую разыгрывает весь космос [Лосев, 1994., С. 507].

Человек как актер скрывает под маской свою ипостась (лат. substantia). Он изображает героя пьесы,

а не себя. Поэтому все время нуждается в нарративах. Нарративное бытие – выражение бытия символического, а их соотношение лежит глубже соотношения внешнего и внутреннего. Оно сокрыто в человеке как неделимая субстанция, неизменная с древних веков, скрываемая в ролевых структурах властителя, раба, актора, субъекта, объекта и т.д. Использование этой неделимой субстанции в науке связано с интуицией как «орудием изобретательства» [Пуанкаре, 1990, с. 215], но еще более с внутренне сильно организованными формами концентрации смысла, достижением катарсиса от их исполнения во внутренней жизни.

В современной науке назревает кризис объяснительных моделей знания. Переход знания в технологии познавания, восприятия, имитации, симуляции, универсализации требует изменения представлений о научных нормах. И. Т. Касавин отмечает, что необходимо рассмотрение научного дискурса как «синтетического учения о познавательном содержании всей человеческой жизни», где переживания и восприятия объективируются в каждом артефакте культуры, хотя и представлены по-разному. Наука невозможна без человеческой чувственности и в каждом атоме, формуле, биологическом наблюдении скрыты переживания творческой личности, сопровождавшие научное исследование [Касавин, 2017, с. 17]. Эмоции и описания, идеалы и логические выводы представляют собой «инструменты», которые играют свои партии, а «возникающие из их созвучий обертоны образуют всякий раз новую аранжировку целостной симфонии нашего познания» [Касавин, 2017, с. 18]. В каждом познаваемом предмете присутствует артистизм [Lock, 2018, p. 355-377], служащий дополнительной к всякому содержанию связкой (комбинацией) элементов целого – опыта «абсолютного человечества» (А. Ф. Лосев). Явление этого опыта в сознании заставляет переживать смешение логики, интуиции, чувства и ощущения как катарсис. Так, «старые интуитивные понятия наших отцов даже тогда, когда мы оставили эти понятия, придают еще форму логическими построениям, которыми мы заменили их» [Пуанкаре, 1990, с. 215].

Транскрипция духовной симфонии человека в познании предполагает собирание разрозненных фрагментов человеческого бытия [Волкова, 2014]. В нашем случае они описываются при помощи мало изученной категории «состояние». Состояние человеческого существа воплощает в себе наличие первоначальных установок мысли. Они инициируют стихийное самопорождение смысла, распадение некоторого первоначально прочувствованного и найденного интуицией целого на отдельные моменты.

Слово сохраняет целостность мыслящего и мыслимого, объединяя идеальное и чувственное бытие. Однако, слово обладает еще и способностью оставлять след во внутренней жизни после своего исчезновения так же, как и в замене языковых конструкций на образные. Так мы получаем стратегический процесс создания состояния как события исполнительского понимания двойственного различения нарративной практики. Идеальная субстанция слова инкорпорируется в отдельное символическое (означающее) бытие, а чувство способно либо усмириться в рациональном затворчестве мысли, либо воспроизводить структуры воображения и фантазии. Либо, что примечательно, вообще исчезать в бессознательном.

Словесное бытие может быть рассмотрено как бытие выразительное, исходящее из наличия в предмете «цельного смыслового лика вещи», ее созерцательно и «умственно осязательной» фигуры смысла, не подлежащей объяснению [Лосев, 1993, с. 69]. Оно становится фундаментом арт-стратегии, предопределяющим логическое конструирование. Стратегическая инициатива может существовать в теоретическом знании, фиксируя его связки с практикой. В этом контексте мы получаем театр как состояние соотношения с тем, что невозможно понять иначе. Искусство развертывается как «машина» введения нас в то состояние, которое «существует только тогда, когда исполняется» [Мамардашвили, 2014, с. 160]. В этом заключается стратегия двойственного кода понимания. Казалось бы, понять реально услышанное можно, но для этого надо выделить ту самую фигуру смысла, которая заложена в предложенном тексте или речи. Препятствием для понимания служит нарочито вложенное в нарратив артистическое (символическое) наполнение чувственной основой, которое возбуждает фантазию или просто уводит восприятие от фигуры смысла.

Фигура смысла должна перейти в логическое конструирование рациональной критики, оценки, корректировки поступков, анализа действий оппонентов, проблематизации своих действий и т.д. Этот переход должен определить момент синтетического (симфонического) состояния исполнения человеком роли организатора рефлексии над своей жизнью. Но он не дается, не допускается яркими цветами, тонированием, игрой света, чувства, дорогими симулякрами и прочей геймификацией.

Арт-стратегии обладают расширительными теоретическими и методологическими возможностями. Она позволяет облегчить возможность перехода от знания к технологическому эффекту, инициировать пути его поиска для соотнесенности с динамикой изменений XXI века. Напомним, что использование концепций из разных областей знания позволяет импортировать в область поиска версию, модифицированную в соответствии с правилами совершенно иной топологии. В этом смысле движение Science art собирает сложные междисциплинарные взаимодействия науки и искусства, создает собственную топологию их соотношений [Takaragawa, Halloran, 2017, p. 127-139.]. Например, арт-стратегии генерирующейся фатальности субъекта и объекта Ж. Бодрийяра обладают исполнительским пониманием в различных иных топологиях – антропологии, психологии, политики, экономике, культуры [Бодрийяр, 2017, с. 161–172]

Арт-стратегии предполагают исследование, конструирование и проектирование положения человека в мире как оно мыслится и выражается в нарративных практиках и онтологии сознания/деятельности. Арт-стратегии полагаются в качестве условия навигации выразительных способностей онтологии, ее глубинного посредничества связей человека и мира, проявленных в каждом артефакте культуры и социума [Волков, 2017, с. 294-297]

Возникает новая ситуация, требующая нетрадиционного научного захода. Наука складывается в деятельности по созданию и конструированию своего бытия вместо его же определения. Все научные содержания включаются в науку, какими бы чуждыми они ни казались [Латур, 2013]. Вновь включаемые системы знания из биологии, теории информации, когнитивных исследований, а так же их социотехнические мутации изменяют ландшафт и фактуру познавательной деятельности. Они по-своему генерируют человеческую фатальность и заставляют человека множить свои арт-стратегии.

Литература

1. Бодрийяр, 2017 – *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии. М.: РИПОЛ классик, 2017. – 288 с.
2. Волкова, 2014 - Волкова В. О. Духовная симфония человека: неклассический смысл. – СПб., Алетейя, 2014. – 184 с.
3. Волков, 2017 – *Волков И. Е.* Социокультурная реальность - артефакт меняющегося мира // Известия высших учебных заведений. Серия "Гуманитарные науки". – 2017. – Т. 8. – Вып. 4. – С. 294-297.
4. Касавин, 2017 — *Касавин И. Т.* Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 54. – №4. – С. 8–19
5. Латур, 2013 – *Латур Бр.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
6. Лосев, 1994 — *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2-х кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. – 604 с.
7. Лосев, 1993 – *Лосев А. Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
8. Мамардашвили, 2014 — *Мамардашвили М. К.* Мысль в культуре // Сознание и цивилизация: Выступления и доклады. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – 384 с.
9. Можейко, 2002 – *Можейко М. А.* Нарратив // История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
10. Пуанкаре, 1990 — *Пуанкаре А.* Ценность науки// О науке. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
11. Lock, 2018 – *Lock A.* Scienticity and Artistry Across All Subjects // Philosophia. – 2018. – №46 (2). p. 355-377.
12. Takaragawa, S., Halloran, L., 2017 – *Takaragawa, S., Halloran, L.* Exploring the Links of Contemporary Art and Anthropology: Archiving Epistemologies // Critical Arts. – 2017. – №31 (2). – p. 127-139.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00067
УДК 1:316

ВИРТУАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КРАУДСОРСИНГА[24]

Тимур Маратович Хусяинов
Старший преподаватель департамента социальных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В данной работе рассматривается как под влиянием возникновения и бурного развития информационно-коммуникативных технологий, многовековое стремление к созданию идеального общества и государства, выражается в виртуальном пространстве, путем создания виртуальных государств. Число подобных государствоподобных новообразований постоянно растет, при этом часть из них обладают чертами краудсорсинговых проектов и нацелены на достижение определенного общего результата. При этом они обладают особыми чертами, связанными с позиционированием, как виртуальное, но суверенного государство, что отличает их от иных краудсорсинговых проектов. Виртуальные государства по сути представляют собой международные общественные сети, которые дают возможность привлекать профессионалов и, вообще, заинтересованных лиц со всего мира. При этом, у участников данной сети - граждан виртуального государства, развивается лояльность и определенная идентичность, что позволяет мотивировать и сохранять целостность, модерировать происходящее.

Ключевые слова: виртуальное государство, краудсорсинг, Интернет, виртуальная реальность, квазигосударства.

VIRTUAL STATE AS A FORM OF CROWDSOURCING

Timur Maratovich Khusyainov
Senior lecturer of Department of Social Sciences
National Research University Higher School of Economics

[24] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 “Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека”.

In this paper we consider how under the influence of the emergence and rapid development of information and communication technologies, the centuries-old desire to create an ideal society and state, is expressed in the virtual space, through the creation of virtual States. The number of such state-like neoplasms is constantly growing, while some of them have the features of crowdsourcing projects and are aimed at achieving a certain overall result. At the same time, they have special features associated with positioning as a virtual, but sovereign state, which distinguishes them from other crowdsourcing projects. Virtual States are essentially international public networks that provide an opportunity to attract professionals and, in General, stakeholders from around the world. At the same time, the participants of this network - citizens of the virtual state, develop loyalty and a certain identity, which allows you to motivate and maintain integrity, moderate what is happening.
Keywords: virtual state, crowdsourcing, Internet, virtual reality, quasi-States.

Развитие информационно-коммуникативных технологий в последние десятилетия оказало существенное влияние на все сферы жизни общества, появились принципиально новые явления, а сюжеты описанные писателями-фантастами стали воплощаться в жизнь.

Возникшие в сети Интернет различные онлайн-площадки для общения становятся новым публичным пространством для выражения мнения. Возникают тематические форумы; большинство крупных политических организаций создают собственные сайты для трансляции своих идей; новостные сайты имеющие возможность комментирования становятся местом для дискуссий, в том числе в отношении общественно-политической проблематики; в социальных сетях появляются тематические сообщества, политические и социальные активисты активно используют их для продвижения своих идей и поиска единомышленников. М. Маклюэн метафорично охарактеризовал новое общество как «Глобальная деревня» [McLuhan, Hutchon, McLuhan, 1977]. По состоянию на 30 июня 2019 пользователями Глобальной сети Интернет являются 58,8% жителей планеты, и это число постепенно возрастает [Internet Usage Statistics, web].

На протяжении своего развития, общество постоянно и неуклонно стремится к поиску более удобных, утилитарных и «правильных» форм организации. Первоначально, подобный процесс происходил стихийно, под действием внешних факторов, вынуждающий общества первобытнообщинного строя менять свой уклад и стиль жизни для выживания. В дальнейшем с развитием общественно-политической и философской мысли этот процесс происходил более осмысленно, стали появляться многочисленные труды об устройстве государства и различные проекты идеального общества - утопии («Государство» Платона, «Государь» Н. Макиавелли, «Утопия» Т. Мора и многие другие). «Жизнь движется к утопиям» писал Н.А. Бердяев [Бердяев, 2018]. Утопия и утопизм, как определенная форма предикации будущим являлась и является по сей день основой для различного рода социальных изменений.

Если ещё полвека назад чтобы попытаться построить новое утопичное общество требовалось совершить государственный переворот; уйти в безлюдную местность и жить вдали от общества; или попытаться получить широкую автономию от государства, как это сделали жители Свободной республики Христиания в Копенгагене, то с развитием и распространением доступа к Глобальной сети по всему миру начинают возникать новые проекты по созданию идеального государства и общества в виртуальном пространстве, в виде Виртуальных государств. Под этим термином мы предлагаем понимать самоорганизующуюся социальную группу, объединенную вокруг идеи такого нового государства. При этом, в большинстве случаев они не претендуют на какую либо территорию, или ориентируются на незанятые на Земле и других планетах.

Создатели подобных проектов имеют совершенно разные цели и сами довольно разнообразны по взглядам, возрасту, национальному, сексуальному, религиозному самоопределению. Ранее мы уже рассматривали участие в создании и деятельности виртуальных государств с позиции подростков, отмечая высокий потенциал данного явления для процесса социализации и сепарации [Хусяинов, 2019]. Следует отметить, что в сообществе «микронационалистов» можно встретить немало людей среднего и даже преклонного возраста. Для них такие проекты становятся формой протеста против государства, в котором они живут, и его законов; способом привлечения внимания к экологическим и социальным проблемам и даже создание платформы для их решения в виде краудсорсингового проекта и т.д.

Яркими примерами подобной деятельности являются «Великое герцогство Вестарктика», которое не только привлекает внимание к арктической проблематике, но и проводит разного рода экологические акции по защите флоры, фауны и климата [Westarctica, web] или «Королевство Северный Бархант», выступившее генеральным партнером музыкального фестиваля в Крыму [Королевство Северный Бархант, web].

При этом функционирование краудсорсинговой модели в виде государствоподобных новообразований открывает более широкие возможности для реализации тех или иных инициатив. Это связано с тем, что данная модель имеет несколько серьезных преимуществ, так как дает возможность присоединиться человека из любой точки планеты; позволяет высказаться каждому участнику; исключить существующий политический контекст из взаимодействия участников, с одной стороны давая им возможность представиться под любым именем, а с другой - все участники становятся гражданами одной страны (виртуального государства). Таким образом, существующие в мире разногласия могут быть исключены из межкультурного и межнационального диалога внутри сообщества, а все участники получают большую свободу самовыражения, самоидентификации и самореализации. Другая важная особенность заключается в возможности реализовывать краудсорсинговые проекты по всему миру, без привязки к конкретному государству.

При этом, «граждане» сохраняют свои профессиональные навыки и интересы, которые могут быть включены в общий социальный капитал подобных проектов и найти выражение в реальных продуктах совместной деятельности. Результатами подобных совместных проектов становится участие в благотворительных, экологических и социальных акциях; выпуск сувенирной продукции; организация встреч (как граждан одного виртуального государства, так и нескольких); выпуск совместными силами различных изданий (газет, книг, справочников) и даже попытки создания новых искусственных языков (например, талосского) [Talossan, web]; и, конечно, не стоит исключать попытки создания нового государства на незанятых территориях, например в Антарктиде.

Организация проектов через форму виртуального государства с одной стороны позволяет создать горизонтальную структуру участников, а с другой назначить ответственных за те или иные сферы, путём введения должностей, аналогично назначению на посты в реальном государстве.

К негативным аспектам можно отнести то, что с одной стороны подобные государствоподобные новообразования часто не воспринимаются всерьез, как форму социальной самоорганизации и площадку реализации проектов; а с другой - они часто воспринимаются как сепаратистские группы, даже в тех случаях, когда не имеют цели получения какой-либо территории. Теоретически деятельность подобных государствоподобных новообразований не подпадает под юрисдикцию ни одного государства, так как они объявляют свой суверенитет, однако, на практике, их «граждане», реализуя свою деятельность, вынуждены следовать законом страны, в границах которой они живут и работают.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать феномен виртуальных государств с позиции краудсорсингового механизма, нацеленного на решение совместных задач как малыми, так и большими группами людей, посредствам виртуального взаимодействия. Виртуальное государство - это постоянно существующая сеть, сродни международным общественным организациям, которая может реализовывать различные проекты, в том числе и параллельно. Причём данная сеть формирует у своих участников определенную идентичность и лояльность «граждан», имея возможности для мотивации, привлекая символический капитал, например, в виде представления к наградам или разработки форменной одежды; с другой стороны, они наоборот обладает возможностью исключения, в соответствии с законами виртуального государства, которые призвана сохранять жизнедеятельность виртуального сообщества.

Литература

1. Бердяев, 2018 – *Бердяев Н.* Новое Средневековье. М.: Т8, 2018. 128 с.
2. Королевство Северный Бархант, web - Официальный сайт Королевства Северный Бархант. URL: https://barchant.org/
3. Хусяинов, 2019 – *Хусяинов Т.М.* Микронационализм и виртуализация государства: между протестом и социализацией // Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы: монография / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2019. С. 18-28.
4. Internet Usage Statistics, web - Internet Usage Statistics // Internet World Stats. URL: https://www.internetworldstats.com/stats.htm
5. McLuhan, Hutchon, McLuhan, 1977 – *McLuhan M., Hutchon K., McLuhan E.* — City as Classroom: Understanding Language and Media. The Book Society of Canada Limited, 1977.
6. Talossan, web - El Glheþ Talossan. URL: http://talossan.com/
7. Westarctica, web - Westarctica official site. URL: https://www.westarctica.info/

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00068
УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМА НЕКЛАССИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В СИСТЕМЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ[25]

Мария Геннадьевна Демина
Специалист по экспозиционно-выставочной деятельности
МКУК «Музей А.Д. Сахарова»

Автор рассматривает общество, погруженное в пространство виртуальной коммуникации, как совокупность многослойных сознаний. Сложность изучения современного общества связана с появлением нового субъекта, вынесенного за пределы онтологии классических представлений о нем. В исследовании общества с использованием социологических данных существует проблема слияния смыслов понятий «коммуникация» и «общение», причиной которой является онтологический кризис. Существует противостояние человека, пытающегося познать свою природу с современными теориями, объективизирующими его сознание. Таким образом,

[25] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152

центральная проблема статуса субъекта виртуальной коммуникации – онтологическая. Бытие человека становится вариативным, нецелостным, а изучение общества превращается в исследование игровых процессов. Автор предлагает модальный подход к изучению сознания человека и общественных процессов. Применив модальный подход можно предположить, что коммуникация не может пониматься, как полноценное общение, так как, рассматривая коммуникацию как модус, она находит свое целое в общем кантовском понятии - «отношения». Параллельно с онтологической проблемой возникает и аксиологическая, по причине того, что у виртуальной реальности нет «ценностного ориентира». Вариативность бытия создает вариативность ценностей. Спецификой в исследовании субъекта виртуальной коммуникации становится столкновение с проблемой информатизации общества, появления глобального массового обмена аудио-визуальной информацией.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальная реальность, постнеклассическая рациональность, информация, модальный подход, Никлас Луман.

THE PROBLEM OF NON-CLASSICAL SUBJECT IN THE SYSTEM OF VIRTUAL RATIO[26]

Maria Gennadievna Demina
Exhibition Curator
MKUK «The Sakharov museum»

The author considers a society as a combination of multilayered consciousnesses which is integrated in space of virtual communication. The complexity of learning a modern society is associated with the appearance of a new type subject, which is moved beyond the ontology of a classical subject. There is a problem of merging the meanings of the concepts “communication” and “relation” in society research using a sociological data, the cause of this problem is an ontological crisis. There is a figurative confrontation of a person trying to know its own nature with the theories objectifying human consciousness. Thus, the central problem of definition of substance of a new type subject in virtual communication is an ontological one. Human existence represents as something variable, incomplete, study of society turns into a game research. The author offers modal approach to consciousness research and social studies. Applying a modal approach, we could assume that “communication” cannot be understood as a “relation” of full value, but considering “communication” as modus, it turns out to be a part of a whole, namely of a Kant’s Category “ratio”. At the same time there is an axiological crisis, based on the fact that virtual reality does not have a value reference point. A variability of existence creates a variability of values. There is a difficulty in research of a subject of virtual communication because of an informatization of society and appearance of mass global exchange of audio-visual information.

Keywords: communication, virtual reality, post-non-classical rationality, information, modal approach, Niklas Luhmann.

Рассматривая общество, как совокупность субъектов социальной коммуникации, можно выделить ряд проблем, центральная, из которых – онтологическая проблема статуса субъекта.

Данная проблема, появившаяся в XX веке, появляющаяся в философском дискурсе, связана с объективизацией сознание человека. Сознание, рассматриваемое в отдельности от целого действующего человека, отделило субъекта от его бытия. Основой слияния смыслов понятий «коммуникация» и «общение» является онтологический кризис. Существующее противостояние человека, пытающегося познать свою природу, найти связь со своим «Я», с современными теориями, отдаляющими субъект от его экзистенции.

Современные социологические исследования представляют собой своеобразное следование пешеходов по следам друг друга. Описываемая природа человека в деконструирущих смыслах, выявление навязанных социальных ролей, использование манипулятивных приемов медиа, все это, подвергаясь дальнейшему описанию, толкованию, или критике, только сильнее деконструируют смыслы, что не способствует единению человека с собой и с обществом.

Согласно концепции академика В.С. Степина, в постнеклассической рациональности требуется описание сложных субъектов. Некоторые исследователи признают необходимость применения модального анализа к человеческому сознанию. Существуют проявления человека и его сознания в искусственных конструкциях, порожденным самим сознанием. Это связано с развитием постмодернизма (постструктурализма). «Отказавшись от постулирования центральной точки бытия человека в мире и от «Я» как центра субъективности, постструктурализм предлагает рассматривать человека как «неукоренённое» и децентрированное бытие» [1, с. 39]. Человек сознающий провозглашается недостаточным, «постструктуралисты стремятся показать метафизическую недостаточность субъекта как cogito» [1, с. 12].

Иными словами, идеи субъективизма, описываемые немецкими классика (Кантом, Гегелем, Фихте), в XX веке под воздействием смены научной картины мира и развития когнитивных наук увели, отстранили сознание от его бытийности, вывели сознание за метафизические пределы при помощи информатизации.

[26] The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00152

«Бытие человека отождествляется с игрой, и это становится причиной его вариативного содержания» [6, с. 3].

Существует различные стороны проявления сознания, в виртуальном пространстве человек подчиняется принципам игры. Модальная реальность в пространстве игры, заставляет человека менять социальные роли и постоянно искать свою уникальность, так как сознание отделено от своего «Я».

Модальный анализ, предполагает восприятие модуса (части) целого, чтобы в отношении различных сторон реальности выявить необходимую сущность. Используя модальный подход, можно представить, что вариативность содержания (информации) сознания, несовместимое с интересами личности, навязанного, связано с онтологически сдвигом.

Таким образом, сознание, оперирующее в виртуальной реальности, имеет дело с коммуникацией, являющейся модусом общего кантовского понятия «отношения» («взаимодействие между действующими и подвергающимся действию»). [2, с. 111]

Согласно исследованию Левина В.Г., существует две концепции, по которым можно рассматривать понятийно-категориальный аппарат. «Информация» по одной концепции – это промежуточное понятие, а по другой – это новая категория, порожденная прогрессом науки. В первом случае, информация является производным от более емкого (то есть модусом), во втором – это выделенная категория, отделенная от субъекта, обладающим своим бытием (от человека).

Если применить подход Левина к коммуникации, получается, что: онтология коммуникации – это то, что она есть, а информация о коммуникации – это то, что в ней содержится.

Онтология коммуникации – по Луману, это «способ самовозбуждения системы и наполнения ее смыслом». Под системой можно принять общество, как социальную систему в постнеклассичской рациональности. «Общество производит и воспроизводит себя как социальную систему». Выражается коммуникация информацией. В работе «Слова и вещи» М. Фуко описывает диспозицию – произведенное человеком знание о человеке само по себе, существующее без человека, противоречит тому, что существует тогда, когда существует, думает, производит сам человек через призму своего сознания.

М. Фуко анализирует неустойчивость понимания и представлений о человеке, который, по его мнению, – изобретение XIX века. Знание о человеке сформированы биологией, трудом и языком. Поэтому, знание об обществе строится только на созданных человеком представлениях о нем, как о сложном организме, о субъекте экономических отношений и на символах. Нечто, что может уничтожить человека, как цельное понятие, –это растворение смыслов, которое мы наблюдаем в виртуальной реальности. «Подобным образом можно было бы говорить и «социологической области» — там, где трудящийся, производящий и потребляющий индивид, составляет представление об обществе, в котором совершается эта деятельность» [7, с. 375]. Социология, как эпистема, собирает знания о человеке, исходя из искусственных смысловых построений. Аксиологическая проблема возникает из-за того, что у виртуальной реальности нет «ценностного ориентира». (Субъект виртуальной реальности вынесен за пределы онтологии классического субъекта).

Практически все исследования, посвященные критике искусственной интеракции, обращены к проблеме распространения антиценностей в медиа, трансформирующим сознание, а следовательно, влияющим на действия. (Появление все новых дивиантных действий, таких как стрельба в школе, интернет-насилие и прочее). Регулярное взаимодействие с разнообразным контентом, заставляет вспомнить о том, что «мы есть то, что мы постоянно делаем...». (Аристотель)

Подобно герою Нехлюдову, который «боролся, но бороться было слишком трудно, потому что все то, что он, веря себе, считал хорошим, считалось дурным другими, и, наоборот, все, что, веря себе, он считал дурным, считалось хорошим всеми окружающими его», [5, с. 54]интернет-пользователи и телезрители смирились и спокойно созерцают любую шокирующую и неприличную информацию. Однако, все, что попало в поле восприятия, по теории магической пули Лассуэлла, рано или поздно принесет результаты. «Субъект ставится перед чем-то (фактом, информацией, вопросом, проблемой), на что не может не отреагировать. Пусть даже его реакция будет в нереакции» [4, с. 203].

Анализ Мак-Люэна о появлении человека печатной культуры, в наши дни подразумевает необходимость осмысления человека «постпечатной» культуры. Мак-Люэном выявлена сложная взаимосвязь между психикой и способами общения. «Когда письменное и, более того, печатное слово появилось на сцене, создались условия, при которых слова потеряли свою магическую силу и свойства» [3, с. 29], то есть усиление одного способа коммуникации способно изменить психику и самого человека.

Во времена распространения печати, человек попал в новый мир, по Луману мир «интеракции отсутствующих телесно», когда чтецы, изолированные друг от друга, испытывали эмоции, под воздействием литературных образов. Эмоции, рождаемые чтением, заслоняли другие, подобно тому, как в первобытном мире, человек, живший в мире устной речи был сильно чувствителен к звукам.

Технический прогресс и массовое распространение литературы разрушило общинный строй и разделило людей друг от друга. Общество становясь более предсказуемым и обустроенным в цивилизации становится все легче и легче изучаемым. «Коммуникация приводит к уподоблению людей друг другу путем их разъединения.» [8, с. 271].

По Мак-Люэну, технический прогресс, превративший общество в «глобальную деревню», наполненную средствами массовой коммуникации вербального и аудио-визуально характера, является новым этапом племенной жизни человечества. Тем не менее, такое жизненное пространство искусственного опыта, делает

сознание «толерантным» и приспособленным к виртуальной реальности, как к естественной среде.

Мир для современного человека одновременно и расширился и чрезвычайно сузился. Коммуникация – это своеобразное «проклятие Мидаса». Все средства коммуникации, к которым «прикасается» сознание человека, обретают эмпирическую форму, накапливают опыт сознания вне его онтологии, что в итоге погубит бытийность человека.

Литература

1. Дьяков, 2006 – *Дьяков А.В.* Проблема субъекта в постструктурализме: онтологический аспект. автореф. дис. д-ра филос. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 2006.
1. Кант, 2012 – *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2012. – 736 с. – (Антология мысли).
2. Мак-Люэн, 2004 – *Мак-Люэн М.* ГАЛАКТИКА ГУТЕНБЕРГА: Сотворение человека печатной культуры.- К: Ника-Центр, 2004.- 432 С.¬ (Серия «СДВИГ ПАРАДИГМЫ»; Вып. 1).
3. Матвейчев, 2008 – *Матвейчев О.* Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. – М.: Эксмо, 2008.
4. Толстой, 1984 – *Толстой Л.* Полное собрание сочинений в 12 томах. – Т. 10. - М.: Правда, 1984.
5. Трубина, 2015 – *Трубина Н. А.* Модальная сущность бытия человека. автореф дис. канд. филос. наук. Омский государственный педагогический университет, Омск. 2015.
6. Фуко, 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. СПб., A-cad, 1994
7. Хоркхаймер, Адорно – *Хоркхаймер М. Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. Перевод с немецкого М.Кузнецова М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00069
УДК 669.1:621.31:576.12

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПРИРОДНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Борис Иванович Кудрин
Доктор технических наук, профессор
Научно-исследовательский университет «МЭИ»

С XX века техническая реальность стала универсальной и сделала невозможным существование человека вне её. Философское отношение к прошлой эволюции техники – это понимание всего комплекса естественных и социальных систем. Социосфера Земли требует единого стремления физического мира как целостности, первой научной картины мира, в том числе технологии – науки о технической реальности. Составляющие технетики: техника – технология – материалы – отходы. Философски и концептуально они идентифицируются как биоценоз (Мёбиус, 1877) и техноценоз (1976), регулируемый документом об устойчивом распределении, убывающем приблизительно как гипербола. Гиперболичность наследуется структурой ценоза любой материальной и идеальной реальности. Двадцать первый век дал человечеству возможность управлять пространством, создающим неограниченный материальный и идеальный компьютерный мир.

Ключевые слова: техническая реальность, био-, техно, информ-, социоценозы, технетика как наука, составляющие технетики: техника, технология, материал, отходы.

RETHINKING PHILOSOPHY OF TECHNICAL REALITY AS A REFLECTION OF THE GLOBAL EVOLUTION THE FUNDAMENTAL NATURAL DIVERSITY

Boris Ivanovich Kudrin
DSc of Technical Sciences, Professor
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

From the twentieth century technical reality became universal and made it impossible the existance of human being outside it. Philosophical attitude to the past evolution of technique is a comprehension of the whole complex of natural and social systems. Sociosphere of Earth demands the united perseption of physical world as the integrity, the first scientific picture of the world, including technetics – science of technical reality. Technetics consists of technique – technology – material – consumption products. Phylosophicaly and conceptionaly they are identifiable as biocenosis (Mobius, 1877) and technocenosis (1976) regulated by the document about stable distributed receded as a hy-

perbola. Hyperbolity is inherited by the structure of cenosis of any and every material about ideal reality. Twenty first century gave the mankind the possibility to rule the space constructing the unlimited material and ideal computer world.

Keywords: technical reality; bio-, techno-, inform-, sociocenosis; technetics as a science, its essence: technique, technology, materials, products of consumption, environmental impact.

Техническая реальность, акцентирована монографией [Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке. Монография. – М.: Университетская книга, 2017. 312 с.] как термин, предложенный в начале 90-х годов [Кудрин,1993; Кудрин,1996] и опирающийся на общность структуры и гиперболичность состава сообществ: биоценоз Мёбиуса (1877) и техноценоз (1976). Это характеризует глобальный мир как совокупность естественных и общественных систем, порождённых эволюцией от «Большого взрыва» [Теория эволюции: наука или идеология? М.: Московское общество испытателей природы – Центр системных исследований, 1998. 320 с.] и объяснимых философами как фундаментальный ценологический закон разнообразия природы.

Глобальность, по Ожегову, это нечто полное, всеобъемлющее, охватывающее весь земной мир (от франц. global, от лат. globus – мир). Говорят о машине и понимании феномена жизни [Юдин, 2018], о необходимости глобального поворота в национальном самосознании; но и в личной жизни могут произойти глобальные перемены. Монография Чумакова [Чумаков, 2018], учебник для вузов "Глобалистика" Кочетова [Кочетов, 2002] посвящены обсуждению проблем и рисков образования в XXI веке. По Кочетову, глобальность есть совокупность разнообразия: и то, и другое прекрасно в своей бездонной непостижимости. Кому посчастливится смолоду окунуться в мир глобальных идей, у того на всю жизнь останется свежий взгляд на вещи. Заметим, что в монографии [Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке. Монография. – М.: Университетская книга, 2017. 312 с.] предлагают ряд специальных понятий, называя прежде всего глобальное мышление как философско-политическую концепцию современного этапа развития и становления взаимосвязанного и ценологического мира при безусловном приоритете человеческих ценностей.

Назовём ряд терминов, употребляемых при рассмотрении вопросов глобалистики: глобальные модели, глобальные проблемы, глобальное равновесие, глобальный анализ, глобальные фонды, глобальный вызов, глобальный меморандум, глобальный рынок, глобальный синтез.

Приведём из монографий и другой литературы [Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке. Монография. – М.: Университетская книга, 2017. 312 с.; Чумаков, 2018; Кочетов, 2002] некоторые обобщения и высказывания, представляющие философский, научно-познавательный и спорный интерес. Главным плюсом современного города является его строительное разнообразию. Один квартал – такой, другой – иной. Единый заказчик будет стремиться к однообразию.

Природа, по Далю, естество, всё вещественное, вселенная, всё мироздание, подлежащие пяти чувствам; но более наш миръ, земля, со всем созданным на ней. Человек и каждый из людей вышли из земных созданий, одарённые разумом, свободной волей и словесной речью. Этимология – учение об образовании из одного слова – другого. Это есть беседа с прошедшим, с мыслью минувших поколений, вычеканенной из звуков. Сукцессия – постепенные необходимые изменения состава и структуры сообщества, вызываемые внутренними (автогенная сукцессии) или внешними (аллогенная сукцессия) условиями. Отдельные сообщества сами по себе к самопроизводству не способны, но математически описываемы.

Анри Пуанкаре, 1912: «каждый уверен в справедливости нормального закона: экспериментатор – потому, что это экспериментальный факт».

Густав Хердан, 1962: «математики верят в закон Ципфа потому, что лингвисты постановили считать его лингвистическим законом, а лингвисты со своей стороны верят в него потому, что математики постановили считать его математическим законом».

По Р.Дансо, экосистема=биотоп+биоценоз. Экосистема – основная функциональная система в живом, с точки зрения трофических отношений. Термин был введён А.Тенсли – функциональная система как целое, включающая в себя сообщество живых организмов и их среду обитания. Экосистема состоит из двух групп организмов автотрофных (самостоятельно питающихся – фиксация световой энергии) и гетеротрофных – питающихся другими, для которых характерны утилизация, перестройка и разложение сложных веществ. Разделение предложил В.Пфеффер, 1885 (W.Pfeffer).

Луи Пастер в 1862 г. писал: «слова А.Лавуазье указывают с поразительной точностью на три составных непрерывности жизни на поверхности Земли (продуценты, консументы и редуценты в современной экологической терминологии). Три живые группы компонентов экосистемы, разделение которых по типу питания (продуценты, макро- и микроконсументы) Р.Уиттекер (R.Whittaker. 1969) рассматривал «как функциональное царство природы». А.А.Корчагин в 1976 г. рассматривал растительные сообщества и обсуждал около 30 понятий, назвав меньшие структурные элементы – ценоэлементами.

Синузии – пространственно и экологически обусловлённая часть фитоценоза (термин введён Э.Рюбелем, E.Rubel, 1917) может образовать ярус (лес). Консорция – представление о существовании основной ячейки трансформации энергии в экосистеме. В.Н.Беклемишев, 1951; Раменский, 1952: Мёбиус руководствовался, не формулируя – правилом взаимоприспособленности и внутренней непротиворечивости. Концепция климакса – возможность существования некоторых устойчивых и равновесных по отношению к внешней среде экосистем.

Общее количество видов глазных болезней по республиканской офтальмологической больнице в Ха-

касии за период с 01.04.2014 по 30.04.2014 г. хорошо описывается гиперболическим распределением с параметрами: общее количество характеристик вида заболеваний U=206 (особей), оказавшихся 70 видов. Количество каст – 12. Видовой ряд: W(i)=37, 14, 5, 3, 3, 1, 1, 2, 1, 1, 1; ряд численный iw(i)=37, 28, 15, 12, 15, 6, 7, 18, 11, 15, 18, 24, всего 206.

Информатика: наука об осуществляемом (преимущественно с помощью автоматически средств целесообразной обработки информации, знаний и сообщений в технических, экономических и социальных областях). «Сообщения – это символы для информации, смысл которых нужно выучить» (Mehlis, 1903) [Бауэр, 1990]. Сообщение и информация не взаимно-однозначны. Разговорный язык знаменует начало истории человека.

Экономическое состояние территории и заболеваемости населения стали оценивать по результатам мониторинга, представленного в экологических картах города. Изучены среднегодовые показатели заболеваемости населения, химический состав природных компонентов, обладающих депонирующими свойствами. Были исследованы карты загрязнённости снежного покрова почвы и атмосферного воздуха. Для определения загрязняющих веществ и физических факторов (радиационная обстановка, уровни электромагнитных полей, уровни шума) использовали методики генерализации баз данных, которую осуществляли путём вычисления среднего арифметического всех тех токсикантов или воздействий, что позволило оценить реакцию населения на суммарную экологическую нагрузку. Бессмысленно вычислять среднее параметров с различными единицами измерения. Если представить в виде безразмерных величин, то формально объединить их можно, и тогда можно говорить о среднем. Генерализацией население делится на множества по реакции на техногенные воздействия (социальные причины, уровень достатка, образования, культуры), но всё это не исследовано, трудно.

Век XX поставил вопрос о полном замещении определённого фрагмента той или иной цепочки зрительной, слуховой, двигательной функции электронной системой, которая вписывается в биологический процесс (бионика). Бионические руки, ноги, глаза, слуховой аппарат допускают информацию в мозг, и он может отвечать, давая соответствующие команды. Вопрос: можно ли в будущем постепенно все системы в организме человека заменить на бионические, чтобы человек стал роботом? Здесь уместно вспомнить о философской интерпретации эволюции.

По занимаемой площади Россия остаётся самой большой страной в мире. На душу населения приходится 11,5 га. Эти величины не имеют прямой связи со вступлением на путь устойчивого развития. Природа наделила страну колоссальными запасами энергетических, минеральных и биологических ресурсов (33% мировых запасов газа, 2-е место по нефти, четверть ненарушенных лесных угодий). С точки зрения окружающей среды и обеспечения экологической среды, пока 60–65% территории страны остаются слабо затронутыми хозяйственной деятельностью и ещё слабо нарушенными экосистемами; 10% лесных массивов представлены особо охраняемыми территориями. Среди негативов: около 15% территории с 60-миллионным населением находятся в зоне экологического кризиса из-за преобладания в экономике топливно-энергетического комплекса, являющегося главным разрушителем природы. Бюджетное финансирование системы охраны природы опустилось ниже 0,3% его расходной части.

По расчётам Ю.Одума [Одум, 1975], треть суммы должна быть отдана под резерваты, а на остальных двух третях восстановлены прежние экосистемы. Освоение ненарушенных земель должно быть прекращено. Данилов-Данильян утверждал, что территории, используемые в хозяйственной деятельности, в стране надо сократить на 30%.

Новый технологический уклад – выбор цели: персональный компьютер 80-е годы; программное обеспечение – 90-е; Интернет – середина 2000-х; социальные сети – конец 2000-х; новая валюта – XXI век.

Счётная палата говорит о сокращении численности индивидуальных работников на 90%.

Экосистемная теория эволюции и социоприродный прогноз: «живое своей деятельностью не только обеспечивает своё собственное существование, но одновременно формирует и поддерживает в окружающей среде свойства, необходимые для жизни».

Encyclopaedia Britannika: если взять том 1000 стр. по 2500 знаков на каждой странице, то геном человека – 1200 томов, птицы – 320, дрозофилы – 62, дождевого червя – 40; дрожжи – 6, бактерии – 2.

Магнитогорский металлургический завод (проект) – издание Гос. института по проектированию новых металлозаводов. Ленинград, 1929. 718 с.: размер заводской электростанции строго очерчен нуждами завода и посёлка для заводских рабочих

Современный приоритет: экология и устойчивое развитие.

Предэкологическая философия исходит из онтологии более или менее антропоцентрической, в которой человек, по образному выражению Хайдеггера, хотя уже и не является «хозяином бытия», но всё-таки ещё предполагает оставаться «единственной крупной центральной фигурой действительности». «У философии, конечно, нет никакого опыта в отношении глобального конфликта культуры и природы». Слишком долго она развивала антропоцентрические и специальные мотивы философствования.

XX в. – онтология феноменологическая и экзистенциональная: Эдмунд Гуссерль, Карл Ясперс, Мартин Хайдеггер, Жан Поль Сартр.

Новолипецкий металлургический комбинат осуществил ценологический шаг к малому, запустив в Калуге завод по параметрам, более чем в 10 раз меньшим собственно НЛМК: НЛМК-Калуга: печь одна 100 т; 8-ми ручьевая МНЛЗ; штат 1200 чел.; электрическая мощность 170 МВт. Всё оборудование зарубеж-

ное. Это есть электрометаллургический завод нового поколения, изготавливающий квадратную заготовку, арматуру, фасонный прокат. Концепция мини-завода – близость к потребителю. Экологические технологии, 99% атмосферных выбросов улавливают очистные системы завода.

ООО научно-проектная фирма «Эко-проект» разработала технологию очистки сточных вод от тяжёлых цветных металлов, сульфатов, нефтепродуктов, органических соединений, аммонийного азота и взвешенных веществ для очистных сооружений предприятий цветной металлургии и угольных шахт. Она включает обработку реагентами, очистку в отстойниках-флокуляторах и доочистку путём фильтрации. Промышленные установки производительностью 400 м3/г на месторождениях медно-цинковых руд для очистки шахтных сточных вод 900 м3/г. При реконструкции структуры системы производственного водоснабжения НЛМК сокращено водопотребление в три раза, сброс сточных вод – в 20 раз.

Развитие дизайна и элементов стиля от Ренессанса до постмодернизма. Напомним: Ренессанс – 1400–1600 гг.; Барокко – 1600–1730 гг.; Рококо – 1715–1770 гг.; неоклассицизм – 1760–1830 гг.

Следует считать, что стиль охватывает период с 1760 до 1830 годов. Неоклассицизм был, с одной стороны, возвратом к истории, с другой – поиском стиля, не связанного с эпохой. Античность становится одним из вариантов возвращения к истории. Теория неоклассицизма соединилась с философией просвещения. Попытки создания реформированного к 1760 г. и первых итогов классического стиля возникают и в Англии, и во Франции.

В XXI веке декор влияет на эклектический стиль, а также на результат промышленной революции; международные выставки. Эстетические направления охвачены культом красоты (1870–1904), систематизировав теории, выходящие за пределы простого декора. Основная идея их философии – природа и лучшие декоративные работы различных эпох и культур становятся доступнее благодаря коллекциям, публичным выставкам и изучению в школах.

Стиль АРТ Деко 1910–1939 зародился в Париже через 10 лет после Всемирной выставки 1900 года. Война покончила с модернизмом 1920–1945 гг. – теория современного модернизма осознанно проста, как реакция на растущую сложность мира. Дизайнеры эпохи модернизма использовали промышленные процессы для создания произведений во всей их полноте, что упрощало и драматизировало повседневную жизнь [Развитие дизайна и элементов стиля от ренессанса до постмодернизма. – М.: ООО «Магма», 2013. 544 с].

В глобальном мире именно диалог является по существу единственно возможным способом конструктивного разрешения противоречий и важнейшим фактором обеспечения сбалансированного общественного развития, как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных государств.

Роль человеческого капитала и его главная составляющая – сфера «экономических знаний» в возобновлении социально-экономического роста [Аганбегян, 2017; Философия. Толерантность. Глобализация/ Тез. докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Т.2. РИЦ БашГУ, 2015. 360 с.]. После депрессии и стагнации 2013–2016 гг. необходимо возобновить социально-экономический рост страны [Фалько, 2015]. Пока в 2016 г. в ВВП доля науки □1%, оборудования – 3,5%; здравоохранения □4%; организации, работающие в сфере информационно-коммуникационных технологий – около 2%, доля «экономики знаний» в ВВП около 12% – 10 трлн руб. У России по уровню экономического развития 40–50-е место в международном рейтинге, по уровню социальному – по продолжительности жизни 90-е место. Надо восстанавливать и увеличивать спрос, ибо никакой экономический рост невозможен без спроса населения, товар должен быть не только произведён, но и продан.

Неоспоримо, что мёртвое физическое породило (как?) живое биологическое, которое, используя сформировавшуюся способность человека к абстрагированию, сделало техническое. Физика Фалеса, Аристотеля привела к первой научной картине мира Ньютона–Максвелла. Органика Анаксимандра породила биологию Ламарка–Дарвина. Несмотря на чудеса кузницы Гефеста и открытия Архимеда, наука о техническом не была заявлена. Машины Уатта, Харгревса указали на новую роль техники, необходимость её философского осмысления (Капп, Энгельмейер). Сделаем шаг вслед за физикой и биологией и предложим неологизм «технетика» как наука о технической реальности.

Полагая, что техническое как единое есть объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, дискурсивно сосредоточим внимание на материальной стороне существования цивилизации в XXI веке, которая (цивилизация) ныне есть эволюционный результат оптимизма индустриальной революции XIX века и сложностей научно-технической – XX века. Отметим, что у Homo sapiens 2,5 млн лет назад уже было 80 видов предметов-изделий. Он изготавливал каждую штуку-особь техники по своей технологии; из камня, дерева, растений, разных материалов, получая продукцию конечного потребления, пренебрегая отходами и живя в некотором сообществе сделанного.

В качестве обобщающего подтверждения изложенного приведём краткую аннотацию статей [Философия. Толерантность. Глобализация/ Тез. докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Т.2. РИЦ БашГУ, 2015. 360 с.], содержащихся в материалах Российского философского конгресса в Уфе (2015) и вошедших в Серию «Ценологические исследования», вып. 57/30 [Кудрин, 2016].

Коллекционированию как социальному, психологическому и даже физиологическому феномену посвящена обширная литература. Ваганов, назвав самые разнообразнейшие увлечения множества великих людей, известных в той или иной области деятельности, перешёл на строгое научное наречие, констатируя, что все коллекционеры занимаются ничем иным, как созданием (конструированием) ценозов тех или иных артефактов (собираемых предметов). Ценоз – это некоторый трансцендентальный объект без чётко определён-

ных границ, трудно классифицируемый по видам и особям. Умберто Эко: «Каталог музея по определению конечен. Но следует ли из этого, что сами по себе музеи и прочие коллекции конечны? Отнюдь». Для обозначения видов коллекционирования Ваганов вводит термин «филилогизмания».

Глобальное уменьшение показателя рангового распределения размеров поселений, считает Фомин, отражает процесс роста глобальной неустойчивости вследствие приближения к точке сингулярности гиперболического роста народонаселения, что обосновывается на основе динамики народонаселения верхнепалеолитического логоцикла, рабовладельческого цикла и феодального логоцикла.

Подтверждая многими примерами неудачи борьбы с биоприродой, Этин предлагает сохранение биоценозов нехимическими способами. Нарушение видового состава жизненных форм в ценозе – трагедия для него. Поколения членистоногих, например, клещи, мутируют много быстрее восстановления флоры и фауны обработанного химией ценоза. Напомню о птицах, сохраняющих в больших городах видовой состав; 200 лет «побеждают» колорадского жука. Не найти ни одного успешно начатого процесса, который имел бы успешное окончание, победу исследователей выбранным способом борьбы с любым видом насекомых или животных. Важнейшим отличительным свойством устойчивости экосистемы является видовое разнообразие, которое сохраняется применением биоакустики и аттрактантами, защищёнными патентами.

Обоснование технической реальности подтверждается тремя сформулированными мною теоремами: 1. Существует единственное простое число N! такое, что разложение его на простые сомножители содержит столько сомножителей, встретившихся только один раз, сколько их в ноевой касте реального ценоза. 2. Видовое гиперболическое распределение до пойнтер-точки R можно представить в виде ряда разложений факториалов простых чисел на простые множители по алгоритму, задающему число видов, популяции каждого из которых численно равны для всей последовательности каст. 3. Существуют два простых числа, между которыми заключено столько составных чисел, сколько особей в ценозе. Количество связей между особями одного или разных видов определяется количеством простых сомножителей в разложении этих чисел на простые сомножители.

Логистический тупик как следствие неоправданного разнообразия предметной среды не только затрудняет производство техники, её воспроизводство и поддержание работоспособности, но и резко увеличивает логистические издержки в основных и смежных процессах. Поощрение и стимулирование роста разнообразия выпускаемой металлопродукции оправдано тем, что многочисленным потребляющим отраслям обеспечивается широкий выбор сортамента конструкционного материала для более эффективного его использования при создании машин и оборудования.

При разработке модели электрообеспечения малого потребителя в Брянской области при использовании возобновляемых источников энергии построено ранговое распределение 153-х наименований-видов элекроприёмников загородного двухэтажного коттеджа с цокольным этажом для комфортного проживания семьи из пяти человек и посёлка из нескольких домов. Проведён сравнительный анализ с «умным» домом в Саксонии.

Общность технетики как науки о технической реальности подтверждается действием её законов в глубочайшей древности. Открылось неочевидное, но существенное родство технетики и археологии. Щапова и Гринченко [Щапова Ю.Л., 2017] рассмотрели древнейшие техноценозы (каменный век) и провели их историческую периодизацию на основе пятичленной структуры (пентады): М – материалы, Т – технологии, И – изделия, О – производственное оборудование, Х – производственные отходы. Чопперы, которые появились на уровне 2584 тыс. лет до н. э., фиксируют «начальные условия» – МТИОХ возникновения древнейшего техноценоза. Homo habilis 6765 лет тому назад что-то уже единичное делал, но о техноценозе и речь идти не могла. Техноценоз связывают с Homo Sapiens, который изготовлял до 70 видов изделий. Выдвинута гипотетическая схема эволюционной «лестницы внахлёст» развития первых поколений техноценозов.

Структурно-топологическая самоорганизация S-распределений техноценозов, доказанная Фуфаевым на примерах организаций региона, предприятий отрасли и регионов России, ставит вопрос об открытии нового типа закона самоорганизации: устойчивости (гомеостазиса) структуры класса Н-распределений, являющегося фундаментальным для систем типа ценоз. Устойчивое S-распределение скоростей является ранг-размерным законом самоорганизации ранговых распределений в ценозах любой природы. Парадигма S-распределений открывает возможность применения аппарата нелинейной динамики и обогащает методы самоорганизации новым типом в микро-, мезо-, макроуровнях сложных систем наряду с когерентной самоорганизацией Хакена, континуальной Руденко. Представлено S-распределение по интенсивности электропотребления организаций Республики Хакасия за 10 лет, предприятий чёрной металлургии – за 20, регионов России – за 15 лет.

Бизнесценоз «Региональные и локальные изолированные энергосистемы России» охватывает районы Крайнего Севера и Дальнего Востока: 10 млн человек, 70 городов, 360 посёлков городского типа, 1400 мелких населённых пунктов. Речь идёт о выработке около 50 млрд кВт/год и генерации 17 тыс. кВт. Построены идеальное теоретическое и фактическое с характеристическим показателем 1,2 гиперболические Н-распределения.

Иерархическая периодическая система химических составов объектов любой природы и её связь с периодической системой химических элементов обоснована информационным языком RHA. Первый параметр R – ранговая формула состава. Использование атомных содержаний позволяет единообразно описывать составы вещества на любом уровне его организации. Второй параметр H – информационная энтропия

Шеннона, мера сложности химического состава. Третий параметр А – анэнтропия – мера «чистоты» состава. Выполнено сопоставление свойств Периодической системы элементов и иерархической периодической системы составов.

По состоянию на 2017 год в Байкале 2565 видов и подвидов водных животных и 100 видов, подвидов и форм водных растений, 84% эндемики, т.е. нигде в мире больше не встречаются, в том числе 52 вида рыб. На всей Земле нет другой природной ёмкости чистой воды как Байкал. Котлован озера способен вместить всю атмосферу Земли. Для заполнения байкальского котлована понадобится годовой сток всех рек земного шара. Все жители планеты могут пить чистейшую питьевую воду 80 лет. 1996 год – объект мирового природного наследия ЮНЕСКО. Байкалу 30 млн лет, следует обеспечить устойчивое развитие и решить, наконец, проблему с загрязнениями.

ООН констатирует, что 30% суши уже так или иначе занято: 65 млн км автодорог, 1,5 млн км железных, эксплуатируется 30 тыс. аэропортов, 2,5 млн городов.

Сила Природы и выживаемость – в биоразнообразии. В XXI веке может исчезнуть до 80% всех видов живых существ, населявших Землю до начала промышленной эволюции. Ареалы острых экологических ситуаций в России охватывают 4 млн кв. км.

Глобальные изменения – это нечто гораздо более широкое, чем изменение климата. Отчётливо распознаются антропогенные воздействия, выходящие за пределы природно обусловленных изменений. 1. Эксплуатация поверхности суши. 2. Фиксация азотистых удобрений. 3. Истощение ресурсов грунтовых вод.

Для России назрела необходимость реформирования экономики, что связано, на наш взгляд, с интенсификацией процесса малого предпринимательства, в частности, малой энергетики. Это утверждение теоретически опирается на фундаментальные законы общей и прикладной ценологии, изучающей целостные объекты, которые устойчивы к воздействию внешних и внутренних возмущений, сохраняя масштабную инвариантность структуры.

Российскими ценологическими школами предлагается [Гурина, 2018; Сизганова, 2012] ввести преподавание общей и прикладной ценологии (в том числе и технетики) в технических и гуманитарных вузах России, как это сделали в университетах, где создано свыше 20 научных школ по ценологии, чтобы студенты и преподаватели философски осмысливали теорию и практики результатов в своей практической деятельности, опираясь на сущность третьей научной картины мира [Кудрин, 2007–2009].

В заключение сформулируем ценологический закон разнообразия [Кудрин, 1974]: Счётное множество особей (фенотипов), которые все могут быть отнесены к некоторому, образующему экосистему, числу видов одного класса, и само число видов распределены таким образом, что каждое из большинства видов представлено малым числом особей; а по мере увеличения количества особей одного вида – число этих видов сокращается. Уменьшающееся число видов, при возрастающем количестве особей в каждом виде, основывается каждый раз последовательно на увеличивающемся числе видов, каждый их которых представлен уменьшающимся до единицы числом особей.

Литература

1. Аганбегян, 2017 – *Аганбегян А.Г.* Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. – 2017. – №4. – С. 6–21.
2. Бауэр, Гооз 1990 – *Бауэр Ф.Л., Гооз Г.* Информатика. Вводный курс. Пер. с нем. – М.: Мир, 1990. 336 с.
3. Гурина, 2018 – *Гурина Р.В.* Ранговый анализ, или ценологический подход, в методологии прикладных исследований: [моногр.]/ Р.В.Гурина, Д.А.Евсеев. – Ульяновск: УлГУ, 2018. – 287 с.
4. Кочетов, 2002 – *Кочетов Э.Г.* Глобалистика: Теория, методология, практика: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА·М), 2002. 672 с.
5. Кудрин, 2007-2009 – *Кудрин Б.И.* 17 лекций по общей и прикладной ценологии (применительно к электричеству) // Электрика. 2007–2009.
6. Кудрин, 1996 – *Кудрин Б.И.* Введение в науку о технической реальности / Математическое описание ценозов и закономерности технетики. Философия и становление технетики. Вып. 1. Доклады Первой Международной конференции (Новомосковск Тульской обл., 24–26 января 1996 г.) и вып. 2. Философия и становление технетики. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. «Ценологические исследования». – Абакан: Центр системных исследований, 1996. 452 с. (С.382–447)
7. Кудрин, 1993 – *Кудрин Б.И.* Введение в технетику. 2-е изд., переработ. и доп. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1993. 522 с.
8. Кудрин, 1974 – *Кудрин Б.И.* Распределение электрических машин по повторяемости как некоторая закономерность/ Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып 2. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1974 с. (С.31–40).
9. Кудрин, 2016 – *Кудрин Б.И.* Через тернии к общей и прикладной ценологии. Основы ценологии, технетики, электрики. Антология публикаций и интервью за 2016–1980 гг. [Моногр.] Вып. 57/30. «Ценологические исследования». – М.: Технетика, 2016. 550 с.
10. Одум, 1975 – *Одум Ю.* Основы экологии. – М.: Мир, 1975. 415 с.
11. Проблемы и риски инженерного образования в XXI веке. [Моногр.]/ Под общ. ред. И.А.Герасимовой. –

М.: Университетская книга, 2017. 312 с.
12. Развитие дизайна и элементов стиля от ренессанса до постмодернизма. – М.: ООО «Магма», 2013. 544 с. Пер с англ.
13. Сизганова 2012 – *Сизганова Е.Ю.* Техноценозы в электротехнических системах и комплексах. [Моногр.]/ Е.Ю. Сизганова, Т.М. Чупак, А.Ю. Южанников. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 272 с.
14. Теория эволюции: наука или идеология? Труды XXV Любищевских чтений. Вып. 7. «Ценологические исследования» (Ред. серии и выпуска Б.И.Кудрин.). – М.: Московское общество испытателей природы – Центр системных исследований, 1998. 320 с.
15. Фалько 2015 – *Фалько В.И.* Устойчивое развитие или гармонизация социоприродных систем?// Лесной вестник, 2015, № 4, т.19. С.5–10.
16. Философия. Толерантность. Глобализация/ Тез. докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). Т.2. РИЦ БашГУ, 2015. 360 с.
17. Чумаков, 2018 – *Чумаков А.Н.* Глобальный мир: столкновение интересов: [Моногр.]. – М.: Проспект, 2018. 512 с.
18. Щапова, Гринченко, 2017 – *Щапова Ю.Л., Гринченко С.А.* Введение в теорию археологической эпохи. Числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. – М.: Исторический факультет МГУ, 2017. 236 с.
19. Юдин, 2018 – *Юдин Б.Г.* Образ машины как средство понимания феномена жизни. Человек выходит за пределы. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. 432 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00070
УДК 304.02

ТИПОЛОГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВАНДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ[27]

Роман Юрьевич Порозов
Кандидат культурологии, доцент
Уральский государственный педагогический университет

В статье сделана попытка рассмотреть возможные варианты группировки репрезентаций вандального поведения в современной городской среде. В качестве заявленных группировок выдвигаются функциональная и символическая типологии. В качестве критериев типологизации может выступать следующие – функциональность и символизация. Данные критерии носят универсальный характер и могу быть применены к широкому кругу культурной феноменологии. Именно через категории «функциональность» и «символизация» могут быть описаны фундаментальные и базисные паттерны культуротворческой деятельности человека. Под функциональной типологией автор понимает такой тип группировки, где рассматриваемый феномен демонстрирует возможность удовлетворять определенные потребности, либо снимать т.н. потребностное напряжение. К символической типологии вандального поведения мы относим те репрезентации, которые отражают значение конкретных и актуальных явлений культуры для человека через их опосредованную представленность. Каждая из представленных нами типологий является комплексом и имеет внутреннее наполнение. Так, внутри функциональной типологии могут быть выделены следующие группы визуальных репрезентаций вандального поведения в городской среде: прагматически (утилитарные), идентификационные, коммуникативные. В рамках символической типологии – иконические, индексальные, метафорические, сигнальные.

Ключевые слова: типология, вандализм, городская среда, функциональная типология, символическая типология.

TYPOLOGY OF REPRESENTATIONS OF VANDAL BEHAVIOR IN AN URBAN ENVIRONMENT

Poman Yurevich Porozov
PhD of Culturology, Associate Professor
Ural State Pedagogical University

The article attempts to consider possible options for grouping representations of vandal behavior in a modern urban environment. Functional and symbolic typologies are put forward as declared groups. The following may serve as criteria for typology: functionality and symbolization. These criteria are universal and can be applied to a wide range of cultural phenomenology. Through the categories of «functionality» and «symbolization» the fundamental and basic patterns of human culture can be described. By functional typology, the author understands the type of grouping, where a phenome-

[27] Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01278)

non demonstrates the ability to satisfy certain needs, or to shoot a need tension. To the symbolic typology of vandal behavior, we include those representations that reflect the value of specific and actual cultural phenomena for a person through their mediated representation. Each of the presented typologies is a complex and has an internal content. Thus, within the functional typology, the following groups of visual representations of vandal behavior in the urban environment can be distinguished: pragmatically (utilitarian), identification, and communicative. Within the framework of symbolic typology – iconic, index, metaphoric, signal.

Keywords: typology, vandalism, urban environment, functional typology, symbolic typology.

В рамках данной статьи делается попытка описать многообразие примеров вандального поведения в современном российском городе. Это делается с целью представить вандальное поведение не только с точки зрения его деструктивной природы, но также выявить мотивационный потенциал данного феномена. Под мотивационным потенциалом вандального поведения следует понимать желание совершать определенное действие, несмотря на формальный юридический запрет и связанное с этим общественное порицание.

Классическое определение метода типологизации предложено Л. Клейном в работе, посвященной атрибуции археологических объектов. Автор выделяет несколько базовых стратегий группировки объектов: классифицирование, типологизация, систематизация. Под типологизацией исследователь понимает операцию, “ориентированную на отображение реальной сложности связей, текучести явлений, глубинных структур материала”, “содержательную сторону группирования, возможность выявить глубинные структуры материала, места объектов в системе, их значимость, соотношение типов с культурой” [Клейн, 1991, с. 366]. Таким образом, типологизация с методологической точки зрения – это попытка описать некоторое разнообразие явлений и артефактов в культуре на основе содержательного группирования. В отличие от классифицирования, которая также является одним из способов группирования, типологизация не требует единства критериев и жесткого разграничения или взаимоисключения выявленных групп.

Эвристический и поисковый потенциал типологизации как способа группирования обнаруживается при обращении не только к классическим формам культуры, но также маргинализированным. В данном случае мы говорим о феномене вандального поведения в городской среде. Принято, и вполне обоснованно, выделять исключительно деструктивную составляющую данного феномена. Однако мы считаем, что феномен вандального поведения, с одной стороны, позволяет диагностировать и представлять наиболее значимые и актуальные «болевые точки» современного общества, с другой, стать своеобразной площадкой для генезиса новых культурных форм.

На наш взгляд, в качестве критериев типологизации может выступать следующие – функциональность и символизация. Данные критерии носят универсальный характер и могу быть применены к широкому кругу культурной феноменологии. Именно через категории «функциональность» и «символизация» можгу быть описаны фундаментальные и базисные паттерны культуротворческой деятельности человека. Конечно, мы сейчас сознательно выводим за скобки качество и последствия культуротворческой деятельности человека, поскольку она может носит не только деструктивный или конструктивный характер, но также совмещать оба режима, как в случае с вандальным поведением человека.

Под функциональностью здесь мы понимаем набор возможностей, которые предоставляет некоторый феномен для человека с целью удовлетворения определенной потребности, либо снятия потребностного напряжения. Максима функционального подхода была сформулирована Б. Малиновским, утверждавший, что культура – это «инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей» [Малиновский, 1997, с. 683].

Под символизацией мы понимаем способность создавать материальные или духовные объекты, которые заменяют или представляют собой другие. Философ Э. Кассирер, говоря о символизации, утверждал, что данная способность предоставила человеку возможность упорядочивать “мутный хаос не более чем мимолетных состояний”. По мнению философа, человек является т.н. «animal symbolicum». Способность к символизации «открывает новый этап душевно-духовной жизни. Вместо примитивно-инстинктивной жизни, растворения в непосредственных впечатлениях, сиюминутных потребностях, приходит жизнь в «значениях» [Кассирер, 1998, с. 21].

Соответственно, к функциональной типологии мы будем относить те репрезентации вандального поведения, которые, на наш взгляд, связаны с потребностным состоянием человека – либо реализуют и снимают его, либо инициируют и побуждают.

К символической типологии вандального поведения мы относим те репрезентации, которые отражают значение конкретных и значимых явлений культуры для человека через их опосредованную представленность. Парадоксальность символизации как способности человека связана с тем, что каждый новый символ дает своему прецеденту («то, что символ представляет») «новую жизнь».

Каждая из представленных нами типологий является комплексом и имеет внутреннее наполнение. Так, внутри функциональной типологии могут быть выделены следующие группы визуальных репрезентаций вандального поведения в городской среде:

1. прагматические (утилитарные) репрезентации. Данный тип репрезентаций носит прикладной характер и является результатом практической потребности в освоении городского пространства. К таковым

могут относиться вандальные репрезентации, информирующие, в частности, о какой-либо услуге или товаре (рис. № 1).

2. идентификационные репрезентации связаны с потребностью отнести автора вандального поведения к какой-либо социальной группой, либо с желанием интериоризации ее опыта (рис. № 2). Можно утверждать, что идентификационные вандальные репрезентации являются попыткой ассимиляции через деструктивную практику с харизматичной или статусной личностью, либо группой, которая привлекает, в частности, в данный момент времени современную городскую молодежь.
3. коммуникативные репрезентации обусловлены желанием автора выстроить диалог со зрителем, повлиять (как в положительном, так и негативном отношении) на его поведение. В рамках данного типа вандальных репрезентаций обнаруживается инвективность (выпад, обвинение, призыв, критический посыл) по отношению к конкретному зрителю (рис. № 3), либо к текущей социокультурной или общественно-политической ситуации (в городской системе, регионе, государстве, мире в целом).

В рамках символической типологии мы выделяем следующие группы визуальных репрезентаций вандального поведения в городской среде:

1) иконические репрезентации являются самым общим типом символических вандальных репрезентаций в силу того, что они соотносятся с обозначающим объектом по причине общего сходства. Так на рис. № 4 представлено граффити с изображением конкретного объекта в Екатеринбурге, которое любят и посещают множество горожан и гостей – Аквапарк.
2) индексальные репрезентации находятся в отношениях «реальной» смежности с тем объектом, на который они указывают. Подобный тип репрезентации должен, по задумке автора, восприниматься непосредственно зрителем без необходимого сложного переживания (лат. ad hoc — к этому, для данного случая). На рис. № 5 представлен общеизвестный символ «чистой» эмоции, который без особых сложностей считывается зрителем – т.н. «смайлик».
3) метафорические репрезентации вандального поведения являются результатом переноса смысла и признаков с одного объекта на другой. Данный тип репрезентаций требует специальных интеллектуальных усилий со стороны зрителя и предполагает эстетическую (чувственно-эмоциональную) рефлексию. Зачастую смысл/значение данного типа репрезентации остается только угадывать (рис. № 6), либо ограничиться эстетическим удовольствием.
4) сигнальные репрезентации. Теоретик и исследователь коммуникативных систем Э. Лич, рассматривая сигнальные знаки, утверждал “Отношение A:B имеет механический и автоматический характер. A приводит в действие B” [Лич, 2001, с. 21]. Такой тип репрезентаций ориентирует зрителя в пространстве города, указывает на расположение феномена, который является основой для сигнала. На рис. № 7 представлено название одного из микрорайонов Екатеринбурга – «Синие камни». Учитывая, что визуальный образ представлен посредственно в данном жилом микрорайоне, автор намеревался обозначить для зрителя ту локацию, в которой последний находится (возможный посыл: «знайте, где вы находитесь!»).

Конечно, предложенные типологии и конкретные типы внутри групп являются «чистыми», идеализированными в том смысле, что зачастую могут встречаться относительно редко. Однако вектор, предложенный нами, потенциально позволит взглянуть на проблему вандального поведения более глубоко и шире. В частности, перспективным, после выделения типологический групп, является для нас следующая группа вопросов – «количественных» и «качественных». «Количественные вопросы», связанные со статической обработкой репрезентаций вандального поведения: какие именно репрезентации преобладают и можно ли это связать с пространственной спецификой городской системы. «Качественные вопросы» – что стоит за конкретной вандальной репрезентацией, можно ли обнаружить для них прецедент или причину

Литература

1. *Кассирер, 1998* – Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. — М.: Гардарика, 1998. С. 21.
2. Клейн, 1991 – *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО. 1991. С. 366.
3. Лич, 2001 – *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 21.
4. Малиновский, 1997 – *Малиновский Б.* Функциональный анализ // Антология исследований культуры, Том 1: Интерпретации культуры. – СПб: «Университетская книга», 1997. С. 683.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

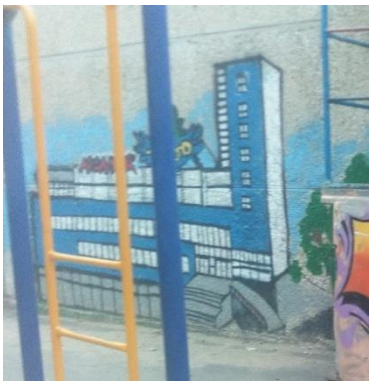


Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00071
УДК 172

ФИЛОСОФИЯ-НАУКА-РЕЛИГИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛОГА

Роман Владимирович Сорокин
Аспирант кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Елена Вадимовна Суханова
Аспирантка кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Фундаментальной актуальной философской целью является раскрытие и нейтрализация опасных тенденций современного научно-технического развития. Системным центром достижения этой цели можно считать формирование новых ценностей, воодушевляющих и удерживающих человечество (совокупность свободных людей, которым нельзя приказывать, но которых нужно убеждать) от дальнейшего продвижения в зону риска уничтожения, завершения своей истории (в частности, в ходе интенсивного, демократически необдуманного развития постчеловеческих тенденций). Сомневаемся, что искомыми новыми ценностями человечества могут быть ценности луддизма или разрушения, запрета и отказа от множества наличных и дальнейших научно-технических достижений, изменяющих жизнь людей к лучшему. Речь должна идти о тонко выверенном, перманентном влиянии на происходящие количественные изменения в научно-техническом развитии, гарантированно избегающего непредсказуемых, опасных качественных скачков. Успешность этого проекта может быть отражена формой перехода от техногенной цивилизации к посттехногенной. Задача формирования новых посттехногенных ценностей должна активизировать на родственные аксиологические достижения. В этом плане религия выступает важнейшей составляющей намечающегося диалога внетехногенных форм жизни с наукой, современной техногенной цивилизацией. Это говорит о необходимости создания теоретико-методологических оснований построения проектной модели будущего развития «религиозного». Существующие мировоззренческие, этические, экологические, антропологические и методологические точки соприкосновения, изменения в сфере научной рациональности создают благоприятные основания и условия диалога науки и религии в рамках философского знания. Соответственно, обсуждается проблема специфики медиаторства философии как средства построения и развития диалога науки и религии.

Ключевые слова: техногенная цивилизация, посттехногенная цивилизация, научно-технический прогресс, постнеклассическая рациональность, междисциплинарная интеграция, «будущее религии», коммуникация, диалог, «зона обмена», медиация.

PHILOSOPHY-SCIENCE-RELIGION: PERSPECTIVES OF MODERN DIALOGUE

Roman Vladimirovich Sorokin
PhD student of the Department of philosophy
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Elena Vadimovna Sukhanova
PhD student of the Department of philosophy
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The fundamental actual philosophical purpose is disclosure and neutralization of some modern scientific and technical development tendencies which seem dangerous. The system center for achieving this aim may be considered the shaping of new values, inspiring and restraining the humankind (like a complex of free people who are not obeying the orders but who must be convinced) from further advancement into the risk zone of elimination and human history ending (that's particularly can be possible while intense democratically rash development of some post-human tendencies). It seems very doubtful that new values which humanity is looking for can be the values of luddism or destruction, prohibition and refusal of many available and impending scientific and technological achievements changing people's lives for better. We should talk about a finely adjusted, permanent impact on the ongoing quantitative changes taking place in scientific and technological development that avoided unpredictable, dangerous qualitative jumps assuredly. The success of this project can be reflected by the form of transition from technogenic to post-technogenic civilization. The task of creating of new post-technogenic values should awaken us for related axiological achievements. In this sense, religion is the most important aspect of the emerging dialogue between non-technologenic forms of life and science, modern technogenic civilization. This suggests a need to create theoretical and methodological foundations for a project model construction of the future development of «religious». Existing

ideological, ethical, ecological, anthropological and methodological correlations, some changes within the field of scientific rationality create favorable bases and conditions for the science-religion dialogue within the framework of philosophical knowledge. So, there is a discussing problem of the philosophy mediation specifics as a tool of building and developing a dialogue between science and religion.

Keywords: technogenic civilization, post-technogenic civilization, scientific and technological progress, post-non-classical rationality, interdisciplinary integration, «the future of religion», communication, dialogue, «exchange zone», mediation.

Одной из самой очевидной проблемной ситуацией современной социальной жизни является скорость и масштабность научно-технических изменений, особенно в плане влияния на природу, общество, человека, внесения общей неопределенности, повышения рисков экологической и техногенной катастрофы, возможного возникновения постчеловеческой жизни [Кутырёв, 2011; Маслов, 2013 и др.]. Сохранение и дальнейшее развитие человечества обеспечивается либо отказом, либо контролем за научно-техническим прогрессом. Наиболее перспективным представляется второй путь, который может быть реализован в рамках идей формирования посттехногенной цивилизации и коэволюционного развития человека и природы. Речь должна идти о теории и практике положительных изменений в области научно-технического развития и связанных с ним современных ценностях (например, ценностей потребительского общества). Нужна переориентация культуры на новые ценности и формы жизни. Однако, следует не только найти новые, но и актуализировать известные исторические ценности и формы жизни, способные заменить собой проблемные. Последнее может быть обеспечено соответствующим исследованием феномена «религии».

Очевиден рост исследовательского интереса к вопросам связанным с ролью религии в современности и перспектив ее дальнейшего существования (М. Элиаде, Д. Деннет, Ю. Хабермас, П. Солтердайк, Р. Рорти и др.). В литературе особо отмечается, что такой известный философ, как Юрген Хабермас не только признал потребности секуляризма в опыте сакральных традиций для прояснения собственных оснований, но и необходимость гарантирования многообразия, наряду с многообразием биологических видов, религиозного опыта [Хабермас et al, 2006].

Существует немало мыслителей, считающих религиозную веру разновидность сложно устроенных, но примитивных заблуждений, а ее значение для будущего минимальным, ввиду иррациональности. Однако, следует помнить тот факт, что моральные принципы секулярного общества недостаточны для того, чтобы удержать ученых и тех, кто связан с внедрением научных открытий от опасных для существования человечества действий. Таким образом необходимость создания теоретико-методологических оснований и определения проблемного поля для построения гипотетической модели развития «религиозного» в современном глобальном мире не теряет актуальности. И средствами здесь могут быть философия, феноменология религии, религиоведение, когнитивистика, психология.

Следует иметь ввиду, что различия науки и религии не делает их радикально гетерогенными: их объединяет стремление к постановке и освящению наиболее основополагающих вопросов, связанных с мирозданием, с человеком и смыслом его существования и т.д. Экзистенциальное вопросы (совесть, вина, свобода и т.д.) не могут получить однозначно научного решения без обращения к религии. Наука принимает на веру многие из своих основополагающих принципов. Имея границы познания, переступая которые она уже не может пользоваться научным методом и применять для анализа свой понятийный аппарат. Путь к знанию, который проходит человек в науке и религии, структурно один и тот же. Наличие мировоззренческих, этических, экологических, антропологических и методологических оснований позволяет говорить о возможности сближения или диалога науки и религии.

Необходимость актуализация проблем формирование новой постнеклассической рациональности [Бранденбург, 2016] показывает, что целевая причинность является элементом, как религиозного, так и научного мировоззрения. Аналогичная ситуация складывается с гуманистическими ценностями. Будучи изначально олицетворяемы религией и светской этикой, они реализуются как часть научного дискурса. Следствием уравнивания эпистемических дискурсов и ориентации на плюрализм оказывается вариативность способов взаимодействия науки и религии. Наиболее перспективным здесь представляется диалог, как менее жесткое взаимодействие, чем интеграция. Здесь фиксируется возможность и необходимость согласования познавательных результатов науки и религии, как в основных положениях, так и в поднимаемых наукой пограничных вопросах, на которые она не в состоянии ответить (в том числе онтологических). Конечно, нельзя сбрасывать со счетов сложности в построении подобного диалога, как со стороны религиозных фундаменталистов, не воспринимающих положительно противоречащей аргументации, так и консерваторов от науки, носителей идеологии «сциентизма». И тут мы выходим на проблему коммуникации.

Формирование постнеклассической рациональности имеет следствием междисциплинарную интеграцию наук, и актуализацию необходимости методологической коммуникации между ними. В фокусе социально–философских исследований науки сегодня оказывается тема «зон обмена», используемое для концептуализации коммуникативного содержания науки [Столярова, 2015]. Данное понятие введено П. Галисоном для метафорического описания того, как различные научные практики используют для взаимной пользы достижения друг друга [Галисон, 2004]. Идея, получила дальнейшее развитие в направление философии науки, анализирующем особенности функционирования взаимодействующих научных практик на базе нового общего языка, возникающего при таких взаимодействиях [Касавин,1999; Касавин, 2015; Касавин, 2017; Столярова, 2013 и др.]. На кафедре философии ННГУ им. Н.И. Лобачевского ставится и разрабатывается концепция негумбольдтовских «зон обмена»,

формирующих среду общения между научным сообществом и «обществом в целом» [Дорожкин, 2018 а]. Именно здесь, по нашему мнению, может находится инструмент решения проблемы построения конструктивного диалога религии и науки. Негумбольдтовские «зоны обмена» в большинстве случаев рассматриваются, как попытка членов научного сообщества передать основные положения своего мировоззрения представителям иных, неродственных научному, мировоззрений. Обозначается сложность и возможное противодействие построению таких зон [Дорожкин, 2017; Воронина et al, 2018]. Но все это не отменяет перспективность работ в этом направлении, в частности, в плане развития процедуры медиации, со стороны философии. Выступающие в качестве экспертов-медиаторов философы, обеспечивают коммуникацию, как между представителями разных дисциплинарных сообществ, так и между учеными и потребителями их продукта [Касавин, 2017, с. 8–17; Дорожкин, 2018 б, с. 6-23]. Почему бы не попытаться сделать аналогичную попытку в отношении религии?

В качестве одного из возможных направлений подобного решения можно рассмотреть разделение медиации на согласование, и консультацию для согласования [Воронина et al, 2018]. В первом случае медиация осуществляется философом, во втором случае коммуникация осуществляется с помощью консультации философа, который не навязывает свою позицию. Здесь медиация является выявлением мировоззренческих составляющих и мировоззренческих следствий. Итогом выстраиваемого философией диалога может являться отказ от домината науки над религией, или корректная позиция в отношении друг друга и конструктивное взаимодействие.

Литература

1. Бранденбург, 2016 – *Бранденбург В.Я.* К проблеме становления научного познания: от классической науки к современному этапу // Философская мысль 2016. №9. С. 66-73. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.20281. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_20281.html– (дата обращения: 21.08.2019).
2. Воронина et al, 2018 – *Воронина Н.Н., Ткачев А.Н.* Мировоззренческие предпосылки успешного функционирования галисоновских «зон обмена» // Философская мысль. 2018. № 12. С. 10-17. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.12.27896
3. Галисон, 2004 – *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-91.
4. Дорожкин, 2017, с. 24-25 – *Дорожкин А. М.* Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 20–29.
5. Дорожкин, 2018 а – *Дорожкин А.М.* Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вестник Вятского государственного университета. № 4. 2018. С. 7-13.
6. Дорожкин , 2018 б – *Дорожкин А.М.* Философ как медиатор // The Digital scholar: лаборатория философа. 2018. Т. 1. №2. С. 6-23. DOI: 10/5840/dspl20181213
7. Касавин, 1999 – *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. М.: РХГИ, 1999. 407 с.
8. Касавин, 2015 – *Касавин И.Т.* Мегапроекты и глобальные проекты. Наука между утопией и технократией // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 40–56
9. Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
10. Кутырёв, 2011 – *Кутырёв В.А.* Философия трансгуманизма. Против постчеловеческой технологизации мира. Саарбрюкен: Изд-во Ламберт, 2011. 84 с.
11. Маслов, 2014 – *Маслов В.М.* Постчеловеческие тренды техногенной цивилизации. // Философия и культура. 2014. № 6. С. 804-813.
12. Столярова, 2015 – *Столярова О.Е.* Исследования науки и технологии в перспективе онтологического поворота. М.: Русайенс, 2015. 189 с.
13. Хабермас et al, 2006 – *Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI)* Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 112 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00072

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ВИДИМОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ[28]

Александра Александровна Аргамакова
кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской Академии Наук

Распределение или исчезновение субъекта действия представляет особое свойство цифрового пространства. Благодаря чему появилось множество конспирологических теорий управ-

[28] Подготовлено при поддержке Гранта Президента РФ для молодых ученых, проект №МК-615.2019.6, «Исторические трансформации концепций социальной инженерии и проектирования».

ления обществом на основе безличных алгоритмов и больших данных. Однако представления о невидимом управлении обществом не лишены своего основания. Виртуальная реальность является благоприятной средой для деперсонифицированных стратегий действий. Вполне реалистична и подкрепляется практикой готовность делегировать привилегии осуществления власти и контроля анонимным группам и автоматизированным системам управления. Нейрогаджеты, биометрия, VR симуляции, компьютерное зрение или распознавание голоса потенциально представляют собой инструментарий биополитики, т.е. системы контроля человеческих действий и тел, только на высокотехнологичной основе. Закономерно цифровые данные стали предметом социального и политического напряжения. Государственные сервисы, городские приложения и бизнес платформы делегируют рутину, а также ответственность компьютерным алгоритмам и системам менеджмента. Автоматизированные машины и умный софт управляют процессами через анонимные алгоритмы и интерактивные механики. Смогут ли автоматизированные системы заменить человека как субъекта власти и принятия решений – конфликт власти между человеком и безличной машиной уже реализует себя в реальности.

Ключевые слова: автоматизация, системы управления обществом, хактивизм, биополитика, большие данные, социальные технологии, социальная инженерия.

BEYOND THE VISIBLE LAYER OF DIGITAL REALITY

Alexandra Alexandrovna Argamakova
PhD in Philosophy, scientific fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Distribution and disappearance of the subject of action is a specific feature of digital space. As the result, there appeared numerous conspiracy theories of governance on the basis of anonymous algorithms and big data. However, the thesis about invisible governance of society is not off-base. Virtual reality turns out to be favorable environment for de-personalized strategies of actions. Folks show readiness to delegate privilege of power and control to anonymous groups and automated management systems. Neurogadgets, biometrics, VR simulations, computer vision and voice recognition potentially form the instruments of hi-tech biopolitics – that is, control of human bodies and actions. Consequently data and digital technologies have become the reason of social and political tensions. Governmental services, city apps and business platforms delegate routine as well as responsibility to computer algorithms and management systems. Automated machines and smart software manage processes via anonymous algorithms and interactive mechanics. Whether automated management systems could replace the human as the subject of power and decision-making – the power conflict between humans and machines realize itself in reality.

Keywords: automation, automated management systems, hacktivism, biopolitics, big data, social technologies, social engineering.

Благодаря цифровой революции тезис Френсиса Бэкона можно обновить формулой «Данные – это сила». Кто владеет цифровыми данными будет владеть миром, в котором мы живем. Впрочем, насколько человек будет осведомлен о своих хозяевах (и будет ли вовсе) нельзя однозначно спрогнозировать.

Технологии являются ключевым фактором экономического роста, поэтому общество знания инвестирует в технонауку. Любой существенный технологический прорыв потенциально в состоянии изменить общественные отношения и структуры. По Мишелю Фуко знание, власть и социальные отношения глубоко взаимосвязаны. Сила не есть исключительно функция определенных институтов и административных позиций. Власть «коренится во всей сети социального» [Foucault, 2001, p. 345], она присутствует «везде, буквально в каждой клеточке нашего тела» [Foucault, 1988, p. 104]. Распределение и аккумуляция знания или символического капитала в смысле Пьера Бурдье коррелирует со структурой и иерархией властных отношений. В цифровом мире сбор и хранение данных приобретают сходное значение. Нейрогаджеты, биометрия, VR симуляции, компьютерное зрение и распознавание голоса потенциально представляют инструментарий биополитики, т.е. системы контроля человеческих действий и тел [Foucault, 2008], только на высокотехнологичной основе. Закономерно цифровые данные превратились в предмет интенсивного социального и политического напряжения.

Распределение или исчезновение субъекта действия – особое свойство цифрового пространства. Вера в невидимое управление похожа на конспирологию, но представление о невидимом управлении не лишено своего основания. Конспирологические теории про общество, управляемое на основе компьютерных алгоритмов, обрабатывающих большие данные, расцветают пропорционально технологическим успехам. Невероятно, но в общем-то факт – люди готовы делегировать власть и авторитет анонимным политическим фигурам или безличным компьютерным алгоритмам. В жанре фантастики вспоминается «момент Валдо» и электоральный процесс с участием популярного анимированного персонажа, а в актуальной практике – хактивистское движение «Анонимус», применяющее деперсонифицированные стратегии виртуальных действий. Анонимусы представляют собой «бренд без бренда, допускающий различные конфигурации и значе-

ния» [Coleman, 2014, p.16]. Группа включает политически мотивированных хакеров и социальных практиков, обменивающихся информацией и координирующих действия онлайн [Mccormick, 2013]. Среди подобных групп также широко известны хакерская ячейка LulzSec, атаковавшая сайты американских правительственных организаций; Legion of Doom, обрушившая телекоммуникационные сети AT&T; Cult of the Dead Cow, воевавшая с церковью саентологов и многие другие. В интернет пространстве акторы, вовлеченные в социальный активизм, размывают собственную идентичность и маскируют сущность в различной степени.

Государственные сервисы и бизнес платформы делегируют рутину, а также ответственность компьютерным алгоритмам и автоматизированным системам управления. Автоматизированные машины и умный софт управляют процессами через анонимные алгоритмы и интерактивные механики [Аргамакова, 2018]. Говоря исторически, появилось много проектов и попыток внедрения автоматизированных систем управления в социальную жизнь. Подобные проекты варьируются в масштабе, технических деталях и потенциале реализации.

ОГАС, Киберсин или китайская система социального рейтинга дают примеры масштабных проектов, охватывающих огромную инфраструктуру и поддерживающих социалистические устремления. В позднем СССР инженеры и ученые предложили и частично разработали ОГАС – Общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации [Глушков, 1987]. В 60-80-х гг. советское государство могло быть обращено на технократический и кибернетический путь развития в противоположность свободному рынку и краху плановой экономики. Автоматизация и машинное управление на различных уровнях получили реализацию в СССР. Появились компьютерные центры в организациях и на фабриках, исследовательские центры и образовательные программы по кибернетике в университетах [Поспелов, 1998]. Ранние кибернетические мечты во многом предвосхитили последующее становление интернета, информатизацию и формирование информационного общества [Китов, 1958]. Тем не менее, проект ОГАС вошел в противоречие с планами по созданию альтернативной общественной системы. Он был развит частично и несовершенно.

Проект Киберсин реализовался в Чили во время президентства социалиста и технократа Сальвадора Альенде. Киберсин аналогичен идее ОГАС. Проект пытался соединить плановый подход и ценность индивидуальной свободы, включающей участие рабочих в индустриальном менеджменте [Medina, 2011]. Киберсин предполагал более высокий уровень информационной открытости и уменьшение роли бюрократии в принятии решений. В то же время его технологическая база была ограничена и несовершенна. Вероятно, эксперимент требовал больше времени, но прервался из-за политического переворота и смены режима власти.

Китайская система электронного управления – появляющаяся сегодня реальность. Она предполагает поощрения и наказания за определенные линии поведения. Система измеряет рейтинг и репутацию граждан. Ее глубинная суть аналогична принципам оценки репутации и рейтинга, применяемым во множестве онлайн сервисов. Впрочем, когда подобная система становится общеобязательной и неизбежной, риски цифровой диктатуры возрастают. Обязательность, принудительность и неизбежность использования системы цифровых сервисов следует причислить к признакам проявления цифровой диктатуры наряду со скрытым сбором данных, отслеживанием персональной информации и технологичным контролем над поведением человека. Отчасти поэтому китайская система социального рейтинга спровоцировала активную дискуссию и критику с точки зрения нарушения прав и свобод человека [Botsman, 2007].

Государственные сервисы, городские приложения и автоматизированные системы управления бизнесом больше не утопия. Подобные инструменты широко используются с целью оптимизации и удобства жизни. Они заменяют человека как субъекта управления и принятия решений. Несмотря на опасения и критический модус общественных дискуссий, люди делегируют умным машинам, безличным алгоритмам и анонимным акторам привилегию осуществления власти над ними.

Литература

1. Аргамакова, 2018 – *Аргамакова А.А.* Игра в жизнь в городах будущего // Касавин И.Т., Соколова Т.Д. Социальная философия науки. Идеи и дискуссии. М.: Русское общество истории и философии науки, 2018.
2. Глушков, 1987 – *Глушков В.М.* Основы безбумажной информатики. М.: Наука, 1987.
3. Китов, 1958 – Китов А.И. Электронные вычислительные машины. М.: Издательство «Знание», 1958.
4. Поспелов, 1998 – *Поспелов Д.А.,* Становление информатики в России // Поспелов Д.А., Фет Я.И. Очерки истории информатики в России. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ, 1998.
5. Botsman, 2007 – *Botsman R.* Who Can You Trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. N.Y.: Public Affairs, 2017.
6. Coleman, 2014 – *Coleman G.* Hacker, Hoaxer, Whistleblower, Spy. The Many Faces of Anonymous. L., N.Y.: Verso, 2014.
7. Foucault, 1988 – *Foucault M.* Politics, philosophy, culture: interviews and other writings of Michel Foucault, 1977-1984. N.Y., L.: Routledge, 1988.
8. Foucault, 2001 – *Foucault M.* Power (The Essential Works of Foucault, 1954-1984, Vol. 3). N.Y.: The New Press, 2001.

9. Foucault, 2008 – *Foucault M.* The Birth of Biopolitics. Lectures at the College de France, 1978-79. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
10. Mccormick, 2013 – *Mccormick T.* Hacktivism: A Short History. Foreign Policy. URL: https://foreignpolicy.com/2013/04/29/hacktivism-a-short-history/
11. Medina, 2011 – *Medina E.* Cybernetic Revolutionaries. Technologies and Politics in Allende's Chile. Cambridge, London: The MIT Press, 2011.

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00073
УДК 38(07)

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ: ОТКРЫТОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Александр Александрович Федоров
Доктор философских наук, профессор, ректор
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

Современная система образования характеризуется потребностью в качественных изменениях, предполагающих создание фундамента для стабильного развития и функционирования педагогического сообщества на основе потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня. В статье рассматривается новая философия подготовки учителя в рамках концепции открытого педагогического образования будущего. Модель открытого педагогического образования будущего представляет собой выражение нового средового решения подготовки и профессионального развития педагога и аккумулирует шесть ключевых элементов: программа сопровождения жизненного цикла педагогической профессии, новое разделение педагогического труда, персонально ориентированная программа обучения в течении всей жизни, цифровая педагогика, когнитивные технологии и «конвенция поколений». Основополагающим элементом, определяющим методологию открытого педагогического образования будущего, является конвенция поколений, рассматриваемая автором как конструктивное многовекторное взаимодействие поколений в образовании. Основой механизмов реализации модели открытого педагогического образования будущего является региональный социально-педагогический кластер, позволяющий осуществить запуск сетевых форм взаимодействия, транслирующих эффективные образовательные практики и влияющих на развитие академической мобильности обучающихся. Концепция открытого педагогического образования будущего призвана обеспечить новые контуры развития образования в регионе – от преобразования образовательной среды и нового образовательного результата к созданию условий профессионального роста молодого специалиста на основе проектирования успешных персональных карьерных траекторий в профессии.

Ключевые слова: открытое педагогическое образование будущего, новая философия подготовки учителя, конвенция поколений, жизненный цикл педагогической профессии, региональный социально-педагогический кластер.

NEW PHILOSOPHY OF THE TEACHER TRAINING: OPEN TEACHER EDUCATION OF THE FUTURE

Alexander Alexandrovich Fedorov
DSc in Philosophy, Professor, Rector
Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The modern education system is characterized by the need for qualitative changes that imply the foundation for the stable development and functioning of the pedagogical community based on the needs of today and tomorrow. The article discusses the new philosophy of teacher training in the framework of the concept of open teacher education of the future. The model of open teacher education of the future is an expression of the new environmental solution for the pre-service education and professional development of the teacher and accumulates six key elements: a program supporting the life cycle of the teaching profession, a new division of teaching jobs or positions, a person-oriented lifelong learning program, digital education, cognitive technologies and conventionof generations. "The fundamental element determining the methodology of open teacher education of the future is the convention of generations, considered by the author as a constructive multi-vector interaction of generations in education. The basis of the implementation mechanisms of the open teacher education model of the future is a regional socio-pedagogical cluster that allows the launch of network forms of interaction, broadcasting effective educational practices and influencing the development of academic mobility of students. The concept of open teacher education of the future is designed to provide new outlines for the development of education in the region, the transformation of the educational envi-

ronment and the new learning outcomes, the creation of conditions for the professional growth of a beginning teacher based on the design of successful personal career paths in teaching.

Keywords: open teacher education of the future, new philosophy of teacher training, convention of generations, life cycle of teaching profession, regional socio-pedagogical cluster.

Рассмотрение проблем проектирования в образовании в период, когда аккумулируются новообразования во всех сферах жизни общества, нужно начинать с выявления и описания философских основ новых педагогических решений. Идея создания “новой педагогики” как педагогики не сегодняшнего, а завтрашнего дня без осмысления ее философских предпосылок останется нереализованной. Определение философского базиса новой педагогики как педагогики будущего предлагаем рассматривать в парадигме образовательной логистики как философии будущего.

Активный процессе институционального самоопределения педагогического образования составил основу для разработки нового средового решения, которое мы назвали «Открытое педагогическое образование будущего» (ОПОБ). Концепция ОПОБ определила идеологию изменений образовательной экосистемы на основе приоритета управления будущим в интересах Российской Федерации и достижения персонального успеха каждого..

Многомерность современного проблемного поля образования диктует необходимость средовых решений его модернизации. Основой единого профессионального пространства педагогического образования, сетевых механизмов взаимодействия, позволяющих транслировать новые образцы практического опыта и развивать академическую мобильность как эффективного инструмента повышения качества образования и выхода отечественного образования на международный уровень является региональный социально-педагогический кластер (РСПК) - минимальный уровень реализации модели ОПОБ в экосистеме образования [3].

Сегодня ОПОБ как выражение средового решения для изменений образовательной политики в области педагогического образования и управления кадрами находится в стадии внедрения в Нижегородской и Калининградской областях, состоит из шести элементов (отдельные ее элементы реализуются в федеральном масштабе):

- программа сопровождения жизненного цикла педагогической профессии;
- новое разделение педагогического труда;
- персонально ориентированная программа в жизненном цикле обучения;
- цифровая педагогика;
- когнитивные технологии, без внедрения которых в линейный образовательный процесс педагогическое образование может решительно утратить свою роль участия в управлении будущим;
- конвенция поколений - методологическое основание всех решений и процессов в образовании для учителей.

Во внедрении модели ОПОБ главным является то, что она действует как региональный кадровый конструктор и охватывает все уровни образования от дошкольного до высшего. Разработанная модель предполагает постоянно ведущиеся измерения качества педагогического сообщества региона, выявление и планирование как минимум на 10 лет вперёд кадровой потребности образования региона и формирование постоянного кадрового резерва.

Следующим условием внедрения региональной модели ОПОБ является система сопровождения взаимосвязанными комплексами электронных сервисов поддержки профессионального становления и развития педагога, целевой ориентир которого должен быть смещен с контрольно-запретительных функций на создание персональных маршрутов профессионального развития для каждого педагога.

Основополагающим для всех производимых трансформаций в области образования и педагогического образования компонентом ОПОБ мы считаем «конвенцию поколений» [1]. Под конвенцией поколений [2] мы понимаем такой характер конструктивного многовекторного взаимодействия поколений, который преодолевает недостатки однонаправленного взаимодействия как передачи опыта и знаний от старших к младшим, сформировавшего так называемую «презумпцию некомпетентности» младших, порождающую патернализм, чрезмерную опеку, выходящую на грань авторитаризма, не способствующего развитию таких качеств у молодого поколения как самостоятельность, ответственность, инициатива, творчество.

Межпоколенное взаимодействие в русле конвенции поколений дополняется вектором от младшего поколения к старшему, что является важнейшим условием персонального успеха каждого и общественного благополучия. Плодотворное, облагораживающее влияние младших, ищущих смыслы и ценности, помогает сбалансировать прагматизм и идеализм, индивидуализм и социальные ценности в жизни старшего поколения.

В качестве следующего компонента модели ОПОБ мы выделяем программу поддержки и сопровождения жизненного цикла педагогической профессии. Каждая из его стадий (рисунок) имеет свои инструменты обеспечения и поддержки профессионального развития.

Первая стадия - вход в профессию - предполагает обеспечение специального отбора в профессию мотивированных к педагогическому труду людей, имеющих способности к педагогической деятельности и обладающих признаками развивающегося педагогического интеллекта.Это мы считаем главным фундаментальным изменением, которое запускает модель в действие. Это условие достижения гарантированно высокого качества педагогического образования.

Вторая стадия - закрепление в профессии - требует создания для молодого специалиста специального профессионально-образовательного маршрута для обеспечения карьерного роста и его заинтересованности в развитии. Третья стадия жизненного цикла педагогической профессии - зрелость в профессии - обеспечивает условия для развития, саморазвития и самосовершенствования учителей зрелого возраста, обладающих высоким уровнем профессиональных достижений. И четвертая стадия - выход из профессии - создание условий для передачи опыта старших поколений и продуманного выхода из профессии.

Разделение педагогического труда и формирование новых учительских профессий является чрезвычайно важным компонентом модели ОПОБ и, скорее всего, неизбежным в трансформации учительской профессии будущего. Усложнение сферы образования и стоящих перед ним вызовов неопределенности будущего требует дифференциации и узкой специализации навыков и компетенций, которыми должен обладать педагог в дополнение к обязательному спектру профессиональных компетенций. Наличие узкой специализации дополняется навыками командной работой специалистов по решению комплексных задач.

Речь может, на наш взгляд, идти как минимум о четырех решениях:

- учитель-предметник, обеспечивающий овладение предметными знаниями:
- учитель-модератор, обеспечивающий проектную деятельность;
- учитель-тьютор, обеспечивающий сопровождение цифрового образования и разработку персональных образовательных маршрутов;
- диагност-корректировщик – специалист, обеспечивающий психологическое наблюдение, системные измерения, основанных на когнитивных технологиях.

Интенсификация процессов разделения учительского труда напрямую зависит от возрастания сложности профессии, от повышения требований к сопровождению взросления, получения качественного образования и воспитанию гражданственности, от расширения сферы образования взрослых.

Весь комплекс составляющих ОПОБ непосредственно связан с реализацией персонального профессионально-образовательного маршрута профессионального образования педагога в течении всей жизни в персонально ориентированной программе в жизненном цикле обучения.

Цифровая педагогика в модели ОПОБ рассматривается в метафорическом аспекте, инкорпорирующем весь спектр контекстов и смыслов: новая теория обучения и воспитания в сообществе, которая еще не сформирована, новые образовательные технологии доставки содержания и логистики взаимодействия субъектов образования.

Когнитивные исследования и технологии являются условием создания новой педагогики, которая обеспечит вывод этой науки из категории рассуждающе-декларативной в истинную эмпирически-доказательную науку, обеспечивающую быстрый трансфер разработок в практику образования, в линейный образовательный процесс. Это позволит педагогическому образованию вернуть роль участия в управлении будущим.

Концепция ОПОБ ориентирована на формирование нового дизайна образовательной среды, который приводит к изменениям пространственно-временных масштабов обучающих практик, достижению нового образовательного результата и обеспечивает радикально новый уровень адаптации молодого педагога в профессии.

В рамках ОПОБ образовательная деятельность становится основой системы сопровождения взросления и образования в течение всей жизни ради восходящего опережающего развития, представляет собой единую экосистему обучения и воспитания, направленную на реализацию системы универсальных компетенций для воспитателя, учителя, специалиста гуманитарной, социально-культурной сферы, с использованием адаптивных, ризоматических, смешанных форм обучения в целях формирования и развития способностей, реализующих устремленность к саморазвитию и образованию в течение всей жизни.

Литература

1. Федоров А.А. Портрет педагога. Основа моделирования образовательных программ: монография / А.А. Федоров [и др.]; под ред. А.А. Федорова, Г.А. Папутковой. Н.Новгород: Мининский университет, 2017. 202 с.
2. Федоров А.А., Илалтдинова Е.Ю., Фролова С.В. "Конвенция поколений" в новом мире образования // Высшее образование в России. 2018 № 7 - С. 28-38
3. Федоров А.А., Илалтдинова Е.Ю., Соловьев М.Ю., Фролова С.В. Модель регионального социально-педагогического кластера // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов Наука и образование. 2017. № 11 (102).
4. Федоров, А.А. Новое педагогическое образование // Аккредитация в образовании. № 8 (92). 2016. С. 18-22
5. Целевая подготовка педагогов: модель кадрового конструктора регионального социально-педагогического кластера / Федоров А.А., Папуткова Г.А., Фильченкова И.Ф., Илалтдинова Е.Ю., Прохорова И.В., Краснопевцева Т.Ф., Белинова Н.В., Князева Т.Н., Груздева М.Л., Фролова С.В., Михайлов М.С., Соловьев М.Ю., Перевощикова Е.Н. Мининский университет. Нижний Новгород, 2017.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00074
УДК 378

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Елена Валентиновна Ганюшкина
Старший преподаватель
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Марина Вианоровна Золотова
Кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

В статье рассматривается потенциал информационной образовательной среды для повышения качества языкового образования. Информационные образовательные ресурсы, такие как массовые открытые онлайн курсы (МООК), становятся средством индивидуализации высшего профессионального образования. На примере двух онлайн курсов «Critical thinking at University» и «Causes of Human Disease: Transmitting and Fighting Infection» показана целесообразность их включения в образовательные программы по английскому языку. Благодаря доступному и качественному контенту, они могут эффективно дополнить языковую программу обучения. Онлайн курсы могут быть использованы как дополнительный инструмент в организации самостоятельной работы студентов. МООК способствуют реализации индивидуальных стратегий обучения, учитывают индивидуальные особенности и образовательные потребности своих слушателей. МООК создают развивающую образовательную среду, при которой обучение сопровождает специалиста всю его жизнь и помогает его самореализации. МООК являются эффективным средством формирования коммуникативной компетенции в сфере иноязычного профессионального общения.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная образовательная среда, массовые открытые онлайн курсы (МООК), индивидуализация образования, индивидуальная стратегия обучения, языковое образование.

INDIVIDUALISATION IN LANGUAGE LEARNING IN HIGHER EDUCATION

ElenaValentinovna Ganyushkina
Senior Lecturer
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Marina Vianorovna Zolotova
PhD in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article considers the potential of educational information technologies for improving foreign language learning. Educational digital resources like Massive Open Online Courses (MOOC) are becoming a means of individualised learning in higher education. Advantages of MOOCs integration in blended format into the English language degree programmes are discussed using two online courses “Critical thinking at University” and “Causes of Human Disease: Transmitting and Fighting Infection” as an example. Their freely accessible and high-quality educational content can effectively complement language training programmes. Online courses (MOOCs) can be used as an additional tool to organize students' independent work. MOOCs contribute to the implementation of individual learning strategies, taking into account individual characteristics and educational needs of their students. MOOCs create a developing educational environment where professional training accompanies specialists throughout their life and helps their personal fulfillment. MOOCs are optimal in developing foreign language communicative competence in the field of professional activity.

Keywords: information technologies, digital educational environment, Massive Open Online Courses (MOOC), individualisation in education, individual learning strategy, foreign language learning.

Динамично развивающиеся информационные технологии, широко используемые сегодня в различных сферах человеческой деятельности, становятся неотъемлемой составляющей системы образования. Изменения в содержании и методах обучения, вызванные реконструкцией системы образования в стране, обусловили переход к новой образовательной среде и как результат – повышение качества подготовки специалистов. Информационные технологии обладают потенциалом, необходимым для новой образовательной среды. Информационные технологии обеспечивают обмен знаниями и способствуют созданию новых, а также создают передовые инструменты образовательной деятельности. Информационно- образовательная среда позволяет обеспечить индивидуали-

зацию обучения, адаптивность к способностям, возможностям и интересам обучающихся, развитие их творческих способностей и самостоятельности, доступ к источникам современной информации. Полученные в вузе знания и умения, которые традиционно считались базой той или иной профессии, сегодня уже не могут обеспечить готовность к эффективной профессиональной деятельности в течение всей карьеры. Современный конкурентоспособный специалист должен уметь работать в новой информационной образовательной среде, постоянно обновляя и пополняя свои знания. Информатизация образования стала для многих специалистов возможностью постоянного совершенствования профессиональных компетенций.

Обучение иностранному языку невозможно представить без применения информационных технологий. Информационные технологии, включенные в традиционную образовательную среду (технология смешанного обучения), в значительной мере повышают качество языкового образования, формируя у будущих специалистов необходимые языковые и коммуникативные компетенции, и готовят их к межкультурному профессиональному взаимодействию. Информатизация образования делает возможным интенсифицировать учебный процесс, позволяя студенту иметь информационную образовательную среду для самостоятельного усвоения учебного материала в индивидуальном темпе в удобное для него время.

Массовые открытые онлайн курсы (МООК) от ведущих мировых университетов сегодня широко представлены в секторе электронного образования. Преподаватели иностранных языков проявляют большой интерес к феномену МООК с целью внедрения онлайн курсов в процесс обучения для решения ряда образовательных проблем и задач. Студенты, будущие специалисты, должны владеть терминологией в области своего направления подготовки, уметь читать и писать научные статьи по профессиональной тематике, вступать в устную и письменную коммуникацию с зарубежными коллегами. МООК способны удовлетворить потребности и студентов, и преподавателей на меняющемся рынке образования. МООК стали сегодняшней реальностью и вошли в нашу жизнь, предоставляя бесплатный доступ к знаниям и поддерживая желание учиться в течение всей жизни.

С целью повышения гибкости учебного процесса и замены традиционных ресурсов обучения, онлайн курс «Critical thinking at University» был включен в самостоятельную работу студентов, определенную учебной программой бакалавриата ИББМ ННГУ им. Н.И. Лобачевского по дисциплине «Иностранный язык». Данный курс создан лекторами из университета Лидса (Великобритания) и размещен в свободном доступе на платформе FutureLearn. В настоящее время умение маневрировать в современном информационном потоке, отделяя истинное от ложного и неточного, жизненно необходимо и ученому, и студенту, и школьнику. Онлайн курс «Critical thinking at University» знакомит студентов с базовыми принципами и приемами критического мышления. Краткосрочный, рассчитанный на 8 академических часов, курс состоит из двух модулей:

Week 1: Critical thinking and what it means at University.

Week 2: Improving your critical skills.

В первой видео-лекции курса дается определение сущности критического мышления и анализ роли критического мышления в развитии общества. Далее, преподаватели и студенты университета Лидса объясняют насколько это важно уметь критически оценивать поступающую информацию и как критическое мышление помогает в учебе. Наглядно представлена трехэтапная модель обращения с информацией и ее интерпретация: описание – анализ – оценка, составляя на каждом этапе вопросы, которые направляют ход мышления. На второй неделе студенты знакомятся с технологиями развития навыков критического мышления и стратегиями преодоления трудностей на этом пути. Выполняя практические задания курса (выражение точки зрения по вопросу проблемного характера), студенты учатся правильно оценивать чужие утверждения, и аргументировано отстаивать свою позицию. В качестве финального контрольного задания слушатели курса должны оценить 3 работы других участников курса, имея критерии оценивания. Задания на взаимооценку (peer review) вызывают у студентов интерес и определенные трудности, и именно такие задания способствуют развитию навыков критического мышления, рефлексии и более глубокому пониманию материала.

Таким образом, МООК - это учебно-методический комплекс, который имеет в своей структуре теоретический материал, практические задания для отработки этого материала и финальное задание (контрольный тест), но в цифровом формате, наиболее привлекательном для «цифрового поколения» студентов. Онлайн курсы, как возможный составляющий компонент смешанного обучения, - это не просто средство доставки образовательного контента, но в первую очередь, - инновационная педагогика, не только приемлемая технология, но и методология, трансформирующая высшее образование [Garrison, Kanuka, 2004], критический прорыв к качественному улучшению обучения [Hiltz, Turoff, 2005].

В результате работы над курсом «Critical thinking at University» у студентов формируются ключевые навыки, необходимые для критического мышления, включающие наблюдательность, способность к интерпретации, анализу, выведению заключений, способность давать оценки. Более того, студенты имеют возможность повысить свои иноязычно-коммуникативные навыки и умения, работая с аутентичными материалами и современным «живым» английским языком, что очень важно, поскольку язык – это явление постоянно изменяющееся и развивающееся. Работа с онлайн курсами развивает у студентов самостоятельность, автономность и повышает мотивацию к изучению английского языка. Студенты отметили, что данная форма самообучения интересна для них, и они планируют пройти еще некоторые онлайн курсы. Полученный опыт и рефлексия студентов как активных участников образовательного процесса позволяют дать положительную оценку и отметить потенциал МООК в обучении иностранным языкам.

Другой практикой использования МООК авторами статьи стало включение материалов онлайн курса

«Causes of Human Disease: Transmitting and Fighting Infection» в очный учебный процесс. Данный онлайн курс дополнил образовательную программу бакалавриата ИББМ по дисциплине «Иммунология». Студенты не только расширили и укрепили свои знания в области распространения инфекционных заболеваний и иммунного ответа живых организмов, но и активно проработали профессиональную лексику этой тематики. Преподаватели-предметники положительно отметили такую междисциплинарную связь, способствовавшую углубленному освоению дисциплины. Очевидно, что благодаря доступному и качественному учебно-методическому материалу, онлайн курсы могут эффективно дополнять основные образовательные программы, как по иностранному языку, так и по специальным дисциплинам.

Финальным заданием курса «Causes of Human Disease: Transmitting and Fighting Infection» было подготовить проект по предотвращению распространения современных инфекций, таких как вирус Эбола. Студенты представили и конструктивно взаимооценили свои заключительные проектные работы на практическом занятии. Самостоятельная творческая деятельность является важной составляющей образовательного процесса. Основной ценностью обладает не столько результат, который можно представить, сколько знания и навыки, полученные обучающимися в ходе его создания. В онлайн курсах заложены возможности для проявления инициативы, создано творческое пространство слушателей [Золотова, Ганюшкина, 2016, с. 140].

Таким образом, можно эффективно использовать все преимущества и возможности МООК при организации как самостоятельной, индивидуальной работы студентов, так и аудиторных занятий. Онлайн курсы позволяют адаптировать предметный контент под уникальные особенности и индивидуальные способности слушателей. Любой МООК учитывает психологические особенности слушателей, так аудиалы, визуалы и кинестетики найдут «свои» задания. Наличие выбора стимулирует любопытство, делает обучающихся более самостоятельными и мотивированными. Через МООК студенты учатся самостоятельно организовать личностное образовательное пространство, выстраивать индивидуальный образовательный маршрут и контролировать процесс обучения.

Самостоятельно работая над онлайн курсом, студент выступает как субъект своего профессионального развития и саморазвития, когда наряду с исполнительными действиями, он постепенно ассимилирует и контрольное действие, выполняя самооценку и коррекцию хода усвоения материала курса. Таким образом, образовательный процесс приобретает личностно-ориентированный характер, направленный на раскрытие интеллектуально-творческого потенциала обучающегося.

Отсутствие навыков самостоятельной работы у студентов может стать основным препятствием реализации индивидуальной образовательной стратегии. Поэтому на начальном этапе работы с онлайн курсами особое значение приобретает непрерывная педагогическая поддержка, постоянная обратная связь с педагогом, мониторинг [Золотова, Ганюшкина, 2018, с. 90].

Информационные образовательные технологии способствуют индивидуализации обучения и учебной автономии студентов, что положительно влияет на достижение высоких учебных результатов. Считаем, что применение классических методик обучения и современных информационных технологий является основой современного образовательного процесса по иностранному языку.

Литература

1. Золотова, Ганюшкина, 2016 – *Золотова М. В., Ганюшкина Е. В*. Формирование навыков автономного студента на занятиях по английскому языку в процессе проектной деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 35. 2016. С. 138-146.
2. Золотова, Ганюшкина, 2018 – *Золотова М. В., Ганюшкина Е. В*. Самостоятельное изучение иностранного языка с помощью массовых открытых онлайн курсов // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. Симферополь: Выпуск 4(12). Симферополь: РИО КИПУ, 2018. С. 89-92.
3. Garrison, Kanuka, 2004 – *Garrison D. R. & Kanuka, H.* Blended learning: Uncovering its transformative potential in higher education // The Internet and Higher Education, Vol.7, Iss.2. 2004. P. 97.
4. Hiltz, Turoff, 2005 – *Hiltz, S. & Turoff, M.* Education goes digital: The evolution of the online learning and the revolution in higher education. Communications of the ACM. 2005. Vol. 48 (10). P. 59-65.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00075
УДК 165.5

«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ» ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АСТ

Наира Владимировна Даниелян
Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

В статье рассматриваются современные тенденции, преобладающие в системе высшего

образования при подготовке специалистов технических направлений. Автор полагает, что исключение гуманитарной составляющей из учебных планов ведет к исчезновению субъективности в безликом мире, лишенном «живого» знания, то есть «конкретного» знания «конкретной» личности. В качестве иллюстрации применения подобного подхода приводится акторно-сетевая теория (АСТ), согласно которой происходит полное растворение субъекта с его нравственными ценностями и императивами в системе акторов и сетей, представляющих собой социально-технологическое единство материального и нематериального компонентов. Автор полагает, что подобное обезличивание и обездушивание характерно и для современного технологизированного и компьютеризированного образования. В ходе рассмотрения ряда работ теоретиков АСТ становится явным, что при таком подходе исчезает различие между естественнонаучным и гуманитарным, инженерным и философским знанием, то есть появляется сеть, состоящая из множества актантов и характеризуемая коллективным действием, что ведет к полному растворению субъективности в сетевом взаимодействии, требующем от каждого участника «встраивания» в некоторую модель с выполнением заранее отведенной ему функции. В статье делается вывод, что живой компонент практически исчезает, все больший акцент делается на априорное, а не апостериорное знание. Поэтому самое время задуматься о качестве реализуемой сегодня системы подготовки специалистов узкой квалификации, являющихся «винтиками» в механизме акторно-сетевых моделей, утративших свою индивидуальность и способность к рефлексии.

Ключевые слова: высшее образование, специалист, «позитивное мышление», мысленный эксперимент, акторно-сетевая теория, актант, субъективность, «живое» знание.

«REVOLUTION» TENDENCIES IN HIGHER EDUCATION SYSTEM THROUGH ANT

Naira Vladimirovna Danielyan
DSc in Philosophy, Professor
National Research University of Electronic Technology

The report considers modern tendencies prevailing in the higher education system while training technical specialists nowadays. According to the author, excluding the humanitarian courses from curriculum results in the complete dissolution of subjectivity in the impersonal world, which is deprived of ‘living’ knowledge, i.e., definite knowledge of a definite person. The application of such an approach is illustrated by the actor-network theory (ANT). It supposes subject integration with his moral imperatives and categories into the actor-network system being the social and technological unity of material and non-material components. Such depersonalization can be reckoned as a feature of the modern technologically computerized education. While studying a number of works by ANT founders, it turned out to be clear that such an approach eliminates any differences between natural and humanitarian, engineering and philosophical knowledge. As a result, the net emerges consisting of numerous actants. It is characterized by a collective action resulting in subjectivity disappearance in the net interaction, which requires from every participant his ‘building-in’ a model with the functions being delegated him in advance. The report concludes that an ‘alive’ component is disappearing from the higher education nowadays when the main stress is being made on the knowledge acquired a priopi, not a posteriori. It is high time thinking about the quality of the educational system preparing ‘narrow-profile’ specialists. They may act as ‘bolts’ in actor-network models that have lost their individuality and ability to any reflection.

Keywords: higher education, specialist, positive thinking, mind experiment, actor-network theory, actant, subjectivity, ‘alive’ knowledge.

В последнее время в высшей школе превалирует тенденция исключать курсы философии из учебных программ технических направлений подготовки. Администрация вузов объясняет сей скорбный факт тем, что «позитивное мышление», которое формируется у обучающихся посредством изучения специальных дисциплин, абсолютно не требует навыков критического мышления, осмысления своей деятельности как специалиста, создающего новые технологии, которые коренным образом влияют и трансформируют жизнь как социума в целом, так и каждого из нас в отдельности. Здесь мы находим противоречие О. Конту: «Теперь, когда человеческий разум создал небесную физику и физику земную, механическую и химическую, а также и физику органическую, растительную и животную, ему остается для завершения системы наук наблюдения основать социальную физику» [Конт, 1971, с. 562]. Можно полагать, что согласно последнему, естественные науки немыслимы без социального компонента, то есть коммуникативного действия, которое и создает потребность в них и вызывает к жизни. Безусловно, большая часть окружающего мира неподвластна точным измерениям и подсчетам, поэтому с неизбежность включает философские метафизические представления, что не исключает природу социального. Незнание основ философии, как это предлагается новыми учебными программами с одобрения администрации и руководства некоторых технических университетов, ведет к полному растворению субъективности в безликом мире, лишенном живого, а не технологи-

зированно-виртуального «коммуникативного действия».

Наиболее ярким примером применения подобного подхода является набирающая популярность концепция Б. Латура акторных сетей как результата коммуникативной практики. Вслед за О. Контом, им предлагается переход от естественных наук к социальной философии. Данную модель трудно назвать общественной или социологической, однако подход схож с предложенным в «Курсе позитивной философии»: «…характер позитивной философии выражается в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и сведение числа которых до минимума и составляет цель наших усилий» [Конт, 1971, с. 562]. Согласно Б. Латуру, философские концепции представляют собой «нелепость» именно в связи с тем, что они строят «конструкты», необходимые для понимания окружающего мира, а также ищут причины, упомянутые О. Контом, что доказывает их абсурдность [Латур, 2006, с. 382]. Конструирование рассматривается им в упрощенном смысле как построение, создание, возведение, в связи с чем категория субъекта с его нравственными ценностями и императивами растворяется в бездушном мире акторов и сетей, представляющих собой социально-технологическое единство материального и нематериального компонентов. Полное обезличивание и обездушивание характерно и для современного технологизированного и компьютеризированного образования, однако это не делает ему чести.

В конце XVIII века И. Кант разделил сферы теоретического и практического применения разума, то есть науку и нравственность. Сфера целесообразного переместилась к субъекту, к человеческой деятельности. Трансцендентальный субъект предстал в виде предельной абстракции, выходящей за пределы эмпирического, поскольку находился «по ту сторону знания» [Кант, 2003]. В данном ракурсе представляется плодотворной идея интенциональности Э. Гуссерля, берущая за основу формирование представлений о взаимодействии сознания субъекта и познаваемого им объекта, при этом предметная интерпретация субъективных ощущений раскрывается в потоке феноменологического бытия [Гуссерль, 2010]. Такой подход рассматривает межсубъектные связи относительно формального и трансцендентального логического обоснования познания, что ведет к возможности построения и проведения мысленного эксперимента с любым из объектов.

Подобный эксперимент одним из первых был проведен В.Ф. Одоевским в 1844 году в произведении “Русские ночи”. Он представил апокалиптические картины будущего, связывая их с техническими и медицинскими достижениями, в результате которых произошло перенаселение планеты. Как результат, жителей на планете стало столь много, что все пригодные участки земли стали использоваться ими в целях пропитания, а жизнь превратилась в жестокую борьбу за выживание. Героями в таком обществе были самоубийцы, а преступниками – стремящиеся спасти свою жизнь [Одоевский, 2014, с. 88-97]. Философия враждебности к жизни – печальный итог «мессии отчаяния», ведущей к взрыву земного шара.

Данный пример ярко демонстрирует, что подобные модели приобретают все большую актуальность в современном мире, поскольку при акторно-сетевом подходе субъективность растворяется в потоке объективного, тем самым нивелируя границы познавательных возможностей до «распределенного» в социальном мире субъекта, который более не является отдельно взятым исследователем, ученым, «мыслительным» коллективом или научным сообществом, отделенным от социального мира. М. Каллон полагает, что согласно новой предлагаемой французскими исследователями теории, «распределенный» субъект не отражает реальность, а соучаствует в ее создании. «Инновации носят коллективный характер. В этих коллективах нет смысла противопоставлять тех, кто делает утверждения, тем, кто воплощает их в реальность» [Callon, 2007, p. 334]. То есть полученное на выходе знание становится безличным, которое далее распространяется по социальным сетям, в основе которых, очевидно, лежат современные технологии: «Технические сети… являются сетями, наброшенными на пространство, удерживающими только некоторые разрозненные элементы этого пространства» [Латур, 2006а, с. 195]. Что же может подразумеваться под элементами сети в подобной концепции?

Согласно Д. Ло, «когда создается (сетевой) объект, создается также и весь (сетевой) мир, с его собственной пространственностью, собственным определением гомеоморфизма и непрерывности формы» [Ло, 2006, с. 232]. Сеть предстает в акторно-сетевой теории (АСТ) некоторой упорядоченностью, своего рода моделью пространственной организации, сформированной с использованием объектов и обладающей свойством текучести. В таком случае невозможно установить идентичность и определить формы конкретного объекта, то есть он становится «альтернативным» и его граница изменчивости не зафиксирована.

Как результат, в АСТ исчезают границы между субъектом и объектом (то есть познание как процесс перестает существовать, поскольку исчезают гносеологические основания). В данной теории невозможно провести различие между такими фундаментальными понятиями, как природа – культура, материальное – нематериальное, человек – не человек, теоретическое – практическое, наука – нравственность. Все они оказываются, как отмечают А. Писарев и другие, «на одной онтологической плоскости» [Писарев, 2017, с. 7], что ведет к исчезновению деления на философские, инженерные и прочие дисциплины. В них отпадает необходимость, поскольку в любом акте имеет место сочетание гетерогенных компонентов и отношений без какой-либо жесткой иерархии, то есть гибридная реальность, в которой имеет место взаимодействие на равных живых объектов, социальных построений, теоретических конструкций и т.д. Речь более не идет о делении на естественнонаучное – гуманитарное, инженерное – философское. При таком подходе появляется сеть, состоящая из множества актантов и характеризуемая коллективным действием. Согласованность функционирования элементов сети обусловливается наличием межэлементных связей, которые приводят все ее компоненты во взаимодействие.

Можно заключить, что современная образовательно-исследовательская программа высшей школы предполагает рациональную реализацию участниками коммуникации своей функции, что возвращает нас к идее подготовки специалистов узкой квалификации, являющихся «винтиками» в механизме акторно-сетевых моделей, утративших свою индивидуальность и способность к рефлексии. Какое будущее ожидает их? Смогут ли они адаптироваться в столь быстро меняющемся технологически-инновационном мире, поскольку не обладают знаниями и навыками, требующимися для преодоления границ своей предметной области? Полагаю, что данные вопросы остаются без ответа, так как прикладная направленность высшего образования не дает специалисту достаточного количества компетенций для критического осмысления получаемой информации с целью превращения ее в осмысленное, «живое» знание, столь востребованное в свете идей «общества знания», от которого пока мы только отдаляемся. Как результат, функцией высшей школы практически перестает быть обучение навыкам самостоятельной работы, а также приемам и механизмам самообучения на протяжении всей профессиональной жизни, поиску решения стоящих перед специалистом задач, формированию широты взглядов и глубины мышления. На смену этим основополагающим моментам приходит растворение субъективности в сетевом взаимодействии, требующем от каждого участника «встраивания» в некоторую модель с выполнением заранее отведенной ему функции. Живой компонент практически исчезает, все больший акцент делается на априорное, а не апостериорное знание. Как отмечают Е.В. Вострикова и П.С. Куслий, «образовательная функция в университетах отходит на второй план, исследовательская деятельность оказывается ориентированной на запросы финансирующего их частного капитала, соображения эффективности и экономии приводят к существенному увеличению временных позиций для профессорско-преподавательского и исследовательского состава при параллельном сокращении» [Вострикова, 2015, с. 108]. Однако, можно полагать, что данная тенденция в скором времени приведет общество к отрицательным результатам, не свойственным динамике научно-технической парадигмы, которые могут сделать реальными самые негативные «мысленные эксперименты».

Литература

1. Вострикова, 2015 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Неолиберализм в науке: подход STS // Эпистемология и философия науки. 2015. Том XLVI, № 4. С. 105-127.
2. Гуссерль, 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
3. Кант, 2003 – *Кант И.* Критика чистого разума. Симферополь: «Реноме», 2003. 464 с.
4. Конт, 1971 – *Конт О.* Курс позитивной философии // Антология мировой философии. В 4 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 760 с.
5. Латур, 2006 – *Латур Б.* Надежды конструктивизма // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 365-389.
6. Латур, 2006а – *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Пер. с фр. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
7. Ло, 2006 – *Ло Д.* Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 223-243.
8. Одоевский, 2014 – *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
9. Писарев, 2017 – *Писарев А., Астахов С., Гавриленко С.* Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27, № 1. С. 1-40.
10. Callon, 2007 – *Callon M.* What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 311-357.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00076
УДК 378

ВИРТУАЛЬНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Наталья Викторовна Каминская
Старший преподаватель
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Данная статья посвящена виртуальной академической мобильности студентов российских вузов, которая осуществляется посредством массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Рассматриваются такие аспекты виртуальной академической мобильности как мотивация обучающихся, материальные затраты и владение иностранным языком. Ставится вопрос о том, в какой степени МООК может обеспечить реализацию одной из основных задач академической мобильности – приобретение опыта адаптации к академической среде принимающего вуза и изучение новых подходов в обучении. Помимо возможностей, ставших доступными студентам

благодаря МООК, автор указывает на определённые сложности, с которыми могут столкнуться вузы-партнёры и студенты, обучающиеся на таких курсах. Останавливаясь на требованиях к языковым навыкам потенциальных слушателей МООК, автор подчёркивает необходимость при изучении иностранного языка уделять дополнительное внимание развитию письменной речи и сместить акцент с изучения английского языка как иностранного (EFL) на изучение английского как международного (EIL). Наконец, наличие внутренней мотивации субъектов виртуальной академической мобильности рассматривается как необходимое условие успешного освоения МООК. В заключение, автор отмечает, что практика реализации виртуальной академической мобильности и развитие технологии опережают теорию.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, пространственная (физическая) академическая мобильность, виртуальная академическая мобильность, массовый открытый онлайн-курс (МООК), базовый вуз, принимающий вуз, дистанционное обучение.

VIRTUAL ACADEMIC MOBILITY OF STUDENTS IN HIGHER VOCATIONAL EDUCATION

Natalia Viktorovna Kaminskaya
Senior Lecturer
Lobachevski State University of Nizhni Novgorod

The article deals with enhancing virtual academic mobility of Russian students through Massive Open Online Courses (MOOCs). Motivation of learners, their language proficiency and financial issues are considered here. The article addresses the question of whether MOOCs enable students to adapt to the academic environment of the host university and be exposed to a different teaching system. This experience is seen as a central element of academic mobility. The author focuses on benefits of doing MOOCs, as well as a number of issues that participating universities and the students enrolled may face. In terms of the requirements to prospective MOOCers' language proficiency, the emphasis is on writing skills development. The implication for teaching English involves shifting from teaching EFL (English as Foreign Language) to EIL (English as International Language). Finally, intrinsic motivation of students engaged in virtual academic mobility is seen as a prerequisite of completing MOOCs successfully. In conclusion, the author suggests that IT and implementation of virtual academic mobility tend to go before theoretical developments in the field.

Keywords: higher vocational education, in-person (physical) academic mobility, virtual academic mobility, Massive Open Online Course (MOOC), university of origin (home university), host university, distance learning.

Академическая мобильность является условием и показателем эффективности и конкурентоспособности современного вуза. Интеграция российского высшего профессионального образования в глобальное образовательное пространство подразумевает возможность перемещения обучающихся, преподавателей и исследователей между вузами как на региональном, так и на международном уровне для обучения, установления научных контактов, проведения исследований. Особую ценность при этом для всех участников процесса представляют не только доступ к учебным курсам и программам, которые отсутствуют в базовом вузе, но и возможность погружения в академическую среду принимающего вуза, а также знакомство с иными подходами к обучению, с иной культурой, обмен опытом.

Академической мобильности посвящено множество исследований (например, Н.К. Дмитриева, И.М. Микова, Т.Г. Цуникова), однако остается некоторая неопределенность относительно объема этого понятия. Термин может употребляться в разных значениях. Так, Н.К. Дмитриева рассматривает академическую мобильность как качество личности – способность и готовность индивидуума адаптироваться к условиям принимающего вуза [Дмитриева, 2013, с. 12].

Из нормативных документов вузов (например, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) и фондов поддержки академической мобильности (например, Фонд Михаила Прохорова) следует, что под академической мобильностью можно понимать практически любое перемещение между вузами и учебными центрами, от кратковременных поездок для повышения квалификации или участия в семинарах и конференциях до проведения исследований, преподавания или освоения целого ряда дисциплин учебного плана, что требует длительного пребывания в принимающем вузе.

В условиях интернационализации высшего образования всё более распространенным явлением становится академическая мобильность студентов. Национальный проект «Международная академическая мобильность» призван обеспечить возможность «обучения граждан Российской Федерации в иностранных образовательных организациях» [Паспорт проекта…].

Для целей данной работы актуальным является определение академической мобильности студентов, предложенное И.М. Миковой: «форма (одна из форм) организации обучения студентов, связанная с перемещением в другой вуз на ограниченный во времени период, с возвращением в базовый вуз для завершения обучения» [Микова, 2011, с. 267].

По формам реализации академическую мобильность разделяют на пространственную и виртуальную.

Пространственная академическая мобильность подразумевает физическое перемещение обучающихся в принимающий вуз. Под виртуальной академической мобильностью студентов понимают «…участие в образовательном процессе другого учебного заведения посредством технологий Интернета, то есть участие в образовательных курсах в качестве слушателя/студента» [Петрова, Кузьмин, 2015, с. 178].

Для осуществления академической мобильности необходимы мотивация, финансирование и владение языком, на котором проходит обучение в принимающем вузе. Очевидно, что без достаточных денежных средств и знания языка студент не сможет участвовать в программах академической мобильности, но мотивация является решающим фактором. Рассмотрим мотивацию, владение языком и материальную сторону вопроса применительно к виртуальной академической мобильности студентов.

В настоящее время распространенным средством осуществления виртуальной академической мобильности студентов вуза стали массовые открытые онлайн-курсы (далее МООК). Они могут быть реализованы на различных платформах, как отечественных, так и зарубежных: FutureLearn, Coursera, Stepik, Лекториум и др. Возможности использования МООК и опыт организации виртуальной академической мобильности студентов вуза для повышения качества профессиональной подготовки подробно описаны в научной литературе (например, [Петрова, Кузьмин, 2015]).

С точки зрения материальных затрат, МООКи ведущих университетов России и мира представляются относительно доступным вариантом реализации академической мобильности. Они могут интенсифицировать академическую мобильность, так как, исключая дополнительные расходы на перемещение и проживание, обеспечивают равные возможности обучающимся с разным уровнем благосостояния.

При этом, однако, организация виртуальной мобильности на базе МООК может представлять определенные сложности. Чтобы студенты могли получить аттестацию по дисциплине, пройдя онлайн-курс в другом вузе и предъявив соответствующий сертификат, МООК, предоставляемый принимающим вузом, должен соответствовать учебному плану базового вуза обучающегося. То есть, предполагается наличие соответствующих соглашений между вузами-партнерами, взаимное признание курсов, учебных планов и программ, что может быть процессом длительным и дорогостоящим и не всегда успевать за потребностями обучающихся.

Кроме того, стремление создать единый педагогический сценарий для МООК вузов-партнеров может привести к чрезмерной унификации онлайн-курсов. В этом случае будут утрачены суть и смысл академической мобильности – приобретение опыта взаимодействия в академической среде принимающего вуза. Вместо разнообразия, опыта и уникальных условий и традиций разных учебных заведений участники онлайн-курсов получат “образовательный продукт”, хоть и качественный по содержанию, но менее ценный с точки зрения академической мобильности.

В связи с вышесказанным возникает вопрос, в какой мере МООК способен обеспечить погружение субъекта виртуальной академической мобильности в культуру и академическую традицию другого вуза и дать обучающемуся достаточный опыт адаптации к новым условиям. Исследования подтверждают, что при использовании английского языка для преподавания ряда дисциплин у обучающихся появляется чувство причастности к мировому академическому сообществу [Barak, Watted, Haick, 2016, p. 51]. Это же ощущение появляется у студентов, изучающих дисциплину в рамках МООК, который представлен на иностранном языке. Они указывали, что воспринимали такое обучение как семестр, проведенный в зарубежном вузе, именно благодаря необходимости общаться со своими виртуальными сокурсниками и преподавателями на иностранном языке [Aguado Odina, Monge, del Olmo, 2014, p. 290].

Владение в достаточной степени языком, на котором проходит обучение, является важным условием успешной академической мобильности. Для большинства студентов и преподавателей, задействованных в МООК, английский не является родным [Barak, Watted, Haick, 2016, p. 51]. Для преподавателей английского языка и для потенциальных субъектов виртуальной академической мобильности это может означать переход от изучения EFL (английский как иностранный) к EIL (английский как международный язык).

При выполнении МООК взаимодействие между обучающимся и его виртуальными сокурсниками и преподавателями чаще всего происходит в письменной форме. При изучении иностранного языка, соответственно, потребуется дополнительный акцент на овладение различными формами письменного общения. Кроме того, реакция, в отличие от ситуации реального общения, не всегда должна быть моментальной. Отложенный ответ позволяет обдумать формулировки, воспользоваться справочными материалами, что повлечет желание выбрать более точно передающие мысль структуры и лексические единицы.

Наконец, мотивация как условие участия в программах академической мобильности ещё более важна в случае виртуальной мобильности студентов. МООК предполагает изменение технологии получения знания – большая ответственность возлагается на самого обучающегося, самостоятельное извлечение информации из разных источников становится общепринятой практикой. МООК меняет отношения между участниками учебного процесса – студент пробует новые роли, так как преобладает взаимное оценивание, а работа выполняется преимущественно в группах. В МООК активная роль отводится студенту с внутренней мотивацией [Barak, Watted, Haick, 2016, p. 50].

Развитие виртуальной мобильности студентов посредством МООК может столкнуться с некоторыми сложностями. Во-первых, мотивация обучающихся и их способность работать автономно должны быть достаточно высоки. Во-вторых, студенты могут испытывать неуверенность относительно использования иностранного языка. Наконец, осуществление виртуальной академической мобильности подразумевает взаимное признание университетами сертификатов МООК.

Сейчас скорость развития технической составляющей виртуальной академической мобильности революционная, а готовность потенциальных слушателей адаптироваться к иной академической среде, пусть и без перемещения в пространстве, отстаёт. Осознавая возможности виртуальной мобильности, открывающиеся благодаря доступности МООК, студенты признают, что не всегда готовы работать самостоятельно. Изменения в практике применения технологий дистанционного обучения опережают теорию – работы чаще всего посвящены описанию опыта использования онлайн-курсов, предлагаемых разными вузами, зарубежными и отечественными, на разных платформах, в разных форматах. На наш взгляд, многие обозначенные выше проблемы связаны с тем, что технологии развиваются быстрее, чем специалисты успевают обосновать их применение теоретически и подвести соответствующую правовую основу.

Литература

1. Дмитриева, 2013 – *Дмитриева Н.К.* Становление академической мобильности студентов в процессе обучения иностранному языку : автореф. дис. … канд. пед. наук. Петрозаводск, 2013. 23 с.
2. Микова, 2011 – *Микова И.М.* Понятие и сущность академической мобильности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 10. С. 266–273
3. Паспорт проекта… – Паспорт проекта «Международная академическая мобильность». URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0 %BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BC%D0%BE% D0%B1%D0%B8%D0 %B B%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения 28.01.2019).
4. Петрова, Кузьмин, 2015 – *Петрова Л.Е., Кузьмин К.В.* Виртуальная академическая мобильность студентов посредством MOOCs: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 177–182
5. Aguado Odina, Monge, del Olmo, 2014 – *Aguado Odina, T., Monge, F., del Olmo, A.* Virtual Mobility in Higher Education. The UNED Campus Net Program. // Open Praxis. 2014. Vol. 6. issue 3, July-September P. 287–293 URL: https://www.researchgate.net/publication/281020032_Virtual_Mobility_in_Higher_Education_The_UNED_Campus_Net_Program (дата обращения 28.01.2019).
6. Barak, Watted, Haick, 2016 – *Barak, M., Watted, A., Haick, H.* Motivation to Learn in Massive Open Online Courses: Examining Aspects of Language and Social Engagement // Computers & Education. 2016. №94. P. 49–60.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00077
УДК 174.7

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В СИТУАЦИИ СМЕНЫ ЦЕННОСТНЫХ ОЖИДАНИЙ МОЛОДЕЖИ: УГРОЗЫ, РИСКИ И ВЫЗОВЫ

Марина Дмитриевна Мартынова
Кандидат философских наук, проректор по внеучебной работе
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Статья посвящена рассмотрению вызовов современному образованию со стороны стремительно меняющихся запросов глобальной экономики, которая предъявляет совершенно новые требования к выпускникам вузов. Все большое значение для профессионала начинают приобретать «soft skills» или «мягкие» или «надпрофессиональные» навыки, поскольку повсеместно работа строится в проектном формате. Востребовано обучение людей взаимодействию в команде, чтобы стать хорошим командным игроком в любой группе людей. «Надпрофессиональные» навыки не формируются целенаправленно в системе высшего образования, и компании вынуждены самостоятельно внедрять дополнительные образовательные программы для развития молодых специалистов, их профессиональной переподготовки. Они построены на инновационных методиках, разрабатываемых и применяемых в системе неформального образования, и отвечающих поколенческим ценностям современной молодежи. Тем самым дополнительные образовательные программы, разрабатываемые компаниями, составляют конкуренцию университетам, поскольку инновационные методики и инструментарий этих программ составляются с учетом когнитивных особенностей поколений Y и Z и их жизненных предпочтений. Поколения Y и Z различаются в своих жизненных предпочтениях, психике, ожиданиях от будущего, способах обработки информации – когнитивных особенностях. Однако, они имеют и общее – выраженный лидерский потенциал и стремление к самореализации. Это позволяет говорить о динамике человеческого капитала, что представляет исключительную важность для развития глокального общества.

Ключевые слова: развитие образования, этика профессиональных отношений, теория поколений, «надпрофессиональные» навыки, динамика человеческого капитала, глокальное общество.

STRATEGY OF EDUCATION DEVELOPMENT IN THE SITUATION OF YOUTH VALUE EXPECTATIONS CHANGE: THREATS, RISKS AND CHALLENGES

Marina Dmitrievna Martynova
PhD in Philosophy, Vice Rector for extracurricular activities
Mordovia State University

The article is devoted to the challenges of modern education from the rapidly changing demands of the global economy, which imposes entirely new requirements for graduates. “Soft skills” begin to acquire great importance to the professionals since the processes in business are organized in project forms in many cases. There is a demand for training people to interact in a team, “a good team player” in any group of people becomes a valuable competence. The system of higher education dose not put an aim to develop “soft skills” in students. Companies are forced to introduce additional educational programs for developing young professionals in the format of professional retraining. Such educational programs are based on innovative methods developed and used in the system of non-formal education, they meet modern youth generation values. Thus, additional educational programs developed by companies competitive with universities, as innovative methods and tools of these programs take into account generations Y and Z cognitive characteristics and their life preferences. Generations Y and Z differ in their life preferences, psyche, expectations of the future, methods of information processing – cognitive features. However, they have common features – grate leadership potential and desire for self-realization. That makes it possible to speak about the dynamics of human capital, which is extremely important for the development of the glocal society.

Keywords: development of education, professional relations ethics, theory of generations, “soft skills”, dynamics of human capital, glocal society.

Специалисты, занимающиеся анализом тенденций развития высшего образования, большое внимание уделяют двум обстоятельствам: стремительно изменяющемуся рынку труда и новым требованиям, которые он предъявляет к компетенциям специалистов, наличие так называемых «надпрофессиональных» навыков [Сырямкина, Румянцева, Ливенцова, 2016], и ценностным предпочтениям современной молодежи, что нашло отражение в «теории поколений» [Howe, Strauss, 1991]. Эти обстоятельства выступают вызовом современному образованию, создают риски в сфере его эффективности и востребованности, представляют собой определенную угрозу для успешной самореализации молодежи.

«Теория поколений» была впервые сформулирована Н. Хоу и У. Штраус [Howe, Strauss, 1991], которые дали характеристики жизненных установок различных поколений, как группы людей, рожденных в конкретный период, испытавших влияние одних и тех же экономических и политических событий и особенностей воспитания с похожими ценностями. В настоящее время она интенсивно разрабатывается как зарубежными [Johnson, 2005; Стиллман, 2018], так и российскими учеными [Мирошкина, Евладова, Лобынцева, 2017; Паутова, 2008], в первую очередь для того, чтобы понимать, какой инструментарий и методики следует использовать для обучения молодежи.

Основным трудовым ресурсом в настоящее время является поколение Y, поколение Z еще учится в школе и вот-вот будет поступать в высшие учебные заведения и выйдет на рынок труда. У каждого из поколений есть свои особенности не только в системе жизненных ценностей, но и их когнитивные процессы обладают своими особенностями. Поколение Y называют сетевым поколением, они с успехом используют социальные сети, как для социальных контактов, так и с политическими целями, а именно как инструмент самоорганизации для коллективных действий. Выросшие в 90-е, они ценят жизнь «здесь-и-сейчас», ориентируются на быстро достижимые цели, стремятся к самовыражению, самореализации и самоорганизации, испытывают острую потребность в социальном признании. Поскольку это поколение геймеров, то они с легкостью строят иерархию задач, определяют приоритеты и выстраивают отношения. Кроме того, им свойственна высокая самооценка.

Об особенностях поколения Z мы знаем, в первую очередь, из книги американского писателя Д. Стиллмана «Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык» [Стиллман, 2018] и масштабного исследования, проведенного ПАО Сбербанк и агентством Validata в 2016 году «30 фактов о современной молодежи». Это самое молодое поколение, которое предпочитает цифровой формат используемых ресурсов. Следовательно, образовательная среда должна быть структурирована в соответствии с особенностями организации их познавательных навыков. Их познавательные навыки сформировались с младенческого возраста и отличаются тем, что про них говорят «они родились с кнопкой на пальце» - их реальность – это онлайн. Они воспринимают краткую и наглядную информацию – «клиповое мышление» - мозаичное, фрагментированное восприятие информации. И отсутствие долгосрочных трендов – ощущение потока, в котором все меняется каждую минуту, как в ленте соцсетей. Их познавательные способности состоят в том, что они успешно работают с информацией, обладают способностью к многозадачности – умеют одновременно делать несколько дел, быстро развиваются. Они самодостаточны, склонны к индивидуализму и эгоцентризму, при этом уважают личное пространство другого человека. У них высокая степень персонализации, синдром упущенной выгоды – гнетет мысль, что двигаются не так быстро и не в том направлении.

Они заинтересованы в выполнении нескольких рабочих функций на одном рабочем месте.

Представители и того и другого поколения ждут от жизни творческих успехов в том плане, что и те, и другие любят самостоятельно участвовать в создании новых объектов (продуктов). Но участвуют только в том, что им искренне интересно, ожидая, что это принесет им и немалый доход. Тем не менее, успех определяется не богатством и статусом, а разнообразием жизни и удовольствием. И они готовы отвечать постоянно меняющимся требованиям профессиональной и деловой среды и учиться этому.

Надо отметить, что новые форматы обучения сейчас интенсивно разрабатываются в компаниях, поскольку бизнес заинтересован в том, чтобы профессиональные качества работников отвечали вызовам современной экономики, и в настоящее время профессиональной переподготовкой молодых специалистов компании занимаются самостоятельно. И эта система дополнительного образования отвечает парадигме «устойчивого» будущего [Согомонов, 2016], поскольку направлена не просто на формирование актуальных навыков у специалистов, а ориентируется на динамику «человеческого капитала», развитие компетенций командного взаимодействия, формирование инновативных и морально ответственных лидеров, способных трансформировать мир в соответствии с принципами «устойчивого развития».

Организация такого образования входит в обязанности HR-департаментов, занимающихся не только подбором, но и развитием персонала. Такие подразделения предлагают интересные форматы образовательных программ, которые конкурируют с программами повышения квалификации, предлагаемыми вузами. Многие современные компании, учитывая характерные поколенческие особенности, предлагают смешанные форматы обучения – тренинги, коучинг, менторинг, проектная работа, функциональный анализ, кейсы - для молодых специалистов с использованием новейших технологий. В основе таких обучающих программ лежит модель компетенций, опирающаяся на «навыки будущего», а именно социальный интеллект, гибкость, умение быстро учиться, умение вести коммуникацию, компетенции командного взаимодействия и т.п. В качестве инструментов используются следующие подходы: самостоятельный свободный выбор планирования своего обучения сотрудником, самооценка имеющихся навыков и постановка новых задач по развитию совместно с ментором или наставником, активное использование в процессе обучения социальных сетей, включение интерактивного игрового формата – квестов, особенно для отработки бизнес-технологий [Качинская, Дорофеева, 2018]. Такой формат дает возможность непрерывного обучения в реальном времени и объединения сотрудников разной профессиональной зрелости и занимающих позиции разного уровня в компании, что особенно важно для понимания и формирования умения командного взаимодействия [Перелыгина, 2018].

Еще одним форматом выступает саморазвитие и самообразование. Далеко не каждый работодатель готов оплачивать обучение сотрудников. А сотрудники предпочитают уверенно занимать определенную профессиональную нишу, повышать свой уровень квалификации и развиваться лично. С этой тенденцией напрямую связан рост востребованности программы MBA, дистанционных on-line курсов ведущих вузов мира. Они популярна среди поколения Y, которое готово вкладывать собственные финансы ради этой уверенности в профессиональном поле и достижения жизненного успеха. Поколение Z в принципе настроено на личностное развитие и отодвигают на второй план рыночно-прагматические соображения.

Динамика человеческого капитала включает в себя лидерский потенциал, вовлеченность, приверженность, гибкость как ценностно-мотивированные качества, соответствующие образу глокального будущего. Инновационные методики личностного развития, применяемые в неформальном образовании компаниями, формируют открытое сознание, широкий мировоззренческий горизонт у молодых специалистов, что отвечает их поколенческим приоритетам.

Литература

1. Качинская, Дорофеева, 2018 – *Качинская А., Дорофеева О. Кейс.* Смешанные форматы обучения для молодых специалистов: лучший опыт, ошибки и выводы. http://hr-media.ru/kejs-smeshannye-formaty-obucheniya-dlya-molodyh-spetsialistov-luchshij-opyt-oshibki-i-vyvody/
2. Паутова, 2008 – *Паутова Л.А.* Поколение Y: цели, мечты, практика. URL: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/prezzp2306 (дата обращения 28.01.2019).
3. Перелыгина, 2018 – *Перелыгина И.* Развитие потенциала HiPo через обучение. Комплексная программа — от идеи к результатам. URL: http://hr-media.ru/razvitie-potentsiala-hipo-cherez-obuchenie-kompleksnaya-programma-ot-idei-k-rezultatam/ (дата обращения 28.01.2019).
4. Согомонов, 2016 – *Согомонов А.Ю.* Устойчивый университет (генезис концепции) // Ведомости прикладной этики. Тюмень: ТИУ. 2016. Вып. 48. С. 142-161.
5. Стиллман, 2018 – *Стиллман Д.* Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / Д. Стиллман, И. Стиллман; пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 324 с.
6. Султанов, Воскресенский, 2015 – *Султанов К.В., Воскресенский А.А.* Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 150–153.
7. Сырямкина, Румянцева, Ливенцова, 2016 – *Сырямкина Е.Г., Румянцева Т.Б., Ливенцова Е.Ю.* Практика развития надпрофессиональных компетенций в современном университете. // Образование и наука, 2016. №7. (136). С. 117–130.

8. «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России: научно-практическая интернет-конференции с международным участием (Москва, ноябрь-декабрь 2016 г.) / Под ред. М.Р. Мирошкиной, Е.Б. Евладовой, С.В. Лобынцевой. — М.: ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», 2017. 273 с.
9. Howe, Strauss, 1991 – *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 540 p.
10. Johnson, 2005 – *Johnson S.* Everything Bad Is Good for You: How Today's Popular Culture Is Actually Making Us Smarter. Riverhead, 2005. 250 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00078
УДК 37.014

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕАЛОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Анатолий Владимирович Овчинников
Доктор педагогических наук, заместитель заведующего центром истории педагогики и образования
Институт стратегии развития образования Российской академии образования
Сергей Дмитриевич Половецкий
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра истории педагогики и образования
Институт стратегии развития образования Российской академии образования

В статье на основе имеющейся отечественной историографии и историко-правового анализа первых политических документов и законодательных актов советской власти в области народного просвещения показываются основные направления формирования новых ценностных ориентиров обучения и воспитания школьников. Показано, что нормативные документы выступали инструментом изменения социально-политических взглядов российского населения на цели и задачи национальной системы образования. Вместе с тем отмечается то, что начав проведение революционных преобразований, новая власть активно использовала накопленный ранее организационный опыт создания системы образования, приспосабливая его к новым политическим условиям, стремясь к достижению скорейшей отдачи от того, что было создано в совершенно других исторических условиях. Вместе с тем новое правительство проводило четкую агитационную линию, направленную на интенсивное убеждение всех участников образовательного процесса в лояльности, а в перспективе к полному подчинению новой власти как единственному источнику формирования целей, задач и ценностей отечественного просвещения. В заключение статьи отмечается, что первые политические документы большевиков в области образования обеспечили возможность подчинения их воле основных участников образовательного процесса с постепенным, но достаточно быстрым изменением их ценностных позиций в рамках, заданных новой властью.

Ключевые слова: отечественное образование, советская власть, политические документы, ценностные идеалы, педагоги, студенты, учащиеся.

FORMATION OF NEW IDEALS OF DOMESTIC EDUCATION IN THE FIRST POLITICAL DOCUMENTS OF THE SOVIET POWER

Anatoly Vladimirovich Ovchinnikov
DSc in Education, Deputy head of the center for the history of pedagogy and education
Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education
Sergey Dmitrievich Polovetskiy
DSc in History, Leading researcher of the center for the history of pedagogy and education
Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education

The article on the basis of the existing national historiography and historical and legal analysis of the first political documents and legislative acts of the Soviet power in the field of public education shows the main directions of formation of new value orientations of education and upbringing of schoolchildren. It is shown that the normative documents were a tool for changing the socio-political views of the Russian population on the goals and objectives of the national education system. At the same time, it is noted that when the new government began carrying out revolutionary changes, it actively used the previously accumulated organizational experience of creating an education system, adapting it to the new political conditions, striving to achieve the fastest return on what was created in completely different historical conditions. At the same time, the new government pursued a clear campaign line aimed at the intensive persuasion of all participants of the educational process in loyalty, and in the long term to the full subordination of the new government as the only source of for-

mation of the goals, objectives and values of the national education. In conclusion, it is noted that the first political documents of the Bolsheviks in the field of education provided the possibility of subordination to the will of the main participants of the educational process with a gradual but rather rapid change in their value positions within the framework set by the new government.

Keywords: domestic education, Soviet power, political documents, value ideals, teachers, students, pupils.

Поставленная временем и научно-педагогическим сообществом проблема «революция и эволюция в образовании» имеет комплексный характер и является предметом исследования значительного числа общественных наук, в первую очередь философских и педагогических. В рамках данного дискурса все более возрастает интерес к институту государственной власти, историческому развитию ее структур в условиях модернизации всех основных сторон жизнедеятельности, в том числе образования и воспитания [Козлова, Овчинников, 2016, с. 101].

Проблема формирования ценностных идеалов образования давно вышла за рамки собственно педагогических проблем и приобрела статус проблемы междисциплинарной, носящий глобальный характер. Весьма часто это обстоятельство порождает снисходительное отношение исследователей к ее изучению на примере конкретных исторических событий, даже носивших переломный, революционный характер. К таким событиям, безусловно, относится Октябрьская революция 1917 года.

Историко-педагогические работы последних десятилетий доказательно раскрывают преемственность основных направлений развития отечественной школы и педагогической науки. В последнее время в историко-педагогической науке активно дискутируется идея о важной роли стратегических документов, которые определяют политику в области образования и наиболее общие принципы ее модернизации после победы Октябрьской революции. Исследователи данной темы обоснованно подчеркивают следующее важное положение: «Сформированная революционным правительством в первые годы своего существования нормативно-правовая база Советской России, регулирующая сферу народного образования, была в высшей степени политизирована…» [Богуславский, Милованов, Кудряшев, 2017, с. 126].

Происходившие революционные потрясения кардинально изменили весь социально-экономический уклад российского общества, фактически прекратили существование государства с его властными и социальными институтами. В российском многонациональном обществе, в котором было сильно влияние национальных традиций и элит, кардинально изменилось все образовательное пространство «формированию стратегии модернизации, поиску мобилизационных механизмов сопутствовала острейшая борьба центробежных и центростремительных сил» [Красовицкая, 2011, с. 331].

В этих обстоятельствах становилось необходимым устанавливать новые правила общественного жизнеустройства, принимать новые нормативные акты. Содержание большинства из них было диаметрально противоположно тем, которые были созданы в результате планомерной законотворческой деятельности органов государственной власти России на протяжении всего пореформенного времени. Это обстоятельство породило сложную социально-педагогическую ситуацию, даже несмотря на то, что политическими документами Временного правительства коренные изменения в области просвещения были частично подготовлены.

Большую роль в формирования новых идеалов отечественного образования играли воззвания и обращения Государственной комиссии по просвещению и Народного комиссариата просвещения РСФСР. Это были важные политические документы, которые информировали российское население о позиции новой власти по важнейшим вопросам народного просвещения.

Первое обращение народного комиссара просвещения А.В. Луначарского было опубликовано уже 1 ноября 1917 г. и имело четкую структуру продуманного политического документа, провозглашавшего новую политическую линию. Она базировалась на полном отрицании старой школы. Важный политический ход новой власти заключался в выдвижении тезиса о России как стране «где царит безграмотность и невежество», а главная цель новой власти усматривалась в «борьбе против этого мрака» [Сборник, Б.м., Б.г., с. 156]. Таким образом, фактически сразу в общественном мнении стало формироваться если не полное отрицание, то крайне негативное отношение к дореволюционному российскому просвещению. В силу этого обстоятельства личность отторгалась от прошлого государственного опыта, что не могло не вызвать сомнения по поводу истинности ценностных ориентиров.

Революционным для всей педагогической культуры России стало разделение понятий «обучение» и «образование». До этого данная проблема была исключительно предметом научно-педагогического дискурса, теперь же она становилась предметом широкого общественного обсуждения. В дальнейшем это стало одной из причин, породивших широкие общественные дискуссии на педагогические темы, превратив на время российское образовательное пространство в арену крупных социальных экспериментов, последствия которых на протяжении долгих лет сказывались на развитии всей образовательной системы страны.

Важно отметить, что политические и правовые документы первых месяцев советской власти не ликвидировали полностью преемственность с аналогичными документами, изданными при старой власти. Подтверждением тому является активное стремление обеспечить децентрализацию системы народного просвещения, иными словами представить широкую автономию местному самоуправлению в решении конкретных вопросов просвещения. По сути это было продолжением линии российской власти, активно проводимой с 1860–70-х г., направленной на расширение земской инициативы в развитии школьного дела в Российской

империи.

Данное решение новой власти было исторически оправдано, поскольку сохраняло уже созданную систему народного просвещения и изменяло лишь организационную и идеологическую составляющие. Преемственность в организации народного просвещения в новом обществе обеспечивалось привлечением к работе в новых органах государственной власти педагогов дореволюционного времени.

Особого внимания заслуживает политика советской власти по отношению к учительским кадрам. Обращение к учительству последовало уже 15 ноября 1917 г. В первых воззваниях революционного времени учителям высказывались знаки уважения, например, учительство характеризовалась как «лучшая часть русской интеллигенции, служащая народу» [Сборник, Б.м., Б.г., с.159]. Революционная власть призывала его активно двигаться навстречу народу, идти ему на помощь. Вместе с тем, напоминание учителям об их народной природе и их ответственности перед российским обществом умело перемежалось с намеком на мелкобуржуазную природу учительства. А это в условиях революционного времени говорило о возможности наступления весьма негативных последствий в случае невыполнения настоятельных рекомендаций новой власти.

Главная задача российского учительства, как полагал А.В. Луначарский, состояла в том, чтобы идти на помощь народу, «который окружен бедой». Нарком убеждал учителей, что бунтовать бессмысленно, поскольку о возврате к прошлому не может идти речи. «…бунт – безобразный бунт интеллигенции против трудового народа, если бы он продолжался, усеял бы и без того многострадальный путь его новыми терниями – но колесницы его не остановил бы», – отмечалось в его обращении к ним [Сборник. Б.м., Б.г., с. 161].

Народный комиссариат просвещения РСФСР также выступил с обращением к студентам и учащимся. Оно также последовало вскоре после революционных событий, 15 ноября 1917 г. В нем методика убеждения студентов и учащихся старших классов в целом была похожа на ту, которая относилась к учительскому корпусу. Сначала давалась некая историческая справка, суть которой состояла в том, чтобы показать изменение социальной позиции студентов и учащихся по сравнению с прежним политическим строем. Текст документа показывает, как используя весьма умело политико-педагогическую технологию, большевики стремятся порвать связующие узы учащихся и студентов с их прошлыми идеалами и ценностями. Для этого они акцентируют внимание молодежи на том, что при старой власти она была не однородна, и в этом подчеркивалась ее основная социальная проблема. Далее А.В. Луначарский призывает студенчество и учащихся старших классов идти на помощь молодежи рабочего класса. В этом социальном объединении власть усматривает залог успешного социального развития страны в будущем.

Новая власть тонко играла на юношеской психологии. «Юноши, – говорилось в обращении, – вы поддержите рабочих и солдат, несущих и вам свободу и лучшее благородное будущее. Вы хотите обновления жизни и школы. Учителям с сухим сердцем, отвечающим «нет» на призыв трудового народа в совместной работе, вы скажите молодым голосом: мы требуем от вас мира и дружбы с восставшим народом» [Сборник. Б.м., Б.г., с. 163].

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что к моменту прихода к власти большевики имели четко продуманную систему ценностных оснований для реализации своих грандиозных планов переустройства отечественного просвещения, сохранения за ним статуса важнейшего социального института, обеспечивающего идейное воспитание молодого поколения.

Реализуя совершенно новые задачи, власть большевиков использовала тонкие политико-педагогические технологии, направленные на скорейшее вживление своих идеалов и принципов в максимально широкие слои той части российского населения, которое имело отношение к системе образования. Политическое убеждение сочеталось с твердой классовой убежденностью в неизменности и непогрешимости избранной стратегии социальных преобразований, не оставлявшей выбора других способов обустройства российской школы. Это был механизм интенсивного, навязчивого формирования новых ценностей обучения и воспитания подрастающего поколения, которое должно было быть подготовлено для новой жизни в новом мире.

В заключение авторы выражают надежду, что эта публикация придаст определенный импульс развернувшейся творческой дискуссии по проблемам теоретико-методологического и философского переосмысления и уточнения господствовавших ранее оценок исторического пути, пройденного российским образованием, в которой они намерены и далее принять непосредственное и деятельное участие [Овчинников А.В., Козлова Г.Н., Петухова И.В., 2019; Половецкий С.Д., 2017, с. 312–313].

Литература

1. Богуславский, Милованов, Кудряшев, 2017 – *Богуславский М.В., Милованов К.Ю., Кудряшев А.В.* Стратегии реформирования и модернизации российского образования в первой трети XX века.: Монография. М.: ФГБНУ ИСРО РАО, 2017. 170 с.
2. Красовицкая, 2011 – *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011. 680 с.
3. Козлова, Овчинников, 2016 – *Козлова Г.Н., Овчинников А.В.* Модернизация общего образования: советский вариант взаимодействия власти и общества // Проблемы современного образования. 2016.

№6. С. 100–110.
4. Сборник. Б.м., Б.г. – Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. I. (С 28 октября 1917 г. по 7 ноября 1918 г.). Издание Народного Комиссариата по просвещению. Б.м , Б.г. 204 с.
5. Овчинников, Козлова, Петухова, 2019 – *Овчинников А.В., Козлова Г.Н., Петухова И.В.* Власть и общество в развитии общего образования в России (XIX в. – конец XX в.): Монография. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М. 2019. 230 с.
6. Половецкий, 2017 – *Половецкий С.Д.* О некоторых предпосылках расцвета русской педагогической мысли во второй половине XIX – начале XX вв. // Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования. Нижний Новгород, 25–26 сентября 2018 г. Волгоград: Редакционно-издательский центр ВГАПО, 2018. С. 312–315.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00079
УДК 321

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В СССР: ИДЕОЛОГИЯ, ПРАКТИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ (1920-1930-Е ГОДЫ)

Анатолий Аркадьевич Фролов
Доктор педагогических наук, профессор
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Научный консультант НИЛ "Воспитательная педагогика А.С. Макаренко"
Сергей Иванович Аксёнов
Кандидат педагогических наук, доцент
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Научный сотрудник НИЛ "Воспитательная педагогика А.С. Макаренко"

На материале советской истории 1920-1930-х годов и с обращением к предшествующей истории устанавливается объективная необходимость закрепления и развития достижений социально-политической революции в культуре общества, во всех сферах общественной и личной жизни.

Революция в политической власти и экономике окончательно побеждает и завершается, когда глубоко преобразует сознание общества, его мораль и нравственность, верования и обычаи, традиции, привычки повседневного поведения людей.

Коренным образом изменилась идеология, мораль и нравственность, свойственные системе производственных отношений социального управления. Их духовно-нравственные основы значительно расширялись. Возрастала роль «человеческого фактора», путем все более значительного приобщения людей к управлению делами государства и общества.

Отмечается: растущая активность женщин, подростков и молодежи, роль «единой трудовой школы» в социально-культурных преобразованиях; расширение сети учреждений культуры, образования и искусства; радикальное изменение содержания художественных средств искусства.

В 1920-1930-х годах в СССР положено начало исторически новому этапу развития человеческой цивилизации на основе «очеловечивания» экономики, гуманизации всех сфер общественной и личной жизни. Принципиально изменяется характер, показатели «качества жизни».

Начавшееся в середине 1920-х годов и ставшее глубоким с начала 1930-х годов социальное расслоение в системе образования на подготовку рабочего люда и «элиты», отход от воспитания «нового человека» в сторону человека-профессионала – в большой мере предопределили общественно-политические события 1980-1990-х годов.

Ключевые слова: социальная революция, «культурная революция», СССР, 1920-1930-е годы, материальное и духовное, объективный и субъективный факторы, человеческий фактор, образ жизни.

"CULTURAL REVOLUTION" IN THE USSR: IDEOLOGY, PRACTICE, RESULTS (1920-1930S)

Anatoly Arkadyevich Frolov
DSc in Education, Professor
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Sergey Ivanovich Aksyonov

PhD of Education, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Pedagogical University

The need in the development of the achievements of the social revolution in the culture of society, in all spheres of public and personal life is established on the material of the Soviet history of the 1920-1930s with reference to the preceding history.

The revolution in political power and economics finally wins only when it deeply transforms the consciousness of society, its morality and ethics, beliefs and customs, traditions, habits of everyday conduct of people.

The "Cultural Revolution" in the RSFSR-USSR acquired a special significance and became extremely difficult not only due to the large weakness of pre-revolutionary Russia in politics, economics and culture, but also due to the fact that an entirely new culture has to be created on the basis on communal property of the tools and results of labor.

The ideology, morality and ethics peculiar to the system of production relations of social management have changed radically. Their spiritual and moral foundations expanded significantly. The role of the "human factor" has increased due to the growing involvement of people in the management of state and society affairs.

It is noted by the growing activity of women, adolescents and young people, the role of the "unified labor school" in socio-cultural transformations; expanding network of cultural, educational and art institutions; radical change in the content of means of art.

In the 1920-1930s the USSR laid the foundation for the historically new stage in the development of human civilization based on the "humanization" of the economy, the humanization of all spheres of public and personal life. The essense and indicators of «quality of life» are fundamentally changing.

The social stratification in the education system for training the working people and the "elite" begins in the mid-1920s and deepens since the early 1930s, the shift of the focus in aims of education from a "new man" towards a professional person predetermined to a large extent social and political events in the 1980-1990s.

Keywords: social revolution, "cultural revolution", USSR, 1920-1930s, material and spiritual, objective and subjective factors, human factor, way of life.

Понятие «культурная революция» возникло в ходе Октябрьской революции 1917 г. [Прохоров, 1977, с.143] Таким образом обозначается коренной переворот в ***духовной*** жизни общества, во всех его сферах: в социально-экономическом укладе, политической системе, общественном управлении. Эти революционные изменения должны появиться и закрепиться в новой морали и нравственности, повседневной жизни человека, в его отношении к труду, обществу, к самому себе.

Новый экономический и политический уклад полностью побеждает и может успешно развиваться, когда он широко поддерживается и регулируется ***общественным мнением***, новыми традициями и обычаями, нормами жизни, верованиями и привычками, личными убеждениями людей. У них возникает готовность сознательно и активно поддерживать и развивать социальную справедливость данного общественного строя.

Так это было во всей предшествующей истории, при переходе от феодального общества к демократическому, в эпоху Возрождения и Реформации. Была кровопролитная и длительная борьба, в течение 2-х столетий. Радикальные преобразования происходили в культуре народа, совершалась «культурная революция».

В России значимость «культурной революции» осознавалась в споре социал-демократов по вопросу: ***готова ли*** страна к социалистическому пути развития. Это была отсталая в социально-экономическом и культурном отношении страна с преимущественно крестьянским населением.

«Большевики» взяли курс: сначала ***социально-политическая революция***, она позволит быстро и широко осуществлять культурные преобразования.

Октябрьский переворот 1917 г. был необычно успешным; советская власть мгновенно распространилась по всей России. Сопротивление правящих ранее сил России, попытки иностранной интервенции, огромная военная помощь «белым» генералам и адмиралам ввергли страну в Гражданскую войну, максимально усилили ее бедствия. Но прошла она сравнительно (с другими странами) быстро, в 3 года (на окраинах – 4-5 лет).

«Культурная революция» была объявлена в стране в 1923 г. [Прохоров, 1977, с.142] Она ни в коей мере не должна была проходить в духе ***«просветительства»*** народа его «элитой» (хотя и было Министерство просвещения). Магистральная линия «культурной революции» - непосредственное приобщение массы трудящихся ***к управлению*** хозяйственной, государственной и общественной жизнью, к социальному творчеству. Это фундаментальная основа рождения новой культуры, воспитания ***«нового человека»***.

В русле данного направления должно происходить приобщение к мировым, ***историческим достижениям*** науки, культуры, искусства. Их творческое развитие совершается на новых мировоззренческих и социально-гуманитарных основах.

Октябрьская революция (и всякая революция) совершалась как историческая необходимость коренного изменения ***материальной*** базы общества. Это мотивировалось идеологически, отражая назревшие по-

требности и интересы новых социальных сил. Трудящиеся, непосредственные производители материальных благ впервые в истории стали претендовать на главенство в собственности на средства производства и результаты труда, в системе общественных отношений, социального управления, культуры и искусства.

Труд все более предстает в своей самоценности, не просто как средство материального благосостояния, но и как необходимое условие полноценного развития личности, ее духовного богатства, защищенности и человеческого достоинства. Неизмеримо возрастает значение ***«идеального»*** фактора. Идеи социализма совпадают с многовековыми надеждами и чаяньями трудового народа, рабочих и крестьян.

По существу материальное и идеальное освобождаются от их механического противопоставления. Субъективный фактор социального развития приобретает все более важную роль в его обратном влиянии на объективные условия. ***«Человеческий фактор»*** на каком-то этапе общественного развития выходит на первый план.

Социально активизируется половина населения страны – женщины. В сферу общественной жизни активно включается, наверное, четверть населения – дети, подростки, молодежь, они уже не «подопечная мелочь». Действуют их объединения, комсомол, пионерия. Общественно-активной стала «единая трудовая школа» [Баллер, 1965, с.560-563].

Народы страны объединились в единый Союз республик. Морально-политическое единство всех социальных сил стало первоосновой успешного решения стоящих перед страной в 1920-1930-х годах труднейших и срочных задач. Символ единения: слово «товарищ» - быстро вошло в лексикон не только деловых, общественных отношений, но и повседневного общения людей.

В 1920 г. началось обучение грамоте на родном языке населения до 50 лет, впервые в России создается всеохватывающая система государственных бесплатных школ, внешкольных и дошкольных учреждений, библиотек, музеев, медицинских учреждений, здравниц, домов отдыха. Появились парки культуры и отдыха, дома и дворцы культуры, дома народного творчества. Широко развернулась сеть народных театров, клубов; в их среде возникло массовое явление ***«художественной самодеятельности»***, оно породило выдающихся деятелей искусства.

Расширены общественные организации: ассоциации писателей, художников, журналистов, организации по охране детства, по борьбе с детской беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних, помощи авиации и флоту, помощи зарубежным «борцам революции» (МОПР), содействия развитию физкультуры и спорта.

Произошло революционное ***обновление*** содержания и средств художественной литературы, публицистики, музыки, театра, живописи, архитектуры, скульптуры. Они прониклись идеями героического созидания лучшего мира, служения общему благу, воспитания «нового человека». Создан своеобразный, советский художественный стиль эпохи 1920-1930-х годов.

Идеи нового образа жизни воплощаются в создании новой ***среды обитания*** людей, в изменении конструкции жилых зданий, в новаторском градостроительстве. Происходит развитие коммунальной системы жительства. В 1930-е годы, в связи с возникновением крупных промышленных центров, реализуются планы «социалистических городов» (соцгородов). Это зоны, где работа на производстве комплексно сочетается со здоровым культурным отдыхом, с общественной деятельностью, физкультурой и спортом, занятиями по интересам.

В начале 1930-х годов происходят судьбоносные изменения в общем среднем и высшем образовании. Лозунг «Кадры решают все» повернул их к задачам профессионального обучения. Воспитание «нового человека» стало забываться. Средняя школа перестала быть «трудовой», превратилась в «школу учебы», школу знаний. Воспитание свелось к «воспитывающему обучению».

В середине 1920-х годов началось раздвоение системы образования: общее и среднее профессиональное образование с производительным трудом – и средняя и высшая школа без производительного труда, школа для интеллектуальной и социальной «элиты» [Баллер, 1965, с.560-563].

Возникшее в системе образования ***социальное расслоение*** стало одной из глубинных причин того, что немалая часть 3-го поколения советских людей в 1980-х годах отвернулась от советских и социалистических ценностей, повернулась к образу жизни западного и «потребительского общества».

Высокие цели и содержание «Культурной революции» ярко отразились в социально-педагогическом и литературном творчестве А.С. Макаренко 1920-1939 гг. Современное издание его трудов в 9 томах удостоено Премии Правительства РФ 2017 г. в области образования [Макаренко, 2007-2017].

Литература

1. Баллер, 1965 – *Баллер Э.А.* Культурная революция в СССР // Педагогическая энциклопедия в 4-х томах. Том 2. - Гл.ред. И.А. Каиров, М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 559-563.
2. Прохоров, 1977 – *Прохоров А.М.* Социалистическая индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция. Победа и упрочение социализма (1926-1941) / Большая советская энциклопедия [Текст]: В 30 т. Т.24. Кн. 2. СССР / Гл.ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – С.139-145.
3. Макаренко, 2007-2017 – *Макаренко А.С.* Школа жизни, труда, воспитания: учебная книга по истории, теории и практике воспитания / сост., коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксёнов. В 9-ти частях (томах). Н. Новгород, ВВАГС, Мининский университет. 2007–2017: Часть 1. - 2007. – 361

с., Часть 2. - 2008. – 409с. Часть 3. - 2009. – 365с., Часть 4. - 2010. – 352 с., Часть 5. – 2011. - 300с., Часть 6. – 2013. - 350с., Часть 7. - 2014. – 368 с., Часть 8. - 2015 - 358 с., Часть 9. – 2017. - 399с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00080
УДК 38(07)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Светлана Владимировна Фролова
Кандидат педагогических наук, доцент
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Елена Юрьевна Илалтдинова
Доктор педагогических наук, заведующий кафедрой
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

Образовательное пространство является неотъемлемой частью образования личности, однако данный феномен в современной педагогической науке трактуется неоднозначно. Это связано с терминологическим многообразием и существованием различных методологических подходов в педагогических исследованиях. В статье рассматривается феномен образовательного пространства в системе философского знания. Авторы анализируют развитие концепции пространства в философии. Феноменологическая философия (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) определяет событийность пространства и темпоральную связь его элементов, образуя понимание пространства как взаимосвязь отсылок элементов друг другу. Субъекты образовательного пространства проживают образовательную действительность в «единой судьбе», именно это позволяет говорить о наличии взаимосвязей и взаимозначимостей в пространстве. На основе анализа философского феномена пространства авторы выявляют ряд исключительных признаков образовательного пространства: нелинейность и непредопределенность во времени; незамкнутость по его физическим признакам (преодоление территориальных границ), с одной стороны, и с другой – по наличию множественности смысловых значений в нем (рождение субъективных смыслов как результатов деятельности для самих субъектов данного пространства); подвижность и интенциональность, возникающие за счет не только подвижности его субъектов, но и за счет наличия постоянных изменений самих субъектов и объектов в пространстве; целостность, однородность разного; событийность.

Ключевые слова: пространство, философия образования, образовательное пространство.

EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A PHILOSOPHIC PHENOMENON

Svetlana Vladimirovna Frolova
PhD in in Education, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Elene Yurievna Ilaltdinova
DSc in Education, Head of Department
Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Educational environment is an integral part of the education of the individual, but this phenomenon is interpreted ambiguously in modern Pedagogy. This is due to the terminological diversity and the existence of various methodological approaches in educational research.

The article deals with the phenomenon of educational environment in the system of philosophical knowledge. The authors analyze the development of the concept of space in philosophy. Phenomenological philosophy (E. Husserl, M. Heidegger) defines the eventfulness of space and the temporal relationship of its elements, forming the understanding of space as the relationship of sending elements to each other. The subjects of the educational space have a “shared destiny” in the educational reality, and this is precisely what makes it possible to speak about the existence of interconnections and mutual significance in space. Based on the analysis of the philosophical phenomenon of space, the authors reveal specific features of the educational environment: non-linear and uncertain over time; open in its physical characteristics (overcoming territorial boundaries), and according to the presence of a plurality of semantic meanings in it (the birth of subjective meanings as the results of experience for the subjects of a given space); mobility and intentionality arising at the expense of not only the mobility of its subjects, but also due to the presence of constant changes of the subjects and objects in space; integrity, homogeneity of different; eventfulness.

Keywords: space, philosophy of education, educational environment.

Существующая терминологическая неопределенность в понимании образовательного пространства и его дифференциации от среды, большое число публикаций разного уровня, посвященных терминологической составляющей проблемы, не прекращающихся с начала 2000-х гг., свидетельствуют об активных научных поисках в этой сфере. Несмотря на большой объем научных работ до сих пор нет оснований утверждать, что после десятилетия теоретических поисков терминологическая проблема решена в полной мере или частично. Термин «пространство» в образовании используется зачастую в метафорическом смысле, обозначающем некие границы образовательного учреждения. Приходится констатировать, что системных эмпирических исследований различных аспектов образования в парадигме пространственного подхода не проводится. Это главный недостаток отечественной педагогической методологии, переоценивающей роль теоретических умозаключений.

Феномен категории пространства всегда занимал ведущее место в системе гуманитарного знания. Сущность данного феномена, его сопряженность с вечными категориями времени и бытия, поиска и определения места человека в нем занимают умы ученых и исследователей в поле философии, физики, математики, социологии, педагогики, психологии и др. Междисциплинарность феномена пространства в системе гуманитарного знания подчеркивает его исключительность и фундаментальность. Так, существует и определяется физическое, экономическое, географическое, образовательное, информационное, виртуальное, геометрическое, социальное и другие виды пространств. Однако ключевым остается само пространство, как феномен, его предельность и вместе с этим попытки обоснования его возникновения и существования, его содержание, структура и взаимосвязь элементов в нем. Выделяется множество категорий пространства, его сопряженность с другими категориями, на основе его устойчивых признаков и критериев. Вопросы характеристики пространства подтверждают неоднозначность и сложность этого феномена.

Феноменологическая философия (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер) определяет долженствование темпоральных отношений между элементами пространства: время выражает, с одной стороны, связь элементов в пространстве, а с другой стороны − целостность самого пространства. В связи с этим зачастую можно слышать, что пространство невозможно рассматривать вне категории времени. М. Хайдеггер обосновывает, что время – это и содержание, и интерпретация пространства, и смысл бытия. Время – это нечто, отсылающее нас к пространству. «При определении подвижности экзистенции пространственные характеристики прорываются наружу. Специфическая подвижность протяженного самопротяжения мы называем событием Dasein (вот- или здесь- бытия)» [4]. Отсюда следует, что время – показатель подвижности пространства, данная подвижность рождает в нем событие. Пространство событийно, изменчиво, неразрывно сопряжено с категорией времени. Понятие протяженности у М. Хайдеггера и Э. Гуссерля в первую очередь связано с временностью и в последнюю очередь с пространственностью [1].

В определении сущности феномена пространства М. Хайдеггер приходит к поразительному и значимому для нашего исследования выводу: «Пространственность мира не сводится к наглядности; это не вместилище всех процессов и вещей, данных или могущих быть данными в опыте, и не порядок вещей, но взаимосвязь отсылок: один значимый предмет отсылает к другому» [4].

Таким образом, можно заключить, что пространство – это взаимосвязь и взаимозависимость элементов, которые со-бытийны по отношению друг к другу и обладают темпоральными связями, процессуальными характеристиками, логикой взаимодействия. Такой подход к определению пространства преодолевает формальное определение пространства как порядка вещей. Здесь важным является взаимозависимость и сопряженность элементов: акторов, факторов, процессов, субъектов, объектов. При их сопряженности исключается существование инородного элемента в пространстве, все элементы подчинены чему-то общему, можно сказать, общей интенции, цели.

Интересна аллегория М. Хайдеггера – пространство как мир мастерской ремесленника, где все инструменты и материалы находятся во взаимосвязи, взаимозначимости (метафора пространства как «взаимосвязи отсылок»). При этом очевидна замкнутость, конечность такого пространства – стены мастерской, элементы мастерской существуют только в этом пространстве. Однако отмечается, что разомкнутым данное пространство делает «экстатическая временность» как метаморфоза данного пространства в другое качественно-ценностное пространство [4].

Размышляя о сущности пространства, современные исследователи приходят к необходимости обоснования и определения характера связей между объектами в нем и «переживаниями» или, точнее сказать, «проживанием», субъектов. Ставится вопрос: связь между ними определена лишь интенциональной темпоральностью или все же этот характер обусловлен теми «изменениями», «различиями», «различенностями», которые запечатлены и в объектах, и в субъектах? К интересному выводу приходит В.И. Молчанов, что именно само пространство (не темпоральная связь) делает его субъектов и объектов в едином со-бытии. Пространство рассматривается им как подвижная, «трансцендирующая, экстатическая иерархия различенностей, не нуждающаяся в темпорализации» [2]. Таким образом, пространство, за счет своей подвижности и отражаемости в множественности «различенностей» как признаков изменений его субъектов и объектов, преодолевает свою замкнутость и ограниченность.

Отмечается, что устойчивым критерием агрессивности пространства является его стремление «приковать к себе человека» [2]. Здесь очевидна постановка проблемы свободы субъекта в пространстве, свободы не только передвижения в нем, но, прежде, в свободе быть собой и быть свободным от него в той мере, которая позволяет ему реализовать право долженствования его неповторимой индивидуальности.

Проанализировав подходы к определению сущности пространства, мы приходим к выводу, что про-

странство – это взаимосвязь и взаимозависимость субъективного и объективного начал в иерархии смыслов и значений, ими создаваемых. Пространство нельзя воспринимать как замкнутый вакуум, где все определено законом «здесь и сейчас». Замкнутость пространства невозможна из-за подвижности его субъектов. Например, те процессы, которые были рождены в конкретном пространстве, могут продолжать «проживаться» его субъектами за его территориальными границами. Проживание этих процессов субъективно не только по территориальному признаку, но и субъективно во времени: неизвестно в какой конкретный момент разные субъекты продолжают проживать этот процесс. Более того, можно сказать, что и результат данного проживания несколько субъективен – он разный в сознании каждого субъекта, но в то же время объективен в его воплощении в реальной действительности.

Если мы придерживаемся той позиции, что пространство по своей сути не является «вместилищем вещей», а, прежде всего, взаимосвязью, значимостью его элементов как совокупностью их «отсылок» друг к другу, мы с уверенностью можем утверждать, что подвижность его субъектов, «проживаемость» ими рожденных в пространстве процессов подтверждает ряд его неотъемлемых признаков, которые соотносятся и с образовательным пространством [3]:

-нелинейность и непредопределенность во времени, так субъекты «возвращаются» к процессам, осуществлявшимся в пределах пространства, покинув его;

-незамкнутость по его физическим признакам (преодоление территориальных границ), с одной стороны, и с другой – по наличию множественности смысловых значений в нем (рождение субъективных смыслов как результатов деятельности для самих субъектов данного пространства);

-подвижность и интенциональность, возникающие за счет не только подвижности его субъектов, но и за счет наличия постоянных изменений самих субъектов и объектов в пространстве;

-целостность, однородность разного (пространство является целостным, преодолевая идеи о сосуществовании субъектов в нем, так как субъекты сливаются в неразделимое множество, объединенное единой интенцией, становясь «единой судьбой»);

-событийность (существование субъектов в совместном бытии, которое является значимым для каждого субъекта по-своему).

Проанализировав ряд подходов, мы определяем образовательное пространство как интегративную нелинейную целостность, обнаруживающую взаимосвязь, взаимовлияние и взаимозависимость сложных компонентов образовательной деятельности, объединенных общей интенцией ее субъектов к образовательному результату.

Пространство обладает своей жизнью и определяется взаимодействием субъектов и объектов в нем, где все подчинено единой интенции, тем самым исключая возникновение инородных элементов в нем.

Литература

1. Гуссерль, 2001 – *Гуссерль Э.* Интенциональные предметы / Предисл. и пер. Р. Громова // Логос. 2001. № 5/6. С. 132—164.
2. Молчанов, 2015 – *Молчанов В.И.* Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015. 277 с.
3. Фролова, 2017 – *Фролова С.В.* Проектирование воспитательного пространства образовательной организации / С.В. Фролова, Е.Ю. Илалтдинова, Ф.В. Повшедная. М.: Флинта, 2017.
4. Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 72.
5. Хайдеггер, 2006 – *Хайдеггер М.* Очерки философии. О событии // Вопросы философии. 2006. №11. С. 164-166.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00081
УДК 37.013.73

КОЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Евгений Владимирович Орлов
Кандидат педагогических наук
Государственное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования Нижегородский институт развития образования

В работе рассматривается вопрос о возможности использования в системе образования революционных и эволюционных процессов для изменения существующего положения. Изменения могут касаться различных компонентов системы образования – целей, содержания и средств осуществления педагогического процесса. Рассмотрены вопросы сопряженности изменений конкретных компонентов и связь с другими аспектами жизедеятельности общества. Показана взаимозависимость процессов изменений каждого компонента с другими компонентами системы образования и других систем социальной жизни. Представлена концепция коэволю-

ции как соразвития компонентов социальной системы. На примере изменений в образовании, касающихся преобразований средств обучения показана цепочка взаимосвязей, которая при этом выстраивается. Решая одну проблему по изменению какого-либо компонента системы, мы неизбежно должны решить и проблемы изменения взаимосвязанных компонентов и систем. Только совместная эволюция сопряженных систем и процессов может гарантировать безопасное и эффективное преобразование социальных систем. Отсюда выводится необходимость для субъекта управления образованием придерживаться концепции коэволюции при совершаемых изменениях.

Ключевые слова: революция, эволюция, коэволюция в системе образовании, цели, содержание, средства образования.

KOJEVOLJUCIONNYE PROCESSES IN EDUCATION

Evgenij Vladimirovich Orlov
PhD of Education
The Nizhny Novgorod Institute of education development

The paper considers the question of the possibility of use in the educational system of the revolutionary and evolutionary processes for changing the existing situation. Changes may relate to different components of the education system-objectives, content and means of implementation of the educational process. Conjugation changes discussed specific components and linkages with other aspects of the zhizedejatelnosti society. Shows the interdependence of the processes of change each component with the other components of the education system and other systems of social life. Introduces the concept of CoEvolution as components co-development social system. For example, changes in education relating to the transformation of learning tools shows the chain of linkages, which is built. Solving one problem to change any component of the system, we will inevitably have to decide and change issues interrelated components and systems. Only the joint evolution of mating systems and processes.

Keywords: revolution, evolution, CoEvolution in the system of education, goals, contents, means education.

В одной статье есть возможность остановиться лишь на некоторых аспектах, связанных с понятиями эволюции и революции в образовании. Множество трактовок этих дефиниций говорит о сложности и глубине явлений и, соответственно, о многогранности процессов, описываемых этими понятиями. Задача данной статьи – попытаться осветить некоторые грани процессов эволюции и революции, которые происходят в современном образовании.

Одна из трактовок понимания процессов эволюции и революции предполагает, что эти явления описывают жизнь природных и социальных систем как постепенное накопление изменений (эволюция), а затем скачкообразное, качественное преобразование (революция), происходящее под давлением этих накопившихся новшеств [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Если придерживаться этой позиции, то процесс существования общества во времени мы можем представить как эволюцию с периодами медленного и резкого изменения компонентов системы. В таком случае интерес представляет рассмотрение того, что претерпевает скачкообразные изменения – содержание образования, ценностные установки или средства осуществления образовательного процесса.

Важно напомнить, что образование мы относим к консервативным общественным институтам. Консервативным, то есть, устойчивым, изменяющимся медленно, эволюционно. Наверное, в этом есть смысл. Например, содержание образовательной программы. Если мы скачкообразно изменяем содержание, то мы меняем весь учебно-методический комплекс. Мы меняем содержательную подготовку учителей. Наконец, мы меняем идеологию в общественных дисциплинах. Но меняя идеологию, мы должны изменить и ментальность нации, что сделать скачкообразно не получается. Мы попробовали это произвести во время перестройки и пришли к идеологическому кризису, к конфликту устоявшегося образа жизни и навязанной рыночной среды, навязанного нового экономического устройства. Новое, резко изменяемое содержание влечет за собой и смену жизненной парадигмы, а это не получается так быстро и гладко.

Изменяя средства, которые мы используем в образовательном процессе, мы также попадаем в ловушку взаимосвязей. Например, наше желание использовать в образовании цифровые технологии в значительном количестве, не удалось осуществить за короткое время. Внедрение этих средств потребовало длительного времени, так как этим средствам нужно обучить педагогический состав всех возрастов, что само по себе оказалось весьма сложно. Далее, нужно подготовить значительное количество цифрового контента. Нужно отработать и нормативно-правовой аспект. Всё это привело к тому, что электронные средства обучения внедряются достаточно медленно, эволюционным путем, хотя мы и ведем речь о случившейся четвертой технологической революции как переходе к цифровой экономике.

Так же сложно обстоит дело и с ценностными установками или целевыми ориентирами. Не получается резко изменить цели образования. Образование подразумевает сотворение некоего образа человека, необ-

ходимого обществу для его процветания. Кардинально изменить набор качеств такого человека на определенном этапе развития общества достаточно сложно. Были попытки это сделать революционным путем. Но они приводили к тому, что происходило воспроизводство исконных ценностей, свойственных этносу. Согласно исследованиям А.В. Пыжикова [Пыжиков, Web], после Великой Октябрьской революции воспроизводились исконные ценности русского общества, основанные на общинности, социальной справедливости, созидательной деятельности.

Современный ценностный и культурный конфликт как раз и заключается в том, что резко попытались внедрить в нашем обществе западные ценности, не свойственные нашей культуре. И как не старался фонд «Открытое общество» через свои учебники привить школьникам западные установки, происходило их культурное отторжение.

Новые образовательные стандарты – целевые ориентиры в образовании, которые авторами оцениваются как новые, революционные, на самом деле являются последовательно постепенно изменяемыми педагогическими целями. Декларируется, что главным отличием от прежних целевых установок является установка на учение учиться, для чего нужно освоить универсальные учебные действия (УУД). Но разве умение учиться не было свойственно прежнему российскому и советскому образованию? Разве после школы многие граждане не старались попасть в вузы, далее в аспирантуру, на курсы повышения квалификации? И разве УУД не похожи на прежние умения. Регулятивные УУД – это умение простраивать собственный процесс познания. Коммуникативные УУД – это умение содержательного общения. Познавательные УУД – умение работать с информацией. Всё это было, только называлось несколько иначе, на этом не делалось таких акцентов и так не формулировались цели.

Теперь пора отметить, что изменения каких-либо компонентов образовательной системы влекут за собой изменения или зависят от других компонентов. А так как система образования очень громоздкая и связана с множеством других общественных структур, образований, то и революционные изменения должны затрагивать такие же кардинальные изменения этих компонентов. Само по себе, это сложно и дорого для общества, а потому нецелесообразно. Вообще, революции для общества обходятся очень дорого.

Но раз изменения затрагивают сразу несколько компонентов системы, то мы должны говорить об особом способе постепенных изменений, об особом способе эволюции – коэволюции. В современной науке коэволюция рассматривается не просто как один из способов эволюции, но как новая познавательная модель [Карпинская и др., 1995].

Рассматривая коэволюцию, как процесс сонаправленного, взаимообусловленного развития систем или их элементов при наличии субъекта управления, можно говорить и об управлении развитием системы образования как задаче не только самой этой системы, но и о задаче развития смежных с ней систем. Например, информатизация образования подразумевает развитие систем коммуникации, подготовку соответствующих кадров (а не только повышение квалификации существующих), создание необходимого цифрового образовательного контента, соответствующее материальное обеспечение рабочих мест педагога и обучающихся, создание необходимого программного обеспечения и соответствующих образовательных платформ. Согласитесь, что революционным путём это сделать весьма затруднительно.

К тому же, переход лишь на электронное обучение, что можно было бы считать революционным процессом в образовании, себя не оправдывает. Необходимо сочетание традиционного и электронного образования, постепенно вводя отдельные элементы последнего. А это уже эволюционный путь развития образования. А если мы говорим о необходимости изменений и в смежных системах, то коэволюционный. К тому же, нельзя забывать, что любое новшество в образовании требует тщательной и длительной проверки на его пригодность (безвредность) и эффективность.

Вернемся к компонентам самой образовательной системы. Согласно концепции коэволюции, изменения в целях, содержании или средствах образовательной деятельности должны сопровождаться соответствующими изменениями и в остальных компонентах. Следовательно, эволюционные, постепенные изменения осуществить гораздо легче и безопаснее, чем проделывать это революционным путём.

Субъект управления образовательной системой, понимая сложность и значимость данной отрасли, будет подходить ответственно и к процессам её преобразования. Наиболее перспективной концепцией в управленческой деятельности в данном направлении нужно считать концепцию коэволюции процессов изменения социальных систем.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь, 1983 – Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Пыжиков, Web – Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://royallib.com/book/pigikov_aleksandr/grani_russkogo_raskola.html.
3. Карпинская и др., 1995 – *Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П.* Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Интерпракс. 1995 . – 352 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00082
УДК 179.9:37.017

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ[29]

Ирина Олеговна Воронина
Аспирант
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Автор делает попытку рассмотреть влияние монетизации на образование. Традиционно в ходе образовательного процесса выстраивались отношения учитель-ученик. Ролевые функции при этом определялись именно этим отношением и сводились в основном к доминирующей роли учителя в этом отношении. Но проникновение экономических правил в образование вносит изменения в привычные социальные роли в этом процессе. Ученик превращается в покупателя, теряя старую роль и приобретая новую. Педагог при этом преимущественно теряет старые и привычные ролевые характеристики — прежде всего претензии на ценность высказанного. Он перестает быть уникальным носителем информации, поскольку прогресс дает возможность узнать практически все, что угодно, и сделать это в любое время. А поскольку место ученика занял заказчик (покупатель), учитель оказывается в роли поставщика образовательных услуг. Он вынужден делать ученика довольным любой ценой, а это приводит к необходимости превращать лекции в шоу, иногда поступаясь качеством образования. В связи с внедрением экономических законов в образование мы наблюдаем изменение ролей обучающего и обучаемого. Это приводит к парадоксу: необразованная личность заказывает образование. Преодолеть данный парадокс возможно через актуализацию новой роли студента. Вместо покупателя он должен стать осознанным потребителем. Поднимается вопрос о дальнейшем влиянии изменения ролей в образовательном процессе на духовность как систему особых потребностей личности.

Ключевые слова: образовательный процесс, учитель, ученик, монетизация образования, осознанный потребитель, воспитание, духовность.

TRANSFORMATION ROLES OF HUMAN IN EDUCATION[30]

Irina Olegovna Voronina
Postgraduate student
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The author explores the influence of monetization on education. Traditionally, the teacher-student relationship was built in the educational process. Role functions were determined precisely by this attitude and were reduced mainly to the dominant role of the teacher. But the penetration of economic rules into education changes the usual social roles in this process. The student turns into a buyer, losing the old role and acquiring a new one. The teacher loses the old and familiar role characteristics. Now He is not a unique information carrier, because progress makes it possible to learn almost anything and do it at any time. And since the place of the student was taken by the customer (buyer), the teacher turns out to be in the role of a provider of educational services. He is forced to make the student satisfied at all costs, because of this, the lectures turn into a show, sometimes losing the quality of education. In connection with the introduction of economic laws in education, we observe a change in the roles of the teacher and the student. This leads to a paradox: an uneducated person orders education. To overcome this paradox is possible through the actualization of a new student role. Instead of the buyer, he should become a conscious consumer. It is also important to consider the influence of changing roles in the educational process on spirituality as a system of special needs of the individual.

Keywords: educational process, teacher, student, monetization of education, conscious consumer, education, spirituality.

Образование – это, прежде всего, процесс воспитания и обучения, человек в нем может занимать две позиции: обучаемого и обучающего, то есть ученика и учителя. Две эти роли знакомы нам буквально с начала самого человечества. Конечно, их форма видоизменялась. Человечество прошло довольно длительный путь развития от первобытнообщинных отношений до современных форм государственных, этнических, ментальных и других отношений. Но при этом все время сохранялись социальные роли ученика и учителя.

Длительное время роль учителя в процессе образования была главенствующей. Он был уникальным носителем информации и самостоятельно определял траекторию преподавания своего предмета. В настоя-

[29] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152
[30] The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00152

щее время в связи с глобализацией, бурным развитием средств массовой информации и сети Интернет происходит трансформация социальной реальности [Савруцкая, 2014], в частности мы можем наблюдать изменения в образовательном процессе и в роли преподавателя. Перед ним встают уже новые задачи: не передавать знания, а научить их добывать, формировать самостоятельную учебную траекторию, не доверять любому источнику информации и слепо ее заучивать, а выбирать достоверные источники и проверять факты [Марус, 2017]. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости инновационного подхода к образованию [Савруцкая, 2014], в частности к роли и функциям преподавателя [Маркова, 2017]. В таких изменениях есть как положительные стороны [Марус, 2017], так и вызывающие сомнение. Например, возникает вопрос, насколько реально современному преподавателю высшей школы столь кардинально поменять стиль преподавания и из классического педагога превратиться в менеджера, консультанта, руководителя проекта? [Маркова, 2017] Здесь хочется отметить, что в образование, как социальный институт, должна быть заложена способность к опережающему развитию [Савруцкая, 2014], а значит, педагогические ВУЗы уже сейчас должны готовить преподавателей нового поколения.

Кроме изменений, вызванных процессами глобальной информатизации, которые в целом несут больше положительных инноваций в систему образования (для получения информации не существует преград, большие возможности для творческой и исследовательской деятельности), мы наблюдаем влияние монетизации на образовательную сферу. А это значит, что в ВУЗе начинают действовать законы, которые были написаны для экономической среды. Ученик и учитель становятся покупателем и поставщиком образовательных услуг соответственно. С точки зрения новой «экономической» роли учителя, основной задачей для него становится удовлетворение покупателя, то есть студент не должен быть расстроен или недоволен. Выполняя эти условия преподавателю приходится поступиться частью образовательных целей. ФЗ «Об образовании в российской федерации» определяет образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения [ФЗ от 29.12.2012 N273-ФЗ]. Но с экономическим подходом становится сложно говорить о воспитании, и процесс развития становится сложнее, поскольку оно связано с эпистемическими и дисциплинарными барьерами: новые знания можно усвоить, только совершая определенный, регулярный и дисциплинированный труд над собой.

Студент, в свою очередь, заплатив, становится покупателем. И здесь возникает большая неясность, что же именно покупает студент, заплатив за учебу: отметки, знания, «корочки»? [Крокинская, Трапицын, 2015, с. 68] Появляется название «образовательные услуги», которое, к сожалению, не вносит ясности. Обучающийся, который заплатил деньги, считает, что уже сделал все, что от него зависело и теперь хочет именно «получить услугу». Возникает ощущение, что достаточно прийти на лекцию, чтобы достигнуть цели обучения. А когда этого не получается, виноватым оказывается преподаватель, который, по мнению студента, образовательную услугу предоставил некачественно.

Таким образом получается парадокс, вызываемый влиянием экономических законов на образование: товарно-денежные взаимоотношения подразумевают, что покупатель в состоянии оценить товар (услугу), который он собирается купить (чтобы соотнести цену и качество, например), но человек, который не получил образование, не в состоянии определить истинную ценность этого образования (и уж тем более эффективность педагогических методов преподавателя).

Данного парадокса возможно избежать, если из ученика-покупателя сделать потребителя, то есть человека, имеющего потребность в результатах образовательной услуги и потому проявляющего активность в удовлетворении этой потребности [Крокинская, Трапицын, 2015]. То есть мы получим студента, заинтересованного в самом процессе образования, замотивированного получить от преподавателя максимум возможной пользы, за которую он заплатил.

Существует мнение, что оценочную позицию студентов можно считать достаточно адекватной и учитывать ее при оценке результатов образования [Крокинская, Трапицын, 2015]. По крайней мере, Болонское соглашение содержит требования по вовлечению студентов в оценку образовательных услуг [Ерофеева, 2014]. Вопрос оценки эффективности работы высших учебных заведений очень актуален в наше время, поскольку с точки зрения экономики необходимо оценивать эффективность и выгоду производимой деятельности. Таким образом, мы наблюдаем внедрение различных рейтинговых систем, как для преподавателей, так и для студентов. Что, в свою очередь, приводит к потере некоторых необходимых составляющих образования. Очевидно, что невозможно оценить в баллах воспитательный вклад учителя в процесс образования. С помощью рейтинговых систем оцениваются численные показатели, такие как количество статей, активность участия в общественных мероприятиях, оценки успеваемости. Соответственно, если за рейтинг введено поощрение, и учитель и ученик стараются занять наивысшее положение в рейтинге любой ценой. Стимулирование такого поведения лишает образовательный процесс такой составляющей как воспитание.

Итак, рассматривая проникновение экономических правил и законов в образовательный процесс, мы наблюдаем появление товарно-денежных отношений и, как следствие, замену социальных ролей ученика и учителя на покупателя и поставщика. С точки зрения достижения образовательных целей (изменение человеческого и профессионального капитала студента) эти новые роли тоже могут выполнять свои функции, при условии осознания и соблюдения новых правил. Студент должен понимать, что получение образовательной услуги – это обмен деятельностью и усилиями обучающей и учебной сторон [Крокинская, Трапицын, 2015]. В таком случае он будет осознанно производить деятельность для формирования своего капитала.

В заключение хотелось бы отметить, что такое кардинальное изменение устоявшихся социальных ро-

лей может привести к перекосу восприятия картины мира в целом. Сам процесс образования несет в себе глубокую воспитательную функцию, он призван закладывать в человека еще и нравственные устои, как раз в период формирования зрелой личности. А когда процесс построен в форме товарно-денежных отношений, у обучающихся вырабатывается паттерн, что такие отношения – норма, происходит «подмена ценности человека его полезностью» [Савруцкая, 2014, с. 101]. А когда люди начинают так же воспринимать и другие сферы жизни (семью, друзей) теряется одна из важнейших потребностей жизненного мира человека – духовность.

Литература

1. Ерофеева, 2014 – *Ерофеева О.В.* Качество высшего образования: роль студенчества в процессе улучшения образовательного процесса в вузе // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. №. 2-2. С. 49-52.
2. Крокинская, Трапицын, 2015 – *Крокинская О.К., Трапицын С.Ю.* Студент как «потребитель образования»: содержание категории // Высшее образование в России. 2015. №. 6. С. 65-74
3. Маркова, 2017 – *Маркова Т.Л.* Трансформация профессиональной деятельности преподавателя в современном вузе // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. 2017. Т. 1. №. 3. С. 228-232.
4. Марус, 2017 – *Марус Ю.В.* Изменение роли преподавателя вуза в современных условиях // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2017. №. 2 (9). С. 28
5. Савруцкая, 2014 – *Савруцкая Е.П. и др*. Образование. Культура. Язык: монография / Нижний Новгород. СПб.: Издательство РХГА. 2014. 232 с.
6. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00083
УДК 316.3

КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

Ирина Викторовна Ситникова
Аспирант, ассистент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Автором обозначены проблемы и противоречия реализации реформы российского образования в современных социальных условиях. Проблема правильного профессионального самоопределения и выбора профессии актуальна в настоящее время в связи с изменением социально-экономической ситуации в стране и изменениями на рынке труда. Анализируются некоторые проблемы профессионального самоопределения российской молодежи в социальном контексте современности. Рассматриваются мотивы профессионального выбора молодежи, проблемы профессиональной адаптации молодежи в современных социально-экономических условиях. Из-за сложностей трудоустройства по специальности, связанных с требованием опыта работа, низкой оплатой труда, малым количеством вакансий на рынке труда, выпускники вузов вынуждены искать альтернативные варианты трудоустройства, в результате чего они теряют полученные в ходе обучения в вузе профессиональные навыки.

Современные социальные реалии предполагают получение человеком непрерывного образования в течение всей жизни. Сегодня складывается ситуация, когда после получения профессионального образования молодые люди не находят работу и продолжают свое образование, порой совершенно в другом направлении. Показано, что современная молодежь в изменяющихся социально-экономических условиях все больше направлена на индивидуальный успех; экономическая заинтересованность превалирует над аспектами личностной или профессиональной самореализации.

Ключевые слова: высшее образование, реформа образования, мотивы получения высшего образования, молодежь, студенты, профессиональный выбор, профессия, трудоустройство.

THE CONCEPT OF RUSSIAN EDUCATION REFORM AND SOCIAL REALITIES

Irina Viktorovna Sitnikova
Postgraduate Student, Assistant
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The author highlights problems and contradictions of implementing reforms into Russian education in modern social conditions. Changing socio-economic situation in the country and changes in the labor market draw our attention to the problem of proper professional self-determination and professional choice. The paper analyses problems of professional self-determination of Russian youth in the modern social context. Motives of young people's professional choice, their problems of professional adaptation to modern socio-economic conditions are considered. Due to difficulties connected with finding a relevant job which is explained by having to have enough work experience, low pay, a small number of vacancies in the labor market, university graduates are forced to look for alternative employment options, which results in their losing their professional skills.

Modern social realities imply that a person should receive lifelong education. Today young people do not find work straight after receiving vocational education and have to continue their education, sometimes choosing a completely different direction. It is shown that modern youth in changing socio-economic conditions are increasingly focused on individual success; economic interest prevails over personal or professional self-realization.

Keywords: higher education, education reform, motives for higher education, youth, students, professional choice, profession, employment.

В условиях социально-экономических преобразований радикальную перестройку переживает российское образование, в том числе и высшая школа. Современные социальные реалии для конкуренции с системами образования передовых стран требуют трансформации всей системы образования России [Современное российское образование: проблемы и перспективы развития/Под ред. В.В. Фурсовой, О.В. Горбачевой, 2012, с. 5]. Концепция модернизации российского образования определяет такие цели высшего образования, как необходимость подготовки компетентного, квалифицированного работника, конкурентоспособного на рынке труда, который свободно владеет своей профессией и ориентируется в смежных отраслях, готовый к профессиональному росту и социальной мобильности, при получении профессионального образования удовлетворяющий свои потребности личности [Абрамова Е.Г., Борщ В.В., 2010, с 88.].

Проведенный анализ публикаций о реформировании российского образования показал, что при наличии единых требований при подготовке магистров и бакалавров, мы не имеем того качества подготовки специалистов, которыми гордятся зарубежные страны. Работодатели крупных предприятий отмечают недостаток знаний у выпускников вузов, а основной проблемой высшего профессионального образования считают оторванность знаний от практики. Также они отмечают, что российская система образования сегодня готовит специалистов для уходящей экономики, не ориентируясь на современный рынок труда. Для современного российского высшего профессионального образования сегодня характерно, что в результате снижения поддержки государства происходит переориентация института образования на потребности молодежи, из-за чего увеличивается разрыв между образованием и рынком труда [Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий, 2011, с. 102].

Основной задачей высшего образования авторы исследований называют формирование специалистов с определенными профессиональными знаниями и навыками, способными применять их в новых условиях рыночной экономики [Сокольникова Э.И., 2010, с. 88.]. Социологи фиксируют, что российское образование не соответствует современному рынку труда и отстает от динамики общественного развития. Также авторы отмечают невозможность реализации труда молодежи, в том числе и по причине перенасыщения рынка труда модными специалистами (юристы, экономисты). Проблема несоответствия заработной платы уровню образования молодежи является одной из главных причин ухода молодых специалистов в далекую от их специальности сферу труда.

Профессия для человека всегда являлась важнейшей составляющей жизненной стратегии. Профессиональная деятельность является гарантом стабильности в обществе. Профессиональное образование способно помочь молодому человеку успешно самореализоваться, войти в трудовую жизнь.

Ценность образования для многих молодых людей определяется и установками в обществе о необходимости получения диплома о высшем образовании. Зачастую у старшеклассников существует пассивное отношение к выбору своей профессии: так принято, для трудоустройства нужны «корочки», этого хотят родители. В некоторых исследованиях отмечается, что старшеклассники уверены, что при трудоустройстве важен престиж самого университета, диплом которого они собираются получить. По мнению молодых людей, работодатель обращает внимание на диплом и оконченный вуз, и это играет не последнюю роль в конкурсе на определенную должность.

Среди основных мотивов получения высшего образования называется желание молодежи получить хорошо оплачиваемую работу, которая должна приносить высокий доход. Можно отметить, что любимая работа по интересу и склонностям не всегда соответствует работе с достойным вознаграждением за труд. Молодые люди хотят выстроить свои образовательные стратегии таким образом, чтобы хорошее образование гарантировало бы им успешную карьеру с хорошим доходом. Современная молодежь в изменяющихся социально-экономических условиях все больше направлена на индивидуальный успех; экономическая заинтересованность превалирует над аспектами личностной или профессиональной самореализации [Рябоконь М.В., Ситникова И.В., 2016, с. 93]. Однако социологи говорят, что моральные и семейные ценности также важны для старшеклассников. Для сегодняшней молодежи ориентация на счастливую семью и воспи-

тание детей имеет важное значение. Для этого многим из них и необходима хорошо оплачиваемая интересная работа, которая будет приносить высокий доход [Попова Е.С., 2015, с. 424.].

Наиболее важной проблемой российского высшего образования сегодня является проблема трудоустройства выпускников. Из-за сложностей трудоустройства по специальности, связанных с требованием опыта работа, низкой оплатой труда, малым количеством вакансий на рынке труда, выпускники вузов вынуждены искать альтернативные варианты трудоустройства, в результате чего они теряют полученные в ходе обучения в вузе профессиональные навыки. Фактор завышенных ожиданий по заработной плате затрудняет трудоустройство по специальности и снижает мотивацию к профессиональной деятельности.

По мнению работодателей, современные выпускники обладают завышенной самооценкой, прагматическими жизненными ориентациями, высокой мобильностью, а также отсутствием универсализма в профессии. Кроме того, работодатели все чаще недовольны качеством высшего образования. Ценностные ориентации отражают установки молодежи по отношению к труду и занятости. Для современного российского рынка труда существует потребность в специалистах, обладающих навыками коммуникации, быстрого обучения, способностью к решению нестандартных задач, способностью к принятию на себя ответственности. Эти личностные и деловые качества делают выпускника вуза конкурентоспособным на рынке труда [Ярина Е.В., 2014, электронный научный журнал].

Одним из основных условий трудоустройства является опыт работы. Социологи фиксируют наличие замкнутого круга, когда выпускника вуза не берут на работу без опыта, и в то же время для того, чтобы этот опыт появился, нужно устроиться на работу. Работодатели ищут наиболее эффективных и компетентных работников, и у человека с опытом за плечами больше шансов успешно войти в курс дела. Выпускники считают, что работодатели должны давать им шанс. Требуя опыт работы, они не дают молодым людям себя показать, и поэтому работодатели сами не смогут понять, какой работник им на самом деле нужен.

Для получения опыта, обретения профессиональных навыков многие студенты совмещают учебу и работу. Следует отметить, что работающие студенты чаще всего выполняют малоквалифицированную работу за небольшую зарплату. Причем эта работа обычно далека от их специальности и не способствует их профессиональному росту. Совмещая работу и учебу, студенты учатся добиваться целей, налаживать взаимоотношения с руководством и коллективом, учатся планировать свое время. Работа во время обучения позволяет молодым людям окунуться в рабочую среду предприятия. Авторы многочисленных исследований утверждают, что если студенты работают по получаемой профессии, они апробируют на практике приобретенные в вузе знания, в результате чего они лучше понимают производственный процесс. Выяснилось также, что ориентированный на свою профессию студент не только перспективный специалист, но и человек с четко сформированными жизненными планами. Однако нередко такое совмещение проходит по специальности, далекой от той, по которой они получают диплом. Эта новая сфера деятельности у студентов нередко становится для них вновь приобретенной профессией. Социологи наблюдают изменение образовательных планов у таких студентов – большинство из них собираются получать второе высшее образование по специальности, по которой сейчас работают. Таким образом, в результате занятости во время обучения студенты находят постоянную работу, и это способствует их профессиональному самоопределению.

Современные социальные реалии предполагают получение человеком непрерывного образования в течение всей жизни. Сегодня складывается ситуация, когда после получения профессионального образования молодые люди не находят работу и продолжают свое образование, порой совершенно в другом направлении. «Этапы обучения и трудовой деятельности теперь стали попеременно сменять друг друга или протекать параллельно. Молодежь, получая образование, не выходит на рынок труда "окончательно и навсегда", а периодически возвращается к образовательной деятельности» [Чередниченко Г.А., 2009, с. 120].

Литература

1. Абрамова Е.Г., Борщ В.В., 2010 – *Абрамова Е.Г., Борщ В.В.* Показатели востребованности выпускников на рынке труда // Высшее образование в России. № 11. 2010. С. 88-93.
2. Попова Е.С., 2015 – *Попова Е.С.* Мотивация и выбор в образовательных стратегиях молодёжи // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2015. С. 421-438.
3. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий // Информационно-аналитический отчет. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 167 с.
4. Рябоконь М.В., Ситникова И.В. – *Рябоконь М.В., Ситникова И.В.* Динамика жизненных ценностей студенческой молодежи на рубеже веков / Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Выпуск 16) / Под общей ред. проф. А.А. Иудина – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – С.88-98.
5. Современное российское образование: проблемы и перспективы развития / Под ред. В.В. Фурсовой, О.В. Горбачевой. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2012. 257 с.
6. Сокольникова Э.И., 2010 – *Сокольникова Э.И.* Некоторые проблемы развития современного вуза // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2010. №1. С. 85-94.

7. Чередниченко Г.А., 2009 – *Чередниченко Г.А.* Новое в образовании и профессиональной деятельности молодежи // Социологические исследования. 2009. №7. С. 119-125.
8. Ярина Е.В., 2014 – *Ярина Е.В.* Динамика ценностных ориентаций профессионального самоопределения студенческой молодежи (социологический аспект) //Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. №5(37). 2014. URL: www.sisp.nkras.ru.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00084
УДК 167

РЕВОЛЮЦИЯ, ЖЕНЩИНЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Amina Ali Mire
PhD Sociology, Professor
Carleton University, Department of Sociology and Anthropology

В данной краткой работе автором были подвергнуты анализу некоторые глубинные исторические корни и современные ограничения, которые способствуют хронической недопредставленности женщин в науке, технике и смежных областях (STEM-области) на Западе; автор объясняет почему аналогичные тенденции не наблюдались в социалистических странах, таких как бывшие республики Советского Союза. Исследователи соотнесли хроническую недопредставленность женщин в STEM-области с «Протекающим трубопроводом». В качестве аналитического инструмента «дырявый трубопровод» стремится охватить связь низкого уровня зачисления и более высоких показателей отсева среди женщин в STEM-области на Западе. Следует признать ложными обычно используемые на Западе теории биологического детерминизма для объяснения феномена «протекающего трубопровода». Имеющиеся открытые данные по проблеме STEM-области и гендеру не показывают никакой корреляции между гендером и успешностью в STEM-области. Несмотря на отсутствие достоверных доказательств, подтверждающих связь между полом и успехом в области STEM, на Западе, в целом, доминирующий подход к исследованию «протекающего трубопровода» был сосредоточен на развенчании или укреплении предполагаемой связи между биологическим детерминизмом и STEM-областью.

Ключевые слова: революция, женщина, технологическая современность, биологический детерминизм, «протекающий трубопровод».

REVOLUTION, WOMEN AND TECHNOLOGICAL MODERNITY

Amina Ali Mire
PhD Sociology, Professor
Carleton University, Department of Sociology and Anthropology

In this brief intervention I outline some of the deeper historical roots and contemporary constraints which contribute to the chronic underrepresentation of women in science, technology and related STEM fields in West and why similar trends did not exist in socialist countries such as the former Soviet Union Republics. Researchers have termed this chronic underrepresentation of women in the STEM fields as the Leaky Pipeline. As an analytic tool, the Leaky Pipeline seeks to capture the combination of low-level enrolments and higher rates of drop outs amongst women in the STEM fields of study and practice in the West. In the West spurious theories such as biological determinism are used as the cause of the leaky pipeline. However, widely available data in STEM and Gender show no correlation between gender and rate of success in the STEM fields. Despite lack of credible evidence to back up ay association between gender and success in the STEM fields, in West, by and large, the dominant approach to the investigation of the Leaky pipeline focused on debunking, or reinforcing, supposed link between biological determinism and STEM.

Keywords: Revolution, Women, Technological Modernity, Biological Determinism, Leaky Pipeline.

According biological determinism, sex and gender difference shape one's psychological behaviour, brain structure and cognitive abilities [Ingalhalikar et al, 2014; Rippon, 2016]. Biological determinism claims that there is a causal link between the structure of the brain, the sex of the individual and one's ability in mastering abstract and complex concepts such as three dimensional geometry. It claims that, on average, man's brain is highly lateralized and conducive to mathematical thinking whereas average woman's brain is highly diffuse and symmetrical, which makes woman's brain more conducive to studying languages and memorization [Ingalhalikar et al, 2014]. Critics of this approach have convincingly revealed how evolutionary biological and neurosciences promulgate false ideology

that innate biological differences between the brain structure of man and woman account for the reasons men dominate the STEM fields in the West [Holt; 2016; Merritt,2017; Rippon, 2016]. Challenging evolutionary biological sexism in STEM is critically important because if men have greater advantage in spatial/visualization cognitive capabilities, there should have been universally similar patterns of low enrollments and higher rates dropping out of women in the STEM fields. However, no such data exists. For example, in Russia, women make up 43% of all researchers and professionals in the STEM fields [Tass, 2018].

However, despite strong critiques against biological determinism, the Leaky Pipeline still remains as a sociological puzzle in the West. One of the ways to unlock this puzzle is to closely examine the lasting effects of Western philosophical foundation. The Western philosophical foundations did not start with abstract universal propositions but with crude apriori presupposition of biological difference between man and woman as the necessary condition of "rationally" ordered social organization in capitalist societies [Keller, 1985, p. 45]. As a result, in the West, by the middle of the nineteenth century, women were systematically removed from the skilled crafts and small trades they once dominated [Lown, 1990; Keller, 1985]. Secondly, women's role in society had been redefined and reduced to the private sphere of domesticity. Third, new philosophical and medical discourses were developed to back up the claim that women were incapable of coping with the stresses and strains of 'technological modernity' [Henning, 1999, p.17; Kelly, 1985, p.53]. Thus, gendered division of labour in the Western society has its roots in biological determinism which shaped Western capitalist social, political and economic organizational structures. It also shaped capitalist patterns of education and pedagogical practices. Today, western political leaders, corporate executive, and educators are asking how to entice and retain women in the STEM fields [Thomson, 2018; Thon, 2016]. It is in this historical context that the contemporary phenomenon of the Leaky Pipeline in the STEM field among women should be traced back to the nineteenth century European age of Industrial Revolution which excluded women from participating in the public domain and in the paid workforce.

Revolutionary Changes and the Inclusion of Women in the 20th Century

In the modern era, mass inclusion of women in public life and access to advanced education in engineering and medicine started after the 1917 Bolshevik Revolution [Eveleth, 2013]. The 1917 Bolshevik Revolution created drastic social changes in many areas, one of which was the cancellation of gender based segregated education which gave millions of women and girls access education and practices in science, technology and medicine. Inclusion of women in this revolutionary change was possible because Bolshevik Revolution was a class-based revolution of the people that sought to overturn rule of the ruling elite. The 1929 Soviet technophilic film, Man with Movie Camera, showed a visual representation of the socialist belief that technological revolution was an instrument which can be deployed in the service of achieving working-class power. In this context, the communists thought that inclusive access to science and technological education was the necessary means through which women could be incorporated into the working-class labour force under communism. As a result, the Soviet Union encouraged girls and women to enter in all fields in public life including education in science, mathematics, physics, engineering. Consequently, in the twentieth century, the Soviet education system produced millions of female scientists and engineers [Eveleth, 2013; Robert, 2010].

1957: "The Sputnik Moment" of the Cold War

1957 was critically important year because it was the year the Soviet Union launched the first unmanned satellite, Sputnik 1, to space. Between 1957-1964, Soviet technological breakthrough in space enabled the first Soviet dogs, the first Soviet man and the first woman to go to space. However, more than any other category in this list, it was the first Soviet woman in space, a "Russian Blonde in Space," which profoundly challenged the very foundation of U.S. capitalist propaganda against technologically superior but 'graceless' and 'mannish' proletariat Soviet womanhood [Griswold, 2012]. As a result, Valentina Tereshekova "became a focal point for those in the United States calling to expand female opportunities outside the home" [Griswold, 2012, p. 2]. However, as we approach the end of the second decade of the twentieth first century, women in the West are still waiting for their successful entry to male dominated STEM fields. It is important to stress that the only time in the modern era when women made successful entry to science and technological fields, including engineering, was during the Soviet Union. The Soviet approach to the question of women's empowerment was part of the overall class struggle.

On other hand, despite strong feminist pressure, women in the West are still waiting for their inclusion in technological modernity under capitalism. Sadly, there are strong evidence that the post-Soviet Russia and ex-Soviet Republics are also showing signs of women steadily leaking out from the STEM field [Robert, 2010]. Limitation of space does not allow me to further explicate the capitalist roots of the Leaky Pipeline. However, suffice to say that femininity and the female sex are not the causes of the leaky pipeline. In fact, embracing femininity can be one of the best ways to overcome the leaky pipeline. This is because femininity is still considered the cause of female "vulnerability" to the stresses of technological modernity and this false belief is the leading cause of the leaky pipeline in the STEM fields in the West.

Литература

1. Eveleth, R. (2013). Soviet Russia Had a Better Record of Training Women in STEM Than America Does Today. The Smithsonian Institution. Retried from http://blogs.smithsonianmag.com/smartnews/2013/12/soviet-russia-had-a-better-record-of-training-women-in-stem-than-america-does-today/
2. Griswold, L. R. (2012). "Russian Blonde in Space»: Soviet Women in the American Imagination, 1950-1965.

Journal of Social History, 45(4), 881-907.
3. Henning, M. (1999). ‘Don’t touch me (I’m electric)’: On gender and sensation in modernity. In J. Arthurs and J. Grimshaw (Eds.), Women’s Bodies: Discipline and Transgression (pp. 17–47). London: Cassell.
4. Hewlett, S. A., Luce, C.B., Servon, L.J., Shiller, P., Sherbin, L., Eytan Sosnovich, E. & Sumberg, K. (2008). The Athena Factor: Reversing the Brain Drain in Science, Engineering, and Technology. Harvard Business Review. Retrieved from https://hbr.org/product/the-athena-factor-reversing-the-brain-drain-in-science-engineering-and-technology/10094-PDF-ENG.
5. Holt, N. (2016). How Sexism Held Back Space Exploration: America’s early aerospace engineers ignored computers because they considered programming to be women's work. The Atlantic Magazine (June). Retrieved from http://www.theatlantic.com/science/archive/2016/06/how-sexism-held-back-space-exploration/486644/?utm_source=atlfb.
6. Ingalhalikara, M, et al. (2013). Sex differences in the structural connectome of the human brain. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States (PNAS). Retrieved from http://www.pnas.org/content/early/2013/11/27/1316909110.abstract.
7. Keller. F. E. (1985). Reflections on Gender and Science. New Haven and London: Yale University Press.
8. Lown, J. (1990). Women and Industrialization: Gender and Work in Nineteenth-Century England. Oxford: Polity Press.
9. Merritt, T. (2017). Sex matters: Male bias in the lab is bad science. The Conversion (July 31). Retrieved from https://theconversation.com/sex-matters-male-bias-in-the-lab-is-bad-science-80715
10. Rippon, G. (2016). How ‘neurosexism’ is holding back gender equality – and science itself. The Conversion (October,27). Retrieved from https://theconversation.com/how-neurosexism-is-holding-back-gender-equality-and-science-itself-67597
11. Robert, R. (2010). Why Aren't There More Women Engineers? Paris Innovation Review (September,).Retrieved from http://parisinnovationreview.com/articles-en/why-arent-there-more-women-engineers
12. Tass: Russian News Agency (2018). Women make up 43% of researchers in Russia vs 29% worldwide. Retrieved from http://tass.com/science/1022487?_ga=2.144810612.1501945004.1537459677-1978479920.1537459677
13. Thomson, R. (2018). How we can turn the tide for women in science. The Conversion (October 9). Retrieved from https://theconversation.com/how-we-can-turn-the-tide-for-women-in-science-104477
14. Thon, J. (2012). The good, the bad and the ugly of gender bias in academic science. UA/AU (University Affairs). Retrieved from http://www.universityaffairs.ca/the-black-hole/the-good-the-bad-and-the-ugly-of-gender-bias-in-academic-science/
15. Vertov, D. (1929). A Man With A Movie Camera. Rvision. Retried from https://www.youtube.com/watch?v=cGYZ5847FiI.
16. Zarya, V. (2016). The Reason So Many Women Leave Engineering Has Nothing to Do With Kids. Fortune Magazine (August, 24). Retrieved from http://fortune.com/2016/08/24/women-leave-engineering/?xid=for_fb_sh.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00085
УДК 371(47)

КОГДА НАЧАЛАСЬ КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ? ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Андрей Леонидович Андреев
Доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии
Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова
Научно-исследовательский университет «МЭИ»

Статья посвящена вопросу об истоках культурной революции в России. В противоположность широко распространенной точке зрения, согласно которой культурная революция была продолжением Октябрьской революции и прихода к власти большевиков, автор доказывает, что истоки культурной революции надо искать в 1880-е годы, когда в широких слоях населения, в том числе крестьянства, стали формироваться и проявляться новые образовательные и культурные запросы. Автор рассматривает социальные последствия данного процесса и его влияние на общество. В итоге последовавших за отменой крепостного права четырех – пяти десятилетий модернизации, которая для разных социально-демографических групп шла с разными скоростями, относительно простая социальная структура дореформенного российского общества значительно усложнилась. При этом социальные различия становились не только многообразнее – они еще и приобретали некую специфическую многомерность, а противоречия между социальными группами и слоями обострялись. В этом контексте рассматривается политика российского императорского правительства в

сфере образования, в том числе подходы к ликвидации неграмотности и образовательные реформы последних лет царствовании Николая II.

Ключевые слова: культурная революция, культурный запрос, чтение, социальная структура, образование, образовательные реформы, неграмотность.

WHEN CULTURAL REVOLUTION BEGIN? EDUCATION AND SOCIETY IN THE LAST DECADES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Andrey Leonidovich Andreev
DSc in Philosophy, Head of department history and philosophy
Russian State University of Cinematography n.a. S.Gerasimov
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

The article is devoted to the question of the origins of the cultural revolution in Russia. In contrast to the widespread view that the cultural revolution was a continuation of the October revolution and the coming to power of the Bolsheviks, the author argues that the origins of the cultural revolution should be sought in the 1880s, when wide sections of the population, including the peasantry, began to form and manifest new educational and cultural requests. The author considers the social consequences of this process and its impact on society. As a result, following the abolition of serfdom of four to five decades of modernization, which for different socio-demographic groups went at different speeds, the relatively simple social structure of pre-reform Russian society became much more complicated. At the same time, social differences became not only more diverse - they also acquired some specific multidimensionality, and the contradictions between social groups and strata were exacerbated. In this context, the policy of the Russian imperial government in the field of education, including approaches to the elimination of illiteracy and educational reforms of the last years of the reign of Nicholas II, is considered.

Keywords: cultural revolution, cultural inquiry, reading. social structure, education, educational reforms, illiteracy.

К концу XIX века Россия достаточно далеко продвинулась по пути развития сферы образования и науки. По абсолютным количественным показателям (количество учебных заведений разного уровня, численность учащихся и студентов), а также по качеству обучения российская система образования в своем основном ядре приближалась к тому, что имели в то время ведущие европейские страны. Однако, поскольку ее население в то время было уже многократно большим, чем в Великобритании, Франции, Германии или Австро-Венгрии, при переходе от абсолютных показателей к относительным картина достаточно резко меняется в худшую сторону, обнаруживая значительное отставание России от других европейских стран.

В середине 1880-х гг. в России начинаются чрезвычайно значимый социокультурный перелом. Обе ветви интеллигентского сознания – либеральная и революционная – на удивление единодушны в том, что последовавшие за гибелью Александра II «контрреформы» были для российского образования «плохим временем». В ту же самую эпоху в сознании и социальном поведении многомиллионных масс, казавшихся «чистой публике» совершенно косными и способными думать только о насущном куске хлеба [Чичерин, 1998, с. 576.], при внимательном и пристальном их изучении обнаруживаются совсем иные настроения и тенденции. В широких народных слоях начинает коренным образом меняться ориентация по отношению к знаниям, школе, учению. Именно тогда впервые в российской истории в социальных низах (или, если угодно, в народных массах) вызревает собственный, активно ими продвигаемый и реализуемый образовательный запрос.

В жизни деревни, фабричной заставы, волостного центра появляется такое совершенно небывалое и даже неслыханное ранее явление, как библиотеки, создаваемые самими местными жителями, в том числе – крестьянами, совершенно независимо от усилий правительства, земств или просветителей из «образованного общества». Чаще всего их основой становятся собрания местных книгочеев, которые обычно сами же выступали и в роли библиотекарей [Рубакин, 1895, с.167, 192]. До середины 90-х годов на всю Россию приходилось в общей сложности всего 40-50 «официальных» бесплатных библиотек и читален. А в 1900-е годы народные библиотеки, в том числе сельские, уже насчитывались тысячами, и некоторые губернские земства приступили к проектированию целых библиотечных сетей [Чехов, 1912, с. 135.].

Конечно, процессы эти шли не гладко. Сплошь и рядом им чинились разного рода бюрократические препятствия, нередко приходилось сталкиваться и с подозрительностью полиции. Однако никакой политики последовательного и принципиального противодействия библиотечному движению не было. Участие в нем, а нередко и покровительство ему со стороны администрации среднего звена было столь же массовым и повседневным явлением, как и изнурительное преодоление бюрократических рогаток и заслонов.

Увлечение чтением как средством расширения кругозора сформировало в деревне и рабочей слободке своеобразный тип «низовой образованности». Носители и представители этой образованности – это те же крестьяне или мастеровые, но выделяющиеся на общем фоне последних не только общей интеллектуальной развитостью и информированностью, но и особой рассудительностью, весьма высоко ценимой в крестьян-

ской и рабочей среде. По выражению исследовавшего социальную роль этих людей Н.И. Рубакина, большинство из них становилось как бы «маленькими центрами просвещения», инициируя дальнейшее распространение интереса к книге и знаниям.

Одной из характерных примет русской жизни последних двух десятилетий XIX века является сверхинтенсивная «образовательная активизация» народной среды. Широкое распространение школ грамоты на основе собственной инициативы местных крестьянских обществ началось фактически сразу же после отмены крепостного права. Но с середины 80-х годов этот процесс приобретает такую динамику, которая, позволяет говорить о революционном характере происходящих социокультурных процессов. Если в 1884-1885 гг. в стране было 840 официально зарегистрированных школ грамоты, то в 1888-89 гг. по официальной статистике их насчитывалось уже 9215 (т.е. общее их число за какие-то 4-5 лет увеличилось в 11 раз). При этом произошло значительное и к тому же достаточно резкое ускорение темпов роста уровня образования населения. Если ежегодный прирост среднего числа лет обучения одного человека старше 9 лет в конце 50-х годов XIX века установился на уровне 0,007-0,008 и не менялся в течение по крайней мере трех десятилетий, то приблизительно с 1887 г. данный показатель начинает расти примерно в 2 раза быстрее – со скоростью 0,15 – 0,16 в год [Миронов, 1994, с.124]. Характерное еще для недавнего прошлого недоверие к «господской» учености постепенно рассеивается, уступая место растущему стремлению обеспечить детям возможность получить образование выше простой грамотности.

Возрастающими темпами осуществлялась ликвидация неграмотности. Немалую роль в этом играло как-то ускользающее от внимания исследователей обстоятельство, что по данному вопросу в обществе к концу XIX века по сути дела сформировался широкий консенсус. Правительственные инстанции, церковь, земства и «общественность» существенно расходились в вопросах организации образования. Однако с тем, что по крайней мере начальное образование с необходимостью должно охватить подавляющее большинство населения, в принципе были согласны все стороны, что, при условии баланса интересов, открывало перспективу реального делового сотрудничества между ними. Одновременно были намечены меры по расширению подготовки специалистов высшей квалификации. В царствование Николая II следует настоящий каскад решений и мер, направленных на создание системы современных учебных заведений технического профиля и резкое увеличение выпуска инженерных кадров. Российское инженерное сообщество выдвинуло из своей среды ряд собственных крупных теоретиков, организаторов и знатоков специфики технического образования. Под их влиянием складывается своеобразный российский «стиль» технического образования, наиболее характерной чертой которого был упор на особую фундаментальность теоретической подготовки. Именно в России впервые в истории инженерного образования в программу подготовки были включены высоко математизированные предметы – теория упругости и теория колебаний.

В просветительской деятельности таких организаций, как Русское музыкальное или Русское техническое общества, которые были способны создавать и поддерживать собственные учебные заведения, можно усмотреть не только примеры общественной активности как таковой, но и прообразы общественно-государственной модели управления развитием образования. Той самой, которая в последнее время усиленно декларировалась как некая демократическая новация, но которая и спустя более, чем сто лет, после описываемой нами эпохи, представляется каким-то все еще недостижимым в реальной жизни идеалом.

Еще в 1906 г. под руководством тогдашнего министра народного просвещения гр. И.И. Толстого был разработан и представлен в Думу сообразованный с предложениями земств план перехода к всеобщему обучению, реализация которого была рассчитана на 10 лет. В ходе его было выдвинуто предложение не рассматривать расходы на введение всеобщего образования в рамках обычного ежегодного обсуждения бюджета, а зафиксировать в законе необычный для финансовой практики принцип систематического наращивания кредитов на эти цели на 10 млн. руб. ежегодно (начиная с 1912 г.). Это позволило бы к концу 1920-х годов создать в стране устойчивую материальную базу для ликвидации неграмотности. В 1914 г. общие расходы государства, земства и городов на образование достигли примерно 300 млн. руб., - это, по оценкам некоторых историков, примерно в 2,3 раза больше, чем во Франции и в 1,5 раза больше, чем в Англии [Ольденбург, 1992, с. 115]. К этому времени в кругах имперской бюрократии возникли проекты нового «прорыва» в образовании, который должен был в ближайшей перспективе снять проблему дефицита обученных кадров на всех уровнях общеобразовательной и профессиональной подготовки. Ключевой фигурой этой «новой волны» в российском образовании стал министр народного просвещения П.Н. Игнатьев.

В итоге последовавших за отменой крепостного права четырех – пяти десятилетий модернизации, которая для разных социально-демографических групп шла с разными скоростями, относительно простая социальная структура дореформенного российского общества значительно усложнилась. Социум превратился в своего рода «слоеный пирог». При этом социальные различия становились не только многообразнее – они еще и приобретали некую специфическую многомерность, поскольку фактором дифференциации становилось не только «объективное» положение, но и неравноценность «социальных проектов» различных групп и слоев населения, также шансов на их осуществление.

Литература

1. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. М.: Греко-латин. каб. Ю.А. Шичалина, 1997. 333 с.

2. Миронов, 1994 – *Миронов Б.Н.* Экономический рост и образование в России и СССР в XIX и XX веках // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 24-31.
3. Ольденбург, 1992 – *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II // М.: Феникс, 1992. Т.1, 2. 381 с.
4. Рубакин, 1895 – *Рубакин Н.И.* Этюды о русской читающей публике // СПб.: О.О. Попов, 1895. 246 с.
5. Чехов, 1912 – *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века // М.: «Польза», 1912. 321 с.
6. Чичерин, 1998 – *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 327-378.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00086
УДК 1.13:1.091:37.032

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В АКТУАЛИСТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ДЖОВАННИ ДЖЕНТИЛЕ

Дмитрий Сергеевич Моисеев
Кандидат философских наук
Российское философское общество

В данном докладе рассматривается один из частных аспектов теории образования итальянского философа-неогегельянца Джованни Джентиле (1875 - 1944), а именно – внимание, которое Джентиле уделял обязательному преподаванию философии в школах. В представлении итальянского мыслителя философия являлась особой (высшей) формой духовной активности, освоение которой необходимо для формирования свободной личности. Согласно концепции Джентиле, основанной на философии актуального идеализма, которая была реализована в период его пребывания на посту министра образования в кабинете Бенито Муссолини (1922 – 1924), в средней школе было введено обязательное изучение философии, которая заменила в школьной программе преподавание религии, введенное для младших классов. В чем именно Джентиле видел качественное отличие философии от иных форм познания? Почему, по его мнению, преподавание философии необходимо начинать в подростковом возрасте? Как он обосновывал свою точку зрения с позиций актуального идеализма?

Ключевые слова: Джованни Джентиле, философия, реформа, образование, школа, актуальный идеализм, неогегельянство.

THE ROLE OF PHILOSOPHY IN GIOVANNI GENTILE'S ACTUALIST THEORY OF EDUCATION

Dmitry Sergeyevich Moiseev
PhD in Philosophy
Russian Philosophical Society

The focus of this report lies on an aspect of Giovanni Gentile's (1875 - 1944) educational theory based on the philosophy of actual idealism – the attention paid to the teaching of philosophy in school. In the thought of Gentile philosophy is the highest form of spiritual activity and its study should be obligatory. According to Gentile's concept, based on his actual idealist philosophy and realized during his period in power (while he was the Minister of Public Education in Benito Mussolini's Fascist government in 1922 – 1924), the study of philosophy became obligatory in the middle school. In the middle school program philosophy took the place of the study of religion, which was obligatory in primary school. What was, according to Gentile, the qualitative difference of philosophy from other forms of knowledge? Why the study of philosophy should begin in the teen age? How was this concept based on the philosophical theory of actual idealism?

Keywords: Giovanni Gentile, philosophy, reform, education, school, actual idealism, Neo-Hegelianism.

Время от времени возникают дискуссии о целесообразности преподавания философии в школах. Сторонники и противники раннего ознакомления будущих граждан с ключевыми философскими проблемами используют самые разные аргументы. В этом контексте целесообразно вспомнить об опыте Италии 20-х годов XX века, в которой философия была введена в школьную программу – во многом благодаря тому, что пост министра образования в течение нескольких лет занимал крупный академический философ, неогегельянец Джованни Джентиле (1875 – 1944). В ходе своего недолгого пребывания на высокой должности Джен-

тиле реализовал реформу образования, которая за несколько лет до этого была теоретически обоснована им в одноименной философской работе («Реформа образования», 1920). Одним из значимых изменений реформы было введение преподавания основ философии в школе. Какая роль в неогегельянской системе Джентиле отводилась философии как таковой, и почему он счел необходимым сделать подобное изменение в образовательной программе итальянских школ?

Джованни Джентиле является автором собственного подвида неогегельянской философии, который был назван им актуальным идеализмом. Суть своей философии Джентиле изложил в работе «Общая теория духа как чистого акта» (1916): «Мы можем обобщить нашу доктрину как теорию, в соответствии с которой дух, духовная реальность, является актом, полагающим свой объект во множественности объектов, примиряющим их множественность и объективность в собственном единстве как субъект. Теорию, выводящую из духа каждый предел пространства и времени и каждое внешнее условие» [Gentile, 1987: 230].

В системе мысли Джентиле самой философии как феномену отводится важнейшая роль. В работе «Введение в философию» (1933) он указывает, что «философию можно было бы определить как усилие, совершаемое рефлексивной мыслью, дабы обрести критическую достоверность истин, являющихся достоянием здравого смысла, тех истин, которые каждый человек естественно ощущает и которые составляют прочную структуру ментальности, служащей опорой каждому, чтобы жить» [Gentile, 1952: 1]. Более того, по Джентиле, философия – это высшая и наиболее конкретная форма духовной активности, «которая может судить все прочие, и при этом неподсудна ничему» [Gentile, 1987: 204]. Наконец, философия по Джентиле – это единственный вид духовной активности, который имеет историю в подлинно идеалистическом смысле. Иными словами, несмотря на то, что факты философии принадлежат прошлому, когда мы думаем о них, они неизбежно превращаются в акты. Когда мы, изучая чью-либо философию, погружаемся в структуру аргументов, мы, нашими духовными усилиями, проживаем их заново вместе с теми, кем они были созданы.

В «Общей теории духа как чистого акта» Джентиле выводит фундаментальное различие между философией и религией. Согласно Джентиле, последняя отвергает какую-либо возможность актуальной субъектности. Субъект в религии не играет роли и не имеет ценности – он вытесняется бесконечным объектом. При этом дух, ареной действия которого является мировая история, не может быть полностью абстрагирован от собственной субъектности – он требует пространства для дальнейшего развития. Религиозное мировоззрение не предполагает развития – вместе с тем, если мы рассматриваем религиозный объект с точки зрения диалектического развития духа, то мы оказываемся в сфере философии. Более того, если мы рассматриваем историю религии рационально, мы обесцениваем таким образом её собственно религиозное содержание – и приходим к истории философии, которая и есть, по Джентиле, подлинно диалектической историей религии.

Сам процесс образования Джентиле также рассматривал с позиций актуального идеализма. Согласно итальянскому философу, учителя, работающие с детьми и находящие в них новые души, заинтересованные в познании мира, должны быть свободны от рутины. Учитель является подлинно учителем только в том случае, если его работа предстает чередой новых событий, новых способов представления ученикам вечного и универсального. Задачей образования по Джентиле является формирование и воспитание свободных людей, ибо «человек достоин называться человеком тогда, когда он владеет собой, способен на действия, за которые несет ответственность, усваивает и вырабатывает идеи, когда то, во что он верит, принимает и делает, действительно исходит от него» [Gentile, 1975: 30]. Работа учителя выполнена тогда и только тогда, когда ученик, получив от него необходимых объем знаний и навыков, начинает мыслить самостоятельно, оригинально. Только при таком подходе процесс образования приходит к единственно важному результату – к формированию молодых и свободных граждан, обладающих характером, волей и разумом.

Роль содержательного наполнения образования играет культура – с её помощью возможна передача от учителя ученику информации, жизненного опыта и норм поведения. Культура является сущностно динамичной – она переживает бесконечный процесс становления (divenire). Она является этическим процессом, в котором выражается активная жизнь духа. Чтобы образование не становилось абстрактной интеллектуальной тренировкой, учащийся должен иметь возможность извлечь из него живые смыслы и ценности, содержащиеся в культуре. Таким образом, весь педагогический процесс предстаёт для Джентиле философской проблемой, решить которую не в состоянии ничего, кроме философии. Согласно итальянскому философу, «образование, стремящееся к подлинному единству, являющемуся жизнью духа, всегда должно быть моральным, духовным, философским» [Gentile, 1975: 176].

На основании философии актуального идеализма Джентиле выводит собственную педагогическую концепцию, которую реализовывает вскоре после назначения на пост министра образования в 1922 году. Основные цели реформы можно сформулировать следующим образом: создание механизмов ускоренного формирования образованной элиты, адаптация населения к новой политической реальности, воплощение в жизнь принципа приоритетности гуманитарного образования, развитие государственных школ. Значимость именно гуманитарного компонента в педагогической работе в итальянских школах утверждается тем, что в младших классах вводится обязательное преподавание Закона Божьего, в средней школе – изучение философии. Данное решение Джентиле вызвало массу критики – в Италии, католической стране, слово священников имело большой вес, и они, разумеется, не поддержали философа, настаивая на том, что религию необходимо преподавать на протяжении всего обучения в школах. Философы, напротив, критиковали Джентиле за компромисс с религией, настаивая на отсутствии какой-либо необходимости преподавания последней в государственных школах. Джентиле отвечал своим оппонентам, что итальянские дети, родившиеся в

католической стране, должны понимать ту среду, в которой они растут, что невозможно без осознания основ религии. При этом в более позднем возрасте детей нужно подводить к более глубокому пониманию моральных истин, что возможно путем обучения философии – науке о духе [см. Burwood Evans, 1933: 215].

Таким образом, Джентиле, получив политическую власть, предпринял попытку последовательно реализовать собственную актуалистскую образовательную концепцию, которая была укоренена в его философии. Результаты, достигнутые в ходе реформы Джентиле, заметны и в современной системе образования в Италии – несмотря на «фашизацию» школы при Боттаи и прочих фашистских министрах, а также на социал-демократические реформы после 1945 года, философия и в наше время продолжается оставаться обязательным к изучению предметом в старшей школе (в лицее), закончить который необходимо для поступления в университет. Опыт Джентиле и его реформ может помочь и нам более широко взглянуть на вопросы образования – с философской точки зрения.

Литература

1. Gentile G. Teoria generale dello spirito como atto puro / Gentile G. Opere. III. Firenze: Casa Editrice Le Lettere, 1987.
2. Gentile G. Introduzione alla filosofia. Firenze: G. C. Sansoni, 1952.
3. Gentile, G. La riforma dell'educazione. Discorsi ai maestri di Trieste / Gentile G. Opere complete di Giovanni Gentile. Opere VII. Firenze: G. C. Sansoni, 1975.
4. Burdwood Evans, V. Education in the Philosophy of Giovanni Gentile // International Journal of Ethics. Vol. 43. No. 2 (Jan., 1933). P. 210-217.
5. De Santillana, G. The Idealism of Giovanni Gentile // Isis. Vol. 29. No. 2 (Nov., 1938). P. 366-376.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00087
УДК 371:37.01

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ЦЕННОСТНООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ А.С. МАКАРЕНКО

Эмилиано Меттини
Магистр философии, заведующий кафедрой гуманитарных наук
Медицинский Университет им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Революционные процессы представляют собой радикальный разрыв с предыдущей к ней системой как социальных и политических координат так и этически-мировоззренческих установок и норм. Под таким понятием, как «революция» подразумевается превращение, обращение, переворот, которое приводит к коренному и глубокому изменению в обществе, или в природе, или в науке. Следовательно, революция является качественным скачком в развитии, вовлекающим за собой быстрые и существенные изменения. Соответственно, целесообразным является понимание процесса формирования духовных основ нового режима, обращая внимание на их происхождение, историческое развитие и, наконец, удачи и провали. Это обстоятельство вовлекает за собой исследование тех общечеловеческих ценностей, которые могли бы быть приняты после октябрьской революции, и как они были применены к реалиям новой жизни. На взгляд автора, такое обстоятельство интересно, если учитывая, как в первые два десятилетия советской власти совершались «малые» революции в области образования и воспитания, поскольку Страна Советов нуждалась в различных кадрах и/или ппрофессиональных специалистов в зависимости от развития той или иной промышленной отрасли. Занимательный тот факт, что самый ценный революционный опыт в области воспитания и, который мы можем встречать в те годы, опыт А.С. Макаренко революционным правительством был признан не советским. В настоящей статье рассматривается вопрос о том, как такая категория как «революция» в вышеупомянутом смысле может быть применена к воспитательной системе А.С. Макаренко и, в связи с этим, автор поставил себе цель рассматривать революцию в качестве ценностнообразующей категории воспитательной системы А.С. Макаренко.

Ключевые слова: революция, антиномность, А.С. Макаренко, система перспективных линий, взрыв, личность, воспитание.

REVOLUTION AS VALUE-CREATING CATEGORY IN A.S. MAKARENKO'S EDUCATIONAL SYSTEM

Emiliano Mettini
Master of Philosophy, Head of Department of Humanities
Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU)

Revolutionary processes represent a drastic break-up with the socio-political and ethical-philosophical systems existing before revolution occurred. By revolution is meant transformation, metamorphosis, takeover leading to radical and deep modifications in society, nature or sciences. Consequently, revolution is a quantum leap in development involving fast and important changes. It means that it would seem appropriate to consider the formation process of spiritual foundations of the new regime, paying attention to their origin, historical development, successes or failures. This fact involves the research of universal moral values that should be accepted after October Revolution in order to understanding how they should be applied to the new reality. As for author, this circumstance is interesting considering that in the first two decades of Soviet power "small" revolutions had occurred in the fields of education and upbringing, as far as Soviet Union needed qualified staff and professional experts as a function of development of one or another industrial sector. It is interesting that the most valuable revolutionary experience that we can find at the time, the Makarenko's one, has not acknowledged as Soviet by revolutionary government. In this paper, is discussed the question of how the category "revolution" can be applied to A.S. Makarenko's educational system, and, in relation to this, the author aims to consider revolution as a value-creating category in A.S. Makarenko's educational system.

Keywords: revolution, antinomianism, A.S. Makarenko, perspective lines system, explosion, personality, upbringing.

Трагические события 1917 г., оказавшиеся роковыми для Российской империи, вовлекли за собой ряд социальных, политических, экономических, кадровых и прочих вопросов, которые представители Советской России должны решать быстрыми темпами. Будучи одновременно разрушительным и созидательным явлением, революция ставила ребром вопрос о том, как организовывать учебно-образовательный и воспитательный процесс, чтобы передать ценностные ориентиры и знания, необходимы для жизни в новом обществе. На данном этапе, нам кажется целесообразным задаваться следующим вопросом: какими должен выглядеть такой процесс и каких целей он должен достичь? Представители советской педагогической науки сформулировали общие цели воспитания, которые должны быть отвечать вызовам пролетарской революции. Идеи гуманизма, коллективизма, демократизма, уважение к ребенку, как субъекту воспитания, соединение обучения с производительным трудом должны были бы способствовать всестороннему гармоническому развитию личности строителя социалистической страны. Соответственно, сильное идеологическое начало должно было поддерживать такой процесс, что вовлекало за собой то, что в качестве главных ценностей нового общества выбирались патриотизм, интернационализм, трудолюбие. Если взять такие ценности за основу нового общества, то вызывает интерес тот факт, что В.И. Ленин дал следующее определение нравственности: «…нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» [Ленин, 1981, с. 311]. А что можно подразумевать под этим? На наш взгляд, можно сопрягать данное определение В.И. Ленина с теми ценностями, о которых речь шла выше, в силу того, что они представили собой «костяк» большевистской идеологии, но, одновременно, как справедливо отмечает Костикин Д.А. необходимо обратить пристальное внимание на отставания практики нравственного воспитания и от его теории [Костькин, 2008, с. 138]. Для нас это последнее обстоятельство играет большую роль, потому, что дает возможность переходить к тому, как вышеупомянутые революционные ценности были разработаны и применены на практике в воспитательной системе А.С. Макаренко.

А.С. Макаренко встретил революцию с большим энтузиастом, потому, что в ней видел ту силу, которая открыла перед людьми большие перспективы, способствующие бурному развитию провинции уже бывшей российской империи. На наш взгляд, А.С. Макаренко понимал революцию как динамическое и постоянно развивающееся явление, которое позволяет человеку как личности раскрывать весь в ней вскрытый потенциал, не опираясь на отвлеченные понятия, которые не в состоянии помогать на деле. А.С. Макаренко отмечал, что самое «упорное натаскивание человека на похвальных мыслях и знаниях – пустое занятие…Сознание не построенное на опыте… на деле, прежде всего, слабосильно, во-вторых, одиноко, не способно творить никакую практику – это то, что для нашего общества наиболее опасно» [Макаренко, 1984, с. 128]. Следовательно, дело воспитания не может ограничиваться созданием абстрактного сознания, где революционный идейно-понятийный аппарат используется всего лишь для «галочки». А.С. Макаренко предполагал, что в революционное время ни одна наука не может помогать в выведении педагогических средств, потому, что в лучшем случае выведенное средство будет аполитичным, или, что еще хуже, политически вредным. Кроме того, А.С. Макаренко подчеркивал, что «отношение средства и цели должно быть той пробной областью, на которой проверяется правильность педагогической логики» [Макаренко, 1983, с. 118], что вовлекает за собой как последствие, что не может быть постоянного средства, всегда работающего и всегда приносящего пользу. Пристрастие к дедуктивному предсказанию, использование уединённого воспитательного средства, и этический фетишизм, под которыми А.С. Макаренко подразумевал педагогические и воспитательные пороки своего времени, не способствуют сопоставлению целей революции с реалиями общества. Как заключил А.С. Макаренко: «целесообразность и диалектичность воспитательного средства — вот основные положения, которые должны лечь в основу советской воспитательной системы…они могут быть организованы только опытным путем» [Макаренко, 1983, с. 118]. На наш взгляд, анализ А.С. Макарен-

ко дает возможность понимать, что воспитательные средства нельзя извлечь из теории, или вывести из других воспитательных принципов, не отвечающих общественной жизни страны. Воспитательная система и, соответственно, педагогическая наука должны были учитывать динамическое развитие общества после революции, потому, что А.С. Макаренко считал, что педагогика самая диалектическая наука в мире, и, соответственно, не может быть построена на принципах, которые не позволяют гибко относиться к человеку, как личности и субъекту воспитания. Следовательно, необходимо подчеркнуть тот факт, что А.С. Макаренко поставил в центр своей воспитательной деятельности личность, как неотъемлемой части общества, в которое личность должна войти на правах полноценного его члена.

Исходя из вышеуказанного, мы можем перейти к тому, как А.С. Макаренко постарался воплотить в жизнь революционные задачи, таким образом, совершенствуя свою коперниканскую революцию в воспитании и педагогике. Если учитывать контингент детей, с которыми А.С. Макаренко работал долгие годы, мы можем понимать, что на основе его воспитательной системе могла лежать только диалектика, как философская и воспитательная категория. Диалектический воспитательный метод А.С. Макаренко использовал с тем, чтобы преодолеть противоречия между личностью беспризорных и коллективом, между двумя поведенческими парадигмами, определяющими отношения личности к обществу и наоборот. Это не значит, что коллектив был намерен уничтожить личность беспризорника, беспощадно подчиняя ее своей всемогущей воле. Диалектика предполагает устранения противоречий в целях получения «нечто» качественно нового, внутри которого вышеупомянутые противоречия потеряют свою полярность, и идут в сторону новых противоречий, которые в свою очередь придется преодолеть диалектическим путем. Следовательно, мы можем подчеркнуть то, что в диалектическом воспитательном методе А.С. Макаренко можно заметить и линейный и скачкообразный векторы развития личности. Подтверждение нашему заключению мы можем найти в статье Чапаева Н.К., указывающего на то, что диалектика А.С. Макаренко является «антиномичной», потому, что «принцип антиномичности позволяет рассматривать полярность как необходимые равноправные составляющие в рамках целостного процесса (явления) и предлагающий пути адаптации к ним» [Чапаев, 2017, с.69]. Следовательно, мы можем прийти к промежуточному выводу, что невозможно полностью сводить к нулю одну из полярностей, а взять то, что ценное и направлять его в правильное, желаемое русло. Теоретически, такой процесс бесконечный потому, что человек бесконечен, постоянно меняется и реализуется в пространстве и времени до конца своих дней. В этом, мы видим линейный вектор развития личности в диалектическом воспитательном методе А.С. Макаренко, потому, что в коллективе личность постоянно развивается духовно, физически и морально благодаря системе перспективных линий, содержащих в себе тоже диалектическую составляющую, потому, что выдающегося воспитателя очень заинтересовали суверенитет социального индивидуума, его зрелости, внутреннего богатства, свободы, потому, что не бывает воспитания без ориентировки на ценности личности. А.С. Макаренко старался развивать автономность и самосознание личности и коллектива, потому, что настоящие коллектив могут создать только живые люди, которые своими стремлениями способны преобразовать самих себя. Но, тогда, когда возникали препятствия к достижению такого результата, А.С. Макаренко принимал скачкообразный вектор своей воспитательной системы: так называемый «педагогический взрыв». Один хороший пример применения «взрыва» мы можем найти в Педагогической Поэме. Применение «социального остракизма» против Ужикова дает нам возможность понимать, что А.С. Макаренко сделал ставку на то, как устранить те антиномии, которые принимаемый им диалектический метод не смог решать. А.С. Макаренко предположил, что в таких конфликтных ситуациях, процесс «диалектического снятия» противоречий может произойти только благодаря самой личности (то, что Г. Лукаш называл «катарсисом» — очищением в теории коллектива А.С. Макаренко). На наш взгляд, «педагогический взрыв» подчеркивает как диалектический так и динамический характер воспитательной системы А.С. Макаренко, потому, что система может развиваться только тогда, когда остается «хаотическая зона» внутри нее, которую можно и нужно использовать в качестве корректива имеющихся противоречий и способа улучшения и дальнейшей разработки уже успешно работающих элементов данной системы.

В заключение нашей статьи, мы можем прийти к следующим выводам:

1. В воспитательной системе А.С. Макаренко под таким понятием как «революция» можно понимать не одноразовое явление, а постоянный процесс преобразования личности путем системы перспективных линий, дающих возможность определить траектории развития личности, ее интересов и ценностных ориентиров.

2. Скачкообразный вектор диалектического воспитательного метода А.С. Макаренко способствовал личностно ориентированному воспитанию, которое использовало пережитое воспитанниками прошлое, чтобы превращать его в созидательную силу для благополучного социального, морального и духовного развития будущих полноценных граждан.

3. В силу своих элементов, воспитательная система А.С. Макаренко избегает искусственности заведомо заданных воспитательных задач, и позволяет личности достичь максимальному своему развитию, которое мы можем увидеть в счастье, являющемся не целью воспитания, а заданием воспитания, как в свое время подчеркивал С.И. Гессен.

Литература

1. Костькин Д.А., 2008 – *Костькин Д.А.* Нравственное воспитание: советское прошлое и современность // Известия ПГПУ, №6 (10) 2008 С. 138-140
2. Ленин, 1981 – Ленин В.И. Задачи союзов молодежи// Ленин В.И. ПСС. Т. 7. М.: Политиздат, 1981. 696 с.
3. Макаренко, 1983 – *Макаренко А.С.* Полное собрание сочинений в 8-х томах. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. 512 с.
4. Макаренко, 1984 – *Макаренко А.С.* Полное собрание сочинений в 8-х томах. Т. 4. М.: Педагогика 1984. 502 с.
5. Чапаев Н.К., 2017 – *Чапаев Н.К.* Опыт конституирования антиномической диалектики в ювенальной педагогике А. С. Макаренко // Образование и наука. Том 19, № 10. 2017. С. 69-95.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00088
УДК 378:147.88

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕНД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА

Людмила Александровна Коханова
Доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Сергей Бориэльевич Головко
Кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
Юлия Евгеньевна Черешнева
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цифровое образование выступает сегодня не только как совокупность навыков использования коммуникационной техники и технологий, но и как процесс адаптации личности к медиапространству, и поэтому является одной из актуальных тем обсуждений и дискуссий относительно возможностей реализации коммуникационного опыта современности. Дискурсивные практики цифрового образования включают в себя широкий круг вопросов как теоретической, так и практической направленности. Цифровое образование становится стратегической тенденцией развития общества и, в первую очередь, его коммуникационных подсистем. При этом коммуникаторы должны соответствовать определенному уровню подготовленности к взаимодействию в электронной среде, обладать определенной совокупностью навыков использования коммуникационной техники и технологий. На основании обзора научной литературы авторы представляют свое толкование термина «цифровое образование». Приводятся результаты второго этапа пилотного исследования «Цифровое образование как конкурентное преимущество будущих журналистов», посвященного анализу основных системообразующих компонентов цифрового образования. По результатам анкетного опроса репрезентативной выборки сделаны выводы о некоторых трендах современного этапа развития цифрового образования. Особое внимание уделено вопросам Интернет-рисков и угроз, возникающих у коммуникаторов при работе с социальными сетями.

Ключевые слова: цифровое образование, цифровая образовательная среда, цифровые технологии, информационные системы, социальные медиа, студенты, журналистика.

DIGITAL EDUCATION AS A PROFESSIONAL GROWTH TREND

Ljudmila Alexandrovna Kokhanova
DSc in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Sergey Borieljevich Golovko
PhD in Philology, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
Julia Eugenjevna Chereshneva
PhD in Philology , Associate Professor
Lomonosov Moscow State University

Digital education perform today not only as sum total of skills of the use of communication technique and technologies but also as a process of adaptation of personality to media, and is one of actual themes of discussions and discussions in relation to marketabilities of communication experi-

ence of contemporaneity. Discursive practices of digital education plug in itself the wide circle of questions of both theoretical and practical orientation. Digital education becomes a strategic progress of society trend and, first of all, his of communication subsystems. Thus communicators must correspond to the certain level of preparedness to cooperation in an electronic environment, to possess certain totality of skills of the use of communication technique and technologies. On the basis of review of scientific literature authors present the interpretation of term "digital education". Results over of the second stage of pilot research are brought "Digital education as competitive edge of future journalists", devoted to the analysis of basic system-forming components of digital education. On results the questionnaire of representative selection drawn conclusion about some trends of the modern stage of development of digital education. The special attention is spared to the questions of Internet-risks and threats, arising up at communicators during work with social networks.

Keywords: digital education, digital educational environment, digital technologies, information systems, social medias, students, journalism.

Развитие цифрового образования обеспечивается внедрением цифровых технологий, появлением цифровой образовательной среды, цифрового инструментария, цифровых наработок. Терминологический аппарат понятия «цифровое образование» в отечественной педагогической науке и практике пока еще полностью не сложился.

При определении термина мы будем придерживаться подходов Б.С. Гершунского, который выделял четыре аспекта в трактовке образования [Гершунский, 1998, с. 158]. Прежде всего, образование как ценность – государственная, общественная, личностная; как система, взаимосвязывающая множество объектов с определёнными свойствами; как процесс движения от целей к результату и, наконец, как результат (грамотность – образованность - компетентность – культура). Категория «цифровой» кроме использования среды Интернет предполагает представление материала в цифровом формате с наиболее низким уровнем искажений, неточностей. Другими словами, мы представляем категорию «цифровое образование» с позиций процесса и результата, происходящих в конкретной среде с определенными выходными характеристиками.

Термин «цифровое образование» на сегодняшний день имеет массу трактовок, что часто зависит от сферы деятельности самого автора (менеджеры, экономисты, педагоги и т.д.). Так, помимо уже указанной Интернет-среды, исследователи включают в разработку дефиниции понятия цифровой грамотности, цифровых технологий, цифровой организации учебного процесса, цифровых процессов проверки знаний и мн. др.[Bersin, 2017]. Больший интерес представляют позиции разных авторов по поводу толкования термина.

Так, И.Ю. Травкин, старший преподаватель кафедры математики Сахалинского государственного университета, считает, что «цифровое образование – это набор образовательных интерфейсов цифрового мира» [Травкин, 2018]. Более развернутую трактовку предлагает М.Э. Кушнир, советник Лиги образования: «это открытая совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса» [Цифровая образовательная среда, 2018]. Здесь налицо попытка обозначить предметную область исследования, взаимосвязанная с деятельностной частью процесса.

М.Н. Ракова, руководитель проектов по дополнительному образованию и мотивации детей к занятию научно-техническим творчеством, расширяет толкование термина, включая в дефиницию «управленческие модели (облачная бухгалтерия внутри школ или различные платформы), внедрение цифровых технологий в содержания предметов (на уроке физической культуры используют трекеры, различные технологии, фиксирующие динамику изменений внутри организма), цифровое мышление» [Цифровое образование: инвестиции в будущее: Российский инвестиционный форум 2018].

Н.Ю. Игнатова, ст. преподаватель УрФУ, углубляя терминологический дискурс, вводит новые предметные расширения. По ее мнению, цифровое образование «включает в себя ведение блогов, использование социальных медиа в аудитории, применение особых, отличающихся от стандартных учебных планов GitHub, обучение студентов использованию цифровых технологий для тестирования идей» [Игнатова, 2017, с. 54].

А.М. Кондаков, д.п.н., член-корреспондент РАО, предлагает свободное от конкретики, но от этого не менее точное определение цифрового образования как системы возможностей, открывающейся цифровыми технологиями. [Кондаков, 2018].

И, наконец, в соответствующем государственном документе упор делается на более точное определение среды протекания процесса. В нем учитывается, что важной составляющей организации учебного процесса в цифровом образовании является цифровая образовательная среда как часть электронной информационно-образовательной среды, содержание и условия функционирования которой также определены нормативно-правовой базой государственного и отраслевого значения [Федеральный закон от 29.12.2012 № 273- ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»].

Таким образом, проанализировав ряд определений, можно сделать вывод, что основными системообразующими компонентами цифрового образования являются: цифровая образовательная среда, цифровые технологии, социальные медиа, информационные системы, цифровой контент и иные цифровые ресурсы. Подводя итог исследованию, на основании краткого анализа можно построить рабочее определение «цифрового образования» как системы субъект-субъектных отношений, опосредованных цифровой образовательной средой.

Для того, чтобы ответить на вопрос, каким должно быть сегодня цифровое образование, авторами

данной статьи было продолжено проведение пилотного исследования «Цифровое образование как конкурентное преимущество будущих журналистов». Второй этап исследования функционально был направлен в частности на изучение коммуникативных способностей будущих журналистов, которые в большей степени проявляются при общении в сети. В опросе принимало участие 286 студентов факультетов журналистики московских ВУЗов.

Анкетные вопросы ставили своей целью понять, как студенты относятся к инструментам, о которых шла речь выше. При этом мы исходили из того, что цифровое образование на материальном уровне – «это в первую очередь понимание современных информационных технологий, их функционала, а также возможность грамотно использовать их в работе или в быту».[Михайлова, 2018].

На первый блок вопросов, связанный со знакомством студентов с цифровой образовательной средой, были получены весьма противоречивые ответы. Подавляющее число респондентов (64%) активно пользуется ей, оставляя за порогом традиционные способы подготовки (количество посещающих библиотеки не превысило 18%, читальные залы – 11%). Казалось бы, «цифра» успешно внедряется в сознание и образ жизни будущих профессионалов, но здесь нас ожидают непредвиденные сложности. Так, другие вопросы помогли выявить тот факт, что полностью удовлетворены качеством образовательной среды по выбранному направлению обучения не так много респондентов (26%), другие (17%) не удовлетворены контентом, многие отмечают вторичность и неполноту предоставляемых материалов (28%), низкое качество презентации (14%), отсутствие необходимых источников (15%). Процентное соотношение (26% vs 74%) свидетельствует, с одной стороны о том, что цифровая образовательная среда буквально с первых шагов своего существования выступает драйвером современного учебного процесса, но, с другой стороны, содержит немало проблем качественного порядка.

Что касается общения в социальных медиа, которое предполагает развитие коммуникационных навыков, столь необходимых в выбранной специальности, здесь ответы на вопросы анкеты выявили, прежде всего, степень интернет-рисков, которым подвергаются респонденты.

Так, ощутим процент контентных рисков (13%), связанных с использованием материалов, содержащих противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию (насилие, агрессия, эротика и порнография, нецензурная лексика, пропаганда суицида, наркотических веществ и т.д.). Часть респондентов обратила внимание на возникающие коммуникационные риски (19%), которые связаны с межличностными отношениями Интернет-пользователей и включают в себя незаконные контакты, например, с целью встречи, киберпреследования, кибер-унижения и др. На вред, наносимый потребительскими и техническими рисками (риск приобретения товара низкого качества, взлом аккаунта, установка вредоносного программного обеспечения и т.п.) обратили внимание 36% респондентов. На вопрос об Интернет-зависимости большинство ответили отрицательно. Но ряд наводящих вопросов (типа, «сколько времени ежедневно Вы тратите на сон?») помог выявлению более целостной картины Интернет-зависимости. Опираясь на материалы исследования, можно констатировать, что в незначительной степени (до 22%) она присуща современному подрастающему поколению.

Подводя итоги, следует заметить, что уже сегодня цифровое образование – это данность, которая в числе других определяет основные компетенции, которыми должны обладать как выпускники вуза, так и сотрудники редакций.

Литература

1. Гершунский, 1998 – *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций): монография. М., 1998. 680 с.
2. Игнатова, 2017 – *Игнатова Н.Ю.* Образование в цифровую эпоху : монография; М-во образования и науки РФ ; ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н.Ельцина», Нижнетагил. технол. ин-т (фил.). — Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. 128 с.
3. Кондаков, 2018 – *Кондаков А.* Цифровое образование: матрица возможностей: презентация. URL: http://ito2018.bytic.ru/uploads/materials/2.pdf (дата обращения: 16.07.2018).
4. Михайлова – *Михайлова Е.* Культура в «цифре»: почему профессионал будущего должен быть немного «айтишником». URL: http://news.ifmo.ru/ru/education/trend/news/7234/
5. Травкин, 2018 – *Травкин И.Ю.* О цифровой образовательной среде и другие сопутствующие мысли [Электронный ресурс] // Fun of Teaching. URL: http://funofteaching.tumblr.com/post/160011857841/о-цифровой-образовательной-среде-и-другие (дата обращения: 14.06.2018).
6. Цифровая образовательная среда // Директория онлайн. URL: https://medium.com/ direktoria-online/the-digital-learning-environment-f1255d06942a 2017 (дата обращения: 16.07.2018).
7. Цифровое образование: инвестиции в будущее: Российский инвестиционный форум 2018. URL: http://roscongress.org/sessions/tsifrovoe-obrazovanie- investitsii-v-budushchee/discussion (дата обращения: 16.07.2018).
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273- ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», приказ Минобрнауки России от 23.08.2014 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных

образовательных технологий при реализации образовательных программ».
9. Bersin – *Bersin J.* The Disruption of Digital Learning: Ten Things We Have Learned. [Электронный ресурс]. URL: https://joshbersin.com/2017/03/the-disruption-of-digital-learning-ten-things-we-have-learned/2017 (дата обращения: 16.07.2018).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00089
УДК 378

ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА КЭМПБЕЛЛА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ[31]

Антон Павлович Никитин
Кандидат философских наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Цель работы – анализ современных тенденций в развитии системы высшего образования, которые являются отражением закона Кэмпбелла. Закон Кэмпбелла гласит, что чем больше используются количественные индикаторы в регулировании социальных процессов, тем больше они подвержены искажающим влияниям, тем больше в них нарушаются качественные аспекты человеческой деятельности. В статье отмечается: система высшего образования развивается таким образом, что принцип просчитываемости становится в ней доминирующим. Данный принцип сопрягается с требованием достигать определенных количественных показателей. Дональд Кэмпбелл считал, что наибольшее негативное воздействие на качество образования и коррумпированность системы образования оказывает институциональное требование высоких оценок учащихся. В статье показано, как это проявляется в российской системе высшего образования, дана корректировка подхода Кэмпбелла. Раскрываются другие стороны действия закона Кэмпбелла, связанные с внедрением количественной оценки функционирования университетов, деятельности преподавателей и студентов. Утверждается, что широкое распространение количественных индикаторов в регулировании образовательного процесса приводит к симулятивным практикам и фальсеоинтеракции во взаимодействии между всеми элементами системы высшего образования.

Ключевые слова: закон Кэмпбелла, система высшего образования, планирование, количественные индикаторы, качество, симуляция, фальсеоинтеракция.

EFFECT OF CAMPBELL'S LAW IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Anton Pavlovich Nikitin
PhD in Philosophy, Associate Professor
Katanov Khakass State University

The purpose of the work is to analyze current trends in the development of system of higher education which are a reflection of Campbell's law. Campbell's law states that as the quantitative indicators used in regulation of social processes increase, these social processes are exposed to distorting influences and in them the qualitative aspects of human activity are violated. The article notes: the system of higher education is developing in such a way that the principle of countability becomes dominant in it. This principle is matched with the requirement to achieve certain quantitative indicators. Donald Campbell thought that the institutional requirement of high marks for students renders the greatest negative impact on the quality of education and the corruptibility of the educational system. The article shows how this is appeared in the Russian system of higher education; an adjustment of Campbell’s approach is given. The work reveals other aspects of Campbell's law related to the introduction of quantitative assessment of the functioning of universities, the activities of lecturers and students. It is argued that the widespread use of quantitative indicators in the regulation of the educational process leads to simulation and deception in the interaction between all elements of the system of higher education.

Keywords: Campbell's law, system of higher education, planning, quantitative indicators, quality, simulation, false interaction.

Закон Кэмпбелла [Campbell, 1976] утверждает следующую тенденцию в функционировании социальных систем: чем больше в принятии социальных решений используются планируемые количественные индикаторы, тем сильнее регулируемая сфера общественной жизни подвергается искажающим влияниям, и тем более вероятно нарушение естественного хода социальных процессов, которые контролируются планируемыми показателями. Проще говоря, чем больше люди ориентируются на достижение каких-то количе-

[31] Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00681

ственных порогов, тем больше искажается качественная, содержательная сторона их деятельности.

В своей социальной философии и теории познания Д. Кэмпбелл был близок к эволюционизму, проводя аналогию между жизнью общества, процессами познания и функционированием биологических систем. В эпистемологии он в большей степени известен как один из последователей К. Поппера, введший термин «эволюционная эпистемология». Однако сфера его научных интересов скорее была связана с социальной психологией, где он разрабатывал различные модели экспериментов. По его убеждению, принятие социальных решений в первую очередь должно базироваться на проведении научно обоснованных социальных экспериментов, а не на количественном планировании, которое деформирует общественную жизнь.

В условном виде действие его закона можно описать через отношение двух уровней социальных изменений. Первый уровень – это уровень естественных процессов, характер и содержание которых соответствует потребностям социальной системы; второй уровень – уровень планируемых социальных изменений, количественных требований, предъявляемых системе чаще всего со стороны государства. Собственно, суть закона Кэмпбелла заключается в том, что второй уровень оказывает интенсивное деструктивное воздействие на первый уровень, в том числе на социальное поведение индивидов, усиливая коррупционные тенденции.

Можно назвать несколько очевидных примеров действия закона Кэмпбелла. Во-первых, это искажения, характерные для плановой экономики. История СССР показала, насколько велики бывают издержки, когда в экономике на первое место ставится достижение плановых количественных показателей. Планирование сельского хозяйства и промышленного производства приводило к серьезным негативным последствиям, хорошо известным, чтобы останавливаться на них подробно. Во-вторых, примером может служить современная ситуация в научной сфере, когда особую значимость приобрели показатели по количеству публикаций в различных системах цитирования. С одной стороны, государство постоянно увеличивает количественные индикаторы, по которым оценивается эффективность научных организаций и ученых; с другой стороны, само научное сообщество указывает на то, что деятельность ученого не может оцениваться сугубо количественно, более важным является содержание его работы, кроме того, в погоне за выполнением планов ученый вынужден понижать качество своих работ.

Частные примеры только подтверждают общую тенденцию, при этом в современном социальном мире тенденция к калькулируемости только возрастает. Об этом пишет Дж. Ритцер, ссылаясь на Я. Митроффа и У. Бенниса: «В нашей культуре утверждается глубокая вера в то, что “больше=лучше“» [Ритцер, 2011, p. 77]. Просчитываемость как основополагающий принцип общественной жизни проникает во все сферы: здравоохранение, телевидение, спорт, политику, производство товаров и услуг, их потребление, т.д. [Ритцер, 2011, p. 222-259].

Высшее образование здесь не является исключением, а скорее, еще одним ярким подтверждением [Никитин, 2018a]. Современный университет – то место, где количественные показатели выполняют особую роль. Освоение академических курсов предполагает освоение зачетных единиц, система оценок направлена на числовую репрезентацию качества знания, тестовые задания еще более упрощают эту задачу. Университеты при решении принять или нет человека в студенты ориентируются на его академический балл, престижность специальностей абитуриенты могут определить, сравнивая стоимость обучения на них. Среди самих университетов ведется явная и скрытая борьба за увеличение различных показателей – количества докторов наук, количества научных публикаций и цитат на них, финансирования научных исследований, количества абитуриентов с высокими выпускными баллами, обеспеченности книгофондом, количества площади учебных аудиторий и т.д. Борьба за количество становится непременной чертой существования университетов, а большинство рейтингов вузов основывается именно на метрических показателях.

При этом для самого Д. Кэмпбелла основным фактором деформаций в системе образования была экзаменационная тестовая оценка. Необходимо отметить, что он не выступал против оценок как таковых и даже находил в них пользу как ценного индикатора успеха при условиях нормального обучения, нацеленного на общую компетентность. «Но когда результаты тестов становятся целью учебного процесса, они теряют свою ценность как индикаторы образовательного статуса и искажают образовательный процесс нежелательными способами» [Campbell, 1976, p. 52]. В принципе всегда, когда количественное средство репрезентации качества становится самодостаточной целью, создается деструктивная ситуация. Оценка может использоваться как средство, с помощью которого обозначается уровень знания, а может быть целью, достижение которой не обязательно предполагает наличие соответствующих компетенций. Д. Кэмпбелл указывает, что это возможно в том числе за счет коррупции, что подтверждается фактами социальной жизни.

В российской системе высшего образования данное искажение остро проявилось из-за того, что к оценке стали привязываться другие количественные индикаторы. В результате оказалось, что высокая оценка трансформировалась в самоцель как для студентов, так и для преподавателей. Со стороны студентов высокая оценка за сдачу экзамена предполагает наличие стипендии, при достижении других показателей довольно большой. Высокий балл становится важным в большей степени ни как средство морального удовлетворения за проделанную работу, а как цель финансового характера. Вырабатывается своеобразная стратегия поведения в период экзаменационной сессии, которую можно выразить формулой: «Я буду учить до тех пор, пока мне ставят хорошие оценки». Если студенту на первом экзамене ставят оценку «удовлетворительно», что автоматически означает потерю стипендии на полгода, он теряет мотивацию к тому, чтобы готовиться к последующим экзаменам. Если студент перед последним экзаменом сдал все предыдущие на «хорошо» и «отлично», для него этот экзамен становится особым испытанием, ведь на нем определяется, на-

прасными или нет были все его старания. Естественно, что такая стратегия характеризует в первую очередь студентов, обучающихся на бюджетной основе и далеко не всех из них, поскольку для некоторых оценка – это индикатор компетентности, а не средство заработка. Но в целом, процесс достижения высокой оценки для студентов стал своеобразным аналогом процесса получения прибыли для предпринимателей [Никитин, 2018б].

Со стороны преподавателей высокие оценки, получаемые студентами, привязаны к другим показателям, по которым оценивается их деятельность. Наиболее явный из них – это сохранность контингента. Душевое финансирование, введенное в российских вузах, привело к тому, что их администрация стала очень болезненно реагировать на отчисление студентов. Преподавательский корпус оказался под серьезным давлением, требующим от него максимальной лояльности к студентам. При этом требование лояльности прикрывается требованиями внедрения новых образовательных технологий, интерактивных методов и т.п. По сути, неудача студента стала означать педагогическую неудачу лектора, его неумение заинтересовать студента в преподаваемом материале. Сложился своеобразный идеал педагога, заданный административными целями: с одной стороны он должен уметь отчитаться об использовании передовых образовательных подходов и новейших достижений науки, с другой стороны он должен ставить такие оценки студентам, которые бы подтверждали успешность заявленных подходов.

В таких условиях экзаменационная процедура зачастую превращается в симуляцию, где позитивная интеракция заменяется фальсеоинтеракцией. Под позитивной интеракцией подразумевается ситуация экзамена, к которой студент ответственно готовится, а преподаватель ответственно относится к контролю его знаний. Они оба следуют правилам экзаменационной процедуры и предполагают, что результатом их коммуникации будет адекватная оценка. Та же экзаменационная ситуация, в которой студент списывает, используя традиционные (письменная шпаргалка) или современные технические средства, а преподаватель делает вид, что этого не замечает, после чего ставит ему положительную оценку, может называться фальсеоинтеракцией – формальные правила соблюдены, но содержательный результат сымитирован. По мнению Д. Кэмпбелла, практика симуляции экзамена связана прежде всего с коррупцией, между тем в современной России главным фактором генезиса фальсеоинтеракций в системе высшего образования оказалось ее реформирование, нацеленное на информатизацию, коммерциализацию, рейтингование и т.д. [Евдокимова, 2018].

Взаимодействие преподавателя и студента в экзаменационной ситуации является частным случаем проявления искажений, связанных с ориентацией на количественные индикаторы в системе высшего образования. Можно назвать и другие проявления закона Кэмпбелла, к примеру, планирование количества иностранных студентов приводит к тому, что становится неважно, насколько они обучаемы, планирование количества новейшей учебной литературы приводит к тому, что не обращается внимание на ее содержание, планирование количества массовых мероприятий продуцирует ухудшение их качества и т.п. Система высшего образования, если управлять ею сугубо на основе количественного планирования, неизбежно подвергается качественной деформации, что подтверждает актуальность закона Кэмпбелла.

Литература

1. Евдокимова, 2018 – *Евдокимова М.В.* Реформирование системы высшего образования: анализ фальсеогенетичности основных тенденций // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 90-92
2. Никитин, 2018а – *Никитин А.П.* Макдональдизация высшего образования // Идеи и идеалы. 2018. № 3. т. 2. С. 221-232
3. Никитин, 2018б – *Никитин А.П.* Предпринимательский дух в университетской среде // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 107-109
4. Ритцер, 2011 – *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5. М.: «Праксис», 2011. 592 с.
5. Campbell, 1976 – *Campbell D.* Assessing the Impact of Planned Social Change // Occasional Paper Series. Paper #8. 70 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00090
УДК 373

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОСИИ В 1860-1880 ГОДАХ

Марина Инсафовна Фролова
Кандидат социологических наук, начальник Управления
Управление по работе с муниципальными учреждениями образования администрации г. Владивостока

В статье раскрываются основные положения, характеризующие сложный и противоречивый процесс эволюции образовательного законодательства в России начального периода Великих реформ середины-второй половины XIX века. Отмечается, что в то время проходили основополагающие процессы формирования российского национального образовательного права

важнейшего элемента образовательного пространства страны.

Осознавая сложившуюся историческую перспективу и противостоя действиям радикальных сил, желавших вовлечь молодежь в активное революционное противоправительственное движение, представители власти и умеренного крыла реформаторов стремились эволюционным путем изменить образовательную политику России.

В таких условиях главная цель власти состояла в том, чтобы сделать эффективным формировавшееся в то время национальное законодательство в области просвещения, приспособить его нормы к действенному использованию в решении задач экономической и социокультурной модернизации России.

Однако эти действия власти не получили необходимого развития и не оказали необходимого эффекта, прежде всего в силу быстро развивающейся радикализации студентов и учащихся – главных субъектов образовательного законодательства. Государственная власть, видя эти тенденции, тем не менее, не спешила принимать кардинальных мер против увлеченной революционными учениями молодежи, до последнего момента пытаясь ограничиться лишь воспитательным воздействием на молодое поколение.

Ключевые слова: модернизация образования; образовательное законодательство; история образования в России XIX века; реформы образования; политические процессы в образовании; студенты и учащиеся; реализация законодательства в области образования.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN PUBLIC EDUCATION LEGISLATION IN 1860-1880

Marina Insafovna Frolova
PhD of Sociology, Head of Department
Department for cooperation with municipal educational institutions of administration of Vladivostok

The article describes the main phases of a complex and controversial process of evolution of educational legislation in Russia during the initial stage of the Great reforms of the middle and the second half of the XIX century. It's outlined that the basic processes of formation of the Russian national educational legislation, which is the most important element of the country's educational sphere, had been occurring during that period.

Understanding the existing historic prospectives and confronting the actions of radical forces willing to involve young people into active revolutionary anti-government movement, the representatives of authorities and moderate wing of reformists strived to change the educational policy of Russia evolutionally.

In such conditions, the main goal of the authorities was to make the existing educational legislation efficient by adapting its standards to efficient application for economical and sociocultural modernisation of Russia.

But these actions didn't deliver the required effects mostly due to rapidly developing radicalization of students, the main subjects of the educational legislation standards. In view of these trends, the governmental authorities didn't take any radical actions against young people concerned by revolutionary doctrines trying to limit themselves only with educational work.

Keywords: modernization of education; educational legislation; history of education in Russia in XIX century; reforms of education; political processes in education; students; implementation of educational legislation.

В последние годы в нашей стране активно развивается образовательное право и образовательное законодательство. Их главная задача состоит в повышении роли законности в процессе образования и воспитания будущих поколений российского правового государства. Столь важная и ответственная задача не впервые встает в истории российского просвещения и поэтому обращение к опыту прошлого представляется в наши дни совсем не бесполезным.

Особым периодом в истории отечественного просвещения была вторая половина XIX столетия – время коренных реформ всего социально-экономического уклада российского государства и общества. Тогда развитие общего образования проходило под влиянием постоянно увеличивавшихся социальных идей, в том числе идеи правового государства. Власть и общество стали осознавать, что движение по пути модернизации не даст результатов без прочных правовых оснований, формирования современного, соответствующего мировым тенденциям образовательного законодательства. А они в это время испытывали сильное влияние идей либерализма, которые, хотя и с трудом, приживались в российской политической жизни и влияли на разработку стратегии развития отечественного образования.

Перед российской властью встала двуединая задача: с одной стороны необходимо было создать современное школьное законодательство, с другой – сохранить накопившиеся национальные традиции. В решении этого вопроса, как и многих других социальных вопросов, было два пути – революционный и эволюционный.

На рубеже XX-XXI вв. данная проблематика стала предметом интереса на только гражданских исто-

риков, но и историков педагогики и образования, рассматривавших этот вопрос с различных сторон. Поставленная в трудах Э.Д. Днепрова проблема получила развитие в работах современных отечественных историков педагогики и образования, которые высказывают интересные идеи о вариантах развития школьного законодательства в России. Она преимущественно рассматривается в общем контексте реформ отечественного образования как составной части общей социокультурной модернизации российского государства и общества.

Например, А.В. Овчинников, небезосновательно считает, что «характерной чертой правового регулирования процесса модернизации образования в России стало циркулярное право, которое более подвижно и было лучше приспособлено к быстрым изменениям жизненного уклада» [Овчинников, 2018, с. 21.]. Полагаем, что данное явление было адекватным реагированием властных структур на появлявшиеся сложности в реализации норм образовательного права.

Формирование и развитие образовательного законодательства реформационного времени должны были опираться на хотя и минимальные, но уже сложившиеся в России традиции и нормы законотворческого процесса. А они, в подавляющем большинстве, существовали лишь как калька западных образцов. Поэтому для эффективного воздействия на школьную жизнь многие нормы законодательства должны были пройти своеобразную проверку временем, быть, так сказать, обкатанными в повседневной практике работы отечественных учебных заведений. К началу реформ система управления образованием уже накопила подобный опыт, однако он был еще единичен и часто зависел от многих субъективных факторов, в частности, величины личности, имевшей возможность формировать образовательную политику в масштабах государства или отдельного учебного округа [Овчинников, 2010].

Реформирующаяся Россия остро нуждалась в отечественном образовательном законодательстве. Многие зарубежные образцы нормативных актов того времени были порождением уже развившегося в условиях западной цивилизации либерализма, с его активным парламентским обсуждением законопроектов, а значит, и хотя бы формальным учетом народных требований. Ничего подобного в Российской империи того времени не было. Вместе с тем необходимо помнить, что именно в то время практическая работа по развитию законодательства в области народного просвещения стала активно решаться на земском уровне, подтверждением чему стали многочисленные приговоры сельских обществ. В сочетании традиций обычного права и целенаправленной законотворческой работы в области народного просвещения виделся залог поступательного развития правоотношений в области народного просвещения.

Вместе с этим необходимо отметить, что период 1860-1880 гг. стал временем развития революционной активности российской молодежи, многие представители которой испытывали сильное влияние социалистических идей, что повышало радикализм молодого поколения. Данное обстоятельство не могло не тревожить школьные власти страны, которые, как свидетельствует анализ архивных документов, небезразлично относились к проявлениям экстремизма среди учащейся молодежи. Однако меры, принимаемые к нарушителям спокойного течения учебно-воспитательного процесса, были изначально не очень строги. Хотя и имели место исключения учащихся из учебных заведений за участие в антиправительственных выступлениях, а также запреты на занятия педагогической деятельностью радикально настроенных педагогов, в большинстве случаев они рассматривались как исключительные, и применялись редко. Тем более что первые варианты законодательных актов, принятые в начальный период школьных реформ еще не содержали системы правовых норм, позволявших найти эффективный, полностью правовой путь противостояния «революционной крамоле» и «всякого рода социалистическим учениям». В этом отношении законодатель запаздывал.

Образовательное законодательство пореформенной России еще долгое время продолжало быть весьма либеральным по отношению к противоправительственным действиям учащейся молодежи. В силу этого преподаватели учебных заведений, казалось бы имели хорошую возможность использовать на законных основаниях широкий арсенал педагогических средств воспитательного воздействия на молодое поколение, проявлявшее интерес к антигосударственным воззрениям и действиям.

Совершенно иной, по сравнению с западным правовым обществом тип государства, традиции российской общественной жизни, поначалу нивелировали революционную активность эмоционально настроенных слоев российского общества, преимущественно молодого поколения. Но со временем революционная активность начала заметно возрастать. В работах историков, вышедших в последнее время утверждается, что: «в 1860-х гг. в обществе сложилась достаточно редкая в российской истории ситуация консенсуса по поводу общего направления развития страны. Однако к исходу эпохи реформ, во второй половине 1870-х гг. мысль о русском «особом пути» или «миссии» выходит в идеологии целого ряда общественных групп и идейных течений на первый план» [Реформы, 2016, с.138]. Данное обстоятельство не могло не влиять и на эволюцию образовательного законодательства.

В эти годы российская власть, приступив к некоторому отходу от выбранного в результате реформ либерального курса, начала осуществлять пересмотр ранее принятых нормативных документов. Отметим, что это была целенаправленная, политически и организационно оформленная деятельность государственных органов по приведению еще не сформированного нового образовательного законодательства в соответствие с духом времени, с требованиями, выдвигаемыми российским обществом, начинавшим осознавать опасность распространения среди молодежи радикальных политических убеждений.

Несмотря на увеличивавшуюся социальную опасность революционного движения в планах российской власти в 1860-х – 1880-х годах вопрос об ужесточении ответственности по образовательному законо-

дательству вызывал противоречивую реакцию. С одной стороны, Министерство народного просвещения осознавало всю опасность радикализации, говоря современным языком, субъектов образовательного пространства. С другой стороны власть не желала резко прекращать действие либеральных норм образовательного законодательства, которые были разработаны и начали действовать в результате реформ 1860-х – начала 1870-х годов и действительно являлись существенным, политически и социально действенным достижением, обеспечивавшим дальнейшее развитие российского образования.

Литература

1. Овчинников, 2010 – *Овчинников А.В.* Циркуляры попечителя округа (к 200-летию Н.И. Пирогова) // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 4. С. 169-176.
2. Овчинников, 2018 – *Овчинников А.В.* Правовые аспекты модернизации российского образования. Ретроспектива для перспективы // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1, № 2(48). С. 15-29.
3. Реформы, 2016 – Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. в 4 т. Т.3: Вторая половина XIX – начало XX в. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 765 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00091
УДК 378

МИФ О РАВЕНСТВЕ ПОЛОВ: ТЕХНИКИ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

Бабаева Анастасия Валентиновна
Кандидат философских наук, доцент
НГПУ им. К. Минина (Мининский университет)

Цель сообщения - показать, что гендерный миф о равенстве полов, сконструированный в СССР, определяет социальные практики и в современной России. Одним из каналов трансляции мифа является университет. В России большинство вузов является государственными: учредитель определяет и содержание образовательного процесса и скрытого учебного плана. Результаты исследования позволяют автору реконструировать механику работы идеологической машины в пространстве российского вуза. Первый канал трансляции мифа - это язык: приветствуется родные понятия, заимствования расцениваются как экспансия, поэтому «пол» побеждает «гендер». Половая бинарность также работает на сохранение традиционной метафизики и срабывает как генетический культурный код. Второе: вуз работает со знаниями. Если табуировать проблему нельзя - значит, надо поиграть со значениями: вытеснить ее на периферию, т.е. признать неактуальной. Далее выстроить цепь аргументов, где женский вопрос будет решаться посредством заботы государства, а мужского вопроса нет вообще, поэтому бесперспективно делать гендерную тему предметом дискуссий и изучения. Этим объясняется, что в российских вузах гендерных курсов и подобных направлений подготовки практически нет. Теоретические положения статьи подкрепляются эмпирическим материалом, полученным посредством качественных и количественных исследований, проведенных в 2018-2019гг.

Ключевые слова: пространство вуза, гендерный миф, гендерный «символический порядок».

GENDER MYTH ON THE EQUALITY OF SEXES

Babaeva Anastasia Valentinovna
Chair of Philosophy and Social Sciences, Associate Professor
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The aim of this report is to show that a gender myth on the equality of sexes created in the Soviet Union still defines social practices in present-day Russia. University is considered to be one of the translation channels. Most of universities in Russia are state-funded: a founder defines the contents of both the academic process and the hidden curriculum. The results of the research allow to reconstruct the mechanics of propaganda machine's work. Firstly – language: native terms are encouraged, borrowings are viewed as expansion, that's why 'sex' conquers 'gender'. Gender binary also works for the preservation of traditional metaphysics and therefore students acknowledge only two genders. Secondly – university works with knowledge. If it is impossible to taboo a problem then it is necessary to play with meanings: push it to the circumference, thus to declare it not acute. Then to build a chain of arguments where a women's question will be solved by the state and a men's question does

not exist at all, therefore it is not futureless to make a gender problem a subject for discussions and research. This explains why there are no gender-related courses in Russian universities and such vocational directions are non-existent. The theoretical provisions of the article are supported by empirical material obtained through qualitative and quantitative studies conducted in 2018-2019.
Key words: gender myth, gender «the symbolic order»

Мифологические образования являются мощнейшим регулятором социальных отношений. Такие образования могут формироваться стихийно и являть собой квинтэссенцию исторического коллективного опыта. Составляющие их мифологемы вызревают длительное время, поэтому могут включать в себя хтонические древнейшие элементы, восходящие порой к космологическим сюжетам. Подобные структуры часто имеют метафизический привкус и фактически являют геном культуры, поэтому крайне тяжело демонтируются и рационализируются.

Другая линия создания мифологии - это сознательное конструирование определённого поля смыслов, что часто оказывается связанным с работой государственной идеологической машины. В этом случае можно сказать, что миф курсирует в пространстве «плоских онтологий» [DeLanda, 2002], где метафизические элементы уступают место научным и философским концептам. Вследствие чего подобные проекты легче поддаются деконструкции, и описать логику функционирования смыслов оказывается проще.

Встречаются мифы, сочетающие в себе свойства обоих описанных типов, т.е. они являются сконструированными, но сама логика их создания предусматривала опору на традиционные культурные смыслы и фреймы. Именно такие гибридные образования оказываются достаточно гибкими, чтобы работать по нескольким фронтам и при необходимости легко эволюционировать в меняющихся условиях, но сохранять смысловое ядро и влияние на общественное сознание.

Российский миф о равенстве полов, который и является предметом анализа, относится как раз к последнему типу образований. История развития этого сюжета насчитывает практически столетие, и несмотря на то, что факты и статистические данные опровергали и опровергают наличие равенства между мужчиной и женщиной в России, этот миф очень успешно до сих пор подпитывает смыслами социокультурные практики, в том числе и образовательную среду. Содержание мифа сводится к следующему: в России представители обоих полов имеют равные права и возможности, и данный факт в свою очередь позволяет утверждать отсутствие в стране дискриминации по признаку пола.

Исходным пунктом проблемы равенства полов в молодом советском государстве виделось решение пресловутого «женского вопроса», т.е. раскручивание сюжета велось по линии эмансипации женщин, которые признавались исключенной и дискриминируемой группой по экономическим, социальным, политическим и иным аспектам. В этом смысле освобождение женщин от «кухонного рабства» рассматривалось советскими идеологами как фундаментальная проблема. Социалистическая революция, по мнению Ф.Энгельса, а именно эта фигура оказалась ключевой для страны Советов по данному вопросу, - свершается не собственно на баррикадах и не сводится исключительно к свержению буржуазных порядков. Политическая и экономическая системы - это вершины айсберга, логика же подлинных изменений начинается с трансформации сознания и первичных элементов социальности. Борьба с социальным неравенством не перспективна, по мнению Ф.Энгельса, если она понимается исключительно как классовая борьба; фундаментальным неравенством же, определяющим все иные формы зависимости и неравновесного отношения, является угнетение женщины мужчиной, поэтому строительство нового справедливого общества начинается с освобождения женщины [Ф. Энгельс, 2017].

«Женский вопрос» в свете этого виделся большевиками как политическая проблема, имевшая несколько выходов. Первый выход - внутриполитический: образ женщины матери, труженицы, активистки, понимающей и принимающей линию партии, давал Советскому государству мощнейший стабилизирующий фундамент и непоколебимый тыл. Таким образом, миф решал два важных внутригосударственных вопроса: рост численности населения и увеличение кадров на производстве. Второй выход решения «женского вопроса» - внешнеполитический: эмансипация женщины расценивалась как заявка молодого государства Советов на статус демократического и в подлинном смысле новаторского образования. «Женский вопрос» напрямую связан с социальной политикой в отношении семьи, материнства и детства - той сферой, где СССР, действительно, сделал мощнейший прорыв, обогнав западный «цивилизованный» мир почти на полвека.

Однако в одночасье изменить многовековой народный уклад не подвластно никому, и у Советского государства это тоже не получилось, поэтому оно предприняло грамотный политический демарш: не менять положение вещей (пока не готово сознание, да и нуждается само государство в реальных изменениях?), но изменить ракурс восприятия проблемы. В итоге, традиционные роли полов были сохранены: женщина отвечает за воспроизводство населения, организует быт; мужчина воюет, приращивает национальные блага. Но что изменилось радикально, так это акцент, который был сделан на тематике заботы государства о женщине и семье. Пропаганда государственной линии была настолько сильна, что порой в рамках мифа образ советского мужчины и отца приобретал антигероические черты [Хасбулатова О.А., 2018]. Последнее обстоятельство тоже работало на раскрутку мифа: проблема равенства может решаться не только засчет эмансипации женщины, но и искусственного снижения «сверху» статуса мужчины.

В итоге слабость социальной позиции женщины была положена в основу консервативной социальной политики. Сюжет о слабости женщины и необходимости охранительных силовых практик и по сей день питает символический иерархический социальный порядок.

Вся эта линия оказывается рабочей не только по той причине, что идеологи в свое время грамотно выстроили патерналистскую легенду, но и по тому, что описываемый миф базируется на традиционных представлениях о мужском и женском в культуре. Изменился политико-экономический строй, а логика взаимоотношений полов (ядро мифа), предложенная большевиками, сохранилась и по сей день.

Распознать механики циркуляции мифологических смыслов затруднительно, поскольку мифы, если можно так сказать, проникают в социальные практики с «черного входа». Общественное сознание охраняет подобные структуры, прибегая часто к техникам вуалирования.

Анализируемый миф в пространстве высшей школы раскручивается в специфическом контексте - контексте, который в определенном смысле может быть расценен как нейтральный. Во-первых, в численном отношении женщины даже превосходят мужчин, что составляет почти 58% от занятых в сфере высшего образования [Образование в России – 2017, 2017], хотя наблюдается существенная диспропорция по уровню квалификации. Например, среди профессоров превалируют мужчины, а женщины составляют подавляющее большинство на таких должностях, как преподаватель и старший преподаватель. Во-вторых, количество женщин в России с высшим образованием больше мужчин (58% к 42%) [Женщины и мужчины России, 2018], что свидетельствует о более высокой квалификации женского населения страны в принципе. Это, действительно, очень хороший показатель по миру, и в этом отношении мы опережаем Европу и Северо-американский регион.

Но решение проблем равенства в институциональном ключе вовсе не означает достижения равенства на уровне сознания - на идеологическом уровне. Исследование, проведенное на базе нижегородских вузов в 2017-2019 гг (с применением качественных и количественных методов), показывает, что вопросы, связанные с взаимоотношением полов в образовательной среде и академическом пространстве вуза как на вертикальном уровне (преподаватель - студент), так и в горизонтальном срезе (студенческая среда, профессорско-преподавательский состав) не проблематизируются подавляющим большинством респондентов, даже если вскрываются факты дискриминации по половому признаку [Бабаева А.В., Шляхов М.Ю., 2018]. Кроме того некоторые вопросы, связанных с полом и гендером (работа фокус-групп, интервью), вообще снимаются как неактуальные, при этом главный аргумент аннигиляции вопросов: «в нашей стране это решено». Если все же возникает необходимость рефлексии сложившейся ситуации, респонденты охотнее всего используют отсылки к морали, традиции и, внимание!, государственной заботе о женщине и ее здоровье, последний аргумент охватывает такие темы, как список запрещенных для женщин профессий, недостаточность женского представительства во власти и некоторые другие. И еще, что обращает на себя внимание, что женщины готовы, по их признанию, практиковать в профессиональной среде политику двойных стандартов и смену риторики - вкратце: при необходимости переключать режимы «компетентный специалист», не имеющий права на ошибку, - «просто женщина», от которой выдающихся показателей ждать не стоит (техника применяется женщинами и для женщин).

В описанной ситуации нет ничего удивительного: в России большинство вузов государственные, и учредитель определяет и содержание образовательного процесса и «скрытого» учебного плана. В общей стилистике консерватизма в вузе сохраняется слабость женского в социальном, снимается или минимизируется рефлексия острых социальных вопросов (и в том числе пола) и все это на фоне отрицания наличия неравновесного отношения между полами. Однако же табуировать проблему не получается, поэтому в логике охранительных практик мифа разыгрываются значения, напрмер: вытеснение проблемы на периферию, т.е. признание ее неактуальной. Далее выстраивается цепь аргументов, где женский вопрос предстает полностью решенным, а мужского вопроса нет вообще, и респонденты воодушевленно настаивают на бесперспективности выдвижения пола и гендера как предметов дискуссий и изучения. Как отчетливо за ответами студентов и преподавателей слышится голос государства!

Литература

1. Женщины и мужчины России. Статистический бюллетень. М., 2018. 241с.
2. Бабаева А.В., Шляхов М.Ю., 2018 – *Бабаева А.В., Шляхов М.Ю.* Свободно ли пространство российского университета от гендерных маркеров? (на примере нижегородских вузов) // Вестник Мининского университета. 2018. Т.6.№4(25). С.15
3. Образование в России – 2017. Статистический бюллетень. – М.: Московский технологический университет, 2017. 444 с.
4. Хасбулатова О.А., 2018 – *Хасбулатова О. А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49-59.
5. Энгельс Ф., 2017– *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М:Ленанд. 240 с.
6. DeLanda, 2002 – *DeLanda M.* Intensive Science and Virtual Philosophy. London, NY, 2002. 252 p.

ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00092
УДК 316.752

ДИНАМИКА РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: ЛИБЕРАЛИЗМ И/ИЛИ ВОЗВРАТ К СОВЕТСКИМ ЦЕННОСТЯМ?

Анастасия Евгеньевна Антипова
Директор
АНО «Независимый исследовательский Центр»
Аида Наильевна Нурутдинова
Кандидат социологических наук, доцент
Казанский федеральный университет

В рамках статьи анализируется динамика основополагающих ценностей российского общества постсоветского периода. Приводятся этапы эволюции идеологических ориентиров. Высказывается идея, что влияние западных ценностей, массовой культуры способствует утверждению индивидуальных ценностей и приоритетов общества потребления. Модернизация общества, которая осуществляется локально, приводит к разрыву единого культурного поля и горизонтальных связей между людьми, потери национальной идентичности. Более того, тиражируемые западные ценности противоречат базовым принципам российской культуры, среди которых выделяют: коллективизм, социальное равенство и справедливость, народовластие, государственный патриотизм, приоритет духовных ценностей. Указанные ценности в советский период были социально одобряемыми, поддерживались идеологией и социальными практиками. Важную роль в общественной жизни отводилось труду, который был мерой социального статуса и распределения социальных благ. В последние несколько лет возрос интерес к советским ценностям и практикам общественной жизни. Данные социологического опроса фиксируют одобрение населением советских практик социальной помощи гражданам. Более того, создаются органы местного самоуправления, называемые Советами, деятельность которых основывается на признании верховенства советских законов. Таким образом, предпринимается попытка реализовать на практике принципы коллективизма и народовластия. Можно предположить, что данные тенденции будут усиливаться.

Ключевые слова: российская идеология, советские ценности, российские ценности, социальная справедливость, коллективизм, народовластие, советы, местное самоуправление.

DYNAMICS OF RUSSIAN IDEOLOGY AND MASS CONSCIOUSNESS: LIBERALISM AND/OR A RETURN TO SOVIET VALUES?

Anastasia Evgenievna Antipova
Director
ANO «Independent research Center»
Aida Nailevna Nurutdinova
PhD in Sociology, Associate Professor
Kazan Federal University

The article analyzes the dynamics of the fundamental values of the Russian post-Soviet society. The stages of evolution of ideological landmarks are also presented. It is suggested that the influence of Western values, mass culture contributes to the assertion of individual values and priorities of consumer society. The modernization of society, which is carried out locally, leads to the rupture of a single cultural field and horizontal ties between people and the loss of national identity. Moreover, the replicated Western values contradict the basic principles of Russian culture, among which are: collectivism, social equality and justice, democracy, state patriotism, the priority of spiritual values. These values in the Soviet period were socially approved, supported by ideology and social practices. An important role in public life was given to work, which was a measure of social status and distribution of social benefits. In the last few years, interest to Soviet values and practices of public life has increased. The data of the sociological survey record the approval of the population of the Soviet prac-

tices of social assistance to citizens. Moreover, local self-government bodies are being created. They are called Councils and theirs activities are based on the recognition of the supremacy of Soviet laws. Thus, part of society tries to put the principles of collectivism and democracy into practice. It can be assumed that these trends will increase.

Keywords: Russian ideology, Soviet values, Russian values, social justice, collectivism, democracy, councils, local self-government.

Тема поиска объединяющей российское общество идеи является одной из самых насущных и широко обсуждаемых в научном и общественном дискурсе. Дискуссии по поводу «левых» и «правых» программ, коммунистов и либералов постепенно отходят на второй план, уступая позиции идеям патриотизма и самобытности, появление которых в свою очередь во многом определяется проводимой политикой и общемировой ситуацией.

Профессор В.С. Малицкий выделяет несколько периодов эволюции идеологических ситуаций в российском обществе, начиная с 1985 года. С 1985 по 1991 год наблюдались переоценка социалистических ценностей, разрушение советской идеократической системы и коммунистической идеологи. Период с 1991 по 1996 год характеризуется деидеологизацией общества. С 1996 по 2000 год – поиск новой идеологии, с 2000 по 2008 год – период продвижения неолиберальных ценностей. С 2008 года по н.в. – переоценка идей неолиберальной идеологии и распространения модернистской идеологии, основывающейся по факту на неоконсервативных ценностях. Одновременно стали распространяться идеи консервативной идеологии, основанной на российских православных традициях. [Малицкий, 2012]

Вместе с тем, несмотря на некоторую динамику в становлении постсоветской идеологии, общая, объединяющая все общество идея, принимаемая массовым сознанием, так и не сформировалась. Многие «демократические ценности» в российском варианте подвергаются критике и не принимаются значительной частью общества. Об этом свидетельствует критика и недоверие выборам, падение рейтинга федеральных властей, недоверие судебной и правоохранительной системе и прочее. По данным АНО «Независимый исследовательский Центр» лишь четверть опрошенных (26,5%) были уверены, что предстоявшие выборы президента 2018 года пройдут честно, и только каждый третий респондент (34,5%) отмечал, что победитель выборов будет выражать интересы всех избирателей. [Россияне об отношении] Другой опрос НИЦ выявил недоверие половины опрошенных россиян судебной системе. [Отношение россиян]

Постсоветский период ознаменовался оттеснением государственными структурами советских ценностей западными (преимущественно ценностями массовой культуры американского типа). Это привело, по мнению ряда исследователей, к неспособности общества выстраивать горизонтальные социальные связи, на которых строились институты управления обществом. [Ястребова, 2015, с. 147] Кроме того, горизонтальные общественные связи, национальная идентичность и единое культурное поле подрываются локальной модернизацией общества, которая активно происходит в закрытых социальных группах. В конечном итоге это привело к подмене модернизации манипуляцией, а российское общество приобрело черты общества потребления. [Ястребова, 2015, с. 147-149] Вместе с тем горизонтальные отношения между обществом и властью не выстроены. Избиратели не доверяют выборным процедурам и выбранным представителям. Так, опрос НИЦ (2016 год) показал высокий уровень недоверия избранным депутатам – 66,4%. [49,2% россиян хотят]

По мнению ряда исследователей основная причина сложностей формирования общегосударственной идеи заключается в игнорировании базовых, основополагающих принципов российской культуры, таких как: коллективизм, социальное равенство и справедливость, народовластие, государственный патриотизм, приоритет духовных ценностей. [Аргунова, 2018; Государство справедливости, 2018; Туев, 2017] Именно на их основываются характерные для России мотивация поведения, формы общественного жизнеустройства. В советский период эти ценности были социально-одобряемыми и поддерживались идеологией и социальными практиками. Общественное устройство строилось на коллективизме, социальном равенстве и справедливости. Важная роль отводилась общественно значимому труду, который был способом распределения общественных благ и мерой социального статуса и престижа. Социальное равенство реализовывалось через систему социальных гарантий – бесплатную медицину и образование. Особую роль в реализации социальной справедливости отводилось народовластию. В советский период органы власти создавались благодаря выдвижению кандидатур на собраниях трудовых коллективов и дальнейшим голосованием. Таким образом, формировались органы власти на разных уровнях, была создана сильная государственная власть, ориентировавшаяся на интересы коллективов. [Туев, 2017, с. 604] Высказывается мнение, что отказ от советской культурной традиции способствовал нарастанию культурной катастрофы в современном российском обществе. [Ястребова, 2015, с. 149]

Несмотря на отказ от советской системы координат, в последние несколько лет ностальгия по прежней системе ценностей и повседневным практикам растет. Данные всероссийского опроса, проведенного НИЦ в 2018 году, показали, что многие респонденты (79%) помнят жизнь в СССР, а 62% хорошо это помнят. Оценивая положительный опыт Советского Союза, респонденты выбирали несколько вариантов ответа. Указывали на серьезную социальную защиту населения государством (пенсии, пособия, льготы и пр.), бесплатное здравоохранение и образование, бесплатное жилье, обеспечение всех работой, доступные цены на кооперативные квартиры, низкие коммунальные платежи, уверенность в завтрашнем дне и др. Среди недостатков советского режима отмечали трудности с выездом за границу, всеобщую трудовую занятость, прода-

жу преимущественно отечественных товаров, отсутствие политической оппозиции КПСС, невозможность разбогатеть и отделение церкви от государства. О возможности воссоздать обновленный СССР, в котором будут устранены отрицательные черты прежнего союза, высказалось 26,2%. [Население России]

Данные опроса свидетельствуют о востребованности таких ценностей, как социальное равенство и справедливость, выражавшихся в конкретных социальных практиках СССР. Не менее важная ценность русской культуры – народовластие – также нашло свое отражение в российских практиках. В последние время все чаще на просторах Интернет обсуждается тема создания местного самоуправления, по аналогии с советами. Так, например, общественно-политическое объединение «Большой проект России» на своем сайте подробно описывает процесс создания местных Советов, как органа самоуправления. Собрание такой инициативной группы руководствуется Конституцией СССР 1997 года, Конституцией РСФСР 1978 года, Референдумом о сохранении СССР 1991 года. [Формирование советов] В основе такой риторики лежит аргумент, что СССР по закону все еще существует, значит, продолжает действовать советское законодательство. Согласно проведенному НИЦ опросу 29,9% россиян знают, что фактически по закону СССР все еще существует. [Население России]

Анализ динамики развития государственной идеологии в России в постсоветский период свидетельствует о распространении ценностей индивидуализма и потребления, которые способствуют скорее деградации общества и его базовых культурных детерминант, нежели эволюции. Поэтому возрождение интереса к ценностям советской эпохи, наблюдаемое в массовом сознании, учитывает культурные традиции российского народа и является, на наш взгляд, логическим следствием развития общественно-политических процессов в России.

Литература

1. 49,2% россиян хотят – 49,2% россиян хотят отменить результаты прошедших выборов! // Независимый исследовательский Центр. URL: http://исследовательский-центр.рф/49-2-rossiyan-hotyat-otmenit-rezultaty-proshedshih-vyborov/ (дата обращения: 13.02.2019)
2. Аргунова, 2018 – *Аргунова В.Н.* Влияние социально-стрессовых расстройств на представления о социальной справедливости и несправедливости // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №3. С. 82-85. URL: http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?jnum=238 (дата обращения: 13.02.2019)
3. Государство справедливости – Государство справедливости – праведное государство / С.С. Сулакшин, В.Н. Аргунова, В.Э. Багдасарян, А.А. Гаганов, Н.А. Захаренко, Л.И. Кравченко, Н.И. Шишкина. М.: Наука и политика, 2018. 512 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35025602 (дата обращения: 13.02.2019)
4. Малицкий, 2012 – *Малицкий В.С.* Идеология в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №3. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.3/2090/malitsky2012_3.pdf (дата обращения: 13.02.2019)
5. Население России – Население России не против воссоздания СССР // Независимый исследовательский Центр. URL: http://исследовательский-центр.рф/naselenie-rossii-ne-protiv-vossozdaniya-sssr/ (дата обращения: 13.02.2019)
6. Отношение россиян – Отношение россиян к судебной системе (итоги всероссийского опроса) // Независимый исследовательский Центр. URL:http://исследовательский-центр/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-itogi-vserossijskogo-oprosa/ (дата обращения: 13.02.2019)
7. Россияне об отношении – Россияне об отношении к выборам президента России-2018 // Независимый исследовательский Центр. URL: http://исследовательский-центр/335-2/ (дата обращения: 13.02.2019)
8. Туев, 2017 – *Туев В.А.* Методологические проблемы идеологии российского общества // Известия Байкальского университета. 2017. Том 7. № 4. С. 600-606. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/metodologicheskie-problemy-ideologii-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 13.02.2019)
9. Формирование советов – Формирование советов на местах // Большой проект России. URL:http://bpros.ru/formirovanie-sovetov-na-mestah/ (дата обращения: 13.02.2019)
10. Ястребова, 2015 – *Ястребова И.И.* Социокультурные характеристики современного российского общества // Власть. 2015. № 8. С. 146-149. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sotsiokulturnye-harakteristiki-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 13.02.2019)

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00093
УДК 72.01

К ВОПРОСУ ПЕРИОДИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ И КРИТЕРИЕВ ЕЁ ОЦЕНКИ

Ирина Олеговна Бембель
Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
Главный редактор журнала «Капитель»

Целью статьи является осмысление архитектурной «истории стилей» в контексте существования двух философских парадигм: Традиции и Современности.

Рассуждения имеют два исходных пункта. Первый – тезис С.О. Хан-Магомедова о двух суперстилях в архитектуре: классике и модернизме. Второй – та периодизация «крупного плана», которая практикуется сегодня на Западе в отношении истории искусства: «old art», «modern art» и «contemporary art». Философской опорой рассуждений автора стал традиционализм Рене Генона и его последователей, помогающий выявить скрытые импульсы магистральных процессов формообразования. При таком подходе история архитектуры обретает недостающую ей логику и предстает как постепенная (Новое время), а затем скачкообразная (Новейшее время) смена первого суперстиля вторым. При этом периодизация «крупного плана» никоим образом не отменяет сложившейся «истории стилей», но дополняет ее.

Попутно ставится вопрос об эстетических критериях оценки произведений архитектуры и необходимости уточнения исследовательских позиций в условиях происходящей смены парадигм.

Ключевые слова: Современная архитектура, Современность, Традиция, суперстили, периодизация, философия, традиционализм, модерн, постмодерн, постструктурализм.

TO THE QUESTION OF THE PERIODIZATION OF MODERN ARCHITECTURE AND ITS EVALUATION CRITERIA

Irina Olegovna Bembel
PhD in history of Arts, Senior Researcher
Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning
Chief editor of the journal «Capitel»

The purpose of the article is to interpret the architectural «history of styles» in the context of the existence of two philosophical paradigms: Tradition and Modernity.

The reasoning has two starting points. The first is S. O. Khan-Magomedov's thesis about two superstyles in architecture: classics and modern-ism. The second starting point is the «enlarged periodization», which is practiced today in the West in relation to the history of art: old art», «modern art» и «contemporary art». Traditionalism of Rene Guenon and his followers has become a philosophical support that helps to reveal the hidden impulses of the main processes of formation. The history of architecture acquires the missing logic with this approach and appears as a gradual (New time), and then the abrupt (new time) change of the first super style by the second. At the same time, the periodization of the «close-up» in no way cancels the existing «history of styles», but complements it.

Along the way, the question is raised about the criteria for evaluating works of architecture and the need to clarify research positions in the context of paradigm shift.

Keywords: Modern architecture, Modernity, Tradition, super styles, periodization, philosophy, traditionalism, modern, postmodern, poststructuralism.

Сегодня становится очевидным, что принятая в отношении архитектуры «история стилей» уже не объясняет стоящих за ними более крупных процессов. Особенно бесплодным «стилевой подход» проявил себя в последние десятилетия, ввиду чрезвычайной многоликости новейших направлений.

Например, традиционная «история стилей» в архитектуре никак не выделяет в общем их ряду авангард-конструктивизм, хотя он ознаменовал собой наступление принципиально новой – современной – архитектурной эры. Наша задача – показать, что модернистский переход был именно революционным, скачкообразным, что для него характерны радикально иные принципы формообразования, опирающиеся на новые мировоззренческо-философские модели.

В контексте общих парадигмальных сдвигов во многих дисциплинах (например, в исторической науке, в философии) происходит переосмысление и корректировка сложившейся хронологии. На наш взгляд, не менее актуален этот вопрос и для истории архитектуры. В этом смысле заслуживает внимания та периодизация «крупного плана», которая практикуется сегодня на Западе в отношении истории живописи: «old art»” (от древности до импрессионистов), «modern art» (от импрессионистов до 1960-х), «contemporary art»

(от 1960-х до нашего времени). В русском языке им примерно соответствуют термины «традиционное искусство», «новое искусство» и «актуальное (новейшее) искусство». Разумеется, границы между названными периодами в значительной степени условны и размыты, но так или иначе первый водораздел знаменует наступление модернизма, а второй – постмодернизма во всем множестве частных направлений.

Периодизация «крупного плана», используемая на Западе по умолчанию, выглядит еще более убедительно в контексте истории философии.

Философской базой наших рассуждений стал традиционализм Рене Генона и его последователей, в первую очередь, А. Г. Дугина. Рене Генон первым стал рассматривать Традицию не изнутри, как представитель и «продукт» той или иной локальной традиционной культуры, а извне, постигая парадигму Традиции в сопоставлении с новой, неведомой прежним векам парадигмой Современности. Генон впервые поднял вопрос о метаязыке Традиции как фундаментальной оппозиции метаязыку Современности. Доминирующей современной модели прогресса и линейного количественного времени традиционализм Генона противопоставил модель вечности, а временной поток обозначил как низший слой бытия, причем находящийся в ускоренно деградирующей фазе. Однородному, механическому, количественно измеряемому пространству Современности он противопоставил качественное, этически ориентированное пространство Традиции с ясно обозначенной системой ценностных координат. [Генон, 2011]

К традиционно ориентированным отечественным философам близок также В.Н. Кутырёв. Его глубокий анализ процессов перехода от мышления-сознания (логоса) к мышлению-исчислению (техносу) чрезвычайно важен, с нашей точки зрения, для понимания процессов, связанных с развитием параметрической архитектуры. [Кутырёв, 2015]

Другим исходным пунктом наших рассуждений стал тезис о двух супер-стилях в архитектуре С.О. Хан-Магомедова, который сформулирован ученым в его последней книге «Иван Жолтовский» [Хан-Магомедов, 2010, с. 7-8]. Этот ключевой для нас тезис, укладывающийся в несколько абзацев, остался по сути неразработанным.

Хан-Магомедов говорит о «классике» и «модернизме», при том, что оппозиция представляется более широкой и универсальной. За «классикой» стоит вся «старая» архитектура Традиции; за «модернизмом» – вся архитектура Современности, а это и «modern architecture», и «contemporary architecture» (последней ученый не касается вовсе). При этом суть различия «modern architecture» и «contemporary architecture» как двух этапов развития второго суперстиля невозможно выявить без философии как базы формального анализа.

Среди работ, в которых выявлена связь архитектуры с развитием философии, едва ли не важнейшая роль принадлежит работам И.А. Добрициной. Хотя предметом ее исследований является архитектура современная, автор неизбежно и естественно рассматривает ее в соотношении и «деконструируемой» классикой, выявляя сущность новейшего архитектурного мейнстрима как неутомимый, азартный и изобретательный пафос отрицания не просто всех традиций, но всей традиционной парадигматики. [Добрицына, 2004].

Близко к идее суперстилей как отражению антагонистических парадигм подошел польский исследователь Цезарий Вонс (Cezary Wąs) [Wąs, 2008, с. 8-9]. Он стал одним из немногих, кто акцентировал качественное различие архитектурных языков Традиции и Современности на основании их различной ориентации: в первом случае – на мир невидимый, идеальный, во втором – на мир материальный.

Еще острее антагонизм традиционного и современного раскрыт у Никоса Салингароса – греко-американского архитектурного аналитика, чья метафора «шахматной доски» прозвучала неожиданным развитием хан-магомедовского тезиса о двух суперстилях. Солингарос рассматривает все многообразие исторических и региональных стилей как шахматное поле со множеством упорядоченных клеток, вынося при этом все современные стили за пределы «шахматной доски», на пустынную безлюдную «парковку». [Салингарос, 2017, с. 32-33]

В условиях сложного взаимодействия двух генетически разнородных парадигм важнейшей проблемой становится вопрос критериев оценки архитектурных произведений, их «пользы прочности и красоты» как универсальных внеисторических качеств. С этой проблемой непосредственно связаны вопросы, во-первых, идентификации формообразующего генезиса при анализе произведений, во-вторых, определения собственных позиций исследователя.

В свете философии традиционализма и близких ей мыслителей история архитектурных стилей обретает недостающую ей логику. Согласно этой логике, известные стили группируются в более крупные этапы, которые предельно схематично можно обозначить следующим образом.

1. Традиционная («старая») архитектура, относящаяся к периоду до Нового времени, т.е. до эпохи Возрождения. Эстетика этого огромного периода строилась на трактовке красоты земной как отражении красоты небесной, абсолютной и объективной. Отсюда происходит преемственность и каноническая нормативность (отмеченная И.А. Добрицыной ориентация на «образцы»), восходящая к платоновской идее первообраза. В архитектуре ей соответствовали определенный символизм форм, иерархическая упорядоченность, строгая соотнесенность со сторонами света, симметрия, тектоничность и т.д., а также полное единство конструктивной и образной составляющих («правдивая» архитектура). Именно это генетическое родство, как представляется, позволяло неконфликтно уживаться домодернистским стилям разных эпох.

2. Архитектура историзма, начавшая свой отсчет в эпоху Возрождения. Это длительный период подспудной секуляризации при внешнем сохранении старого уклада, время оскудения смыслов Традиции и вызревания новых идей при внешнем сохранении старых форм. С эпохи Возрождения началось смещение

творческого фокуса от «вечного» в прошлое. Этот период, характеризующийся разложением средневековой картины мира (от теизма к деизму и, наконец, к атеизму), синхронно накладывается на архитектурную эпоху «стилей», которая развивалась в сторону все большего расхождения традиционных форм с новыми функциями и новым сознанием и логически завершилась торжеством «взорвавшей» ее изнутри современной архитектуры.

3. Модернистская архитектура («modern architecture») как начало второго суперстиля. Ее отсчет которой совпадает с началом Новейшего времени. Она характеризуется возвратом к единству конструктивной и образной составляющей в рамках новой эстетики. По отношению к эстетике традиционной, платоновской, это была антиэстетика: горизонтальная либо произвольная ориентация вместо вертикальной, отказ от иерархии и симметрии, утилитарно трактуемая функциональность, преобладание индивидуального над каноническим и т.д.

4. Новейшая (актуальная) архитектура или «contemporary architecture», совпадающая с эпохой постмодерна – с 70-х годов XX века. Сюда относится не только постмодернизм как конкретный стиль, но и все современные течения, объединяемые общим признаком отрицания традиции. В искусстве возобладал крайний индивидуализм, решительный отказ от любых абсолютных категорий и их формальных признаков – таких, как объединяющий центр, иерархия и т.д., согласно питающей постмодернизм постструктуралистской философии.

При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет, разумеется, лишь о генезисе современного формообразования, а не о конкретных смысловых посылах тех или иных архитекторов, которые могут быть самыми разными и даже вступать в противоречие с природой используемых ими форм, как, например, в модернистских храмах.

В заключение добавим, что предложенная периодизация «крупного плана» никоим образом не отменяет сложившейся «истории стилей», но дополняет ее.

Литература

1. Бембель, 2018 – *Бембель И.О.* «Суперстили» и периодизация в архитектуре. «Academia. Архитектура и строительство». №4, 2018. С. 29-34.
2. Рене, 2011 – *Рене Г.* Царство количества и знамения времени. – М.: Беловодье, 2011.
3. Добрицина, 2004 – *Добрицина И.А.* От постмодернизма – к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
4. Дугин, 2009 – *Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: Евразийское движение, 2009.
5. Кутырёв, 2015 – *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция – СПб.: Алетейя, 2015 – 312 с.
6. Салингарос, 2017 – *Салингарос Н.* Анти-архитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. – Москва-Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
7. Хан-Магомедов, 2010 – *Хан-Магомедов С.О.* Иван Жолтовский. – М.: С.Э. Гордеев, 2010.
8. Wąs, 2008 – Wąs Cezary. Antynomie współczesnej architektury sakralnej. – Wrocław: Muzeum architektury we Wrocławiu, 2008.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00094
УДК 7.01

ЗАЛИТЬ СТРАНУ ВОСПРИЯТИЕМ - СОВЕТСКАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 20-Х ГОДОВ

Ян Игоревич Выговский
Аспирант
Литературный институт им. А. М. Горького

Сообщение будет касаться отношений между способностью воспринимать (перцепт) и способностью мыслить при помощи понятий, то есть двигаться через мышление (концепт). В течение долгих веков своего развития искусство развивалось по довольно устоявшемуся направлению, имея соответствующую схему: от концепта к перцепту, или от самого акта создания художественного произведения до его восприятия субъектом при взаимодействии с ним. Сближение искусства и философии имеют множество примеров и путей решения, одними из которых являлись «замена ощущений концептами» (Делез / Гваттари) и наоборот, производство именно ощущений – перцептов (Джеймс), а не концептов (абстрактное искусство, концептуализм).

Доклад также будет посвящен феномену эстетической системы 20-х годов XX века: как «коллективная чувственность» (Чубаров) видоизменяется до того момента, когда теоретическое и практическое становится единым целым, начинает представлять собой самостоятельную эстетическую систему в лице представителей пролетарской культуры (Дзига Вертов, Корнелий

Зелинский), в частности, Алексея Гастева.

Ключевые слова: пролеткульт, эстетика, 1920-е годы, Алексей Гастев, коллективная чувственность, восприятие.

TO FULLFILL THE COUNTRY WITH PERCEPTION: THE SOVIET AESTHETIC THOUGHT OF THE 20TH CENTUARY

Yan Igorevich Vygovskii
Postgraduate student
Maxim Gorky Literature Institute

The paper will be devoted to the relationship between the ability to perceive (percept) and the ability to think with concepts, that is, to move through thinking (concept). During the long centuries of its development, art was developing along a well-established direction, having an appropriate scheme: from concept to percept, or from the act of creating an art-work to its perception by the subject interacting with it. The rapprochement of art and philosophy has many examples and solutions, one of which was the "replacement of sensations by concepts" (Deleuze / Guattari) and vice versa, the production of sensations is percept (James), not concepts (abstract art, conceptualism).

The paper also explores the phenomenon of the aesthetic system of the 20s of the 20th century. The question is how "collective sensetivity" (Chubarov) changes until the theoretical and practical becomes a single whole, and begins to be an independent aesthetic system represented by participants of the proletarian culture (Dziga Vertov, Cornelius Zelinsky), in particular, Alexey Gastev.

Keywords: proletkult, aesthetics, 1920th year, Alexey Gastev, collective sensibility, perception.

Доклад будет касаться отношений между способностью воспринимать (перцепт) и способностью мыслить при помощи понятий, то есть двигаться через мышление (концепт). В течение долгих веков своего развития искусство развивалось по довольно устоявшемуся направлению, имея соответствующую схему: от концепта к перцепту, или от самого акта создания художественного произведения до его восприятия субъектом при взаимодействии с ним. Сближение искусства и философии имеют множество примеров и путей решения, одними из которых являлись «замена ощущений концептами» (Делез / Гваттари) и наоборот, производство именно ощущений – перцептов (Джеймс), а не концептов (абстрактное искусство, концептуализм).

Отчетливее всего эта тенденция прослеживается в отечественной эстетике 20-х годов 20 века, а именно у Алексея Капитоновича Гастева – поэта, экономиста, революционера, одного из основных авторов Пролеткульта, теоретика-философа, который также являлся одним из создателей системы эстетического воспитания. Наряду с не менее важными авторами Пролеткульта, такими как Александр Богданов и Борис Арватов, Гастев оказал большое влияние на развитие отечественной эстетической системы, как в художественной, так и в смежных с ней областях.

Об эстетике 20-х годов существует точное, но совсем небольшое по объему исследование – это брошюра К.В. Кулаева под названием «Советская эстетическая мысль 20-х годов». Об Алексее Капитоновиче Гастеве, в отличие от Пролеткульта, мы имеем всего одно зарубежное исследование, написанное стокгольмским ученым Куртом Йоханссоном в 1983 году, под названием «Aleksej Gastev, Proletarian Bard of the Machine Age» («Алексей Гастев: пролетарский поэт индустриального века»). Именно в исследовании последнего даны представления о художественной практике Гастева как едином синтезе теоретического и практического, что представляет собой своего рода «смещение» прагматики, а с ним и практики восприятия как таковой («Гастев – тейлорист в поэзии», Йоханссон).

Доклад будет посвящен феномену эстетической системы 20-х годов XX века: как «коллективная чувственность» (Чубаров) видоизменяется до того момента, когда теоретическое и практическое становится единым целым, начинает представлять собой самостоятельную эстетическую систему в лице представителей пролетарской культуры (Дзига Вертов, Корнелий Зелинский), в частности, Алексея Гастева.

Литература

1. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара. М.: Художественная литература. 1972.
2. Чубаров И. Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. М.: Изд. дом Высшей Школы экономики, 2014.
3. Johansson, Kurt. Aleksej Gastev, Proletarian Bard of the Machine Age. Stockholm, 1983.
4. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. Академический проект, 2009.
5. Джеймс У. Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Общ. ред., послесл. и примеч. А.Ф. Грязнова. — М.: Республика, 2000.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00094
УДК 1

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ДИАЛОГ

Елена Дмитриевна Шетулова
Доктор философских наук
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева
Марина Владимировна Заладина
Старший преподаватель
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Русская философия есть «философствование о России» (С.Э. Крапивенский). Это явственно видно и при обращении к анализу проблемы революции в русской философии конца XIX – начала XX веков. Принципиальным основанием предпринятого исследования выступает положение, согласно которому русская национальная философия на метауровне своего существования и функционирования представляет собой единство понятийного и проблемного поля всех своих основных направлений. Соответственно в тот период в качестве таковых выступали религиозная философия и марксизм. По мысли авторов статьи, отношения между ними необходимо рассматривать не как абсолютную конфронтацию или метафизически понимаемое противостояние, а как диалог. Данное понимание четко иллюстрируется и конкретизируется посредством раскрытия темы революции в русской философии. Результат анализа выражен в следующих положениях. Во-первых, при ближайшем рассмотрении обнаруживается взаимодополнительность интерпретации революции религиозной философией и марксизмом. Во-вторых, и то, и другое направление не просто констатирует исключительно положительный, либо исключительно отрицательный смысл революции, но истолковывает ее как сложное, диалектичное явление.

Ключевые слова: революция, русская философия, религиозная философия, марксизм, интерпретация, диалог

UNDERSTANDING THE REVOLUTION IN RUSSIAN PHILOSOPHY AS A DIALOGUE

Elena Dmitrievna Shetulova;
DSc in Philosophy
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev
Marina Vladimirovna Zaladina
Senior lecturer
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

Krapivensky S.E. called Russian philosophy «philosophizing about Russia». This becomes apparent when referring to the analysis of the problem of revolution in Russian philosophy of the late XIX - early XX centuries. The fundamental basis of the undertaken research is the position according to which the Russian national philosophy at the meta level of its existence and functioning is the unity of the conceptual and problem field of all its main areas. Actually, during this period, religious philosophy and Marxism acted as such. According to the authors of the article, the relationship between these directions should be viewed as a dialogue, and not as an absolute confrontation or metaphysically understood opposition. This understanding is clearly illustrated and concretized through the disclosure of the theme of revolution in Russian philosophy. The result of the analysis is recorded in the following theses. First, on closer consideration, the mutually complementarity of the interpretation of the revolution by religious philosophy and Marxism is revealed. Secondly, both directions not only states the exclusively positive, or only the negative meaning of the revolution, but interprets it as a complex, dialectical phenomenon.

Keywords: revolution, Russian philosophy, religious philosophy, Marxism, interpretation, dialogue

Наше общество продолжает переживать период радикальной трансформации. Согласимся с О.Н. Смолиным, что такого рода период в области анализа политического процесса требует критического использования основных парадигм социогуманитарной науки, применения известных научных методов, а также разработки новых методов, соответствующих объекту и предмету исследования [Смолин, 2016, с. 105]. Добавим от себя, что рассмотрение современного отечественного политического процесса требует учитывать уроки истории. Помимо прочего это означает, что исследование понятия и проблемы революции остается актуальной задачей.

Общественная мысль современной России во многом демонстрирует негативное отношение к проблематике революции, объясняя это противоположностью революционного (радикального, насильственно-

го) и эволюционного (мирного, реформистского) путей развития общества, катастрофичностью революции, маргинальностью самой идеи внутри национальной русской философии. Одним из базисных оснований такого подхода объявлены идеи русских религиозных философов XIX-XX веков. Для этого, безусловно, есть ряд предпосылок. Хотя бы потому, что революция есть своеобразное «социальное землетрясение» и понимается именно как таковое.

Однако, по нашему мнению, в общем рассмотрении проблематики революции внутри отечественной мысли сложился ряд мифов. Основной из них - полная противоположность русской религиозной и русской материалистической философии, в том числе, в плане анализа проблемы революции. Анализ этого мифа и является предметом данной работы.

Существует ли известная противоположность русской религиозной и русской материалистической философии? Да, существует. Она обусловлена мировоззренческой и методологической спецификой «ветвей» нашей национальной философии. Но, одновременно, присутствует определенное единство, выражающее себя в наличии ряда сходных черт, присущих как религиозной, так и материалистической философии России, демонстрирующих, с одной стороны, специфику философского процесса в нашей стране, в сравнении с другими национальными философиями, а с другой стороны показывающих определенное единство русской философии на метауровне.

В частности, в статье Т.И. Липич, базирующейся на анализе широкого круга работ, посвященных разным аспектам исторического развития русской философии, отмечено ее национальное своеобразие, раскрывающее себя в следующих аспектах. Во-первых, антропологическая проблематика решается преимущественно в социально-нравственном ключе. Во-вторых, отечественную мысль характеризует позднее возникновение стройных философских систем. В-третьих, русская философия во многом вырастает из русской литературы, литература выступает как исток философской мысли. В-четвертых, национальный стиль философствования есть умственное чувствование. В-пятых, большое влияние западноевропейской мысли при наличии своеобразия ее интерпретации в плане придания европейским идеям новых смыслов, их перевода на язык русского мировоззрения и миропонимания [Липич, 2009, web].

Рассматривая вопрос во втором из выделенных нами планов, снова отметим наличие единства русской философии на метауровне. В том числе, данное единство обнаруживает себя в своеобразном диалоге русской религиозной философии и русского марксизма как ведущего материалистического течения конца XIX – начала XX века, приведшим и к некоторому заимствованию ряда идей, причем как одним, так и другим течением мысли. Так Г.Л. Тульчинский подчеркивает, что русская религиозная философия обладала «зернами тоталитаризма», что, до известной степени, сказалось и на русском марксизме, проявившись в нем эсхатологизмом, нравственным максимализмом, правовым нигилизмом [Тульчинский, 1995, с. 89]. В свою очередь и русская религиозная философия, как показано в работе М.М. Прохорова, в отдельных своих моментах сближается с марксизмом и доходит даже до признания совпадения, тождества мировоззренческого основания русской и западной философской мысли [Прохоров, 1995, с. 46].

Соответственно, как нам представляется, мы не можем говорить о наличии полной противоположности русской религиозной и русской материалистической философии. Однако как быть с анализом революции разными «ветвями» национальной философии? Насколько можно судить и то, и другое направление рассматривали революцию, при этом выявляя и акцентируя в проблеме разные моменты. О.С. Борисова, рассматривая данный вопрос, отмечает, что религиозная философия придавала революции метафизическое и антропологическое измерение. В интерпретации материалистической, марксистской философии революция трактовалась как закономерное явление развития социума, имеющее свои предпосылки, законы развития, движущие силы [Борисова, 2015, с. 68-69]. Но различие интерпретации не означает полностью противоположного подхода.

Относилась ли русская религиозная философия к идее и процессу революции сугубо негативно? В принципе, найти подтверждение этому несложно. Достаточно обратиться к ряду работ религиозных философов.

Например, в известном сборнике «Из глубины» содержится немало характеристик, даваемых революции, и характеристик жестких, даже пугающих (при учете, что эти характеристики носят скорее образно-эмоциональный, а не понятийно-рациональный характер). Так С.А. Аскольдов писал о торжестве зверя и распаде русской души [Аскольдов, 1990, с. 36, 48]. Н.А. Бердяев характеризовал революцию как катастрофу, низвергнувшую Россию в темную бездну [Бердяев, 1990а, с. 55]. С.Л. Франк, как и Бердяев, полагал, что революция бросила страну в настоящую бездну и полную безнадежность [Франк, 1990, с. 251].

Однако ряд религиозных философов не формулировали столь жесткие оценки. Напротив, их позиция была иной. Они пытались постигнуть причины и смысл революции, не осудить, а объяснить революционные события, рассматривали революцию как некую неизбежность, пытались выявить основания этой неизбежности. Среди них обнаруживаем такие фигуры, как В.И. Иванов, Л.П. Карсавин, Г.П. Федотов.

Парадоксальным образом духовная эволюция привела к переосмыслению проблематики революции тех философов, которые в сам момент ее прохождения занимали наиболее непримиримую позицию. И здесь нельзя не упомянуть Н.А. Бердяева, занимавшего по отношению к революции жесткую позицию. Спустя двадцать лет, в 1938 году, он издает книгу «Истоки и смысл русского коммунизма», в которой представлено концептуальное понимание русской революции.

Здесь, как нам кажется, дано не метафорическое, как в «Духи русской революции», а аналитическое

понимание этого сложного социального феномена. В ней Бердяев развернуто рассмотрел действительные предпосылки революции, ее универсальную и национальную стороны, достаточно объективно исследовал феномен большевизма [Бердяев, 1990б].

С другой стороны, обращаясь к марксизму, мы также не можем не отметить наличие сложных, неоднозначных оценок революции. Конечно, революция есть «локомотив истории» и прогресс является ее доминирующей тенденцией. Такова общая основа марксистского понимания. Но одновременно вполне признается не только факт созидания, но и факт разрушения, определенная безжалостность революции, наличие жесткого и неприкрытого насилия. В общем "Все это говорит о том, что не бывает революций без больших или меньших элементов регресса, включая хаос и человеческие жертвы" [Осадчий, 2005, с. 194-195].

Следовательно, мы можем констатировать, скорее не просто однозначно отрицательный или положительный, а сложный подход русских философов к теме революции, к ее природе и последствиям. Революция не есть «выпадение из истории», в ней есть положительный смысл, но одновременно она есть разрушение. Наличие того и другого, при различной артикуляции, отмечалось многими русскими философами, вне зависимости принадлежности соответствующему направлению.

Литература

1. Аскольдов, 1990 – *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 20-54.
2. Бердяев, 1990 – *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 55-89.
3. Бердяев, 1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 222 с.
4. Борисова, 2015 – *Борисова О.С.* Концептуальные инверсии революции в русской философии // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 1 (5). С. 62-69.
5. Липич, 2009, web – *Липич Т.И.* Проблема специфики русской философии начала XIX века в историко-философской науке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 7. С. 24-33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-spetsifiki-russkoy-filosofii-nachala-xix-veka-v-istoriko-filosofskoy-nauke
6. Осадчий, 2005 – *Осадчий Н.И.* Общество: социально-философские очерки. М.: Былина, 2005. 208 с.
7. Прохоров, 1995 – *Прохоров М.М.* Традиции и обновление в философии: мировоззренческий подход // Традиции и обновление. Диалог мировоззрений. Материалы международного симпозиума. Часть 1. Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 1995. С. 45-49.
8. Смолин, 2016 – *Смолин О.Н.* Революция: опыт философского анализа // Альтернативы. 2016. № 2. С. 105-129.
9. Тульчинский, 1995 – *Тульчинский Г.Л.* Об одной ошибке русской философии // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 83-95.
10. Франк, 1990 – *Франк С.Л.* De profundis // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 251-269.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00095
УДК 130.2

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ

Надежда Александровна Касавина
Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Интерпретируется позиция Л. Шестова о революции как иллюзии свободы, высказанная им в статье «Что такое русский большевизм». Показано двойственное отношение интеллигенции к революции. С одной стороны, революция воспринимается как трагедия России, которая привела к огромным жертвам и потерям, с другой - как назревший ответ на сложившуюся в обществе напряженность, резкую социальную поляризацию и бедственное положение широких слоев населения. Концепция социального государства, сложившаяся в середине XIX века в трудах Л. фон Штейна (1815-1890) и примененная на практике, явилась выходом из сходной острой социально-экономической ситуации в Европе. Ответственность государства за осуществление социальных функций позволила преодолеть деструктивные общественные процессы. Возможно, в укреплении социального государства, которое направлено на создание системы управления рисками, на решение конкретных проблем общественного устройства и порядка, и содержится урок революции, который оказался не вполне усвоенным и сегодня, после ста лет с момента ее свершения.

Ключевые слова: революция, свобода, иллюзия, социальное государство, Л. Шестов, С. Булгаков, П. Сорокин.

REVOLUTION AS THE ILLUSION OF FREEDOM

Nadezhda Alexandrovna Kasavina
DSc in Philosophy, Associate Professor
Institute of Philosophy RAS

The paper aims at interpreting the position by Leo. Shestov on the revolution as the illusion of freedom, expressed in his article «What is Russian Bolshevism». It shows an ambivalent attitude of the intelligentsia to the revolution. On the one hand, the revolution was perceived as the tragedy of Russia, which led to heavy casualties and losses. On the other hand, the revolution represented an overdue response to constant tensions, sharp social polarization and the plight of the common public. The concept of the welfare state, L. von Stein (1815-1890) applied in practice in Europe became a way out of similar acute socio-economic situation. State responsibility for the realization of social functions has allowed overcoming destructive social processes. Perhaps the need to strengthen the welfare state, which is aimed at creating a system of risk management, is a lesson of the revolution, which turned out to be not quite learned even today, one hundred years after this event.

Keywords: revolution, freedom, illusion, welfare state, L. Shestov, S. Bulgakov, P. Sorokin.

Столетие октябрьской революции инициировало новые размышления и дискуссии о ее истоках, формах и последствиях. Актуально и обращение к тем мыслителям, которые были свидетелями революционных событий, но вместе с тем существенно опережали свое время, размышляя об истории России и предрекая ее будущее. К таким мыслителям относится, например, Лев Шестов. Его статья «Что такое русский большевизм» интересна тем, что позволяет прочувствовать ту экзистенциальную атмосферу, которая сопутствовала революции и которую остро переживали ее участники [Шестов, Web]. Она была написана Львом Шестовым в феврале-марте 1920 г. в Женеве в качестве ответа на многочисленные расспросы соотечественников-эмигрантов и иностранцев о положении в послереволюционной России. В этой работе Л. Шестов дает свою характеристику происходящих в России трагических событий, рассеивая иллюзии о революции как творческом, апокалипсическом обновлении цивилизации, которые тогда имели место. При этом он характеризует произошедшие и происходящие события как ужасные, отмечая, что в России происходит нечто худшее даже в сравнении с войной. Война - борьба с внешними врагами, а в этом событии революции произошло и происходит уничтожение людьми друг друга в одной стране. Еще в большей степени ужасным является крайне низкий уровень осознания происходящего и его последствий.

Здесь я оставлю статью Л. Шестова и обращусь к автобиографическим запискам С.Н. Булгакова. В сочинении «Пять лет (1917-1922 гг.)», написанном в 1923 г., есть строки: “Революцию я пережил трагически, как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни… Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия” [Булгаков, 2001, с. 313]. Вместе с тем, С.Н. Булгаков отмечает, что с молодости ненавидел самодержавие и то, что с ним связано (тюрьмы, ссылки, жандармы, придворные, пышные и нелепые приемы, парады, жестокость к народу), презирал его как бессмысленный, жестокий пережиток истории. Здесь позиции Булгакова и Шестова совпадают, выражая общее настроение интеллигенции, считающей революцию бедствием для России, но выступающей против негативных следствий самодержавия.

С.Н. Булгаков, однако, пишет о том, что в предреволюционное время такой его монархизм мало кто разделял в его окружении, и, как ему кажется, мало кто так остро переживал его падение. “Н.А. Бердяев бердяевствовал в отношении ко мне и моему монархизму, писал легкомысленные и безответственные статьи о «темной силе»; кн. Е.Н. Трубецкой плыл в широком русле кадетского либерализма… Из моих друзей только П.А. Флоренский знал и делил мои чувства в сознании неотвратимого….” [Булгаков, 2001, с. 331].

Поглощавшее его чувство двойственности С.Н. Булгаков передает через события одного из дней февраля. “Я шел по Остоженке в народном шествии в день парада и пьянил себя (я хотел выдавить из себя радость, слиться с народом в его “свободе»”). Однако этого хватило на полчаса, и ничего не вышло, кроме омерзения. Я видел и чувствовал, что жизнь становится вульгарной и низкой и нет уже России» [Булгаков, 2001, с. 334].

Если обратиться к исследователям феномена революции, в частности П. Сорокину и его работе, написанной в 1922-1923 гг., то, конечно, действие бессознательных сил признается им как доминирующее, а последствия революций – как непредсказуемые и катастрофичные. Ожидаемое обновление в случае революций случается очень нескоро и как процесс бывает очень болезненным. Л. Шестов в этой связи пишет, что революция есть продолжение и усиление непросвещенного деспотизма, который был и при Николае I. Свобода, которая провозглашается всюду, является даже не обманом, а просто иллюзией. При этом, как подчеркивает Л. Шестов, большевики, фанатически исповедующие материализм, на самом деле являются самыми наивными идеалистами, которые не видят реальности и убеждены в необыкновенной силе слов. Подтверждением этому служат декреты, которые «сыплются тысячами» на фоне вымирания людей от голода и холода. При этом Шестов нисколько не сомневался в бескорыстии вдохновителей революции и в том, что они действительно верили в лучшее и хотели лучшего, но не были способны направить революционную стихию

в нужное русло, а подчинялись ее неуправляемому течению.

И Шестов, и Булгаков пишут о нахлынувшем безвластии в огромной стране, ведь уже в марте месяце 1917 года распоряжением центрального правительства сразу во всем государстве была отменена полиция.

Здесь хотелось бы сделать еще одно отступление и обратиться в связи с вопросом о власти и полиции к писателю Владимиру Гиляровскому, знатоку трущоб, бедности, которые оказываются неохватными в России и непосредственно в Москве и при царе, что позволяет взглянуть на идею царского порядка и власти также как на иллюзию. Порядок и безопасность при царе были доступны только для небольшой части населения в России, которое имело достаточные доходы. Остальные люди просто не принимались в расчет. В частности, в работе Гиляровского «Москва и москвичи» Хитровка, Сухаревка, Китай-город, Лубянская площадь, Неглинка каких-нибудь 130 лет назад предстают опаснейшим местом и мрачным зрелищем, где обитают толпы бездомных людей, бедняков, преступников, беглых каторжников. Гиляровский пишет, что в конце 19 века, практически непосредственно перед революцией, царскую власть и полицию более интересуют политические преступники, идущие против царя, которые отправляются в ссылки без разбору и сотнями. А все эти действительно преступные районы, которые практически соседствуют с богатыми улицами и домами, внимание власти не привлекают как норма жизни. Там полиция предпочитает особенно не появляться. Наряду с тем, что невинные люди ссылаются как политические преступники, владельцы игорных и публичных домов находятся под официальной охраной. В трактовке Гиляровского власть и порядок при царе выглядят очень сомнительными. В одном из контекстов этой работы он обращается к будущим поколениям с призывом ценить то, что сложилось, помнить, что совсем недавно Москва и Россия были совсем другими. И он находится на противоположной позиции, чем Булгаков, подходя к проблеме жизненного устроения не со стороны идеи Царя или той небольшой части населения, которое могло жить достойно, а со стороны беспросветной жизни огромной части населения царской России.

П. Сорокин как раз указывает: чтобы общество созрело до революции, должны быть ущемлены интересы подавляющей или, по крайней мере, значительной его части. При этом он отмечает и такую предпосылку революции, как «бессилие групп порядка уравновесить принципиально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов» [Сорокин, 2005]. Причинами революций, по Сорокину, является невозможность основной части общества удовлетворить важнейшие и минимально необходимые потребности. Выходом из сходной острой ситуации в Европе стала концепция социального государства, сложившаяся в середине XIX века в трудах Л. фон Штейна (1815-1890), примененная на практике. Она явилась ответом на вызовы социальной реальности, ее напряженности и назревшей необходимости ответственности государства за осуществление социальных функций.

Оценивая предреволюционные проблемы в России, становится понятной степень остроты назревших в обществе противоречий, напряжений, неудовлетворенности. Иное дело, что в любой революции действует закон социального иллюзионизма, о чем в своих выводах пишет П. Сорокин. Результат революции всегда оказывается иным, чем он казался в ее начале. Он противоречит ее лозунгам. При этом, опыт всех великих революций показывает, что их отрицательные последствия сильнее всего сказываются на положении наименее защищенных слоев общества.

Революция как иллюзия свободы, решения проблем, порядка – пожалуй, это лейтмотив статьи Л. Шестова. Он указывает, что для всех сколько-нибудь проницательных людей сразу выяснилась сущность большевизма и его будущее. Выяснилось, что большевизм, по своей внутренней сущности, есть движение глубоко реакционное, и он есть шаг назад даже в сравнении с предыдущими деспотичными режимами. Исход русской революции философ видел в неизбежном воспроизводстве старых общественных отношений, возврат к старому бесправию и нищете.

На фоне этого сочинения Л. Шестова, его разочарования в возможности радикального коллективного достижения свободы и защиты прав человека, особенно отчетливо высвечивается важность экзистенциальной основы его философии, в центре которой стоит существование одинокой человеческой личности. Ее свобода полагалась им в качестве высшей ценности, основы подлинного существования, которое индивид обречен достигать в мире, не дающем основания для надежды.

Сегодня, по истечении ста лет со времени свершения революции в России мы, пытаясь выработать свое отношение к ней, оказываемся, вряд ли в лучшем положении, чем ее свидетели. Неизбежно возникают мысли о том, что существовали возможности сделать историю другой, менее болезненной, но они не реализовались. Одно можно сказать определенно: громадные жертвы, которые принесли революция, вторая мировая война, тоталитарный режим, ничем нельзя оправдать. И никакими аргументами нельзя оправдать идеалов, амбиций и решений, которые к этим жертвам привели.

Удручает и то, что революционные события, имеющие тяжелые последствия для России, не привели к такому устойчивому результату как создание действующего социального государства, которое сегодня скорее декларируется, чем функционирует. Возможно, именно в укреплении социального государства, которое по своему основанию (снятие социальной напряженности) направлено на создание системы управления рисками, на решение конкретных проблем общественного устройства и порядка, и содержится урок революции, который оказался не усвоенным и сегодня, после ста лет с момента ее свершения.

Литература

1. Булгаков, 2001 – *Булгаков С.Н.* Пять лет (1917-1922) // Булгаков С.Н. Православие. М., 2001.
2. Сорокин, 2005 – *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Территория будущего, Российская политическая экциклопедия, 2005. 704 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/sociologija/sorokin_p_sociologija_revoljucii_2005/25-104696
3. Шестов, Web – Шестов Л. Что такое русский большевизм // https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp8/7.pdf

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00096
УДК 1(091)

ИДЕЯ РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОМ И ЗАПАДНОМ КЛАССИЧЕСКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ[32]

Виктор Александрович Куприянов
Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт истории естествознания и техники им С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургский филиал

Целью статьи является компаративный анализ понимания смысла и общественной роли революции в западноевропейском и русском либерализме. В качестве основных сторон сравнения рассматривается политическая философия либерализма от Дж. Локка до немецкого классического идеализма (И. Кант и И.Г. Фихте) и философия русского консервативного либерализма второй половины XIX в. (К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин). В статье указывается, что учение о революции является неотъемлемой составной частью философии классического западного либерализма. Показывается, что право на революцию объяснялось классическим либерализмом через доктрину общественного договора: революция трактовалась как средство восстановления нарушенного общественного договора и акта восстановления справедливости. В противовес этому учению русский либерализм полностью отказывается от идеи революционного преобразования общества, считая ее вариантом идеологии разрушения. Русские либеральные философы показали, что в основе либеральной идеи революции лежит неверное представление о противостоянии личности и государства. Наоборот, как показано в статье, русские консервативные либералы выдвинули идею солидарности общества и государства, которая предполагает, что личность и государство являются взаимодополняющими элементами целостной структуры общества, направленной на реализацию общей цели – общего блага. В соответствии с таким подходом, классический западный либерализм критиковался Градовским и Чичериным за односторонний рационализм, индивидуализм и субъективизм, которые и являются, с их точки зрения, подлинным корнем идеологии революции. В статье показывается, что русский классический либерализм настаивал на эволюционной модели развития общества. Автор подчеркивает актуальность политической программы русского либерализма для современных дискуссий о путях и способов модернизации России.

Ключевые слова: Чичерин, Градовский, революция, либерализм, индивидуализм, Локк, свобода.

THE IDEA OF REVOLUTION IN RUSSIAN AND WESTERN CLASSICAL LIBERALISM

Victor Alexandrovich Kupriyanov
PhD in Philosophy, Researcher
Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg branch

The aim of the article is to compare the conception of revolution proposed by Western-European and Russian liberalism. The liberal political philosophy from J. Locke to German classical idealism (I. Kant and J.G. Fichte) and philosophy of Russian conservative liberalism (K.D. Kavelin, A.D. Gradovsky, B.N. Chicherin) are taken into consideration for the comparative analysis. The article shows that the doctrine of revolution is an indispensable element of the Western classical liberal philosophy. It is demonstrated that the right of revolution was explained on the basis of social contract theory: revolution was interpreted as a means to restore the violated social contract and as an act of restoring of the justice. Contrary to this doctrine, Russian liberalism totally rejected the idea of revolutionary transformation of society and understood it as version of the ideology of destruction. Russian liberal philosophers proved that liberal idea of revolution was based on the false conception of the opposition between personality and state. The article main-

[32] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-311-00072 «Телеологическое понимание общества и государства в русском либерализме второй половины XIX – начала XX вв.».

tains that Russian conservative liberals proposed the idea of solidarity of society and state, which implies that person and state are complementary elements of the whole structure of society oriented to the common good as their general aim. In accordance with such approach, classical liberalism was under criticism of Gradovsky and Chicherin for its one-sided rationalism, individualism and subjectivism which they understood as a root of the ideology of revolution. The article demonstrates that Russian classical liberalism stood for the evolutionary model of the development of society. The author highlights the relevance of the political program of the Russian liberalism for the contemporary discussion concerning the ways and methods of modernization of Russia.

Keywords: Chicherin, Gradovsky, revolution, liberalism, individualism, Locke, freedom.

Когда сегодня историки и философы политики и права говорят о теории революции, чаще всего имеются в виду политические течения, возникшие в XIX в. и связанные, прежде всего, с различными версиями социализма и другими вариантами «левой» политической философии. В первую очередь в качестве главного теоретика революции упоминается К. Маркс. Однако следует констатировать, что идея революции как составная часть политической философии уходит корнями отнюдь не в историю социализма и разного рода коммунистических учений. Идея революции является неотъемлемой частью новоевропейской политической философии, возникшей и развивавшейся в условиях острой политической борьбы с европейским абсолютизмом [Арендт, 2011]. Классический европейский либерализм, который историки философии относят к периоду XVII-XVIII вв., необходимо включал в себя идею революционной борьбы, направленной против тирании и ущемления прав личности. Более того, смысл революции определялся в это период через идею возвращения к некой первоначальной свободе, которая заложена в человеке, но нарушена благодаря неверно построенному социальному порядку. В этом отношении показательной является уже политическая концепция Дж. Локка – одного из основоположников либерализма. В «Двух трактатах о правлении» Локк развивает учение о злоупотреблениях властью, в результате которых граждане получают право сопротивления и даже восстания. Локк говорит о завоевании, узурпации и тирании. Причем, все эти формы злоупотребления властью он распределяет в соответствии с той степенью, с какой правители посягают на законную власть народа. Крайней формой таких злоупотреблений являются таковые, которые ведут к распаду государства и, следовательно, влекут за собой право на восстание. Локк выдвигает ряд требований, которые определяют допустимость права на сопротивление и права на восстание. Причем, первое касается, прежде всего, тиранического правления. Условия возникновения права на сопротивление правителям философ связывает с применением ими незаконной силы, то есть право на сопротивление возникает лишь в том случае, если правитель каким-то незаконным образом ущемляет свободы граждан. Локк выделяет четыре формы такого рода незаконного применения силы [Локк, 1988, с. 380–383]. Суть этих форм злоупотребления властью заключается в создании у граждан ощущения опасности относительно своих жизней и своего имущества. Если действия правителей оказываются таковыми, что они подвергают таковой опасности большинство граждан, то, как указывает Локк, нет ничего, что “помешает им оказывать сопротивление незаконной силе, которая против них применяется” [Локк, 1988, с. 383].

Однако наиболее тяжелым вариантом незаконного применения силы правителями является таковое, которое влечет за собой распад государства. В таком случае правители должны допустить некое значительное количество нарушений, при которых граждане ввергаются в бедствие и у них не остается иного выбора отстоять присущую им от природы свободу, как только с помощью восстания. Виновным в таком случае, как подчеркивает Локк, остается именно правитель. Последний момент крайне важен для учения о революции. Локк указывает, что в случае восстания истинным мятежником является именно правитель, посягнувший на свободу и безопасность граждан, а не сами восставшие. “Ведь когда люди вступили в общество и создали гражданское правление, то они исключили применение силы и ввели законы для сохранения собственности, мира и единства между собой; те же, кто снова применяет силу в противоположность законам, начинают rebellare, т. е. вновь создают состояние войны и являются подлинными мятежниками” [Локк, 1988, с. 393]. Обоснование революции (права на восстание) объясняется именно тем, что деспот нарушает общественный договор, лежащий в основании государства, поскольку он посягает на то, что выступило главным и единственным предметом этого договора – обеспечение безопасности жизни и собственности граждан – соответственно, такой правитель ввергает граждан обратно в естественное состояние. В силу данного обстоятельства граждане выступают в качестве восстановителей попранного государственного строя и восстанавливают его законное функционирование. Поэтому право на революцию в классическом либерализме строится именно на основании идеи общественного договора и необходимости его восстановления в случае, если он нарушен. В данном аспекте нужно, однако оговориться, что теория общественного договора не включает в себя по необходимости идею революции; например, Б. Спиноза, которые также поддерживал эту теорию, не допускал при этом права на восстание (см. его «Богословско-политический трактат»). Однако в классическом либерализме сама по себе теория революции обосновывалась именно общественным договором, поскольку эта доктрина предполагала, что существует некий правовой порядок, который может быть нарушен в результате незаконных действий отдельных лиц и, соответственно, он должен быть восстановлен. Теория общественного договора предлагала своего рода моральное оправдание права на восстание.

Данное учение вызвало резкую критику со стороны русского либерализма, расцвет которого следует отнести ко второй половине XIX в. (К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев и

др.). В целом, в отличие от традиции западного классического либерализма, русский либерализм отвергает идею революционного преобразования государства. Критика революции составляла неотъемлемую часть этого политического течения. Чаще всего критика революции разворачивалась в русском либерализме как критика социализма и нигилизма. В этом отношении заметной является позиция А.Д. Градовского – профессора Санкт-Петербургского университета и видного либерального публициста. Градовский рассматривает либерализм и социализм в качестве двух вариантов единой философской доктрины – рационализма. Рационализм ставит вопрос о наилучшей, с точки зрения разума, форме государственного правления. На основе некой рациональной конструкции формируется понятие идеальной государственности. Естественным следствием дальнейшего развития мысли является, согласно Градовскому, выявление несоответствия реально существующих государств сформированному разумом понятию, в силу чего возникает потребность в замене существующего государства на требуемый разумом идеал, то есть его воплощение. Градовский показывает, что именно эту рационалистическую тенденцию продолжает современный ему социализм. «На этой почве, – пишет русский философ, – построены современные теории «разрушения» государства. Если материальная причина и условия их существования заключаются во многих несовершенствах политического мира, то теоретические их основания кроются в существе и последствиях рационализма, царящего до настоящего времени в политических науках» [Градовский, 2009, с. 65].

Хотя Градовский рассуждает об индивидуализме как основе классического либерализма и утверждает, что рационализм является порождением именно индивидуалистического и механистического понимания общества и государства, главным для него в критике революционных тенденций классического либерализма остается абстрактный метафизический характер оснований либеральной философии. В критике Градовского наблюдается скорее возражение со стороны историзма и позитивизма. Индивидуализм и субъективизм как ключевые основания революционного учения классического либерализма выдвинул, прежде всего, Б.Н. Чичерин. Именно Б.Н. Чичерин должен быть назван главным критиком философских оснований «революционаризма» классического либерализма. Он указывает на неверное понимание свободы и государственности, проистекающее из одностороннего индивидуализма и субъективизма. Классический либерализм (Дж. Локк, французские просветители, И. Кант, ранний И.Г. Фихте), согласно Чичерину, рассматривают индивидуальную свободу как нечто противоречащее государственному целому и, тем самым, дающее основания для его разрушения [Чичерин, 2008, с. 55]. Подлинная свобода заключается в единстве индивидуума и коллективного целого, членом которого он является. Как показывает русский философ, корень идеологии революционного разрушения заключается именно в противопоставлении индивидуума и государства и в представлении об их неминуемой борьбе (Чичерин показывает это на примере анализа политической философии Дж. Локка). Соответственно, эволюционный путь развития общества предполагает отказ от идеи противопоставления гражданского общества и государства, отдельного гражданина и государства. В данном контексте русские либералы (А.Д. Градовский и Б.Н. Чичерин) выдвинули идею общественной солидарности, то есть представление о гармоничном сотрудничестве общества и государства во имя общего блага. Следствием такого рода подхода стало переосмысление либерализма: в русской версии он из идеологии разрушения, необходимо влекущей за собой социализм с его тягой к радикализму, превратился в программу постепенного преобразования государства, при котором главной движущей силой реформ понималась сама государственная власть, опирающаяся на солидарные усилия граждан.

Литература

1. Арендт, 2011 – *Арендт Х.* О революции. Москва: Европа, 2011. 464 с.
2. Градовский, 2009 – *Градовский А.Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2009. 284 с.
3. Локк, 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Соч. В 3 т. Т. 3. Мысль, 1988. 668 с.
4. Чичерин, 2008 – *Чичерин Б.Н.* История политических учений. СПб: Издат-во РХГА, 2008. Т. 2. 752 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00097
УДК 130.2

ФРАКТАЛЬНАЯ ДИНАМИКА КУЛЬТУРЫ

Елена Валентиновна Николаева
Кандидат культурологии, доцент
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

Закономерности культурно-исторического процесса представляют собой один из центральных вопросов философии культуры. Ключевыми для понимания сущности культурной динамики являются две дилеммы: 1) парадигматические изменения в культуре подчиняются логике эволюционного («метаморфозы») или революционного развития («сдвиги») и 2) культурной динамике присущ линейный («стрела») или цикличный характер («волна»/«спираль»). Значительным эвристиче-

ским потенциалом для построения общей объяснительной модели исторической динамики культуры обладает постнеклассическая (синергетическая) теория истории культуры, опирающаяся на трансдисциплинарные понятия параметров порядка, фракталов и странных аттракторов. В рамках синергетического подхода культура понимается как открытая нелинейная самоорганизующаяся система. В настоящей работе представлена авторская концепция фрактальной динамики культуры: механизм социокультурной трансмиссии, благодаря которой культура существует и развивается во времени, является фрактальным, а парадигматические эволюционные и революционные изменения культуры происходят в соответствии с траекториями странных аттракторов. Фрактальный характер динамики культуры объясняет одновременную устойчивость и изменчивость культурно-исторического процесса, периодическое воспроизводство в культуре и социуме символических паттернов прошлых эпох и актуализацию традиций, задаваемых параметрами порядка мега-уровня, а также чередование периодов эволюционного развития и революционных «сломов» в исторической динамике культуры.

Ключевые слова: динамика культуры, постнеклассическая теория культуры, фрактальность, социокультурная трансмиссия, смены культурных парадигм, культурно-исторический процесс, «алгоритм» культуры.

FRACTAL DYNAMICS OF CULTURE

Elena Valentinovna Nikolaeva
PhD in Culturology, Associate Professor
Russian State University of Technologies, Design and Art

The post-nonclassical (synergetic) theory of cultural history, based on the transdisciplinary concepts of order parameters, fractals and strange attractors, has a significant heuristic potential for building a general explanatory model of the historical dynamics of culture. In the framework of the synergistic approach, culture is understood as an open non-linear, self-organizing system. This paper presents the author's conception of the fractal dynamics of culture: the mechanism of sociocultural transmission, due to which culture exists and develops over time, is fractal, and paradigmatic evolutionary and revolutionary changes in culture occur in accordance with the trajectories of strange attractors. The fractal nature of cultural dynamics explains simultaneous stability and variability of the cultural-historical process, periodic reproduction of the symbolic patterns of past eras in culture and society and actualization of traditions determined by mega-level order parameters, as well as the alternation of periods of evolutionary development and revolutionary «breaks» in the historical dynamics of culture.

Keywords: cultural dynamics, post-nonclassical theory of culture, fractality, sociocultural transmission, change of cultural paradigms, cultural-historical process, «algorithm» of culture.

В разные исторические эпохи существовало разное представление об исторической динамике культуры. Ключевыми для понимания сущности культурной динамики являются две дилеммы: 1) парадигматические изменения в культуре подчиняются логике эволюционного («метаморфозы») или революционного («сдвиги») развития и 2) культурной динамике присущ линейный («стрела») или цикличный характер («волна»/«спираль»).

Промышленные, научно-технические и социальные революции Новой и Новейшей истории послужили весомым аргументом в пользу идеи революционного развития культуры. Однако, несмотря на кардинальные изменения в социальном устройстве, экономических отношениях и технологиях повседневной жизни, которые возникали в результате революций разного рода, в культуре каждый раз наблюдалась историческая преемственность, воспроизводство образов и образцов, социокультурных инвариантов, имманентных той или иной культуре на протяжении многих веков ее истории.

По видимому, историческая динамика культуры демонстрирует действие нескольких совершенно разных «алгоритмов»: восходящее эволюционное развитие, периодические революционные смены культурных парадигм (технологические «скачки», социально-экономические «сдвиги») и неизменность глубинных, традиционных оснований «локальной» культуры, своего рода изначальной «формулы» культуры, которую в философском дискурсе называют «идеей культуры», «прасимволом» (О. Шпенглер), «бóльшей посылкой» (П. Сорокин), «душой народа» (Г. Лебон) и т.д.

В конце XX века с развитием цифровых технологий и постнеклассических научных практик появились новые теоретические инструменты для философской рефлексии по поводу сущности исторической динамики культуры, в том числе синергетический метод, суть которого заключается в понимании культуры как самоорганизующейся открытой нелинейной системы, находящейся в состоянии динамического хаоса. Для описания поведения системы вместо переменных или параметров состояния используются параметры порядка (являющиеся функциями параметров состояния) на основе принципа соподчинения. Применительно к социокультурным системам можно говорить о параметрах порядка нескольких уровней, задающих состояние системы в разных временных масштабах. Так Г. Хакен выделяет «долговременные» параметры по-

рядка, к которым он относит собственно культуру, а также язык, менталитет и национальный характер, и «кратковременные» – государство, экономика, этика, табу, мода, научные парадигмы [Хакен, 1999, с. 25-27]. О. Астафьева для обозначения высших параметров порядка использует термины «общие параметры порядка», включающие культурный аспект развития, принцип соответствия конфигурации культуры историческому этапу, национально-культурный менталитет. Содержательное наполнение общих параметров порядка составляют ценности и идеалы культуры, а также господствующие в обществе культурные коды и стандарты [Астафьева, 2008, с. 206-207]. В. Буданов предлагает трехуровневую систему соподчинения параметров порядка: помимо «вечных» параметров порядка (мега-уровень), которые формируют наиболее общую и специфическую «конфигурацию» конкретной культуры, историческую динамику культуры определяют долгоживущие коллективные параметры порядка (макро-уровень), которые задают социокультурную парадигму той или иной исторической эпохи, и короткоживущие параметры порядка (микро-уровень), ответственные за «броуновское» движение индивидуумов и социокультурных групп [Буданов, 2009б, с. 51-53].

Одним из трансдисциплинарных концептов, который дает возможность построения общей объяснительной модели исторической динамики культуры, является фрактал [Мандельброт, 2010]. В наиболее широком значении фрактал определяется как “структура, состоящая из частей, которые в некотором смысле подобны целому” [Федер, 1991, с. 19], то есть внутри фрактальной структуры на каждом последующем уровне меньшего масштаба воспроизводится общая конфигурация системы/объекта без потери детализации. Кроме того, фракталы обладают рядом характеристик [Eglash, 1999], которые оказываются чрезвычайно важными в приложении к анализу исторической динамики культуры: бесконечность и процессуальность; самоподобие паттернов; итерационность и рекурсивность (аутопоэзис культуры). Необходимо подчеркнуть, что подобие паттернов может быть относительным из-за внутренних вариаций системы (стохастические фракталы) или вследствие внешних воздействий на систему (алеаторные фракталы [Деменок, 2012, с. 151-158]).

Очевидно, механизм культурной трансмиссии, благодаря которой культура существует и развивается во времени, имеет фрактальный характер. Социокультурная трансмиссия состоит в передаче и воспроизводстве в обществе из поколения в поколение социокультурных, общественно-политических и экономических паттернов (государственное устройство, менталитет, поведенческие паттерны, обычаи и пр.). При этом, по всей видимости, передается не только результат (готовые культурные формы и смыслы), но и сам «алгоритм» и соответствующие параметры порядка (способ воспроизводства и правила смыслопорождения, формообразования и самоорганизации), поскольку в акциональном и семиотическом поле культуры вертикальные и горизонтальные векторы взаимодействия основаны на принципах автопоэзиса. В результате, в отсутствии внешних и внутренних воздействий, на всех нисходящих уровнях культуры воспроизводятся одни и те же имманентные ей социокультурные формы: в социокультурных практиках, осуществляемых субъектами культуры коллективно и индивидуально, тиражируются значимые материальные и символические паттерны соответствующей культуры. Тем не менее, даже в периоды «линейной» истории, социокультурный опыт, накопленный каждым поколением, неизбежно вносит стохастическую составляющую во фрактальный «рисунок», т.е. воспроизведенные паттерны культуры содержат определенные искажения.

При серьезных сбоях в социокультурной трансмиссии, вызванных войнами, революциями и экономическими кризисами, возникают сильные флуктуации, создающие участки нелинейности и «хаотичности» в «траектории» культурно-исторического процесса. Критически сильные флуктуации приводят систему в неравновесное состояние в режиме обострения, переход через точку бифуркации завершается либо новым квазистабильным состоянием, либо полным распадом социокультурной системы.

Исследования в области т.н. «математической истории» (Г. Малинецкий, А. Коротаев [Малинецкий, 2009], П. Турчин [Турчин, 2010], Д. Жуков и С. Лямин [Жуков, 2006] и др.) показали, что для некоторых культур нелинейные траектории исторической динамики образуют n-частные вложенные циклы («ритмокаскады» [Буданов, 2009а] и т.п.). Еще более очевидны 2-частные «циклы» культурной динамики, выражающиеся в периодической смене парадигм «модернизация» – «традиционализм». Кроме того, «цикличность» смены парадигм носит нерегулярный характер, а длительность циклов имеет тенденцию к сокращению. Такое поведение культуры как открытой самоорганизующейся системы может быть проиллюстрировано т.н. «странными аттракторами», состоящими из бесконечного числа неустойчивых циклов разных периодов в некоторой ограниченной области.

Для описания социокультурного феномена коэволюции культурных подсистем С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева предложили термин «структуры-аттракторы», понимая под ним «цели» эволюции системы, своего рода «молчаливое знание» культуры о направленности ее эволюционных процессов [Князева, 2010, с. 93-94]. В этом контексте «повторения» истории и периодические возвращения к традициям, образующие культурно-исторические «циклы», могут рассматриваться как стохастические петли странных аттракторов, самым известным из которых является аттрактор Лоренца.

Таким образом, концепты фрактальной геометрии объясняет одновременную устойчивость и изменчивость культурно-исторического процесса, периодическое воспроизводство в культуре и социуме символических паттернов прошлых эпох и актуализацию традиций [Николаева, 2014; Николаева, 2015], задаваемых параметрами порядка мега-уровня, а также чередование периодов эволюционного развития и революционных «сломов» в исторической динамике культуры.

Литература

1. Астафьева, 2008 – *Астафьева О.Н.* Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Синергетика: Будущее мира и России. М.: ЛКИ, 2008. С. 194-222.
2. Буданов, 2009а – *Буданов В.Г.* Методология ритмокаскадного подхода// Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 137-153.
3. Буданов, 2009б – *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 240 с.
4. Деменок, 2012. – *Деменок С.Л.* Просто фрактал. СПб.: ООО «Страта», 2012. 168 с.
5. Жуков, 2006 – *Жуков Д.С., Лямин С.К.* Моделирование исторических явлений и процессов средствами фрактальной геометрии // Информационный бюллетень Ассоциации «история и компьютер». № 34. Материалы X конференции АИК. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та. 2006. С. 52-53.
6. Князева, 2010. – *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Синергетическое мировидение. М.: «Либроком», 2010. 272 с.
7. Малинецкий, 2009. – Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология / Отв. ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.
8. Мандельброт, 2010. – *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы М.–Ижевск: ИИКИ, НИЦ «РХД», 2010. 656 с.
9. Николаева, 2014 – *Николаева Е.В.* Фракталы городской культуры. СПб.: Страта, 2014. 264 с.
10. Николаева, 2015. – Традиция в российской культуре повседневности конца XX века: Фрактальные паттерны и архетипические конструкции. ГИТР, 2015. 205 с.
11. Турчин, 2010. – *Турчин П.В.* Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 368 с.
12. Федер, 1991 – *Федер Е.* Фракталы. М.: Мир, 1991. 254 с.
13. Хакен, 1999 – *Хакен Г.* Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке?// Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Социальные процессы. М.: «ЯНУС-К», 1999. С. 11-33.
14. Eglash, 1999 – *Eglash R.* African Fractals: Modern Computing and Indigenous Design. Rutgers University Press. 272 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00098
УДК 340.12

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

Владимир Владимирович Сушков
Аспирант
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

В данной статье рассмотрены особенности формирования правовой культуры в России после проведения ряда либеральных реформ второй половины XIX века. Изучение моральных оснований права нашей страны является актуальным в связи с необходимостью динамичного развития общества и избегания социальных конфликтов. Правовые ценности всегда определяют своеобразие правовой культуры того или иного государства, логика развития которой складывается в правовую традицию и объясняет сложности реализации современных правовых концепций. Социальное и индивидуальное измерение приобретают вопросы справедливости, свободы, долга, которые становятся центральными в политических и идеологических дискуссиях, определяющих развитие правовой культуры России. С этой целью изучены и проанализированы работы философов-правоведов, которые затрагивали вопросы соотношения права и нравственности, различие и сходство естественного и позитивного права, правовой нигилизм и его влияние на настроения общества того периода. Сделана попытка проследить своеобразие эволюции правовой культуры России на рубеже XIX и XX веков, вычленить идеи, носящие эволюционный характер, и идеи, носящие революционный характер, совокупность которых определила вторичность концепции прав личности по отношению к государственному и социальному праву.

Ключевые слова: право, нравственность, естественное право, позитивное право, правовой нигилизм, правовая культура, свобода личности, нравственный поступок.

LEGAL CULTURE AND FEATURES OF ITS FORMATIONS IN RUSSIA ON THE TURN XIX AND XX CENTURIES

Vladimir Vladimirovich Sushkov
Postgraduate student
Mordovia State University

This article describes the features of Russian legal culture establishing process after implementation of a number of liberal reforms during the second part of the XIX century. Examining the moral basis of the law of our country is actual by the necessity of the dynamic development in the society and avoidance of social conflicts. Legal values always specify peculiarity of any government legal culture, its logic of development becomes a legal tradition and explains the challenge of modern legal concept realization. The issues of equity, liberty, responsibility assume social and individual dimension and become central issues in political and ideological discussions, which guide the development of Russian law culture. According to these reasons were carefully studied and analyzed the works of philosophers-legal experts, who deal with the issue of balance between rights and morality, difference and similarity of natural and substantive law, legal nihilism and its influence on the public sentiment of that period. There was also an attempt to determine the diversity of changes in Russian legal culture at the turn of XIX and XX centuries; to extract the ideas of evolutionary and revolutionary nature, the combination of which determines the secondariness of personal rights concept with regard to the state law and social law.

Keywords: law, morality, natural law, substantive law, legal nihilism, Russian legal culture, personal liberty, moral act.

Изучение моральных оснований права нашей страны является актуальным в связи с необходимостью динамичного развития общества и избегания социальных конфликтов. Правовые ценности определяют своеобразие правовой культуры того или иного государства, логика развития которой складывается в правовую традицию и объясняет сложности реализации современных правовых концепций.

Особую роль в формировании правовой культуры России второй половины XIX – начала XX века сыграли либеральные реформы, в результате которых существенно поменялся процесс судопроизводства в стране, что оказало влияние и на формирование правовой культуры. Свою лепту в формирование правовой культуры внесли представители русского либерализма второй половины XIX века, конгломерат идей которых содержал как эволюционный, так и революционный потенциал влияния на всю общественную атмосферу того времени.

Основной задачей, решению которой пытались посвятить свои работы многие представители русского либерализма второй половины XIX века, стала проблема соотношения нравственности и права [Чичерин, 1900; Петражицкий, 2018; Трубецкой, 1917; Новгородцев, 1995]. Особое внимание уделялось отдельному человеку, как личности. Декларировалась полная свобода человека, право человека на собственность, на свободную конкуренцию в сфере труда.

Характерная черта права – ограничение свободы, регулируемое законом, вызвало дискуссию о содержании объективного и субъективного права, принципиальная разница которых состояла в том, что субъективное право это возможность каждого человека совершать определенные поступки или требовать определенных действий, а объективное право и есть тот самый закон, который определяет границу свободы для каждого человека. Отсюда общее определение – “право есть свобода, которая ограничивается законодательным актом” [Чичерин, 1900, с.63].

Право и закон являются динамичными «живыми» организмами, которые меняются в зависимости от исторической эпохи. По мнению П.И. Новгородцева, право – это закон, который опирается на народную волю и общественное мнение, но не копирует это мнение бездумно, а лишь берет его за основу [Новгородцев, 1995]. Право содержит психический фактор, влияющий на мотивы и поведение каждого человека – стимулирует совершать одни действия и подавляет желания человека совершать другие, противоправные поступки [Петражицкий, 2018].

В процессе рассмотрения вопроса соотношения права и нравственности выделяются общие аспекты этих феноменов и те стороны, которые их сталкивают или приводят к противоречию. Нравственный и юридический законы имеют общую природу происхождения, но контролируют разные области свободы человека [Чичерин, 1900]. Юридический закон является необходимостью для существования любого общества, так как ограничивает посягательства на собственность или права человека со стороны других членов общества. Юридический закон должен максимально сглаживать возникающее неравенство между людьми, но не поощрять и не создавать это неравенство.

Эволюцию правовой культуры, по мнению либералов, сдерживает наличие множества юридических норм, которые в прямом смысле противоречат нравственным установкам, хотя должны поддерживать такие нравственные категории, как «добро» и «правда» [Трубецкой, 1917]. Правовые нормы с одной стороны обременяют обязанностями, а с другой стороны наделяют правами, возможностями. Нормы нравственности же только обременяющие. Согласно нравственным нормам ты только лишь обязан совершать определенные

действия, вести себя определенным образом. Нормы права же в двусторонних отношениях для одного будут обязанностью, а для другого уже правом. Если один человек обязан оплатить свой долг, то другой имеет право этот долг потребовать. Петражицкий вводит классификацию для этических явлений: императивно-атрибутивные (право) и просто императивные (нравственность). Атрибуты, характеризующие право – это такие внешние признаки, как договор, акт, оферта или даже рукопожатие, которое как бы закрепляет договоренность между двумя субъектами [Петражицкий, 2018].

Наблюдаются различия между правом и нравственностью в их мотивационном воздействии на поступки человека. Право гораздо больше мотивирует совершать действия, ведь ответная сторона, заслуживает этого действия. Когда мы оплачиваем долг – кредитор имеет полное право получить этот долг, так и раб в древности получал побои от своего хозяина, полностью осознавая, что хозяин может поступать соответствующим образом. Тогда как совершение нравственного поступка – это всего лишь наше внутреннее побуждение и желание, которое мы совершаем лишь согласно своим внутренним установкам [Петражицкий, 2018].

Для эволюции правовой культуры большое значение имела дискуссия о естественном и позитивном праве. Естественное право – это право неотъемлемое, вытекающее из самой сущности природы человека, оно первично в отношении позитивного права [Трубецкой, 1917]. Позитивное право охраняет порядок, власть и собственность, что в совокупности является для человека лишь условной ценностью, все они ценны для человека не сами по себе, а как инструмент, который ставит своей целью охранять человеческую личность и свободы. Человеческая личность и должна быть той абсолютной ценностью. При этом, отмечает Трубецкой, хоть естественное право – это и есть право от природы, по рождению, но все же оно не является постоянным и неизменным [Трубецкой, 1917]. Тот единственный элемент естественного права, что должен оставаться всегда при нем – это ограничение свободы человека до тех пор, когда это уже начинает нарушать свободы другого человека. Таким образом, естественное право почти то же, что и нравственный закон, естественное право базируется только на принципах добра. В остальном же оно меняется и преобразуется с развитием человека и общества, ибо в разные исторические эпохи понятия добра существенно отличались друг от друга.

Преимуществом естественного права Б.Н. Чичерин считает право свободно располагать своими действиями, в том числе и возможностью любому человеку выбрать то место проживание, которое он посчитал бы наиболее удобным для себя. Также, человек вправе сам определять вероисповедание и государство не имеет права вторгаться в эту область деятельности [Чичерин, 1900].

Прогрессивным тезисом для российской правовой культуры становится утверждение Б.А. Кистяковского об ограничениях закона в правовом государстве, где он не может вторгаться в область неотъемлемых прав личности и гражданина. Свобода совести является важнейшим личным (субъективным) правом человека, которое должно быть не только задекларировано в основных законах государства, но и неукоснительно соблюдаться на практике. Революционным потенциалом обладали идеи, касающиеся права на проведение собраний и демонстраций, права на личную неприкосновенность, права на свободный выбор профессии. Кистяковский обращал внимание на развитие движения рабочих и считал необходимым отнести к личным правам и закрепить законодательно право на труд. Из права на труд должны были вытекать побочные права – возможность получения денежной компенсации в том случае, если человек получил производственную травму и утратил работоспособность, а также возможность совместно с другими группами рабочих проводить акции протеста и забастовки в том случае, если считается, что права рабочих в данной ситуации грубо нарушены. Кистяковский во многом предвосхитил декларацию некоторых личных прав человека, которые во многих современных государствах применяются практически в тех же формулировках и зафиксированы в конституциях [Кистяковский, 1909].

Следующим явлением, которое оказало влияние на формирование правовой культуры того периода, оказался правовой нигилизм – отрицание права, как в целом, так и в частностях. Б.Н. Чичерин писал о том, что «русский либерал не хочет признавать никакой власти» [Чичерин, 1900, с.95]. Каждый хотел бы признавать только тот закон, который был бы ему по душе. Неприятие права выражалось в аналогичных отношениях к любым институтам власти, в особенности к тем, которые основной своей деятельностью имели защиту правопорядка – полиция. Он отмечал, что правовому нигилизму более подвержено именно молодое поколение, а это губительно сказывается на формировании правовой культуры в обществе.

По мнению Б.А. Кистяковского, правовой нигилизм русской интеллигенции основан на традиционных представлениях русского человека о праве, как о чем-то плохом и несправедливом. Русский интеллигент изначально не обладал дисциплиной ни в правовом, ни в социальном смысле, а право и правовые нормы никогда не являлись для него ценностью. При этом сам Кистяковский с нигилистическим подходом был резко не согласен. Он считал, что этому способствует низкий уровень правосознания в обществе, с которым нужно бороться при помощи юридического просвещения [Кистяковский, 1909].

Решение проблемы правового нигилизма русский либерализм видел в том, что государство при разработке правовых норм должно принимать во внимание особенности психологического и эмоционального восприятия права русским народом – чтобы не правовая норма определяла поведение и представления человека, а чтобы поведение и представления человека о том, как «правильно» и «хорошо», определяло правовую норму [Петражицкий, 2018].

Таким образом, эволюция правовой культуры в русском обществе определялась дискуссией о соотношении между правовой нормой и нравственным законом, проводимой российскими либералами. Ряд их

идей носил эволюционный характер, другие – соответствовали революционным настроениям того времени. Эта дискуссия имела значение для распространения в обществе идеи необходимости исполнения правовых норм, которые учитывают определенные свободы человека. В этих дискуссиях вопросы справедливости, свободы, долга, соблюдения нравственных норм приобрели социальное и индивидуальное измерение. Однако концепция прав личности в России остается вторичной по отношению к государственному и социальному праву.

Литература

1. Браславский, 2007 – *Браславский Р.Г.* Социологический диагноз правовой культуры дореволюционной России // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. 2007.
2. Кистяковский, 1909 – *Кистяковский Б.А.* В защиту права // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. 1909.
3. Новгородцев, 1995 – *Новгородцев П.И.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. 448 с.
4. Петражицкий, 2018 – *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М.: Юрайт, 2018. 295 с.
5. Трубецкой, 1917 – *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.
6. Туманова, 2011 – *Туманова А.С.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века // А.С. Туманова, Р.В. Киселев. М.: «Высшая школа экономики», 2011. – 279 с.
7. Чичерин, 1900 – *Чичерин Б.Н.* Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1900. 337 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00099
УДК 316

НАСИЛИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЭТНОСОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Сергей Иванович Филиппов
Кандидат философских наук, доцент
Новосибирский государственный университет

Статья посвящена анализу условий насилия во взаимоотношениях коренных народов Северного Кавказа с центральной властью в XIX – начале XX вв. Традиционные объяснения относительно высокого уровня насилия в регионе – национально-освободительная борьба, получение добычи в результате набегов на соседей, повышение солидарности внутри сообществ – не являются достаточными. В качестве теоретической основы исследования используется веберовский подход к становлению государства в контексте монополизации насилия. В результате анализа выявлено, что в XIX – начале XX вв. на Северном Кавказе сложился дефицит государственных институтов, обусловленный как геополитической ситуацией (соперничество Османской империи (Турции), Ирана, России за контроль над регионом, выражавшееся во взаимном сдерживании), так и внутренними причинами (относительный эгалитаризм местных сообществ, отсутствие регулярных армий и связанных с ними институтов). В условиях дефицита институтов социализации и социальной мобильности (армия, бюрократический аппарат) практики применения насилия выступали в качестве механизмов социализации в рамках локальных сообществ, поскольку насилие выступает формой легитимации его обладателей. Для насилия как социальной практики, направленной на создание репутаций, наиболее приемлемыми объектами были «чужаки», так как в этом случае ответные санкции могут быть слабее, либо их вовсе можно избежать.

Ключевые слова: насилие, социальная практика, национально-освободительная борьба, легитимация, социализация.

VIOLENCE AS MEANS OF SOCIAL MOBILITY (BASED ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CENTRAL GOVERNMENT AND THE ETHNIC GROUPS OF THE NORTH CAUCASUS (19TH - EARLY 20TH CENTURIES)

Sergey Ivanovich Filippov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University

The article investigates into the conditions of violence in the relations between the indigenous population of the North Caucasus and the central government in the 19th and early 20th centuries. The most popular explanations of the relatively high level of violence in the region such as the national liberation struggle, plunder of neighbours as well as increasing solidarity within local communities are not sufficient. The Weberian approach to the formation of the state due to the monopolization of the means of violence serves as the the theoretical basis of the research. It was revealed that in the 19th and early 20th centuries the lack of state institutions was typical of the region. On the one hand, it was the result of the geopolitical situation in the North Caucasus (the rivalry between the Ottoman Empire (Turkey), Iran, Russia for establishing the control over the region). On the other hand, this situation was due to the internal conditions such as relative egalitarianism of local communities, lack of regular armies and related institutions. The lack of social mobility institution - the regular army as well as the bureaucratic apparatus – led to using the violence as one of the main sources of socialization within local communities, since violence is a form of legitimating its owners. The "strangers" were the most acceptable objects for this type of violence due to the lesser possibility of reciprocal actions.

Keywords: violence, social practice, national liberation struggle, legitimization, socialization.

Революционные общественные изменения, в том числе национально-освободительные движения, развивающиеся часто в контексте революций, как правило, связаны с насильственными действиями. Но всегда ли конфликты и насилие выступает здесь как средство борьбы противников? Изучение опыта далеко не всегда мирных взаимоотношений между Российским государством и народами Северного Кавказа позволит уточнить знание о насилии как сложном социальном феномене.

Как правило, причины конфликтов на Северном Кавказе как отечественные, так и зарубежные исследователи видят в национально-освободительной и антиколониальной борьбе как результате столкновения различных государственно-политических систем, культур, религий, цивилизаций [Покровский, 2000; Гарданов, 1967]. Кроме того, относительно высокая степень конфликтов в регионе объясняется особенностями «горского феодализма», основанного на внеэкономическом (насильственном) изъятии материальных благ у соседей путем совершения набегов, что, в свою очередь, вызывало ответную реакцию жертв набегов [Блиев, 1994]. Данные объяснения не достаточны для понимания причин конфликтов в регионе. Сохранение традиционного уклада после вхождения в состав Российской империи и очень широкая автономия народов Северного Кавказа после революции не привели к прекращению восстаний в регионе [Вайнахи и имперская власть, 2011, с. 280–281]. Кроме того, внеэкономическое принуждение не было значимым источником экономического благополучия коренного населения Кавказа: основой существования горского общества были земледелие и скотоводство, а набеги носили спорадический характер [Бобровников, 2000, с. 23]. Характерными особенностями случаев применения насилия среди коренного населения Кавказа выступают их ритуализация и подчинение определенным правилам, таким образом, насилие в сообществах и традиционной культуре Северного Кавказа выступает в качестве социальных практик – рутинных, стереотипных форм поведения, связанных с ценностями, социокультурными нормами, социальными ролями (идентичностями), характерными для того или иного сообщества [Розов, 2011, с. 41-44].

Для анализа данной социальной практики используем веберовских подход, в рамках которого становление и укрепление государства обусловливается динамикой насилия, в частности, его монополизацией и, соответственно, отчуждением от большинства членов того или иного сообщества, ограничением сфер применения чрезвычайными ситуациями и преимущественно внешней политикой (военные действия, охрана общественного порядка), вытеснением из повседневной жизни [Mann, 1993, p. 402–443]. Широкое распространение практики применения насилия получают в ситуациях дефицита (слабости) государственных институтов, что характерно для Северного Кавказа, по крайней мере, до второй половины - конца XIX в. (в некоторых горных районах государственный контроль был установлен только в конце 20-х гг. XX в.). Данная ситуация была обусловлена геополитическим положением региона, в частности, соперничеством Османской империи (Турции), Ирана, России, ареной которого и стал Кавказ и Закавказье. Поскольку ни одно из государств не обладало достаточными ресурсами для установления сколько-нибудь прочного контроля, то основной стратегией было взаимное сдерживание, привлечение на свою сторону различных местных сил (князей, общин, духовных авторитетов), что лишь увеличивало уровень конфликтов в регионе.

Дефицит государственных институтов был обусловлен также и внутренними причинами: местное население ревностно следило за усилением как отдельных общин, так и социальных групп внутри общин, препятствуя становлению потенциальных центров могущества. В так называемых «демократических обществах» вообще не сложилось местной военной аристократии, либо она была уничтожена (Чечня, Дагестан), в «аристократических обществах» влияние и могущество знати было существенно ограничено (например, в Адыгее свободные крестьяне зачастую были богаче знати, поскольку основной, но совершенно не стабильной статьей дохода воина была добыча, захваченная в набегах) [Бгажноков, 1980, с. 80]. Таким образом, средства насилия не использовались местным «дворянством» для стабильной эксплуатации соплеменников. В Черкесии местная знать не возводила крепостей и замков, что очень романтично объяснялось следующим образом (в пересказе иностранного путешественника, жившего в конце XV – начале XVI в.): «Их жилища

все делаются из соломы, камыша и дерева, и весьма считалось бы зазорным для сеньора или знатного человека, если бы он выстроил замок или жилище с крепкими (каменными) стенами, ибо говорят, что благодаря этому человек обнаруживает свою низость и трусость...и нет ни одной, даже самой маленькой крепости во всей стране» [Бгажноков, 1980, с. 89]. Образ жизни горской знати, связанный с высоким риском для жизни – обязательное участие в набегах и поединках, соперничество за общественное внимание – существенно ограничивали численность местных элит и препятствовали их консолидации, что предотвращало складывание политического и/или социального доминирования: «До покорения Кавказа пожилой дворянин и особенно князь были в Черкесии большой редкостью» [Бгажноков, 1980, с. 103]

В регионе отсутствовал еще один мощный «государствообразующий» фактор – создание сильных регулярных армий, что предполагало централизацию, бюрократизацию, совершенствование фискальных функций [Мак Нил, 2008; Тилли, 2009]: на протяжении нескольких столетий (если не тысячелетий) разрозненные, относительно небольшие отряды горцев успешно противостояли гораздо лучше оснащенным и обученным армиям России, Турции, Ирана, в итоге Кавказ так и не был подчинен только силой оружия. Институтами социализации в кавказском социуме оставались локальные сообщества, статусы членов которых не были формализованы (не только местная знать, но и простые крестьяне знали своих предков до седьмого колена, в отсутствии формальных метрик и матрикул такое знание было гарантией определенного социального статуса), сохраняли динамику и оставались объектами конкуренции. В относительно эгалитарных сообществах от обладателей статусов требовалось регулярное подтверждение, что первые достойны последних. Одним из механизмов формирования социальной репутации в кавказском социуме стали практики применения насилия. Результатом набегов – одной из наиболее распространенных практик такого рода – были не политические (господство) или материальные (богатство), а символические ресурсы – репутация: всеобщие почет и уважение, что выражалось, например, в подношении удальцу богатырского бокала вина, танцах в обществе самых знатных и красивых девушек, прославления в песнях [Бгажноков, 1980, с. 81]. Едва ли каждое второе исследование, посвященное традиционной культуре горцев, приводит слова итальянского путешественника XVII в. Дж. Лукка, сообщившего, что у черкесов на пиру молодым людям не предлагают пить до тех пор, пока последние не совершат какого-либо ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства [Бгажноков, 1980, с. 82]. Очевидно, насилие выступает практикой перехода во взрослое состояние (как право пить вино или позднее – курить).

Но почему именно насилие стало механизмом конкуренции за статус в горском социуме? В рамках веберианского подхода насилие рассматривается в качестве ресурса, преимущества обладание которым обеспечивает обладание другими ресурсами, поэтому развитие и укрепление государства прямо пропорционально монополизации насилия. Насилие выступает также формой легитимации его обладателей: «Любое сообщество, обладающее превосходящей силой и способное сохранить длительный контроль за применением силы в рамках определенной территории, а также защищать ее границы, рано или поздно обретет легитимность» [Волков, 2002, с. 27]. Сказанное также применимо к индивидам, демонстрирующим владение ресурсами насилия. Для насилия как социальной практики, направленной на создание репутаций, наиболее приемлемыми объектами были «чужаки», так как в этом случае ответные санкции могут быть слабее, либо их вовсе можно избежать.

Литература

1. Бгажноков, 1980 – *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. 229 с.
2. Блиев, 1994 – *Блиев М.М., Дегоев В.* Кавказская война. М.: Росет.1994. 592 с.
3. Бобровников, 2000 – *Бобровников В.* Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 19–46.
4. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в). / Рук. авт. кол. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
5. Волков, 2002 – *Волков В.В.* Силовое предпринимательство в современной России. СПб: Издательство Европейского университета, 2002. 282 с.
6. Гарданов, 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 331 с.
7. Мак Нил, 2008 – *Мак Нил У.* В погоне за мощью. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с.
8. Покровский, 2000 – *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 511 с.
9. Розов, 2011 – *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
10. Тилли, 2009 – *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с.
11. Mann, 1993 – *Mann M.* The Sources of Social Power: Volume 2, The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge University Press, 1993. 826 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00100
УДК 1

КАТЕГОРИЯ САМОСОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ О ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Дмитрий Борисович Думаревский
Кандидат философских наук, доцент
Волжский государственный университет водного транспорта

В публикации затрагивается вопрос об отношении идей немецкой классической философии и русского православного богословия. Указывается на необходимость дальнейшей разработки их содержательных связей.

В тезисах представлено толкование кантовской теории познания, конкретно – понятия трансцендентальной схемы. Выявляется связь трансцендентальной схемы с понятием апперцепции. Указывается на эвристические возможности кантовской концепции, состоящей в том, что помимо способности воображения глубоко изучается вторая познавательная способность человека – сила суждения, т.е. ум как таковой.

Указывается на заслугу русской философско-богословской мысли, которая в лице митрополита Антония (Храповицкого) обращалась к кантовскому наследию. Митрополит Антоний находил достоинство теории познания И. Канта в утверждении синтеза видов знания. Основой указанного синтеза выступает не внешний опыт, а единство самосознания человека.

Выделяется специфика духовного опыта православия, ориентированного на единение, сочетание интеллектуальных и нравственно-психических сил человека. В христианском богословии важнейшую роль играет его аскетическая составляющая, отражающая процесс преображения человека. В аскетической практике православия так называемое обожение конституируется опытом метанойи («перемены ума»). При этом принципиально важным и необходимым остается требование «чистоты» созерцаний: только таким путем индивидуальность становится личностью. Концептуализация опыта православной аскетики совершалась в русской интеллектуальной традиции на стыке богословии и психологии.

Ключевые слова: трансцендентальная схема, спонтанность воображения, христианское богословие, «перемена ума», «чистота» созерцаний.

THE CATEGORY OF SELF-CONSCIOUSNESS IN THE THEORY OF HUMAN PERSONALITY

Dmitri Borisovich Dymarevsky
PhD in Philosophy, Associate Professor
Volga State University of Water Transport

The publication addresses the issue of the relationship of the ideas of German classical philosophy and Russian Orthodox theology. Indicates the need to further develop their meaningful links.

The theses present the interpretation of Kant's theory of knowledge, specifically the concepts of the transcendental scheme. The connection of the transcendental scheme with the concept of apperception is revealed. It is indicated as the heuristic possibilities of Kant's concept, which consists in that, in addition to the ability of imagination, the second cognitive ability of a person is studied – the power of judgment, i.e. mind as such.

It points to the merit of Russian philosophical and theological thought, which in the person of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) appealed to Kant's heritage. Metropolitan Anthony found the merit of the theory of knowledge of I. Kant in approving the synthesis of types of knowledge. The basis of this synthesis is not external experience, but the unity of human self-consciousness.

The specificity of the spiritual experience of Orthodoxy, focused on unity, a combination of intellectual and moral-mental forces of man, is highlighted. In Christian theology, the most important role is played by its ascetic component, reflecting the process of human transformation. In the ascetic practice of Orthodoxy, the so-called deification is constituted by the experience of metanoi («changes of mind»). At the same time, the requirement of «purity» of contemplation remains fundamentally important and necessary: only in this way can individuality become a person. The conceptualization of the experience of Orthodox asceticism was accomplished in the Russian intellectual tradition at the junction of theology and psychology.

Keywords: transcendental scheme, spontaneity of imagination, Christian theology, «change of mind», «purity» of contemplation.

1. Основное содержание представленной статьи касается двух исторически различных, но всее же связанных между собой философских направлений: немецкого классического идеализма и русской философско-психологической школы. Последняя во многом опиралась на православную богословско-

аскетическую традицию и может считаться ее продолжением.

Дореволюционное русское богословие, обращаясь к проблематике личности, достигло значительных результатов. Достаточно назвать фундаментальный труд В.И. Несмелова «Наука о человеке» [Несмелов, 1997]. Автор утверждает: никакой отдельный феномен сознания не может трактоваться как образ Божий в человеке. Таковым может быть лишь вся взятая целиком человеческая личность. Таким образом, в фокус православной психологии помещается проблематика отношений Бога и человека, самосущей Личности и отдельной, конкретной личности человека.

Предметом концепции В.И. Несмелова стало главное и определяющее качество человеческой личности – его самосознание: "…сознание живет только в том случае, когда оно сознает себя самого, т.е. когда оно есть самосознание.." [Несмелов, 1997, с. 353-354]. В соответствии с приведенным утверждением В.И. Несмелов выстраивает самобытную теорию, в которой, по оценке митрополита Антония (Храповицкого), обосновано важнейшее положение: идея Бога присутствует в качестве откровения в уме человека.

2. Православная аскетика выступает в качестве опыта, который служит основой, источником указанной концептуализации. Предельно общий контекст исихастского опыта (исихия – молчальничество) – практика Богообщения. Конкретным деятельным проявлением, своего рода «технологией» в структуре указанного опыта, является так называемое «низведение ума в сердце».

В богословии старца Софрония (Сахарова), систематически изложенного его учеником и сподвижником архимандритом Захару[2] особое внимание уделяется пониманию природы человеческого ума. В соответствии с этим формулируется задача преодоления воображения, к которому склонен «естественный» ум. Здесь перед нами исихастская традиция «низведения ума в сердце». В учении о перемене ума (метанойе) говорится о необходимости "возвыситься до чистого понятия о Боге, победить страсти, освободиться от брани помыслов и достигнуть бесстрастного созерцания" [Захару, 2003, с. 222].

Согласно учению афонских иноков человеческий ум создан по образу первого – божественного ума, который есть Свет [Захару, 2003, с. 224]. Подлинная творческая сила умственных действий зависит от реальной взаимосвязи самого ума с сердцем. Изначальный – до опыта данный – образ Бога-Творца в человеке раскрывается также и в его уме.

3. Немецкий классический идеализм, разрабатывая проблематику познавательного образа и функции (значения) самосознания, достиг немалых успехов. В учении И. Канта, относящегося и к гносеологии, и к психологии, раскрывается деятельность продуктивной силы воображения. Кант именует воображением ту силу, которая совершает преобразование пространственных характеристик воспринимаемого объекта во временную последовательность его абстрактно-понятийной формы – так называемой «трансцендентальной схемы». Кантовская «схема» выступает в качестве активного элемента в структуре деятельности. Схема оказывается деятельной способностью, которая выражается двуединым образом: отвлеченным понятиям она придает образный вид, а чувственному созерцанию сообщает понятийную организацию.

Новация И. Канта состояла в том, что он определил воображение, во-первых, в качестве механизма трансцендентальной схемы и, во-вторых, как спонтанной процесс. Именно в силу своей спонтанности воображение и составляет внутреннюю энергию апперцепции.

Исследуя проблематику трансцендентальной схемы в немецком идеализме А.Г. Новохатько отмечает: "Схема – это такая форма деятельности Я с вещью, в которой пространственные определения вещи представлены во временной последовательности, а именно – в виде общего правила, в котором спрессован способ(порядок) репродукции этой вещи, метод ее образного воссоздания" [Новохатько, 1991, с. 136].

Итак, трансцендентальное единство самосознания обеспечивается способностью воображения, которое обладает характером спонтанности. Таким образом, самодеятельность субъекта, собственно сама его психика в границах чувствования и мышления обеспечивается энергийностью воображения. Трансцендентальное единство самосознания означает внутреннюю силу субъекта, служащую предпосылкой как чувственному созерцанию, так и отвлеченной мысли: "…в системе Канта вслед за силой (способностью) воображения глубочайшему исследованию подвергается вторая познавательная способность человека – сила суждения, т.е. ум в собственном смысле слова…" [Новохатько, 1991, с. 131]. В целом, нацеленность на создание категориальных схем и составляет разумную устремленность человека.

4. Своеобразие «логоса» православной аскетики, радикально отличающегося от философского умозрения выражено в «Добротолюбии»: "Но и когда ум не коснеет в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы, ибо он может быть занят философским умозрением о сих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как они суть умозрения о вещах, то печатлеют во уме образы их и далеко отводят его от Бога (ум философствует, но не молится: состояние ученых)" [Добротолюбие, 2004, гл.57].

Важнейшей частью догматического богословия Восточной Церкви является паламизм [Алипий, Исайя, 2005, с. 70-73], [Влахос, 2009, с.334-339]. В паламизме, ставшем апологией практики православной исихии, содержатся представление о спонтанейности божественной сущности. В понимании категории сущности просматривается теоретико-методологическое сходство паламизма с учением о сущности Гегеля. Впрочем, обозначенный вопрос требует специального рассмотрения.

В чем же, однако, состоит особенность православной духовной практики? Она не случайно названа исихией – молчальничеством и описыается, прежде всего, апофатически. Например, в «Добротолюбии» мы находим такую характеристику православного аскетического опыта, как без-образность (без-видность) созерцаний. Здесь,

в этой «энциклопедии духа», в главе 71 «О чистой молитве», приводятся слова св. Нила: “Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенно безобразие, или безмечтание” [Добротолюбие, 2004, с. 189].

5. Иерарх русской Церкви митр. Антоний (Храповицкий) находил заслугу И. Канта в том, что последний определил: “всякое познание возможно лишь под условием синтеза, имеющего, однако, происхождение не из внешнего опыта, но из единства нашего самосознания”. Кроме того, необходимым становится положение о наличии субъекта – действующего Я, которое только и “может быть конечным обоснованием всего сознаваемого” [Храповицкий, 1900, с. 549]. Проблематика Я в его соотнесенности с иным, с не-Я составляет, как известно, содержание философии И.-Г. Фихте.

Вместе с тем, в парадигме классического идеализма человеческая субъектность ограничивается способностью к познавательной деятельности, но при этом лишена ценностного содержания. Напротив, в учении об уме православных богословов мы обнаруживаем нечто принципиально более значимое – принцип подобия личности человека Абсолютной личности. Говоря точнее и определеннее: в православном богословии раскрывается деятельный принцип уподобления – обожения.

Для преображения необходима борьба с воображением, с образами мира, которые влекут ум в разные стороны, раз(влекают) его.

Литература

1. Несмелов, 1997 – *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т.1. Опыт психологической истории и основных вопросов жизни // Русская религиозная антропология.Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. Т.1. – М., 1997.
2. Захару, 2003 – *архим. Захария(Захару)*. Христос как путь нашей жизни. Введение в богословие старца Софрония(Сахарова). – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2003.
3. Новохатько, 1991 – *Новохатько А.Г.* К проблеме соотношения образа и самосознания // Вопросы психологии (18-й ресурс, 1980-1997).
4. Алипий, Исайя, 2005 – *архим. Алипий, архим. Исайя*. Догматическое богословие. Курс лекций. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005г.
5. Влахос, 2009 – *митр. Иерофей (Влахос)*. Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009.
6. Добротолюбие, 2004 – Добротолюбие. Т.5. – М.:АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. – 640 с.
7. Храповицкий, 1900 – *Антоний (Храповицкий)*, еп. Полн. Собр.соч. Т.3, Казань, 1900 / Цит. по Н.К. Гаврюшин. Русское богословие. Очерки и портреты. – Нижегородская духовная семинария, 2011, 671 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00101
УДК 1

КОНТРЭВОЛЮЦИЯ ЛЮБВИ: О РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИНТЕНЦИЯХ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

Сергей Владимирович Фоменко
Научный сотрудник
ООО «Терра-М»

В статье рассматривается диалектика эволюционного и революционного начал в плоскости политической реакции – в свете общественного движения начала XX века и современных тенденций политической мысли. Автор показывает изоморфизм революционного и эволюционного во взглядах консервативных мыслителей, а также их направленность к политико-теологическому неприятию поэтапной эволюции в пользу суверенного решения, творческого акта, который инициирует или прерывает эволюционный процесс, вместе с тем, не являясь его производным.

На примере философско-политических взглядов И.А. Ильина показано, как попытка преодоления реакционной негативности в пользу «творческой новизны» посредством введения концепта «отрицающей любви», лежащей в основе суверенного акта создания новой общественной структуры, ведет к фактическому отрицанию эволюции и воспроизведению революционных интенций.

Отрицающая любовь И.А. Ильина при этом совпадает с идеей «любви-ненависти» (hainomoration) Жака Лакана, в дальнейшем воспринятой протестными, революционными движениями. Тем самым основа правоустанавливающего насилия противников революции оказывается созвучна формирующей силе освободительных коллективов и имеет с ними общий корень в раннем христианстве.

Ключевые слова: негативность, политическая теология, право, реакция, структура, суверенный акт, hainomoration (любовь-ненависть).

COUNTEREVOLUTION OF LOVE: TO THE QUESTION OF REVOLUTIONARY INTENTIONS CONSERVATIVE'S IDEOLOGY IN RUSSIA

Sergej Vladimirovich Fomenko
Researcher
OOO «Terra-M ltd»

The article deals with the dialectics of evolutionary and revolutionary principles in the plane of political reaction - in the light of the social movement of the beginning of the 20th century and the current trends of political thought. The author shows revolutionary and evolutionary isomorphism in the views of conservative thinkers, as well as their focus on the political-theological rejection of a phased evolution in favor of a sovereign decision, a creative act that initiates or interrupts the evolutionary process, however, not being its derivative.

On the example of the philosophical and political views of I.A. Ilyin is shown how an attempt to overcome reactionary negativity in favor of «creative novelty» by introducing the concept of «denying love» underlying the sovereign act of creating a new social structure leads to the actual denial of evolution and the reproduction of revolutionary intentions.

The «denying love» of I.A. Ilyin completely coincides with the idea of «love-hate» (hainomoration) of Jacques Lacan, later perceived by protest, revolutionary movements. Thus, the basis of right-wing violence by opponents of the revolution is consonant with the formative force of the liberation groups and has a common root with them in early Christianity.

Keywords: hainomoration, legality, negativity, political theology, reaction, sovereign act, structure.

Теологии пришлось пройти долгий исторический путь, чтобы достичь частичного примирения с концепцией биологической эволюции. Современный компромисс обычно реализуется в соотнесении процесса эволюции с влиянием творческих актов, которые инициируют эволюцию, а в последующем препятствуют ее превращению в неконтролируемую стихию.

В свою очередь, теологический ресурс политической мысли воспроизводит эту интенцию в интерпретациях общественных перемен: А. Хиршман выделяет в реакционной риторике линию «опасности» как деструктивного воздействия новых изменений по отношению к предыдущим политическим завоеваниям [Хиршман, 2010, с. 94-95]. Консервативной мысли свойственно занимать оборонительную позицию по отношению к новациям политического процесса, но, пытаясь преодолеть логику ресентимента в ситуации «ответа на опасность», она сама возвращается к революционным концептам.

Это флуктуация между эволюцией и революцией характерна для современной политической мысли в России. Как провластной (в рассуждениях о неизбежности «революции сверху»), так и оппозиционной (в представлении, что авангард отечественного протеста – эволюционисты, выступающие против непредсказуемых действий власти). Эту ситуацию можно считать исторически обусловленной. Размежевание «эволюционистов» славянофилов и «революционеров» западников, последующее разделение либералов и революционеров-демократов, обернувшееся личной драмой Герцена, левых и правых, во многом было условным. “Понятия «правого» и «левого», обычно употребляемые как некие имманентно-вечные категории политической жизни, - писал С.Л Франк, - собственно, совершенно устарели, стали беспредметными абстракциями, неадекватными подлинно существенным разногласиям между политическими направлениями” [Франк, 1990, с. 227]. Раздел проходит не по линии контуров идеологем, а по линии негативности, вокруг которой выстраиваются идеологические конструкты, и которая может привести к их экстремистскому заострению. Недавняя история дала прецедент, превратившийся в популярную иллюстрацию политической мысли. Революция 1989 г. в Румынии проходила под символическим воплощением нехватки (вырезанной на флаге красной звезды), направленной против постреволюционной, рационалистической унификации общества [Ставракакис, 2004, с. 211].

В российской общественной мысли социал-эволюционисты - С.Н. Кривенко, В.С. Пругавин, И.И. Каблица, В.П. Воронцов также выбрали фокусом критики ошибочную эволюционную линию общественной структуры. Неконтролируемая эволюция опасна тем, что неизбежно завершается распадом структуры, переходящей от внутренней негативности к негативности тотализующей. Так К.Н. Леонтьев, призывая «заморозить хоть немного историю» в работе «Византизм и славянство» говорил о неизбежности упадка: “Спасение от дегенерирования лишь в одном – в приостановке движения, нисходящего к разрушительному финалу” [Смирнов, 2010, с. 81-82].

Здесь можно усмотреть сближение правого движения в России с адептами «Консервативной революции», усматривавшими основой политического процесса суверенный акт. В нем самоотчужденный и склонный к рефлексии субъект реакции сосредотачивает максимум негативности [Смирнов, 2010, с. 82], но в попытках уйти от ресентимента вынужден говорить о революции. Такой оказалась судьба ряда деятелей бело-

го движения, обусловившая рождение доктрины национальной революции в противовес социалистической, что проявилось в философских исканиях И.А. Ильина и политических экзерсисах В.А. Ларионова. Но, если последний, как (контр)революционер-практик писал о результатах суверенного акта – формировании нации, то первый, философ-гегельянец, искал его основы в идее любви.

Возвращение наследия И.А. Ильина в официальный дискурс с 2010ых гг. преподносилось едва ли не как попытка возрождения государственной идеологии, но впоследствии философ стал обсуждаемой фигурой оппозиции. Юрист по образованию, он выстраивал свою политическую теологию вокруг правового измерения: резюмируя идеи Гегеля о государстве [Ильин, 1994, с. 440-442], мыслитель подчеркивал необходимость разрешения человеческих притязаний в правосознании. Основой которого является не коллективная нравственность, а индивидуальные совесть и любовь.

Философия Гегеля – в интерпретации И.А. Ильина – терпит неудачу при столкновении всеобщего с конкретно-эмпирическим: диалектический метод лишь фон для «страдания» предмета, окруженного противоречиями. Им противопоставляется сила отрицающей любви, динамичного отношения между очевидностью и произвольностью, между действительностью и Божественным понятием, совпадающая с логикой «hainomoration» (любви-ненависти), описанной Жаком Лаканом и воспринятой левыми движениями. Любопытно, что философ был знаком с идеями З. Фрейда и вплотную подходил к проблематике психоанализа в раннем сочинении «О любезности» [Крылов, 2015, с. 27-28]

Любовь, превосходящая предмет любви ("Я люблю тебя, но… необъяснимым образом люблю в тебе нечто большее, чем ты сам" [Шеметов, 2005, с. 97]) играет роль передаточного звена между негативностью и структурой. Любовь, в данном случае, не противоположна господству, силе, она - ее глубочайший источник. Там, где меж людьми есть любовь (в том или ином из ее модусов), там налицо ведомая всем людям основа для отношений господства и подчинения [Мюрберг, 2009, с. 144-145].

В ситуации революционного разрушения общественной структуры отрицающая любовь играет роль нового правоустанавливающего насилия. Структура самого революционного режима, напротив, по мнению автора, рождается из захватившего индивидуалистический инстинкт рационалистического резонерства; его дальнейшая эволюция неизбежно ведет к распаду, тотальной негативности [Ильин, 1996].

Подобную установку можно определить в качестве лейтмотива российского протестного движения 2011-2012 гг., одной из основных сил которого оказались обремененные долгосрочными стратегиями граждане, заинтересованные в возобновлении договорных отношений [Куренной, 2012, с. 34]: восстановлении верховенства закона против потенциального произвола власти. То есть, восстановлении движения эволюции революционными методами.

Сущностное начало любви в философской мысли И.А. Ильина противопоставляется моралистической любви-жалости толстовства, чья стратегия непротивления в настоящее время репрезентируется апологетами ненасильственных революционных подходов. Однако связь суверенного акта и любви также неизбежно возвращает революционную направленность. В природе реакции - быть непоследовательной акцией, такой у которой есть и имманентная ей энергия, и заимствованная у стимула через negatio negationis [Смирнов, 2010, с. 82-83]. Это не означает, что реакция должна быть обязательно реставрационной и поэтому может подпитываться революционностью, от которой в дальнейшем избавляется по мере укрепления своей мощи. Но в случае И.А. Ильина этого не происходит: целеполагание его эмигрантских сочинений провозглашает необходимость возрождения России не в виде реакции, а в форме творческой новизны [Ильин, 1996а, с. 155] – одного из элементов революционного сознания.

Любовное переживание – в психоанализе – означает собственную негативность, дилемму неразрешимости, упирающуюся либо в невротическую невозможность желания, либо в истерическую невозможность наслаждения. Но в состоянии «hainomoration», связке с насилием, оно поднимается и над невротической патетикой, и над истерической сентиментальностью, становится не просто основой суверенного акта, но силой универсальной связи в рамках освободительного коллектива. Силой, соединяющей людей в их сингулярности и преодолевающей частные, эволюционно обусловленные иерархические детерминации. "В среде большевиков родилась новая форма любви, при которой двое любящих живут в непрекращающейся чрезвычайной ситуации и всецело преданы революционному делу" [Жижек, 2011, с. 450].

В сущности, и консерваторы, и левые говорят об одном и том же – о высшем, как о реальном объекте человеческой любви, вокруг которого складываются и государственные структуры, и освободительные коллективы. И.А. Ильин описывает распад первой христианской общины из-за следования революционно-эгалитарным подходам, но не комментирует революционный характер самого возникновения ее структуры [Ильин, 1996б, с.61]. Это революционное начало раннего христианства, основанного на понятии разрушительной негативности, которая не заканчивается хаотической пустотой, а возвращается в новый порядок, вводя в реальность новую структуру.

Тем самым в своем правоустанавливающем насилии любовь может выступить инициатором процесса политической эволюции или тем «творческим актом», который прерывает ее, если ход эволюции предполагает гибельный финал. В таком прочтении любовь – контрэволюционна и потому всегда носит революционный характер. Поэтому консерватор, сохраняющий теолого-политический ресурс мысли, приближается к отвержению эволюции и принятию революционных моделей обновления. Как гласит одно остроумное наблюдение, трагический гегельянец И.А. Ильин внешне разительно походил на диалектического гегельянца – лидера большевистской партии.

Литература

1. Жижек, 2011 – *Жижек С.* Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. Пер. А. Смирнов, М. Рудаков, А. Абельсиитов. М.: Европа, 2011. 476 с.
2. Ильин, 1996 – *Ильин И.А.* Возникновение и преодоление большевизма в России / Ильин И.А. О грядущей России. М.: Военное издательство, 1993. С. 118-124
3. Ильин, 1996а – *Ильин И.А.* Очертания будущей России / Ильин И.А. О грядущей России. М.: Военное издательство, 1993. С. 152-158
4. Ильин, 1996б – *Ильин И.А.* Социальность или социализм? / Ильин И.А. О грядущей России. М.: Военное издательство, 1993. С. 60-62
5. Ильин, 1994 – *Ильин И.А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Спб.: Наука, 1994. 541 с.
6. Крылов, 2015 – *Крылов К.А.* Молодость Ивана Ильина // Бердяевские чтения. Информационный бюллетень. 2015. 2. С. 25-33
7. Куренной, 2012. – *Куренной В.А.* Новая городская романтика: политические и культур-социальные аспекты новейшего российского протеста // Логос. 2012. 2. С.31-45
8. Мюрберг, 2009 – *Мюрберг И.И.* Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы. М.: Идея-Пресс, 2009. 236 с.
9. Оукшот, 2002. – *Оукшот М.* Что значит быть консерватором? / Оукшот М. Рационализм в политике. Пер. И.И. Мюрберг, Е.Н. Косиловой, Ю.А. Никифорова, О.В. Артемьева. М.: Идея-Пресс, 2002. С.65-90
10. Смирнов, 2010 – *Смирнов И.П.* Кризис современности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с.
11. Ставракакис, 2004 - *Ставракакис Я.* Двусмысленная демократия и этика психоанализа. Пер. А. Смирнова // Логос. 2004. 2. С.198-216

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00102
УДК 140.8:21

КОНЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Оксана Васильевна Хрипункова
Старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье рассматриваются взгляды Д.С. Мережковского на русскую революцию как на религиозное явление, имеющее мистический, метафизический смысл. Подчеркивается, что для мыслителя революция и религия были едины, что привело к возникновению концепции религиозной революции. Изменения в сознании народа, связанные с революцией, для Д.С. Мережковского носят характер «нового религиозного сознания». Согласно концепции мыслителя, духовность, религиозность – это те начала, которые способны превратить кровавую бойню, чем по сути является революция, в благое начинание, несущее положительные изменения в жизнь общества. Благодаря религиозному пониманию революции у нее появляется объединяющий смысл, то есть она получает возможность сплотить таких разных в революционных действиях субъектов, как народ, церковь и интеллигенция. В таком понимании революционные изменения воспринимаются как долгожданные, именно такие, о каких долгое время мечтали русский народ, русская интеллигенция и сам мыслитель. Для церкви же революция – это способ восстановить свои позиции, вернуть в свое лоно тех людей, которые накануне революции начали утрачивать духовность. Религиозная революция в понимании Д.С. Мережковского имеет апокалиптический смысл и приводит к очищению и возрождению.

Ключевые слова: революция, религиозная революция, русская философия, Мережковский, культурфилософская парадигма, духовность, религиозность.

THE CONCEPT OF A RELIGIOUS REVOLUTION IN THE CULTURAL-PHILOSOPHICAL PARADIGM OF D.S. MEREZHKOVSKY

Oksana Vasilyevna Khripunkova
Senior Lecturer
Saint-Petersburg State University of Economics

The article discusses the views of D.S. Merezhkovsky on the Russian revolution as a religious phenomenon that has a mystical, metaphysical meaning. It is emphasized that for the thinker, revolution and religion were one, which led to the emergence of the concept of a religious revolution.

Changes in the minds of the people associated with the revolution, for DS Merezhkovsky bear the character of a «new religious consciousness». Spirituality, religiosity - these are the beginnings that can turn the carnage, what revolution is in essence, into a good undertaking that brings positive changes to the life of society. Thanks to the religious understanding of the revolution, she has a unifying meaning, that is, she gets the opportunity to unite, even rally, such different subjects in revolutionary actions as the people, the church and the intelligentsia. In this understanding, the revolutionary changes are perceived as long-awaited, such as the Russian people, the Russian intelligentsia, and the thinker himself have long dreamed of. For the church, revolution is a way to restore its position, to return to its womb those people who, on the eve of the revolution, began to lose their spirituality. Religious revolution in the understanding of D.S. Merezhkovsky has an apocalyptic meaning, and leads to purification and rebirth.

Keywords: revolution, religious revolution, Russian philosophy, Merezhkovsky, cultural-philosophical paradigm, spirituality, religiosity.

В эпоху русского Ренессанса в культурной сфере самым масштабным и резонансным, вызывающим ожесточенные споры, стал вопрос взаимовлияния культуры и революции. В работах представителей Серебряного века часто рассматривается вопрос о том, что культурные и революционные процессы связаны между собой, находятся в постоянном взаимодействии и соотношении, а степень их взаимообусловленности в обществе очень высока.

Среда русских философов отличалась многообразием взглядов на революцию. Вызывает интерес классификация, предложенная Н.А. Бердяевым, в которой выделено три точки зрения. Первая – «революционная и контрреволюционная», когда имеет место активное участие людей в революции. Вторая – «объективно-историческая, научная», приверженцы которой в революционном процессе не участвовали, а лишь созерцали его и пытались познать его суть. Третья – «религиозно-апокалиптическая и историософическая» позиция людей, всем сердцем воспринявших и остро переживавших революцию, но отстраненных от «ее повседневной борьбы» [Бердяев, 1990, с. 106].

Д.С. Мережковский был в числе первых мыслителей, которые выступили с инициативой постановки этой проблемы. В процессе создания своей концепции «религиозной революции» он отмечает, что революционные события в начальной стадии носят метафизический характер, и рассматривает их в свете «нового религиозного сознания» [Мережковский, 1914].

Цель статьи – рассмотреть взгляды Д.С. Мережковского на религиозную революцию и выявить место этих взглядов в культурфилософской парадигме мыслителя.

Мысли Д.С. Мережковского по поводу религии, его творчество в контексте религиозных представлений рассматривали и продолжают рассматривать многие исследователи: Б.В. Емельянов [Емельянов, 2016], М.А. Ковыршин [Ковыршин, 2007], Я.В. Сарычев [Сарычев, 2017] и др. Воззрения мыслителя, как учение о религиозной революции, анализируются нечасто [Кошарный, 2017].

Статья Д.С. Мережковского «Грядущий Хам» стала программным заявлением о приближающихся переменах и их понимании, а также об оценке событий революции. В ней автор поднимает тему религиозности российской интеллигенции, рассматривает проблему мещанской психологии низов и в религиозном аспекте освещает вопрос об отношении народных масс к революции.

Д.С. Мережковский изначально занял радикальную общественную позицию в своем отношении к происходящим в отечестве событиям: “Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам. У этого Хама в России – три лица. Первое, настоящее – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины...

Второе лицо прошлое – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие... (…)

Третье лицо будущее – под нами, лицо хамства, идущего снизу - хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц” [Мережковский, 1906].

Далее мыслитель говорит, что это трехликое духовное мещанство противостоит духовному благородству в трех его проявлениях: «живой плоти» (народ), «живой душе» (церковь), «живому российскому духу» (интеллигенция) [Там же].

Д.С. Мережковский утверждает, что лишь некая объединяющая мысль позволит сплотить народ, церковь и интеллигенцию и вступить в конфронтацию с тремя началами «духовного рабства и хамства». Автор уверен, что такую всеобъемлющую идею можно получить лишь в результате слияния религиозного и общественного перерождения: “Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только религиозная общественность спасет Россию. (…) Разум, доведенный до конца своего, приходит к идее о Боге. Интеллигенция, доведенная до конца своего, придет к религии” [Там же].

Статья Д.С. Мережковского «Теперь или никогда», посвященная проблеме «религиозной революции», содержит призыв к объединению православного духовенства и интеллигенции. Автор считает освободительное движение в родном отечестве продолжением «дела Христова». “Есть ли вообще в русской церкви и во всем историческом христианстве какая-либо возможность для … перехода к христианству апокалипсическому? – спрашивает автор и тут же отвечает: – Да, конечно” [Мережковский, 2000, с. 98-99].

По мнению Д.С. Мережковского, с целью осуществления подобной возможности должен произойти сознательный разрыв связей между русской православной церковью и отечественной «самодержавной госу-

дарственностью», проявляющейся в неактуальных ныне формах. Мыслитель приветствует союзничество русского народа и интеллигенции с церковью, которая должна активно бороться за свершение грандиозных общественно-политических перемен, освобождающих Россию, чтобы совместно с интеллигенцией "внести свет нового религиозного сознания в темную религиозную стихию русского народа…" [Там же].

Первую революцию в России 1905-1907 годов Д.С. Мережковский называет «религиозной» – «революцией Духа». Социальное преобразование достигается, по мнению мыслителя, только благодаря отказу государства от насилия и развороту в сторону религиозной общественности – «от власти человека к власти Бога». Общественная революция, с этой позиции, имеет смысл только при условии слияния с революцией религиозного толка.

Концепция «религиозной революции» Д.С. Мережковского пронизана темой схожести преобразований в политике и религии, ведь "религия – это революция в категории Божеского, а революция – есть религия в категории человеческого" [Мережковский, 1991, с. 7]. Отсюда следует, что "религия и есть революция, революция и есть религия" [Там же].

Работа мыслителя «Революция и религия» говорит о том, что личная духовная (религиозная) человеческая потребность наряду с необходимостью единобожия отражается во внешних формах самодержавия. На земле – один царь, на небе – один Бог. Монархия рассматривается автором как символ теократии. Соответственно, русская революция и свержение самодержавия «имеют великий смысл религиозный» [Мережковский, 2000, с. 7].

По наблюдениям Д.С. Мережковского, «Православный Катехизис» декабристов критикует точку зрения мистического основания монархии и любой другой формы государственной власти. Он пишет: "Да всем будет один царь на земле и на небе, - Христос - это чаяние русских искателей града грядущего… осуществимо только абсолютною безгосударственностью, безвластием как утверждением боговластия" [Там же, с. 10-11].

Мыслитель заявляет, что русская революция 1905 года определила границы и подвела черту под революцией религиозной, "может быть, не только русской, но и всемирной" [Там же].

Д.С. Мережковский уверен в том, что социально-политическая революция глубинно преобразуется в религиозную, и эта новая ипостась не отрицает общественно-политических преобразований. Это процесс, в котором объединяются духовный и политический аспекты: "Когда эти два движения сольются в одно, тогда Россия выйдет из православной церкви и самодержавного царства во вселенскую церковь единого первосвященника и во вселенское Царство единого царя – Христа" [Мережковский, 2000, с. 21].

Свою позицию приверженности революции Д.С. Мережковский объяснял как человек верующий, мечтой которого является революционное изменение мира в глобальном смысле. Обосновывая связь религиозного мира с революцией, мыслитель представляет революционные события с позиции историософии, когда внутренняя свобода способна «преодолеть внешний закон причинности», и как ряд трагедий, соотносимых по значимости с изгнанием из Эдема, великим потопом, разрушением Вавилонской башни и Апокалипсисом.

Современный исследователь О.Д. Волкогонова считает, что радикальные взгляды Д.С. Мережковского выразились в определении им революции как события, вытекающего из христианства, а значит, носящего религиозный характер. Охарактеризовав мировоззрение мыслителя как религиозный анархизм и мистическую революцию, О.Д. Волкогонова справедливо отмечает, что концепция эта была характерна для культуры символизма Серебряного века и являлась следствием упадка православия в России дореволюционного периода [Волкогонова, 1998].

Причины религиозной революции близки к причинам социально-политического переворота, но не сливаются с ними. Исследователь А. Эткинд предлагает рассматривать позицию Д.С. Мережковского как апокалиптическую. А. Эткинд полагает, что мыслителю свойственен особого рода мистицизм, который объединяет для него революцию и Апокалипсис [Эткинд, 1998, с. 193]. По мнению исследователя, концепция «революции Духа» Д.С. Мережковского основывается на эсхатологическом понимании истории, а ее создатель сочетает в себе знатока Апокалипсиса и «визионера земного рая».

По мнению современных исследователей, поколение революционеров начала XX века своими корнями уходит в "наивную эсхатологию средних веков" [Чаликова, 1991, с. 178]. Рождение же идеи «религиозной революции» произошло в тот момент, "когда люди, независимо от статуса и степени богатства, перестали считать общество чем-то навсегда потерянным, как золотой век в глубинах прошлого, а взамен этого приблизили его, уготовив ему место в неминуемом обозримом будущем" [Там же].

Итак, Д.С. Мережковский уверен, что подлинным революционером всегда движет утопическая вера в чудесную природу революции, в ее способность изменить все в одночасье. Для мыслителя религиозная революция – это естественный путь изменений. Для него революционные события имеют религиозный смысл, развиваются по метафизическому сценарию. Только религиозное и общественное перерождение, в представлении мыслителя, способны сплотить народ, церковь и интеллигенцию как идея, благодаря которой революция из разрушающего явления превратится в созидающее.

Литература

1. Бердяев,1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

2. Волкогонова, 1998 – *Волкогонова О.Д.* Образ России в философии Русского Зарубежья. – М.: РОССПЭН, 1998. – 324 с.
3. Емельянов, 2016 – *Емельянов Б.В.* Богоискательство Д.С. Мережковского // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4 (36). – С. 242-249.
4. Ковыршин, 2007 – *Ковыршин М.А.* Религия святого духа Д.С. Мережковского: символика идолопоклонства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2007. – № 1. – С. 46-48.
5. Кошарный, 2017 – *Кошарный В.П.* Учение о религиозной революции Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова // Соловьевские исследования. – 2017. – № 3 (55). – С. 96-111.
6. Мережковский, 1991 – *Мережковский Д.С.* В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве) // В тихом омуте. – М.: Советский писатель, 1991. – 36 с.
7. Мережковский, 2000 – *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Не мир но меч. – М.: Аст, 2000. – 119 с.
8. Мережковский, 2000 – *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // Не мир но меч. К будущей критике христианства. – М.: Аст, 2000. – 119 с.
9. Сарычев, 2017 – *Сарычев Я.В.* Религия Дмитрия Мережковского: «неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение: монография. – М.: Флинта, 2017. – 224 с.
10. Чаликова, 1991 – *Чаликова В.А.* Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
11. Эткинд, 1998 – *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ТЕХНИКИ КОММУНИКАЦИИ, ТЕХНИКИ МЫШЛЕНИЯ, ТЕХНИКИ ТЕЛА

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00103
УДК 165.0

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК «ЗОНА ОБМЕНА»

Наталья Васильевна Гришечкина
Кандидат философских наук, доцент
Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского

Социальные медиа в настоящее время активно включаются в диалог науки и общества. Цифровая коммуникация становится неотъемлемым инструментом научного познания и той платформой, где осуществляются процессы взаимодействия формального и неформального знания, институциональных и внеинституциональных компонентов науки. Тиражирование научной информации в социальных медиа приводит к тому, что развитие науки отражает логику развития сетевых коммуникаций. Децентрализация, утрата автономии, анонимность, гибридность и т.д. – свойства, которые начинает приобретать наука и научное знание. В новых условиях возникают новые формы научного знания, одной из которых является гражданская наука, которая отражает процесс демократизации научного знания и представляет собой пространство диалога между учеными и гражданами. Гражданская наука представляет собой сетевой проект. А неформальное знание в социальных сетях оперирует отличными от научных системами аргументации и верификации, основанными на здравом смысле и демократическом коммуникативном опыте. Гражданская наука как новый элемент производства научного знания ставит науку перед необходимостью выработки методов верификации типов доказательств, которыми она оперирует. Проблемой является понимание того, как в этих условиях доказательство создается, работает и оспаривается. Гражданская наука в условиях медиареальности становится продуктом «зоны обмена». В результате этого утверждается открытость научного знания и обеспечивается его доступность.

Ключевые слова: медиареальность, гражданская наука, неформальное знание.

MEDIA REALITY AS "EXCHANGE-ZONE"

Natalya Vasilyevna Grishechkina
PhD in Philosophy, Associate Professor
Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

Social media, which are actively involved in the dialogue of science and society. Digital communication is becoming an integral part of scientific knowledge and the platform in which the processes of interaction of formal and informal knowledge, institutional and non-institutional components of science. That the development of science leads to the emergence of the logic of the development of network communications. Decentralization, loss of autonomy, anonymity, hybridity, etc. - properties that are beginning to acquire science and scientific knowledge. The process of democratization of scientific knowledge and represents the space between scientists and citizens. Civil science is a network project. Unofficial knowledge of social networks is based on common sense and democratic experience of communicative experience. Civil science is a new element of production. It proves what works and works. Civil science in conditions of media reality becomes the product of the “exchange zone”. Access to scientific knowledge.

Keywords: media reality, citizen science, informal knowledge.

Медиареальность открывает перед пользователями широчайшие возможности в создании информационного контента, отнюдь не обеспечивая реализации всего их спектра. Качество контента прямо зависит от личности пользователя, его творческих способностей и критического мышления. Информационная среда социальных медиа ориентирует пользователя на непрерывный, иногда ежедневный процесс создания и публикации сообщений. Качество сообщений в такой коммуникационной ситуации неизбежно снижается: содержание примитивизируется, а интерес к нему обеспечивается использованием стереотипов, мифов массового сознания, эмоциональной экспрессии и провокативных приемов. В этих условиях любой информаци-

онный контент реализуется с тенденцией вульгаризации используемых репрезентаций, радикализацией их эмоциональных коннотаций и снижения рациональной рефлексивности.

Более половины населения планеты к настоящему времени являются пользователями Интернета, к этому же рубежу приближается число аккаунтов в крупнейших социальных сетях. Сервисы социальных сетей, блоги, подкасты, wiki-продукты, видеохостинги, мобильные приложения не только ускоряют информационный обмен и укорачивают его цикл, но и увеличивают включенность индивидов в производство знаний. Объем производимого ими контента становится серьезным вызовом для других источников информации: классические СМИ, их интернет-версии и сайты проигрывают в обращаемости по общественно-политическим и аналитическим сведениям. Сервисы социальных сетей имеют ряд специфических особенностей по сравнению с родовой для них интернет-коммуникацией [Ефимов, 2015]. Современные процессы производства и распределения научного знания существенно отличаются от классической социологической модели социального института науки, они не могут быть схвачены в рамках образа автономного замкнутого мира, подчиненного корпоративным ценностям, реализуемым усилиями профессионалов [Тихонова, 2017, с. 417]. Ключевой особенностью нового облика социальной реальности науки является трансдисциплинарность, размывание гомогенных научных практик за счет включения действий и решений, внешних по отношению к научной экспертизе социальных агентов. Одну из основных ролей в этом процессе играют социальные медиа, которые активно включаются в диалог науки и общества. Цифровая коммуникация становится неотъемлемым инструментом научного познания и той платформой, где осуществляются процессы взаимодействия формального и неформального знания, институциональных и внеинституциональных компонентов науки. Тиражирование научной информации в социальных медиа приводит к тому, что развитие науки отражает логику развития сетевых коммуникаций. Децентрализация, утрата автономии, анонимность, гибридность и т.д. – свойства, которые начинает приобретать наука и научное знание. В новых условиях возникают новые формы научного знания с изначально присущими данными характеристиками. Одной из таких форм является гражданская наука, которая отражает процесс демократизации научного знания и представляет собой пространство диалога между учеными и гражданами.

Гражданская наука представляет собой сетевой проект. А неформальное знание в социальных сетях оперирует отличными от научных системами аргументации и верификации, основанными на здравом смысле и демократическом коммуникативном опыте. Последний исходит из равноправия точек зрения в условиях декларации свободы мнений и настаивает на формальном равенстве оппонентов независимо от уровня их компетентности. В этих системах искомое качество информации – достоверность – определяется не методологическими когнитивными процедурами, а характером отношений между контрагентами. Данные условия определяют актуальность проблемы того, как на самом деле в гражданской науке работают методы доказательства – в свете участия агентов, не принадлежащих сертифицированным научным сообществам, т.е. неформальных участников. Учитывая то, что количество неформальных участников научных исследований гражданской науки превышает научный круг профессионалов, решение вышеуказанной проблемы следует рассматривать как ориентирующее развитие научного знания. Гражданская наука как новый элемент производства научного знания ставит перед наукой необходимость выработки методов верификации типов доказательств, которыми она оперирует. Проблемой является понимание того как в этих условиях доказательство создается, работает и оспаривается.

Гражданская наука в условиях медиареальности становится продуктом «зоны обмена». В результате этого утверждается открытость научного знания и обеспечивается его доступность. Демократичность гражданской науки проявляется в признании за каждым права участия в научном познании. Такие практики как веб-краудсорсинг и волонтерство дают возможность поучаствовать в исследовательских программах каждому желающему непрофессионалу. Так как медиареальность не имеет территориальных границ, существует возможность охвата проектами гражданской науки максимально широкого круга участников и осуществления глобальных научных проектов.

Медиареальность становится фактором эффективности проектов гражданской науки. Позволяя в короткие сроки собирать максимально возможное количество научных данных и фактов, гражданская наука интенсифицирует рост научного знания. Гражданская наука открывает широкие возможности для сбора более полной эмпирической базы научного знания: от инвентаризации растений и животных, до исследований собственной ДНК в домашних условиях и т.д. Движение гражданской науки является абсолютно добровольным, а иногда и анонимным, что тоже является преимуществом, например, в случаях участия пациентов в клинических исследованиях.

Проекты гражданской науки являются экономически выгодными, так как участие граждан является бескорыстным, ориентированным на решение проблем, а не извлечение выгоды. Такие явления как научный краудфандинг (crowdfunding), трайбфандинг (tribefunding) представляют собой эффективные механизмы мобилизации личных и общественных ресурсов для решения научных вопросов. Таким образом, гражданская наука, с одной стороны снижает уровень институциональных рисков, сужая их до уровня персональных рисков, с другой стороны продуцирует новые виды персональных рисков, подвергая опасности жизнь и здоровье человека, включающегося, например, в различные биохакерские проекты. Так, например, весной 2018 года был найден мертвым известный 28-летний американский биохакер Аарон Трейвик. Аутопсия показала, что он утонул случайно, в его крови обнаружили следы кетамина, препарата для инъекционного наркоза, иногда применяемого как рекреационный наркотик. А. Трейвик ставил эксперименты на себе, надеясь, что сможет разработать новые методы генной терапии, избежав необходимости взаимодействовать с FDA (Food

and drug administration – Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов в США), а также расходов и ограничений, связанных с проведением клинических испытаний. Данный факт еще раз подтверждает тезис У. Бек о разрушении монополии на знание в «обществе риска», о том, что в сфере экспертного знания о рискогенных процессах нет и не может быть безусловного авторитета, следствием чего является интеграция социальных акторов в процессы экспертной оценки. [Бек, 2000, с. 40].

Участие непрофессионалов в научных исследованиях сегодня является возможностью, которую создает медиареальность. Гражданская наука своим названием указывает на наличие социоэпистемологической конфигурации современной науки, которая основана на участии непрофессионалов в научных исследованиях. Это открывает новые функциональные отношения, в которых знание – является продуктом совместного (соучастного) производства профессионалов и непрофессионалов, таким образом тестируются новые формы разделения труда и установленных ролей в производстве научных знаний. Социальные медиа являются технологическим драйвером современной гражданской науки, включая участие через новые инфраструктуры и интерфейсы. Гражданская наука, таким образом, отвечает научным стратегическим ожиданиям в отношении демократизации науки, а также становится средством решения социальных проблем.

Литература

1. Бек, 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Федоровой. / Посл. А Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Ефимов, 2015 – *Ефимов, Е.Г.* Социальные интернет-сети (методология и практика исследования): монография. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – 169 с.
3. Тихонова, 2017 – *Тихонова С.В.* Лженаука в современной коммуникационной системе неформального знания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 416–420.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00104
УДК 165:070:654

ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЙ О ПРОШЛОМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ[33]

Денис Сергеевич Артамонов
Кандидат исторических наук, доцент
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Софья Владимировна Тихонова
Доктор философских наук, профессор
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

В статье рассматривается влияние электронных средств коммуникации на социальное конструирование исторической памяти. Бурное развитие сервисов социальных сетей, характерное для последнего десятилетия, вовлекает массовую аудиторию пользователей Интернета в процессы конструирования образов прошлого. Массированные информационные потоки исторического контента, создаваемые обывателями, не только становятся новым фактором влияния на коллективные и индивидуальные идентичности, но и создают благоприятные условия для войн памяти. Выявление новой роли исторического контента в социальной структурации позволит разработать инновационные исследовательские стратегии для изучения функционирования общественного сознания в условиях компьютерно-опосредованной среды, сетевых интеграций и дополненной реальности.

В связи с этим, необходимы поиск нового методологического инструментария для изучения современных практик конструирования прошлого, и социально-философское осмысление социальных функций исторической памяти в цифровую эпоху. В работе анализируются особенности производства знаний о прошлом в медиасреде, виртуализации социального механизма запоминания / забвения, формы аккумуляции и трансляции прошлого в новых медиа.

Задача авторов состоит в том, чтобы интегрировать исследовательскую парадигму memory-studies в методологическое поле исторической эпистемологии.

Ключевые слова: историческая эпистемология, историческая память, историческое знание, социальные медиа, образы прошлого, исследования памяти.

[33] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00265 «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире»)

PRODUCTION OF KNOWLEDGE OF THE PAST IN SOCIAL NETWORKS AS A PROBLEM OF HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Denis Sergeevich Artamonov
PhD of Historical Sciences, Associate Professor
Saratov State University
Sofya Vladimirovna Tikhonova
DSc in Philosophy, Professor
Saratov State University

The article discusses the impact of electronic communication on the social construction of historical memory. The rapid development of social networking services, characteristic of the last decade, involves a mass audience of the Internet users in the processes of designing images of the Past.The Internet users create the massive information flows of historical content, which do not only become a new factor of influence to the collective and individual identities, but also create favorable conditions for memory wars. The identification of new role of historical content in social structure will allow developing new research strategies for studyof the public consciousness in a computer-mediated environment, network interactions and augmented reality.

In this regard, it is necessary to search for a new methodological toolkit for studying modern practices of constructing the past, and a socio-philosophical understanding of the social functions of historical memory in the digital age. The paper analyzes the features of the production of knowledge about the past in the media environment, the virtualization of the social memorization / forgetting mechanism, the forms of accumulation and transmission of the past in new media.

The authors' task is to integrate the memory-studies research paradigm into the methodological field of historical epistemology.

Keywords: historical epistemology, historical memory, historical knowledge, social media, images of the Past, memory studies.

В современных условиях влияние электронных средств коммуникации на социальное конструирование исторической памяти огромно. Историческая информация переводится в цифровой формат, и уже не только архивы и библиотеки аккумулируют знание о прошлом, но и электронные хранилища баз данных. Письменная память уступает место памяти электронной, а развитие интернет-технологий предоставляет доступ к ней огромному количеству пользователей.

Сегодня представления о прошлом формируются не только усилиями профессиональных ученых-историков, но и Интернет-пользователями. Совокупность индивидуальных образов истории создают коллективную память. Современное общество переживает мемориальный бум, связанный со способностью пользователей производить знание о прошлом и транслировать его при помощи новых медиа. Таким образом, память из личного и культурного пространства перемещается в сферу медиа.

Коммуникативное измерение эпистемологического дискурса связано с исследованием влияния форм коммуникации на производство знания. Современная коммуникационная революция детерминирована новой социальной ролью Интернет-технологий, опосредующих социальные связи разного уровня и открывающих массовый доступ к любым видам коммуникации. Развитие Интернет-сервисов обеспечивает пользователей все более совершенными инструментами управления коммуникацией, с помощью которых они могут развивать свои собственные сети любой конфигурации, обладая минимальными сведениями о контрагентах и распределять знание вне традиционных институциональных схем Модерна. Распространение социальных сетей имеет когнитивный эффект, поскольку обеспечивает массовое включение пользователей в производство неформального знания, регулируемое не институциональными, а дискурсивными нормами. Интернет-контент может быть рассмотрен как специфическая форма повседневного знания о прошлом, включающая в себя особые дискурсивные правила производства, системами верификации и авторитетов.

Исследование влияния социальных медиа на индивидуальную и коллективную память опирается на работы М. Маклюена. Изучение социальной памяти проводится в рамках теории М. Хальбвакса о «социальных рамках памяти», теории культурной памяти Я. Ассмана и теории «мест памяти» П. Нора. Анализ представлений о прошлом опирается на методы исторической эпистемологии, представленные в работах Х. Уайта и А. Мегилла. Авторы опираются на коммуникационный подход, сближающий категории социального действия, коммуникативного акта и акта познания.

Обыденное знание (ordinary knowledge) в эпистемологии является довольно маргинальной проблемой, разработке которой посвящено сравнительно небольшое число исследований. Одной из ключевых работ является коллективная монография «Epistemology of Ordinary Knowledge» под редакцией М.Л. Бианка и П. Пиккари [Epistemology, 2015]. В этом труде М.Л. Бианка обосновывает концепцию, в соответствии с которой обычное знание – это форма знания, которая не только позволяет эпистемически получить доступ к миру, но также включает разработку его моделей с различной степенью достоверности. Особенность этой формы заключается в том, что обычное знание может быть надежным, несмотря на то, что не обладает строгостью научного знания. Надежность обыденного знания задается его полигностической структурой, вклю-

чающей различные виды знаний. К ним относятся: а) перцептивное / феноменальное знание; б) самопознание собственных психических состояний, содержаний и процессов; в) знание самого себя и становление понятия «Я»; г) знание других «Я»; д) косвенное и неперспективное знание мира. У каждого из этих видов знания есть свои особенности формирования, собственная релевантность и степень надежности.

Вопрос о том, как медиасреда меняет формирование обыденного знания, остается малоизученным. В первом приближении, технические принципы оперирования контентом детерминируют эпистемические процессы, связанные с усложнением структуры сообщения. Средой формирования обыденного знания является мышление и устная речь. Подключение текста означает расщепление исходного синкретизма обыденного знания, повышение степени его рефлексивности и подчинение его жанровым нормам (литературным, документальным, журналистским), т.е. начальную формализацию. Подключение базовых элементов медиатекста (графических, аудио- и визуальных вставок) усиливает жанровую эклектику и расширяет возможности самовыражения, субъектоцентризма и субъективности сообщения.

Преобладание субъективных элементов в продвижении медийного контента фиксируется неологизмом «постправда» [Корецкая, 2017, 136-138]. Постправда может быть определена как самостоятельный концепт медиадискурса, обладающий отрицательными коннотациями и подчеркивающий влиятельность интерпретаций по сравнению с фактографией. Коммуникативная сущность постправды сводится к эффекту веры, для которой принципиально личностно-эмоциональное отношение к предмету сообщения. Постправда совмещает глобальное с приватным, персонализирует макрособытия и облегчает формирование их оценки субъектом.

Постправда как трансляция субъективности основана на репрезентации личного субъективного опыта познания мира, т.е. ее ядром является обычное знание, на платформе которого формируется личная история, личный опыт и личная правда, подменяющие объективные данные. Постправда не означает прямого забвения и обесценивания истины. Она может быть понята как следствие избытка информации, когда в ее массивах можно ориентироваться только через полную активизацию всех когнитивных способностей человека. Эмоционально окрашенное отношение выступает фильтром для потоков разнородного контента. Через постправду люди и познают, и, одновременно, выражают себя, создают идентичности и вступают в коллективные действия.

Повседневное обыденное знание, в том числе, знание о прошлом, ранее бытовавшее преимущественно в устной форме и проникавшее в массовое сознание и массовую культуру через систему культурных цензов, в условиях социальных сетей становится публичным и получает новые механизмы влияния (лайки, репосты), не только обеспечивающие его массированное тиражирование, но и прямую включенность в процессы формирования репутаций и общественного мнения.

Влиянию новых медиа на социальную память посвящено небольшое количество исследований, одним из которых является коллективная монография «Silence, Screen, and Spectacle: Rethinking Social Memory in the Age of Information and New Media», изданная под редакцией Л. Фримена, Б. Ньенаса и Р. Даниэля [Silence, 2014]. Авторы исследования отмечают, что новые социальные медиа меняют характер восприятия настоящего и прошлого, раскрывая прошлое через метафоры «молчание», «экран», «спектакль».

Произошедшая медиатизация общества привела к складыванию особого механизма хранения, преобразования и трансляции информации, который изменил характер производства исторического знания и практики забвения. Средства массовой информации и социальные медиа становятся не менее значимыми акторами создания нового представления о прошлом, чем профессиональные ученые историки. Изменились также сроки хранения социальной информации [Агеева, 2012, с. 68].

Вышеизложенное позволяет автору определить производство знаний в социальных сетях как цифровую систему хранения, преобразования, производства и распространения информации о прошлом, на основе которой формируется историческая память индивидов и общностей. Производство знаний в социальных сетях можно рассматривать как виртуальный социальный механизм запоминания и забвения, он имеет возможность предоставлять разнообразные формы репрезентации истории в пространстве повседневности, расширять практики представления прошлого и коммеморации, а также увеличивать количество создающих и потребляющих мемориальный контент.

С позиций исторической эпистемологии мы наблюдаем появление новых способов познания прошлого. Методы исторического познания, исторические источники, доступные ранее только профессиональному сообществу историков, под влиянием медиатизации становятся доступными все большему кругу лиц. Это приводит к перераспределению исторического знания от ученого сообщества к обывателям, интересующимся историей. Производство знаний в социальных сетях является инструментом такого перераспределения.

Социальные сети подвергают историческое знание определенной селекции, включая в повестку дня актуальную информацию о прошлом, и подвергая забвению то, в чем нет общественной потребности. Также происходит сегментирование исторического знания между различными элементами медиасферы, что выражается в разнообразии интернет-ресурсов исторической тематики, доступных пользователям, принадлежащих к разным целевым аудиториям.

Характеристикой исторических знаний в социальных сетях является доминирование личной и семейной памяти, которая формирует представления о прошлом на основе личностных эмоциональных переживаний, принимаемых на веру. Биографические свидетельства и мемуаристика вызывает наибольший интерес современного человека, имеющего возможность рассказывать в социальных медиа и свою историю.

Производство знаний в социальных сетях демократично и создается на основе свободного выражения

мыслей и чувств доступными языковыми средствами. Фотографии и документальные свидетельства играют одинаково важную роль в формировании представлений о прошлом наряду с субъективным восприятием действительности и оценочными высказываниями. А попытки скрыть какую-либо историческую информацию или изъять ее из публичного доступа приводят к ее еще большему распространению.

Производство знаний о прошлом в социальных сетях является инструментом коллективной памяти и укладывается в концепцию постправды, когда личная история и личный опыт восприятия действительности заменяют человеку объективные данные. Познание истории приобретает новые смыслы, методы и формы, что заставляет искать новые подходы в рамках исторической эпистемологии.

Литература

1. Агеева, 2012 - Агеева Г. М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 68 -74.
2. Корецкая, 2017 - Корецкая О. В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 73: в 3 ч. Ч. 3. С. 136–138.
3. Epistemology, 2015 - Epistemology of ordinary knowledge / eds. L. Mariano, B. Piccari, P. Piccari. Cambridge, 2015. 321 p.
4. Silence, 2014 - «Silence, Screen, and Spectacle»: Rethinking Social Me-mory in the Age of Information and New Media / Eds. Lindsey A. Freeman, Benjamin Nienass, Rachel Daniell. — N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. 249 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00105
УДК 316.77:130.1

ГАПТИКА КАК КОНТЕНТ: #ODDLYSATISFYING В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАЭСТЕТИКИ

Марина Викторовна Загидуллина
Доктор филологических наук, профессор
Челябинский государственный университет

Статья посвящена гаптическим медиаформам – выраженному многомиллионными просмотрами интересу пользователей к трансляции манипуляций с различными предметами, создающими эффект «завораживания». Это явление получило пользовательское название #oddlysatisfying. Автор рассматривает появление пользовательской гаптической культуры в контексте концепции «восполнения лакун»: ускоренное развитие нарративных форм (фильмы, клипы, сторителлинг в журналистике, книги, сериалы) создало определенный «флюс» в коммуникации и привело к возникновению ниши «анти-нарративного интереса». Гаптические медиаформы в коммуникации представляют собой одновременно и переход от нарратива (линии) к нецеленаправленному созерцанию (точке), и выработку культурного кода гаптики (в ее главных проявлениях – тактильном и мускульном ощущениях). Медиареальность технически позволяет создавать, публиковать, обсуждать и распространять видео- и другую продукцию без специальных знаний, что создает условия для быстрого реагирования на меняющиеся интересы аудитории. Сам факт перемещения материальной культуры в медиапространство, нередко рассматриваемый в науке как «победа виртуальности», тоже заслуживает внимания: пользователи созерцают гаптические действия как соучастники процесса, и интерес представляет не мускульное усилие или тактильность видео, но предмет, оказавшийся в фокусе внимания. Поэтому качественному культурологическому и социологическому исследованию должна быть подвергнута, например, такая крупная часть современной медиакультуры, как «слаймомания» – производство слаймов, демонстрация их свойств, коммерциализация этой области. Такие явления коммуникации позволяют понять логику развития медиа, а также обнаруживать культурные явления, распространяющиеся как bottom-up потоки.

Ключевые слова: гаптика, медиаэстетика, #oddlysatisfying, слайм-мания, материальность коммуникации, медиареальность, телесность.

HAPTICS AS CONTENT: #ODDLYSATISFYING IN THE CONTEXT OF MODERN MEDIA-AESTHETICS

Marina Victorovna Zagidullina
DSc in Philology, Professor
Chelyabinsk State University

This article is devoted to haptic media forms. These are expressed by multimillion viewers. They shows the interest of users to videos where one can see just manipulations with various objects, creating an effect of "fascination" ("visually arresting videos"). This phenomenon has been named #oddlysatisfying by the users. The author examines the emergence of user haptic culture as a "lacuna filling" process. The accelerated development of narrative forms (films, clips, storytelling in journalism, books, TV series) has created a certain "flux" of narration in contemporary communication and has led to the emergence of an "anti-narrative interest" niche. Haptic media in communication has functions (1) of transition from a narrative ("a line") to an untargeted contemplation ("a point"), (2) of a representation of a cultural haptic code (in its two manifestations – tactile and muscular sensations). Mediareality technically allows users to create, publish, discuss and disseminate videos and other mediaproducts without any special knowledge and preparation. These "platform logics" create the conditions for a quick response to changing interests of the audience. The fact that material culture is moving into the media space – often viewed in science as a "victory of virtuality" – also deserves research attention, because users view haptic actions as a process, and it is not the muscular effort or tactility of the video that is of interest, but the subject that is in the focus of spectator's attention. Therefore, such a large part of modern media culture which is "slime-mania" – the production of slimes, the demonstration of their properties, the commercialization of this field – should be considered attentively in its qualitative, cultural and sociological aspects. Such communication phenomena can allow us to understand the logic of media development, as well as to detect cultural phenomena that spread and flow bottom-up.

Keywords: haptics, media aesthetics, #oddlysatisfying, slime-mania, the materiality of communication, media-reality, corporeality.

Задача настоящей статьи – обратить внимание медиаисследователей на расширение возможностей современных коммуникаций в трансляции ощущений, ранее не составлявших содержания информационного обмена. По мнению Дж. Мейровица, современная медиареальность характеризуется логикой контента, формы, в которую он упакован, а также платформы, транслирующей этот пакет (Meyrowitz, 1998; см. также о широком понимании роли «медиа» в современной культуре: Meyrowitz, 1986). Ни одна из этих частей не может существовать без остальных. К таким же выводам приходит и Стефан Мюнкер, критикуя идею Ф. Киттлера о «железе» как основе любой коммуникации [Kittler, 1992] и приводя в пример Твиттер, который предопределяет коммуникацию независимо от «железа» – см. Münker, 2013, p. 252). Мюнкер, таким образом, соглашается со Львом Мановичем, выдвинувшим идею «софт управляет» [Manovich, 2013; см. также на русском языке: Манович, 2017]. Однако было бы правильно углубить эти рассуждения. Манович приходит к идее «торжества софта» через идею медиаэстетики (он использует понятие «постмедиаэстетики»), в основе которой – не «визуальное» или «аудиальное», но «интерфейсное» [Manovich, 2001]. По Мановичу, эстетика новой медиареальности связана с особой аурой взаимоотношений «человек – машина», когда сама организация этих взаимоотношений и задает стиль, тип, особенности ощущений, испытываемых пользователем.

В современной коммуникации мы обнаруживаем буквальную «работу» этих теоретических изысканий. Освоение «софта» (возможностей персональных средств включения в коммуникацию, обеспечивающих «масс-селф-коммуникацию», по Кастельсу – см. [Castells, 2007, p. 248]) пользователями переживает акселерацию, когда профессиональные акторы коммуникационного поля (например, журналисты, политические медиакоммуникаторы) оказываются вне позиции «лидера мнений» (или просто центра внимания в коммуникационных потоках). В то же время возникающие в массовом информационном обмене «точки притяжения внимания» помогают понять тенденции и направления развития коммуникации.

В настоящей статье исследуется феномен гаптической коммуникации, которая в последние годы выполняет функции такого «центра притяжения внимания». Феномен, получивший обозначение (сначала на Reddit.com, а затем и повсеместно) #oddlysatisfying, представляет собой распространение видео (реже – аудио), содержащих видео «странных» манипуляций с разными предметами, от которых трудно оторвать взгляд. Миллионы постов с таким хэштегом в Instagram и тысячи видео на YouTube собирают многомиллионную аудиторию. Статьи в различных популярных изданиях, посвященные этому необыкновенному явлению, убедительных объяснений этого тренда коммуникации не дают, в основном сосредоточиваясь на описании самих «странностей», а также связи #oddlysatisfying с «релаксирующими» практиками.

Но, опираясь на мысли медиаисследователей о предопределении содержания и смыслов коммуникации технологиями, мы могли бы предложить объяснение со стороны бурно развивающейся медиаэстетики. Если – вслед за Мановичем – видеть в медиаэстетике физиологию интеракции, представляющую собой сложный комплекс взаимодействия человека и девайса, включающий эргономику управления и одновременно приспособляемость человека к устройству, то значение имеет сама возможность быстрого создания, публикации и распространения видео, а также и воздействие на креативность пользователей встроенной системы оценки («зеркало внимания»). Видео с хэштегом #oddlysatisfying попадают в топ коммуникации, поскольку отвечают потребности пользователей созерцать «странно удовлетворяющие манипуляции». Это двойная работа «софта»: и фасилитация создания и размещения контента, и управление контентом посредством «фолксономии» (лайков, репостов и т.п.), которые предопределяют «выживание» информации в плот-

ных потоках коммуникационного обмена.

Высокий интерес многомиллионной интернациональной публики к #oddlysatisfying позволяет предположить, что это ответ на дефицит гаптической медиареальности (в противовес вербальной или визуально-нарративной). Гаптика как значимая часть ощущений человека всегда была маргинализована (по отношению к визуальному, аудиальному, даже вкусовому и обонятельному) в культуре (во всяком случае, и не институционализирована, и не исследована). Дэвид Паризи, прослеживая длительную историю попыток создать «гаптические медиа» (способы передать сенсорику осязания) отмечает, что ни сами эти ощущения, ни их изучение не имеют своего «дома» (или домена) и остаются на периферии знаниевой сферы [Parisi, 2018]. Но сам факт появления значительного по своему объему и интернациональному охвату аудитории «гаптических» видео (единственное содержание и цель которых – представить манипуляции с предметами, которые завораживают аудиторию и вызывают комплекс эстетических переживаний, не имеющих никакого названия, кроме возникшего в «толще» коммуникации определения «странно удовлетворяющие») заслуживает внимания как показатель растущего интереса к гаптической эстетике: пользователи создают контент, претендующий по своему разнообразию и одновременно строгой «алгоритмичности» на статус значимого медиаэстетического явления.

Кевин Аллокка (YouTube's Head of Culture and Trends) отметил в интервью, что появление «хайпа» вокруг видео с хэштегом #oddlysatisfying вполне ожидаемо, поскольку «люди всегда хотели видеть такие сюжеты, но не знали, как это назвать одним словом» [Faramarzi, 2018]. Он же заметил, что, скорее всего, от бесхитростных видео со «странно удовлетворяющими» действиями пользователи перейдут к настоящему «искусству создания oddly satisfying объектов» [там же; см. также Allocca, 2018].

Лидирующее место среди таких видео занимают сейчас ролики, на которых изображены действия со слаймами – «лизунами»: руки в кадре мнут, переворачивают, месят, растягивают, «тыкают» с характерным звуком массу, похожую на цветное тесто. Гаптические «опыты», представляющие собой как осязательное (тактильное), так и мускульное удовольствие, возможно, направлены именно на восполнение дефицита гаптической коммуникации. Однако сам по себе феномен #oddlysatisfying не обязательно репрезентирует манипуляции с предметами типа слаймов; здесь мы можем найти десятки примеров, когда «завораживающее видео» представляет собой совершение каких-то действий, не имеющих отношения к осязанию (например, машина, режущая лед), однако в любом случае пользователю предлагается «анти-нарратив»: это не история, а бесконечный процесс, действие с предметом, вовлекающее зрителя как соучастника или воображаемого производителя действия. «Гаптические» видео, в которых в качестве звукового сопровождения избирается «натуралистическое» сопровождение действия (например, «чавканье» субстанции, которую мнут в кадре, «кликающий» звук раздавливаемых пальцами пузырьков упаковочной пленки и т. п.) заставляют задуматься о новой волне медиаэстетики: это поиск прекрасного («странно удовлетворяющее» звучит почти как кантовское «незаинтересованное благорасположение») в приятном, поскольку в просмотре видео, изображающем «приятное действие», пользователь остается зрителем – в его руках нет предмета, действия с которым могут вызывать чувство приятного. Другими словами, граница между «приятным» и «прекрасным» оказывается стертой, а в область искусства перемещаются техники трансляции «странно удовлетворяющих» состояний. Это новый вызов и теории эстетики, и теории медиа: платформы облегчают создание, публикацию, распространение сюжетов, вызывающих массовый интерес, и тем самым фиксируют сдвиги и изменения массовых потребностей. Интерес к просмотру «бесцельных» видео, не обладающих законченным нарративом, может также рассматриваться как индикатор «усталости от сторителлинга» в культуре.

Литература

1. Манович, 2017 – *Манович Л.* Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
2. Allocca, 2018 – *Allocca K.* Videocracy: How YouTube Is Changing the World… with Double Rainbows, Singing Foxes, and Other Trends We Can't Stop Watching. London: Bloomsbury, 2018. 352 p.
3. Faramarzi, 2018 – *Faramarzi S.* The odd psychology behind oddly satisfying slime videos // Wired. 11.04.2018. URL: https://www.wired.co.uk/article/oddly-satisfying-videos-explained-psychology-youtube.
4. Castells, 2007 – *Castells M.* Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 238–266.
5. Kittler, 1992 – *Kittler F.A.* There is no software // Stanford Literature Review. 1992. Vol. 9. Issue 1. P. 81–90.
6. Manovich, 2001 – *Manovich L.* Post-media Aesthetics. URL: http://manovich.net/index.php/projects/post-media-aesthetics.
7. Manovich, 2013 – *Manovich L.* Software takes command. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 360 p.
8. Meyrowitz, 1986 – *Meyrowitz J.* No sense of place: The impact of electronic media on social behavior. Oxford: Oxford University Press, 1986. 432 p.
9. Meyrowitz, 1998 – *Meyrowitz J.* Multiple media literacies // Journal of Communication. 1998. Vol. 48. Issue 1. P. 96–108.
10. Münker, 2013 – *Münker S.* Media in use: how the practice shapes the mediality of media // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. 2013. Vol. 14. Issue 3. P. 246–253. doi: 10.1080/1600910X.2013.838978.
11. Parisi, 2018 – *Parisi D.* Archaeologies of Touch: Interfacing with Haptics from Electricity to Computing. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 472 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00106
УДК 179.1

ТАКТИЛЬНОСТЬ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ РЕПОСТ-МОДЕРНА

Антон Николаевич Фортунатов
Доктор философских наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются новые формы использования чувственности в современных коммуникативных процессах. Визуальная коммуникация, характерная для телевизионной эпохи, сегодня становится недостаточной для адекватной реакции личности на информационные раздражители. В дело вступает тактильность как форма удостоверения значимости новостного контента. Движение пальца на экране мобильного телефона является онтологически значимым жестом, удостоверяющим конфигурацию социальной реальности. Однако эта форма коммуникативного участия приводит к изменению социального контекста. Эго-медиум превращается в обособленного, самоценного участника информационных процессов, а его обращенность на самого себя ведет к противопоставлению личного и социального. Проблема психофизиологического раздвоения коммуникатора, привыкшего в телевизионную эпоху доверять прежде всего визуальным впечатлениям в ущерб другим формам чувствования, теперь получает новую конфигурацию. Сетевая коммуникация переводит значительную часть общества в состояние своеобразного репост-модерна, в котором не факт осмысления новости, а лишь механическое движение пальца, копирующего известие на ленту пользователя, устанавливает новую взаимосвязь человека с причудливой коммуникативной реальностью.

Ключевые слова: сетевая коммуникация, тактильность, визуальность, телевидение, репост-модерн, интернет.

TACTILITY OF NETWORK COMMUNICATION IN THE ERA OF THE REPOST-MODERN

Anton Nikolaevish Fortunatov
DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article deals with new forms of using sensuality in modern communication processes. The visual communication characteristic of the television era today is becoming insufficient for an adequate response of the individual to informational stimuli. Tactility as a form of verifying the importance of news content comes into play. The movement of a finger on a mobile phone screen is an ontologically significant gesture certifying the configuration of social reality. However, this form of communicative participation leads to a change in the social context. The ego-medium is transformed into a separate, self-valuable participant in the information processes, and his turn on himself leads to the opposition of the personal and the social. The problem of the psychophysiological split of the communicator, which was used in the television era to trust first of all the visual impressions to the detriment of other forms of feeling, is now receiving a new configuration. Network communication brings a significant part of society into a kind of repost-modernity, in which it’s not the fact of making sense of the news, but only the mechanical movement of a finger copying the news on the user's tape that establishes a new relationship between a person and a bizarre communicative reality.

Keywords: network communication, tactility, visuality, television, repost-modern, internet.

Нормативность и прескриптивность современных информационных потоков остается пока мало изученной проблемой. Этическую сторону сетевой информации принято оценивать с точки зрения ее количественных характеристик, переводящих фокус внимания на якобы необъятные горизонты информационных возможностей, на неограниченный круг общения, на свободу выбора контента у рядового пользователя.

Однако и технологическая, и психо-физиологическая стороны интернет-коммуникации накладывают весьма существенные ограничения на эти ее свойства. Так, согласно исследованиям рубежа 2018-19 годов, в России существенно увеличилась доля так называемых мобильных пользователей интернета. Стационарные персональные компьютеры, так называемые, деск-топы, постепенно становятся устаревающими, уходящими в прошлое приборами. Снижается также и доля тех, кто выходит в интернет с помощью планшетов. Основная часть пользователей – это те, кто получают информацию из мобильных телефонов. Наконец, интенсивное расширение аудитории идет за счет старшего поколения (50+), так как молодое (до 30 лет) фактически полностью вовлечено в интернет-коммуникацию [Шестоперов, 2019.].

Приведенные формальные статистические данные оставляют за рамками внимания весьма важную в контексте нашего исследования проблему: в совершенном соответствии с универсальной формулой Маклюэна – «медиум – это мессидж» – изменяется качество восприятия информации, прошедшей сквозь фильтр

мобильного телефона. Современное «прокручивание» ленты новостей на различных устройствах и аккаунтах с помощью одного пальца руки фокусирует внимание на той или иной новости в среднем в течение не более 10 секунд (исследователи сервиса YouTube опубликовали статистические данные за 2018 год: «approximately 20% of the people who start your video will leave after the first 10 seconds», т.е. «примерно 20% людей, которые начнут просмотр вашего видео, уйдут после первых 10 секунд») [37 Mind Blowing YouTube Facts, Figures and Statistics – 2019]. Это означает совершенно иной ритм мировосприятия, динамику самоощущения в окружающем мире, степень самоидентификации с потенциально значимой информацией, уровень этической самоизоляции от получаемого контента, отстраненности от «повестки дня». Точнее будет сказать, это количественная характеристика современной социальной психофизики, где осведомленность важнее участия, где механический сброс информации движением одной фаланги пальца сродни мановению божией длани, прихотливо меняющей конфигурацию вещного мира. Там, где есть зона бесплатного Wi-Fi, совершаются рутинные микрореволюции, ежеминутно меняющие картину социального мироустройства.

К этому важно добавить превращение все новых миллионов пользователей в своеобразные механические усилители этой аксиологии: когерентность информационных процессов обеспечивается не столько одновременным доступом сотен тысяч и миллионов людей к одной и той же информации, сколько ее 15-секундной погруженностью, а стало быть, непредвзятостью и незаинтересованностью, в конкретной повестке дня «здесь и сейчас». Другими словами, чем больше новостей попадает в ленту, тем больше утверждается никчемность и неинтересность реального мира, разделяемая значительной частью социально активных (в потенциале) людей. Мобильность, таким образом, становится не только технической, но и политической величиной – ведь она утверждает якобы безграничность пользовательской неангажированности по отношению к источникам социально респектабельной информации. Политика отныне может измеряться количественно, через временную величину – длительность остановки внимания на событии, т.е. превращении этой новости в элемент повестки дня.

Возникает эффект психофизиологического раздвоения, начало которому было положено еще в эпоху расцвета аналогового телевидения. Тогда этот феномен обусловливался тем, что взгляд человека у экрана погружался в реальность, с которой его тело не имело ничего общего. Зритель, полулежавший на диване у телевизора, мог блуждать по марсианским просторам вслед за камерой-глазом марсохода Curiosity, и визуальность, конечно, обладала безусловным приоритетом по отношению к другим органам чувств, в буквальном смысле «притягивавших» человека к бренной земле. Сегодня тактильность начинает все больше теснить визуальность, поскольку взгляд, обращенный на мобильный телефон, уже давно привык к пестрой, хаотичной мозаике контента, мелькающей перед глазами в момент «прокручивания». Застывание пальца на экране означает фактическое подчеркивание значимости появившейся новости, ее утверждение в качестве факта бытия. Точнее, следует, так же, как и Маклюэн, говорить о «выведении вовне» органов чувств – теперь не только визуальности, но и тактильности (информационная бездна сегодня уже не только смотрит на нас, но еще и прикасается к нам). Конечно, за совершенно очевидными перспективами появления новых принципов манипулятивного управления пользователями в этой связи, возникает еще и новая форма социальности, опирающейся на легкий переход от виртуальности к реальным ощущениям и обратно.

Прежде всего, пластичность пространства и времени, которая в телевизионную эпоху воспринималась в эстетическом регистре (отстраненно-созерцательно), сегодня в буквальном смысле передается наощупь. Существуют многочисленные приложения для смартфонов, позволяющие пользователю особым, индивидуальным образом настроить временные контуры своего виртуально-социального поведения. Например, возникает феномен «лайфлоггинга», при котором незамысловатая программа (н.п. «aTimeLogger») может посекундно отслеживать время, проведенное на том или ином сайте, на выполнении тех или иных действий с экраном, или (в случае с другой программой Forest) у пользователя появляется возможность блокировать любые формы раздражителей (внешние звонки, напоминания об отложенных делах, переписка в соцсетях и т.д.), тем самым создается возможность сосредоточиться в течение определенного времени на одной задаче (то есть, вернуться к «традиционному» визуальному способу восприятия). Другими словами, приоритеты расставляются не за счет внутренних нравственных усилий, а с помощью манипуляций с чувствительным экраном. Впрочем, и сама по себе чувственность (в классическом, психофизилогоическом смысле) все больше уступает место чувствительности, воспринимаемой в этом контексте как степень предрасположенности и открытости по отношению к информационным импульсам. И так же, как в телевидении, прежняя эйфория от элементарных фантасмагорий экрана сменилась визуальной пресыщенностью от фантасмагорийных отношений элементов бытия между собой («зеленый фон» позволяет поместить равнодушного диктора в мир химерических монстров и нереальных существ, и это нисколько не изменит его будничного тона, а также встречного зрительского равнодушия), так и отчужденная тактильность постепенно становится синонимом социального, личностного отчуждения от любой, даже самой леденящей кровь информации.

Именно поэтому смысловая значимость все больше и все чаще обозначает себя через эмоциональную чрезмерность. Возникает коммуникация крика, информационное взаимодействие, основанное на эпатажных лозунгах и апеллировании к рефлексам. Стало быть, утверждается новая форма этического раздвоения, отличная от той, что была в период расцвета телевидения. Коммуникативные эмоции начинают отделяться от личностных переживаний. Постепенно воспитанное отсутствие доверия к внешним раздражителям превращает человека в эго-медиума, который фактически замыкает социальную коммуникацию на самом себе: референтная поддержка становится необязательной, ей на смену приходит постоянное поддерживание себя в состоянии онлайн, опирающееся на ритмическую сопряженность тактильных и визуальных ощущений

[Фортунатов, 2018]. Крик представляется уже не индикатором катастрофы, как это было в «классические» времена, а лишь поводом для того, чтобы обратить хладнокровное внимание на предшествующую ему новость в случае, если тональность крика соответствует установкам субъекта-пользователя.

Так возникает новые контуры прескриптивности информационных потоков. Согласно исследованиям Американского института прессы, фактором, определяющим выбор реципиента, является не содержание «поста» в ленте новостей, а его авторство, его принадлежность: «если новостью поделилась приятная знаменитость, – вы ей верите, а если неприятная, – не верите. Разница между NewYorkTimes и вымышленным сайтом DailyNewsReports.com играет намного меньшую роль» [Козловский, 2018, с. 85]. В этом контексте по-новому начинают звучать выводы британского антрополога Р.Данбара, доказавшего психофизиологическую ограниченность социальных связей среднего человека (в среднем 150 человек, которые, в свою очередь делятся на различные «слои» по степени близости к субъекту) [Данбар, 2012]. Фактически эго-медийность обеспечивается подсознательной узостью информационного взаимодействия человека с 10-15 близкими ему, значимыми Другими.

Таким образом, сетевая коммуникация переводит значительную часть общества в состояние своеобразного репост-модерна, в котором не новость как весть-о-бытии, а механическое движение пальца, ставящего «лайк» и копирующего известие на ленту пользователя (т.е. сам факт этого движения), устанавливает новую взаимосвязь человека с причудливой коммуникативной реальностью. Она – не в усилиях сознания (понять, освоить, поверить), а в равнодушных жестах (полурефлекторных движениях тела), делающих коммуникативную рекурсивность (по Луману) свойством самого индивида, а не внешнего по отношению к нему миру масс-медиа. Императивность человека-медиума по отношению к самому себе в этом смысле воплощается в судорожно-фанатичном стремлении быть во что бы то ни стало онлайн, пропуская сквозь себя все новые и новые порции чужого (при этом иллюзорно близкого, заслуживающего доверия) контента. И если петербургский профессор Б.Л. Розинг (автор первого в мире патента на электронный способ телевизионного изображения) безынерционность электронного телевидения в начале XX века воспринимал как высшее благо, сулящее потрясающие перспективы для всего человечества, то подчеркнутая инерция механической тактильности в новую, сетевую эпоху (пусть и спрессованная в десятисекундные отрезки просмотров), становится едва ли не последним связующим звеном между человеком, как физической единицей, и его виртуальным образом, погруженным в кричащий хаос современной коммуникации.

Литература

1. Данбар, 2012 – *Данбар Р.* Лабиринт случайных связей. – М.: Ломоносов, 2012. 288 с.
2. Козловский, 2018 – *Козловский Б.* Максимальный репост: как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. – М.: Альпина Паблишер, 2018. 198 с.
3. Фортунатов, 2018 – *Фортунатов А.Н.* Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения. – М.: Флинта, 2018. 174 с.
4. Шестоперов, 2019 – *Шестоперов Д.* «Суверенный рунет» нашел поддержку в правительстве // Коммерсантъ 17.01.2019. [Электронный ресурс]. URL https://u.to/XDmMFA (Дата обращения: 17.01.2019).
5. 37 Mind Blowing YouTube Facts, Figures and Statistics – 2019. [Электронный ресурс]. URL https://merchdope.com/youtube-stats/ (Дата обращения: 28.01.2019).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00107
УДК 123.1

ДО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ РАСПРЕДЕЛЕННОГО ЗНАНИЯ

Евгений Витальевич Малышкин
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе представлена классификация распределенных предметов и указано, каким образом определение класса дистрибутивности может прояснить отношение между экономическими объектами, с одной стороны, и между участниками сообществ, с другой. Тематизируется способ анализа экономических структур с помощью понятия распределенности и показывается, в каком смысле о распределенном знании следует говорить как о до-коммуникативном. Шеринговая форма распределения богатств отличена от традиционной, «субъектной»: не множество вещей принадлежат одному хозяину, а, напротив, множество вещей распределено между различными агентами. Понятие собственника, тем самым, не устраняется совершенно, но существенно меняется: собственниками, во-первых, могут быть названы не только люди, и, во-вторых, форма собственности ставится в зависимость от свойств распределенности вещей и сетевых правил. Показано, в каком смысле отношения единичные и всеобщие являются исклю-

чительно редкими. Ради демонстрации того обстоятельства, что в традиционных сообществах существенная часть сил тратится на упорядочивание классов распределенности, экономические отношения сопоставляются с эротическими, понятие интимности в этом сопоставлении оказывается ключевым. Описаны условия, при которых шеринговые формы способны функционировать: отъединенность (интимность), забота, определенность дистрибутивного класса.

Ключевые слова: распределенность, до-коммуникативное, классы дистрибутивности, шеринговая экономика.

PRE-COMMUNICATIVE FORMS OF DISTRIBUTED KNOWLEDGE

Evgenii Vitalyevich Malyshkin
DSc in Philosophy, Professor
Saint-Petersburg State University

The report presents a classification of distributed items and outlines how the definition of a class of distributivity can clarify the relationship between economic entities, on the one hand, and community members, on the other. Distributive method of analyzing of economical structures is demostrated. The sharing form of wealth distribution are differed from the traditional, “subjective”: not many things belong to the same owner, but many things are distributed among different agents. The concept of the owner, thus, is not completely eliminated, but significantly transormed: first, the role of owner is not belongs exclusively to humans, second, the form of ownership is dependent on the distribution properties of things and network rules. It is shown in what sense single and universal relations are extremely rare. For the sake of demonstrating the fact that in traditional communities a substantial part of the forces is spent on streamlining the classes of distribution, economic relations are compared with erotic ones, the concept of intimacy in this comparison turns out to be key. The conditions are described under which the share forms are able to function: isolation (intimacy), concern, certainty of the distributional class.

Keywords: distributiveness, pre-communicative, distributivity classes, sharing economy.

Динамика распределенности.

В известном тезисе, «если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко, и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого из нас будет одно яблоко... Если у тебя есть идея и у меня есть идея, и мы обменяемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи», речь идет не о яблоках и идеях, а об их возможности или невозможности убывать с разделением, собственно, речь идет о разных классах распределенности.

Так или иначе, мы знаем, какому классу распределенности принадлежат те или иные вещи и, в зависимости от этого знания, склонны либо вступать в отношения распределенности, либо избегать их.

Есть смысл говорить о формировании горизонтальной экономики, при которой некая вещь оказывается распределенной между участниками сети. Так, можно всем сообществом владеть одной-единственной вещью. Если вещь принадлежит к классу хорошо распределенных вещей, а ее использование сопровождается удачной логистикой, то появляется сообщество, в которое чужаку невозможно проникнуть извне. Граница между внутренним и внешним здесь проведена не пространственно, но задана правилами сети, которые диктуются свойствами вещи, потребностью в ней и существующим в данном сообществе доверием. Важно отметить, что вещи способны менять свой класс распределенности, и правила сформированной сети будут следовать за этим изменением.

Не те, кто наделен пониманием, что и как он выбирает, и по каким критериям, образуют сеть, а вещи-предметы, так-то сформировавшиеся в своем классе, заставляют нас входить в ту или иную сеть, совершая выбор. Распределенные вещи, таким образом, обладают некоторой динамической склонностью (к расширению или к сужению), и эта склонность вовлекает и тех, кто наделен «самосознанием», и тех, для кого этот элемент избыточен. Такую динамику следует назвать до-коммуникативной, поскольку дистрибутивный класс вещей располагается до всякой идентификации субъекта, хотя, конечно же, власть распределенности осуществляется не в молчании.

Но есть и другая динамика: динамика нарушения классов дистрибуции. Наиболее распространенной ошибкой является усмотрение привычек и нравов: нравы определены частным классом, тогда как мы принимаем их за класс всеобщий. Есть и отрицательная динамика. Примером последней является травма, когда встреча с неким обстоятельством не расширяет горизонт возможного опыта, а существенно его ограничивает или отсекает. Но и исключительное право владения есть не что иное как указание на принадлежность вещи отрицательному классу распределенности. Конечно же, один и тот же предмет допускает разные способы дистрибуции. Легко спутать вещь с ее принуждением, а в отношении вещи эротической такое различение и вовсе кажется фантазмом. И все же требование такого различения вполне традиционно. Исследовательская задача, таким образом, состоит в прояснении того, что же навязывает нам распределенность предмета. В качестве методической последовательности идентификации можно указать такую: во что втягивает меня-нас эта вещь? сколь многих она втягивает?

Сложнее всего наблюдать и говорить о вещах с неопределенным классом распределенности, когда мы

не уверены, понимает ли собеседник, какой предмет мы имеем ввиду, да и сами не уверены, что этот предмет устойчив в своем классе, то есть не чувствуем определенной динамики. Хорошим примером плохой распределенности служит сексуальность.

Желание близости — это требование исключительности. Такое желание (даже если из него исключена всякая претензия на моногамность) есть стремление упорядочить класс дистрибутивности. Быть в сети значит слушаться ее правил. Но быть среди предметов с неопределенной неизбывностью невыносимо, поскольку не во что всматриваться и некого желать. И все же объекты желания по преимуществу плохо распределены: все еще не решено, потому, собственно, и желанно. На то, чтобы упорядочить классы распределенных предметов тратятся практически все ресурсы традиционных культур. Собственность — одна из самых распространенных форм упорядочивания распределенности, но отнюдь не самая понятная и, очевидно, не лучшая с точки зрения идентификации класса дистрибутивности предметов: если желаем чужого, то ничего нового не сообщаем о распределенности желаемого, а присваивая ничьё на характер распределенности попросту закрываем глаза.

Более успешными формами знакомства с распределенностью вещей оказываются соседство и интим.

Соседство, интимность и богатство

Рефлексивность распределенного предмета, как и его динамика, определяется запросом извне, то есть, нужно, чтобы был кто-то, кто испытывает нехватку, высказал ее и действовал по правилам сети, пусть только сформированным самим запросом. Выражение признания и есть характер сети. Но признание — это узнавание внешней, уже действующей силы. В таком признании вещи предстают в некой готовности быть с нами: быть не просто под рукой или в наличии, но так, чтобы под рукой и у меня, и у кого-то другого, и только в этой со-установленности поодаль они и оказываются в наличии. В такой готовности предстают и соседский сыр, и соседский сын. Ни сыр, ни сын не являются предметами обширной распределенности, но именно соседство упорядочивает класс их распределенности.

Соседство трудно определить в терминах расстояния. За дрелью мы ходим на соседний этаж, а за сыром ездим в соседнюю Финляндию. Соседство — это не локальная определенность, а динамическая, предкоммуникативная, поскольку жанр коммуникации зависима от обращения к соседу, каковое уже случилось, определив характер соседства. Соседство задается испытанной, а затем высказанной нуждою. Реализуется оно не потому, что кто-то рядом, а от того, что уже сформирована сеть упорядоченных в их дистрибуции объектов. С соседом мы соимеем множество предметов: лампочку, чистую курилку и т. д. Такое соимение зависимо от нашего признания распределенности этого множества. Когда мы заботимся о нем, тогда проявляется соседство, и эта забота сообщает об особенной распределенности вещей: не всеобщая, а только особенная дистрибутивность создает комьюнити. Распределенность частная, но выдающая себя за всеобщую, требует дополнительного принуждения, то есть силы не признаваемой: построение коммунизма или требование повсюду и всегда соблюдать правила дорожного движения — это рациональность вне распределенности, то есть пустая, никогда не жившая. Она вовсе не обречена на неудачу, но она требует постоянного внешнего фармакона, действие которого заполняет отсутствие признания. Такой фармакон и создает иллюзию выбора, как если бы в его распоряжении было множество сил, способов и объектов управления. На самом деле, фармакон зависит от одного: от ошибки в определении класса распределенности. Обычно такой фармакон называют властью, но это ошибочное именование, ведь власть живых сообществ не меньше.

Вещи всеобщей и единичной распределенности редки. О них трудно или невозможно рассказать. Но именно поэтому только они и интересны по-настоящему! Обнаружить единичную распределенность не проще всеобщей. Ни с кем, и даже с собою не разделенный опыт, подуманное только однажды,— множество таких предметов близко к пустому, во всяком случае, привести пример не так просто. С частной распределенностью соседствует, таким образом, не единичная, а отрицательная, поскольку с ней мы встречаемся гораздо чаще. Распределенность развертывает собственную динамику не между объектами (и соответствующими им субъектами), а между предметами. Тем, что до метки, тем, что Гоббс называл телом, то есть скоплением могущества: слова и метки произвольны, тело же — источник размечаемых философией сил. Динамика распределенности как раз и размечает пред-меты.

Секс возможен с чужими, своих же объединяет интим. Для интима, как и для соседства, требуется признание. Но это уже не признание правил сети, а признание своего, близкого, неотчуждаемого. Признания вида «ты мой…» и есть утверждение интимности, ex-pressia, надавливание, принуждение нежностью. Спиноза замечает, что получать удовольствие — значит расширяться, а страдать — сокращаться, но из самих этих определений не понятна корреляция между чувствами и пространственным движением. Ведь любить значит запаздывать с пониманием происходящего («осознавать внешнюю причину», как выражается Спиноза), как и страдать. Но если принять во внимание, что любить — значит соиметь общее тело-предмет, тогда расширение становится понятным. Любовь — это отказ от субъективности в пользу этого самого разделенного, сущности, тела-предмета. Потому нет более точного описания большой и чистой любви, чем: «и стали они жить-поживать да добра наживать».

Стремление к восстановлению присутствия интимного и является причиной того, почему эротический вызов накладывает обязательства. Однако эрос нерефлективен: он и есть распределенность, но о порядке распределенности ничего не сообщает. Ведь что распределено, и насколько отчетливо, и может ли каждый раз стать отчетливым — на это как раз затруднительно указать. Распределено добро (в смысле — скарб, вещи мира, ставшие своими), и распределено оно не единичным, а ограниченным образом. Супруг же кажется принад-

лежащим одному и только одному. Здесь есть противоречие, и здесь — начало той отрешенности, в которую мы впадаем, когда пускаемся на секс без причины. Потому и генитальный секс — вовсе не преимущественная форма эротизма. Это попросту наиболее внятное обещание общего добра-скарба, детей, потомства. Но обещание это нерефлективное, пустое, и поэтому секс без причины является вещью неупорядоченной распределенности. Почему столь убедительное, но ненадежное обещание может вызывать аффекты, и какие именно — здесь-то и нужна аналитика распределенности, а вовсе не сексуальности самой по себе."

Литература

1. Quote Investigator. URL: https://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas. (Дата обращения: 05.12.2018)
2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской. – М.: Изд. дом. Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
3. Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. Пер. с фр. И. А. Егорова; под научн. ред. Н. А. Макашевой. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 365 с.
4. Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // Philosophical Psychology. 2014. Vol. 27. Is. 1: Extended cognition: New philosophical perspectives. P. 34-49.
5. Гитин Фунакоси Каратэ-до. Мой жизненный путь / Гитин Фунакоси. М.: «Канон+», РООИ “Реабилитация», 2011. – 176 с.
6. Plato Symposium / Platonis opera. Ed. by J. Burnet. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1963. — 434 p.
7. Погоняйло А. Г. Образы ума в европейской философии (общие замечания) // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 50–63.
8. Шеллинг Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. — 636 с.
9. Малышкин Е. В. Опыт определения класса дистрибутивного знания // Тяготение: к 50-летию Аскольда Владимировича Тимофеенко / ред. А. Б. Паткуль и др. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – С. 17–28.
10. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
11. Шиповалова Л.В. Научная объективность в исторической перспективе. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Санкт-Петербург, 2014. – 370 с.
12. Летурно Ш. Эволюция собственности. Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом Либроком, 2012. – 416 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00108
УДК 111

БЫТИЕ В ЦИФРЕ: МОДУСЫ ЦИФРОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ[34]

Константин Алексеевич Очеретяный
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье идет речь о ключевых феноменах цифровой реальности – непроизводительной трате времени и усилий, ориентации на фейк-контент, коммуникативных девициях в сети. Показано, что эти феномены не свидетельствуют об экстренном сворачивании проекта рациональности в культуре, но напротив предельно усложняют и интенсифицируют существование – заставляя уточнять принципы рационального. Логика трансформации поведения и мышления в цифровую эпоху продиктована сложностью и избыточностью информации, предельным ужесточением требований к использованию человеческого ресурса (внимания, времени, телесной дисциплины – собранности под взглядом Другого). Информационное изобилие оборачивается информационным отчуждением. Из равноправного участника коммуникативных процессов человек превращается в его паразита: из субъекта смыслопроизводства в переносчика информации. Остро встает вопрос об этологических поправках в процессе приспособления к новой среде. На вызовы цифровой реальности человек отвечает смешением ее кодов. Свое существование он утверждает в качестве источника помех. Шум, глитч, фейк становятся для новых форм цифрового существования тем же, чем для аналогового существования была ауторитмия – сквозные волны возбуждения, проходящие через первобытное тело и проявляющиеся в ритмизированных движениях. Современные формы ауторитмии поддерживаются компьютерными играми – «новой дикостью», которая позволяет принести время, средства и цели в жертву и тем самым стать господином себя, переприсвоить отчужденное и, освободившись от утилитарных и прагматических значений, открыть существование как таковое. Игры становятся архетипами

[34] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-2256.2018.6. СПбГУ

новейших медиа, ориентированными не на хранение и трансляцию значения, а на раскрытие модусов существования и обмен экзистенциальными состояниями.

Ключевые слова: медиа, цифровая реальность, цифровая культура, фейк, троллинг, шок, ауторитмия, экзистенция, компьютерные игры.

BEING DIGITAL: THE MODES OF DIGITAL EXISTENCE

Konstantin Alexeyevich Ocheretyany
PhD in Philosophy
Saint-Petersburg State University

The article deals with the key phenomena of digital reality - waste of time and effort, focus on fake content, communicative deviations in the network. It is shown that these phenomena do not indicate an emergency collapse of the project of rationality in culture, but on the contrary extremely complicate and intensify the existence - forcing to clarify the principles of the rational. The logic of transformation of behavior and thinking in the digital age is dictated by the complexity and redundancy of information, the ultimate tightening of requirements for the use of human resources (attention, time, bodily discipline - concentration under the view of the Other). Information abundance turns into informational alienation. From an equal participant in communicative processes, a person turns into his parasite: from a subject of sense production into a carrier of information. The question of ethological corrections in the process of adaptation to the new environment is acute. A person responds to the challenges of digital reality by mixing her codes. It claims its existence as a source of interference. Noise, glitch, fake become for the new forms of digital existence the same as for analog existence there was an auto rhythm - through excitation waves passing through the primitive body and manifesting in rhythmic movements. Modern forms of auto-rhythmism are supported by computer games - "new wildness", which allows sacrificing time, money and goals and thus becoming the master of oneself, reassigning the estranged and freeing itself from utilitarian and pragmatic meanings, discovering existence as such. Games become the archetypes of the newest media, oriented not to the storage and transmission of meaning, but to the disclosure of the modes of existence and the exchange of existential states.

Keywords: media, digital reality, digital culture, fake, trolling, shock, autorhythm, existence, computer games.

Независимо обоснованная К. Лоренцем и Н. А. Бернштейном теория ауторимии говорит о самопроизвольной активности центральной нервной системы, которая осуществляется вне всякой стимуляции и проявляется в ритмизированных движениях. Живое вещество как бы исходит волнами возбуждения и лишь затем над этими не имеющими цели движениями надстраиваются рефлексы и другие регулятивные механизмы. «Рефлекторное поведение не является чем-то эволюционно-первичным, напротив, оно является довольно поздним эволюционным приобретением и первична как раз таки ауторитмия – спонтанные колебания интенсивности, что-то вроде appetitus'а, задающего определенность живой формы» [Грякалов, 2015, с. 27]. В самом широком культурно-антропологическом аспекте эта теория говорит о том, что до языка как беседы души самой с собой существует девиация языка – неупорядоченные звуковые потоки, намеки на речь, где на ходу расплавляются лишь недавно высветившиеся формы, до действия – некоординированные движения «первичного танца», до устойчивой реальности и стабильного ее восприятия – несвязные интенсивности: скорости, скольжения, кружения. До всякой утилитарно-практической ориентации существует избыток наслаждения, который неизбежно заявляет о себе, вводит в первичное беспокойство, заставляет ресурс живого растрачиваться вне возможной прибыли, вне всякого смысла. Изначальное состояние живого только под внешним неблагоприятным воздействием вынуждает выработать ряд правил, которые со временем превращаются во взаимодействующие машины спасения, коллективно ткущие полотно принципа реальности.

Избыток легче обнаруживается на фоне недостатка: так растущее усложнение машин культурного кодирования, символических ритуалов, способов организации пространства и времени, говорит о том избытке, который им приходится осваивать, координировать, упорядочивать и который все сложнее контролировать. Технические средства возникающие у человека в различных культурах становились продолжением его тела, но не покушались на его время, его пространство, его воображение и его память. Все началось с захвата памяти письменностью и продолжилось захватом времени в календарях и циферблатах, захватом воображения в оптических медиа (от станковой перспективной живописи до интерфейсов наших смартфонов). И тем не менее, дойдя до предельной рационализации живого вещества, технологии записи, обработки и воспроизведения информации, обслуживающие принцип реальности, грозят вернуть ауторитмию: высвободить энергии из старых форм существования. Длительное время подавлявшиеся с позиций разума шизопотоки неразумия и безумия, сегодня омывают цифровой разум – позволяя жить в недоступном для понимания мира в согласии с иными практиками существования: провокации бывшие длительное время монополией философов, юродивых, поэтов, художников становятся социальной нормой. Маргинальное измерение мысли или жеста – становится руководством по ориентации в реальности. Отсюда темы паразитологии ме-

диа и шума как новой формы коммуникации: поскольку увеличение информации приводит к исчезновению смысла, то смысл ищут в сбое коммуникационных систем – в багах, глитчах. В условиях информационного изобилия (всевидения при хронической смыслонепроницаемости) человек сопротивляясь превращению в переносчика информации видит себя человеком только в качестве источника помех: отсюда феномены троллинга, распространения шок-контента, сетевых девиаций. Разумные формы коммуникации, ориентированные на дискурсивность как будто уходят в прошлое. Современная коммуникация – это вызов, ее содержание – шок-контент. Самым публичным становится самое приватное, самым обычным явлением становится скандал, самым привычным обращением – оскорбление. В пределе – самое неразумное поведение в условиях бытия-онлайн становится самым разумным для увеличения признанности и усиления ауры присутствия. Наша современная информационная история, – это история багов, глитчей, спама, фейков, троллинга и т.д. Машины социальной коммуникации работают только в сбоях, информация все больше напоминает шум. Множественная-аватар идентичность позволяет создавать помехи в информационном поле и таким образом задавать индивидуацию, по крайней мере, на уровне сбоя. Области, которые считались маргинальными и даже девиантными получают статус резервации подлинности.

К. Шмитт показал, что враг – фантазм сообщества [Шмитт, 2016]: оно узнает себя перед лицом врага, но враг – это его собственная греза. Сообщество грезит врагом и только поэтому существует. Аналогично разум грезит безумием и только поэтому существует, порядок грезит хаосом и только поэтому существует, коммуникация – срывом. Цифровые формы существования – переход от грезы к действию. Художники чувствительнее обывателя (даже если этот обыватель – философ) и давно заметили, что цифровое искусство объединяет возможности живописи и фотографии: субъективность, свободу и нереальность с объективностью, механикой и реальностью [Вайбель, 2011, с. 35]. В обыденном опыте, точно также как в опыте искусства цифра стала принципом неразличимости воображения и объективности, свободы и необходимости, факта и фейка. Теперь разум для того, чтобы быть самим собой должен не грезить безумием, а быть им. Точно также порядок должен быть представлен как хаос, коммуникация – как собственный срыв, факт как фейк - иначе все они не будут определены в качестве действительного разума, разумной коммуникации, внушающего доверия факта. Если проекты Нового времени были освоением действительного в учете и контроле самых разных, иногда противоречивых, ее возможностей, то современность ведет освоение возможностей, ради контроля действительности. Длительное время вытеснявшиеся из опыта возможности, – фантазматические, имагинативные, допредикативные, все в большей мере становятся единственными возможностями опыта. Для цифрового формата ауторитмия, - неразумные типы поведения, нецелесообразные способы взаимодействия, странные жесты и движения не имеющие завершения, расточительная трата времени – это новый способ освоения цифрового ресурса. Показательный пример компьютерные игры: в отличие от иных достижений цифрового мира игры ничего не обещают и не предлагают, напротив – говорят о том, сколько времени необходимо на них потратить, сколько усилий может пройти даром, сколько действий не принесет ничего. И тем не менее, на игры ориентируются все иные медиа; опыт игр, становится доминирующим опытом цифровой реальности, игра становится как бы парадигмальной моделью любого действия осуществленного в цифре. Анализируя феномен насилия В. Беньямин замечает, что о насилии всегда говорят как об используемых средствах, но никогда как о самой цели [Беньямин ,2012, с. 65-99]. Насилие как цель и его возможное телеологическое оправдание – вот ключевой вопрос теории насилия. В. Беньямин дает ответ на этот вопрос различая насилие человеческое и божественное: человеческое насилие разрушает устоявшийся порядок для того, чтобы установить новый, божественное насилие разрушает порядок для того, чтобы не устанавливать никакого порядка. Божественное насилие – как бы предельная трата и предельная жертва. Смысл, принесенный в жертву, время, принесенное в жертву, цель, принесенная в жертву – все это насилие, совершаемое в игре над устоявшимися культурными практиками и значениями, но именно это возвращает опыт ауторитмии – опыт скорости, скольжения, кружения, а вместе с тем позволяет переприсвоить действие себе, осуществить о себе заботу как о сущем в первом смысле слова, значимом как таковом. Очеловечивание техники – ее приближение к человеку, расчеловечивает человека, отдаляя его от самого себя. Обратная сторона доступности техники – ее интерактивности, является интерпассивность человеческих сообществ. Уязвимость и незащищенность человека, вызванная развитием технологий, ускорением процессов коммуникации, требованием перманентного бытия-онлайн имеет обратной своей стороной уход в допредикативные состояния. В конце концов игры не дают ничего кроме опыта существования как такового вне отнесения ко значениям и целям и именно это делает ее важной для понимания модусов цифрового существования, которые ориентированы не на экономию, а на трату, не на смысл, а на парадокс, не на рефлексию, а на действие.

Литература

1. Беньямин ,2012 – *Беньямин В.* К критике насилия // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей М.: РГГУ, 2012. С. 65-99.
2. Вайбель, 2011 – *Вайбель П.* К истории и эстетике дигитального искусства // Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров. - М.: Логос-Гнозис, 2011. С. 29-65
3. Грякалов, 2015 – *Грякалов Н.А.* Жребии человеческого: Очерк тотальной антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 438 с.

4. Шмитт, 2016 –*Шмитт К.* Понятие политического и др. работы // К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2016. С. 280-395

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00109
УДК 008

ФОТО-МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ: ЧТО ФОТОГРАФИЯ МОЖЕТ СООБЩИТЬ О МЕДИА?

Ирина Николаевна Терентьева
Кандидат философских наук, доцент
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Может ли фотография, один из компонентов медиареальности, стать инструментом ее познания? Да, если предположить, что фотография – это микромодель основных процессов и элементов медиареальности. Познавательные (моделирующие) возможности фотографии реализуются в использовании структурно-функционального, праксеологического и коммуникативистского подходов. Итак, моделирование:

в структурном аспекте позволяет выделить ключевые элементы медиареальности: визуальный, технический, технологический, субстратный, социально-технологический. Их взаимосвязь предстает и как повседневная практика профессиональных фотографов и любителей, работающих в различных жанрах, и как функционирование фотография во всех основных сферах деятельности;

в функциональном аспекте фотография выступает катализатором иерархии медиарепрезентаций в ходе познания и самопознания, постоянных соотнесений и отсылок этих репрезентаций друг к другу;

в праксеологическом аспекте раскрывает социально маркированную и ценностно-нагруженную активность всех, кто вовлечен в создание и использование фотоизображений;

в коммуникативном аспекте, фотография это сообщение, возникающее на границе обозначаемого/означающего и провоцирующее интерпретации;

Применение метода моделирования позволило сделать вывод: медиальные свойства фотографии имеют ситуативный, а по происхождению – социальный характер. Фотография – это «медиум» в ситуации социального взаимодействия.

Ключевые слова: фотография, медиа, модель, медиареальность, структурно-функциональный, праксеологический, коммуникативный подходы, фотография как практика, фотоизображение, фото-сообщение, репрезентация, функционирование фотографии, социальное взаимодействие

PHOTO-SIMULATION OF REALITY: WHAT A PHOTOGRAPH CAN TELL US ABOUT MEDIA?

Irina Nikolaevna Terentyeva
PhD in Philosophy, Associate Professor
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The author claims that photography is a micro model of media reality and at the same time an instrument of its cognition.

Modeling in the structural aspect allows us to identify elements of media reality: visual, technical, technological, substrate, socio-technological. Their interrelation appears both as everyday practice of photographers, and as functioning of the photo in all main spheres of activity;

Photography in functional aspect catalyzes the creation of visual representations and their mutual correlation.

Modeling in the praxeological aspect reveals socially marked and value-loaded activity of all those involved in the creation and use of photographic images. Finally, in the communicative aspect, photography is interesting as a message that appears on the border of the signified and the signifier and provokes interpretations.

Conclusion of the study: the medial properties of photography have a social and situational character; it is an intermediary in the situation of social interaction.

Keywords: photo, media, pattern, mediareality, research approach: structural-functional, procedural, praxeological, communica-tive, photography as a practice, photographic image, photo message, representation, functioning of photography, social interaction

Медиа? Медиареальность? Мы все ощущаем ее воздействие, наблюдаем распространение, но не всегда осознаем вовлеченность в ее создание и воспроизводств и, тем бо-лее затрудняемся с закреплением этой реальности в однозначных определениях. Перечни объектов, которые распознаются как медиа, весьма многочисленны [Савчук, 2014, с.71]. Они буквально подводят к вопросу: а когда, собственно, это превращение происходит? Попробуем дать ответ на этот вопрос, в качестве модели используя фотографию.

Моделирующие возможности фотографии раскрываются, прежде всего, при обращении к фотоизображениям. Сегодня они интересны не столько многообразием жанров, сколько возможностями технической обработки и корректировки изображений, вплоть до полного замещения изображаемого искусственно созданным объектом. В этом смысле фото-фейк представляет медиареальность в чистом виде: это результат многократного за-мещения объекта фото-репрезентациями.

Многомерность фотографии сохраняется и тогда, когда фотография прочно укоре-нилась в цифровой медиасреде. В поле исследовательского зрения оказывается многочисленные виды социального, а не только масс-медийного, использования фотографии, которые невозможны без развивающейся фотографической техники, связанных с нею стилей съемки и технологий работы с изображениями, равно как и без носителей фотоизображений. Примеры взаимосвязи технических и социально-технологических возможностей оперативного создания и тиражирования фотоизображений, немало способствовавших интенсификации социально-психологических процессов и управления общественным мнением, дает развитие военной фотографии. В рассмотрении истории военной фотографии в ее художественных и репортажных аспектах внимание постоянно переключается от техники и технологии к социальным (заказу, функциям, кон-тексту) и индивидуальным (стиль, личность, обстоятельства места и времени) сторонам фотографирования. Каждый отдельный пример этой истории может быть проанализирован как «разрастающаяся» из отдельной клетки «ризома» медиареальности. В этом ряду наследие пионеров и классиков военной фотографии, сочетающих документирование и символизацию, соседствует (но не объединяется!) с экспериментальной репрезентацией военных конфликтов, настоящих фото-симулякров войны (как у Джеффа Уолла).

Моделирующие возможности фотографии раскрываются не только в ее непосредственном функционировании, но и в репрезентациях, в частности, в литературных текстах. В последнем случае мы имеем пример взаимодействия визуальных образов и вер-бальных конструкций, что и характеризует доступную нам медиареальность. «Модель-ным», на наш взгляд, может быть эпизод из повести А.Битова «Птицы». Герой повести пытается понять, что такое наука, в частности, экология. Сюжетная линия повести вклю-чает многочисленные диалоги героя и ученого, а затем рефлексию героя по поводу услышанного, соотнесения восприятия окружающего мира и имеющихся представлений о нем. В интересующем нас эпизоде герой пытается понять, что значит быть ученым и, что

примечательно, ищет визуальных репрезентаций этого явления. На первый взгляд, возникает соотнесение двух изображений: некой фотографии с обложки журнала и противопоставленной ей картины Брейгеля «Слепые». Противопоставление, в ходе которого предполагается раскрыть существо научного поиска, раскрывается по нескольким линиям: уверенность – неуверенность, знание – гибельная неопределенность, самодовольство – непредсказуемость результатов научного поиска. Но герой повести не указывает конкретного персонажа фотографии. Пожалуй, ни на современных фото, ни в изображениях середины 1970-х годов, когда была написана повесть, его не отыскать: герой «видит» имеющийся у него ценностно-нагруженный образ «ученого вообще», ученого времен торжества «физиков» и самоуверенной технократии, когда экологические прозрения были подлинным от-кровением. С другой стороны, он «видит» Брейгеля и не как искусствовед, и не как, на-пример, современный медик, обнаруживший точные симптомы различных заболеваний, запечатленных художником. Герой «видит» обобщение неуверенности и страха перехода от известного к неизвестному, который постоянно совершает наука, не задумываясь о по-следствиях. Прояснение вопроса о науке разворачивается как соотнесение образов, возникших не как результат непосредственного наблюдения, а как результат авторского конструирования по заранее имевшимся ценностно-нагруженным образцам. Так, благодаря целостности художественных образов, мы получаем модель познавательной ситуации, которая разворачивается в медиареальности как многократном соотнесении и уточнении ре-презентаций, «катализатором» которых выступает фотография. Можно добавить, что по-стоянное соотнесение представлений стало атрибутом нашей повседневности, и привычка все визуализировать привела к тому, что «мы научились видеть, и теперь у каждого есть полное Кодак-представление о себе» [Дайер, 2017, с.84].

Рассмотрим фотографию в праксеологическом аспекте на материале социально-критических исследований. Массовая доступность фотографической техники к 1960-м годам инициировала вопрос о социально-профессиональной маркировке фотографов-профессионалов и любителей, и одновременно выявила социальную маркировку не только сюжетов, но и представлений о функциях фотографии вообще. С первых шагов массовая фотография активизировала роль фото-посредников освоения мира. Фотография оказывается на линии различения возвышенного созерцания и вульгарного потребления, что наглядно в развитии практики «туристического» фото [Бурдье, 2014, с. 110-111]. Выясняется также, что «объективность» фотоизображения оказывается социально-определенным требованием, уверенность в такой объективности есть следствие «наивного реализма», а сама оценка объективности соответствует социальному определению того, чем должна заниматься фотография и что считать объективным. Этот «наивный реализм» и стал предметом успешных манипуляций уже в цифровой среде: сфотографировано, значит «так и было».

Практика – это не только «оснащенность» и умения. Массовая фотографическая практика отягчена,

например, вопросами об авторстве и собственности на изображения [Бурдье, 2014, с. 345]. Исследователи вскрывают ряд представлений о фотографии, располагающихся в интервале от подражания живописи до увлечения техницизмом. Оказывается что «смысл фотографической практики определяется отношением к социальному образу фотографии» [Бурдье, 2014, с. 162]. Стремление к творчеству сталкивается с нормированием содержания изображений, ритуалов фотографирования, ситуаций съемки или ее запрещения. Как бы ни менялись формы маскировки, институциональная структура производства, воспроизведения и потребления фотографий не исчезает и в цифровую эпоху.

От праксеологического рассмотрения фотографии логично перейти к коммуникативному. Именно в таком аспекте фотоизображение рассматривается как сообщение, что сразу же отсылает нас к вопросам: кто и каким образом создает сообщение и что сообщается? История фотографии может быть рассмотрена как последовательное раскрытие этих вопросов.

Вопрос о создании фото-сообщений развертывается как вопрос конкуренции активностей. Постоянная претензия фотографа на «свободу от», разворачивается не только по линии «свободный художник – журналист». В журналистике функциональность фотографии предельно наглядна, указание, что и как снимать часто выступают элементом заказа или задания. Но борьба идет и по линии противопоставлений «фотограф – натура». «Натура» своевольничает не только в формировании сюжета съемки, но и в реакции на фотографирование. В стремлении к максимальной объективности, «правдивости» фотограф хочет стать «невидимым». Показательны ситуации съемки слепых, когда фотограф добивается максимальной естественности поведения тем, что становится «невидимым». Но показательны также и примеры явной или неявной самопрезентации. Так, знаменитый фотограф Стиглиц заявляет: не все в моих снимках обязано сюжету. Например, облака (трудные для съемки) не только должны были продемонстрировать, чему он научился за сорок лет работы, но и рассказать историю, его историю [Дайер, 2017, с. 228]. Такой эффект «рассказа о фотографе» может быть непреднамеренным, о чем свидетельствуют изумленные выводы, которыми полна история фотографии: каждый снимок – автопортрет фотографа [Дайер, 2017, с. 130]. О «неустранимости» фотографа нельзя забывать и в цифровую эпоху!

Содержательное сообщение стало требованием «хорошей фотографии» с началом ее массового распространения. За рамками строго определенных журналистских функций содержательность можно принять только за результат мастерства фотографа и его индивидуализированного взгляда на мир. Как сообщить? Например, о профессии может сооб-щить сообщает рука, о событии – спина, а историю Депрессии пересказывают при помощи мужских шляп [Дайер, 2017, с.74, 123, 133]. Фотография акцентирует фрагмент, но понятным, «содержательным», такое фото-сообщение становится только в системе куль-турных кодов.

Чем интересны фото-сообщения? Для фотографа Дианы Арбус интересно было то, чего нет на фотографии, то, что отражается в зеркалах, изображенных на фотографиях [Дайер, 2017, с. 69]. В данном случае фотография становится «проводником» в возможную реальность, отличную как от изображенной, так и от переживаемой зрителем. К вы-бору этой реальности подталкивает, как правило, специально организованный контекст.

Итак, моделирование медиареальности в фотографии приводит к нескольким взаимосвязанным выводам. Смыслы сообщений, связи, в которые они включены всегда возникают внутри социального взаимодействия, ситуацией которого может быть и актуальный репортаж, и ретро-выставка, но всегда отсылка к системе ценностей, включение фотографии в контекст социальных и межличностных отношений. Структуры фото-практики «плавятся», функции ее подвижны, изображения – изменчивы, но всегда фотография остается «проводником» социального взаимодействия: «превращение» фотографии в медиа происходит в ситуации социального взаимодействия, которое и придает свойство медиальности различным объектам.

Литература

1. Бурдье, 2014 – *Бурдье П., Болтански Л., Кастель, Р. и др.* Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: Праксис, 2014. 456 с.
2. Дайер, 2017 – *Дайер Дж.* Самое время. СПб.: Клаудберри, 2017. 368 с.
3. Савчук, 2014 – *Савчук В.В.* Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00110
УДК 687.01

ФОРМЫ ИНТЕРФЕЙСА И БАЗОВЫЕ ТОПОСЫ ЯПОНСКИХ РОЛЕВЫХ ИГР

Владислав Владимирович Кириченко
Аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящая работа посвящена анализу общего спектра жанровых особенностей компьютерных японских ролевых игр. Целью работы является попытка установить на макроуровне ба-

зовые дифференцирующие характеристики данного жанра. Для достижения поставленной цели автор исследования прибегает к использованию двух структурирующих понятий: интерфейс и топос. Одной из актуальных проблем современной видеоигровой историографии является слабая описанность этой индустрии на Востоке. Япония как очень яркая по своим особенностям геймдизайна страна (в сравнении с западным мейнстримом) оказывается одним из важнейших пластов истории компьютерных игр. Неизученность японского видеоигрового пространства, а также уникальность геймдизайнерского пути, выбранного японскими разработчиками, вызывает трудности даже в подступах к исследованию данного региона. Одними из главных сложностей являются, с одной стороны, неверное понимание развития индустрии на Востоке западными игровыми журналистами и СМИ, которые применяют к этому региону западные категории, а с другой, непонятная для Запада эволюция определенных жанров, которая содержала совершенно иные риторические трансформации. Таким образом, данная проблематика является актуальной. В заключении автор делает обобщающий вывод о различных особенностях форм интерфейса в японских ролевых играх.

Ключевые слова: история, форма, интерфейс, топос, компьютерная игра, японская ролевая игра.

INTERFACE FORMS AND BASIC TOPOS OF JAPANESE ROLE GAMES

Vladislav Vladimirovich Kirichenko
Postgraduate student
Saint-Petersburg State University

This paper is devoted to the analysis of the general spectrum of genre features of Japanese computer role-playing games. The aim of the work is an attempt to establish level the basic differentiating characteristics of this genre at the macro. The author of the study resorts to the use of two structuring concepts to achieve this goal: interface and topos. One of the urgent problems of modern video game historiography is the poor description of the industry in the East. Japan, as a country that is very bright in its features of game design (in comparison with the Western mainstream), turns out to be one of the most important layers of the history of computer games. The lack of knowledge of the Japanese video game space, as well as the uniqueness of the game design path chosen by Japanese developers, makes it difficult even in the approaches to study this region. Some of the main difficulties are, on the one hand, the incorrect understanding of the development of the industry in the East, Western gaming journalists and media outlets that apply Western categories to this region, and on the other hand, the evolution of certain genres is incomprehensible to the West, because they contain completely different rhetorical transformations. Thus, this issue is relevant. In conclusion, the author makes a summary of the various features of the interface forms in Japanese role-playing games.

Keywords: history, form, interface, topos, computer game, JRPG.

Значимой группой проблем является неопределенность терминологии. Так, существуют понятия «компьютерная ролевая игра» (CRPG), «японская ролевая игра» (JRPG), «тактическая ролевая игра» (TRPG), которые часто смешиваются. Первые два понятия эссенциально отличны, они имеют общие корни, но в своем развитии сильно изменились. Третий термин сюда попадает совершенно случайно, поскольку его реальная горизонталь существования стоит между «пошаговыми стратегиями» и «пошаговой тактикой», однако из-за того, что «тактическая ролевая игра» преимущественно является японским изобретением, она в некотором роде попадает в поле JRPG [Кириченко, 2018, с.314].

В 1982 г. встречаются японские ролевые игры, среди них: Spy Daisakusen, The Dragon and Princess, Underground Exploration, Dachizuma no Yuwaku. Причем уже тогда появляется топос (т. е. общее место) «случайных встреч» (random encounter). Перечисленные игры были преимущественно экспериментальными и не могут быть названым полноценным JRPG, тем не менее крайне важно, что они вышли до появлении в Японии серии Wizardry и Ultima. Таким образом, японцы аккумулировали наследие D&D без помощи явных посредников и изначально внедрили уникальные элементы, способствующие будущему развитию жанра.

Осознавая значение данного периода прото-JRPG, можно говорить о том, что настоящая популярность японской ролевой игры стала бесспорным фактом в середине 1980-х гг. Этот золотой век ознаменован появлением серии Dragon Quest (1986), которая положила начало японской линии RPG и упрочила место разрыва с североамериканскими аналогами. В 1987 г. рождаются легендарные франшизы (Final Fantasy, Megami Tensei, Phantasy Star).

Для установления особенностей японской ролевой игры в данном исследовании используется понятие «интерфейс», который можно определить как «игровой мир» [Йоргенсен, URL] в его семиотической насыщенности.

Можно привести ряд особенностей японских ролевых игры:

1. Двух- и трехчастная перспектива.

Это одно из наиболее фундаментальных отличий западных и восточных ролевых игр. Репрезентация

диегезиса в ранних JRPG всегда дается делением нескольких видов перспектив видения. Если не вдаваться в историю, то наиболее классическими (т. е. тем, что в дальнейшем войдет в дискурсивное «old-school JRPG») являются три способа отображении положения дел, которые могут быть описаны в терминах удаленности взора игрока: 1) самый удаленный – вид сверху; 2) средняя удаленность; 3) приближенность. Отсюда свой особенный путь японских ролевых игр к реалистичности изображаемого, т. е. через устранение множественности перспектив и посредством постепенного выведения камеры взгляда за спину аватара.

2. Репрезентация тела героя.

Речь идет об особом стиле изображения фэнтэзийных и фантастических сущностей, который связан с остранением человеческого тела и его костюма в японских ролевых играх. Наиболее знаменитым примером является Final Fantasy X (2001), потому как именно эта игра эксплуатировала, возможно, самый одиозный тип костюмирования персонажей и японской метросексуальности. В целом идея о внешности «невозможного костюма» противоречит мейнстримовым стремлениям к реализму, абсурдность которого, по всей видимости, была изначально предугадана японскими разработчиками. Абсурдность реализма связана с бессмысленностью деталей настоящего, поэтому для японского стиля оказывается более важным эстетизация несуществующего тела, что получит отражение в понятии фансервиса.

3. Система боевых механик.

Боевая система японских ролевых игр примечательна разнообразием детальных модификаций. Так, если для западной парадигмы ролевых игр существенно различие между пошаговой системой и игрой в реальном времени – встречается промежуточный вариант – игры в реальном времени с «умной паузой», то в японских играх различается сама «пошаговость». В наиболее ранних JRPG представлена простейшая система дискретного хода. В 2000-е появляются уникальные системы, которые позволяют игроку манипулировать данной ему дискретностью хода – Press Turn System встречается, в частности, в Shin Megami Tensei: Nocturne (2003). Особое значение имеет ATB-система (Action Time Battle), которая повлияла на всю эволюцию JRPG.

Архетипная система классов персонажей. На самом деле те формы, которые были разлинованы ранними геймдизайнерами именно как RPG-элементы (вроде классов клирика, рыцаря, монаха, плута и т. п.) во многом имеют отношение не только к RPG, эти общности классов возникают и в жанровом представлении стратегий в реальном времени. Таким образом, идея о классах персонажей, это в принципе общеигровое понятие, рационализирующее юниты, ресурсы и т.п.

Можно выделить существующие тенденции к абстрактности пользовательского интерфейса в японских RPG (от которой стремились освободиться западные аналоги). Эта репрезентационная условность задает простую математику развития характеристик персонажа и ведет к формулированию законов мира, например, в серии Final Fantasy максимальным уроном будет 9999 единиц, что основывается на древних механизма «кубикового» счета D&D.

4. Кинематографическая линейность.

Два другие качества японских RPG неразрывно связаны с изображением и нарративной частью, их можно обозначить как кинематографичность и линейность. Японская линейность серьезно отличается концепта «личного отыгрыша». Кинематографичность всегда связана с определенным устройством катсцен и диалога, поскольку является основным инструментом создания перипетий, характеров персонажей, энкциклопедической базы мира [Смит, URL].

5. Нарративная комплексность.

Нарративные стратегии и их тематика естественным образом связаны с тремя компонентами: 1) западное и японское литературно-кинематографическое наследие; 2) общая тематика ролевых игр; 3) мировая история религий.

В заключение можно отметить, что настоящая попытка описания и анализа наиболее релевантных особенностей интерфейсных форм компьютерных японских ролевых игр может считаться лишь частично успешной в связи с тем, что к данному перечню можно еще добавить ряд феноменов или даже поставить под сомнение некоторые из указанных аспектов. JRPG оказывается явлением, весьма отличным от западноевропейского представления об RPG. По причине того, что компьютерные игры отражают наши культурные представления, а также оценочные утверждения разработчиков о мире вообще, существует необходимость в написании истории форм как восточных, так и западных компьютерных игр, что в совокупности даст лучшее понимание не только того, как устроены игры, но и как функционирует наша культурная память, представления об обществе, способ видеть и т.п.

Литература

1. Кириченко В. В., Царев А. О. Опыт дискретного времени в пошаговых играх // Практическая философия: от классики до информационного социума. Астрахань, 2018. С. 314-318.
2. Йоргенсен К. Интерфейс игрового мира [Электронный ресурс]. URL: http://gamestudies.ru/translations/gameworld_interface/#sdfootnote2anc (дата обращения: 11.05.2019)
3. Смит М. Г. В компьютерных играх тоже есть слова [Электронный ресурс]. URL: http://gamestudies.ru/translations/smith-have-words-too/#_ftnref16. (дата обращения: 11.05.2019)

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00111
УДК 008:004.946

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Анастасия Алексеевна Лисенкова
Кандидат культурологии, доцент, проректор по научной и международной деятельности
Пермский государственный институт культуры

В статье говорится об изменениях в подходах к конструированию идентичности, происходящих в среде виртуальных социальных сетей, и влияние на данные процессы цифровых технологий. Данные тенденции затрагивают все актуальные практики репрезентации повседневного опыта и конструирования персонального гипервизуализированного нарратива в виртуальном сетевом пространстве, сращивая индивидуальное и публичное поле в единую цифровую идентичность, где виртуальный социальный профиль становится эмоциональным расширением и визуальным автопроектом цифровой личности. В данном процессе социальные сети играют значимую роль становясь интерактивной платформой для конструирования различных образов желаемого «Я», принося признание и наращивая паблицитный капитал пользователей, стимулируя новый феномен «профессионального любительства» (ProAm), способствуя формированию нового типа восприятия и мышления, в основе которого кооперация, коммуникация, критичность и креативность. Благодаря особенностям виртуальной среды, выраженным в гипертекстуальности, дистантности и демонстративности маркеров телесности социальные сети создают новые возможности для самоопределения и автопроектности, позволяя проявлять и идентифицировать себя в рамках определенных ценностно приемлемых сообществ через взгляд и управление впечатлениями Другого. Ключевыми особенностями современного состояния репрезентации идентичности в виртуальной среде социальных сетей становится демонстрация подлинных свойств личности через различные стратегии самоактуализации и самопроектирования.

Ключевые слова: идентичность, автопроект, социальные сети, виртуальная личность, цифровая идентичность, репрезентация.

IDENTIFICATION STRATEGIES IN THE SPACE OF SOCIAL NETWORKS

Anastasia Alekseevna Lisenkova
PhD in Culturology, Associate Professor, Vice-Rector for Science and International Affairs
Perm State Institute of Culture

The article deals with the changes in approaches to identity construction taking place in the environment of virtual social networks and the impact of digital technologies on these processes. These trends affect all current practices of representation of everyday experience and construction of personal hypervisualized narrative in the virtual network space, merging the individual and public field into a single digital identity, where the virtual social profile becomes an emotional extension and a visual car project of the digital personality. In this process, social networks play a significant role becoming an interactive platform for the construction of various images of the desired "I", bringing recognition and increasing the public capital of users, stimulating a new phenomenon of "professional Amateur" (ProAm), contributing to the formation of a new type of perception and thinking, which is based on cooperation, communication, criticality and creativity. Due to the peculiarities of the virtual environment, expressed in hypertextuality, remoteness and demonstrativeness of the markers of physicality, social networks create new opportunities for self-determination and auto-design, allowing to manifest and identify themselves within certain value-acceptable communities through the view and management of the impressions of the Other. The key features of the current state of representation of identity in the virtual environment of social networks is the demonstration of the true properties of the individual through various strategies of self-actualization and self-design.

Keywords: identity, self-management, social networks, virtual identity, digital identity, representation.

Сегодня с развитием глобальной виртуальной интернет среды существенным образом изменяются способы культурного производства и взаимодействия. Цифровые коммуникации продуцируют все более усложняющуюся креативность и интерактивность нового порядка, порождая новые способы идентификации и самопрезентации, стимулируя новый феномен «профессионального любительства» (ProAm), способствуя формированию нового типа восприятия и мышления, в основе которого кооперация, коммуникация, критичность и креативность. Одновременно с технологическим развитием происходят изменения в представлении о времени и пространстве, приводящие к модификации идентификационных практик. В этой связи се-

годня можно говорить не только о появлении новых способов освоения действительности, изменении способов производства культурных смыслов и языка культуры, но и о трансформации всей ценностно-смысловой парадигмы современного общества.

Мы видим, как цифровые технологии все больше поглощают все сферы жизни, а современное коммуникативное пространство глобальной сети становится значимым полем для демонстрации различных моделей репрезентации идентичности. Наиболее ярко данные тенденции проявляются в среде новых медиа и социальных сетей, ставших «полноценным социальным институтом современного общества, где их основными характеристиками, являются доступные интерактивные коммуникации; непосредственное участие пользователей в генерации и ретрансляции медийного контента; высокая степень вовлеченности пользователей в процесс интерактивной коммуникации; максимальная скорость обратной связи между пользователями; персонализация пользователя» [Шестеркина, 2014, с.110].

Очевидно, что сегодня социальные сети — это не просто модный и востребованный феномен, расширяющий информационное пространство глобальной сети, но и самостоятельно средство коммуникации со свойственными ему уникальными характеристиками контента, функциональной структурой, иерархии и все возрастающими различиями в форматах взаимодействия и репрезентации повседневного опыта. Ключевыми особенностями социальных сетей становится наличие интерактивного генерируемого самими пользователями контента, позволяющего выстраивать отношения с другими людьми независимо от расстояния и времени.

Я. Маккарти, К. Хермкенс, Я. Кицман, и Б. Сильвестр в статье «Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media» [Kietzmann, 2011. с.248] выделили семь основных факторов, характеризующих социальные медиа (и в частности социальные сети): «беседы», «идентичность», «репутация», «присутствие», «отношения», «распространение», «сообщества», таким образом подчеркивая персонификацию всех пользователей и возможность сконструировать и выразить свой образ; находить единомышленников и общаться, создавать сообщества, получать социальный паблицитный капитал; генерировать и распространять информацию; быть постоянно на связи «здесь и сейчас»; выстраивать долговременные социальные связи и заводить новые отношения; создавать и поддерживать репутацию.

Сегодня социальные сети также выступают в качестве источника информации, новостного агрегатора и интерактивной площадки взаимодействия между «живыми» реальными людьми, создавая иллюзию достоверности и формируя доверительное индивидуализированное пространство.

Благодаря характеру размещаемого контента, особенностей программной оболочки социальных сетей создаются максимально благоприятные условия для демонстрации стратегий своих «социальных действий» и, как отмечает Б. Уэллман, подчеркивая значимость социальных сетей в формировании моделей идентификации, «сообщества — это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» [Wellman, 2001, с. 246]. Таким образом, социальные сети становятся не только новой платформой для коммуникации, но и пространством конструирования идентичностей, местом создания персонализированного нарратива, опосредованного новыми цифровыми технологиями. В пространстве сети человек удовлетворяет потребности в принадлежности, самовыражении, общении, признании, одобрении, а виртуальное пространство позволяет размывать границы между реальными статусами и социальными ограничениями, позволяя нарабатывать паблицитный капитал с «чистого листа», вне зависимости от социальной принадлежности пользователей в реальном мире.

Очевидно, что современный характер функционирования социальных сетей создает колоссальные возможности для самоконструирования, самопрезентации и реализации стратегий накопления социального капитала, изменяя привычные стратегии коммуникативных практик. Данный ресурс оказывает влияние на все базовые характеристики идентичности современного человека, такие как: телесность, духовность, профессиональный статус и идентичность, социальные роли, художественные, социальные и политические активности и многое другое. Благодаря технологическим особенностям, таким как дистантность, гипертекстуальность, демонтративность маркеров телесности социальные сети в виртуальной среде создают для пользователя также обширные возможности в самоконструировании и в самоопределении, позволяя не только становится участником собственного виртуального мира, но и идентифицировать и проявлять себя в рамках определенных сообществ, создавая вокруг информационный ценностно приемлемый кокон (порождаемый в процессе производства гипертекста), в котором можно постепенно расширять круг своих репрезентаций. Данный процесс одновременно ограничивает и стимулирует формирование идентификационных стратегий в рамках сетевого взаимодействия подтверждая и предъявляя миру образ желаемого «Я».

Как отмечает Г.Л. Тульчинский «Основной персонаж современной культуры – личность как постоянно корректируемый проект, в котором статус и роль становятся не целью, конечным результатом идентификации, а средством реализации проекта в процессе формирования новой персонологии» [Тульчинский, 2011, с. 259]. В этой связи социальные сети сегодня обладают необходимым набором заданных фреймов для трансляции различных аспектов собственного «Я» через различные практики самоименования (аватары), личностные мотиваторы (статусы), возможности создания и трансляции собственного контента (сетевого творчества, ProAm), гипервизуализацию (фото, видео, различные изображения, отражающие предпочтения пользоватлей), самокатегоризацию и производство постоянного присутствия (хэштеги, геолокация и другая собственная верификация), с отличительными характеристиками перформативности и партиципатности.

Таким образом, в современных условиях постоянной информационной и технологической турбулент-

ности идентичность не может быть зафиксированной, она нуждается в постоянной верификации и подтверждении в процессе демонстрации актуальных жизненных стратегий «присвоения» себя через взгляд Другого, в процессе конструирования виртуальной личности, и «подобная открытая многомерность современной личности иногда пугает и настораживает. Однако, как представляется, сегодня можно говорить о серьезном достижении цивилизационного развития в отношении понимания и предвидения процессов идентификации. Дело в том, что каждая идентификация совершенно не отменяет другие, а дает личности новую жизненную компетентность. Личность не фиксируется в жесткой социальной скорлупе, наоборот — перед нею открываются новые «окна возможностей», большая свобода выбора и реализации жизненной стратегии, а также выбора самих стратегий» [Тульчинский, 2010, с.143].

В этой связи в современном научном дискурсе существует различное видение процессов формирования виртуальной личности. С одной стороны, виртуальная личность по мнению ряда исследователей (К.О. Черняева, Е.П. Белинская, У.А. Томас) – это проявление вариантов компенсаторных идентичностей (в том числе через агрессию, фрустрацию, манипуляцию и т.п.), проявляемых через демонстративную негацию норм, в попытках изменить четкие нормативные категоризации (пол, социальное положение, статус, религию, этническую принадлежность и т.д.). С другой стороны, виртуальная личность есть отражение реальной идентичности через различные стратегии самоактуализации. Данной точки зрения придерживаются О.Н. Астафьева, И.В. Костерина, М.Д. Бэк, Р.И. Вилсон. Действительно, в современном «прозрачном» цифровом мире игры с идентичностью становятся все менее возможными, так как сам процесс идентификации подвержен тотальной де-анонимизации, а «цифровые следы» формируют реальный цифровой профиль каждого участника цифрового мира, объединяя реальную и виртуальную личности в единой цифровой идентичности. В социальных сетях сегодня преобладают именно стратегии репрезентации подлинных свойств личности, создание ложных виртуальных профилей осталось в прошлом, став бессмысленной стратегией проявлений различных девиаций, так как игры с идентичностью и анонимность утратили актуальность, а социальные сети стали пространством обретения признания, местом выхода из одиночества, местом, в котором происходит самоактуализация, самореализация и самоутверждение личности через управление впечатлениями Другого.

Таким образом, в виртуальных коммуникациях и сетевых сообществах социальных сетей происходит максимальное сращивание интимной и публичных сфер, создающее основания для принудительной всеобъемлющей публичности в постоянном текучем процессе цифровой идентификации, фиксируемой в виде транзитивной цифровой личности в глобальном цифровом мире. И, следовательно, конструирование виртуальной личности в социальных сетях уже не является целью создания альтернативной идентичности, а становится неким способом отражения и очеловечивания цифровой идентичности и ее особым «экзистенциальным расширением».

Литература

1. Тульчинский, 2011 – *Тульчинский Г.Л.* Личность как проект и бренд // Наука телевидение. 2011. Вып. 8. 2011. С.250-265.
2. Тульчинский, 2010 – *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология (персонология). Самозванство или личность как автопроект? // Нева. 2010. №6. С. 140-163.
3. Шестеркина, Борченко, 2014 – *Шестеркина Л.П., Борченко И.Д.* Основные характеристики новых социальных медиа. // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2(55). С. 107-111.
4. Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media / J.H. Kietzmann, K. Hermkens, I.P. McCarthy, B.S. Silvestre // Business Horizons. 2011. Vol. 54 (3). P. 241-251
5. Wellman, 2001 – *Wellman B.* Physical place and cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. Issue 2. Pp. 227-252.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00112
УДК 316.77:304.2

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Анна Валерьевна Маркеева
Кандидат социологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ольга Владимировна Гавриленко
Кандидат социологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Необратимое воздействие цифровых технологий на социальные структуры, институты и повседневные практики заставляет заново ставить классический социологический вопрос о со-

циальном контроле, его формах, способах реализации, точках приложения и ставках. В условиях развития информационных и телекоммуникационных технологий социальный контроль становится фактически тотальным, во многом лишая индивида личного пространства, приучая к открытости предоставления информации и «прозрачности» собственной жизни. При этом цифровое пространство, создавая иллюзию свободы (прежде всего, свободы самовыражения и потребления), становится все более управляемым и контролируемым как государственной властью, так и корпоративными игроками (а именно, крупными ТНК, владельцами информационных платформ). Контроль над медиатизированным миром обеспечивается как через вводимые тотальные ограничения и меры государственного регулирования, так и через инвестиции в развитие информационных технологий, создание и продвижение определенных технологических стандартов, норм и протоколов (рассчитанных на «воспитание» лояльности граждан и сотрудничество потребителей с владельцами информационных платформ и ИТ-компаний). Статья посвящена анализу трансформации способов и инструментов социального контроля в современном цифровом мире.

Ключевые слова: социальный контроль, цифровые технологии, инструменты социального контроля, медиатизация.

THE SOCIAL CONTROL IN DIGITAL WORLD

Anna Valer'yevna Markeeva
PhD in Sociology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Olga Vladimirovna Gavrilenko
PhD in Sociology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University

The digital technologies have irreversible impact on social structures, institutions and mundane practices. This forces to raise again the question about social control, its forms, modes of realization, points of application and stakes. In development conditions of information and telecommunication technologies social control is actually becoming total, largely depriving individuals of private space and encouraging them to openness in providing of information and transparency of their lives. The digital space, generating the illusion of freedom (first of all, freedom of self-expression and consumption), is becoming increasingly manageable and controlled by state and corporative agents. Control over digital world is provided by total restrictions and measures of state regulation, on the one hand, and investments in information technology, creation, promotion and supporting of technological standards, norms and protocols which are designed to inculcate loyalty of citizens and partnership of consumers with owners of information platforms and IT-companies. The article deals with transformations modes and tools of social control in contemporary digital world.

Keywords: social control, digital technologies, tools of social control, mediatization.

Глубокое и необратимое влияние цифровых технологий и форматов коммуникации на социальные структуры и институты, а также их всепроникающее воздействие на повседневные практики и режимы существования уже достаточно давно превратилось в тривиальное утверждение (не в последнюю очередь этой тривиализации способствовало превращение «цифровизации» в категорию государственного мышления и управления). Так, в работе Н. Коулдри и А.Хеппа современный мир не только представляется «глубоко медиатизированным», но последовательно доказывается, что технологическая инфраструктура становится фундаментом этого мира, обуславливает практики и социокультурные контексты, в которых эти практики находят свое выражение (Couldry, Hepp,2016). Постулируется укорененность «социального» в технологических системах, в инфраструктуре, прежде всего, цифровой коммуникации. Однако эта очевидность (одновременно повседневная и исследовательская) не избавляет от необходимости ставить классические социологические вопросы: какие формы принимает социальный контроль во все большей степени становящемся цифровым социальным мире, каковы технические модальности его реализации? Каковы его территории, «точки» приложения и ожидаемые эффекты (в том числе принципиально новые)? Каковы его действительные и/или возможные ставки?

Стремительное изменение технологической составляющей современных коммуникаций открывает как новые возможности развития общества, социальных институтов и человека, так и формирует вызовы, требующие разработки управленческих решений и их внедрения с целью преодоления/ нивелирования деструктивного, разрушающего характера социальных изменений.

Изучение технологических систем, инфраструктуры цифровой коммуникации дает более глубокое понимание «социального», расширяет концептуальные рамки изучения социальных изменений, объяснения их последствий для развития общества и человека. Так, проекты аналогичные глобальному этнографическому проекту «Why We Post» формируют новые рамки изучения взаимосвязи технологии и социального, показывают, что новые социальные медиа могут как разрушать существующие социальные взаимодействия,

так и объединять людей, рождая новые типы солидарности (Miller, Costa, Haynes, etc, 2016).

По мнению ряда специалистов существующая цифровая среда– это пространство истинной свободы, пространство «надежды», в которой каждый находит возможность самовыражения, обретает чувство сплоченности и поддержки, это пространство, где формируется гражданская инициатива, способная изменить мир, существующие социальные институты (Кастельс, 2016). Однако внимательное топологическое изучение цифрового пространства, его технологической составляющей позволяет говорить об обратном, это конструируемое, управляемое пространство. Пространство «гегемонии транснациональных корпораций» (Манович, 2018). Однако ведущая роль крупных IT корпораций, постепенно превращающихся в гигантов платформенной экономики (вторгающихся в управление не только онлайновыми, но и оффлайновыми взаимодействиями пользователей) остается невидимой для большинства. За счет множества платформ и технологических решений, которые лежат в основе конструирования цифровой среды, создается иллюзия «свободы» и конкуренции, однако это только иллюзия. Правда состоит в том, что это контролируемое, выстраиваемое по жесткой схеме пространство, где «даже конкурирующие или противоборствующие мнения есть продукт одного создателя» (ТНК) (Дин, 2017). Именно крупные ТНК, владельцы платформ и являются подлинными творцами этого медиатизированного мира.

Как отмечалось выше, немногие осознают степень этой контролируемости, но еще меньшее количество пытаются с ней бороться. Во основном, это пользователи-активисты и формируемые ими новые онлайновые социальные движения и национальные государства. Именно эти субъекты в большей степени вовлечены сегодня в «незримую» борьбу за свободу медиатизированного мира. Однако цели борьбы и выбираемые ими стратегии различны. Стратегии первых, при всем многообразии проявлений, можно разбить на 2 типа: 1) активизация деятельности за создание принципиальной иной технологической среды (движение за программы с открытым кодом, за новый интернет и т.д.); 2) сознательное ограничение медиапотребления, распространение рестрикционистких практик в отношении медиа (медиаскетизм, "цифровая диета" и т.д.).

Национальные государства вступают в борьбу не с целью обеспечить большую свободу простым пользователям, а с целью – не потерять контроль над цифровым пространством и над гражданами. Ряд специалистов полагают, что эта борьба проиграна государствами. По мнению, Зубофф новый тип капитализма (автор называет его капитализмом наблюдений), порождающий "новый вид силы – инструментальный (вездесущая автоматизированная архитектура «интеллектуальных» сетевых устройств, вещей и пространств)", вместо оружия и армий использует собственный способ навязывания своей воли - автоматизированной среды (Zuboff, 2019). Эта сила концентрируется в руках IT-корпораций, давая им неограниченные возможности в тотальной слежке за людьми и в управлении их поведением, которые не имеет ни одно правительство.

Национальные государства, однако продолжают борьбу за контроль над медиатизированными мирами, используя комбинацию двух стратегий. Первая - стратегия тотального ограничения, бесчисленные попытки поставить цифровую среду под контроль с использованием классических методов индустриальной эпохи, плохо работающих для современных информационных технологий (Законы Яровой, контролирование Рунета и т.д.). Вторая группа стратегий проводится под единым лозунгом: «Если процесс нельзя остановить, его необходимо возглавить». Активные инвестиции государств в создание информационной инфраструктуры, формирование совместных проектов с крупными национальными IT-компаниями, предоставление им возможностей в монополизации определенных рынков в обмен на сотрудничество и лояльность в предоставления данных для контроля над различными аспектами социальной и экономической деятельности населения, а также их приватной сферы (AliExpress и система социального кредита в КНР, сотрудничество Яндекс, Сбербанка и др. с государством при формировании инфраструктуры цифровой экономики). Данные стратегии становятся более эффективными, так как при их реализации (в отличие от запретительных мер) государству не надо бороться с негативной реакцией граждан. Транснациональные компании, благодаря стремительно совершенствуемым ими технологиям сжатия пространства и времени, пусть часто формально, но сняли для большинства современных пользователей барьеры в получении информации, знаний, расширили «пусть не столь востребованную фактически самими пользователями» возможность выбора всего (идей, друзей, товаров и т.д.). Поэтому любые ограничительные меры со стороны государственных институтов за управление сетевом пространством наталкиваются на идеологическое сопротивление пользователей. Даже если большинство из них не нуждаются в существующей свободе выбора, оно будет требовать объяснений, почему «системы государственного управления замедляют возможность получения данных, … знаний из сетей, окружающих нас, почему они стоят на пути достижимой человеческой скорости» (Рамо, 2017, с.223). А сами компании будут использовать это стремление людей, создавая информационные поводы, часто фейковые, стремясь защитить свои коммерческие интересы, а иногда на волне запрещения, улучшая свои экономические и маркетинговые результаты (показательный пример с запретом Telegram). При этом следует понимать, что это политика «коммерциализации свободы», но не желание и потребность ее реально обеспечивать.

Значимой проблемой борьбы за управление медийным пространством является то, что для донесения своей позиции до общественности, нахождения и мобилизации сторонников своих идей и интернет-активисты, и государственные структуры вынуждены прибегать к существующей технологической инфраструктуре медиа, играть по ее правилам.

Гигантский объем ежедневно генерируемых данных уже представляет глобальную проблему для всех субъектов (пользователя, компании или государственного органа), пытающихся донести свою информацию

до целевых потребителей. Это становится все сложнее, без участия и принятия условий существующих IT и медиахолдингов, без обращения к разработанным ими технических решениям для навигации и ориентации в пространстве (боты, ИИ и т.д). А при том, что стремительно падает интерес самого пользователя к обработке информации ("свободный доступ к данным, полнота опций и свобода дизайна для пользователя не столько соблазняют и притягивают, сколько напрягают и дезориентирует" (Больц, 2011), все это превращает борьбу с ТНК в "борьбу с ветряными мельницами". Единственные, кто реально может составить конкуренцию – являются экспертные сообщества, разрабатывающие программные продукты с открытым кодом. Они ставят заслон на мополизирующуюся роль крупных гигантов как "привратников" нового мира. Однако количество этих энтузиастов по всему миру мало, и для того, чтобы хотя бы частично ограничить власть глобальных корпораций, необходимо формирование каждым пользователем более ответственного сетевого поведения. Каждый человек должен понять, что "индивидуальное шифрование не сможет защитить нашу свободу. Скорость не обезопасит нас. Мы должны развить новый инстинкт, который предназначен для того, чтобы сделать нас более человечными…, а не только более технологичными" (Рамо, 2017, с. 329).

Вопросы, касающиеся социального контроля в цифровом пространстве, не имеют однозначных ответов в виду принципиальной амбивалентности этого пространства и поддерживающей его технологической инфраструктуры, а также радикальной множественности социальных агентов, заинтересованных в его существовании. На смену традиционным формам контроля, приходят «невидимые» для объектов воздействия социально-гуманитарные технологии, которые могут с легкостью превратить внешнюю свободу и спонтанность гражданских инициатив в хорошо спланированное и просчитанное на основе Big data управление общественным мнением и практиками.

Литература

1. Больц, 2011 – *Больц Н.* Азбука медиа. – М.: Европа, 2011. 136 с.
2. Дин, 2017 – *Дин Дж.* Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению// Communications. Media. Design, Volume 2, №2, 2017. С.152-165
3. Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. Манович, 2018 – *Манович Л.* Язык новых медиа. — М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2018, 400 с.
5. Рамо, 2017 – *Рамо Дж.* Седьмое чувство. Под знаком предсказуемости: как прогнозировать и управлять социальными изменениями в цифровую эпоху. – М.: Эксмо, 2017, 336 с.
6. Couldry, Hepp, 2016 – *Couldry N., Hepp A.* The mediated construction of reality. –Cambridge: Polity Press, 2016. 256 p.
7. Zuboff , 2019 – *Zuboff S.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. – Public Affairs, 2019.691pp.
8. Miller, Costa, Haynes, McDonald, etc, 2016 – *Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., etc.* How the World changed social media. – UK: University College London, 2016. 261 p.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00113
УДК 316.77

ПРАГМАТИКА ЭКСПАНСИИ МЕДИАТИЗИРОВАННОГО МИРА

Александр Александрович Ефанов
Кандидат социологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье проводится обоснование прагматической стороны экспансии медиатизированного мира. Автор объясняет, что в эпоху усиления роли информационно-коммуникационных процессов в жизни общества наблюдается конструирование особой формы мироустройства, где все повседневные практики индивидов подчинены законам медиалогики – сущностной характеристики современных институтов, которая становится похожа на определенные «правила жизни». Сам термин «медиатизированный мир» сегодня стал широко употребляться как в научной, так и научно-популярной литературе, объясняя процесс медиатизации социальных практик, а вместе с тем и социальных институтов.

В настоящее время такие базовые социальные институты, как государство, семья, образование, здравоохранение и социальная защита, а также труд, не могут рассматриваться вне поля медиа. При этом процесс экспансии медиатизированного мира обусловлен не столько влиянием «традиционных» СМИ (речь идет о периодической печати, радио и телевидении), сколько «новых медиа» (социальных сетей, блогов, мессенджеров, специализированных ресурсов, направленных на оказание разного рода услуг, работающих по принципу «одного окна»: «Электронное правительство»; «Электронная регистратура»; «Мобильный банк» и др.).

Автор приходит к выводу, что последствия в результате экспансии медиатизированного мира во многом носят амбивалентный характер. Однако безусловной уязвимостью подобной формы современного мироустройства можно считать зависимость от устойчивого сигнала – обеспечения постоянного доступа во Всемирную сеть, – потерю данных в случае технического сбоя, а также ненадежность существующих систем шифрования, когда различные ресурсы в Интернете подвергаются хакерским атакам. Представленные положения являются дискуссионными и нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. При этом бесспорным можно считать сам факт выдвижения тезиса о системной и поступательной экспансии медиатизированного мира, лишенного границ и неподвластного абсолютному контролю.

Ключевые слова: медиа, Интернет, медиатизация, медиатизированный мир, социальные институты.

THE PRAGMATICS OF THE MEDIATED WORLD EXPANSION

Aleksandr Aleksandrovich Yefanov
PhD of Sociology, Associate Professor
National Research University "Higher School of Economics"

The article presents the rationale of the pragmatic side of the mediated world expansion. The author explains, that in the era of increasing the role of information and communication processes in society, there is a construction of a special form of the world order, where all the daily practices of individuals are subject to the laws of media logic – an essential characteristic of modern institutions that becomes similar to certain "rules of life". The term "mediated world" itself has today become widely used in both scientific and popular science literature, explaining the process of mediatization of social practices, and at the same time social institutions.

At present, such basic social institutions as the state, family, education, health care and social protection, as well as labor, cannot be viewed outside the media field. At the same time, the process of expansion of the mediated world is caused not so much by the influence of "traditional" media (it's about periodicals, radio and television), but rather by "new media" (social networks, blogs, instant messengers, specialized resources aimed at providing various kinds of services, on the principle of "one window": "Electronic Government"; "Electronic Registry"; "Mobile Bank?", etc.).

The author comes to the conclusion, that the consequences resulting from the expansion of the mediated world are in many ways ambivalent. However, the absolute vulnerability of such a form of modern world order can be considered a dependence on a stable signal – ensuring constant access to the World Wide Web, – data loss in case of technical failure, as well as the unreliability of existing encryption systems when various resources on the Internet are subjected to hacker attacks. The presented provisions are debatable and need further study and clarification. At the same time, the very fact of putting forward a thesis on the systemic and progressive expansion of a mediated world that lacks boundaries and is not subject to absolute control can be considered indisputable.

Keywords: media, Internet, mediatization, mediated world, social institutions.

В эпоху усиления роли информационно-коммуникационных процессов в жизни общества наблюдается конструирование особой формы мироустройства, где все повседневные практики индивидов подчинены законам медиалогики – сущностной характеристики современных институтов, которая становится похожа на определенные «правила жизни». Сам термин «медиатизированный мир» сегодня стал широко употребляться как в научной, так и научно-популярной литературе, объясняя процесс медиатизации социальных практик, а вместе с тем и социальных институтов.

В настоящее время такие базовые социальные институты, как государство, семья, образование, здравоохранение и социальная защита, а также труд, не могут рассматриваться вне поля медиа. При этом процесс экспансии медиатизированного мира обусловлен не столько влиянием «традиционных» СМИ (речь идет о периодической печати, радио и телевидении), сколько «новых медиа» (социальных сетей, блогов, мессенджеров, специализированных ресурсов, направленных на оказание разного рода услуг, работающих по принципу «одного окна»: «Электронное правительство»; «Электронная регистратура»; «Мобильный банк» и др.).

Так, развитие медиатехнологий обусловило трансформацию такого «консервативного» социального института, как семья. Прежде всего, это можно заметить по изменению социальных практик. Коммуникация членов семьи все чаще происходит посредством мессенджеров, в которых создаются специальные закрытые группы и обсуждаются все повседневные вопросы. Как показали результаты исследования ВЦИОМ в 2018 году, около «45 % россиян старше 18 лет пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день, 62 % делают это хотя бы раз в неделю» [ВЦИОМ, 2018]. Наиболее популярными мессенджерами для респондентов являются WhatsApp (44 %), «ВКонтакте» (32 %), обычный сервис отправки СМС (32 %) и Viber (30 %). Кроме того, родительский контроль за нахождением ребенка теперь осуществляется посредством специализированных геолокационных ресурсов. В свою очередь, социализация подростка (получение образовательного и познавательного контента, а также коммуникация) происходит не на улице (как это бы-

ло в «доинтернетную» эру), а при помощи Всемирной сети.

В этой связи особое значение приобретает развитие медиакультуры общества посредством осуществления медиаобразовательных стратегий [Ефанов, 2016]. При этом медиаобразование понимается не только как введение специализированных курсов, направленных на достижение медиа-информационной грамотности, в систему высшей и средней школы (зарубежный тренд), а также реализация программ «ликбеза» среди представителей старшего поколения, но и изменение подходов к преподаванию, которые могут носить как интенсивный, так и экстенсивный характер. К примеру, системное использование учебной литературы на сетевых носителях, отказ от бумажных аналогов, создание электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) в школах и вузах делает получение образования более доступным для всех слоев населения, при этом изменяя имидж педагога в глазах обучающегося (если до 2010-х годов учитель воспринимался как единственный носитель безусловного знания, то сегодня школьник или студент может легко проверить истинность излагаемой преподавателем информации посредством Интернета, тем самым развенчав предлагаемый подход).

Что касается трудовых отношений между работниками и работодателями (а также третьей стороной – клиентами), они тоже могут протекать не только в реальном, но и виртуальном пространстве, когда коллеги в некоторых случаях (безусловно, это распространяется не на все сферы деятельности) могут отказаться от посещения офиса, выполняя свои должностные обязанности удаленно. По сведениям Всемирной организации труда, доля работников, осуществляющих свою деятельность удаленно, в 2018 году в среднем стала составлять 17 %, а в Японии и США уже достигает отметки в 40 % [Эксперт Online, 2019]. В России пока отсутствуют репрезентативные данные, дающие целостную картину (вероятно, по причине значительных сложностей по сбору первичной информации – с учетом лиц, занятых в «теневой экономике»). Однако, по результатам мониторинга некоторых исследовательских центров, доля россиян, работающих удаленно на постоянной основе, находится на уровне 5 % [CFO Russia, 2018]. При этом прогнозируется, что к 2021 году их количество может увеличиться на 7-10 %, поскольку все больше работодателей рассматривают варианты трансформации трудовых отношений при переходе на режим «вне офиса».

Получение государственных, муниципальных и других социальных услуг также производится при помощи специализированных платформ. С начала 2010-х годов в России успешно работают такие интерактивные ресурсы, как «Электронное правительство», «Электронная регистратура», «Мобильный банк» и т.п., позволяющие минимизировать время нахождения в очередях, делая всю процедуру по оказанию услуг максимально прозрачной. Согласно данным Росстата, в 2017 году (по сравнению с 2016 годом) число пользователей Официального Интернет-портала государственных услуг (gosuslugi.ru) увеличилось в 2,6 раза, достигнув уровня в 65 млн. человек [Росстат, 2018]. Как отмечают в Минкомсвязи, ежегодно перечень оказываемых услуг на портале расширяется (от оформления паспорта и регистрации по месту жительства до получения сведений о задолженностях и т.п.), уже превосходя отметку в тысячу наименований.

Медиатизация политических институтов делает более доступной и деятельность органов исполнительной власти. Как отмечают участники авторского исследования методом фокус-групп «Имидж власти в медиатизированном мире» (n=10), «россияне могут подавать электронные обращения в интересующие их инстанции (официальные ресурсы крупных муниципальных образований зачастую работают по принципу «одного окна», куда поступают жалобы и вопросы, касающиеся различных сфер) и в соответствии с Федеральным законом № 59 «О порядке рассмотрения граждан Российской Федерации» получать искомый ответ в течение 30 дней с момента регистрации документа» (респондент № 4).

Кроме того, под воздействием медиатехнологий более прозрачной становятся и выборные кампании: «Появление защищенных от хакерских атак КОИБов – системы комплексной обработки избирательных бюллетеней, – введение QR-кодирования и оснащение участков для голосования видеокамерами (кадры с УИК в режиме реального времени может получать любой пользователь Интернета) позволило минимизировать фальсификации, обеспечив легитимность процедуры» (респондент № 7). По сравнению с другими избирательными процессами, на президентских выборах 2018 года наблюдатели и общественные активисты фиксировали единичные нарушения (провокация в связи с подкупом электората и вбросом бюллетеней), а основные претензии были связаны с очередями, которые образовывались у участков – комиссии не справлялись с наплывом избирателей, что позволило минимизировать протестные настроения и степень неудовлетворенности общества (в том числе отдельных общностей) процедурой голосования.

Последствия в результате экспансии медиатизированного мира во многом носят амбивалентный характер. Однако безусловной уязвимостью подобной формы современного мироустройства можно считать зависимость от устойчивого сигнала – обеспечения постоянного доступа во Всемирную сеть, – потерю данных в случае технического сбоя, а также ненадежность существующих систем шифрования, когда различные ресурсы в Интернете подвергаются хакерским атакам.

Представленные положения являются дискуссионными и нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. При этом бесспорным можно считать сам факт выдвижения тезиса о системной и поступательной экспансии медиатизированного мира, лишенного границ и неподвластного абсолютному контролю.

Литература

1. Ефанов, 2016. – *Ефанов А.А.* Социология медиакультуры и медиаобразования: Учебное пособие. Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА», 2016. 92 с.

2. Каждому возрасту – свои сети // Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691 (дата обращения: 3.01.2019).
3. Получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме // Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (дата обращения: 3.01.2019).
4. Сколько в России удаленных работников? // CFO Russia, 2018. URL: https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=39732 (дата обращения: 3.01.2019).
5. Удаленная работа становится все популярнее // Эксперт Online, 2019. URL: http://expert.ru/2017/02/24/rabota/ (дата обращения: 3.01.2019).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00114
УДК 130.2

ЖИВОПИСЬ В РЕКЛАМЕ: СОЗИДАНИЕ ИЛИ РАЗРУШЕНИЕ?

Наталья Ивановна Степанова
Кандидат культурологии

В целях продвижения торговой марки реклама часто использует живописные произведения. Интертекстуальные включения живописных репродукций служат созданию новых смыслов, донося информацию о рекламируемом объекте, отражая преимущества торговой марки, влияя на отношение к ней. При этом применяются различные коммуникативные стратегии – как конструктивные (например, подключение к вечным ценностям культуры), так и деструктивные (паразитирование на них).

Ценностный смысл пре-текста, в роли которого выступает произведение живописи, в тексте рекламы может подвергаться целому спектру трансформаций: от редукции смысла до его профанации, подмены ценностей и даже трансляции анти-ценностей. Арсенал используемых при этом интертекстуальных средств довольно широк (цитата, аллюзия, стилизация, пародия).

Тексты рекламы по двум критериям, лежащим на междисциплинарном пересечении теории коммуникации и культурологии, разделим на четыре типа: 1. Эффективное информирование о торговой марке при сохранении смыслов живописного пре-текста; 2. Эффективное информирование о торговой марке при профанации смыслов пре-текста; 3. Неэффективное информирование о торговой марке при сохранении смыслов пре-текста; 4. Неэффективное информирование о торговой марке при профанации смыслов пре-текста.

Ключевые слова: эффективность рекламы, живопись в рекламе, визуальный текст рекламы, интертекст, коммуникативные стратегии.

PAINTING IN ADVERTISING: CONSTRUCTION OR DECONSTRUCTION?

Natalia Ivanovna Stepanova
PhD in Culturology

An advertising makes use of paintings to promote trade mark. Intertextual inclusions of painting texts create new senses through giving information about advertised object, a reflection of trade mark's advantages, through influence at consumer's attitude. Meanwhile applied communicative strategies are different. They may be constructive (for example, connection to the eternal values of culture) and non-constrictive (parasitization on them).

Value sense of painting pre-texts can be subject to whole spectrum of transformation: from reduction to profanation, substitution of values, even to anti-value transmission. Quite wide arsenal of inter-textual tools is used there (quotation, allusion, parody).

The advertising texts can be divided into four types by two criteria lying on interdisciplinary intersection of Communication Studies and Culture Studies: 1. Effective informing about trade mark with keeping of painting pre-text's senses; 2. Effective informing about trade mark with profanation of pre-text's senses; 3. Non-effective informing about trade mark with keeping of painting pre-text's senses; and 4. Non-effective informing about trade mark with profanation of pre-text's senses.

Keywords: communicative efficiency of advertising, painting in advertising, visual advertising text, intertext, communicative strategies.

Дихотомия «эволюция-революция» применительно к культурному и, в частности, медиапространству с определенной степенью упрощения может быть представлена в виде оппозиции: сохранение традиционных культурных ценностей (эволюционный путь) и их ниспровержение (революция). Для нас эта оппозиция интересна в дискурсионном плане: в аспекте культурных смыслов рекламного дискурса, закреп-

ленных на визуальном носителе в виде печатной рекламы, при создании которой использованы репродукции известных произведений мировой живописи.

Особенность рекламной коммуникации в том, что она является одновременно и «артистичной», и «тоталитарной» [см. Кафтанджиев, 2005]. Если её «артистичность» связана с использованием художественных средств, в частности, интертекстуальных, то «тоталитарность» предопределена тем, что реклама служит коммуникативным намерениям рекламодателя.

Смыслообразование в тексте рекламы несет на себе печать этой двойственности. Отметим сначала особенности, обусловленные включённостью рекламы в систему продвижения торговой марки. Характеристики текста рекламы жестко заданы интенцией коммуникатора, ведь она участвует в продвижении и должна делать это эффективно. Поэтому, подчеркивая подчинённость рекламы коммуникативным намерениям адресанта, Х. Кафтанджиев назвал эффективность рекламного сообщения его «кодовым инвариантом» [Кафтанджиев, 2005, с. 32].

Намерения адресанта выражаются в терминах «эффектов коммуникаций» [См. подробнее Росситер, 2002]. К универсальным эффектам коммуникации относится «осведомленность о торговой марке» и «создание позитивного отношения к ней». Экспертиза рекламного текста на создание эффектов коммуникации с достаточной степенью достоверности даёт возможность прогнозировать её эффективность [Степанова, 2012].

«Тоталитарность» рекламной коммуникации, проявляющаяся в необходимости работы текста на донесение до целевой аудитории преимуществ торговой марки/выгод потребителя, обусловливает подчиненность этим задачам применяемых в нём художественных и эстетических средств. Если в искусстве интертекстуальные включения служат созданию «открытого текста», то в рекламе их значение всего лишь прикладное.

В силу вышесказанного визуальный текст рекламы, превращенный в интертекст путём включения в него текста живописного произведения, целесообразно рассматривать по двум критериям: 1. Коммуникативному критерию (работа на «эффекты коммуникации») и 2. Аксиологическому (степень сохранности смыслов живописного текста, рассматриваемого как культурная ценность).

Доминантный характер рекламы проявляется в трансформации смыслов пре-текста, включённого в новый смысловой контекст. Реклама ведет себя как типичный феномен массовой коммуникации и массовой культуры, адаптирующий культурные смыслы для целевой аудитории. Живописные тексты подвергаются при этом разнообразной смысловой трансформации. Редукция (упрощение) смыслов пре-текста может приводить к искажению культурных смыслов, причем как семантического, так и ценностного аспектов. Пародийное искажение смысла может иметь профанирующее и даже десакрализирующее значение. Трансформация ценностей как вида культурных смыслов в крайнем своем выражении превращается в трансляцию анти-ценностей.

Конечно, «вердикт» целиком зависит от ценностной позиции эксперта. По умолчанию мы подразумеваем, что он, руководствуясь уважительным отношением к культурному наследию и его автору на уровне общечеловеческих ценностей, сможет распознать противоположные проявления. Но даже при таком генерализированном подходе методика экспертизы визуального интертекста рекламы показала себя вполне практичной – её с успехом применили на семинарах студенты Новосибирского Института рекламы и связей с общественностью, которым предстоит стать не только экспертами рекламы, но и её создателями.

Редукция (упрощение) смыслов пре-текста, как правило, не имеет профанирующего значения. Профанация грубо искажает смыслы, отрицая ценность художественного произведения. Видом смысловой метаморфозы является подмена ценностей духовных материальными. Рекомендуем при оценке интертекста по второму критерию учитывать ряд параметров: степень искажения смысла пре-текста, степень антагонизма смыслов пре-текста и интертекста, модальность нового смысла, генерируемого в интертекстуальном взаимодействии, а порой и наличие самоиронии в отношении к рекламируемой марке.

В рекламе торговой марки «Городские окна» налицо двойное кодирование: картина Б.М. Кустодиева «Купчиха за чаем» включена в раму пластикового окна [илл.1]. Слоган свидетельствует о том, что данное произведение используется как метафора «красоты» в её обыденном понимании, то есть «красивости». Рама окна осуществляет логическую связку и порождение нового смысла, а также привлекает внимание необычностью (метонимия, замена знака). Данный текст рекламы можно отнести к китчу, но при этом он выполняет коммуникативную задачу: доносит информацию о рекламируемом объекте, не искажая смыслов живописного произведения (хотя редукция смыслов, определенно, присутствует).

Как интересный пример центонного текста показательна работа новосибирских рекламистов, продвигающих торговую марку компьютерных салонов «Левел» [илл. 2]. В качестве интертекстуальных включений использованы картина К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня» (аллюзия) и фото Ф. М. Достоевского (цитирование). Потребитель получит удовольствие от разгадывания нового смысла, рожденного им, расшифровав «городской» код Новосибирска (магазин «Левел» расположен на пересечении Красного проспекта и улицы Достоевского). При этом не «оскорблены» ни известный писатель, ни Красный конь.

В рекламе компании «Gardena», производящей технику и инструменты для сада, к цитируемым прецедентным текстам В. Ван Гога («Ирисы» и «Автопортрет с перевязанным ухом») добавлено изображение секатора [илл. 3, 4], что, несомненно, искажает их смыслы. Но, если цветы мало пострадали в семантическом плане от подобного «соседства», то художник с перевязанным ухом интерпретируется в новом профа-

нирующем контексте («черный юмор»). Адресат запомнит торговую марку, паразитирующую на шедеврах живописи: эмоциональная память долговременна. Но станет ли он потребителем? – это зависит от того, какое место занимает на его ценностной шкале данный артефакт.

Для рекламы футбольного журнала «Placar Magazine», представители рекламного агентства «McCann Erickson Brasil» использовали репродукцию другого шедевра В. Ван Гога – «Спальня в Арле», добавив к ней лишь одну деталь – футбольной мяч [илл.5]. Слоган: «Football art» («Футбольное искусство»). Но при всей оригинальности данную рекламу нельзя признать эффективно создающей осведомленность о торговой марке. Появление мяча в спальне хоть и привлекает внимание, но новый смысл «закреплен» не за журналом, а, скорее, за футболом как таковым. Отношение к пре-тексту достаточно уважительное (юмор не затрагивает основ ценностных смыслов).

В рекламе шампанского «Серебряный век» портрет кисти М. А. Врубеля «Царевна лебедь» помещен… в соседстве с бутылкой [илл.6]. Неатрибутированное цитирование маркировано, на что указывает рама картины. Отметим феномен двойного кодирования: рама картины слева размыта и переходит в новую рамку, очерчивающую визуальный текст целиком – опять же вместе с бутылкой. Но для человека культурного ни новая рама, напоминающая расплавленное серебро, ни поэтические ассоциации, вызываемые названием торговой марки, ни высокопарный слоган «Серебряный век – наслаждение классикой» не могут изменить профанирующего значения данного сопоставления. Подмена ценностей осуществляется здесь при помощи излюбленного рекламистами приема – ассоциации по смежности. «Произведение искусства превращается в обычную вещь в ряду многих вещей» [Адорно, 2001, с. 29].

На основе анализа печатной рекламы выделим следующие виды коммуникативных стратегий: 1. Стратегия подключения к вечным ценностям культуры (используется маркированное цитирование, аллюзия, «серьезная», непародийная стилизация). 2. Стратегия привлечения внимания к оригинальным рекламным решениям, которая дает потребителю возможность развлечься, разгадав «загадку» интертекста. Здесь «работает» пародия, использующая интертекстуальные средства: цитату, стилизацию, аллюзию. 3. Стратегия паразитирования на культурных ценностях и профанации культурного наследия. Её инструмент – пародия, профанирующая и порой десакрализирующая пре-текст.

По сочетанию двух критериев (создание эффектов коммуникаций и степень сохранности смыслов живописного текста, рассматриваемого как культурная ценность) рекламные тексты подразделяются на четыре вида: 1. Эффективное информирование о торговой марке при сохранении смыслов пре-текста (илл.1, 2); 2. Эффективное информирование о торговой марке при профанации пре-текста (илл.4); 3. Неэффективное информирование о торговой марке при сохранении смыслов пре-текста (илл.5); 4. Неэффективное информирование о торговой марке при профанации пре-текста (илл.6).

Понятно, что внутри каждой категории множество внутренних ценностных градаций, что требует дополнительной аксиологической проработки темы. Но, применительно к задаче продвижения, которую в обязательном порядке должен выполнять рекламный текст, можно с определенностью сказать: третий и четвертый виды рекламных интертекстов не выполняют задачи рекламирования. Второй вид, в принципе, способен выполнить её, но транслируемая текстом рекламы ценностная позиция, деструктивная по отношению к культурному наследию, может вызвать негативную реакцию потребителя, которая, возможно, будет перенесена на рекламируемую торговую марку. В результате эффективность рекламирования будет снижена.

Эффективная реклама, по определению, дружественна к шедеврам живописи. Эта коммуникативная позиция оптимальна как для торговой марки, так и для культурного наследия, по отношению к которому она выполняет культуросохраняющую роль. Этот путь можно рассматривать как реализацию эволюционной стратегии в современном медиа-пространстве.

Литература

1. Кафтанджиев, 2005 – *Кафтанджиев Х.* Гармония в рекламной коммуникации. М.: Эксмо, 2005. 368 с.
2. Степанова, 2012 – *Степанова Н.* Прогноз коммуникативной эффективности печатной рекламы: Уч. электронное пособие, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет». Институт открытого дистанционного образования ФГБОУ ВПО НГПУ, 2012. – 1 CD-ROM.
3. Адорно, 2001 – *Адорно, Т.* Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. 526 с.
4. Росситер, 2002 – *Росситер, Дж.* Реклама и продвижение товаров // Дж. Росситер, Л. Перси. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 656 с.

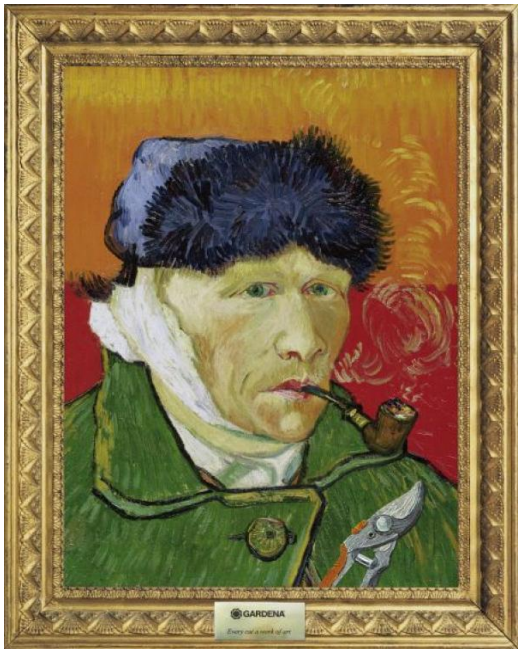
ГОРОДСКИЕ
ОКНА
КРАСИВО
НАДЕЖНО
ВЫГОДНО
КОМПЛЕКТУЕМ НОВОСТРОЙКИ ПЛАСТИКОВЫМИ ОКНАМИ
Новосибирск, Красный пр-кт, 157/1, оф. 410
(3832) 106-231

Илл. 1

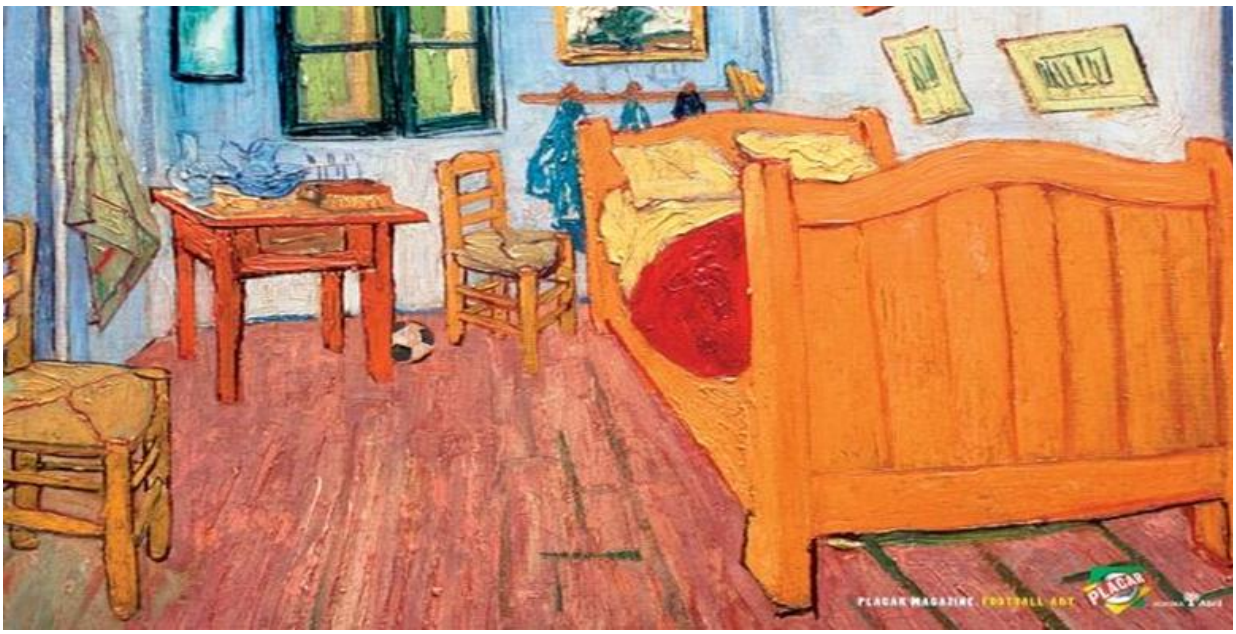
"ЛЕВЕЛ", картина маслом-
ДОСТОЕВСКИЙ
НА КРАСНОМ!
www.level.ru
212·00·05
ТС 319-98

Илл. 2

Илл. 3



Илл. 4


PLAGAR MAGAZINE FOOTBALL ART
PLAGAR

Илл. 5

Серебряный Век –
наслаждение классикой
Серебряный
Век
шампанское
Изысканности тонкая печать
Что Век Серебряный дарует нам поныне . . .

Илл. 6

ТЕКСТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЭСТЕТИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00115
УДК 80

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕРМИНА В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Ирина Анатольевна Миронова
Аспирант
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В работе рассматриваются подходы к исследованию научного дискурса в междисциплинарной области знания (на примере нейролингвистики). Основываясь на философских и социологических теориях о дисциплинах, их структурах и внутренних иерархиях, предлагается рассмотреть существующие методы лингвистического анализа научных статей в монодисциплинарных и интегративных областях, а также предложить возможное приложение методов дискурс-анализа для решения задач теоретического терминоведения. Актуальность исследуемых подходов для практического применения рассматривается на примере терминологического аппарата, используемого в научных статьях по нейролингвистике. Будучи областью, интегрирующей эпистемические и языковые особенности естественных и социогуманитарных наук, эта субдисциплина сочетает черты «вертикальных» и «горизонтальных» структур знания и научных дискурсов (по Б. Бернштейну). В работе исследуются различные подходы к изучению дискурсивных репрезентаций подобных гибридных структур на материале научных статей.

Ключевые слова: терминология, термин, междисциплинарность, дискурс-анализ, академический дискурс, нейролингвистика.

CONSTRUCTING THE TERM IN TERMS OF INTERDISCIPLINARITY

Irina Anatolievna Mironova
Postgraduate student
National Research University «Higher School of Economics»

The proposed paper examines various approaches to the study of academic discourse within interdisciplinary fields of knowledge, starting from philosophical and sociological theories of disciplines, their structures and internal hierarchies.

It aims to discuss existing methods of linguistic analysis of academic discourse with respect to multidisciplinary and integrative knowledge areas. The application of discourse analysis techniques in the field of theoretical terminology is also discussed. The relevance of the examined approaches for practical application is presented on the case study of terminological apparatus used in research articles in the field of neurolinguistics. Being an integrative area that unites the epistemic and linguistic features of sciences and humanities, this subdiscipline combines the peculiarities of «vertical» and «horizontal» knowledge structures and scientific discourses (according to B. Bernstein). The paper explores various approaches to the study of discursive representations of such hybrid structures on the material of academic articles.

Keywords: Terminology, term, interdisciplinarity, discourse analysis, academic discourse, neurolinguistics

Процессы развития современной лингвистики идут бок о бок с общенаучными трендами, среди которых немаловажную роль играет междисциплинарность. Как отмечает В.Н. Порус, тенденция к междисциплинарному исследованию сложных, системных и развивающихся во времени объектов возникла как обобщение практики современной мировой науки [Порус, 2013]. В связи с последовательным обращением современных ученых к интеграции различных дисциплин, особенно актуальными представляются исследования процессов терминологизации в активно развивающихся областях знания, терминологический аппарат которых включает элементы сразу нескольких научных направлений.

Современное терминоведение характеризуется растущим интересом научного сообщества к социально-культурным и коммуникативным особенностям терминологических систем. Появляются статьи и монографии, проблематизирующие статус термина, рассматривающие актуализацию терминологической лексики в различных типах текста, ее когнитивные, функциональные и социолингвистические характеристики. Внушительное количество работ посвящено явлениям полисемии, омонимии, синонимии, антонимии терминологической лексики, ее категоризации, роли в познавательных и мыслительных процессах.

Идеи когнитивного терминоведения в отечественном научном контексте развивают В.М. Лейчик [Лейчик, 2007, цит. по: Голованова, 2011], Е.И. Голованова [Голованова, 2011], Э.А. Сорокина [Сорокина, 2007], В.Ф. Новодранова [Новодранова, 2005, цит. по: Голованова, 2011], О.Е. Павловская [Павловская, 2007] и др. Что касается англоязычной литературы, вопросы терминоведения рассматриваются в работах Р. Теммерман [Теммерман, 2000]. Следуя направлениям, заданным канадской школой социотерминологии ([одэн, 1993] и другими исследователями, практикующими терминологическое исследование использования языка, parole [Кагеура, 1995, Кабре, 1995 цит.по Теммерман, 2000], Р.Теммерман предлагает методологию для исследования терминов в контексте специального языка [Теммерман, 2000]. Среди отечественных ученых, пишущих о научном термине в контексте междисциплинарности в социальных и гуманитарных науках, стоит упомянуть А.А. Немыку, А.Н. Пешкова, А.А. Сытину [Немыка, Пешков, 2014, Немыка, Сытина 2018]. Терминологию новых предметных областей изучают И.Ю. Апалько [Апалько, 2013, О.Б. Иванова [Иванова, 2010] и др.

Особенный интерес в числе интегративных областей, на наш взгляд, представляют терминологические системы нейронаук. В качестве примера подобного исследования можно привести проект NeuroNeo, в рамках которого исследуется неологизация в динамично эволюционирующих терминосистемах нейронаук [Линдер, 2017]. Вместе с тем, в числе нейронаучных субдисциплин пристального внимания заслуживает нейролингвистика, потому как в ее контексте актуализируются терминологические единицы как естественных, так и социогуманитарных, как сугубо-теоретических, так и прикладных областей. При этом, в обратном направлении – в качестве методов для исследования терминов – нейролингвистика уже применяется: существуют работы, посвященные репрезентации специального языка в процессах обработки информации в человеческом мозге [Фабер, Вердехо-Роман, Леон-Араус, Реймеринк, Перес-Карильо, 2017].

Говоря об исследованиях, выходящих за рамки терминоведческой перспективы, стоит обратить внимание на внушительный объем литературы по исследованиям академического дискурса. Халлидей и Мартин [Halliday, Martin, 1993] отдают должное теоретическим терминам, как важнейшему элементу научного языка и важной составляющей процесса создания организованного знания. Исследования, подобные осуществленному К. Хайландом [Hyland, 2007] показывают, что существенные вариации возникают между дискурсами различных научных дисциплин.

Перспективы анализа языка научных дисциплин предлагаются также в рамках социологии образования, зачастую с обращением к аппарату системно-функциональной лингвистики. С. Худ [Hood, 2011], отталкиваясь от концепции горизонтальной и вертикальной структуры знания Б. Бернштейна [Bernstein, 1999] и идей К. Мейтона [Maton, 2000, 2006] о дихотомии структур знания / знающего, предлагает методику лингвистического анализа научного дискурса на предмет репрезентации знающего (или субъекта знания) с фокусом на отсылки к источникам знания. Особый интерес подход Мейтона к исследованию научных дисциплин представляет потому, что не только формулирует аналитическое противопоставление социальных / эпистемологических отношений, но и создает условия для лингвистического анализа дисциплинарных дискурсов с учетом факторов семантической плотности и семантического тяготения. Работы, подобные анализу источников знания, проведенному Сьюзан Худ, открывают перспективу лингвистических исследований научного дискурса, выходящую за пределы исключительно количественных подходов.

В предлагаемом исследовании приводится анализ существующих подходов к анализу термина в дискурсивном контексте гибридных, междисциплинарных научных областей.

Литература

1. Апалько, 2013 – *Апалько И.Ю.* Когнитивные, семиотические и прагматические основания формирования предметной области «Защита информации»: Дис. …доктор фил. наук; 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2013. – 380 с.
2. Барановская, 2007 – *Барановская И.В.* Заимствованная терминология отечественной психолингвистики // Вестник московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2007. №4. С. 54-57
3. Голованова, 2013 – *Голованова Е.И.* Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
4. Иванова, 2010 – *Иванова О.Б.* Динамика становления терминологии новой предметной области: Дис. … канд. фил. наук; 10.02.20. – М., 2010. – 294
5. Немыка, Пешков, 2014 – *Немыка А.А., Пешков А.Н.* Полифункциональность как конститутивное свойство современного термина лингвистики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 376-378
6. Немыка, Сытина, 2018 – *Немыка А.А., Сытина А.В.* Междисциплинарность и полифункциональ-ность в системе понятий современной науки (на материале терминов социолингвистики, социологии и лингвистики). Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 3-2 . с. 120-124.
7. Порус, 2013 – *Порус Н.В.* «Междисциплинарность» как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т.38, №4.
8. Сорокина, 2007 – *Сорокина Э.А.* Когнитивные аспекты лексического проектирования: к основам

когнитивного терминоведения : дис. … доктор фил. наук.: 10.02.19 / Эльвира Анатольевна Сорокина. - М., 2007. – 384 с.
9. Bernstein, 1999 – *Bernstein, B.* Vertical and Horizontal Discourse: an Essay // British Journal of Sociology of Education. 1999. V. 20 (2). P. 157-173.
10. Faber, Verdejo-Román, León-Araúz, Reimerink, Guzmán Pérez-Carrillo, 2017 – *Faber P., Verdejo-Román J., León-Araúz P., Reimerink A. & Guzmán Pérez-Carrillo G.* Specialized knowledge processing in the brain: an fMRI study. In Terminological Approaches in the European Context, edited by Faini, P. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 168-182.
11. Gaudin, 2003 – *Gaudin F.* Socioterminologie. Un approche sociolinguistique de la terminologie. Bruxelles: De Boeck & Larcier s.a., 2003.
12. Halliday, Martin, 1993 – *Halliday M.A.K., Martin J.R.* Writing Science: Literacy and Discursive Power. The Falmer Press, 1993.
13. Hood, 2011 – *Hood S.* Writing Discipline: Comparing Inscriptions of Knowledge and Knowers in Academic Writing. Disciplinarity: Functional Linguistic and Sociological Perspectives. 2011
14. Hyland, 2007 – *Hyland K.* As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. 2007. The American University. Published by Elsevier Ltd.
15. Linder, 2017 – *Linder D.* The NeuroNeo Abstracts Corpus: A Tool for Studying Asymmetrical Neology. Terminological Approaches in the European Context. 2017, Cambridge Scholars Publishing
16. Maton, – *Maton K.* Languages of Legitimation: the Structuring Significance for Intellectual Fields of Strategic Knowledge Claims. British Journal of Sociology of Education. 2000, 147-167.
17. Maton, 2006 – *Maton K.* On Knowledge Structures and Knower Structures in R.Moore, M. Arnot. J Beck and H. Daaniels (eds) Knowledge, power and educational reform: applying the sociology of Basil Bernstein. London, Routledge. 2006, 44-59.
18. Temmerman, 2000 – *Temmerman R.* Towards new ways of terminology description: the sociocognitive approach. John Benjamins B.V. 2000.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00116
УДК 165

НЕЙРОПОЭЗИС И ЭПИГЕНЕЗ: «… ЭТО Я, ИЛИ ОН, ИЛИ ОНО (ВЕЩЬ), КОТОРОЕ МЫСЛИТ»

Максим Дмитриевич Мирошниченко
Аспирант, стажер-исследователь
Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева
Школа философии НИУ ВШЭ

Доклад посвящен рассмотрению того, как некоторые мотивы философии сознания, когнитивной науки и искусственного интеллекта находят преломление в контексте теорий медиа и технологий, а также постгуманизма. В частности, рассматривается проблема множественной реализуемости ментальных состояний в рамках функционализма. Энактивизм как программа в когнитивной науке предлагается рассматривать как проект ответа на эту проблему. Делается акцент на аспекте индивидуального развития нейронального субъекта (нейропоэзисе), что предлагается прочитывать в ракурсе трансцендентальной философии как «выращивание» познавательных способностей. Технологические расширения могут стать частью когнитивной организации аутопоэтической системы. Они могут расширить когнитивную нишу системы, и у этого расширения нет обозримых естественно-исторических пределов. Следовательно, это влечет возникновение структурно пластичных био-машинных гибридов. Пластичность познающих агентов, «усиленная» протоколами wideware и расширенного познания, нуждается в собственном осмыслении и требует создания нового словаря описания, чему и посвящен доклад.

Ключевые слова: нейропоэзис, энактивизм, эпигенез, функционализм, когнитивная наука, когнитивные расширения, wideware, аутопоэзис, структурная пластичность.

NEUROPOIESIS AND EPIGENESIS: «...THIS I OR HE OR IT (THE THING) WHICH THINKS»

Maxim Dmitrievich Miroshnichenko
PhD in Philosophy, Associate Professor
Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities
School of Philosophy National Research University «Higher School of Economics»

The presentation is dedicated to consideration of some motives of philosophy of mind in the context of theories of media and technology and posthumanism. In particular, the problem of multiple realizability of mental states within functionalism is discussed. Enactivism as the cognitive scientific

program is interpreted as the project of dissolution of this problem. The special accent is made on the individual neuronal development (neuropoiesis) interpreted in terms of transcendental philosophy as the gradual growths of subject's cognitive capacities. Technological enhancement can become the part of cognitive organization of the autopoietic systems. It can enlarge our cognitive domains, and the possibilities of this enlargement are unlimited in natural historical perspective. The technological enlargement of cognitive domain leads to the emergence of structurally plastic bio-machine hybrids. Hence, the structural plasticity of cognitive agents «accelerated» with the protocols of wideware and extended cognition demands its own proper way of conceptualization which is undertaken in the presentation.

Keywords: neuropoiesis, enactivism, epigenesis, functionalism, cognitive science, cognitive extensions, wideware, autopoiesis, structural plasticity.

Доклад посвящен концептуализации пластической способности познающих агентов в контексте энактивистской программы в когнитивной науке и философии сознания, а также в связи с ракурсами, предлагаемыми теоретиками медиа и технологий Марком Хансеном и Брюсом Кларком [Clarke & Hansen, 2009], а также некоторыми представителями постгуманизма [Roden, 2015, Negarestani, 2018].

В функционализме состояния системы опознаются в качестве ментальных не в силу внутренней конституции этих состояний, а в связи с тем, каковы исполняемые ими функции в работе всей системы, частями которых являются эти состояния. Конкретные материальные воплощения этих свойств – нейрональные, химические, белковые или кремниевые – релевантны лишь в той степени, в какой они обеспечивают функционирование этого состояния в системе. Следовательно, для функционализма важными оказываются организационные инварианты познавательной активности, которые проявляются как функциональные отношения «внутри» системы и в известном смысле не зависят от воплощающих их компонентов. Согласно некоторым позициям в современной философии, из принятия функционализма следует представление о множественной реализуемости (multiple realizability), согласно которому одно и то же ментальное состояние может быть реализовано посредством множества различных физических состояний.

Различают два вида множественной реализуемости: (1) в зависимости от типов физических структур (multiple realizability «over physical structure-types»): системы, обладающие различными физическими структурами, реализующими ментальные состояния, в принципе могут обладать идентичными ментальными состояниями, реализованными посредством различных физических структур; и (2) множественную реализуемость во времени (multiple realizability «in a token system over times»): одна и та же физическая система может реализовать одно и то же ментальное состояние посредством различных состояний этой системы в различное время.

Функционализм считается способным совладать со всеми предположительными трудностями множественной реализуемости, поскольку обладает требуемым уровнем абстрактности рассмотрения, концентрируясь на тех универсальных организационных принципах, которые могут быть различно реализованы в конкретных системах. Так, мы можем говорить о функции зрения, уподобляя зрительные аппараты различных видов животных – то, что обеспечивает зрение, и есть глаз, и т.д.

Теория аутопоэзных систем Франциско Варелы и Умберто Матураны развивает весьма сходные мотивы, стремясь дать универсальное определение жизни в связи с познанием [Maturana & Varela, 1980]. Так, аутопоэтическая организация, понимаемая как сеть процессов производства компонентов, используемых для поддержания процессов производства компонентов, может быть воплощена различным образом, что выражается в виде принципа структурной пластичности, по-своему понимающего множественную реализуемость. Главным критерием является способность системы поддерживать постоянную связь со средой, динамическое измерение которой раскрывает историю «взаимозависимого возникновения» системы и ее мира [Varela, Thompson, and Rosch, 1991, p.105-130].

Множественная реализуемость во втором смысле, когда одно и то же ментальное состояние реализуется вследствие работы различных физических состояний одной и той же системы, находит свое подтверждение в исследованиях нейропластичности. Так, Норман Дойдж приводит множество примеров того, как мозг со временем «переносит» исполнение важных когнитивных функций на новые участки с травмированных и более не функционирующих [Дойдж, 2011]. Карта мозга в ходе онтогенеза претерпевает существенные трансформации, связанные с индивидуальным опытом, а также травмами, что предполагает несводимость осуществляемых когнитивных функций к предлежащим им нейрональным процессам и механизмам. Даже в случае индивидуального человека одна и та же когнитивная функция реализуется вследствие работы различных участков обучающегося мозга.

Аналогично тому, как, согласно Куайну онтологическая относительность начинается дома, в привычном нам естественном языке, множественная реализуемость также начинается дома. Ведь, как пишет Теренс Хорган, "интенциональные ментальные состояния, которые мы приписываем друг другу, могут оказаться радикально множественно реализуемыми на нейробиологическом уровне описания даже у людей; более того, даже у индивидуального человека; более того, даже у индивидуального человека, учитывая структуру его центральной нервной системы в конкретный момент его жизни" [Horgan, 1993, p.308]. История нейропоэзиса – индивидуальной траектории развития мозга – представляет собой конкретизацию принципа множественной реализуемости, когда одна и та же система, соприкасающаяся с различными факторами среды во времени, способна исполнять одну и ту же когнитивную функцию посредством различных физических со-

стояний и процессов.

В этой связи программу энактивизма, которую я понимаю как включающую в себя теорию аутопоэзных систем, когнитивную теорию иммунных систем и собственно энактивную программу в когнитивной науке, предлагается рассматривать как разновидность функционализма, что, в свою очередь, позволяет интерпретировать его как продолжающее трансцендентальную программу, тематизирующую организационные инварианты познавательной деятельности разумных существ вне зависимости от специфики их воплощения.

Уже в кантовском философском проекте безличным агентом познавательных операций оказывается «Я, или Он, или Оно (вещь), которое мыслит» — абстрактный принцип, объединяющий поток представлений в нечто единое и сам не принадлежащий этому потоку. Важными для трансцендентальной философии являются формальные принципы и отношения, дедуцируемые из самой данности в опыте в качестве их «предельных оснований». При этом, как пишет Катрин Малабу, когда трансцендентальная философия стремится осмыслить жизнь, живое существо, она сталкивается с тем, что узловая категория причинности оказывается неприменимой к живой системе [Malabou, 2016]. Жизнь определяется способностью к целесообразному действию, наделяющему живую систему особым статусом в природе: организация живой системы оказывается лишь одной из множества возможных, но при этом она необходима для нее самой и для поддержания ее структурного сопряжения с миром. Живая система растет, развивается и умирает, что означает: когнитивная организация системы никогда не дана ей в готовом виде, будучи скорее результатом истории обучения системы в среде, ее освоения собственной когнитивной ниши.

Малабу предлагает называть это «эпигенезисом», заимствуя это понятие из § 27 «Критики чистого разума». Различие между универсальными, трансцендентальными принципами и их текучими, подвижными эмпирическими реализациями стирается; в свете же функционалистских рассуждений это означает, что, несмотря на признание множественной реализуемости идентичных ментальных состояний, абстрактные принципы должны прочитываться как изначально «охваченные» своей реализуемостью в живущих, растущих и развивающихся системах. Познаваемых миров существует столько, сколько существует способов активного «вдействования» системы в среду; иными словами, проживаемых в опыте реальностей есть столько, сколько существует способов реализации аутопоэтической организации.

Все это предлагается тематизировать как (1) развитие тезиса о материальной зависимости способов индивидуации агента от доступных в среде ресурсов, морфогенетическое «выращивание» агента «из» среды, и (2) рассмотрение зависимости когнитивной организации агента от наличных в среде интерфейсов, служащих продолжениями и внешними накопителями информации, рассеянными в среде. Данное соображение позволяет возразить на представление о четкости и определенности границ между, с одной стороны, наблюдаемой системой и ее средой, и с другой, наблюдающей системой и наблюдаемой системой в условиях пролиферации протоколов wideware и расширенного познания.

Таким образом переосмысленные границы между собственным телом и его техническими «инкорпорациями», а также доступные уже сегодня «практики выращивания невозможных тел» (как, к примеру, в романе Чарльза Строса «Акселерандо») позволяют выйти за рамки аутопоэтически определенной «структурной пластичности», выйдя в область гипер- и мета-пластичности, тематизированных представителями постгуманизма – такими, как Реза Негарестани и его кантианское прочтение функционализма.

Литература

1. Дойдж, 2011 – *Дойдж Н.* Пластичность мозга. М.: Эксмо, 2011.
2. Clarke, Hansen, 2009 – *Clarke B., Hansen M.B.N.* Introduction: Neocybernetic Emergence. // Emergence and Embodiment: New Essays on Second-Order Systems Theory. Ed. by B. Clarke, M.B.N. Hansen. Durham and London: Duke University Press, 2009. p. 1-25.
3. Horgan, 1993 – *Horgan T.* Nonreductive Materialism and the Explanatory Autonomy of Psychology. // Naturalism: A Critical Appraisal. Ed. by S. Wagner, R. Warner. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1993. p. 295-320.
4. Malabou, 2016 – *Malabou C.* Before Tomorrow: Epigenesis and Rationality. Malden, MA; Cambridge, UK: Polity Press, 2016.
5. Maturana & Varela, 1980 – *Maturana H. & Varela F.J.* Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dodrecht, Boston, London: D. Reidel Publishing Company, 1980.
6. Negarestani, 2015 – *Negarestani R.* Intelligence and Spirit. London: Urbanomic X Sequence Press, 2018.
7. Roden, 2015 – *Roden D.* Posthuman Life: Philosophy at the Edge of the Human. London and New York: Routledge, 2015.
8. Varela, Thompson, Rosch, 1991 – *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1991.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00117
УДК 82.1

НОВЕЙШАЯ ПОЭЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ: МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ТРАНСКОДИНГОМ

Анна Андреевна Родионова
Магистр
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматривается взаимодействие между поэзией и цифровой средой в связи с особенностями цифровой текстуальности. Для цифровой среды ключевым оказывается понятие транскодинга как параметра новых медиа, указывающий на параллельное существование в цифровой среде логики уже известных культурных кодов и новой алгоритмической компьютерной логики организации информации в цифровой среде. Текст, будучи частью цифровой среды, также следует этой двойной логике. Поэзия по-разному реагирует на новую среду: от тематизации до изменений в своей структуре. Различные формы функционирования поэтических практик и их встраивания в цифровую среду наблюдаются на протяжении всего периода активного распространения доступа к цифровым медиа. На примерах из текстов авторов последних двадцати лет в статье показаны различные модели контакта двух сред. При этом проводятся линии разграничения между структурной трансформацией текста и его механическим присоединением к техническим возможностям новых медиа. Также в статье говорится о поэтических репрезентационных стратегиях в цифровой среде. Автор статьи опирается на медиа-исследования Льва Мановича, работу о медиа-поэзии Эдуардо Каца и несколько литературно-критических работ о новейшей русскоязычной поэзии.

Ключевые слова: современная поэзия, цифровая среда, текст, медиа-поэзия, транскодинг.

CONTEMPORARY POETRY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TEXTUALITY: BETWEEN POETICS AND TRANSCODING

Anna Andreevna Rodionova
Master
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

This paper deals with the interaction between poetry and digital media due to the features of digital textuality. The concept of transcoding as a characteristic of the new media, turns out to be a key idea for the digital environment, pointing to the coexistance of well-know cultural codes and a new algorithmic computer logic of information management into the computer environment. Text as a part of the digital environment also follows that logic. Poetry reacts on a new environment differently: starting from thematization and ending with changing its structure. During the whole period of active access spreading to the digital media, one can observe different forms of functioning and embedding of poetry practices into the digital environment. The paper shows different contact models of those two media based on the examples of authors of the last twenty years. In this connection the lines of distinction are drawn between the structural transformation of the text and its mechanical attachment to the technical capability of the new media. The paper also says about poetic representative strategies into the digital environment.

The author of the paper relies on the media research of Lev Manovich, the famous work of Eduardo Kac and some literal-critical papers about contemporary Russian poetry.

Keywords: contemporary poetry, digital environment, text, media-poetry, transcoding.

Поэзия, как область культуры, не может не быть чувствительна к изменениям в общем культурном пространстве. Сейчас, как и после изобретения печатных станков и повсеместного издания книг, новая технология, способствующая изменениям отношений с информацией, не только влияет на поэзию извне как один из факторов меняющегося мира, но и оказывается способной размещать поэзию внутри себя. В разговоре об этом важно учитывать принципы цифровой среды, которые отражаются на тексте. Лев Манович вводит термин «новые медиа», чтобы обозначить явления, связанные с появлением цифровой среды. Один из существенных принципов новых медиа, которые он выделяет – это транскодинг [Манович 2018: 80]. Это понятие удерживает в себе представление о том, как устроены современные цифровые медиа. Они основаны на двух логиках одновременно: с одной стороны, это логика культуры, распознаваемая человеком (например, к изображению на экране все еще могут быть применены средства культурного анализа – его можно разложить на ряд мифологем и сем), а с другой стороны, к ним применима также логика организации информации, предлагаемая компьютером (изображение в этой логике – ряд пикселей).

Текст как экране попадает под влияние этой двойной логики не меньше, чем визуальные объекты.

Можно выделить несколько уровней текста, на которые оказывает влияние цифровая среда: 1) структурный уровень; 2) тематический уровень, 4) контекстуальный уровень (уровень создания текста и уровень репрезентации текста). При этом важно обращать внимание на то, что не любая поэзия, помещенная на экран компьютера, будет трансформироваться, но только та, которая учитывает культурный контекст последних десятилетий и рефлексирует свое присутствие в нем.

Самое первое отражение цифровой среды, как и любого технического новшества, можно обнаружить на тематическом уровне поэтического текста. Тематизация не предполагает глубокого знакомства с принципами работы нового явления, поэтому текстов с тематизацией технологии намного больше. Такие тексты могут иметь мало общего друг с другом в отношении структурной организации. В русскоязычной поэтической среде в 2000-х, во время начала повсеместного включения в цифровую культуру, упоминание реалий, связанных с цифровыми технологиями, появляется у многих поэтов, среди них – Александр Анашевич, Данила Давыдов (цикл «Проект литературного журнала в интернете»), Станислав Львовский, более поздние авторы – Андрей Черкасов, Денис Ларионов и др. Тематизация может при этом сочетаться или не сочетаться со структурными трансформациями поэтического синтаксиса и графики. Ряд текстов отличаются конвенциональной структурой, характерной для поэтической практики 1990 – 2000-х гг., но при этом в них упоминается тот или иной факт цифровой среды. Например: «правдой сохранённой на диске С», «имя моё www.izvinite.ru» [Вавилон 2000: 210]. Это связано со спецификой оперирования фактами внешней среды в поэзии 1990-х. Для ее интертекстуальности указание на факты цифровых медиа – это ссылка в ряду других культурных ссылок.

С точки зрения контекстуально существования текста важно, что распространение цифровых способов коммуникации отчасти пересоздало поэтическую среду. Появление крупных площадок для публикации, таких как «Вавилон», «TextOnly», «Полутона» и т. д., сайта «Литературная карта России», ряда цифровых двойников печатных изданий сосредоточило циркуляцию поэтических текстов и критики вокруг себя. Интенсификация общения привела к формированию эндемичных интернет-явлений в литературе.

Одним из следствий существования поэзии в цифровой среде стала возможность ее репрезентации в сети. Соседство рядом с поэтическим текстом других текстовых объектов заставляет воспринимать его совместно с ними, создает эффект пересобирающейся каждый раз книги. Однако помимо случайной комбинации возникают и намеренные. Распространение автоматической обработки данных, их перевод из одних форматов в другие – все это способствовало появлению поэзии, генерируемой машинным способом. Это поставило заново вопрос о субъекте в поэзии и отношением между автором и текстом. Такая поэзия родственна комбинаторной литературе, которую также называют литературой формальных ограничений. Как пишет Наталья Федерова о такой поэзии: “Введенное ограничение понимается как рецепт для витализации воображения, способ получения автором и читателем совместного удовольствия от игры” [Федорова, 2011, с. 7]. Развитие цифровой среды позволило реализовать подобные практики, основанные не только на ограничениях текста, но и на добавлении других медиумов к нему, например, в медиапоэзии. Тенденция к соединению текста с другими медиумами в рамках медиапоэзии также была вызвана дигитализацией. “Поликодовый характер человеческой коммуникации на современном этапе” [Чернявская, 2009, с. 90] и мультимодальный характер цифрового контента настраивает на восприятии текста в окружении элементов другой природы, не связанных с естественным языком. Приведем высказывание исследователя медиапоэзии Эрика Воса: “медиапоэзия – это новаторская поэзия, созданная и реализованная в среде новых коммуникационных и информационных технологий, при этом она не могла быть создана и реализована в других средах” [Кас, 2007, с. 200]. Таким образом, для этой поэзии принципиальна связь с условиями ее создания и репрезентации. Часто эти тексты зависят от действий пользователя. Например: поэтический проект «Sea and spar between», комбинирующий на экране в соответствии с алгоритмом тексты Эмили Дикинсон и строки из романа «Моби Дик».

Семантическая, графическая и структурная недоступность текста в медиапоэзии для печати без потери общего значения целого приводит к пересмотру понятия о знаке. Медиапоэзия и принцип гипертекста требует интерактивности, «общей ответственности автора и читателя», как об этом пишет Эдуардо Кац, и характеризуются дискретностью и нелинейностью текста. Актуальность инноваций в отношении канала коммуникации между автором, текстом и читателем зависит от формирования другой семантической оценки узнаваемых медиумов внутри художественного целого. Поэтому медиапоэзия – это лишь одна из реализаций влияния цифровой среды на поэтический текст.

Однако контекстуальная трансформация текста может быть социальной, а не технической. Например, в поэзии 2010-х гг. усиливается значимость контекстуальных особенностей поэтической репрезентации, которая позволяет использовать цифровую среду как определенное информационное пространство со своими законами ускорения передачи информации, использования алгоритмоцентричного текста (появляются массивы технического текста, который пишется, например, для перенаправления поисковых запросов), распространения вирусной информации («мемов»). С другой стороны, структурные трансформации текста радикализуются, так как цифровая среда предлагает все большую его атомизацию. Здесь важно отметить поэтические практики ряда авторов (Д. Герчикова, В. Гагина, В. Банникова). При общей разности поэтик эти авторы используют публикацию в сети не просто как ускоренный способ выхода к читателю, но и как определенную стратегию, работающую с коллективным опытом восприятия вирусного контента. Это меняет также структуру текста, которая становится более пластичной, допускает внедрение немонтажной цитатности, понятий-«тэгов».

Структурное изменение текста в цифровой среде касается, в первую очередь, синтакса, принципов повтора и сегментации текста. В русскоязычной поэзии мы находим примеры структурного влияния цифровой среды на довольно продолжительном временном отрезке. Например, уже Александр Анашевич заимствует лексику, характерную для текста, который мы можем наблюдать в связи с распространением компьютеров (названия клавиш). Он не включает ее в готовые синтаксические структуры, но позволяет лексике осуществлять логическую функцию по отношению к соседним фрагментам текста, создавая новые логические конструкции (пример: «Новый файл: Predposlednee Rojdestvo.txt») [Анашевич, 2001]. С внутренней трансформацией поэтического текста также работают авторы 2000-х: Ника Скандиака, Денис Ларионов, в текстах которых помимо простого упоминания фактов цифровой среды обнаруживаются структурные трансформации текста, созвучные тем трансформациям, которые приобретает экранная текстуальность. Это осуществляется через работу с дискретным, фрагментарным, вариативным текстом. При этом соединение частей может как следовать типичному для такой разрывности алеаторическому принципу, как у Ники Скандиаки, так и ускользать от него в сторону неслучайных, продуманных монтажных спаек, как у Дениса Ларионова. Цифровое здесь открывается еще и как новый опыт чувственности: например, взаимная уязвимость и сопроникновения внешнего и внутреннего в текстах Ларионова создает ощущение наложимого, пластичного, но фрагментарного виртуального пространства, которое позволяет говорить диффузными метафорами (например, «костный пейзаж в сшивающих воздух железных лесах») [Соколов, 2018]. У Ники Скандиаки подбор верного слова, открыто данный непосредственно в тексте (тоже результат письма в цифровой среде, где черновик в привычном смысле оказывается невозможным, но зато часты автоматически сохраняемые версии) превращается в разветвленную структуру, где из точки бифуркации исходят потенциальные варианты разворачивая текста, плодя его виртуальные призраки. Например: «океан [всепоглощающий], который – слух. [который – ухо] / артикуляторный слух, артикуляторное ухо [душа]».

Таким образом, новейшая поэзия находится в тесном контакте с цифровой средой. Распространение общения с помощью текста на экране перераспределяет как возможности эстетического использования факторов цифровой среды, так и коммуникативные стратегии авторов. В этом случае поэтический текст оказывается местом реализации экспериментальной работы с лингвистическими параметрами текста, которые пересматриваются из-за новых моделей сжатия информации, и одновременно формой сообщения, способы прагматического существования которого зависят от законов цифровых медиа.

Литература

1. Манович, 2018 – *Манович Л.* Язык новых медиа / Пер. с англ. Д. Кульчицкой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.
2. Ред. Кузьмин и Давыдов, 2000 – Вавилон: Вестник молодой литературы / ред. Д. Кузьмин и Д. Давыдов. Вып. 7 (23). М.: АРГО-РИСК, 2000.
3. Федорова, 2011 – *Федорова Н.* Вдоль и поперек: формы диалогизации слова в комбинаторной литературе // Транслит: литературно-критический альманах. Санкт-Петербург, 2011.
4. Чернявская, 2009 – *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность.Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Kac, 2007 – Kac E. (ed.). Media Poetry: An International Anthology. Bristol: Intellect Books, 2007.
6. Анашевич, 2001– *Анашевич А*. Неприятное кино [Электронный ресурс] // Вавилон. [2001]. URL: http://www.vavilon.ru/texts/anashevich2.html#11 (дата обращения 15.06.2018).
7. Соколов, 2018 – *Соколов И.* Предисловие к подборке Дениса Ларионова «Некто здесь я» [Электронный ресурс] // L5 [блог]. [2018]. URL: https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/dienis-larionov-niekto-zdies-ia (дата обращения 15.02.2019).

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00118
УДК 82.06

АНАХРОНИСТИЧНОСТЬ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В ИХ ПРАКТИКЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Евгений Евгеньевич Прощин
Кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Александр Юрьевич Колесников
Кандидат филологических наук, ассистент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье делается попытка рассмотреть практики репрезентации современных поэтических сообществ в контексте исторических предпосылок, свойственных именно отечественной литературе. Начиная с 18 столетия, когда русская культура отчетливо встраивается в парадиг-

му западно-европейской культуры, невозможно говорить, что она полностью ей уподоблена. Разрыв между аудиотактильностью и визуальностью сказывается в том, что понимание поэтического слова опирается не на его эксплицитные свойства, но связано с вниманием к лиминальным зонам, мотивировано внешним запросом и реакцией на него. Знаменательным следствием становится абсолютное доминирование индивидуальных поэтических практик, что препятствует становлению сообществ, которые, испытывая огромные трудности, отчасти смогли состояться только к началу 20 столетия, но так и не породили непрерывную традицию, которая могла бы иначе смодерировать литературный процесс в прошлом веке. Поэтому можно говорить о принципиальной анахронистичности и его симптомах, когда речь заходит о сообществах современных. В отличие от спекулятивно абстрактных понятий направления или объединения, сообщество обладает социальной реальностью. При этом практика современных сообществ демонстрирует частичную неспособность адаптации к актуальным вызовам, о чем свидетельствует и традиционность модернистского происхождения лозунга эстетического обновления, и наличие меланхолической травмы культурной памяти. Существенно не меняются и механизмы легитимизации деятельности, сконцентрированные на издании ее результатов. Вдобавок, акцент на упорядочивании своих элементов, стремление удержать контроль над полем литературы в его достаточно давно сложившейся конфигурации делает сообщества принципиально негибкими в ситуации доминирования горизонтальной культурной сетевой модели, и все указанные особенности говорят об архаичности современных сообществ, вопреки желанию их основных агентов представить свою деятельность как ультрасовременные, почти не имеющие аналогов в русской поэзии практики.

Ключевые слова: автореференция, акторно-сетевая теория, литературный процесс, поле литературы, поэтическое сообщество, современная поэзия.

ANACHRONISTIC STRATEGIES OF MODERN POETIC COMMUNITIES AND THEIR PRACTICE OF REPRESENTATION

Yevgeny Yevgenievich Proshchin
PhD of Philology Science, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Alexander Yurievich Kolesnikov
PhD of Philology Science, Senior Lecturer
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

In the article an attempt is made to consider the practices of representation of modern poetic communities in the context of historical prerequisites inherent in the domestic literature. Since the 18th century, when Russian culture is clearly built into the paradigm of Western European culture, it is impossible to say that it is completely comparable to it. The gap between audio-tactility and visibility is reflected in the fact that the understanding of the poetic word is not based on its explicit properties, but is associated with attention to the liminal zones, motivated by external demand and response to it. A significant consequence is the absolute dominance of individual poetic practices, which prevents the formation of communities, which, experiencing great difficulties, were partly able to take place only at the beginning of the 20th century, but did not give rise to a continuous tradition, which could otherwise moderate the literary process in the last century. In contrast to speculatively abstract notions of direction or association, the community possesses a social reality. At the same time, the practice of contemporary communities demonstrates a partial inability to adapt to current challenges, as evidenced by the traditional slogan of modernist aesthetic renewal and the presence of melancholic trauma to cultural memory. The mechanisms of legitimization of activity, concentrated on the publication of its results, do not change significantly either. In addition, the emphasis on streamlining its elements and the desire to retain control over the literary field in its rather longstanding configuration makes communities fundamentally inflexible in a situation where the horizontal cultural network model dominates, and all these features speak to the archaic nature of modern communities, despite the desire of their main agents to present their activities as ultramodern, almost unparalleled in Russian poetry of practice.

Keywords: auto-reference, actor-network theory, literary process, field of literature, poetic community, contemporary poetry.

В истории русской поэзии неоднократно реализуется любопытный сюжет, связанный со становлением, развитием и исчерпанием потенциальных возможностей того или иного поэтического сообщества. Это разговор не просто о самой эстетике, но понимании поэтического слова как своеобразной возможности воздействия не просто на искусство или даже культуру, а едва ли нена актуальное состояние общества. Слово неоднократно рассматривалось как феномен преимущественно эксплицитно активный, оно может быть связано с внутренними задачами литературы, но все время как бы «обрастает» дополнительными функциями,

внешними по отношению к самой поэзии.

Подобная ситуация начала складываться еще в XVIII столетии. Интересно, что в таких условиях на первый план выходит то начало, которое вслед за Маклюэном можно маркировать как аудиотактильную доминанту авторской референции: “Для человека устной культуры буквальное значение обладает полнотой, оно содержит все возможные значения и уровни”. [Маклюэн, 2003, с. 81]. В аудиотактильном мире “каждое слово само по себе есть поэтический мир, «мгновенное божество», или откровение” [Маклюэн, 2003, с. 23].

То есть вплоть до наступления «серебряного века» в отечественной поэзии за редкими исключениями доминирует тот тип автореференции, который манифестирует эксплицитную формулу творчества, мотивированную запросом извне и разнообразной реакции на этот запрос. Интересно, что принцип индивидуальной формулы обычно оказывается авторитетнее коллективных заявлений, и эту ситуацию не смогла скорректировать даже модернистская и авангардистская позиция начала XX столетия. Из-за событий 1910-х годов и смены политического режима в России так и не утвердилась культура поэтических сообществ, поэтому функционирование подобных феноменов в постсоветской ситуации парадоксальным образом напоминает логику индивидуальной референции, а не выработки коллективных конвенций. «Призрак» социальной значимости, некой сверхпозиции поэтического творчества давно и неразлучно с авторами разных поколений. Можно сказать, что «серебряный век» оказался в какой-то степени неспособным скорректировать данную уверенность. Поэтому конвенциальные модели поэтических сообществ, возникшие и возникающие за последние четверть века грешат все теми же анахронизмами, что сложились еще до XIX столетия.

Основными примерами анахронистичности можно назвать два симптома. Во-первых, это модернистское по происхождению требование обновлений. По-настоящему возникнув чуть более века назад и максимально обострившись в культурных кластерах авангардизма, это требование стало настолько привычным, что часто экстраполируется на искусство более ранних времен, тем самым принуждая его понимать именно как постоянно обнуляющее самое себя и выстраивающее еще более новые, критично актуальные конвенции. Тем самым авторское самоопределение модерируется не внутренним запросом, а находит поводы «со стороны», в каком-то смысле пребывает в модусе вечной необходимости реагировать на вызовы и менять свою конфигурацию, хотя речь идет не более чем о комплексе эстетического эгоцентризма.

Во-вторых, обсуждения требует и меланхолическая травма, ставшая явью в 19 веке, но последующие времена не смогли ее компенсировать принципиально иными решениями. Внешне такая травма противоположна требованию обновлений, потому что, ровно наоборот, поэт ищет себе то предшествование, которое и может его легитимизировать. Тем самым каждый раз автор или сообщество переизобретает свой генезис, и это объясняется не просто девальвацией концепта истории, которая так привычна для нашей страны, но и следованием архаической рецептуре передачи наследства не от «дяди к племяннику», а гораздо более прямолинейным способом. Характерно, что генезис неподцензурной поэзии 1950-70-х годов так же связывается с одновременным тяготением к новационным практикам, узаконенным через футуризм, и культурологической меланхолией акмеизма. Однако подобный перенос не решает проблемы, обозначенной в заголовке нашей статьи. Поэтому зададимся вопросом: почему актуальные поэтические сообщества при всех отличиях в эстетической или даже политической конфигурации проходят, по сути, один и тот же сюжет своего становления и развития?

Кажется, ответы лежат в плоскости принципиальной анахронистичности самой отечественной поэтической модели. Дело в том, что более привычные для западноевропейской литературной ситуации сообщества, что начинают складываться примерно во времена романтизма, так и не стали для России полноценной силой литературного процесса. Часто самим литературоведам приходится переизобретать некие художественные единства, но сама история дает слишком мало примеров считать подобное существующим. Конечно, культуртрегерские усилия Брюсова привели к тому, что в конце XIX века в России сложился поэтический символизм, и это дало эффект триггера для оформления акмеизма и разных изводов авангарда. Однако нелишне вспомнить, что начинал Брюсов с откровенной мистификации в сборнике «Русские символисты», да и говорить о принципиальной общности символизма первой волны не приходится. И вот тут возникает, что собственно для русской культуры может быть названо феноменом сообщества? В чем его параметры? Достаточно ли импульса самоопределения и существования в убежденности занятиями поэзией как осмысленной эстетической деятельностью? Или сообщество может обойтись предоставляемым ему полем разрешенной, официальной практики? Кажется, первая версия выглядит намного более убедительной, потому что манифестарное самоопределение сообществ в последние четверть века выразительно именно заявкой на свое «самостоянье» и (во многих случаях) оппозиционность существующим культурным, да и политическим контекстам. Однако хватает ли такого импульса, чтобы говорить о преодолении коллективного «проклятья», движении за пределы индивидуальных моделей автореференции, о чем говорилось в самом начале статьи?

В строгом смысле слова говорить о сообществе в применении к поэтической (и шире – литературной) практике можно начиная с тех изменений, которые были запущены на рубеже XVIII-XIX вв. и, как правило, связываются с таким явлением в истории литературы как романтизм. Представляется, что те объединения, которые имели место на более ранних этапах литературного процесса, едва ли носят характер именно сообщества, т.е. предполагают единство не столько эстетических принципов или географическую общность, сколько указывают на наличие определенной социальной связи особого характера между агентами этого процесса. С одной стороны, это вполне объяснимо тем фактом, что профессиональная литература в ее со-

временном понимании начинает складываться лишь в Новое время, ее появлению мы главным образом обязаны тем изменениям, которые происходят в литературном процессе во Франции к середине XVII века, о чем свидетельствует факт появления Академии [Фуко, 1994]. Со стороны другой, для перехода литературы в состояние, когда индивидуальная творческая деятельность оказывается непосредственно и окончательно включена в широкую сеть окололитературных – социальных – отношений, одной лишь профессионализации недостаточно.

Следует акцентировать внимание на том, что сообщество как таковое не связано с такими явлениями в истории литературы как направление, школа или даже объединения, поскольку все перечисленное связано с выявлением надындивидуальной общности не столько в устройстве социальных связей отдельных агентов процесса, сколько в собственно литературных – эстетических – основаниях подобной общности. Более того, не следует забывать о том, что понятие направления (и даже школы) является в значительной степени спекулятивной абстракцией, позволяющей удобно классифицировать литературный процесс, в то время как сообщество обладает вполне конкретной социальной реальностью.

Формирование сообщества генеалогически связано не столько с литературными объединениями и школами, сколько с салонной культурой, получившей широкое распространение в Новое время и на рубеже XVIII-XIX вв. оформившееся в нечто принципиально новое. Переходным примером здесь может служить ситуация, сложившаяся в раннем немецком романтизме, где эстетическое начинает обрастать широкой сетью социальных связей, которые, в конце концов, и приведет к появлению сообщества, первым примером которого может служить Франция 20-х гг. XIX в. (любопытно, что складыванию этой ситуации способствовала литературная борьба внутри французского романтизма, в которое социальное, политическое и эстетическое оказалось неразрывно связано между собой).

Таким образом, сообщество оказывается одним из частных случаев акторно-сетевой конструкции [Латур, 2006; Латур, 2013], таким, что, с одной стороны, позволяет избавиться от редукции к эстетическому, которая оказывается неизбежна в случае оперирования понятиями школы и направления, а с другой стороны позволяет расширить литературное поле, включив в него не только тех, кто занят непосредственным производством литературы, но и литературных деятелей в самом широком смысле этого понятия (начиная с критиков, заканчивая культуртрегерами, переводчиками, агентами влияния и т.д.).

Важнейшей функцией сообщества становится проявление результатов деятельности отдельных его агентов – иными словами легитимизация их деятельности. Механизмы подобной легитимизации, в то же время, кажется, существенно не меняются с момента появления самих сообществ, важнейшим инструментом которых на том этапе было издание результатов своей деятельности. Сообщество, таким образом, не столько упорядочивает элементы своей собственной сети, сколько регулирует механизмы добавления новых, занимается своего рода фильтрацией. Существенно, что, как и любая социальная сеть, сообщество стремится к поддержанию своей деятельности, т.е. не дает связям ослабевать, что привело бы к распадению сети на отдельные узлы. Сообщество, таким образом, стремится удержать поле литературы, проявляя отдельные его элементы и игнорируя то, что не укладывается в устоявшиеся социальные связи.

Сообщество не столько берет на себя роль цензора, сколько выступает в качестве машины упорядочивания и проявления. И ситуация существенно не меняется даже с внедрением в общественные отношения новых механизмов социализации, таких как Интернет или социальные сети. Более того, представляется, что сообщество вступает с этими механизмами в непосредственный конфликт, поскольку одним из результатов упорядочивающей деятельности сообщества становится наделение тех или иных его агентов / узлов большим или меньшим весом, Интернет же стремится к снятию всяких иерархий, в том числе социальных. Само стремление к сохранению сообщества, что может проявляется самыми разными способами, но чаще всего – простым переносом сложившихся механизмов в изменившееся социальное поле (когда печатные органы обретают свой Интернет-двойник и т.д.), свидетельствует если не о ностальгии по уходящим временам, то об архаичности самого сообщества, его неповоротливости, неспособности к изменению и адаптации.

Литература

1. Маклюэн, 2003 – *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, 2003. - 432 с.
2. Фуко, 1944 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. – 406 с.
3. Латур, 2006 – *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.–Петербурге, 2006. – 240 с.
4. Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт–Петербурге, 2013. – 414 с.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00119
УДК 82:329.285

POETIC TERRORISM И ПРОБЛЕМА СООБЩЕСТВА

Михаил Юрьевич Мартынов[35]
Кандидат философских наук, доцент
Чувашский государственный художественный музей

Статья посвящена рассмотрению особенностей радикальной стратегии «поэтического терроризма» (Poetic Terrorism) в контексте проблемы сообщества. Теоретическое обоснование этой стратегии было дано анархистом Хаким-Беем (Питер Ламборн Уилсон), который рассматривал ее в качестве способа изменения жизни отдельного человека через ситуацию эстетического шока. «Поэтический терроризм» является инструментом создания особых сообществ – «Временных Автономных Зон» (Temporary Autonomous Zone, или TAZ), которые представляют собой анклавы не-государственной свободы. Особенности «Временных Автономных Зон» анализируются автором статьи на примере акционизма поэтического коллектива Unbearables (1994–2000). Онтологические аспекты проблемы «сообщества» в контексте практик «поэтического терроризма» рассматриваются на примере проекта #колонка (2017) поэтессы и художницы Александры Киселевой. Небольшие бело-черные тексты собственного сочинения Киселева анонимно приклеивала на страницы популярных газет (Коммерсантъ, Metro, Огонек и др.), которые затем незаметно оставляла в качестве бесплатного экземпляра в различных общественных местах. Тексты Киселевой имеют непривычную для газет бело-черную ориентацию, и они не тиражируются. Эти (и другие) особенности позволяют рассматривать проект #колонка в качестве призыва к «сообществу» в условиях современной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: поэтический терроризм, сообщество, Временные Автономные Зоны, Хаким-Бей, #колонка, Александра Киселева.

POETIC TERRORISM AND THE PROBLEM OF COMMUNITY

Mikhail Yurievich Martynov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Chuvash State Art Museum

This paper addresses the peculiarities of the radical strategy of Poetic Terrorism in the context of the problem of community. The anarchist Hakim Bey (Peter Lamborn Wilson), who considered Poetic Terrorism to be a way to change the life of an individual through a situation of aesthetic shock, formulated the basic theoretical propositions on which this paper relies. Poetic Terrorism is a tool for creating special communities – Temporary Autonomous Zone (TAZ), which are enclaves of non-state freedom. The author analyzes the features of Temporary Autonomous Zones through the example of actionism in the poetic collective Unbearables (1994–2000). The ontological aspects of the problem of community in the context of the practices of Poetic Terrorism are considered through the poet Alexandra Kiseleva's #column project (#колонка, 2017). Kiseleva anonymously pastes her poetic texts into the pages of real newspapers and magazines (Metro, Kommersant, Ogonek, etc.) and leaves them in places of free-of-charge distribution. Kiseleva's texts have a strange white-black orientation and are not replicated or reproduced. These features allow us to consider the #column project as a call for "community" that is distinct from communication on the Internet.

Keywords: poetic terrorism, community, Temporary Autonomous Zone, Hakim Bey, #column, Alexandra Kiseleva, internet.

Термин «поэтический терроризм» (Poetic Terrorism, далее – ПТ) был предложен анархистом Хаким-Беем, который понимал под ним способ изменения жизни отдельного человека через ситуацию эстетического шока. В ПТ существенным является момент творческого хаоса, который воплощается в различных сопротивляющихся рынку и политике формах. Это, например, могут быть стихи в полицейских сортирах, «ксерокопии картин, заткнутые за дворники припаркованных автомобилей», «дикие пляски в коридорах круглосуточных компьютерных банков», анонимные письма без адреса и др. [Хаким-Бей, 2002, с. 40–41].

Хаким-Бей отказывается от традиционной медиумичной функции поэзии, и вообще не рассматривает поэтическое в связи с категорией знание. Для него поэзия – это широкая перформативная практика, связанная с риском, эросом и преступлением. "Если правители отказываются рассматривать поэзию как преступление, значит, кто-то должен совершать преступления, которые выполняют функцию поэзии, или текстов,

[35] Работа выполнена в рамках проекта Немецкого научно-исследовательского сообщества «Русскоязычная поэзия в транзите» (DFG-Kolleg-Forschungsgruppe „Russischsprachige Lyrik in Transition", FOR 2603).

обладающих резонансом терроризма” [Хаким-Бей, 2002, с. 57].

Террористическая функция поэзии обращена к социальной проблематике, и основной целью этой статьи является рассмотрение практик ПТ в контексте проблемы сообщества. Наш анализ будет ограничен двумя примерами: мы кратко остановимся на практиках ПТ поэтического коллектива Unbearables, а также рассмотрим проект #колонка Александры Киселевой.

ПТ является одной из стратегий создания особых сообществ – Временных Автономных Зон (Temporary Autonomous Zone, далее – TAZ), представляющих собой пространство, освобожденное от контроля государства, – это «анклавы полной свободы». При этом важно, что TAZ не является формой открытого политического противостояния. TAZ – это временный захват территории, предполагающий создание альтернативного стиля жизни, ненаблюдаемого государственными институциями. Это скорее тактика ускользания, чем открытой борьбы. В этом отношении Хаким-Бей больше “заинтересован в разрушительном моменте освобождения как таковом, чем в его социальных последствиях” [Bollen, 2012, p. 158]. Хотя требование «невидимости» обуславливает режимы закрытости TAZ, – «пространства свободы» должны быть видны только для сообщества друзей (affinity group), – на практике это требование не всегда соблюдается.

Например, практики ПТ поэтического коллектива Unbearables, одним из сооснователей которого был Хаким-Бей, активно обращены к порядку внешнего. Каждый сентябрь с 1994 по 2000 гг. этот коллектив устраивал поэтические чтения на Бруклинском мосту. В час пик поэты выстраивались на всем пути от Манхэттена до Бруклина и читали стихотворения короткими циклами, что позволяло прохожим слышать отдельные части каждого произведения и собирать их в конце пути в уникальное поэтическое целое [см. подробнее: Bollen, 2012, p. 162].

Включение внешних наблюдателей не позволяла TAZ оставаться однозначно автономной, – опыт собирания нового поэтического произведения происходил на границе внешнего и внутреннего, который не мог быть взят под контроль ни одной из сторон, – поэты не контролировали темп ходьбы пешеходов, от которого зависел состав поэтических фрагментов, а пешеходы не контролировали свое соучастие, свою включенность в событие в качестве слушателей. Здесь поэтическое выводится за собственные конвенциональные рамки и функционирует как элемент в сборке социального. Взаимодействие социального и поэтического в данном случае напоминает ассамбляжную структуру [Деланда, 2018], то есть структуру, в которой части не исчерпываются и не конституируются целым и функционируют с ним на равных.

В проекте #колонка (2017) поэтессы и художницы Александры Киселевой поднимается проблема «невидимого» сообщества. Формальная сторона этого проекта состояла в использовании не типичного для газетной и книжной продукции «белого» текста на черном фоне. Киселева анонимно приклеивала собственные небольшие бело-черные тексты на страницы популярных газет (Коммерсантъ, Metro, Огонек и др.), а затем незаметно оставляла их в качестве бесплатного экземпляра в различных общественных местах. Каждая акция была единичным событием, тексты не тиражировались.

Например, в одной из газет фигурировал следующий вклеенный фрагмент: «Маленькая политика – не кроха и не милаха. У маленькой политики есть рот, уши и глаза. Брови, ресницы. Следы от бритья? Маленькая политика видела мышь, у маленькой политики пальцы синий Кляйн, маленькая политика крутила хулахуп <…>» (См. подробнее: Александра Киселева #колонка. Газета «Коммерсантъ» (19.09.2017). Распространено в 1 экз. https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1606135139448057&set=a.1402481453146761.1073741829.100001547580542&type=3&theater).

На наш взгляд, кроме очевидной проблемы ангажированности текстов, распространяемых через средства массовой информации, проект #колонка содержит в себе еще одну немаловажную вопросительную интонацию, связанную с проблематикой сообщества (ненаблюдаемого сообщества – почти «неописуемого» или «непризнаваемого», согласно М. Бланшо). Объективно ее актуальность определена спецификой соотношения черного и белого цветов. В работе «О духовном в искусстве» В. Кандинский отмечает, что “внешне черное самая беззвучная краска, на которой поэтому всякая другая краска, как бы ни был слаб ее звук, звучит сильнее и определеннее. Не так, как на белом, на котором почти все краски мутятся в звуке, а некоторые растекаются совершенно, оставляя по себе слабый обессиленный звук” [Кандинский, 1989, с. 44–45; Фиртич, 2011, с. 140.].

Это наблюдение Кандинского сопоставимо с легендой о «юкагирском пламени», распространенной среди северных народов Сибири и объясняющей происхождение северного сияния. Согласно объяснениям Т.Р. Миллера, эта легенда связана с тем, что “юкагирские костры и очаги были столь многочисленны, что ночью они покрывали светящимися точками весь горизонт” [Симонова, 2008, с. 165]. Таким образом, «юкагирское пламя» позволяло юкагирам осознавать собственную «многочисленность», которая “становилась очевидной лишь в темное время суток” [Симонова, 2008, с. 165–166].

В контексте этой юкагирской логики использование черного цвета для текста и белого – для фона страницы в работах проекта #колонка можно интерпретировать как призыв к сообществу, – неочевидному и ненаблюдаемому. При этом, конечно, данный призыв обладает скорее качествами онтологического вопрошания о таком сообществе, чем конкретным инструментом для его построения.

Борис Гройс говорит о невозможности построения сообщества в Интернете, поскольку Интернет фрагментирует общественное пространство и разрывает любую общность. В Интернете хотя и существуют мощные механизмы горизонтального охвата, но они работают на основе виральных моделей, упрощающих любое взаимодействие и создающих иллюзию коммуникации [Гройс, 2016]. В этих условиях любое выска-

зывание, претендующее на коммуникативную ценность, должно предполагать сужение зоны циркуляции, – замедление, а не ускорение. Эти качества можно наблюдать в проекте #колонка, который обращен скорее к потоку сингулярностей, сознательной невоспроизводимости и немотивированной трате, чем к созданию моделей тиражируемого взаимодействия.

Литература

1. Гройс, 2016 – *Гройс, Б.* Конец общности. Борис Гройс о необходимости одиночества и рефлексии в искусстве. Беседа с Борисом Клюшниковым. 2016. URL: https://syg.ma/@inrussia/koniets-obshchnosti-boris-grois-o-nieobkhodimosti-odinochiestva-i-rieflieksii-v-iskusstvie
2. Деланда, 2018 – *Деланда, М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
3. Кандинский, 1989 – *Кандинский, В*. О духовном в искусстве (Живопись). Ленинград, 1989.
4. Пастуро, 2017 – *Пастуро, М.* Черный. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
5. Симонова, 2008 – *Симонова, В.В.* Холодный ноктюрн: антропология ночи эвенкийской деревни // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4.
6. Фиртич, 2011 – *Фиртич, Н.Г.* Свет и Тьма: К духовному видению цвета у Василия Кандинского и Казимира Малевича // Цвет в искусстве авангарда. Матер. междун. научной конференции. СПб.: ГМИ, 2011.
7. Хаким-Бей, 2002 – *Хаким-Бей.* Хаос и анархия. Революционная сотериология. М.: Гилея, 2002.
8. Bollen, 2012 – *Bollen, K.* Guerrilla Warriors on the Brooklyn Bridge: A Case Study of the Unbearables' Poetic Terrorism (1994–2000). Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik (ZAA). 60.2 (2012): 155–172.

УДК 165.021
DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00120

ЭЛЕКТРОННАЯ ТЕКСТОВАЯ КУЛЬТУРА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ «КВАНТОВОГО» МЫШЛЕНИЯ[36]

Ольга Александровна Шапиро
Кандидат философских наук, доцент
Воронежский государственный университет

Доклад посвящен взаимосвязи между трансформацией научно-популярного текста и типом мышления, который формируется у его адресата. Исходя из существующих исследований трансформации текстовой культуры и истории аргументации, автор выдвигает гипотезу, что переход к электронной текстовой культуре влияет не только на содержательные характеристики текстов, но и на специфику когнитивной деятельности субъекта. Это влияние реализуется в нескольких ключевых этапах: 1) клиповая культура влияет на формирование высших психических функций, и, в частности, формирует «клиповый» тип восприятия; 2) электронный текст, в том числе научно-популярный, конструируется с учетом этой особенности восприятия, и таким образом закрепляет ее; 3) «клиповое» восприятие приводит к формированию «квантовой» установки мышления, которая характеризуется нечувствительностью к противоречиям, недистрибутивностью рассуждений и зависимостью от факта наблюдения за субъектом когнитивной деятельности. При исследовании этой динамики автор обращается к методологии научной риторики, предложенной А. Гроссом, Дж. Харманом и М.Рейди для анализа развития жанра научной статьи, а также к эмпирическому исследованию с целью выявления прагматического потенциала текстов электронной текстовой культуры.

Ключевые слова: текстовая культура, научная риторика, критическая установка, клиповое мышление, квантовое мышление, научно-популярный текст, научный текст.

ELECTRONIC TEXTUAL CULTURE AS A CONDITION OF QUANTUM THINKING FORMING

Olga Alexandrivna Shapiro
PhD in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State University

The report is dedicated to the connection of popular scientific text transformation and thinking

[36] Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования "Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского" гранта №ВГ-25/18

type, which is shaped by its addressee. Based on existing research of textual culture transformation and history of argumentation, the author hypothesizes, that transition to the electronic textual culture influence not only text substantial characteristics, but also specific of subject's cognitive activity. The influence is realized with a few key stages: 1) clip culture influences higher psychical functions forming, and shapes clip type of perception; 2) electronic text (including popular scientific text) is constructed given this perception feature and thus confirms it; 3) «clip» perception leads to «quantum» attitude forming, which is insensitive to contradictions, obeys distributive axiom in reasoning and depends of the fact of cognitive activity subject observation. During this dynamics research the author takes methodology of a scientific rhetoric, which is proposed by A.G.Gross, J.E. Harmon and M.S. Reidy for the genre of scientific article development analysis; and also makes an empirical research for texts of electronic text culture pragmatic potential detection.

Keywords: textual culture, scientific rhetoric, critical attitude, clip thinking, quantum thinking, popular scientific text, scientific text.

Научное знание репрезентировано во множестве разноплановых текстов, формат которых менялся, следуя за развитием технологий. Однако только ли внешний вид, да еще принятая в конкретную историческую эпоху стилистика трансформируются с возникновением новых технологий?

Сегодня очевидно, что ответ на этот вопрос – отрицательный: смена текстовой культуры имеет множество импликаций. Наиболее известны в этой области исследования М. Маклюэна, связывающего развитие технологии с трансформацией человека – в том числе, со спецификой человеческого восприятия и его телесностью [Маклюэн, Фиоре, 2012; Маклюэн]. Исследования в области истории научной аргументации С. Тулмина [Toulmin, 2003] и С.С. Гусева [Гусев, 2015] демонстрируют, что содержательные характеристики текстов изменяются если не по причине, то по крайней мере одновременно с трансформацией публикационной технологии. Однако большая часть исследований подобного рода останавливается на «эпохе Гутенберга»; электронная текстовая культура удостаивается лишь небольших параграфов и представляет собой terra incognita в этом смысле. Противоположную ситуацию мы видим в исследованиях лингвистов и филологов: стилистика виртуальной коммуникации является сегодня популярным предметом исследований; всевозможные чаты, форумы и социальные сети оказываются щедры на яркие примеры для эмпирического анализа. Я буду иметь ввиду полученные в этой области результаты, однако буду подходить к анализу научного текста в рамках электронной текстовой культуры с позиций современной риторики науки; в частности, я буду использовать методологию А. Гросса, Дж. Хармона и М. Рейди, предлагающих оценивать трансформацию текста на основании трех его базовых параметров: стилистики, презентации и аргументации [Gross, Harmon, Reidy, 2002].

Я полагаю, что очередная смена типа текстовой культуры (от печатной к электронной) привела к трансформации не только способов фиксации и трансляции результатов научных исследований, но и к смене типа восприятия и мышления адресата научного и научно-популярного текста, а это требует теперь и подстройки самих текстов под указанные изменения.

Традиционно принято выделять два базовых типа мышления на основании доминирующей установки мыслящего субъекта: критический и догматический (см., напр., [Сорина, 2003]). При этом полагается, что научная деятельность требует, как условие своей успешной реализации, наличие у ученого критической установки; эта же критическая установка необходима для адекватного понимания научного текста и формируется, в том числе, благодаря восприятию текстов учебных и научно-популярных.

Сегодня в литературе все чаще встречаются термины «клиповое мышление» и «квантовое мышление». Я полагаю, что эти термины – различные названия одного и того же феномена; путаница в терминологии связана с тем, что при характеристике клипового и квантового типа мышления обращают внимание на разные их аспекты: «клиповость» является фактически состоянием восприятия, тогда как «квантовость» связана с особенностями рассуждения и принятия решений. Здесь я буду обращать внимание на клиповые характеристики адресата современного электронного текста. Я хочу показать, каким образом такое клиповое мышление формируется в результате возникновения электронной текстовой культуры и коммуникации, и что происходит с текстом (в том числе – научным), если его автор обращается к носителю «квантового» мышления.

Э. Тоффлер впервые начинает использовать термин «клиповость» по отношению к современной культуре; но достаточно быстро эпитет «клиповость» начинают применять по отношению к сознанию и/или мышлению. Клиповая культура представляет собой мозаику, коллаж из разнородных фрагментов, быстро сменяющих друг друга. Такая организация информационного потока предполагает постоянное переключение внимания между разнородными объектами, без возможности сопоставить между собой различные фрагменты информации или серьезно обдумать их возможные следствия. При этом в виртуальном пространстве внимание переключается непроизвольно, под воздействием внешних факторов – преимущественно рекламных баннеров и гиперссылок (если говорить о ресурсах типа сайтов-визиток); или же предлагает сразу ленту, состоящую из несвязанных между собой фрагментов (социальные сети, новостные ресурсы и пр.). Короткие блоки сообщений, между которыми читатель непрерывно переключает внимание, блокируют формирование устойчивого навыка удержания произвольного внимания, а также и привычку сопоставлять поступившую информацию. В результате произвольное внимание не формируется или разрушается, что в крайнем случае приводит к «болезни нашего времени» - СДВГ, но чаще просто к неспособности восприни-

мать длинные тексты и сложную аргументацию.

Сформировав своего читателя, текстовая культура теперь должна учесть его специфику при создании новых текстов. «Пионерами» в понимании того, что тексты теперь нужно писать по-новому, оказались маркетологи, создавшие понятие «продающий текст». Этот текст обладает целым рядом характеристик; среди них:

- необходимость формулирования «зазывного» заголовка;
- использование коротких лингвистических структур (предложений, абзацев);
- графическая организация текста (использование иллюстраций, различных шрифтов, маркированных списков);
- выделение и/или повторение ключевых положений текста.

Все эти техники призваны в том числе удержать внимание адресата (конечно, я привожу здесь далеко не полный список). При этом предполагается, что тексты, не соответствующие указанным требованиям, вообще не будут читаться (речь идет уже не только о текстах, целью которых являются продажи). Можем ли мы предположить, что научный текст со временем так же обретет форму текста продающего?

Эмпирические исследования демонстрируют, что по крайней мере научно-популярные тексты сегодня уже конструируются по тем же «продающим» принципам (см. [Рыскельдиева, 2018, с. 193-204]). Анализируя их на основании базовых параметров – стилистики, презентации, аргументации – с позиций выявления прагматической стороны текста (в семиотическом понимании термина «прагматика»), мы обнаруживаем, что адресат текста реагирует сегодня не столько на аргументацию, сколько на специфику презентации. Т.е. текст должен убедительно «выглядеть» – а не убеждать рационально. Примеры написанных соответствующим образом текстов сегодня представляют основную часть контента научно-популярных ресурсов (например, среди русскоязычных ресурсов мы можем назвать ПостНауку, Syg.ma, N+1 и пр.).

Казалось бы, это закономерный ответ на вызовы современности, когда авторы учитывают в своих текстах когнитивные особенности адресата. Однако научно-популярный текст, в отличие от текста развлекательного, несет в себе важную функцию формирования у своего адресата критической установки и научного типа мировоззрения. Научно-популярный текст электронной текстовой культуры, похоже, эту функцию оставляет без внимания, а вместо критической установки способствует формированию установки «квантовой», среди характерных особенностей которой – отсутствие потребности во внутренней непротиворечивости системы знания, недистрибутивность рассуждений (в частности, в ситуации принятия решений) и зависимость стратегий когнитивного поведения от факта наблюдения за субъектом мыслительной деятельности [Busemeyer, Bruza, 2012].

Таким образом, клиповая культура формирует клиповый тип восприятия; этот тип восприятия влияет на специфику создаваемых текстов, которые в свою очередь провоцируют возникновение квантового типа мышления.

У этого процесса есть отдаленные следствия. Непротиворечивость системы знаний лежит не только в основании и догматического, и критического типа мышления (в первом случае любая «входящая» информация сопоставляется с имеющейся догмой на предмет непротиворечивости; во втором случае при получении новых данных проводится ревизия всей системы знания с целью выявления ошибок и неточностей): логический закон противоречия является основанием дедукции как способа рассуждения. При отказе от него необходимо отказаться и от дедуктивных способов обоснования знания, на которых сегодня зиждется наука. Соответственно, возникает проблема трансляции научного знания адресату с «квантовой» установкой.

Напоследок хочу отметить, что собственно научный текст на сегодняшний день еще не претерпел столь серьезных изменений. Единственным симптомом «клиповости» в нем, по-видимому, можно считать гиперссылки. Но научный текст более консервативен, нежели научно-популярный, по причине его жесткой формализации, поэтому его электронная репрезентация пока что является скорее простым дублем печатной версии. Учитывая тот факт, что научный текст в узком смысле этого слова возник в эпоху Гутенберга, т.е. еще не переживал смену типов текстовых культур, сложно строить какие бы то ни было футурологические прогнозы на его счет.

Литература

1. Гусев, 2015 – *Гусев С.С.* Рациональность: истоки и эволюция // Философские науки. 2015. № 5. С. 42-50.
2. Маклюэн, 2015 – *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2015. 443с.
3. Маклюэн, Фиоре, 2012 – *Маклюэн М., Фиоре К.* Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ; Астрель, 2012. 219с.
4. Рыскельдиева, 2018 – *Рыскельдиева Л.Т.* Коммуникация и смысл в текстовой культуре / Л.Т. Рыскельдиева, О.В. Зарапин, О.А. Шапиро, Е.Г. Шкорубская. Симферополь: Ариал, 2018. 276 с.
5. Сорина, 2003 – *Сорина Г.В.* Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. 2003. С. 97-110.
6. Busemeyer, Bruza, 2012 – *Busemeyer J.R., Bruza P.D.* Quantum Models of Cognition and Decision. – New York: Cambridge University Press, 2012. - 407 p.

7. Gross, Allan, Harmon, Joseph, Reidy, Michael, 2002 – *Gross, Allan G., Harmon, Joseph E., Reidy, Michael S.* Communicating Science: The Scientific Article from the 17th Century to the Present. New York: Oxord University Press, 2002. 267p.
8. Toulmin, 2003 – *Toulmin S.* Return to reason. Harvard University Press, 2003. 243 pp.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «РОЛЬ БИО- И НЕЙРОХАКИНГА В СИСТЕМЕ НАУКА-ОБЩЕСТВО»

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00121
УДК 159.922

ФОРМУЛИРОВКА ПОНЯТИЯ СОЗНАНИЯ В РАМКАХ ПРАКТИК НЕЙРОХАКИНГА ПО «ПРОКАЧКЕ МОЗГА»[37]

Софья Всеволодовна Лаврентьева
Младший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

В данном докладе я бы хотела выделить основные характеристики, присваемые сознанию в рамках практик нейрохакинга. Сам термин нейрохакинг в настоящее время охватывает достаточно большой набор практик, различающихся по подходу. Часть из них сосредоточена на различных психологических и когнитивных приемах, часть адаптирует медицинские исследования. Среди них я хотела бы выделить и больше сосредоточиться на следующих практиках нейрохакинга: психологические приемы, игры для тренировки интеллекта, использование ноотропов и электростимуляция мозга в домашних условиях. Данные подходы, с одной стороны, можно противопоставить друг другу исходя из их соотношения с современной медициной. С другой стороны, рассмотрев их, мы можем увидеть достаточно полный обхват подходов к характеристикам сознания. Нейрохакеры не задаются целью исследовать природу сознания, но отслеживают те аспекты, которые нужно улучшить, чтобы сделать работу сознания более продуктивной. Идея продуктивности оказывает свое влияние на формулировки характеристик сознания. Выявление данных аспектов и их анализ может помочь нам увидеть какое понимание сознания формируется в практиках нейрохакинга и обозначить возможные лакуны.

Ключевые слова: нейрохакинг, сознание, психология, электростимуляция мозга.

THE WORDING OF THE CONCEPT OF CONSCIOUSNESS IN NEUROHACKING PRACTICES OF ‘BRAIN PUMP’

Sofya Vsevolovna Lavrentyeva
Junior Researcher
Institute of Philosophy RAS

In this report, I would like to highlight the main characteristics assigned to consciousness in the framework of neurohacking practices. The term neurohacking covers a large set of practices. Some of them focus on various psychological and cognitive techniques, and some adapt medical research. I would like to highlight and focus more on the following neurohacking practices: psychological techniques, games for training the intellect, the use of nootropics, and electrical stimulation of the brain. These approaches, on the one hand, can be opposed to each other in light of their relationship to medicine. If we examine them, we can see a rather complete coverage of approaches to the characteristics of consciousness. Neurohackers do not set out to explore the nature of consciousness, but they track the aspects of consciousness that need to be improved in order to make the work of consciousness more productive. Identifying these aspects and analyzing them can help us see what understanding of consciousness is formed in neurohacking practices and identify possible lacunae.

Keywords: nerohacking, consciousness, psychology, electrical brain stimulation.

В данном докладе я бы хотела выделить основные характеристики, присваемые сознанию в рамках практик нейрохакинга.

Нейрохакинг можно считать своеобразным ответвлением биохакинга, в котором люди самостоятельно ищут различные способы, помогающие воздействовать на мозг или нервную систему, в попытках сделать их более продуктивными.

Как и биохакеры, нейрохакеры экспериментируют над собой, сообщают о своих методах и делятся

[37] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00848

своими результатами. Нейрохакеры также отслеживают те аспекты сознания, которые нужно улучшить, чтобы сделать работу сознания более продуктивной [What is Neurohacking?, s.d.]. Собственно говоря, именно эти аспекты будут наиболее интересны для меня в понимании, о каком восприятии сознания мы можем говорить в рамках нейрохакинга. В связи с этим важно учитывать, что в условиях подобных практик подход к понятию сознания будет скорее нерефлексивным – нейрохакеры не задаются специально вопросом о том, что есть сознание. И как мы увидим, главную роль в формулировке характеристик сознания будет играть в первую очередь идея продуктивности.

Для начала обозначу, что сам термин нейрохакинг в настоящее время охватывает достаточно большой набор практик, различающихся по подходу. Часть из них сосредоточена на различных психологических и когнитивных приемах, часть адаптирует медицинские исследования. Среди них я хотела бы выделить и больше сосредоточиться на следующих практиках нейрохакинга: психологические приемы, игры для тренировки интеллекта, использование ноотропов и электростимуляция мозга в домашних условиях.

Данные подходы кажутся мне наиболее интересными, так как их, с одной стороны, можно противопоставить друг другу исходя из их соотношения с современной медициной. С другой рассмотрев их мы можем увидеть достаточно полный обхват подходов к характеристикам сознания.

Начнем с использования психологических приемов (речь идет, в частности, о корректировках поведения, с целью повлиять на сознание, о попытках контролировать мысли, чтобы изменить поведение и о использовании небольшие физиологические уловки, для изменения эмоционального состояния) [Янг, 2018, С. 141-167]. Шон Янг в книге «Привычки на всю жизнь…», описывая свои варианты психологического нейрохакинга рекомендует сосредоточиться на поведении и подсказывает некоторые физиологические приемы, но также упоминает и когнитивном нейрохакинге – когда нужно обратить внимание именно на контроле самого сознания, без внешних воздействий (человек рефлексирует свое поведение понимая как он мыслит и, меняя мышление, влияет на свое поведение.). По мнению Шона Янга, этот способ самый сложный, «потому что контролировать сознание нелегко», поэтому он советует обратиться к использованию физиологических уловок. [Янг, 2018, С. 141-167]

Таким образом получается, что самыми продуктивным методом оказывается именно физиологическое воздействие. Психологический подход к воздействию на сознание легче осуществить, контролируя тело, которое рассматривается как своеобразный пульт управления. С другой стороны, психологический нейрохакинг означает в первую очередь самостоятельную работу человека над самим собой, и не заставляет использовать дополнительное оборудование или медикаменты.

Часть практик нейрохакинга как уже было сказано выше связана с созданием игр. Как можно догадаться, здесь можно исключить телесный подход, который мы видим в случае психологического нейрохакинга. Есть фирмы, которые заметив возросший интерес к прокачке когнитивных способностей начали создавать и продавать игры для тренировки мозга – (например, компании Lumosity, PositScience и CogniFit). Речь идет о небольших упражнениях, не занимающих много времени. Помимо таких задач как тренировка памяти, внимательности и концентрации, они рекламируются как способ предотвратить возрастное снижение когнитивных функций или даже деменцию [Wexler, 2017].

Как мы видим, в отличии от психологических уловок, которые сосредоточены на получении мгновенного результата, здесь речь идет своего рода накоплении способностей. Игры должны улучшить сохранение когнитивных способностей, и подразумевают постепенное их усиление за счет ежедневных тренировок.

Электростимуляция мозга в домашних условиях стала популярной в конце 2011 года, когда непрофессионалы начали использовать устройства транскраниальной стимуляции постоянным током. Изначально данная технология использовалась для лечения последствий инсульта, депрессии, и нейродегенеративных заболеваний, но также выяснилось, что она может помочь улучшить когнитивные функции у здоровых людей (воздействие на определенные участки мозга может улучшить концентрацию, память и математические способности и также позволяет меньше времени тратить на сон, без потерь для организма). [Электростимуляция мозга: научные исследования вдохновляют биохакеров, 2016]. То есть электростимуляция мозга в противоположность вышеобозначенным подходам оказывается ближе к научным исследованиям и медицинским практикам. В основном электростимуляцией мозга в домашних условиях занимаются люди, для которых вопрос концентрации и улучшения памяти стоят на первом месте - так среди подобного рода нейрохакеров 37% являются менеджерам и 20 % студентами. [Hashemirad et al., 2016] Таким образом электростимуляция, как и ноотропы может использоваться для улучшения профессиональных качеств индивида.

Так мы увидели, что сознание можно усовершенствовать не только медикаментозно, но и технологически. В отличие от психологического нейрохакинга здесь, как и в случае с лекарственной стимуляцией человек оказывается зависим от внешних инструментов. Интересно, что сам аппарат изначально предназначался для лечения. Количественный подход к работе сознания здесь проявляется, наверное, даже больше, чем в других практиках нейрохакинга.

Подводя общий итоги вышесказанному я бы хотела обратить внимание также и на сам термин «нейрохакинг». Мне кажется, что в связи с поднятым вопросом о понятии сознания, «хакерство», изначально связанное с программированием, обретает новый символический смысл. Действительно, нейрохакеры предлагают обойти систему – и здесь речь идет не только о системе здравоохранения (засчет самостоятельного экспериментирования в домашних условиях) - также речь идет и о самом сознании. Оно в первоначальном его виде не работает на полную мощность, и не дает желаемый результат. Узнать, как конкретно построена

работа сознания не является основной целью нейрохакеров. Данные знания используются для того, чтобы «взломать» привычную работу сознания и создать свою версию – более эффективную.

Ориентация на физиологическое воздействие оказывается первичной в большинстве практик (кроме, пожалуй, тренировок в виде игр). И в практиках, опирающихся на медицинские исследования (таких как электростимуляция мозга и использование ноотропов) такой физиологический подход более чем понятен. Но как я отмечала, психологический нейрохакинг также стремится ко внешнему воздействию.

В связи с этим можно отметить двойственность к характеристикам сознания. С одной стороны, ясно, что нейрохакеры говорят в первую очередь о телесных воздействиях, и тут мы видим, что речь идет о конкретных особенностях человеческого сознания, и его переплетенности с физическими воздействиями. Проявления сознания и его развитие сводятся к определенным реакциям. С другой стороны, сознание рассматривается как своего рода универсальная машина, которая работает как нужно, в зависимости от настроек. Нейрохакеры видят сознание как определенную регулярную конструкцию, в которой тело можно использовать как кнопку – определенная последовательность нажатий дает необходимый вывод. Выделяя те аспекты сознания, которые, по их мнению, действительно нужны для продуктивности, нейрохакеры избегают ответа на вопрос о возможной «невидимой работе сознания». Между тем более углубленный и рефлексивный подход мог помочь понять, как именно работает чередование концентрации и наоборот расслабленное состояние, мог бы также породить практики, которые соответствовали бы духу нейрохакинга.

Литература

1. Hashemirad et al., 2016 – *Hashemirad F., Zoghi M., Fitzgerald P. B., Jaberzadeh S.*. The effect of anodal transcranial direct current stimulation on motor sequence learning in healthy individuals: A systematic review and meta-analysis // Brain and Cognition. 2016. 102. P. 1–12.
2. Wexler, 2017 – *Wexler A.* The Social Context of “Do-It-Yourself” Brain Stimulation: Neurohackers, Biohackers, and Lifehackers // Frontiers in Human Neurosciences Front. Hum. Neurosci. 2017. P. 224.
3. What is Neurohacking?, S.d. - What is Neurohacking? S.d. URL: http://wp.neurohacker.com/what-is-neurohacking/
4. Янг, 2018 – *Янг Ш.* Привычки на всю жизнь: Научный подход к формированию устойчивых привычек. М.: МИФ, 2018.
5. Электростимуляция мозга: научные исследования вдохновляют биохакеров, 2016 - Электростимуляция мозга: научные исследования вдохновляют биохакеров // Habr. 2016. URL: https://habr.com/ru/post/372473/.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00122
УДК 316.35

БИОХАКИНГ: DO-IT-YOURSELF ИЛИ SERIOUS SCIENCE?[38]

Кирилл Алексеевич Петров
Кандидат философских наук, доцент
Волгоградский государственный медицинский университет

Что такое наука? Какими ресурсами обладает социальная теория для определения ее границ? Еще недавно основной фокус исследований науки был направлен на рассмотрение ее сущностных, неизменных черт. Сегодня внимание теоретиков привлекают пограничные явления, такие, как биохакинг. Именно исследование того, как происходят процессы «вытеснения», некоторых форм деятельности на периферию научного знания, позволяет точнее определить контуры науки XXI века. «Биохакеры» - маргинализованое движение энтузиастов науки, в их деятельности соединяется альтруистическое желание содействовать развитию научного знания и политический активизм. Деятельность «биохакеров» оказывается связанна с распространением научных знаний и научного мировоззрения за стены университетов и лабораторий. Так, в сердце науки происходит так называемый participatory turn - поворот к участникам. Пассивная публика превращается в активных творцов самой науки. В собственных лабораториях биохакеры не только стремятся произвести валидное с научной точки зрения знание, но и создают новые типы коммуникации основанные на принципах открытости и ответственности. Эти hackerspaces оказываются центрами критики «старой» науки. В них появляются образцы того, что сами «биохакеры» видят в качестве демократической науки. Именно эта «демократизация» и этизация научной деятельности позволяет верить биохакерам, в то, что их деятельность выходит за рамки движения do-it-yourself и превращается в serious science.

Ключевые слова: биохакинг, do-it-yourself, проблема демаркации, наука.

[38] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-001-00848

BIOHACKING: DO-IT-YOURSELF OR SERIOUS SCIENCE?

Kirill Alekseevich Petrov
PhD in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State Medical University

What is science? Which resources does social theory have to define its boundaries? Earlier, the main focus of research in science was directed to the consideration of its substantial features. Nowadays, researchers' attention is attracted by borderline phenomena, such as biohacking. The study of «repression» processes of different forms of activity on the periphery of scientific knowledge allows us define borders of the science of the 21st century. "Biohackers" is a marginalized movement of science enthusiasts, their activity combines altruistic desire to promote the development of scientific knowledge and political activism. The activity of "biohackers" directed on the spreading of scientific knowledge and scientific outlook behind the walls of universities and laboratories. The so-called participatory turn takes place in the science. Passive public becomes active creators of science itself. In their own laboratories, biohackers not only seek to produce valid scientifically knowledge, but also create new types of communication based on the principles of openness and responsibility. These hackerspaces becomes the centres of critics of the "old" science. This "democratization" and ethization of science allows biohackers to believe that their activity goes beyond the framework of the do-it-yourself movement and turns into serious science.

Keywords: biochaking, do-it-yourself, science, demarcation.

Как сегодня происходит демаркация научного и ненаучного знания? Поиск ответа на этот вопрос выходит за рамки только теоретических размышлений. Понимание науки требует от исследователя пристального внимания к пограничным или даже маргинальным областям, в которых наука как систематически организованное знание сталкивается с тем, что традиционно воспринимается как «внешнее», «публичное». В качестве одного из наиболее интересных «пограничных» явлений, помогающих заново прояснить конфигурацию науки, можно назвать феномен «биохакинга».

При попытке определить границы биохакинга, исследователи сталкиваются с известными трудностями. На сегодняшний день восприятие «биохакинга» в отечественной культуре оказывается в значительной степени опосредованно штампами и клише заимствованными из массовой культуры. В общественном сознании биохакер – это, скорее, богатый «фрик» поглощенный идеей обретения личного бессмертия или создания очередной панацеи. Но и среди зарубежных исследователей зачастую можно встретить «романтическое» отношение к «биохакерам» - борцам с капитализмом или с проявлениями мужской, патриархальной культуры, мечтающим создать «свободную» и «открытую науку». Однако «хакинг» - понятие сложное. Vasilis Kostakis пишет, что «существуют различные типы хакеров: доброжелательный хакер в белой шляпе, который в духе [описаний] Уорка и Леви проводит эксперименты, изменяет, модифицирует, создает и/или участвует в коллективных проектах. Есть также хакер в серой шляпе, который имеет тенденцию играть морально неоднозначную роль. Кроме того, существует злонамеренный хакер в черной шляпе, который имеет преступные намерения, причиняет ущерб и/или крадет информацию» [Kostakis, 2014, p 2]. За исключение известной книги Delfanti «Biohackers. The Politics of Open Science» [Delfanti, 2013], понятие биохакинга в зарубежной исследовательской литературе встречается редко. Чаще в качестве синонима употребляется более широкое понятие Do-It-Yourself. По мнению Sara Giordano движение Do-It-Yourself связанно с распространением идей синтетической биологии: «Новая область синтетической биологии претендует на новый вид науки, основанной на обещаниях доступных лекарств, и демократичной, научной практики DIY. На основе геномных технологиях рекомбинантной ДНК, синтетическая биология использует инженерные принципы и аналогии с историей компьютерных инноваций, чтобы вдохновить новые поколения ученых - как внутри, так и за пределами университетов» [Giordano, 2018, p. 403]. В этом отношении DIY связывает энтузиастов науки, самостоятельно ищущих дешевые, основанные на открытом доступе к информации и технологиям способах решения актуальных научных проблем. Сторонники Do-It-Yourself – это в большей степени "любители" науки, в своей профессиональной деятельности они не связанны с «большой» наукой. Однако их активность, вовлеченность в обсуждение актуальных научных или этических проблем, а также потенциальные риски связанные с их деятельностью, заставляет по-новому взглянуть на саму границу науки.

Об участниках движения Do-It-Yourself можно говорить, как о тех, для кого научная деятельность превращается в своеобразное хобби, необязательное занятие. Создание небольшой домашней лаборатории, оказывается не просто попыткой "делать" науку самостоятельно. Сторонники Do-It-Yourself ощущают неудовлетворенность современным положением дел в науке, в которой только крупные корпорации и профессиональные ученые получают возможность работать с интересующими их проблемами, сама наука воспринимается ими как еще один способ дискриминации [Giordano, 2018, p. 402]. Как указывают некоторые феминистические исследования, сторонники Do-It-Yourself осознают собственную моральную миссию в науке. Сами их лаборатории или hackespaces [Kostakis, 2014, p 8], представляют собой пространство в котором они создают, с помощью которых транслируют новые ценности: ориентацию на коллективное действие; моти-

вацию к изменениям, даже в ущерб экономической эффективности; свободный доступ к информации. Так на сайте Do-It-Yourself содержится целых два “этических манифеста” биохакеров, принятых на европейском и американском конгрессах. Различие между ними минимальны, общим же является требование ответственности, экологичности, равного и свободного доступа к самим научным данным.

Как ни странно, большую часть исследователей биохакеров вопрос об эффективности их научной деятельности не интересует. Сама по себе этизация, демократизация науки является достаточным свидетельством в пользу того, что DIY – это нечто большее, чем простая наука. Как бы то ни было, невозможно однозначно ответить на вопрос, является ли биохакинг и Do-It-Yourself движением околонаучным, или оно представляет собой идеальный образец незаинтересованной, свободной, демократической науки будущего. Пока из множества проектов предложенных биохакерами ни один не получил достойного завершения. Однако наблюдение за феноменом биохакинга позволяет увидеть важнейшие трансформации произошедшие с самой наукой в последнее время. Вслед за известным исследователем науки и техники Шейлой Ясанофф можно назвать их ”participatory turn” [Jasanoff. 2003, - p. 235]. Просвещенная публика, на которую со времен Канта была обращена наука, перестает быть просто пассивной аудиторией. Публика под влиянием самой науки начинает создавать собственные лаборатории и менять образ науки. Граница научности проходит уже по тем режимам взаимодействия ученых и любителей, наиболее красноречивым примером которых является биохакинг.

Какие же возможны режимы или политики участия в науке? В статье «Is an FBI Agent a DIY Biologist Like Any Other? A Cultural Analysis of a Biosecurity Risk» [Tocchetti, Aguiton, 2015, p. 827] авторы пишут, как группа биохакеров в течение нескольких лет перешла на работу в ФБР, выполняя заказы связанные с оценкой биобезопасности. Soderberg и Delfanti проблематизируют эту возможность включенности групп биохакеров в деятельность крупных лабораторий или исследовательских организаций. Они спрашивают, на каких основаниях «горизонтальные» группы биохакеров могут быть включены в иерархические, вертикальные правительственные или «силовые» структуры? Продолжают ли они все еще быть «биохакерами»? При этом, Soderberg и Delfanti показывают, что несмотря на принятую биохакерами идеологию, логика биохакинка легко укладывается в общую логику развития капитализма описанную Болтански и Кьяпелло. Как известно, в конце 60-х годов «капитализму» удалось инкорпорировать в собственные политические институты культурную критику капитализма [Soderberg, Delfanti, 2015, p.5]. Soderberg и Delfanti пишут о подобных тенденциях, связанных с биохакинком: начинавшийся как протест и критика традиционного устройства науки, сегодня он становится частью этой самой либеральной «предпринимательской» науки.

Биохакеры стараются не просто создать новую этическую базу для научных исследований. Они видят ее в простейших принципах либеральной демократии и либеральной же экономики, связанной с идеей открытости и конкуренции. В этом смысле участники движениям Do-It-Yourself сами оказываются под прицелом той критики которую легитимировали. Так, в рамках постколониальных исследований, им ставится в вину некритическое восприятие идей либеральной демократии и экономики, поскольку последние являются не идеальной целью развития человеческого сообщества, но инструментом поддержания неравенства на глобальном уровне [Giordano, 2018, p. 409].

В сущности, сама по себе лаборатория биохакера, как отмечает Sara Giordano, выступает как политическое и этическое требование «собственного места». Создание лаборатории – это не только акт солидаризации с принципами DIY, но и политический манифест, требование более этичной науки. И хотя политические представления биохакеров колеблются от праволиберальных идей до лево-анархистской идеологии, основная цель биохакеров заключается в требовании всё большей демократизации науки. В деятельности биохакеров политический запрос практически невозможно отделить от этического, а научную программу от политического активизма. Именно поэтому, новая «свободная» наука оказывается, по их мнению, подлинной наукой. Биохакинг – это часть новой парадигмы развития науки, предполагающую большую степень вовлеченности «любителей» и «публики».

Литература

1. Delfanti, 2013. – *Delfanti A.* Biohackers. The Politics of Open Science. PlutoPress. 2013. P. 169
2. Giordano, 2018. – *Giordano S.* New Democratic Science, Ethics, and Proper Publics // Science, Technology, & Human Values. 2018. Vol. 43(3). P. 401-430
3. Jasanoff, 2003. – *Jasanoff Sheila*. Technologies of Humility: Citizen Participation in Governing Science // Minerva. 2003. Vol. 41 (3) p. 223-244.
4. Kostakis, 2015. – *Kostakis V. Niaros V. Giotitsas Ch.* Production and governance in hackerspaces: A manifestation of Commons-based peer production in the physical realm? // International Journal of Cultural Studies. 2015. Vol. 1. P. 1–19
5. Tocchetti, Aguiton, 2015. – *Tocchetti S. Aguiton A.* Is an FBI Agent a DIY Biologist Like Any Other? A Cultural Analysis of a Biosecurity Risk // Science, Technology, & Human Values. 2015. Vol. 40(5). P. 825-853
6. Söderberg, Delfanti, 2015. – *Söderberg J. Delfanti A.* Hacking Hacked! The Life Cycles of Digital Innovation // Science, Technology, & Human Values. 2015. Vol. 40 (5). P.1-6.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00123
УДК 168.53

ПОВЕСТКА БИОХАКИНГА В РУНЕТЕ[39]

Елена Константиновна Соколова
Независимый исследователь

В докладе на примере информационного поля рунета рассматривается международный феномен биохакинга, практики исследования и улучшения характеристик человеческого организма. На начальном этапе проекта, изучающего роль биохакинга в системе наука-общество, проведен предварительный анализ информационной составляющей феномена биохакинга в интернете, а также на эмпирическом материале намечены гипотезы о том, что подразумевается под биохакингом и под биохакерами в России. Цифровое поле предоставляет исследователю возможности количественных измерений и анализа контента, а также позволяет в динамике наблюдать процесс формирования коллективного понимания о том, что такое биохакинг, в публичном поле интернета. Таким образом, биохакинг представляется комплексным феноменом с точки зрения содержания конкретных практик, а также сообществ, которые в это вовлечены.

Главный биохакер рунета Сергей Фаге написал в своем личном аккаунте на Facebook: «Ты биоробот. Наблюдай свои программы. Перепиши те, которые тебе не нравятся» [Faguet, 2018]. В статье, вызвавший волну интереса к биохакингу, Фаге подробно рассказывает о своей системе биохакинга: гигиене сна, оптимальном питании, оптимальных физических нагрузках, ментальном здоровье, медицинских тестах, добавках и лекарствах – уточняя, что все блоки работают в комплексе [Faguet, 2017]. При этом обзор практик биохакинга в рунете показывает, что происходит размытие понятий, когда от подхода комплексных и относительно контролируемых интервенций биохакинг переходит в категорию здорового образа жизни в самом широком понимании. Биохакерами себя называют те, кто осуществляет практики биохакинга, что бы они сами под этим не подразумевали. Россияне привыкли брать ситуацию в свои руки и лечить себя сами [ФОМ, 2015], а здоровый образ жизни становится для них своего рода «новой религией» с коммерческим потенциалом [Медведев, 2019] – в этом смысле, почва для укоренения идеологии биохакинга достаточно плодородна.

Ключевые слова: биохакинг, биохакеры, улучшение человека, увеличение продолжительности жизни, здоровый образ жизни.

BIOHACKING AGENDA ON THE RUNET

Elena Konstantinovna Sokolova
Independent researcher

In this report I examine the international phenomenon of biohacking, a practice of human enhancement, on the runet (Russian-speaking internet). At this initial stage of a project studying the role of biohacking in science-society system, my objective is to conduct a preliminary analysis of the media component of biohacking and to come up with hypotheses about what is meant by biohacking and biohackers in Russia based on empirical data. The digital field provides opportunities for quantitative and content analysis and allows observing the dynamics of a collective understanding of biohacking in the public field of the Internet. Thus, biohacking can be considered as a complex phenomenon in terms of specific practices and communities involved.

Sergey Faguet, the most popular biohacker in Russia, wrote in his personal Facebook account: “You’re a biorobot. Observe your programs. Rewrite ones that you don’t like” [Faguet, 2018]. In the article, which caused a biohacking boom in Russia, Faguet explains his biohacking system in detail: it contains sleep hygiene, optimal nutrition, optimal exercise, mental health, medical tests, supplements and drugs – all blocks work together [Faguet, 2017]. Runet tends to blur this concept of biohacking from complex and relatively controlled interventions to a category of healthy lifestyle in its broadest sense. Everyone who practices biohacking (whatever it means to her) calls herself a biohacker. Many Russians are used to care of their own health themselves [FOM 2015], and a healthy lifestyle becomes a kind of “new religion” with a significant commercial potential [Medvedev 2019], which gives biohacking ideology fertile ground.

Keywords: biohacking, biohackers, human enhancement, longevity, healthy lifestyle.

В докладе представлены результаты исследования биохакинга в русскоязычном интернете. Целью было получение предварительного анализа информационной составляющей, а также составление гипотез о

[39] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00848.

том, что подразумевается под биохакингом в России, полученных на эмпирическом материале. В работе использованы инструменты поисковых платформ, социальных сетей, системы анализа данных. Принимая во внимание необходимость корректно интерпретировать результаты, был проведен ряд интервью.

Итак, что можно увидеть в сети относительно биохакинга?

По статистике поисковых запросов с октября 2017 года происходит резкий взлет интереса к биохакингу в рунете, который можно связать с выходом перевода статьи Сергея Фаге [Faguet, 2017], русского предпринимателя, живущего в США – и биохакера. Незначительный уровень поиска наблюдался и до этого, но именно медиа эффект Фаге увеличил поиск в десятки раз. Рост числа запросов продолжился в 2018 году, и в настоящее время интерес поддерживается на уровне 11 тыс. запросов в месяц – таким образом, биохакинг не стал «одним из» информационных поводов, о котором быстро забыли.

В интернете выясняют, что такое биохакинг, его принципы и проверенные способы, ищут книги, курсы, школы, конференции, клиники, а также – часто – истории конкретных людей. Главным биохакером рунета остается Фаге, к нему присоединился Дэйв Эспри, автор книги «Биохакинг мозга» [Эспри, 2018], в статистике поиска можно обнаружить отечественных врачей, экспертов и активистов. Вместе с биохакингом ищут препараты, диеты, детокс, ему близки темы улучшения качества жизни, борьбы со старением (антиэйдж) и трангуманизма.

На примере анализа медиа пространства рунета за месяц можно сделать некоторые выводы о том, где и в каких форматах происходит обсуждение биохакинга. Из более 1.5 тыс. публикаций 80% относятся к социальным сетям, 11% к цифровым СМИ, 8% к видео-форматам. Наибольшее количество публикаций отмечено ВКонтакте (688), второе место поделили Facebook (297) и Instagram (вкл. Stapico 290), на третьем месте Youtube (124). Система выдает статистику по регионам, сообществам, а также сами публикации, таким образом, можно понять, где в сети в настоящее время происходит живое обсуждение биохакинга, а также связать это с офлайн-параметрами.

ВКонтакте по ключевому слову выпадает 59 сообществ, есть несколько тысячников, а одна из групп, «Биохакинг 2.0», насчитывает 67 тысяч участников. Есть ресурсы, предназначенные для обмена информацией, и авторские, использующиеся для продвижения товаров и услуг. Тематические ресурсы часто используют «биохакинг» в названии, но связываются также с образом жизни, долголетием, диетами, болезнями, а иногда ¬с альтернативной медициной и эзотерикой. В результате наблюдении разнообразия подходов, возникают два фундаментальных вопроса: что именно подразумевается под биохакингом и биохакерами?

Что такое биохакинг?

В своем аккаунте на Facebook Сергей Фаге написал: «Ты биоробот. Наблюдай свои программы. Перепиши те, которые тебе не нравятся» [Faguet, 2018]. В статье, с которой начался информационный бум биохакинга, Фаге объясняет позицию более развернуто:

Мне хотелось стать более энергичным, здоровым, счастливым, уверенным, волевым и умным, улучшить настроение и концентрацию, а также продлить свою жизнь. Последние 4-5 лет я занимаюсь биохакингом тела и разума с помощью логики и научного подхода. Для этого я оптимизировал сон, питание и тренировки, прошёл через тысячи тестов, принял десятки разных препаратов и сотни добавок <…>, работал вместе с великолепными врачами, медитировал более тысячи раз, ходил к психотерапевту — и потратил на всё это примерно двести тысяч долларов. [Faguet, 2017]

В статье Фаге подробно рассказывает о шести блоках своей системы биохакинга: гигиене сна, оптимальном питании, оптимальных физических нагрузках, ментальном здоровье, медицинских тестах, добавках и лекарствах ¬¬– уточняя, что все блоки работают в комплексе. Важно не навредить себе, поэтому он придерживается методологии: проверяет научность и логичность тактики, мнения независимых экспертов (врачей), его интересует, стоит ли результат затрат, а также может ли он отслеживать метрики, связанные с тактикой. Речь идет об использовании медицины для здоровых: «можно улучшать способности здоровых людей до сверхчеловеческих» [Там же].

Понимание биохакинга в сети далеко не всегда такое полное и последовательное –практики для ума и тела, для здоровых и не очень, превенция, тюнинг, антиэйдж, продуктивность и т.п. Отмечается тенденция демократизации: то, что раньше принадлежало специалистам (врачам или спортсменам) или богатым людям, в некотором виде становится доступным всем. Многие практики осуществляются в режиме DIY, «сделай сам», что характерно для биохакинга [Delfanti, 2013]. Появляется «биохакинг для бедных» , популярный биохакинг: «у нас в сфере айти тема «биохакинга» очень сильно обсуждаема, погуглите» [вКонтакте, 2019] . При этом персонализация биохакинга обуславливает противоположный тренд: по мнению Сергея Фаге, «из-за такой персонализированной медицины разрыв между богатыми и бедными станет ещё больше» [Faguet, 2017].

Происходит размытие понятий, от комплексных и относительно контролируемых интервенций биохакинг переходит в категорию здорового образа жизни в самом широком ее понимании. Развитие ЗОЖ соответствует тому, что многие россияне привыкли брать ситуацию в свои руки и лечить себя сами [ФОМ, 2015]. По словам Григория Юдина, «здоровье и питание стали вторым, если не первым по частоте предметом досужих разговоров» [Медведев, 2019]. Почва для укоренения идеологии биохакинга в России достаточно плодородна.

Кто такие биохакеры?

Биохакерами себя называют те, кто осуществляет практики биохакинга, что бы они сами под этим не подразумевали. Но с другой стороны, как радикально выразился в интервью один из респондентов, в России нет настоящих биохакеров. Биохакинг по принципам Фаге стоит дорого и для него необходима определенная инфраструктура.

Можно выделить несколько ключевых групп, которые вносят свой вклад в повестку биохакинга. Ролевые модели биохакеров часто складываются на основании опыта американских бизнесменов-биохакеров. Кроме упомянутых выше Фаге и Эспри, можно отметить Рея Курцвейла, биохакера и трансгуманиста. В России есть свои трангуманисты: Михаил Батин, Алексей Турчин, Дмитрий Ицков и другие. Трангуманизм представляет разнообразные концепции радикального продления жизни [Bernstein, 2019], он отличается от биохакинга по целям и методологии, но некоторые трангуманисты также являются биохакерами. Роль экспертов в области биохакинга и продления жизни могут выполнять ученые, врачи, а также активисты. Интерес к биохакингу форсируется коммерциализацией, включая не только биомедицину, но и особый тип инфо-бизнеса, в котором участвуют как профессионалы, так и все желающие: активизм в биохакинге зачастую связан с предпринимательством [Delfanti 2012], провоцируя многочисленные вопросы о научности со стороны экспертов и массовой аудитории.

Риски биохакинга

Биохакеры тестируют препараты либо на подопытном материале (крысы, мыши), либо на себе. И вот эту часть сложно связать мотивацией к долголетию. С одной стороны, биохакер рискует здоровьем, с другой – получает шанс улучшить себя [вКонтакте 2019]

Некомпетентность самих биохакеров может усугубляться мошенничеством тех, кто пытается их учить, особенно в сети. Информация об «экспертах» часто нигде не проверяется. Еще одна проблема тестирования на себе заключается в научной (бес)полезности. Помимо сомнений в компетентности некоторых тактик Фаге, Батин продвигает на Facebook идею клинических испытаний и коллективных усилий: «Милые друзья, всем нам нужны клинические исследования. Нельзя на себе всё проверить за одни присест - быстро отправишься на тот свет. <…> От самопожертвования Сергея Фаге могла бы быть большая польза, если бы он объединился с другими людьми для осуществления клинических экспериментов терапий старения» [Batin, 2017]

В обсуждении на Facebook поучаствовали активисты и ученые, а также сам Фаге, который попросил предъявить анализы: «также призываю поделиться всеми своими маркерами. Если вы делаете правильнее, чем я, то это где-то должно быть видно, если мы стараемся быть объективными и основываться на данных» [Там же]. Пример открытого обсуждения свидетельствует о том, что процесс формирования коллективного понимания, что такое биохакинг, зачастую происходит непосредственно в сети. Биохакинг представляется комплексным феноменом с точки зрения содержания конкретных практик, а также сообществ, которые в это вовлечены.

Литература

1. Медведев, 2019 – *Медведев С.* Фитнес как религия // Радио Свобода. 2019. URL: https://www.svoboda.org/a/29901618.html.
2. ФОМ. Как россияне лечатся // ФОМ. 2015. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348.
3. Эспри Д. Биохакинг мозга. Проверенный план максимальной прокачки вашего мозга за две недели. М: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
4. Batin M. // Facebook. 2017 URL: https://www.facebook.com/MikhailBatin/posts/1706518732701357.
5. Faguet S. // Facebook. 2018 URL: https://www.facebook.com/sergef/posts/10104132396121843
6. Faguet S. Мне 32 года, и я потратил $200 тысяч на «биохакинг» // vc.ru. 2017. URL: https://vc.ru/future/26886-personal-biohacking.
7. Bernstein, 2019 – *Bernstein A.* The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019.
8. Delfanti, 2013 – *Delfanti A.* Biohackers: The Politics of Open Science. London: Pluto Press, 2013.
9. Delfanti, 2012 – *Delfanti A.* Tweaking genes in your garage: biohacking between activism and entrepreneurship», in Wolfgang Sützl, Theo Hug (eds.): Activist Media and Biopolitics. Innsbruck University Press, 2012. P. 163-177

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00124
УДК 167.7

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С НАШИМ МОЗГОМ? К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ НЕЙРОХАКИНГА[40]

Ася Алексеевна Филатова
Кандидат философских наук, доцент
Донской государственный технический университет

Теория пластичности мозга, получившая широкое распространение в современной нейронауке, сделала центральной идею о том, что «мозг - это работа». Философское осмысление последствий нейронаучного поворота указывает на параллелизм, который возникает между доминирующим социально-политическим порядком и взглядом на структуру головного мозга, и тем самым ставит под вопрос саму возможность существования свободной от экономических детерминант науки. Неолиберальная экономика с ее идей субъекта как саморазвивающегося, гибкого, ответственного актора активно эксплуатирует идею пластичности мозга, тем самым осуществляя легитимацию социально-экономического порядка через его натурализацию. В рамках данной статьи, на примере феномена нейрохакинга, мы пытаемся показать, какие противоречия неизбежно возникают при попытке интегрировать в практике две нормативные системы: с одной стороны, принцип личностного присвоения науки («do it yourself») и ее открытости; а с другой, требование вписываться в рыночные сети и капитализировать свои когнитивные ресурсы.

Ключевые слова: нейронаука, мозг, пластичность, гибкость, неолиберализм, когнитивный капитализм, наука, нейрохакинг, социальные риски.

WHAT SHOULD WE DO WITH OUR BRAIN? THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF NEUROHACKING

Asya Alekseevna Filatova
PhD in Philosophy, Associate Professor
Don State Technical University

The widespread theory of brain plasticity is based on the crucial idea that «the brain is work». Philosophical understanding of neuroscientific turn's consequences demonstrates the parallelism that exists between the dominant socio-political order and our view of cerebral structures and questions the very possibility of the existence of science free from economic determinants. The neoliberal economy, with its ideas of the subject as a self-developing, flexible, responsible actor, actively exploits the idea of plasticity of the brain, thereby legitimizing the socio-economic order through its naturalization. In this article, using the phenomenon of neurohacking as an example, we try to show which contradictions inevitably arise when trying to integrate two regulatory systems in practice: on the one hand, the principle of personal appropriation of science ("do it yourself") and its openness; on the other hand, the demands to fit into the market networks and capitalize on their cognitive resources.

Keywords: neuroscience, brain, plasticity, flexibility, neoliberalism, cognitive capitalism, science, neurohacking, social risks.

«Что нам делать с нашим мозгом?»: пластичность vs гибкость

В самом названии своей работы «Что нам делать с нашим мозгом?» К. Малабу задает весьма непраздный вопрос, который, по ее мнению, должен стать ключевым для каждого, кто осознал необходимость переконструировать себя в соответствии с новейшими стандартности субъективности. Данные стандарты, базирующиеся на последних достижениях нейронаук, предполагают полное и ответственное принятия того факта, что «мозг – это работа», что «мы – это и есть наши мозги». При этом самое главное открытие состоит в том, что наш мозг пластичен. Пластичность – это то, что придает нашему мозгу историчность, связывает его с нашим опытом, то, что в итоге делает нас уникальными. Пластичность сопровождает все наше существование: в начале обеспечивая формирование нейронных связей в эмбрионе и в раннем детском возрасте, далее способствуя их модификации под воздействием нового опыта на протяжении всей жизни, и вступая в игру в преклонном возрасте, обеспечивая возможность восстановления мозга после травм или нейродегенеративных заболеваний.

К. Малабу указывает диалектическую природу пластичности: «пластичность расположена между двумя крайностями: с одной стороны, понятный образ обретения формы (скульптурные или пластиковые

[40] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00848

объекты), с другой, то, что связано с разрушением всех форм (взрыв)» [Malabou, 2008, p. 5]. Противоречивую природу пластичности как «имманентной трансформируемости замкнутой тотальности» можно обнаружить уже у Гегеля. В современных нейронауках концепт пластичности становится ключевым при описании принципов организации нашего мозга и закладывает теоретические и практические основания для переопределения нас самих.

Почему же несмотря на мощнейшую популяризацию современной нейронауки, открытость и общедоступность ее последних достижений, повсеместному нейро-просвещению, факт, что мозг пластичен и связан с непрерывной работой над собой, не осознается нами до конца, почему мы остаемся «чужестранцами» для самих себя, почему концептуализация себя как «нейронного человека» не становится общепринятой? По какой причине пластичность мозга не принимается в той мере, в которой она позволила бы полностью переконструировать нас как политических, экономических, этических субъектов?

Игнорирование того факта, что «мозг – это работа», может иметь под собой разные каузальные основания: мы можем нивелировать нечто либо по причине неприемлемости, либо самоочевидности. Как утверждает К. Малабу, в случае с пластичностью, «открытие» не состоялось, поскольку нет никакого открытия. Пластичность давно вокруг нас, она не вызывает удивления, поскольку стала частью наших рутинных повседневных практик.

Здесь и происходит, по мнению К. Малабу, ключевая подмена, пластичность (plasticity) нашего мозга остается для нас закрытой, поскольку замещается своей идеологической копией – гибкостью (flexibility), той гибкостью, которая выступает конституирующим элементом современного неолиберализма. «Как мы могли не заметить сходство функционирования между данной экономической организацией и нейронной организацией? Как мы могли не исследовать параллелизм между трансформацией духа капитализма (между шестидесятыми и девяностыми) и изменением, произошедшим примерно в тот же период в нашем понимании структур мозга?» [Malabou, 2008, p. 41].

Эта удивительная симметрия стала одним из основных пунктов критики нейроцентризма с позиции критических теорий. И если К. Малабу пытается спасти пластичность, очистив ее от неолиберальных концепций «гибкого субъекта», то для большинства других авторов [см., например: Корсани, 2007; Pitts-Taylor, 2010] нет никаких убедительных оснований полагать, что в современных условиях мы можем помылить деполитизированную науку, дающую нам чистое, неискаженное экономическими интересами знание.

Натурализовать социальные и экономические категории, вывести «социальную связь из укоренения в порядке живого» [Болтански и Кьяпелло, 2011, с. 273], дать физиологическую метафору общества - одна из эффективнейших стратегий легитимизации политического порядка. Принцип «природа не ошибается» не теряет своего риторического потенциала. Неолиберальная логика мобилизации человеческих ресурсов и сетевой организации получает всестороннюю поддержку от современных нейронаук в виде теории пластичности и нейронных сетей.

Когнитивный капитализм: Я как предприятие по производству собственного мозга

Теоретики когнитивного капитализма (А. Горц, Я. Мулье-Бутан, А. Корсани и др.) констатируют парадигмальное смещение в развитии капитализма, связанное с переинтерпритацией базовых понятий, таких как капитал, товар, стоимость, производительные силы, эксплуатация и т.п. Прежде всего «новый дух капитализма» трансформирует классическое определение капитала: капиталом становится сам человек, который «должен сделать субъектом своего труда самого себя, т.е. обеспечить производство самого себя, постоянное самосоздание» [Горц, 2010, с.24]. Логика современного рынка в качестве главного субъекта предполагает «человека-предприятие», т.е. такого трудящегося, который возлагает на себя всю ответственность за собственную эффективность и конкурентоспособность, он должен быть способен взять на себя заботы о своем образовании, повышении квалификации, трудоустройстве, медицинском страховании. Когнитивный капитализм значительным образом нивелирует представления о фиксированном рабочем времени, социальных гарантиях и т.п., возлагая всю ответственность за рентабельность труда на самого работника. То, что нужно от человека – это его «живое знание», под которым А. Горц понимает целый спектр способностей: интеллект, душевную открытость, интерес, креативность, гибкость. Одна из главных «добродетелей» современного работника – способность брать на себя все риски.

А. Горц подчеркивает, что в рамках когнитивного капитализма мы имеем дело по преимуществу с нематериальными производством (производство знаний) и капиталом (собственно наши знания и когнитивные способности). Это имеет смысл, пока мы мыслим наше сознание как нечто идеальное, и не объективируем само «орудие производства». Однако картина приобретает несколько иное измерение, если обратиться к тому «повороту к материальному», который сегодня очевидно наличествует не только в гуманитарном дискурсе, но также во множестве разнообразных практик.

Натурализация сознания и когнитивных функций, приведшая в итоге к новой формулировке субъективности, которую Ф. Видаль именуют «brainhood» [Vidal, 2009], и которую можно более просто обозначить - «Я – это мой мозг», трансформирует и понимание когнитивного капитализма. Как пишет А. Корсани: «В когнитивном капитализме производится уже не столько товары, сколько- живое, жизни, тела, органы, а также формы жизни». И далее: «невоплощенность не означает дематериализацию. Напротив, когнитивному капитализму присуща глубокая вещественность, вещественность жизни и ее производства» [Корсани,

2007, с. 130]. Оптимизация и эффективность экономического производства предполагает теперь оптимизацию весьма материального объекта, более того, объекта, благодаря современным технологиям, визуализированного – человеческого мозга. Мозговой тюнинг – это уже не вопрос природной данности, случая, это объект Вашей заботы и Вашей ответственности.

Среди основных характеристик мозга, которые наиболее часто подчеркиваются в популярной нейронауке и просветительских медиа, это его гибкость и безграничность. Мозг – это неиссякаемый ресурс, биоценность. «Твое тело – это рогатка, твой мозг – это атомная бомба. Страшная суперсила, которой нет у других существ» .

Один из центральных сюжетов нейропросветительских бесед –неэффективность в использовании мозга. Мы ленивы, мы теряем те возможности, которые дает наш мозг, и это основная причина наших неудач и неконкурентоспособности. Поскольку мозг – это работа, то пластичность нашего мозга – это результат наших усилий. Есть ли в таком случае разница между безработным, не обладающим достаточной степенью гибкости и живущим на пособие по безработице, и страдающим болезнью Альцгеймера, вызванной недостаточной пластичностью мозга? Как отмечает К. Малабу, ответ на него становится все менее очевидным.

Неолиберализм делает мозг основным средством производства, поэтому улучшение мозга, повышение его эффективности становится пожизненной задачей каждого человека. Вопрос в том, какие ресурсы мы используем для работы над собой и можем ли в погоне за пластичным мозгом выйти из-под влияния традиционных институтов власти: фармакологических компаний, системы здравоохранения, научно-исследовательских институций и т.п.

Парадоксальная природа нейрохакинга

В первом томе «Капитала» К. Маркс цитирует У. Томпсона: «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука вместо того, чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему… Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» [цит. по: Горц, 2010, с. 27]. Проблема капиталистического и «личного» присвоения науки, поставленная К. Марксом, становится одной из наиболее актуальных, когда мы говорим о такой капиталистической биоценности, как мозг. Внутреннее противоречие между необходимостью субъективной работы над собой и капитализацией инструментариев этой работы наиболее ярко проявляется в феномене нейрохакинга.

Нейрохакинг представляет собой разновидность биохакинга, которая фокусируется на нейроинженерии, т.е. различных методах улучшения или восстановления работы головного мозга. С одной стороны, нейрохакинг предстает как квинтэссенция «нейроцентрической» неолиберальной идеологии, поскольку доводит практически до предела идею церебрального субъекта, рационального актора когнитивного капитализма, берущего под контроль собственную пластичность. С другой стороны, исповедуя принцип «do it yourself», выступает против диктата традиционных экспертных институтов, которые, по словам И. Иллича, лишают нас дееспособности. Задача нейрохакеров - путем самостоятельного изучения последних достижений науки выработать собственные инструменты нейро-улучшения, среди которых: применение ноотропов («smart drugs», «cognitive enhancers»), транскраниальное магнитное стимулирование головного мозга, а так же разного рода психотехники, медитация, правильное питание, физические нагрузки и т.п.

В определенном смысле нейрохакинг представляет собой ту форму личного освоения науки, которая призвана вернуть отчужденный системный мир формально-абстрактного научного знания в лоно живого опытного знания, в виде, например, гаражной науки. Однако даже самый поверхностный анализ указывает на целый ряд проблем связанных со столь романтичным толкование нейрохакеров как борцов за открытое и доступное пространство научных знаний. Во-первых, мы повсеместно сталкиваемся с капитализацией самого нейрохакинга, который превращается в прибыльный и расширяющийся рынок. Во-вторых, нейрохакинг несет в себе огромные социальные риски, связанные с непрофессиональным использованием высокоспециализированных знаний.

Литература

1. Болтански, Кьяпелло, 2011 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 976 с.
2. Горц, 2010 – *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
3. Корсани, 2007 – *Корсани А.* Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. 4. С. 123-143.
4. Malabou, 2008 – *Malabou C.* What Should We Do with Our Brains? New York: Fordham University Press: 2008. 96 p.
5. Pitts-Taylor, 2010 – *Pitts-Taylor V.* The plastic brain: Neoliberalism and the neuronal self // Health. 2010. 14(6). P. 635–652.

6. Vidal, 2009 – *Vidal F.* Brainhood, anthropological figure of modernity // History of the Human Sciences. 2009. Vol. 22(1). P. 5–36.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00125
УДК 168.53

ЗНАНИЕ-ЧТО, ЗНАНИЕ-КАК И «ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» БИОХАКИНГА[41]

Сергей Юрьевич Шевченко
Младший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук

Предлагаемый представителями вне-академических исследовательских сообществ проект «открытой науки» предполагает радикальное изменение норм распространения научного знания, то есть совершение не научной, а эпистемологической революции. Разработанное Райлом различение знания-что и знания-как используется нами для анализа эпистемологических представлений биохакеров. Если публичный характер знания-что не вызывает эпистемологических затруднений, то в случае знания-как открытый доступ можно обеспечить лишь к его пропозициональной составляющей. Она может быть выражена как ответ на вопрос «Каков наилучший способ сделать нечто?». Однако, согласно Виггинсу, знание-как может предполагать определённые умения, а также способность применить их с учетом знания некоторых «локальный особенностей». Такое понимание знания-как способно разрешить основное противоречие проекта «открытой науки» - между открытостью доступа к знанию и желанием извлекать выгоду из исследования. Последняя извлекается в силу умений и способностей применять знания о «локальных особенностях» ситуации, в которой достигается необходимый результат. Кроме того, представленное понимание знания-как предполагает ориентацию на меритократические критерии при определении социальной роли эксперта, что согласуется с общим характером «хакерской этики».

Ключевые слова: биохакинг, патентование, открытый доступ, хакерская этика, эпистемологическая революция, экспертиза.

KNOWLEDGE-WHAT, KNOWLEDGE-HOW AND THE BIOHACKING ‘EPISTEMOLOGICAL REVOLUTION’

Sergey Yurevich Shevchenko
Junior Research Fellow
Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

The project of ‘open science’ proposed by representatives of extra-academic communities implies a radical change in the norms of distribution of scientific knowledge. This project suggests the ‘epistemological revolution’ rather than a scientific one. We use Ryle’s distinction between knowledge-what and knowledge-how to analyze the epistemological imginaries of biohackers. If the public nature of knowledge-what does not cause epistemological difficulties, in the case of knowledge-how anyone can provided open access only to its propositional component. This component can be expressed as an answer to the question ‘What is the best way to do something?’. However, according to Wiggins, knowledge-how may imply certain skills, as well as the ability to use them, taking into account the knowledge of some ‘local features’. Such an understanding of knowledge-how is capable to solve the basic contradiction of the ‘open science’ project – between an open access to knowledge and the desire to benefit from research. Benefit is extracted through applying the skills and abilities to utilize knowledge of the “local features” of the situation in which the desired result is achieved. In addition, the presented understanding of knowledge-how fits a focus on meritocratic criteria in determining the social role of an expert, which is consistent with the ‘hacker ethics’.

Keywords: biohacking, patenting, open access, hacker ethics, epistemological revolution, expertise.

«Наука 2.0» или «открытая наука» - так обозначают свои эпистемологические ориентиры представители разнообразных исследовательских сообществ, не принадлежащих к академическому мейнстриму. Термин «наука 2.0» призван продемонстрировать разрыв с этическими и правовыми нормами «когнитивного капитализма», фрагментирующего науку вопреки сформулированному в середине XX века Робертом Мёртоном принципу коммунизма научного знания [Delfanti, 2013, p. 6-8]. Представители внеакадемических ис-

[41] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00848

следовательских сообществ во многом разделяют идеалы «хакерской этики», особенно в той её части, которая признает научное знание общественным благом. Такое признание обозначает поле наиболее сильной конвергенции «хакерской этики» с классическим (мертоновским) научным этосом. В остальном такие сообщества серьёзно различаются как в понимании целей и ценностей науки, так и в вариантах артикуляции разделяемых ими ценностей. Представители биохакинга усвоили и развили начавшую формироваться 1950-70-е годы этику компьютерных хакеров, сформулировав свои представления о динамике распространения научного знания [Delfanti, 2013, p. 12-13]. Собственно, «открытая наука» и «наука 2.0» предполагают радикальный поворот в сфере нормативности распространения научного знания, которую мы предлагаем называть «эпистемологической революцией» для различения с научной революцией или сменой парадигм. Ведь в гораздо меньшей степени «открытая наука» предполагает определённое эксплицитное видение «социального контракта» науки и общества. Представления о социальных ролях исследователя могут быть раскрыты лишь в контексте декларируемой эпистемологической революции – смены «эпистемологической политики» в эпоху «когнитивного капитализма».

В то же время развиваемые биохакерами представления об эпистемологической политике, сформированные на основании этики компьютерных хакеров, несут в себе внутренние напряжения и конфликты. Представляется, что именно в сообществах биохакеров эти напряжения достигают значительной остроты. Прежде всего они касаются двух взаимосвязанных вопросов:

1. Какое именно научное знание открыто в рамках «открытой науки», и что предполагает эта открытость?

2. Каким образом декларируемые режимы доступа и пользования открытого научного знания меняют социальные роли эксперта или ученого?

Рассматривая первый вопрос, стоит сразу признать, что декларируемая открытость предполагает свободный доступ к научным публикациям. В результате значительно возрастает удобство работы исследователей, а главное ослабляются мотивы обязательной институциализации исследовательских сообществ. Однако отмена необходимости пользования университетской библиотекой ещё не означает переход к новому формату развития науки или к новой динамике научного знания. Публичное становится ещё более публичным. Несколько сложнее выглядят отношения сообществ биохакеров к патентному праву и соблюдению коммерческой тайны инновационных технологий или их компонентов. С одной стороны, ими декларируется открытость всей науки, а с другой – утверждается независимость исследователей от единого источника финансирования, что предполагает их способность извлекать прибыль из результатов своих исследований. В этой связи показательна эволюция взглядов известного предпринимателя, работающего в сфере биотехнологий, Крейга Вентера. Во время гонки частного коммерческого и международного «академического» проектов по расшифровке генома человека Вентер возглавлял первый из них. В этот период (в конце 1990-х – начале 2000-х годов) Вентер активно занимался патентованием отдельных последовательностей ДНК. Однако уже в середине 2000-х он стал активным сторонником открытого доступа к генетическим базам данных, сформировав одну из них по результатам другого своего исследования [Delfanti, 2013, p. 84-86]. Наличие такой открытой экосистемы доступа к научным данным – в том числе к описанию конкретных биотехнологических приёмов, предполагает, что исследовательские коллективы извлекают прибыль только из работающих технологических прототипов.

В эпистемологическом плане переход к «открытой науке» предполагает различение «знания-что» и «знания-как». Знание-что, воплощенное в публикациях, излагающих научные факты, несомненно признаётся открытым и публичным, издержки доступа к нему должны быть минимальны. Более сложны нормативные рамки динамики «знания-как», позволяющие сочетать открытость с независимым характером исследований и их потенциальной прибыльностью для самих исследователей. Этот аспект, декларируемой биохакерами эпистемологической революции, нуждается в прояснении различения и понимания «знания-что» и «знания-как».

Наиболее детально отличия этих видов знания были рассмотрены Гилбертом Райлом. Он рассматривал смешение знания-что (знание о некотором факте) и знания-как (сделать что-то) в качестве наиболее распространенной ошибки интеллектуалистов, которые «в любом знании видят рассмотрение истинных пропозиций» [Ryle, 1945]. По Райлу эти два вида знания представляют две различных способности ума (powers of mind), что однако не означает, что эти способности не могут активироваться совместно. Наиболее подробные возражения против такой позиции предложили Джейсон Стэнли и Тимоти Вилльямсон. По их мнению, знание-как все равно представляет пропозициональное знание. Ведь, отвечая на вопрос «Как может некто V?» (где V поставлено вместо «сделать что-то конкретное»), агент демонстрирует знание истинных пропозиций, содержащих этапы конкретного действия [Stanley and Williamson, 2001].

Рассматривая эту дискуссию, философ из Оксфорда Дэвид Виггинс разрабатывает двухкомпонетную модель знания-как. С одной стороны, она включает способность дать ответ на вопрос «Как может некто V?» без того, чтобы иметь актуальную возможность V. С другой стороны, есть отличное от этого знание, которое может быть выражено в ответе на вопрос «Как некто смог V?». Этот второй компонент знания-как предполагает, что если агент обладает физическими возможностями для V, желанием сделать это и положение дел не исключает V, тогда агент совершит V. Для иллюстрации двух аспектов знания-как Виггинс использует различия в значениях глаголов «знать» и «уметь» в русском языке [Wiggins, 2012, pp. 123-124]. При этом понимание знание-как у Виггинса не ограничивается простым суммированием знаний и умений агента. Это сочетание Виггинс демонстрирует, обращаясь к мифу о Геро и Леандре. Леандр, юноша из Аби-

доса, влюбленный в жрицу Афродиты, живущей в Сесте по ночам переплывал Геллеспонт (Дарданеллы), разделяющий Абидос и Сест. Леандр умел плавать и при этом знал, где расположен Сест. Но кроме того, он знал, что в проливе есть сильное течение, на которое ему нужно сделать поправку, для того, чтобы доплыть до Сеста, ориентируясь на зажжённый Геро огонь. Леандр объединил эти локальные знания и его навыки пловца, и благодаря этому обладал знанием-как. Последнее, по Виггинсу, неотделимо от агента знания.

Возвращаясь к рассмотрению эпистемологической политики открытой науки, можно сказать, что декларируемая открытость знания-как касается (и может касаться) лишь пропозициональной его части. То есть – продолжая аналогию с мифом о Геро и Леандре – всеобщий доступ обеспечивается лишь к знанию о географии Дарданелл, а не к умению плавать, а главное – к знанию, как сочетать это умение со знанием «локальных особенностей» его применения.

Теперь обратимся ко второму из поставленных вопросов – о социальной роли эксперта и ученого. Наиболее известные представители программы STS, предложившие свое понимание экспертизы, Гарри Коллинз и Роберт Эванс считает наличие определённых «физических» умений (skills) знаком принадлежности к экспертному ядру («контрибуционной экспертизы»). Входящие в него ученые, как и эксперты более низкого, но не последнего, ранга (представители «взаимодействующей экспертизы») владеют языком науки и обладают определённым знанием-что [Collins and Evans, 2007, pp. 13-16]. При этом, по Коллинзу все виды артикулируемы и моделируемы. Даже умение плавать или кататься на велосипеде – не говоря уж про постановку лабораторных экспериментов – переводимо в форму математической модели. Если принять его позицию – благодаря открытому доступу к таким моделям и знанию научных фактов, любой становится экспертом через пользование этими ресурсами. Однако, если принять позицию Виггинса, важным компонентном знания-как является способность связать умения со знанием о локальных особенностях ситуации. Это умение приобретается благодаря открытому доступу к знанию, но не ограничивается активным использованием этого доступа. Такое понимание знания-как и его роли в приобретении экспертного статуса вполне согласуется с меритократическими интенциями хакерской этики [Levy, 1984, pp. 30-36].

Литература

1. Collins and Evans, 2007 – *Collins H. M. and Evans R*. Rethinking Expertise. University of Chicago Press, 2007. 160 p.
2. Delfanti, 2013 – *Delfanti A. Biohackers.* The politics of open science. London. Pluto Press, 2013. 158 p.
3. Levy, 1984 – *Levy S.* Hackers: Heroes of the Computer Revolution. Anchor Press/Doubleday, 1984. 464 p.
4. Ryle, 1945 – *Ryle G*. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Vol. 46. P. 1–15
5. Stanley and Williamson, 2001 – *Stanley J. and Williamson T*. Knowing How // Journal of Philosophy. 2011. Vol. 98. P. 411-444.
6. Wiggins, 2012 – *Wiggins D*. Practical Knowledge: Knowing How To and Knowing That // Mind. 2012. Vol. 121 (481). P. 97-130.

DOI: 10.24411/9999-036A-2019-00126
УДК 179.7:575.616

ПСИХОФАРМАКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕЙРОХАКИНГА: МЕДИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Елена Валерьевна Введенская
Кандидат философских наук, доцент
Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова

Нейрохакинг является формой биохакинга и направлен на вмешательство в структуру или функцию нейронов для улучшения работы мозга. Основной целью нейрохакинга является достижение и сохранение оптимального психического здоровья. Психофармакологические средства активно используются для этой цели. Сегодня стало реальным расширять возможности человека до сознательного контроля над собственными мыслительными, эмоциональными и психическими процессами с помощью использования ноотропных психофармакологических препаратов. Ноотропик является нейрометаболическим стимулятором, который восстанавливает нарушенные функции памяти и ускоряет мыслительные процессы, повышает устойчивость мозга к стрессовым воздействиям. Однако, исследования ноотропиков находятся в начальной стадии и механизм их действия в целом неизвестен, как неизвестен и эффект от их долговременного приема. В статье рассматриваются медико-философские проблемы, возникшие в связи с бесконтрольным потреблением здоровыми людьми психофармакологических препаратов с целью нейрохакинга.

Ключевые слова: нейрохакинг, «фармацевтический разум», «косметическая психофор-

макология», амфетамин, ноотропик, медикализация социальных проблем, «бот настроения», постчеловек.

PSYCHOPHARMACOLOGICAL ASPECT OF NEUROHACKING: MEDICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Elena Valerievna Vvedenskaya
PhD in Philosophy, Associate Professor
Russian National Research Medical University

Neurohacking is a form of biohacking and aims to interfere with the structure or function of neurons to improve brain function. The main goal of neurohacking is to achieve and maintain optimal mental health. Psychopharmacological drugs are actively used for this purpose. Today it has become possible to expand the capabilities of a person so that he can consciously control his mental, emotional and mental processes with the help of nootropic psychopharmacological drugs. Nootropic is a neurometabolic stimulator that restores impaired memory functions and speeds up thought processes, increases the brain's resistance to stress. However, studies of nootropics are in the initial stage and the mechanism of their action is generally unknown, as is the effect of their long-term administration. The article deals with medical and philosophical problems that have arisen in connection with the uncontrolled consumption by healthy people of psychopharmacological drugs for the purpose of neurohacking.

Keywords: neurohacking, “pharmaceutical intelligence”, “cosmetic psycho-formacology”, amphetamine, nootropic, medicalization of social problems, «mood bot», postman.

Нейрохакинг – это одна из форм биохакинга, направленная на вмешательство в структуру или функцию нейронов для восстановления или улучшения работы мозга и ЦНС. Основной целью нейрохакинга является достижение и сохранение оптимального психического здоровья с помощью влияния на эмоциональную сферу, мышление, восприятие и реакции человека. Так же нейрохакинг может быть направлен на предотвращение психических заболеваний и увеличение когнитивных способностей. Нейрохакинг, базирующийся на методах эпигенетики и нейробиологии, активно использует средства психофармакологии, рекомендации по питанию, определенный комплекс физических упражнений, а также медитацию и самогипноз.

Нейрохакинг востребован в обществе потребления, в котором основными доминантами являются социальный успех и конкурентное преимущество. «Сегодня здоровье является не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за «статус» [Бодрийяр, 2006, с.180]. Данная ценностная установка позволяет также объяснить стремление человека справится с заданием лучше и быстрее других, пусть для этого понадобиться использовать химические нейростимуляторы. «Прием нейрофармакологического препарата указывает на нужду в искусственном увеличении своего потенциала для демонстрации соответствующей готовности и пригодности» [Макарова, Тараканова, 2016, с.968]. Средства нейрофармакологии и, шире, психофармакологии позволяют людям быстрее овладеть необходимыми для достижения социализации навыками и умениями. Появился термин «фармацевтический разум» [Lakoff, 2005], человеческий организм стал пониматься как сложная машина, в которой могут возникать отдельные неполадки, в том числе на нейропсихологическом уровне, которые исправляются посредством соответствующего фармацевтического препарата [Wróblewski, 2015, p. 97].

Использование психофармкологии для целей нейрохакинга порождает ряд медико-философских проблем. Так, сегодня стало реальным расширять возможности человека до сознательного контроля над собственными мыслительными, эмоциональными и психическими процессами с помощью использования ноотропных психофармакологических препаратов. Термин «ноотропик» означает «действующий на разум». Ноотропик является нейрометаболическим стимулятором, который восстанавливает нарушенные функции памяти и ускоряет мыслительные процессы, повышает устойчивость мозга к стрессовым воздействиям.

Первоначально ноотропики разрабатывались для лечения нейродегенеративных заболеваний, нарушений мозгового кровообращения, а так же синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей. Препараты, улучшающие работу мозга, появились в первой половине прошлого века. В 1929 году химик Гордон Аллес синтезировал амфетамин. Во время Второй мировой войны его принимали солдаты в качестве средства, поддерживающего боевой дух. В 40-х годах проводились исследования, чтобы оценить реальную эффективность таких препаратов. Британские и американские психологи установили, что, хотя те, кто принимает препараты, высоко оценивают их эффективность, на самом деле это не так. При выполнении сложных заданий показатели тех людей, кто предварительно принял препарат, существенно падали. Препараты амфетаминового ряда провоцируют появление чувства эйфории, из-за которого у человека возникает ложная уверенность в своих силах. «Когда делаешь что-то простое, это, может, и неплохо. Но когда, допустим, сдаешь экзамен по римскому праву или ведешь воздушный бой, такой самообман может оказаться роковым», — говорит Николай Расмуссен, исследователь из Университета Нового Южного Уэльса в Сиднее [Stix, 2009, p. 52].

Первым ноотропиком, представляющим новую группу психотропных препаратов, является пираце-

там (1972), усиливающий когнитивные функции, память и концентрацию. В фармацевтической индустрии создание пирацетама привело к активным разработкам новых ноотропиков (фенотропил, модафинил, риталин, золофт, прозак, паксил и др). Важно отметить, что современные ноотропики не могут дать человеку то, чем он не обладает, позволяя действовать лишь в верхней части его потенциального диапазона.

Глубоких и всесторонних исследований ноотропиков не проводилось и поэтому механизм их действия в целом неизвестен. Одно из очень серьезных соображений, которые нужно принять во внимание при их использовании, - это то, что почти ничего неизвестно об отсроченных эффектах таких лекарственных средств при длительном применении.

Разумеется, не вызывает возражений тот факт, что людям, страдающим тяжелыми психическими и психологическими расстройствами, необходим прием ноотропиков и антидепрессантов. Однако, в современном западном обществе данные препараты принимает высокий процент здоровых людей. К. Либ, директор психиатрической клиники медицинского университета Майнца, говорит о зыбкой границе между необходимой терапией и «косметической» психофармакологией, что ставит множество вопросов медико-философского характера. Должна ли медицина улучшать когнитивные способности здоровых людей, конструировать или подавлять их эмоции? Нужна ли людям такая допинговая система и не превратятся ли они в рабов психофармакологии?

Многие ученые предупреждают об опасности бесконтрольного употребления ноотропиков. При бесконтрольном применении, они могут вызвать привыкание и ухудшение умственных способностей. Сложная химическая система сигналов, ферментов, белков, которые ответственны за формирование нашего сознания, памяти, восприятия и эмоций —работает на основе саморегуляции, пока этот тонкий баланс не нарушается, в результате чего и возникает то или иное заболевание или психическое расстройство. Применение различных нейростимуляторов (ноотропиков и антидепрессантов) может нарушить систему саморегуляции и привести к непредсказуемым последствиям. Как отмечает К. Либ, препараты, стимулирующее дофаминовые рецепторы, даже при краткосрочном приеме могут вызывать агрессивность. При длительном же приеме таких препаратов человек теряет способность контролировать агрессивные импульсы, у него может возникнуть мания и психозы, что делает его социально опасным. Таким образом, очевиден риск того, что человек может стать не просто «энергетической машиной», но ещё и «непредсказуемой энергетической машиной» [Lieb, 2010].

Известно, что в 90-е годы, когда в США врачи стали повсеместно назначать такой ноотропик и антидепрессант как прозак (селективный ингибитор обратного захвата серотонина), по стране прокатилась череда убийств и самоубийств подростков и молодежи. К 1993 году за этим лекарственным средством, числилось 26623 случая нежелательных побочных эффектов, 1885 самоубийств.

Несмотря на широкие показания к применению прозака, в последнее время все больше ученых полагают, что на самом деле неизвестно, как этот препарат воздействует на мозг. Прозак вызывает множество побочных эффектов, таких как мышечные спазмы, тремор, перевозбуждение, агрессия, сердечно-сосудистые осложнения, подергивания языка и лицевых мышц, а также моторные непроизвольные движения туловища и конечностей, галлюцинации. Также выяснилось, что прозак и его аналоги вызывают сильную лекарственную зависимость. Больше половины людей, решившись прекратить прием таблеток, испытывали состояние, подобное «наркотической ломке».

Серьезную обеспокоенность вызывает то, что прозак стал не просто лекарством для нервной системы, а чем-то вроде «косметики для сознания», назначение которого не в том, чтобы лечить, а в том, чтобы улучшать, приводить в порядок или даже приукрашивать восприятие реальности. Лекарственная терапия стала восприниматься не как средство лечения, а как средство улучшения существования [Wróblewski, 2015, p. 98]. С помощью прозака человеку стало доступно повышение самооценки и ощущение собственной значимости без необходимых со своей стороны усилий. Психофармакология сегодня предлагает средства не только для улучшения когнитивных функций, но и для продуцирования эмоций счастья и радости. «С одной стороны, эти эмоции стали восприниматься как что-то не зависящее от испытывающего их человека, а с другой — появилась возможность влиять на эмоции с помощью внешнего медиатора, управлять своим эмоциональным состоянием извне» [Бардина, 2017, с. 53].

Таким образом, применение ноотропных препаратов вышло за пределы терапии и свидетельствует о медикализации социальных проблем. «В попытках современного человека перейти от духовного и субъективного контроля над эмоционально-волевой и когнитивной составляющей личности к коррекции этих сфер сознания с помощью медикаментов можно увидеть первые симптомы антропологической деформации, связанной с перспективой перехода к постчеловечеству: механизацию и киборгизацию человеческой природы» [Макарова, Тараканова, 2016, с.968].

Дальнейшей ступенью развития психоформакологии явится ее сближение с робототехникой и нанотехнологиями. Футурист Джеймс И. Хьюз предсказывает появление «ботов настроения», которые будут перемещаться непосредственно в определенные области мозга, влиять на гены и регулировать заданное значение счастья, раскрашивая наше мировосприятие. «По мере того как нанотехнологии будут становится все более продуманными, мы сможем влиять все более точными методами на настроение обычных людей» (Piore, 2015). Следовательно, «косметические средства» для мозга уйдут в небытие и будет произведен настоящий взлом человеческой природы, постчеловек не будет уже использовать различные технологии для расширения своего сознания и моделирования эмоций, а он сам станет технологией с заданными парамет-

рами и свойствами, утратив свою природную сущность.

Литература

1. Бардина, 2017 – *Бардина С.М.* Психофармакологическое конструирование эмоций: Prozak против дуализма сознания и тела // Социология власти. 2017. Том 29. № 3. С 41-58.
2. Бодрийяр, 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. Е.А. Самарской. - М: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
3. Макарова, 2016. – *Макарова Д.А., Тараканова А.В.* Ноотропные препараты как средство достижения социального успеха: к проблеме постчеловечества // Бюллетень медицинских Интернет-конференций, 2016. Том 6. № 5. С. 967-969.
4. Wróblewski, 2015. - *Wróblewski M.* The DSM as a Moving Laboratory: The Role of the Diagnostic Manual in the Stabilizing and Objectivization of Pharmaceutical Reason. Polish Sociological Review, 189 (1). P. 85–106.
5. Lakoff, 2005. - *Lakoff A.* Pharmaceutical Reason: Knowledge and Value in Global Psychiatry. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
6. Lieb, 2010 – *Lieb K.* „Hirndoping“. Warum wir nicht alles schlucken sollten. Artemis&WinklerVerlag. 2010. S. 132-156
7. Piore, 2015 – *Piore A.* What Technology can`t change about happiness: [Weblog], 2015. URL: nautil.us/issue/28/2050/what-technology-cant-change-about-happiness
8. Stix, 2009 – *Stix G.* Turbocharging the brain // Scientific American. 2009. Vol. 301. P. 46-56.

Революция и эволюция:
модели развития в науке, культуре, обществе

Сборник трудов II Всероссийской научной конференции

Под научной редакцией И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 25.11.2019.
Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 42,8.
Объем данных – 2,1 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Красная ласточка»
Г. Нижний Новгород, 2-й Кемеровский пер., 2/14-20

ISBN 978-5-9908655-3-2